Э. И. Квирин

Промышленность, как ведущее начало пятилетки

Центральная установка плана развития народного хозяйства — индустриализация страны.

Эта установка непосредственно связана с проблемой расширенного воспроизводства средств производства.

Как ударная задача хозяйственной политики—индустриализация страны, т.-е. усиленное производство средств производства, поставлена XIV партийным с'ездом после того, как были решены основные задачи восстановительного периода и начался период расширенного воспроизводства на базе реконструкции старой техники и старых методов производства.

Теоретически законы расширенного воспроизводства для капиталистического общества установлены Марксом.

В. И. Ленин в „Развитии капитализма в России", рассматривая теорию реализации Маркса, делает из нее следующий вывод:

„Главный вывод из теории реализации Маркса следующий: рост капиталистического воспроизводства, а следовательно и внутреннего рынка идет не столько за счет предметов потребления, сколько за счет средств производства. Иначе: рост средств производства обгоняет рост предметов потребления. В самом деле, мы видели, что постоянный капитал в предметах потребления должен возрастать быстрее, чем переменный капитал и сверхстоимость в предметах потребления, а постоянный капитал в средствах производства должен возрастать всего быстрее, обгоняя и рост переменного капитала (сверхстоимость) в средствах производства, и рост постоянного капитала в предметах потребления. То подразделение общественного производства, которое изготовляет средства производства, должно, следовательно, расти быстрее, чем то, которое изготовляет предметы потребления".

Это положение остается верным и для нашей системы хозяйства, поскольку мы хотим вести его путями индустриального развития. Необходимость усиления производства средств производства диктуется также и враждебным капиталистическим окружением.

В этих условиях особенно остро стоит задача обеспечить экономическую самостоятельность нашей страны, что достигается, прежде всего, расширением производства средств производства.

Устанавливая курс на индустриализацию страны, XIV с'езд партии подчеркнул задачу „превратить СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, в страну, производящую машины и оборудование" (резолюция XIV с'езда партии).

XV с'езд партии поручил Центральному комитету „продолжать неослабным темпом политику социалистической индустриализации, уже принесшую свои первые положительные результаты. Всемерно укрепляя индустриальную мощь СССР, партия должна продолжать развертывать, используя наличные финансово-экономические средства, производство средств производства".

Но именно к этому и ведет расширенное воспроизводство, при котором „то подразделение общественного производства, которое изготовляет средства производства, должно следовательно, расти быстрее, чем то, которое изготовляет предметы потребления" (Ленин).

При этом нужно помнить, что в наших условиях расширенное воспроизводство происходит при неуклонном и быстром росте социалистического сектора хозяйства и тем самым индустриализация страны является социалистической индустриализацией.

Мы поставили себе задачу рассмотреть пятилетний план народного хозяйства с точки зрения процессов расширенного воспроизводства, ограничиваясь при этом анализом развития промышленности, так как именно развитие промышленности имеет решающее значение для расширенного воспроизводства всего народного хозяйства. Сельское хозяйство вырабатывает, главным образом, предметы потребления и лишь в меньшей доле средства производства (сельскохозяйственное сырье для промышленности). Мимоходом мы отмечаем, что в сельском хозяйстве сырьевые культуры из года в год увеличивают свой удельный вес, тем самым содействуя росту расширенного воспроизводства промышленности.

Рассмотрение роста нашей промышленности, начиная с первых лет нэпа, представляет большой интерес, так как мы можем во всей конкретности наблюдать здесь, если оставить в стороне процесс расширения использования старого основного капитала, переход от простого воспроизводства к расширенному.

Чтобы проследить простое и расширенное воспроизводство, мы сопоставляем размер капитальных затрат с размером амортизационных отчислений. Теоретически амортизационные суммы должны обеспечить процесс простого воспроизводства. Все вложения сверх амортизационных сумм обеспечивают расширенное воспроизводство. В какой мере это теоретическое положение совпадает с действительностью, зависит от того, в какой мере жизненны нормы амортизационных отчислений. Если эти нормы высоки, то они частично обеспечивают и расширенное воспроизводство, и наоборот — слишком низкие нормы не обеспечивают и простое воспроизводство.

О размере существующих норм амортизационных отчислений между ВСНХ и НКФ существовали споры, но для наших выводов это несущественно и мы можем условно принять, что суммы амортизационных отчислений соответствуют простому воспроизводству.

Сопоставляя капитальные вложения в промышленность и размер амортизационных отчислений, мы получаем следующую таблицу для периода 1922/23—1927/28 гг.

Годы	Капит. затраты (В млн. руб.)	Аморт. отчисления (В млн. руб.)	Превышение (+) или уменьшение (—) капит. затрат над аморт. отчисл. (В млн. руб.)	(В %%)
1922/23	120	145	— 25	— 20,9
1923/24	209	170	+ 39	+ 18,7
1924/25	385	277	+ 108	+ 28,0
1925/26	811	360	+ 451	+ 55,6
1926/27	1.090	398	+ 792	+ 63,5
1927/28	1.335	440	+ 995	+ 67,0

Из этой таблицы следует, что в 1922/23 г. не покрывалось в достаточной мере даже простое воспроизводство.[1] В то время еще происходило частичное проедание основного капитала. В 1924—1925 гг. произошел перелом, однако, еще весьма незначительный и если, например, сложить вместе первые 3 года рассматриваемого периода, то получим на 714 млн. руб. капитальных вложений 593 млн. руб. амортизационных отчислений.

Если учесть, что в предыдущие годы —1920—1921— происходило изнашивание действовавших промышленных фондов, то станет ясно, что превышение капитальных вложений над амортизационными отчислениями в 1924/25—1925/26 гг. в значительной своей части шло на покрытие этих прорывов и лишь в меньшей части на расширенное воспроизводство. С каждым дальнейшим годом расширенное воспроизводство уже значительно растет. Именно к этому периоду, т.-е. в 1925 г., и был дан партией лозунг индустриализации страны. Этот лозунг с железной необходимостью был выдвинут потребностями растущего хозяйства, вступившего в процесс расширенного воспроизводства, протекавшего уже не столько за счет вовлечения средств производства, оставшихся от дореволюционного периода, сколько за счет дополнительных капитальных вложений и нового строительства в промышленности. Из приведенной выше таблицы видно, как процесс этот нарастал из года в год.

Одним из важнейших вопросов перспективного планирования является вопрос о темпах роста промышленной продукции, о темпах роста социалистической индустриализации. Это центральный

[1] Мы говорим здесь о воспроизводстве действующего основного капитала. Но помимо того, не следует, разумеется, забывать, что в восстановительный период расширенное воспроизводство осуществлялось также в огромной степени и за счет введения в производственный процесс бездействовавших старых средств производства, до целых промышленных предприятий включительно.

пункт хозяйственной линии партии. Во всех предыдущих пятилетних планах эта проблема решалась недостаточно удовлетворительно, так как намечалась потухающая кривая роста темпов промышленной продукции.

Как мы это дальше покажем, такая проектировка являлась результатом того, что капитальными затратами в этих вариантах не был обеспечен достаточно высокий темп расширенного воспроизводства.

Вопрос о темпах индустриализации является одновременно вопросом о темпах расширенного воспроизводства. Ускорение темпов индустриализации находит свое выражение в ускорении темпов расширенного воспроизводства.

Последний оптимальный вариант пятилетки Госплана обеспечивает такой ускоренный рост расширенного воспроизводства, благодаря которому вместо падающих темпов роста продукции мы получаем возрастающие, при этом обеспечен более быстрый рост тяжелой промышленности.

Чтобы показать, чем отличается последний вариант пятилетки от предыдущих, возьмем сопоставление темпов роста валовой продукции промышленности, подчиненной ВСНХ, по оптимальному варианту Госплана и по пятилетке ВСНХ 1927 г.

Темпы роста промышленной продукции
(В %% к предыдущему году по ценам 1926/27 г.)

	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	1932/33 г. в %% к 1927/28 г.
I. Оптим. вариант Госплана (1929 г.)						
Группа А	125,0	126,0	127,0	128,0	128,0	264,0
„ Б	119,0	118,0	119,0	120,0	122,0	206,0
Вся промышл. (А+Б)	122,0	121,0	122,0	124,0	125,0	230,0
II. Вариант ВСНХ (1927 г.)						
Группа А	118,5	119,2	118,3	115,7	116,2	224,0
„ Б	117,5	114,4	117,0	112,4	110,2	195,0
Вся промышл. (А+Б)	118,1	116,6	117,6	113,8	112,8	208,0

Как видно из этих данных, оба варианта пятилетки ставят задачу индустриализации страны.

По обоим вариантам продукция группы А растет быстрее группы Б. Разница между ними лишь в темпах роста.

При этом по пятилетке 1927 г. темпы роста из года в год снижаются, тогда как по последнему оптимальному варианту они повышаются.

Это как раз и является результатом весьма резкого роста вложений на расширение воспроизводства, конечно, при соответствующем росте качественных показателей работы промышленности.

Анализ капитальных вложений по приведенным вариантам вскроет нам причину указанного расхождения темпов роста продукции. Возьмем сравнительную таблицу капитальных затрат по обоим вариантам с подразделением их на вложения амортизационные и идущие на расширенное воспроизводство.

Годы	В каких единицах	Оптим. вариант Госплана (1929 г.)			Вариант ВСНХ (1927 г.)		
		Общая сумма капит. затрат	В том числе:		Общая сумма капит. затрат	В том числе:	
			Аморт. суммы	Капит. затраты сверх аморт. сумм		Аморт. суммы	Капит. затраты сверх аморт. сумм
1928/29	Млн. руб.	1.659	500	1.159	1.401	522	879
	В %%	100,0	30,0	70,0	100,0	37,5	62,5
1929/30	Млн. руб.	2.331	580	1.751	1.488	585	903
	В %%	100,0	25,0	75,0	100,0	39,3	60,7
1930/31	Млн. руб.	2.879	660	2.219	1.501	650	851
	В %%	100,0	23,0	77,0	100,0	43,5	56,5
1931/32	Млн. руб.	3.165	770	2.395	1.506	710	796
	В %%	100,0	24,0	76,0	100,0	47,0	53,0
1932/33	Млн. руб.	3.464	890	2.574	—	—	—
	В %%	100,0	26,0	74,0	—	—	—

Для 1927 г. пятилетка ВСНХ была максимальной. Однако, и она исходила из того, что начиная с 1930/31 г. размер вложений, идущих на расширенное воспроизводство, сокращается.

Как видно из приведенных таблиц, по пятилетке 1927 г. удельный вес сумм, идущих на расширенное воспроизводство, из года в год падает, составляя в 1931/32 г. всего 53%, в то время как в последнем проекте Госплана удельный вес капитальных затрат сверх амортизационных сумм для 1931/32 г. держится на уровне 75%, а в абсолютном выражении — суммы, идущие на расширение воспроизводства, более чем в три раза превышают вариант 1927 г.

По пятилетке 1927 г. в 1931/32 г. вся сумма капитальных вложений составляла 1,5 мрд. руб. и из них на расширенное воспроизводство шло 796 млн. руб., а по последней пятилетке Госплана в том же году из 3,2 мрд. руб. вложений на расширенное воспроизводство идет 2,4 мрд. руб. Таким образом, при увеличении всех вложений в 2 раза вложения на расширенное воспроизводство увеличиваются в 3 раза. Такое увеличение капитальных вложений и позволило в последнем варианте Госплана исправить затухающую кривую роста продукции и вместо затухающей запроектировать возрастающую.

Представляет также значительный интерес сопоставление приведенных нами таблиц с распределением капитальных затрат между тяжелой и легкой промышленностью.

Преобладание в капитальных затратах вложений в тяжелую промышленность является одним из показателей правильного на-

правления капитальных затрат с точки зрения индустриализации страны. На протяжении последних лет это соотношение установилось, примерно, в 70% для группы А и 30% для группы Б с небольшими отклонениями по годам.

Однако, это соотношение само по себе еще не решает вопрос о темпах индустриализации, о темпах расширенного воспроизводства. Достаточно указать, что, например, в 1923/24 г., когда капитальные затраты лишь на 30 млн. руб. превышали амортизационные отчисления, вложения в группу А составляли 74%, а в группу Б—26%.

Следуя этому показателю, мы должны были бы сказать, что, например, в 1925/26 г., когда соотношения эти были 65% и 35%, расширенное воспроизводство было меньше обеспечено, чем в 1923/24 г.

На самом деле было, разумеется, наоборот, так как в 1925/26 г. вложения по линии расширенного воспроизводства составляли 450 млн. руб. против 39 млн. руб. в 1923/24 г. Поскольку же расширенное воспроизводство становится в капитальных затратах превалирующим, соотношение вложений по группе А и Б является также показателем расширенного воспроизводства. Приводим для сравнения распределение капитальных затрат между тяжелой и легкой промышленностью, подведомственной ВСНХ по пятилетке 1927 г. и оптимальному варианту последней пятилетки Госплана.

Удельный вес капитальных вложений в тяжелую (гр. А) и легкую (гр. Б) промышленность (в %%)

Годы	Вариант ВСНХ (1927 г.)		Оптим. вариант Госплана (1929 г.)	
	Группа А	Группа Б	Группа А	Группа Б
1927/28	69,4	30,6	71,3	28,7
1928/29	68,4	31,6	78,0	22,0
1929/30	65,5	34,5	79,3	20,7
1930/31	65,0	35,0	79,6	20,4
1931/32	65,0	35,0	77,8	22,2
1932/33	—	—	78,5	21,5

Расхождение групп в обоих вариантах, особенно в последние годы, довольно значительно, но все же эти ряды ближе между собой, чем соотношение затрат на амортизацию и расширенное воспроизводство по тем же вариантам.

Таким образом, сопоставление удельного веса капитальных затрат по группам А и Б для определения правильности плана с точки зрения возможно быстрых темпов индустриализации является недостаточным. Важно не только соотношение вложений между тяжелой и легкой промышленностью, важен общий размер этих вложений по отношению к наличным основным фондам. Важно, в какой мере общая сумма капитальных вложений обеспечивает только амортизацию (т.-е. простое воспроизводство) и в какой мере она обеспечивает воспроизводство расширенное. Такую проверку и дает приведенный нами анализ. Подводя итоги, мы получаем следующий общий вывод.

Чем больше удельный вес амортизационных сумм в общей сумме капитальных вложений, тем менее обеспечено расширенное воспроизводство, и темпы прироста продукции в последующие годы падают.

Наоборот, чем выше удельный вес сумм, идущих сверх амортизации на расширенное воспроизводство, тем более обеспечено нарастание темпов прироста продукции.

К этому нужно прибавить, что чем быстрее растут основные фонды, тем больше амортизационные отчисления и, следовательно, сохраняя те же соотношения удельных весов при росте амортизационных отчислений, общая сумма капитальных вложений должна возрасти еще более.

Указанная закономерность темпов роста продукции относится лишь к периоду расширенного воспроизводства за счет новых капитальных вложений, который у нас совпадает с периодом реконструкции. В восстановительный период темпы прироста продукции определялись в значительной мере ремонтом и пуском в ход консервированных предприятий.

Мы провели анализ расширенного воспроизводства по промышленности ВСНХ. Поскольку промышленность, подведомственная ВСНХ, вырабатывает в предстоящее пятилетие около 70% всей промышленной продукции страны, она имеет решающее значение. Местная и кустарная промышленность, по преимуществу, производит средства потребления, почему прибавление ее продукции к продукции промышленности, подчиненной ВСНХ, вносит некоторую поправку к вышеизложенному. Эта поправка сводится к общему снижению темпов роста, но при этом и по мелкой промышленности продукция по гр. А растет за 5 лет быстрее, чем по гр. Б (200% и 144% в ценах 1926/28 г.). В итоге валовая продукция всей промышленности в неизменных ценах (1926/27 г.) дает из года в год такое повышение темпа роста.

Вот соответствующие цифры:

Валовая продукция всей промышленности в %% к предыдущему году

1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
115,6	118,2	118,5	120,0	121,4

Таким образом, в оптимальном варианте настоящей пятилетки по всей промышленности выдержаны повышающиеся темпы роста валовой продукции из года в год.

При анализе капитального строительства на 1928/29 г. мы поставили вопрос об оптимальном соотношении удельного веса затрат на амортизацию и на расширенное воспроизводство. Отметив, что, начиная с 1923/24 г. удельный вес расширенного воспроизводства из года в год повышался, и с 18% в 1923/24 г. дошел до 70% в 1928/29 г., мы установили следующее:

„Указанные изменения внутренней структуры капитального строительства промышленности имеют громадное принципиальное

значение. Только рост расширенного воспроизводства может обеспечить высокие темпы индустриализации страны.

Мы не можем сейчас сказать, когда мы подойдем к оптимальному соотношению удельного веса вложений на амортизацию и на расширенное воспроизводство. Простое сохранение уже достигнутых соотношений при естественном росте амортизации (сохраняя принятые нормы отчисления) обеспечивает очень значительный рост капитальных вложений (например, для 1929/30 г. размер капитального строительства свыше 1.900 млн. руб.). Всякий же, хотя бы и незначительный рост удельного веса расширенного воспроизводства обозначает еще больший рост темпа капитального строительства.

До сих пор мы идем по восходящей линии. Необходимо ее продолжить, чтобы затем закрепиться на оптимальном соотношении".[1]

В оптимальном варианте Госплана из всех капитальных вложений на расширенное воспроизводство идет, начиная с 1929/30 г. в среднем 75% на все последующие четыре года пятилетия.

Такое повышение нужно признать благоприятным и на данный период близким к оптимальному.

Указанные темпы роста как по капитальным вложениям на расширенное воспроизводство, так и по валовой продукции промышленности, можно было получить лишь при условии очень резкого повышения качественных показателей работы государственной промышленности.

Сюда относится: максимальная эффективность капитального строительства при большом снижении стоимости строительных работ (на 50%); улучшение производственных процессов на базе рационализации и реконструкции, при значительном укреплении и обновлении энергетической базы; повышение производительности труда, соответствующее повышенному техническому уровню производства (110% по оптимальному варианту); полное оздоровление производственной атмосферы, т.-е. создание настоящей пролетарской дисциплины, уплотнение рабочего дня при его сокращении до 7 часов в день; повышение заработной платы для обеспечения намеченного повышения производительности труда (номинально на 47%; реально, благодаря снижению бюджетного индекса на 14%, на 71%); значительное снижение расходов сырья и топлива (30% на единицу продукции), в результате рационализации и реконструкции.

Наконец, как результат всех указанных изменений в организации производства снижение себестоимости на 35%.

Мы отдаем себе полный отчет в крайней трудности проведения предлагаемых качественных показателей плана. Уже в контрольных цифрах на 1928/29 г. правительство по докладу Госплана приняло высокие и весьма напряженные качественные показатели. Первая

[1] „Основные проблемы контрольных цифр народного хозяйства на 1928/29 г.", изд. „План. Хоз.," 1929 г., стр. 130.

половина года показала, что в особенности по снижению себестоимости план выполнен пока лишь на 50%. Это не значит, однако, что 7% снижения себестоимости не будет достигнуто. Массовая кампания по снижению себестоимости была начата лишь в начале 1929 г. Много времени уже было упущено. С другой стороны, в текущем году имеется ряд кон'юнктурных трудностей, которые необходимо к будущему году преодолеть. На протяжении же пятилетия при условии, что по оптимальному варианту основные фонды промышленности обновляются в 2,5 раза, мы должны добиться выполнения намеченных высоких показателей плана.

Снижение себестоимости на 35% и понижение отпускных цен только на 24% позволило на протяжении пятилетия значительно поднять норму прибыли. Снижение оптовых отпускных цен планируемой промышленности запроектировано по группе А на 30%, по группе Б — на 19%.

Мы форсируем снижение цен на средства производства и тем самым обеспечиваем дальнейшую возможность снижения себестоимости во всех отраслях.

Этот маневр очень значительно увеличивает накопление промышленности и обеспечивает реальность намеченного плана великого социалистического строительства, по которому капитальное строительство государственной промышленности ВСНХ по оптимальному варианту составляет за 5 лет 13,5 мрд. руб. (по ценам каждого года) при сравнительно незначительном сальдо расчетов государственного бюджета в 1,1 мрд. руб. в пользу государственной промышленности.

Чистая прибыль государственной промышленности за 5 лет составит 12 мрд. руб., а амортизационные отчисления 3,4 мрд. руб. Таким образом, чистая прибыль и амортизационные отчисления составляют вместе 15,4 мрд. руб. и превышают капитальные затраты (13,5 мрд.) на 1,9 мрд. руб., которые и идут на пополнение оборотных средств госпромышленности.

Следовательно, на протяжении ближайших 5 лет мы при условии выполнения указанных качественных показателей подводим под государственную промышленность крепкую финансовую базу и тем самым обеспечивается выполнение центральной установки плана — усиленная индустриализация страны.

Всем вышесказанным определяется ведущее значение социалистической промышленности в деле социалистической реконструкции всего народного хозяйства. Индустриализация страны обозначает усиление производства средств производства не только для промышленности, но и для всех отраслей народного хозяйства. Особо решающее значение это имеет для сельского хозяйства, под'ем которого недопустимо отстал от роста промышленности. Пятилетний план развития сельского хозяйства предусматривает 22% расширение посевных площадей и 35% рост урожайности. Без коренной социалистической реконструкции сельского хозяйства с переходом

в широком масштабе к крупному машинному производству с применением огромных количеств минеральных удобрений — поставленные задачи не могут быть выполнены. На промышленности лежит задача дать сельскому хозяйству в 1932/33 г. сельсхозяйственных машин на 610 млн. руб. против 150 млн. руб. в 1927/28 г. и минеральных удобрений (8,6 млн. тонн) на сумму в 350 млн. руб. против 9,4 млн. руб. в 1927/28 г.

Только один строящийся Сталинградский тракторный завод должен обеспечить постоянную обработку 30 млн. *га*, а мы с будущего года начинаем строительство второго тракторного завода такой же мощности. Минеральными удобрениями к концу пятилетия должна быть удобрена вся площадь под основными техническими культурами и 7—8 млн. *га* зерновых посевов, что имеет огромное значение для под'ема урожайности, а следовательно, для превращения хозяйства в могучую продовольственную и сырьевую базу гигантски растущей индустрии.

Программа развития транспорта основана, главным образом, на технической реконструкции существующих дорог для увеличения их пропускной способности и строительстве новых железных дорог протяжением в 17 тыс. *км* по оптимальному варианту. Техническая реконструкция построена, главным образом, на блокировке, автотормозах, более мощном типе паровозов и пути, а также подготовке перехода к автосцепке. Все это вместе с новым железнодорожным строительством пред'являет к промышленности и, главным образом, к металлопромышленности огромные требования. Так, общая сумма поставок промышленности железнодорожному транспорту в 1932/33 г. составит 1.027 млн. руб. вместо 463 млн. руб. в 1928/29 г.

Одновременно весьма сильно растут затраты на морское и речное судостроение (с 55 млн. руб. до 145 млн. руб.), а также затраты и по другим видам транспорта. Особо нужно отметить огромный рост автомобильного транспорта. С текущего года начинается постройка завода-гиганта для выпуска к концу пятилетия 100 тыс. автомобилей в год. Это совершенно изменит наш городской транспорт и автомобиль постепенно начнет занимать то место, которое он занимает в капиталистических странах.

Сказанное достаточно подтверждает ведущую роль крупной промышленности в отношении важнейших отраслей народного хозяйства. Только быстрый рост крупной социалистической промышленности обеспечивает быстрый рост всего народного хозяйства в целом и, вместе с тем, рост социализма.

Л. Гатовский

О динамике цен в связи с социальными отношениями в условиях СССР

В условиях товарно-капиталистического общества в динамике цен отражаются, как в фокусе, взаимоотношения отраслей народного хозяйства, выявляется степень осуществления их взаимных требований. Соотношение цен определяет стимулы и направление развертывания той или иной отрасли.

В основе колебаний цен лежит (речь идет о товарном хозяйстве) закон ценности в своих различных формах, зависящих от того, имеют ли место отношения простого товарного хозяйства, промышленного или, наконец, финансового капитализма. Через посредство механизма колебания цен на основе закона стоимости и осуществляется пропорциональное (обеспечивающее относительное динамическое равновесие) распределение средств производства, средств потребления и рабочей силы. Одновременно через посредство динамики цен в основном происходит и стихийное распределение дохода между классами и внутри классов.

Цены на рабочую силу, на предметы широкого потребления, соотношение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, соотношение отпускных и розничных цен, цены на изделия тяжелой и легкой индустрии,—все это представляет собой сложную систему механизма, при помощи которого протекает стихийное распределение дохода и происходит накопление в различных группах населения.

Сохраняется ли этот стихийный механизм в условиях советской экономики? Иными словами, сохраняется ли цена, как категория стихийного товарного хозяйства, сохраняется ли закон ценности, как стихийный регулятор хозяйственной системы?

Ответить на этот вопрос утвердительно — значит признать, что развитие советского хозяйства идет по линии равнодействующей, стихийно складывающейся в результате взаимодействия автономных индивидуальных хозяйств.

Естественно, что народнохозяйственный план, не сводящийся лишь к регистрации и предвидению этих взаимодействий, а охватывающий в основном все народнохозяйственные процессы и являющийся ведущим началом, гегемоном в экономике, видоизменяющий и устанавливающий пропорции отраслей, несовместим с господством подобного стихийного механизма.

Единым регулятором хозяйственной системы может быть либо народнохозяйственный план, либо закон ценности. При этом народнохозяйственный план понимается не как особая форма проявления стихии. Задача этого плана отнюдь не сводится, как утверждают некоторые экономисты, в основном лишь к устранению рыночных колебаний путем предвосхищения рыночных тенденций и той равнодействующей, которая сложилась бы в результате этих колебаний. Такой план и, в частности, такое планирование цен означало бы, что стихийный регулятор, по существу, сохранился.

Закон ценности, в сущности, продолжал бы господствовать, и в результате через посредство классовых взаимоотношений постепенно восстановилась бы та свобода рыночной стихии, которая требуется для товарно-капиталистического общества.

Задача народнохозяйственного плана, дающего огромные преимущества хозяйственной системе, заключается именно в установлении новых пропорций, которые отнюдь не установились бы при свободном разгуле рыночной стихии. Мы имеем в виду новые экономические и социально-экономические пропорции, обеспечивающие быстрый темп индустриализации и обобществления при сохранении союза рабочего класса с беднотой и середняком и повышении их жизненного уровня.

Гегемония стихийного регулятора, закона ценности и вытекающая из него система цен означала бы перерождение советской экономики в товарно-капиталистическую.

Гегемония народнохозяйственного плана и вытекающая из нее система цен означает перерастание советской экономики в социалистическую.

Трансформация цены в условиях советской экономики заключается в том, что система цен становится формой проявления нового регулятора, народнохозяйственного плана. Ниже мы остановимся на отличии этого народнохозяйственного плана переходной экономики от социалистического. Специфические условия переходного периода сообщают процессу ценообразования ряд элементов стихийности, не нарушающих, однако (речь идет об основных закономерностях) ведущей роли планового начала.

Специфичность условий советской экономики заключается не только в изменении природы процесса ценообразования, процесса установления системы цен (на этом мы остановимся несколько ниже), но и в том, что на ряду с системой цен, с формой проявления народнохозяйственного плана через посредство цен, действует все с возрастающей интенсивностью система непосредственного распределения ценностей. Бюджет, финансирование, кредитование, плановое снабжение, техническая помощь и руководство производственным процессом отдельных хозяйств приобретают все большее значение и оказывают все большее воздействие на темп развития отдельных отраслей. Наиболее резко это обстоятельство бросается в глаза

в пределах обобществленного сектора, в частности, промышленности. Разве динамика цен и накопление в той или иной отрасли промышленности, связанное с этой динамикой цен, соответствует темпу развертывания этой отрасли? Разве бюджетно-кредитный перераспределитель средств не вносит существеннейших поправок в соотношение темпов развертывания тяжелой и легкой промышленности (это является одним из важнейших условий преимущества советской системы)? Разве их темпы не были бы абсолютно иными, если бы они основывались лишь на собственном накоплении?

Направление кредитов определяется народнохозяйственным принципом и не связано с динамикой цен той или иной отрасли. Сплошь и рядом взаимоотношения между крупнейшими организациями обобществленного сектора, по существу, представляют собой систему планового снабжения.

Плановое распределение ресурсов, помимо и часто вне зависимости от системы цен, начинает все больше сказываться не только внутри обобществленного сектора, но и в отношении частного сектора.

В связи с интенсивной коллективизацией оборота и сел.-хоз. производства и развитием контрактаций, большое значение приобретают организационно-экономические мероприятия, связанные с снабжением средствами производства и известным руководящим направлением производственного процесса.

Особенно ярко проявилось это обстоятельство по линии некоторых технических культур, производство которых находится под значительным контролем социалистической промышленности. Так, в отношении хлопка и свеклы следует подчеркнуть, что выгодность их производства далеко не покрывается динамикой их цен. Организационно-экономические мероприятия, вопросы планового снабжения играют огромнейшую роль. Достаточно проанализировать динамику посевов, индексы цен на эти товары и совокупность организационно-экономических мероприятий, чтобы установить этот факт.

Далее для огромной массы крестьянства (в первую очередь, для бедноты) помимо вопросов цен, огромное значение приобретает организованная государственная и кооперативная помощь (кредит, снабжение).

Удельный вес и влияние этих организационно-экономических мероприятий на сельское хозяйство будет возрастать. Это обстоятельство, основанное на специфических условиях советской экономической системы, дает огромные преимущества нашему сельскому хозяйству и является одним из важнейших стимулов к его росту (на ряду с стимулированием посредством механизма цен).

Эти организационно-экономические мероприятия (включая систему мероприятий по непосредственному регулированию частного рынка) вносят существенную поправку к тому плановому распределению ресурсов, которое проходит через систему цен; здесь и для

невооруженного глаза ясна колоссальная разница между возможностями внесения этих поправок для капиталистического и для советского государства.

Это обстоятельство необходимо учесть, когда речь идет о тех коррективах, которые вносит стихия в распределение ресурсов, благодаря соответствующей динамике цен частного рынка. Стихийным коррективам нужно противопоставить плановые.

Каковы же принципиальные, качественные изменения в самой системе цен, в способе ее установления в условиях советской экономики?

Процесс обобществления в советской экономике социальная реконструкция привела к тому, что динамика цен уже в основном не корреспондирует с рыночной кон'юнктурой (не говоря уже о том, что самая кон'юнктура создается в значительной степени под влиянием народнохозяйственного плана).

При наличии закона ценности, как регулятора народного хозяйства, у нас в настоящее время сложилась бы система цен, коренным образом отличающаяся от существующей.

Известное представление об этом дает динамика цен частного рынка, чутко отражающая рыночную кон'юнктуру. Мы, несомненно, имели бы в этом случае колоссальный рост цен на предметы широкого потребления, особенно сельскохозяйственного происхождения, который во много раз превысил бы нынешний рост цен, являющийся относительно сдержанным (в среднем), благодаря тому что обобществленный сектор, включающий почти весь опыт и 80% розничного оборота, в основном все же удерживает позиции в области цен.

Этот рост цен привел бы к колоссальной стихийной перекачке средств от тяжелой индустрии, нанес бы жестокий удар индустриализации, резко снизил бы реальную зарплату, привел бы к резкой инфляции и обострению товарного голода, вынудил бы прибегнуть к непосильному ввозу иностранных товаров (как по линии тяжелой, так и легкой промышленности), словом, привел бы к общехозяйственному кризису, особенно резкому в области тяжелой индустрии, к прекращению ряда капитальных работ, росту безработицы, к резкому усилению зависимости от иностранного капитала.

Из этого примера видно, как динамика цен и природа цены, лежащая в основе этой динамики, теснейшим образом связаны со всем хозяйственным развитием, с его социально-классовым направлением.

Споры о природе нашего плана, о природе нашего регулятора, о природе цены не являются праздными, академическими спорами. Они теснейшим образом связаны с оценкой наших возможностей, оценкой наших перспектив, оценкой основ нашей экономической политики. Не даром критика взятого темпа индустриализации со стороны ряда экономистов, в частности, Кондратьева, переплеталась с соответствующей оценкой природы нашего плана, как плана могущего лишь улавливать рыночные тенденции. Если в основе нашей системы лежит стихийный регулятор, то естественно, что рыночное напряжение должно стихийным путем, через динамику цен, сорвать наши планы, в результате чего должно восстановиться стихийное рыночное равновесие на иных основах, с иными пропорциями. Недооценка ведущей, активной роли плана, естественно, приводит к соответствующей оценке перспектив нашего развития в условиях рыночного напряжения.

Действительность опровергает эти теории. Наша система цен не оказалась орудием стихии. Природа цены у нас уже иная.

Розничные цены обобществленного сектора и его заготовительные (смыкающие его с сельским хозяйством) цены имеют и сохраняют плановый характер.

Это тем более относится к отпускным ценам госпромышленности, к оптовым ценам и, конечно, к заработной плате, уже не являющейся ценой рабочей силы, зависящей от кон'юнктуры рынка труда.

Плановый характер цен проявляется в значительной независимости от колебаний кон'юнктуры, в частности, в данное время от резкого дефицита предметов широкого потребления. Динамика цен обобществленного сектора теряет свои сезонные черты, перестает служить стимулом к порайонному распределению товаров (планы завоза).

Принцип хозрасчета (зачастую цены устанавливаются и не исходя из этого принципа) еще отнюдь не означает, что цена в условиях СССР сохраняет свое значение как стихийный регулятор, так как самые трудовые затраты, самые издержки определяются в основном планом, стихия не является ведущим началом в процессе ценообразования.

Возможна ли, однако, единая теория цены в условиях экономики СССР, имеющей пять различных хозяйственных укладов? Ведь цена паровоза, сбываемого внутри обобществленного сектора,— явление иное, чем цена на хлеб, заготовляемый кооперацией, а эта цена, в свою очередь, отличается от цены за хлеб, покупаемый бедняком у кулака. Естественно, что различия здесь несомненны. Но если мы признаем, что вся советская хозяйственная система управляется единым регулятором, естественно, что такое синтетическое явление, как цена, отражающая основные производственные отношения, основные пути развития народного хозяйства должно быть об'яснено, исходя из единого принципа. Если мы признали, что народнохозяйственный план является единым регулятором хозяйства, он должен составлять основу ценообразования.

Система цен обобществленного сектора, являющаяся основой для всей системы цен, таким образом, устанавливается как форма проявления народнохозяйственного плана, целиком отражая его природу. Цены частного рынка имеют иную природу, но при огра-

ниченности сферы его действия, при правильной политике, при отсутствии хозяйственного кризиса их динамика не может сорвать систему цен в целом. Ниже мы остановимся на возможностях прорыва этой системы напором частного рынка, что это и будет означать приближение к общему хозяйственному кризису.

Между тем, при правильной политике наш народнохозяйственный план исключает такие кризисы (мы отвлекаемся здесь от международных осложнений и особых стихийных бедствий).

Задачей плановой системы цен является такое распределение средств через посредство механизма цен, установление таких пропорций, которые содействовали бы быстрому темпу индустриализации, росту материального уровня рабочего класса, бедноты и середняков, стимулированию сельского хозяйства, рационализации всего народного хозяйства (низкие цены), укреплению валюты и нашей конкурентоспособности на мировом рынке.

Идея быстрого темпа индустриализации и соответствующего распределения народного дохода придает системе цен четко выраженный классовый характер.

Значит ли, однако, что система цен обобществленного сектора не включает совершенно элементов стихии, что народнохозяйственный план, лежащий в ее основе, по существу не отличается от социалистического плана?

Такое утверждение было бы необоснованной идеализацией наших хозяйственных отношений.

Народнохозяйственный план в советских условиях отличается от социалистического плана тем, что в установлении пропорций между отраслями он исходит не только из идеи народнохозяйственного оптимума, но вынужден также и учитывать тенденцию развития отдельных хозяйств, предвосхищать в известной степени их реагирование на ту или иную систему мероприятий. Таким образом, народнохозяйственный план у ж е устанавливает такие пропорции, которые не могли бы сложиться в условиях полной свободы рыночного оборота, но он е щ е не может непосредственно управлять всей хозяйственной жизнью, устанавливать наиболее целесообразные, с точки зрения интересов народного хозяйства, пропорции (что далеко не всегда совпадает с направлением и стремлениями отдельных хозяйств).

Вторым отличием народнохозяйственного плана в условиях СССР от социалистического является возможность постоянных существенных поправок со стороны рыночной стихии, постоянная угроза невыполнения планов.

На этом вопросе, имеющем кардинальное значение, следует остановиться подробнее. Дают ли эти поправки рыночной стихии основание считать рыночную стихию равноправным регулятором на ряду с планом (концепция Е. Преображенского о двух регуляторах советской экономики) или даже о гегемонии стихийного начала,— иными словами, какое значение, какие размеры имеют эти поправки к плану, вносимые стихией?

От ошибок и плановых просчетов, приводящих к хозяйственному кризису, отнюдь необязательных, мы, естественно, абстрагируемся при анализе основных закономерностей движения советской хозяйственной системы.

Является ли народнохозяйственный план—при условии правильной политики — ведущим началом в развитии советского хозяйства, обеспечивает ли он при этом перерастание советской экономической системы в социалистическую? Если ответить на этот вопрос утвердительно, то отсюда следует, что при условии правильной экономической политики поправки рыночной стихии изменить направление этого движения не могут. Отсюда вытекают и соответствующие выводы в отношении системы цен:

1. Система цен строится, не только исходя из принципов народнохозяйственного оптимума, но и с учетом тенденций автономных хозяйств. Однако, осуществление этой системы связано с решительной борьбой с рыночной стихией, в особенности с спекуляцией со стороны частного капитала.

2. Намечаемая система цен подвергается коррективам со стороны частного рынка.

Однако, при этом следует подчеркнуть, что благодаря гегемонии плана — при правильной политике — эти коррективы не должны привести к срыву плана, к срыву системы цен.

Таким образом, по динамике цен мы можем судить о степени гегемонии народнохозяйственного плана в его борьбе с рыночной стихией, о степени успешности применения основ экономической политики напрактике.

Каким путем мог бы произойти срыв системы цен со стороны частного рынка? При наличии в руках обобществленного сектора промышленности, транспорта, оптового оборота, при господстве его в розничном обороте, срыв политики цен, приводящий к нарушению хода воспроизводства обобществленного сектора, возможен в следующих случаях:

1. При таком росте цен частного рынка, который вынудил бы обобществленный сектор также повысить заготовительные и продажные цены, в результате чего планы в области себестоимости, заработной платы, всей системы цен были бы сорваны; был бы нанесен решительный удар социалистическому накоплению.

2. При таком росте цен частного рынка, который привел бы при неизменности цен обобществленного сектора к такому резкому сокращению плановых заготовок, что снабжение промышленности и рабочих было бы сорвано, отсюда последовал бы также рост себестоимости (перебои с сырьем, низкая производительность), повышение расходов рабочих и резкое снижение реальной зарплаты.

В обоих этих случаях коренное нарушение всей системы цен, естественно, связано с нарушением хода воспроизводства обобществленного сектора и хозяйственным кризисом.

Борьба за гегемонию народнохозяйственного плана, за сохранение плановой системы цен означает, по существу, борьбу пролетариата с враждебными ему капиталистическими тенденциями за быстрый темп индустриализации, за социалистический путь развития советской системы против капиталистического.

Процесс индустриализации на данном своем этапе проходит в условиях рыночного напряжения. Значительное рыночное напряжение имеет место в текущем году. Ряд данных заставляет предположить, что в известной степени оно сохранится и в 1929/30г. Естественно, что если цена превратится в механизм, стихийно отражающий это напряжение и соответствующим образом перераспределяющий ценности, взятый курс на индустриализацию будет сорван. Динамика цен отражает, таким образом, классовую борьбу, борьбу плана с рыночной стихией.

Особенно резко и обостренно проходит эта борьба в 1928/29 г. Обобществленный сектор выдерживает бешеный напор частного рынка, беспрестанно вздувающего цены и угрожающего срыву всей системы цен.

Каковы результаты этой борьбы?

Здесь надо различать следующие ее моменты:

1. Плановое установление системы цен обобществленного сектора на 1928/29 г., допускающее некоторое видоизменение в политике цен — стабилизация цен на промтовары, при некотором повышении на сельскохозяйственные, при небольшом запроектированном росте бюджетного индекса.

Эта система, преследовавшая цель большего стимулирования отстающих отраслей сельского хозяйства и в связи с сжатием „ножниц“ имевшая в виду использовать снижение себестоимости в промышленности полностью для социалистического накопления, соответствовала задачам экономической политики.

2. Напор частного рынка по линии цен, который внес ряд поправок в систему распределения.

3. Реагирование обобществленного сектора на этот напор, сводящееся к стремлению сохранить основные позиции, что обеспечило в общем и целом ход расширенного воспроизводства социалистического сектора.

Остановимся на этих моментах, характеризуемых данными о динамике цен за I полугодие 1928/29 г.

Как известно, в истекшем полугодии мы имеем значительный рост цен, главным образом, за счет частной торговли.

Этот рост цен вызвал соответствующую динамику бюджетного индекса.

Средний за I полугодие 1928/29 г. бюджетный индекс превышает средне-годовой уровень I полугодия 1927/28 г. на 4,3% против 2,7%—по плану. Следует подчеркнуть, что последние обследования рабочего бюджета, проведенные ЦСУ (в том числе и по февралю), обнаружили заметное снижение доли участия частного рынка в снабжении рабочего.

Эта доля значительно ниже принятой в новом бюджетном индексе.

В связи с этим полагают, что новый бюджетный индекс несколько преувеличивает рост соответствующих цен. Во всяком случае он их не преуменьшает.

Повышение бюджетного индекса отразилось соответствующим образом на динамике зарплаты. Если номинальная зарплата (что имеет непосредственное отношение к себестоимости) немного выше плана, то реальная зарплата заметно отстает от плана оставаясь на уровне прошлого года. Производственный план в основном выполняется, но его выполнение проходит при отставании реального уровня жизни рабочего класса от плана благодаря этой динамике цен. Это обстоятельство не внесло расстройства в процесс расширенного воспроизводства социалистического сектора, но оно, естественно, должно быть в дальнейшем изжито.

Далее рост цен отразился соответствующим образом на покупательной силе рубля на 1/IV 1929 г. Общеторговый розничный индекс (общий) на 12,7% выше средне-годового уровня 1927/28 г. Это произошло, главным образом, за счет сел.-хоз. товаров, уровень цен которых дал +25% против средне-годового уровня 1927/28 г. при +4,9% по промтоварам.

Индекс цен обобществленной торговли дал рост на 4,3% против средне-годового, в том числе по сел.-хоз. товарам на 7,9%, по промтоварам на 2,1%.

В результате покупательная сила рубля (если судить по ней на основании „перевернутых индексов“) дала следующую картину динамики (в довоенных копейках):

	1/X 1927 г.	1/IV 1928 г.	1/X 1928 г.	1/IV 1929 г.
По розничному общеторговому индексу . . .	50,5	49,3	47,4	43,5
По розничному частно-торговому индексу. .	44,2	41,8	38,0	31,9
По розничному индексу обобщ. торговли. . .	54,6	54,1	54,1	52,1
По оптовому индексу .	56,4	58,5	56,8	56,0

Таким образом, за год покупательная сила рубля по общеторговому розничному индексу уменьшилась на 11,8%, или на 5,8 довоенных копейки, за истекшее полугодие на 8,2%, или на 3,9 копейки, по частно-торговому за полугодие на 16,1%, или на 6,1 копейки, по обобществленной торговле—за полугодие на 3,7%, или на 2 копейки.

По оптовому индексу за полугодие снижение покупательной силы выразилось в 1,4% (0,8 копеек).

Следует резко подчеркнуть, что абсолютно неверно судить об эффективности нашего рубля в целом только по динамике розничного индекса (у нас сплошь и рядом об этом судят даже по частноторговому индексу, вообще переоценка значения частных цен у нас очень распространена). Ведь розничный оборот составляет лишь 1/3 всех оборотов. Огромная сфера, захватывающая производственно-техническое потребление, строительство, оптовые сделки, где динамика цен совершенно иная, уходит, таким образом, из поля зрения.

В общем следует подчеркнуть, что обобществленный сектор все же удержал позиции в области цен настолько, чтобы не допустить срыва промышленных планов.

Отпускные цены госпромышленности остались в общем стабильными, так же, как и оптовые цены на промтовары. Розничные дали рост на 2%, что в значительной мере об'ясняется ростом акцизов.

Насколько повышение цен в обобществленной торговле затронуло результаты проводившегося в конце 1925/26 г., в течение 1926/27 г. и по некоторым группам в 1927/28 г. снижения цен?

Начнем с промтоваров: из 11,5% снижения по обобществленной рознице сохранено около 10%. По оптовому индексу по промтоварам из 8,3% снижения сохранено 8,1%. Этот факт, несомненно, имеет огромное принципиальное значение. Несколько иная картина наблюдается по сел.-хоз. товарам—по обобществленной рознице из 14% снижения сохранено лишь около 4% (в результате роста цен за 1927/28 г. и I полугодие 1928/29 г.). По оптовому индексу по сел.-хоз. товарам из 19% снижения (с 1/IV 1926 г. по 1/X 1927 г.) сохранено около 11%. Таким образом, по обобществленной рознице по сел.-хоз. товарам снижение цен почти ликвидировано, по оптовому сохранено более чем на половину.

В итоге — всего по обобществленной рознице из 12% снижения сохранено около 7%, т.-е. больше половины. По оптовой торговле из 13% снижения сохранено 9%.

Заготовительный индекс плановыми заготовителями удерживается в общем в рамках плана, правда, с некоторым превышением. В среднем за I полугодие хозгода рост индекса равен 9%, за 9 месяцев сел.-хоз. года около 8% против планового роста на 6%. Эти данные, не отражая достаточно точно абсолютных размеров роста индексов, в общем правильно рисуют тенденцию. В условиях бурного роста частных цен это превышение плана нельзя назвать значительным, хотя следует иметь в виду, что переплата 3% составляет только по заготовкам обобществленного сектора сумму в 60 млн. руб.

В связу с некоторым повышением заготовительного индекса и имел место некоторый рост цен на сел.-хоз. товары в обобществленном секторе. Так, оптовый индекс на 1/IV 1929 г. по сел.-хоз. товарам показал рост на 8,5% против средне-годового уровня 1927/28 г. (при предполагавшемся по плану росте на 6,1%). Обобществленная розница также показала рост по сел.-хоз. товарам на 7,9%.

В результате этого в среднем и оптовый индекс и индекс обобществленной розницы превышают на 1/IV средне-годовой уровень 1927/28 г. на 4%. Однако, средний розничный индекс обобществленной торговли за истекшее полугодие лишь на 2,5% выше среднего за I полугодие прошлого года, в том числе по сел.-хоз. товарам на 5,5%, а по промтоварам на 0,9%.

Повышение цен на сел.-хоз. товары отразилось в обобществленном секторе по двум направлениям: по линии стоимости сырья для промышленности и по линии роста бюджетного индекса, о чем было сказано выше.

Далее известную угрозу для сырьевой базы легкой индустрии вызвала динамика цен частного рынка в отношении конкурентоспособности технических культур, прежде всего, льна и свеклы. Если отношение индекса льна—волокна к индексу всех производимых сел.-хоз. товаров по льноводному району составляло по „крестьянским индексам" Кон'юнктурного института в I полугодии 1927/28 г.—0,71, то в I полугодии текущего года оно составляет 0,55, по льносемени 0,81 и 0,59.

По свекле сахарной в б. Курской губернии — 0,72 и 0,51, в правобережной Украине — 0,72 и 0,47. Во II квартале 1928/29 г. индекс главного онкурента свеклы—картофеля по б. Курской губ. составлял 327, а свеклы—117, по правобережной Украине—241 и 114.

Этому обстоятельству были противопоставлены усиленное снабжение льноводов хлебом, ограничение заготовок картофеля в свекловичном районе, ряд льгот льноводам и свекловодам, усиленная кампания по контрактации их посевов. Ряд данных заставляет предположить, что эти организационные и экономические мероприятия значительно ослабят, вероятно, парализуют влияние динамики частных цен на посевы льна и свеклы. В общем и целом социалистическому сектору удалось преодолеть повышательные тенденции в области цен настолько, чтобы при политике стабильных отпускных цен на промтовары получить значительный источник социалистического накопления за счет снижения себестоимости, несмотря на неблагоприятную для этого кон'юнктуру. Правда, это снижение было пока еще недостаточным, но промышленный план, по всем данным, будет выполнен. Политика стабильных цен на промтовары в текущем году была вызвана исключительно значительным ростом сел.-хоз. цен. Естественно, что это временное явление. Пятилетний план, как известно, намечает значительное снижение цен на промтовары.

Высокая рыночная кон'юнктура текущего года была интенсивно использована частным капиталом, резко повысившим цены на дефицитные товары.

Если накидка в частной торговле (данные НКТорга по 45 городам без Москвы) по 14 товарам составляла в марте 1928 г. 27,6%, то в октябре 1928 г. она составляла 51,5%, а в марте 1929 г. уже 77,3%.

По 8 промтоварам соответственно — 23,1%, 24,9% и 30,5%.

По 6 сел.-хоз. товарам — 32,1%, 78% и 124,1%.

По Москве в среднем по всем товарам на 1/IV 1928 г. накидка составляла 66,8%, на 1/X 1928 г. 109,8%, а на 1/IV 1929 г. уже 144,9%, по промтоварам на 1/IV 1928 г.—70,9%, на 1/X 1928 г.—69,5%, а на 1/IV 1929 г. уже 84,3%, по сел.-хоз. товарам на 1/IV 1928 г.—62,5%, на 1/X 1928 г.—182,4%, а на 1/IV 1929 г.—264,3%, в том числе по хлебным — накидка достигла гигантской цифры в 420,7%.

Превышение розничными частно-торговыми индексами кооперативных составляло по СССР (в среднем по всем товарам): на 1/IV 1928 г.—29,3%, на 1/X 1928 г.—44,3%, на 1/IV 1929 г.—уже 64,4% по промтоварам соответственно — 29,7%, 31,7% и 41,9%; по сел.-хоз. товарам — 28,8%, 67,7% и 109,4%.

Общий частно-торговый розничный индекс на 1/IV 1929 г. выше соответствующего уровня на 1/IV 1928 г. на 31,1%, по сел.-хоз. товарам на 63,4%, по промтоварам на 10,7%. На 1/IV 1929 г. частно-торговый индекс достиг 313 против 263 на I/X 1928 г. По сел.-хоз. товарам 381 против 285, по промтоварам 268 против 247, по хлебным — 504 (на 121,3% выше уровня прошлого года).

Заметно повышены цены по ряду товаров: по овощам на 32,8%, по мясным — 28,1%, молочным — 36%, маслу растительному — 74,5% сахару — 20,6%, обуви — 12,5%, бумаге — 27,1%, лесным — 10,8%.

Этот огромный рост цен в частной рознице имел своим результатом соответствующий прирост спекулятивной сверхприбыли частной торговли за счет потребителя.

По грубым предварительным данным одна только разница в ценах дала частной торговле в истекшем полугодии около 200 млн. руб. добавочного валового дохода по сравнению с I полугодием прошлого года. Конечно, далеко не весь этот прирост является чистой прибылью. Этот подсчет сделан на основе имеющихся данных о динамике оборотов частной торговли и о росте индексов в частной торговли. Более детальный подсчет по отдельным товарам и районам, очевидно, дал бы более высокую суммарную цифру. Обратной стороной этого роста цен частной торговли было отставание реальной зарплаты рабочих и служащих.

Рост частных хлебных цен имел существенное значение с точки зрения взаимоотношений различных групп крестьян (внутри деревни и между крестьянством различных районов) и с точки зрения распределения дохода между городом и деревней.

Прежде всего рост базарных цен на хлеба, несомненно, оказал существеннейшее влияние по линии внутридеревенского хлебооборота, достигающего (исключая покупки села через посреднический аппарат и межрайонную передвижку хлеба) около 100 млн. центн. в год, особенно учитывая условия текущего года.

Естественно, что цена хлеба, продаваемого зажиточным крестьянством бедноте, в этом случае в более значительной мере определялась базарной ценой, чем заготовительной, поскольку главным источником снабжения бедноты был в основном частный рынок.

Большой интерес представляют нижеследующие данные ЦСУ об отношении частных цен на хлеба и др. сел.-хоз. товары в текущем году к ценам прошлого года.

Данная таблица характеризует отношение вольных цен средних за 9 месяцев 1928/29 сел.-хоз. года к тем же ценам за 9 месяцев прошлого года и цен на 1/IV 1929 г. к ценам на соответствующую дату прошлого года.

	Рожь		Ржаная мука		Пшеница		Овес		Сено		Картофель	
	9 мес. 1928/29 с.-х. года VII—III	1/IV 1929 г.	VII—III 1928/29 г.	1/IV 1929 г.	VII—III 1928/29 г.	1/IV 1929 г.	VII—III 1928/29 г.	1/IV 1929 г.	VII—III 1928/29 г.	1/IV 1929 г.	VII—III 1928/29 г.	1/IV 1929 г.
Потребл. полоса РСФСР. . . .	291,5	397,7	286,4	403,6	—	—	156,1	148,4	165,7	169,4	174,6	182,2
Производ. полоса РСФСР. . . .	196,8	273,0	184,7	246,7	149,2	213,7	146,5	162,7	127,4	126,3	142,9	174,7
Украина.	235,1	342,1	232,5	330,6	244,2	377,8	153,2	233,4	152,3	195,7	172,6	231,7

Данные на 1/IV 1929 г. характерны как показатель тенденции остающегося квартала сел.-хоз. года, когда внутридеревенский оборот, покупки бедноты интенсивно усиливаются.

Значительно возросли частные цены на масло, яйца и др. товары.

Основанные на данных ЦСУ предварительные и крайне ориентировочные расчеты заставляют предположить, что повышение частных цен на хлеба должно дать в текущем сел.-хоз. году около 250 млн. руб. зажиточной части деревни только по линии внутридеревенского оборота помимо продаж на базарах скупщикам и мешочникам из потребляющей полосы. Исходя из расчета, сводящего для внутридеревенского оборота повышение цен для 1928/29 г. всего лишь в 2 р. 40 к. на центнер, здесь необходимо иметь в виду, что в значительной мере внутридеревенский оборот проходит в натуральной форме, в форме отработок и т. д.

Сильное вздорожание хлеба означает рост эксплоатации, напряжения ресурсов для бедняцких хозяйств, в результате чего создается добавочный доход для деревни в целом, при росте обогащения ее зажиточной части. Заметим, что обогащение кулацкой части деревни по линии торгово-спекулятивной и ростовщической может, естественно, проходить на известном этапе при одновременном свертывании ее производственной деятельности.

Поскольку динамика цен приводит к ослаблению позиций бедноты, последняя должна быть соответствующим образом компенсирована по другой линии.

Далее рост частных цен на хлеб привел и по линии внедеревенского отчуждения и межрайонного внутрикрестьянского оборота к дополнительному поступлению средств к верхушке крестьян потребляющих районов, к крестьянам-перекупщикам хлеба, к крестьянству восточных районов, особенно его более зажиточной части, поскольку более высокий уровень базарных цен приходится на тот период, когда именно эта часть деревни является основным держателем хлеба.

Повышение базарных цен на хлеба по сравнению с прошлым годом должно дать по этой линии соответствующим группам деревни добавочно 100—120 млн. руб. (исходя из расчета, что в среднем годовое повышение базарных цен составляет около 3,6—3,9 руб. на центн. для 1928/29 сел.-хоз. года).

Сверх повышения хлебных заготовительных цен, проведенного в начале 1928/29 сел.-хоз. года и давшим всей деревне около 100 млн. руб., повышение частных хлебных цен дает в течение 1928/29 сел.-хоз. года зажиточным группам деревни около 300 млн. руб.

В общем вся производящая товарный хлеб деревня (а не только зажиточная) получит за счет повышения хлебных цен заготовительных и частных около 450—500 млн. руб.

Если к этому добавить повышение заготовительных цен на некоторые технические культуры, рост базарных цен на продовольственные сел.-хоз. товары, то эта цифра должна быть увеличена еще, примерно, на 100 млн. руб.

Подчеркиваем, что все эти суммы включают перераспределение средств внутри крестьянства, за вычетом этого сумма добавочных поступлений в деревню из города за счет повышения цен составит (по грубым подсчетам) около 250—300 млн. руб.

Таким образом, налицо довольно существенная поправка к намечавшимся плановым предположениям по линии заготовительных цен.

Следует подчеркнуть некоторую ошибочность самих плановых наметок в области цен, при чем практика их осуществления усугубила эту ошибку. Речь идет о порайонном распределении повышения хлебных заготовительных цен. На восточные районы пришелся чрезвычайно высокий процент роста, что вызвало там накопление денежных излишков.

В проектировке повышения заготовительных хлебных цен летом 1928 г. был допущен дефект в порайонном его распределении: процент роста цен для восточных урожайных районов был установлен чрезмерно повышенный, а для недородных районов недостаточный. Практика осуществления этой проектировки допустила дальнейший перегиб, заметно превысив для восточных районов (особенно Сибири и Казакстана с их огромным урожаем) и этот преувеличенный план повышения цен, что в конечном итоге могло привести к некоторому ослаблению стимулов к реализации хлеба.

Проиллюстрируем это соответствующими данными.

По ржи — проектировалось повышение по Украине на 25%, фактически цены повышены примерно на 20%; по Сибири — по плану намечалось 17,2%, фактически цены повышены на 35—37%.

По овсу — по Украине цены повышены на 3—5%, между тем по Волжским районам на 20% (план 17%), Уралу на 35% (план 20%), по Сибири на 35% (план 16%).

По пшенице — по Волжским районам цены повышены на 15—17% (план 8%), по Татреспублике на 20—25% (план 17%), по Башреспублике на 15—20% (план 13%), по Уралу на 25% (план 20%), по Сибири на 18—20% (план 13%), по Казакстану на 30—40% (план 20%). Таким образом, безусловно правильная директива о 17% повышении хлебных цен в ее практическом проведении при порайонном распределении имела заметный дефект. Это обстоятельство было усугублено еще тем, что порайонное повышение цен не было увязано с порайонным распределеним сел.-хоз. налога.

Чрезвычайно характерным является тот факт, что крестьянство восточных урожайных районов имеет за 9 мес. в 1928/29 г. сел.-хоз. прирост дохода от реализации хлеба и подсолнуха плановым заготовителем по сравнению с тем же периодом прошлого года на 170 млн. руб., при повышении сел.-хоз. налога на 53 млн. руб., между тем как крестьянство производящих недородных районов имеет соответственно меньше дохода на 175 млн. руб. при повышении сел.-хоз. налога на 32 млн. руб. [1]

Данные о динамике остальных доходов и других видов обложения не могут изменить картины в основном.

Этот факт свидетельствует о недостаточном выполнении планом одной из своих важнейших задач регулирования распределения дохода крестьянства по районам.

Итак из всего вышесказанного следует, что раствор „ножниц“ между отчуждаемыми сел.-хоз. товарами и приобретаемыми промтоварами должен был значительно уменьшиться.

Уже соотношение общеторгового розничного индекса на промтовары и заготовительного индекса показывает, что раствор „ножниц“

[1] Подсчеты научного сотрудника Секции внутренней конъюнктуры Госплана СССР тов. С. В. Славина.

в I полугодии текущего года сократился на 5,5% по сравнению с I полугодием 1927/28 г. (137 против 145), а во II квартале—на 6,2% (136 против 145).

Следует при этом иметь в виду, что заготовительный (плановый) индекс в текущем году заметно ниже той средней цены, которую крестьянин получает. Между тем, по розничному общеторговому индексу Кон'юнктурного института по промтоварам процент частника для текущего года преувеличен почти в два раза.

Отсюда следует, что доход крестьянства по этим „ножницам" преуменьшен, а расход преувеличен и фактический раствор „ножниц" меньше вышеприведенного (около 120 вместо 137).

Характерна, с другой стороны, динамика „ножниц" по „крестьянским индексам" Кон'юнктурного института, перегиб в противоположную сторону переоценки удельного веса частного рынка по линии сбыта сел.-хоз. товаров. Тенденция к сжатию раствора „ножниц" здесь обнаруживается крайне резко.

Отношение индекса цен отчуждаемых сел.-хоз. товаров к индексу цен приобретаемых промтоваров составляло:

Даты	Смолен.-Тверск. район	Ярославск.-Костр. губ.	б. Курская губ.	Правоб. Украины	Запад. Сибирь	Вост. Зауралье	Сев. Кавказ	Южн. степ. Украина
I пол. 1926/27 г.	0,72	0,69	0,53	0,63	0,72	0,65	0,64	0,70
I пол. 1927/28 г.	0,83	0,86	0,57	0,64	0,90	0,70	0,78	0,87
I пол. 1928/29 г.	1,04	1,22	0,84	0,91	1,02	0,88	1,11	1,25
1 апрель 1929 г.	1,05	1,63	0,98	1,08	1,10	1,25	1,43	1,66

Таким образом, по „крестьянским индексам" получились даже „обратные ножницы", что в общем, конечно, не соответствует действительности, но правильно отражает тенденцию к значительному уменьшению раствора „ножниц". В числе недостатков „крестьянских индексов" Кон'юнктурного института один из существенных—отсутствие диференцированных „ножниц" по социальным группам. При построении „ножниц" между ценами всех отчуждаемых и ценами всех приобретаемых товаров, огромнейшее значение приобретает момент покупки хлеба беднотой, особенно учитывая рост хлебных цен текущего года. По предварительным крайне ориентировочным подсчетам по 2 районам разница в растворе „ножниц" для верхушки деревни и маломощных групп составляет около 20—25%. В этом факте находят свое отражение вышеотмеченные явления в области внутридеревенского оборота.

Таким образом, динамика цен на сел.-хоз. товары в общем привела к росту рентабельности сел.-хоз. производства (вопреки утверждениям о росте „эксплоатации" деревни), а раствор „ножниц" резко уменьшился. Истекшее полугодие характерно большим темпом роста денежных доходов деревни, чем города, и товарным дефицитом деревни, несмотря на направление туда по 6 основным промтоварам около 70% товарной массы.

Подведем итоги вышесказанному.

Истекшее полугодие выявило, что плановая система цен сохранена в такой степени, чтоб обеспечить намеченный ход индустриализации, обеспечить в основном нужное для этого социалистическое накопление.

В условиях советской экономики фактическое движение системы цен, ее соответствие плану является существенным показателем состояния народного хозяйства, хода процесса воспроизводства. Система цен истекшего полугодия выявляет, что народнохозяйственный план сохранил свою гегемонию, что кризисное нарушение хода индустриализации благодаря коррективам стихийного начала, отнюдь не имело места.

Именно особые условия советской экономики и дали возможность сохранить в основном систему цен при наличии столь значительного рыночного напряжения, сохранить такую систему распределения ресурсов, которая вопреки рыночной стихии обеспечила соответствующий темп индустриализации.

В этой возможности и заключается одно из важнейших преимуществ советской экономики — более быстрый темп роста промышленности.

Сдвиги в области цен частного рынка, благодаря ограниченности его сферы и плановому регулированию цен обобществленного сектора, не вызвали такого повышения себестоимости, такого эффекта в области ценообразования (например, через производительность труда), которые сорвали бы промышленный план.

Обобществленный сектор в основном удержал намеченную систему цен, несколько отступив по линии цен на сел.-хоз. товары.

На данном этапе система цен обеспечила намеченный рост социалистической промышленности, социалистического сектора, что является основным фоном для развертывания социально-классовых отношений в стране.

Повышение цен в обобществленной торговле было связано как с ростом заготовительных цен, так и в небольшой степени, с стремлением к накоплению торгового аппарата. Это торговое накопление, влияя на реальную зарплату, вступает в противоречие с накоплением промышленности и должно быть решительно ограничено.

Продолжающийся непрерывно рост цен частного рынка, некоторое отступление по этой линии и обобществленного сектора (особенно учитывая некоторые неблагоприятные симптомы послед-

него времени в области розничной торговли) вызвали ряд явлений, с дальнейшим развитием которых должна быть проведена решительная борьба по линии различных форм регулирования.

Из моментов, связанных с ходом индустриализации независимо от непосредственных социально-классовых отношений, отметим, что динамика частных цен на хлеба и др. продовольственные товары создала угрозу в отношении расширения посевов технических культур и вызвала некоторое снижение покупательной силы рубля, ослабляя тем самым финансово-кредитную систему.

Более существенное значение имеет то обстоятельство, что успешное развертывание промышленности сопровождалось заметным отставанием реальной заработной платы рабочего класса.

Далее разрыв заготовительных и частных цен, являющийся отражением других моментов, означал ухудшение продовольственного планового снабжения рабочих и бедноты, усилил спекулятивную деятельность капиталистических элементов, что вызвало значительное обострение классовой борьбы в деревне и ряд регулирующих мероприятий в области заготовок и в области снабжения.

Рост цен частного рынка привел к дополнительному обогащению частного торгового капитала, который, вместе с тем, претерпел заметную эволюцию в сторону распыления, ухода в подпольную спекуляцию и ускользнул в значительной степени от контроля и обложения.

Особенно большое значение имеет следующее обстоятельство.

Рост цен на сел.-хоз. товары привел к значительному сжатию раствора „ножниц" товаропроизводящей деревни, особенно восточных районов. Этот положительный факт, сопровождавшийся значительным ростом потребления промтоваров, в том числе и средств производства, и усиливший стимулирование зернового производства, был связан с некоторым спекулятивным (цены частного рынка) обогащением верхушки деревни и перекупщиков за счет бедноты, основной массы крестьянства потребляющих районов и городских потребителей.

В порайонной динамике цен недостаточно отразилось влияние планового начала.

Экономическая политика должна учесть эти поправки, внесенные в основном рыночной стихией в области цен, и предусмотреть их плановое преодоление.

Необходимо при наличии рыночного напряжения итти по пути максимального усиления плановых заготовок. Развязывание частного рынка с неизбежным сокращением плановых заготовок ударит по системе распределения (зарплата рабочих), особенно учитывая перспективы продовольственного рынка. Необходимо твердо придерживаться (не только по линии хлебных товаров) основанного на классовом принципе планового снабжения, обеспечивая в первую очередь рабочий класс в городе и бедноту в деревне.

Временное рыночное напряжение требует сохранения жесткой системы регулирования снабжения.

Огромное значение имеет максимальное внедрение планового начала в сельскохозяйственное производство и рынок (коллективизация, контрактация).

С другой стороны, требуется решительная борьба по линии обобществленного сектора против повышательной тенденции в области цен.

Пересмотрев принципы установления заготовительных цен по районам (в связи с имеющимися дефектами), необходимо их общий уровень безусловно удержать от повышения.

По линии розничной торговли необходимы более жесткие директивы, обеспечивающие уровень цен от повышения.

И. А. Бялый

К вопросу о кризисах в хозяйстве СССР[1]

О кризисах в хозяйстве СССР

Теории кризисов Маркс окончательно сформулировать не успел, однако, разбросанные по всем томам „Капитала“ его замечания по этому поводу были впоследствии рядом марксистов-теоретиков приведены в более или менее стройную систему марксистских взглядов на проблему капиталистических кризисов. Естественно, что поскольку эту сводку производили „марксисты“, а не сам Маркс, дело не обошлось без разногласий. Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что по вопросам, связанным с теоретическим об'яснением капиталистических кризисов, среди марксистов существует меньше единства, чем по всем другим вопросам. Не останавливаясь здесь на различных взглядах марксистов и „марксистов“ на теорию кризисов, что представляет собою совершенно самостоятельную тему, мы вкратце изложим марксову теорию кризисов.

Теория капиталистических кризисов возникла в результате теоретического анализа процесса расширенного воспроизводства не только с точки зрения основных его производственно-экономических моментов, но и с точки зрения определенных форм их проявления в условиях определенной материально-технической среды. При изучении кризиса Маркс уже не отвлекается от тех рыночных форм, в которых реализуются основные производственно-экономические процессы капитализма. Движение цен, движение прибыли, учетного процента,—все это подвергается подробному анализу при выяснении как причин, так и условий его развития и исчезновения. А коль скоро об'ектом анализа становятся непосредственно рыночные категории, то и в отношении техники Маркс уже больше не абстрагируется от постоянного роста органического строения капитала, равно как и от тех неравномерностей в процессе роста, которые имеются в действительности.

Сущность капиталистического кризиса Маркс формулирует следующим образом:

„Кризисы представляют собою всегда только мимолетные насильственные разрешения имеющихся противоречий, насильственные взрывы, которые на мгновение восстанавливают нарушенное равновесие“ („Капитал“ т. III, гл. 15, § 2).

[1] Окончание. См. „План. Хоз.“, № 2 за 1929 г.

Основным противоречием капитализма, которое в кризисах находит лишь временное разрешение, Маркс считает противоречие между общественным характером труда и индивидуальным характером присвоения. Это основное противоречие находит себе выражение в наличии относительного недопотребления рабочего класса, в непропорциональном накоплении различных отраслей производства, в законе тенденции нормы прибыли к понижению и др. Иначе говоря, основное, глубинное противоречие капитализма проявляется в ряде более конкретных противоречий, которые, в свою очередь, находят непосредственное выражение в движении чисто рыночных категорий и прежде всего в цене и норме прибыли. Поэтому непосредственной причиной переломов кон'юнктуры является норма прибыли, которая отражает в себе развитие всех противоречий капиталистического строя.

Противоречия капитализма, развиваясь, достигают таких размеров, которые делают необходимым резкое нарушение пропорциональности в процессе воспроизводства и, следовательно, порождают кризис. Во время же кризиса происходит насильственное разрешение этих противоречий и временное восстановление равновесия. Следовательно, кризисы являются не только постоянным спутником капитализма, но и фактором дальнейшего развития капиталистического производства. Если внутренняя логика капиталистического воспроизводства приводит его к кризису, то внутренняя логика кризиса превращает его в под'ем. Все эти внутренние силы капитализма действуют, разумеется, через механизм рыночных явлений и прежде всего через движение нормы прибыли, падение которой ведет к прекращению строительства и кризису, а под'ем которой связан с началом нового строительства и, следовательно, под'ема всего народного хозяйства. В том, что смена фаз процесса расширенного воспроизводства связана с процессом строительства основного капитала, нет ничего удивительного, если иметь в виду, что производственным содержанием всякого процесса расширенного воспроизводства является постоянное превращение части дохода в средства производства, независимо от того, в какой социально-экономической форме, путем преодоления каких противоречий это превращение происходит. Специфические противоречия определяют пути превращения общественного дохода в постоянный капитал, а не самый факт этого превращения.

Какие внутренние противоречия в нашем хозяйстве приходится преодолевать этому процессу превращения части общественного дохода в средства производства и в каком отношении они находятся к противоречиям капиталистического строя? Здесь, прежде всего, нужно отметить, что противоречия, присущие капитализму, в нашем хозяйстве не действуют. Противоречие между общественным характером труда и индивидуальным характером присвоения в социалистическом секторе не может действовать уже по одному тому, что

здесь нет индивидуального характера присвоения; в простом товарном производстве — потому, что в нем нет общественного характера производства. Что же касается капиталистического сектора, то его удельный вес в нашем хозяйстве столь незначителен, что благодаря ему специфически-капиталистические противоречия также не могут найти в нашем хозяйстве своего проявления.[1] Отсутствие основного противоречия капитализма решает вопрос и о частных, более конкретных противоречиях, поскольку все они являются лишь проявлением этого основного противоречия. Оно решает вопрос о норме прибыли, как универсальном выразителе экономических противоречий: в нашем хозяйстве норма прибыли не является основным показателем состояния кон'юнктуры. Совершенно ясно, что отсутствие противоречий капитализма делает также невозможными и капиталистические кризисы в нашем хозяйстве. Но этим еще не решается вопрос о наших кризисах вообще. Поскольку у нас имеются свои специфические противоречия, у нас могут быть и свои специфические кризисы. Каков характер наших противоречий, в состоянии ли он вызвать кризис, каков характер советских кризисов—к этим вопросам мы подошли вплотную.

В первой части настоящей работы мы установили, что основным противоречием нашего переходного строя является противоречие между социалистическим и капиталистическим кругом воспроизводства. Это основное противоречие отражается в ряде частных и более конкретных противоречий и на поверхности явлений находит свое выражение в хозяйственных затруднениях и кризисных нарушениях пропорциональности. Формы проявления указанного противоречия резко меняются от восстановительного периода к реконструктивному. На этом обстоятельстве следует остановиться специально, мы же в дальнейшем будем касаться проблемы кризисов в эпоху реконструктивного процесса.

Приступая к выяснению характера и форм проявления внутреннего противоречия нашей экономики в период реконструктивного процесса, прежде всего нужно иметь в виду, что процесс превращения общественного дохода в средства производства, т.-е. процесс накопления у нас происходит на крайне отсталой производственно-технической базе. Отсталой наша промышленность была и до войны, а за время империалистической и затем гражданской войны она истрепалась еще больше. Поскольку состояние промышленности определяет силу социалистического сектора, а через него и позиции социалистического круга воспроизводства в борьбе его с капиталистическим, постольку переоборудование промышленности становится основной задачей переходной экономики.

Что касается темпа переоборудования и источников накопления, то, вообще говоря, переоборудование промышленности может происходить разными темпами и из различных источников. Если отвлечься от требований законов переходной экономики, то можно считать, что переоборудование нашей промышленности может происходить, главным образом, за счет средств, привлекаемых в наше хозяйство извне. Что касается темпа переоборудования, то при такой же постановке вопроса можно было бы решить вопрос в пользу сравнительно медленного темпа. Однако, такое решение по обоим этим вопросам возможно только при условии отвлечения от законов переходной экономики. Если же исходить из того, что наше хозяйство представляет собою систему, переходную от капитализма к социализму, и что, следовательно, удельный вес социалистического круга воспроизводства должен постоянно увеличиваться, то вопрос о привлечении средств извне, равно как и вопрос о темпе реконструкции, потребуется решить совершенно по-иному. Иностранные средства производства могут сыграть громадную роль в деле ускорения реконструкции нашей промышленности, но, вместе с тем, этот источник имеет вполне определенные и к тому же довольно низкие лимиты. Во-первых, советская система хозяйства и государственного строя побуждает иностранных капиталистов к большой осторожности в деле вложения капиталов в нашу промышленность; во-вторых, еще большую осторожность в этом отношении должны проявлять мы. Выше нами уже указывалось, что капиталистический круг воспроизводства стремится найти себе дополнение в лице иностранного капитала, от которого он огражден монополией внешней торговли Поэтому со стороны государства привлечение иностранного капитала должно сопровождаться созданием таких условий, при которых оно (привлечение) не способствовало бы усилению капиталистического круга воспроизводства. Исходя из этого, государство охотно идет на увеличение импорта иностранного оборудования и сырья, при этом оно всячески стремится увеличить размеры долгосрочных кредитов, оно идет на привлечение концессионного капитала для развития производительных сил, не охваченных социалистическим сектором, однако, государство ни в коем случае не пойдет на привлечение иностранного капитала в нашу промышленность на акционерных основах, ибо приток иностранных средств в такой форме поставил бы под знак вопроса весь социалистический круг воспроизводства.

Условия борьбы социалистического круга воспроизводства с капиталистическим превращают мировое хозяйство в крайне ограниченный источник средств для переоборудования промышленности и,

[1] Капиталистический сектор в нашем хозяйстве оказывается в состоянии подчинить своему влиянию известную часть простого товарного хозяйства и создать таким образом капиталистический круг воспроизводства, со всеми вытекающими от раздвоения нашей экономики последствиями. Однако, удельный вес производительных сил, действующих в форме частнокапиталистических отношений, безусловно крайне низок. Поэтому капиталистические элементы оказываются в состоянии породить противоречия в советской экономике, но не могут привить нашему хозяйству основного противоречия капиталистической системы.

следовательно, заставляют производить реконструкцию почти полностью за счет превращения в постоянный капитал общественного дохода, создаваемого внутри нашей страны. Совершенно ясно, что условия этой же борьбы не позволяют ограничиваться медленным темпом переоборудования промышленности. Быстрый рост техники в окружающих нас буржуазных странах при нажиме на монополию внешней торговли со стороны капиталистического круга воспроизводства внутри нашей страны делает для нас абсолютно невозможным ограничиться в этом отношении черепашьим шагом. Крупные и все возрастающие вложения в строительство основного капитала являются, таким образом, результатом не произвола, но осознанной необходимости. Интересы расширенного воспроизводства не только материальных благ, но и социалистических отношений делают абсолютно обязательным сравнительно быстрый темп переоборудования и необходимого для этого нового капитального строительства внутри страны. Внутреннее противоречие нашей экономики, противоречие, образующееся вследствие раздвоения процесса воспроизводства, делает, таким образом, обязательным систематическое из'ятие значительной части общественного дохода для увеличения средств производства. Но это осложняет вопрос о товарном голоде.

Следовательно, экономические причины товарного голода исходят из борьбы двух кругов воспроизводства, с необходимостью, требующей быстрого темпа индустриализации и усиленного строительства нового основного капитала.

Товарный голод, являясь на определенной стадии неизбежным спутником социалистического строительства (в определенных условиях, разумеется: в отсталой стране с капиталистическим окружением), становится, вместе с тем, препятствием на пути этого строительства. Он становится одним из конкретных проявлений основного противоречия нашей экономики.

Сравним только-что рассмотренный процесс превращения части общественного дохода в средства производства в нашем хозяйстве с аналогичным процессом в капиталистическом хозяйстве. Выше нами уже упоминалось, что смена фаз капиталистического цикла находится в непосредственной зависимости от этого процесса. Однако, в противоположность нашему хозяйству, противоречия капитализма находят себе рыночное выражение и проявление как-раз в момент сокращения строительства, т.-е. в момент сильного сокращения (если не полного прекращения) роста постоянного капитала за счет общественного дохода. В тот же период, когда происходит усиленный рост первого подразделения за счет второго, т.-е. в период усиленного капитального строительства, капиталистическое воспроизводство, в противоположность нашему, не только не испытывает никаких перебоев, но, наоборот, переживает лучшее время в течение всего цикла воспроизводства—под'ем. Таким образом, один и тот же по своей материальной сущности процесс оказывает на

общий ход воспроизводства противоположное влияние. Об'ясняется это обстоятельство тем, что в капиталистическом обществе не может иметь место отставание второго подразделения от потребительского фонда общества. Если бы такое отставание обнаружилось, то повышение нормы прибыли и сравнительно низкое строение капитала в отраслях второго подразделения вызвали бы быстрое перераспределение средств между подразделениями. Но, как правило, под'ем совпадает по времени с перераспределением средств как-раз в пользу первого, а не второго подразделения, и тем не менее, высокий спрос на продукты второго подразделения не превращается в товарный голод. Дело в том, что в силу закона относительной прибавочной стоимости доля рабочего как в созданной им ценности, так тем более и в произведенной им массе потребительной ценности, постоянно сокращается. Капиталистический кризис сопровождается ростом техники, и следовательно, во время под'ема происходит приспособление к повышенной технике старого производственного аппарата. Высокий уровень и быстрый рост производительности труда позволяют капиталистам переправлять значительную часть общественного дохода в сферу создания постоянного капитала и на ряду с этим обеспечивать рабочему классу прежний и даже несколько повышенный уровень потребления. В нашем хозяйстве процесс интенсивного превращения общественного дохода в средства производства сталкивается с тем положительным обстоятельством, что у нас сильно действует тенденция роста потребительского уровня рабочих и крестьянских масс. Если бы трудности проистекали только из этого, они были бы сравнительно легко преодолимы. Товарный голод приобретает у нас большую остроту вследствие того, что мы, в противоположность капитализму, вынуждены увязывать крупные средства на капитальное строительство не в условиях выросшей техники и наличия запасов производственного аппарата, а в условиях крайней технической отсталости и совершенно исключительной изношенности и разрушенности производственного аппарата. В этих условиях малейшая перекачка средств из второго в первое затрудняет рост потребительского уровня трудящихся.

Изложенное обстоятельство дает часто повод об'яснять нарушения пропорциональности в нашем хозяйстве и, в частности, товарный голод только одним низким уровнем государственной промышленности. Такое об'яснение столь же правильно, как если бы перепроизводство при капитализме об'яснялось высоким уровнем капиталистической техники. Нельзя правильно понять причины товарного голода при игнорировании отсталости и разрушенности нашей промышленности, как нельзя понять причин капиталистического кризиса без учета уровня и роста капиталистической техники. Однако, об'яснять диспропорции производственного процесса только состоянием производительных сил, это значит отказаться от экономического анализа. Низкий технический уровень нашей промышлен-

ности обусловливает товарный голод только в условиях нашей переходной экономики с присущей ей раздвоенностью в процессе воспроизводства. На характер соотношения двух борющихся кругов воспроизводства, безусловно, оказывает влияние состояние государственной промышленности, ибо экономика находится в теснейшей зависимости от состояния производительных сил, но это обстоятельство ни в какой мере не дает еще права рассматривать препятствия воспроизводственного процесса не под углом зрения противоречий экономической структуры.

Товарный голод представляет собою, таким образом, внешнее проявление основного противоречия нашей экономики. Однако, изложенные соображения относительно товарного голода являются результатом анализа форм проявления основного противоречия в области промышленности при абстрагировании от его проявления в области сельского хозяйства.

Наше сельское хозяйство отличается крайне низким уровнем урожайности и еще более низкой товарностью, при чем это касается не только зерновых, но и технических культур. Правда, посевная площадь технических культур сильно возросла по сравнению с довоенной, однако, урожайность и товарность их далеко отстают от довоенного уровня. Уровень товарности некоторых сельскохозяйственных продуктов снизился, отчасти, вследствие увеличения личного потребления крестьянством своей продукции. Но совершенно ясно, что этим одним снижение товарности и уж во всяком случае урожайности об'яснять нельзя. Действительные причины указанных обстоятельств нужно искать в сильном измельчании сельского хозяйства, обусловленном как национализацией земли и раскулачиванием, так и сохранившимся по сие время так называемым земельным обществом с его постоянными переделами и недостаточным развитием социалистических форм земледелия. Проблема роста товарности находится в зависимости от степени преодоления указанных препятствий, но тут-то и сказывается влияние основного противоречия нашей экономики.

Поскольку сельское хозяйство до сих пор развивалось, в основном, как совокупность индивидуальных хозяйств, наибольший рост производительных сил происходил у зажиточно-кулацкой верхушки деревни. С точки зрения голого развития производительных сил деревни было бы поэтому выгодно форсировать или, во всяком случае, не препятствовать развитию зажиточных и даже кулацких хозяйств. Однако, этого нельзя было допустить и не только потому, что кулак опасен, как определенная политическая сила в деревне. В условиях советской власти и монополии внешней торговли этого нельзя допустить даже по чисто экономическим соображениям. Кулацкое хозяйство производит лучше середняцкого и несравненно большую часть своей продукции предназначает для рынка. Однако, реализовать свою продукцию оно

стремится не через государственные организации, а через частника. Больше того, кулак сам стремится превратиться в скупщика и стать, таким образом, связующим звеном между настоящим капиталистом и основной массой крестьянства. Таким образом, рост кулацких хозяйств увеличивает производство сельскохозяйственной продукции, но он еще в большей мере увеличивает для государства трудности реализации сельскохозяйственной продукции. Это — закон, вытекающий из противоречий нашей экономики. Смычка государственной промышленности с середняком возможна и осуществляется, смычка же ее с кулаком принципиально невозможна. Кулацкое хозяйство есть эксплоататорское хозяйство; всякое же усиление влияния промышленности над сельским хозяйством уменьшает возможность эксплоатации, вследствие чего кулак и стремится оттянуть основную массу крестьянства от социалистической промышленности и связать ее с частным капиталом. Между тенденциями социалистической промышленности и кулацкого хозяйства существует неразрешимое противоречие, которое постоянно сказывается в заготовках как хлебной, так и сырьевой крестьянской продукции. Наши льнопрядильные, сапожные и другие фабрики со сравнительно высокой производительностью не имеют из-за недостатка сырья полной нагрузки, а на ряду с этим в деревнях и городах растет домашняя промышленность, руководимая скупщиками, где процветает варварски примитивный способ производства. Ясно, поэтому, что в условиях национализированной промышленности и монополии внешней торговли рост продукции кулацкого хозяйства приводит не к прогрессу, а к регрессу общественных производительных сил. Этим, например, об'ясняется наша политика в отношении земельной общины. С точки зрения интересов роста сельскохозяйственной продукции земельную общину нужно уничтожить, так как постоянные переделы ведут к падению урожайности и товарности. Однако, интересы развития общественных производительных сил в нашем хозяйстве требуют, наоборот, сохранения переделов для успешной борьбы с капиталистическим накоплением кулачества.

Индивидуальные бедняцкие и середняцкие хозяйства могут, конечно, развивать производительность труда и, поскольку они входят в социалистический круг воспроизводства, способствовать развитию общественных производительных сил. Совершенно ясно, что нашей задачей является всестороннее и максимальное использование всех возможностей индивидуальных хозяйств, тем более, что пока последние являются еще основной формой сельскохозяйственного производства. Однако, мероприятия, направленные на повышение производительности индивидуальных крестьянских хозяйств, почти всегда должны сопровождаться ростом кооперативного начала в деревне. В условиях диктатуры пролетариата это абсолютно закономерное явление. Простое товарное производство в прошлом раз-

вивало производительные силы, само развиваясь к капитализму Поскольку в наших условиях к капиталистическому развитию простому товарному производству путь в основном отрезан, неизбежными становятся известные сдерживающие моменты в росте производительных сил деревни, которые могут быть полностью преодолены лишь при помощи кооперирования индивидуальных крестьянских хозяйств. Если в прошлом простое товарное производство развивало производительные силы, превращаясь в капиталистическое, то в настоящее время оно может их развивать, перерастая в социалистическое хозяйство. Только на этом пути возможен быстрый рост производительных сил советской деревни. Однако, поскольку состояние социалистических командных высот не позволило до сих пор произвести соответствующих сдвигов в сельское хозяйство, нам приходится в настоящее время иметь дело с низкой производительностью труда в деревне и с еще более низкой товарностью.

Таким образом, условия существования двух кругов воспроизводства делают кулацкие хозяйства враждебными росту общественных производительных сил; эти же условия, сопровождающиеся недостаточной развитостью социалистического сектора, ограничивают размеры средств, направляемых на под'ем производительности советской деревни, они, следовательно, обусловливают низкую урожайность и товарность сельского хозяйства.

Раздвоенность общественного воспроизводства в отношении государственного сектора создает противоречие, которое выражается в товарном голоде; в отношении сектора простого товарного воспроизводства она создает противоречие, которое выражается в низкой урожайности и товарности сельского хозяйства. До сих пор мы каждое из этих противоречий рассматривали обособленно, вне учета их взаимного влияния. В действительности же они находятся, конечно, в постоянном взаимодействии, которое, в конце концов, выражается в большом количестве конкретных, т.-е. находящихся непосредственно на поверхности явлений, противоречий. Совокупность этих конкретных противоречий представляет собою всю сумму хозяйственных трудностей, для преодоления которых требуется единая политическая и экономическая линия.

Мы вплотную подошли к вопросу о том, при каких условиях, под непосредственным влиянием каких причин наступает „кризис". Общая, конечная причина „кризиса" ясна из всего предыдущего изложения: „кризис" является результатом максимального обострения основного противоречия нашей экономики. Однако, это основное противоречие имеет целую систему конкретных форм своего проявления. Совершенно ясно, что непосредственной причиной „кризиса", поскольку он представляет собою нарушение конкретного процесса воспроизводства, должны быть конкретные факторы, действующие на самой поверхности явлений. На поверхности явлений мы имеем сумму хозяйственных трудностей, преодоление которых

происходит путем ожесточенной борьбы социалистического круга воспроизводства с капиталистическим.

Наличие двух антагонистических кругов воспроизводства, обусловливая товарный голод и замедленное развитие производственных сил сельского хозяйства, является конечной экономической причиной имеющихся в действительности хозяйственных трудностей. Разумеется, что и преодоление этих трудностей происходит на фоне борьбы указанных двух кругов и полностью зависит от исхода этой борьбы. При этом судьба процесса воспроизводства, вопрос о кризисе полностью зависит от того, какой из двух борющихся кругов воспроизводства окажется победителем. Победа социалистического круга будет означать вытеснение капиталистов с сельскохозяйственного рынка, разрыв связи между капиталистами и кустарями, увязку с теми крестьянскими и кустарными хозяйствами, которые до этого находились под влиянием капиталистического сектора. Все эти достижения, в свою очередь, подымут на более высокую ступень государственную промышленность и приведут на базе общего роста к укреплению ее связи с крестьянским хозяйством. Поэтому победа социалистического круга гарантирует гармоническое развитие народного хозяйства и, следовательно, делает невозможным кризис.

К диаметрально противоположным результатам приведет частичная победа капиталистического круга воспроизводства, которая означает оттяжку от социалистического круга части представителей простого товарного сектора. Конкретно это может вылиться в срыв государственных сырьевых или хлебных заготовок, что неминуемо создаст серьезные диспропорции в социалистическом кругу воспроизводства. Поскольку же социалистический круг охватывает абсолютно подавляющую часть производительных сил, „кризис" в нем явится, несомненно, и общехозяйственным кризисом. Удельный вес в нашем хозяйстве производительных сил, действующих в форме социалистического круга воспроизводства, столь велик, что кризис в нем отрицательно отразится даже на той части сектора простого товарного хозяйства, которая находится под воздействием капиталистического круга. И только непосредственно капиталистический сектор окажется в выигрыше, ибо нарушение пропорций в социалистическом круге и неизбежное вследствие этого дальнейшее ухудшение отношений между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством позволит ему произвести быстрое расширение своего капиталистического круга воспроизводства. Капиталистический круг имеет некоторую об'ективную базу для того, чтобы тормозить социалистическое строительство, а иногда даже производить резкое (кризисное) нарушение плавности хозяйственного развития. Однако, крайняя примитивность и сравнительно незначительный удельный вес охватываемых им производственных сил приводят к тому, что, противопоставляя себя социалистическому кругу воспроизводства, он этим самым противопоставляет свои интересы

интересам всего народного хозяйства. Поскольку основная масса средств производства остается в руках государства и сохраняется монополия внешней торговли, победа капиталистического круга над социалистическим в состоянии лишь расстроить плавность народнохозяйственных процессов, что, однако, для чисто капиталистических элементов будет означать своеобразный под'ем.

Таким образом, причины кризиса в нашем хозяйстве можно сформулировать следующим образом. Конечной причиной является наличие экономической раздвоенности единого хозяйственного процесса. Непосредственной или конкретной причиной „кризиса" является частичная победа капиталистического круга воспроизводства над социалистическим, выражающаяся в отвоевании известной части элементов простого товарного производства из-под влияния социалистического сектора.

В таком же направлении, как и частичная победа капиталистического круга воспроизводства, действует переход крестьянского хозяйства к натуральному способу производства. Однако, во-первых, натурализация крестьянского хозяйства сама обусловлена конечной причиной кризиса (раздвоенностью процесса воспроизводства) и, во-вторых, особенно в период реконструктивного процесса, она имеет тенденцию перерастать в победу капиталистического круга воспроизводства над социалистическим.

В связи с выяснением причин кризиса необходимо остановиться на вопросе о том, в какой мере кризисы можно об'яснить ошибками экономической политики.

Не может быть спора о том, что наша государственная промышленность движется некапиталистическими стимулами и что рост потребностей играет известную роль в ее развитии, но рассматривать в качестве основного стимула ее развития только рост потребностей было бы неправильно. Наша промышленность растет в обстановке конкурентной борьбы с капиталистическими элементами внутри страны и за границей, а условия этой борьбы определяют темп ее роста.

Проблемы индустриализации заостряются в связи с нынешними условиями классовой борьбы. К разрешению этих проблем нас толкает отнюдь не один только рост физиологических потребностей масс. При социализме эти последние действительно будут иметь решающее значение. Однако, выдавать их за основной стимул развития у нас можно только в случае полного игнорирования переходного характера нашей экономики.

Если бы основным стимулом развития государственной промышленности являлся рост физиологических потребностей, то не стояла бы так остро проблема индустриализации и, в частности, проблема развития тяжелой индустрии. Мы форсируем индустриализацию не потому, что нас толкает на это рост физиологического

спроса, но потому, что нас вынуждают к этому условия борьбы с капиталистическим кругом воспроизводства.

Капиталистических противоречий в нашем хозяйстве нет, а капиталистические элементы, которые (на базе отсталых производительных сил) создают новые противоречия, остались. Капиталистические кризисы у нас не только не обязательны, но и не возможны, но этим еще не решается вопрос о базе для специфических затруднений переходной экономики.

Капиталистические кризисы Маркс выводил из определенной классовой структуры капитализма. Туган-Барановский их выводил из анархичности, бесплановости капиталистического хозяйства.

Ошибки в процессе плановой увязки различных элементов общественного производства могут быть и при социализме.

Политика государства в развитии переходного хозяйства играет совершенно исключительную роль, так как в этот период она сама является фактором экономики. Больше того, экономическая политика в переходный период становится обязательной составной частью регулятора производства. Роль ее столь велика, что крупные и длительные ошибки в экономической политике сами по себе могут привести к кризисным явлениям. Однако, в корне неправильно было бы сводить их только или даже, главным образом, к ошибкам планирования. Для этого нужно забыть, что процесс воспроизводства происходит у нас в форме ожесточенной классовой борьбы и что враждебные социалистическому кругу тенденции имеют еще базу в состоянии производительных сил нашей страны. Всякая ошибка не проходит, конечно, бесследно и, ослабляя позиции социалистического сектора, усиливает кризисные тенденции в народном хозяйстве. Однако, кризисные тенденции в нашем хозяйстве имеют место и независимо от наших ошибок, так как прорыв капиталистическими элементами нашего хозяйственного фронта на том или ином его участке возможен далеко не только из-за наших ошибок.

Выше мы указывали, что в капиталистическом хозяйстве кризисы являются не только неизбежным следствием его развития, но и обязательной предпосылкой под'ема. В условиях цикличного развития капитализма кризис в такой же мере порождает под'ем, как под'ем порождает кризис. Поэтому если бы капиталистическое правительство попыталось своим административным вмешательством нарушить стихийный ход кризиса, оно окончательно дезорганизовало бы весь процесс воспроизводства. „Свободное" развитие кризисного процесса является необходимым условием капиталистического воспроизводства.

В нашем же хозяйстве кризисные явления не обладают способностью самоизживания. Наоборот, если на ликвидацию наступивших кризисных явлений не будет направлена определенная политика государства, последние станут разрастаться в кризис советского хозяйства. Эта особенность наших кризисов полностью обусловлена их специфическими причинами.

Кризис в нашем хозяйстве наступает тогда, когда капиталистическому сектору удается использовать хозяйственные трудности в целях расстройства социалистического круга воспроизводства. Мы указывали уже, что это должно привести к задержке развития всего народного хозяйства, но одновременно и к расширению капиталистического круга воспроизводства. Мы указывали, что „кризис" в нашем хозяйстве совпадает с „кризисом" в социалистическом круге воспроизводства и своеобразным под'емом в капиталистическом воспроизводстве. Непосредственной причиной „кризисов" может явиться победа (разумеется, частичная) капиталистического круга воспроизводства, но когда „кризис" возникает, он в свою очередь становится причиной укрепления позиций капиталистического круга воспроизводства. Между „кризисом" и процессом развития капиталистического круга воспроизводства образуется, таким образом, взаимодействие, стихийное развитие которого будет питать и рост кризисных тенденций и расширение капиталистического круга воспроизводства.

Если этому процессу не будет противопоставлена крутая система мер государственного воздействия и он будет предоставлен „своим собственным законам", то следствием его явится глубочайшее расстройство всего народного хозяйства, которое завершится ликвидацией диктатуры пролетариата. Законченный кризис в нашем хозяйстве невозможен. Внутреннее противоречие нашей экономики находит свое выражение в кризисных явлениях, однако, эти последние должны ликвидироваться в самом начале своего возникновения через нашу экономическую политику. В „кризисах", таким образом, находит свое выражение, между прочим, и то обстоятельство, что политика является составной частью нашей экономики.

Выше мы выяснили роль политики, как фактора возникновения „кризиса", теперь мы установили ее роль, как фактора ликвидации „кризиса". Если наличие внутренних противоречий в нашей экономике не дает нам права считать политику не только единственной, но даже и основной причиной „кризисов", то наличие командных высот в руках пролетарского государства, наоборот, превращает политику в основное средство ликвидации кризиса. Такая роль политики обусловливается тем, что „кризисы" в нашем хозяйстве не сопровождаются цикличным характером процесса воспроизводства. В отличие от капиталистического „кризис" в нашем хозяйстве не в состоянии создать условий для под'ема. Он представляет собою форму проявления внутреннего противоречия нашей экономики, однако, без вмешательства государственной власти, он не может служить средством разрешения этого противоречия.

Кризис, являющийся проявлением всей суммы экономических противоречий, отражает в своем движении характер этих противоречий. Противоречия капитализма постоянно разрешаются и постоянно снова воспроизводятся. Они в своем развитии по пятам следуют за развитием капиталистических отношений. Создавая затруднения его росту, они вместе с тем создают и возможности выхода из этих затруднений. Но зато тогда, когда противоречия капитализма достигают кульминационного пункта, они делают невозможным его дальнейшее существование и требуют революционной ломки производственных отношений.

Уже по одному тому, что наша экономика есть переходная экономика, развитие ее противоречий имеет принципиально отличное направление. Экономическая раздвоенность единого в хозяйственном отношении процесса воспроизводства делает развитие нашего народного хозяйства гораздо более напряженным, чем при капитализме. В противоположность капитализму, здесь стихийные законы не гарантируют расширенное воспроизводство. Кризис здесь является не предвестником под'ема, а угрозой кризиса всей системы. Но зато дальнейшее развитие противоречия нашей экономики происходит не по восходящей, как при капитализме, а по нисходящей линии. Победа капиталистического круга воспроизводства способна привести наше хозяйство к кризису, но зато всякая победа социалистического круга воспроизводства постепенно устраняет самую возможность кризиса в нашем хозяйстве. По мере победы социалистического круга воспроизводства уменьшается удельный вес капиталистического круга воспроизводства и, следовательно, ослабляется действие внутреннего противоречия нашей экономики. Если рост капитализма сопровождается углублением его противоречий и чрезвычайным обострением форм их проявления (кризисы, империализм), то прогрессу нашей переходной экономики неизменно должно соответствовать ослабление ее противоречий, а также смягчение их форм. Если развитие капитализма подготовляет его взрыв, то развитие переходной экономики означает ее перерастание в социалистическую экономику.

В капиталистическом хозяйстве кризисы обязательны, как в том смысле, что они являются неизбежным следствием капиталистического развития, так и в том смысле, что они являются обязательной предпосылкой под'ема. Последнее обстоятельство в отношении наших „кризисов" не действует совершенно. Что же касается первого, т.-е. обязательности в смысле об'ективной неизбежности, то из всего сказанного видно, что внутреннее противоречие нашей экономики создает об'ективную базу для „кризисов", но не делает их абсолютно обязательными. В начальной стадии переходного периода, когда указанное противоречие действует особенно остро, возможностей для кризиса больше, но база для кризисов сокращается по мере смягчения основного противоречия.

В. П. Акуленко

Направление, темп, равновесие[1]

II

До сих пор в центре нашего внимания стояли вопросы рыночного равновесия, безотносительно к вопросу о темпах и путях развития общественного хозяйства при такого рода равновесии.

В условиях обычного стихийного менового хозяйства всегда существует тенденция к установлению рыночного равновесия, поскольку, на основе „свободы действия" закона ценности, только эта форма его хозяйственного равновесия обеспечивает ему возможность роста, возможность расширенного воспроизводства. (Добавим: роста с кризисами, перепроизводством и пр.). Между прочим, дефективность рыночных регуляторов видна хотя бы из того, что общественно-необходимое перепроизводство в момент низкой кон'юнктуры воспринимается рынком в форме кризиса сбыта. Осуществление такого рыночного равновесия всегда имеет место, хотя бы и при высоком уровне цен, хотя бы и за счет ослабления темпов роста и качественной реконструкции общественного хозяйства.

Дело в том, что развитие всякого общественного хозяйства в условиях полного рыночного благополучия неминуемо будет иметь более или менее однообразный характер, независимо от характера политической и социальной организации данного общественного хозяйства. (Потому что сохраняются старые пропорции распределения народного дохода; близкое к старому органическое строение капитала, т.-е. старая техника; такая же структура производительных сил вследствие сохранения имеющихся межотраслевых пропорций; та же производительность общественного труда; та же система производственных отношений и т. д.). Такой путь развития мы условно называем „эволюционным". Наоборот, форсирование темпов хозяйственного роста, „скачкообразное" развитие его, минуя отдельные фазы „эволюционного" развития или ускоряя прохождение этих фаз, безусловно будет протекать в обстановке рыночной напряженности. Во всяком случае, и стихийное хозяйство видит золотые дни своей кон'юнктуры как-раз в момент растущих цен, в период высокой кон'юнктуры, когда собственно и происходит интенсивный процесс его реконструкции.

[1] Окончание. См. „План. Хоз.", № 2 за 1929 г.

Таким образом, развитие народного хозяйства необязательно должно итти в условиях рыночного равновесия. Если в общественном хозяйстве значительную роль приобретают волевые элементы, то закон равенства спроса и предложения может быть сдан в архив не только без ущерба для народного хозяйства, но, наоборот, с большей пользой для качественного и количественного роста последнего.

Высший критерий хозяйственного равновесия не критерий рынка, рыночных цен, а критерий производственных показателей, показателей динамики физического об'ема промышленной и сельскохозяйственной продукции. Поэтому плановое хозяйство может сознательно ломать закон спроса и предложения, сознательно развиваться в условиях товарного голода, если этот путь обеспечивает ему, при данных хозяйственных ресурсах, не только наибольшие темпы роста, но и наибольшие возможности реконструкции народного хозяйства (например, превращение его из аграрного типа в индустриальный).

Вполне понятно, что поскольку существует известная связь между рыночными и производственными показателями, постольку существуют определенные границы такого волевого влияния на хозяйственную динамику. Поэтому, руководствуясь, указанным критерием хозяйственного равновесия (динамикой производственных показателей), не следует доводить коэфициент рыночного напряжения до такого предела, когда можно иметь обратную динамику физического об'ема продукции того или другого производственного участка. Это уже дело кон'юнктурной политики.

Но тогда в какой мере и при каких условиях изменение „эволюционного" пути развития общественного хозяйства действительно гарантирует ему наибольшие из возможных темпы развития, наибольшие возможности реконструкции хозяйственной системы? Какою ценою покупается такая реконструкция? В чем сущность такого „скачкообразного" развития? Почему „скачкообразный" путь связан с нарушением условий рыночного равновесия?

Анализ развития общественного хозяйства в условиях полного рыночного равновесия облегчает ответы на эти вопросы.

При „скачкообразном" направлении развития общественного хозяйства, как и при „эволюционном", соблюдение первых двух условий равновесия является обязательным: падение удельного веса накопления при распределении народного дохода в обоих случаях ведет народное хозяйство к недопроизводству и снижению темпов, точно так же, как рост удельного веса накопления при всяком направлении развития повышает темпы роста. С другой стороны, нарушение пропорций при распределении накопления между основным и оборотным капиталом в обоих случаях ведет или к замедлению темпов или к большим перебоям в воспроизводстве, угрожающим взятым темпам.

Сущность „скачкообразного" развития определяется в основном политикой капиталовложений, состоящей в том, что путем направления вложений в наиболее технически производительные комбинации труда и капитала (при данных общественных условиях), путем форсированного развития на этой технически совершенной базе ведущих отраслей народного хозяйства, в том числе производящих средства производства, следовательно, ценою замедленного в данный момент вовлечения в производство рабочей силы (высокий технический состав капитала новых вложений), ценою замедленного в данный момент роста народного дохода, т.-е. чистой продукции хозяйства в целом (поскольку высокое отношение c/v менее производительно по об'ему продукции на единицу капитала, чем низкое), ценою временного нарушения пропорций между отраслями, стоящими по горизонтали ниже, и выше стоящими отраслями по вертикали, ценою временного нарушения равновесия и временного качественного, а иногда и количественного недопотребления, ценою всех этих моментов на узком отрезке времени покупается наиболее производительная система реконструированного производства, создающая возможность на длительном отрезке времени резкого роста производительности общественного труда в целом, отсюда — возможность высокой нормы накопления, а потому резко расширенного вовлечения в производство живой силы, роста потребительского благополучия широких масс населения и установления предпосылок для длительного хозяйственного равновесия на реконструированной базе производства.

Так как предыдущий анализ эффективности капиталовложений был дан нами с точки зрения равновесия, то методологически правильным будет дополнить его анализом с точки зрения производительности труда. (Последняя же точка зрения совпадает с точкой зрения прибавочного продукта, как точка зрения равновесия совпадает с точкой зрения чистой продукции.)

В капиталистическом хозяйстве, где руководящим принципом хозяйственной деятельности является превращение $Д$ в $Д_1$, рост органического состава капитала является всегда наилучшим способом реализации добавочной прибыли, повышающим одновременно и об'ем накопления народного хозяйства в целом.

(Так как, оперируя понятием „стоимости", в ряде случаев нужно исходить из предпосылки твердой оценки, то в дальнейшем мы будем оперировать понятием „продукции".)

Тем не менее, повышение органического состава капитала за известные пределы, строго индивидуализированные для каждой страны, может не только не увеличить возможную для данного капитала массы прибавочной продукции, но и понизить ее. Иначе говоря, отсталая страна сможет получить при данном об'еме капиталовложений не только большую массу чистой продукции, но и

большую массу прибавочной продукции далеко не при самом совершенном производстве передовых стран. Машинизированное производство дает для данного народного хозяйства в целом большую массу прибавочного продукта только в том случае, когда экономия на рабочей силе, благодаря введению машин, будет превышать возможный прибавочный продукт, который могла бы дать эта дополнительная масса капитала при более низком его составе, т.-е. за счет дополнительного вовлечения рабочих в данной отрасли или в других отраслях. Речь идет при этом не только о норме, но и о массе прибавочного продукта, так как предприятия с высоким составом капитала могут дать при высокой норме m меньшую массу последней (в силу падения продукции на единицу капитала), чем предприятия с более низкой нормой, но большим об'емом продукции на ту же массу капитала.

По интересующему нас вопросу у Маркса имеется такая формулировка: „Если рассматривать машину исключительно, как средство удешевления продукта (разрядка наша. В. А.), то граница ее применения определяется тем, что труд, которого стоит ее производство, должен быть меньше того труда, который замещается ее применением" („Капитал", т. I). Но так как замещенный труд есть определенный конкретный труд при определенной величине средств производства, т.-е. капитала, то формулировка Маркса может быть изменена так: замена уже действующей суммы капитала другой (с повышенным техническим составом) выгодна с точки зрения удешевления продукта или, при неизменных ценах, с точки зрения прибавочного продукта, когда в результате механизации темп роста прибавочного продукта на единицу рабочей силы будет настолько превышать темп падения самой рабочей силы, что новое произведение $m \times v$ не только абсолютно, но и относительно (в процентах к капиталу) превысит старое.

Вполне понятно, что в силу неравномерного развития производительных сил в мировом хозяйстве данная степень механизации, выгодная в одной стране, может быть экономически невыгодной в другой стране. Высокая степень механизации, выгодная с народнохозяйственной точки зрения в С.-А.С.Ш., где концентрируется до 40% всего мирового накопления, а население равно 7% населения земного шара, — экономически нецелесообразна в большинстве передовых европейских стран.

Регулятором такого перераспределения капиталов в стихийном хозяйстве является норма прибыли (процент на капитал), поэтому капиталистическое хозяйство повышает технический состав капитала далеко не при всяком возможном снижении себестоимости, а только тогда, когда масса полученной при этом экономии будет стоять в определенном отношении к затраченному капиталу.

Плановое же хозяйство, руководствуясь, конечно, далеко не всегда критерием рентабельности, должно заменить этот регулятор

(процент на капитал) сознательным подсчетом, так как при данном качественном составе накопления темп определяется массой накопления в отношении к капиталу.

Итак, плановое общественное хозяйство в целях максимального повышения производительности труда в каждой данной отрасли может итти на такую комбинацию c и v, которая, давая меньшую массу чистой продукции против возможной (при P/cv) повышает норму и массу прибавочного продукта всего общественного хозяйства в целом. В дальнейшем повышенное капиталонакопление создает возможность как дополнительного вовлечения в производство рабочих массивов, так и дополнительного создания чистой продукции (P) при уменьшенных издержках производства. Аналогичные выводы можно встретить еще у Д. С. Милля при анализе им пропорции оборотного и постоянного капиталов („Основания", стр. 95). „...Количество капитала, которое будет или может быть накоплено, и сумма валового продукта, который будет или может быть собран в известной стране, пропорционально искусству в производстве, существующему в ней, и (потому) каждое улучшение даже вначале уменьшающее и оборотный капитал и валовой доход, в конце концов, дает такой простор для реализации того и другого, какой был бы невозможен при других обстоятельствах. В этом и заключается ответ на возражения, поставленные против машин".

Так обстоит вопрос с линейной точки зрения, с точки зрения эффективности затрат в данной отрасли, в данном предприятии. Но было бы глубоко ошибочным предполагать, что всякий максимальный эффект в линейном направлении обязательно приведет к максимальному эффекту в деле роста производительности труда всего общественного хозяйства, т.-е. с комплексной точки зрения. Поэтому плановое хозяйство может сознательно итти на получение от данного капитала в данной отрасли не только меньшей против возможной массы чистой продукции (P), но и меньшей массы прибавочного продукта (m), если этим покупается возможность повышения производительности труда в других отраслях. Достигается это тем, что игнорируя в данный момент закон рентабельности, основную массу вложений общество направляет в „ведущие" отрасли хозяйства: в наивысшие отрасли по вертикали и в производство средств производства (эти градации переплетаются). (Именно в том и состоит огромное преимущество планового общественного хозяйства перед стихийным, что плановое хозяйство на определенный промежуток времени может подчинить политику капиталовложений задаче максимальной реконструкции производства в целях наибольшего повышения производительности общественного труда в целом.)

Ведущими отраслями мы называем те отрасли, рост производительности труда в которых отражается на росте производительности труда всего комплекса связанных с ними отраслей. Как правило, вышестоящая по вертикальной связи отрасль ведет за собой нижестоящую, хотя и сама зависит от последней. Конкретизируя это положение следует сказать, что производство средств производства является ведущей группой по отношению к группе производства средств потребления, так как оно дает элементы основного капитала последнему, определяя производительность труда этой группы; по отношению к сельскому хозяйству ведущей группой является химическая промышленность, сельхозмашиностроение и все отрасли, перерабатывающие сельскохозяйственные продукты (мясохладобоенная промышленность, бэконная, консервная и т. д.).[1] Кстати сказать, на примере химической промышленности видна вся недалекость политики капиталовложений, ориентирующейся только на рост эффективности данной суммы капитала, как таковой, вне зависимости от последующего влияния ее на другие отрасли. Так, по данным американских промышленных цензов, химическая группа обладает наименьшей трудоемкостью — 10.000 долл. капитала на рабочего при 3.250 тыс. долл. в среднем по цензовой промышленности, наименьшей суммой условно чистой продукции (валовая без сырья) на единицу капитала — 23 коп. на рубль, против 43 коп. в среднем и т. д. С другой же стороны, вложения в сельское хозяйство обладают большей трудоемкостью и большим выходом продукции на единицу капитала, чем вложения в ряде промышленных отраслей. Однако, в результате роста производительности труда в сельском хозяйстве через химизацию последнего общий рост продукции народного хозяйства, а равно и масса $v+m$ может вырасти при комбинации химии и сельского хозяйства в большем размере, чем это имело бы место при затратах той же суммы капитала исключительно в сельское хозяйство.

Особое значение для роста производительности общественного труда в целом имеет развитие энергетического хозяйства страны и транспорта. Развитие того и другого буквально делает экономические революции в прочих отраслях народного хозяйства: энергетическое хозяйство потому, что является по существу основным эле-

[1] „...Развитие производительной силы труда в одной отрасли производства, напр., в производстве железа, угля, машин, в строительном деле и т. д., которое, в свою очередь, может отчасти зависеть от успехов в области интеллектуального производства, именно естественных наук и их применения, является здесь условием уменьшения стоимости, а следовательно, и издержек на средства производства в других отраслях промышленности, напр., в текстильной промышленности или земледелии. Это само собою понятно, потому что товар, вышедший как продукт из одной отрасли промышленности, снова вступает как средства производства в другую отрасль промышленности. Итак, развитие производительной силы труда в подразделении, лежащем вне данной отрасли промышленности, в подразделении, доставляющем этой последней средства производства — вот что в рассматриваемом случае относительно понижает стоимость применяемого капиталистом постоянного капитала, а следовательно, повышает норму прибыли" (Маркс).

ментом всякого производства (наивысшая по вертикали отрасль), транспорт же потому, что уменьшая время обращения, ускоряет оборот материальных ценностей, производимых при данной технике производства, а уменьшая стоимость тарифов, действует то же как своего рода наивысшая по вертикали отрасль.

В этом смысле роль транспорта в народном хозяйстве равносильна роли конвейера в производстве. Народнохозяйственное значение транспорта помимо этого также в том, что таковой создает возможность расширенного воспроизводства при данном об'еме производительных сил (повышая товарность продукции в ряде районов, особенно сельскохозяйственных), а также повышает производительность общественного труда в целом, создавая предпосылки для наиболее выгодного географического разделения труда. Отсюда, между прочим, громадное значение электрификации и дорожного строительства для развития производительных сил нашего хозяйства. Следует, как и в отношении химической промышленности, подчеркнуть, что в силу высокого органического состава капитала последние две отрасли наименее эффективны сами по себе с точки зрения создания чистой и прибавочной продукции. Не потому ли ряд экономистов считает наиболее эффективными затраты в сельское хозяйство?

Итак, народнохозяйственную эффективность вложений следует измерять не только массой чистой продукции (P) и прибавочной продукции (m), создаваемой данными затратами капитала в данной отрасли производства, а кроме того, и дополнительной массой того и другого, создаваемой благодаря этим вложениям в ряде нижестоящих отраслей во всей их совокупности („комплексная" эффективность вложений). Так как форсированное развитие „ведущих" отраслей более или менее резко повышает органический состав капитала общества, то оно не может не явиться причиной товарного голода. Однако, и при развитии „ведущих" отраслей необходим предварительный расчет при выборе нормы состава капитала, так как далеко не всякая технически совершенная комбинация живого и мертвого труда гарантирует получение наибольшей массы чистой продукции и наибольшей массы прибавочного продукта в данных общественных условиях. (Повторяем: речь идет не только о норме выработки и норме прибавочной стоимости, но и об абсолютной массе того и другого.) Политика капиталовложений, ориентирующаяся на развитие производительной силы общественного труда в целом, хотя бы ценою временного недонакопления, аналогична политике нерентабельного экспорта, где также через потерю известной массы чистой продукции покупается возможность последующего повышения производительности труда, т.-е. ценою временной, вернее, даже единичной, потери покупается выгода на длительном отрезке времени.

Народнохозяйственное значение ведущих отраслей не только в том, что таковые создают технически более производительную базу воспроизводства нижестоящих по вертикали отраслей, но и в том, что развитие ведущей отрасли создает одновременно предпосылки расширенного воспроизводства нижестоящих отраслей, создавая последним растущие рынки сбыта.

Таким образом, при „скачкообразном" пути развития общественного хозяйства отдельные „ведущие" его отрасли идут вперед форсированным темпом за счет прочих отраслей, подтягивая затем за собою весь комплекс связанных с ними отраслей на реконструированной базе расширенного воспроизводства, в связи с чем имеет место наибольший, при данных возможностях, рост производительности всего общественного труда в целом. При этом чем выше по вертикали ведущая отрасль, тем больше ее влияние на реконструкцию всего нижестоящего комплекса отраслей. Такой путь развития может иметь место лишь в волевом целеустремленном хозяйстве, ставящем задачу развития производительных сил для последующего роста жизненного уровня широких трудящихся масс. Поэтому капиталистическое хозяйство, движимое стимулом к превращению $Д$ в $Д_1$, как правило, также не может пойти по этому пути развития, как и не пойдет на нерентабельный экспорт (исключаем damping, „нормальный" и „валютный"). Нарушение „эволюционного" пути развития такого хозяйства обычно имеет место или путем концессий, т.-е. импорта капиталов, или в порядке организации государственных предприятий (тяжелая промышленность, железные дороги); особое значение имеет политика протекционизма.

Так как вложение капиталов в ведущие отрасли имеет место за счет нарушения межотраслевых пропорций, то возникает вопрос о границах, о пределах нарушения таких пропорций с точки зрения данного момента и последующего этапа хозяйственного равновесия.

Но каковы законы сопротивления „социально-экономической материи"?

С точки зрения данного момента абсолютный предел такого нарушения пропорций достигается тогда, когда повышенные против нормальных пропорций (с точки зрения абсолютного равновесия) вложения капиталов в ведущие отрасли нарушают общественно необходимый об'ем воспроизводства путем превращения в основной капитал текущих элементов воспроизводства, путем более или менее резкого отвлечения капиталов от прочих отраслей.

В этом случае товарный голод из фактора реконструкции диалектически становится фактором деградации, разрывая рыночные связи и приводя постепенно к установлению равновесия на пониженном уровне (неполная загрузка работающего основного капитала вследствие дефицита сырья, понижение товарности деревни как по зернохлебам, так и по сырью, усиление внутренней его переработки и т. д.).

С точки зрения последующего развития предел достигнут, когда новая комбинация производительных сил в меньшей мере

повышает производительность общественного труда, чем это могла бы сделать иная комбинация живого и мертвого труда, более приближающаяся к „естественным“ пропорциям. Последнее явление, между прочим, может иметь место тогда, когда: а) ведущие отрасли настолько отрываются от своего Hinterland'а, что длительное время принуждены работать с недогрузом вследствие недостатка „потребителей“; б) когда резко повышенный технический состав капитала „ведущих“ и прочих отраслей не компенсируется „комплексным“ эффектом капиталовложений в целом.

Конкретизуя первое положение, следует сказать, что товарный голод на средства производства не должен задерживать загрузку уже имеющихся основных капиталов или об'ем строительства, возможный по финансовым условиям; с другой же стороны, товарный голод на средства потребления не должен нарушать номинальных покупательских фондов населения или же задевать жизненные интересы широких трудящихся масс.

Но если в дальнейшем встает вопрос о подтягивании отстающих отраслей по уровню ведущих, о замыкании расширенных кругов воспроизводства, что связано с относительно большим вложением капиталов в отстающие отрасли, чем это имело место раньше, то не лучше ли с самого начала было бы итти сплошным выравненным фронтом всех отраслей народного хозяйства, развиваясь вдобавок в условиях рыночного равновесия? Безусловно нет, потому что замыкание расширенных кругов воспроизводства имеет место на базе более реальной комбинации производительных сил, чем это имело бы место при „эволюционном“ характере развития.

Нужно заметить, что в условиях развития дисгармонического хозяйства рост ведущих отраслей может иметь место, ориентируясь на уже существующие рынки сбыта, в порядке вытеснения с таковых импортной продукции.

Мы не останавливались еще на одном моменте: социальной персонификации производительных сил. Эволюционный характер развития воспроизводит в расширенном масштабе старую социальную структуру общества, старую систему производственных отношений. Это обстоятельство уже по чисто политическим соображениям далеко не безразлично.

Реконструкция производительных сил неминуемо должна проходить в обстановке не только рыночной, но и социальной напряженности. В наших условиях общехозяйственная напряженность усугубляется „плановыми“ просчетами, невежеством, конкурирующим с преступностью (см. на страницах наших газет вопросы капитального строительства и просто непониманием возможностей развития волевого планового хозяйства. Последнее об'ясняется тем, что этот путь развития противоречит законам развития стихийного общественного хозяйства, изложенным во всех учебниках политэкономии; об этом и твердит ряд экономистов, переносящих

методы развития стихийного хозяйства на экономику волевого целеустремленного хозяйства. По нашему мнению, сама возможность такой дискуссии об'ясняется в лучшем случае тем, что, к сожалению, для ряда экономистов, законы экономики переходного периода не изложены еще ни в одном учебнике, а в худшем — нежеланием понимать задачи пролетариата и содействовать их осуществлению.

Перейдем теперь к анализу конкретного материала.

Ровно год тому назад мы писали следующее:

„Характерною особенностью переживаемого хозяйственного периода является то обстоятельство, что на фоне высокой хозяйственной кон'юнктуры, в условиях расширенного воспроизводства народного хозяйства, мы наблюдаем явления так называемого „товарного голода“. Противоречат ли эти факты друг другу, или же находятся в известной связи? Каковы причины товарного голода; в какой мере они имеют временный характер и в какой органический? Эти вопросы вновь привлекают к себе внимание после памятной дискуссии в конце 1925 г. о диспропорции нашего хозяйства, инфляции и т. д.“

В настоящее время мы также не имеем единства экономической мысли в деле об'яснения причин и природы товарного голода:

1) одни об'ясняют товарный голод диспропорцией между сельским хозяйством и промышленностью (как будто бы эта диспропорция не существовала и в довоенное время);

2) другие — перманентной инфляцией, поскольку темп роста кредитно-денежного обращения обгонял в последние годы темп роста торгово-промышленного оборота (как будто бы рост денежной массы целиком определяет рост покупательных фондов населения и, срезав первую, можно срезать вторые);

3) третьи — интенсивным ростом капиталовложений, несоответствующим росту реального накопления; но в рамках народного дохода рост одного слагаемого может итти только за счет другого; если поэтому капиталовложения превышают „реальное“ накопление, то это значит, что мы инвестируем оборотные фонды (растущие, кстати, из года в год) и изымаем потребительские фонды населения (опять-таки растущие из года в год, благодаря росту зарплаты в городе и росту покупательных фондов деревни);

4) четвертые — интенсивным ростом капиталовложений при параллельном же росте потребления (но так как выпрыгнуть за пределы народного дохода нельзя, то теоретики этого рода благополучно скатываются к простейшему об'яснению явлений товарного голода „инфляционной“ гипотезой;

5) пятые — вложением капиталов в капиталоемкие виды строительства, не дающие быстрого материального эффекта (Днепрострой и пр.) — эта концепция недостаточна для об'яснения проблемы товарного голода в целом, так как для каждого данного момента одно

изменение направления капиталовложений не сможет ни уменьшить размера денежного спроса, ни увеличить товарного предложения;

6) шестые — нерентабельной политикой цен, поскольку цены строятся не на основе законов рынка, т.-е. сообразно балансу спроса и предложения, а на основе общей распределительной политики государства (этого рода теории совершенно плоски, так как задача в том и состоит, что нужно об'яснить — почему при данном уровне цен расходятся платежеспособный спрос и товарное предложение);

7) седьмые — считают товарный голод результатом плохого планирования, очевидно, полагая, что любое волевое изменение направления и темпов развития всегда может протекать в условиях рыночного благополучия; этого рода „плановики" совершенно безнадежны.

Наконец, большинство экономистов „об'ясняет" товарный голод простой тавтологией, когда видит его причины в расхождении платежеспособного спроса и товарного предложения.

Довоенная действительность не является для нас идеалом ни с точки зрения конструкции производительных сил, ни с точки зрения темпов развития, не говоря уже о моментах распределения. Но эта действительность за последние довоенные годы развивалась в условиях полного рыночного благополучия. Почему же мы должны расти в условиях товарного голода, почему не можем обеспечить в ближайшие же годы желаемого темпа и направления в условиях рыночного равновесия, если унаследовали старый производственный аппарат и если баланс спроса и предложения имеет место при повышенных против довоенного времени ценностных эквивалентах? (Последний момент в значительной мере имеет номинальный характер вследствие падения меновой стоимости золота.)

Остановимся детальнее на первой предпосылке.

Пореволюционное хозяйство оказалось целиком связанным с дореволюционным, поскольку оно восприняло производственный аппарат последнего с его мертвым и живым инвентарем, с его наукой и техникой, определенным кадром трудящихся определенной квалификации и т. д.,—аппарат, приспособленный к удовлетворению по об'ему и качеству старого общественного потребления, старому направлению развития, старым темпам роста.

Следует, однако, оговориться, что производственный инвентарь дореволюционного хозяйства далеко не целиком перешел к новой общественной формации вследствие отхода ряда районов довоенной империи, вследствие физического и морального износа и прямого разрушения в период империалистической и гражданской войны основного капитала в сельском хозяйстве, промышленности, транспорте, жилфонде и т. д., вследствие абсолютного уничтожения всяких резервов и материальных оборотных фондов, вследствие деформации трудящихся кадров населения (война, эпидемии, эмиграция и пр.), т.-е. физического и морального износа

и прямого уничтожения переменного капитала страны. Таким образом, в ряде элементов унаследованный инвентарь оказался или абсолютно меньше довоенного или относительно (на душу населения), являясь морально и физически изношенным в обоих случаях. В этот унаследованный инвентарь революция внесла ряд качественных коррективов, изменив структуру сельского хозяйства (уничтожение крупных хозяйств и нивелирование прочих хозяйств), структуру промышленности и т. д. Из этого нужно сделать вывод, что сохранение даже довоенного характера развития народного хозяйства упиралось бы в ряд узких мест: общий недостаток резервов, недостаточное производство чугуна, текстиля и пр., недостаток городского жилфонда, ряда квалифицированных рабочих и специалистов и т. д.

Но дело в том, что вследствие изменившихся производственных отношений, вследствие изменения общественно-политической формации пореволюционное хозяйство оказалось целиком отличным от дореволюционного: а) по характеру распределения народного дохода между потреблением и накоплением; б) по характеру социального распределения народнохозяйственного фонда потребления-т.-е. по об'ему и составу личного потребления общества, в) по характеру капитального строительства (межотраслевые пропорции и органический состав капитала). Очевидно, что эта коллизия между производственными возможностями общества и между характером общественного потребления в целом должна была проявиться в общей рыночной напряженности, являясь таким образом настоящей причиной товарного голода. Короче говоря, генеральная реконструкция всего народного хозяйства в результате революции и волевой перевод его из одной формации в другую (политика индустриализации)— вот основные причины товарного голода.

При этом, если в восстановительный период по преимуществу, т.-е. в период постепенной загрузки унаследованного основного капитала, решающим фактором рыночных диспропорций явилась реконструкция общественного потребления в целом, то в период реконструкции производства по преимуществу (начиная с 1926/27 хоз. года) решающий фактор рыночных диспропорций — политика капиталовложений.

Соответственно с этим мы с самого начала „восстановительного" периода имели потенциальные возможности товарного голода. Можно поэтому подвергнуть большому сомнению само понятие „восстановительного" процесса, поскольку путь к достижению довоенного уровня народного дохода есть путь сплошной реконструкции народного хозяйства. (О реконструкции нашего хозяйства говорит как факт различной степени „восстановления" отдельных элементов народного хозяйства, так и различный уровень роста рыночных цен на отдельные товары или же различная степень их дефицитности.)

Так как начало товарного голода имеет место фактически с конца 1925/26 хоз. года, то на первый взгляд кажется, что товарный голод в наших условиях является результатом недокапитализации, а отсюда почти всеобщего недопроизводства, вследствие того что к концу восстановительного периода, т.-е. к концу 1926/27 хоз. года, производительность труда в сельском хозяйстве (урожайность) и в ряде отраслей промышленности еще не достигла довоенного уровня, тогда как фонды зарплаты одних промрабочих (включая начисления) превысили довоенный уровень уже в 1926/27 г. почти на 30%, то же имеем в отношении фондов зарплаты для транспортных рабочих и потребительских фондов деревни (см. далее).[1]

Такой вывод является безусловно неправильным. Исчисления, произведенные комиссией по накоплению при НКФ СССР,[2] говорят, что удельный вес накопления в народном доходе СССР составлял в 1924/25 г. 9,5%, а в 1925/26 г. — 11,3% против довоенных 8 — 8,5%. Пользуясь инвентарным методом, на основе цифровых материалов контрольных цифр Госплана СССР[3] мы получили более высокие цифры как для 1924/25 и 1925/26 гг. так и для последующих двух лет. Так, чистый прирост основных и оборотных фондов (последние без сельского хозяйства) народного хозяйства составлял в 1925/26 г. 3.500 млн. руб., в 1926/27 г.—4.650 млн. руб. и в 1927/28 г.— 4.560 млн. руб., что дает в процентах к народному доходу кругло 16, 20 и 18%.[4] Иначе говоря, к концу восстановительного периода норма накопления в нашем хозяйстве превышала довоенную норму не менее чем в полтора раза, приближаясь к нормам накопления передовых капиталистических стран. Параллельный рост нормы накопления и фондов потребления широких трудящихся масс (рабочих и крестьян) в обоих случаях имел место за счет резкого сокращения массы непроизводительного потребления довоенной России (платежи по займам, доходы дворянско-капиталистически-помпадурских элементов и пр.) и в известной мере за счет срезывания доходов высококвалифицированных групп трудящихся, лиц свободных профессий и т. д. Что же касается ближайших лет, то по мере роста производительности труда в реконструируемой промышленности и сельском хозяйстве норма накопления в нашем хозяйстве может превысить норму в 20%, т.-е. норму С.-А.С.Ш.[5] (кстати сказать, производительность общественного труда в наших условиях будет превышать производительность общественного труда капиталистического хозяйства при равном техническом составе капитала того и другого вследствие одного факта общественной организации производства, как такового). Отсюда повышение коэфициента оборачиваемости материальных капиталов как в сфере производства, так и обращения до технически возможных пределов.[1]

[1] „Бюллетень Конъюнкт. института НКФ", № 12 за 1927 г.

[2] „Вестник Финансов", № 9 за 1927 г., Железнов, „Накопление в народном хозяйстве СССР".

[3] „Основные проблемы", стр. 172 — 211.

[4] Если сделать коррективы на запасы сельского хозяйства, то, несмотря на разницу в ценах (фонды взяты в ценах 1925/26 г., а народный доход — в ценах 1926/27 хоз. года), получим еще более высокие нормы накопления.

[5] Между прочим, запроектированные пятилеткой суммы капиталовложений смогут быть реализованы, несмотря на удвоение народного дохода (в неизменных ценах), только при условии повышения существующей нормы накопления не менее чем в полтора раза, т.-е. до 30%.

Но такое перераспределение народного дохода между потреблением и накоплением, имевшее место на относительно коротком отрезке времени, безусловно должно было привести к резкому изменению характера всего общественного потребления в целом, а следовательно, и к нарушению рыночных пропорций. В таком же направлении действовало и перераспределение общественного фонда потребления между отдельными группами населения.

Остановимся вначале на процессе реконструкции личного потребления городского населения. В силу резкого сокращения доходов нетрудовых элементов городов, а также общей нивелировки уровня жизни прочих групп населения — рабочих, служащих и лиц свободных профессий — потребление более квалифицированных предметов личного потребления (а следовательно, и спрос на них) должно было снизиться, и наоборот — потребление (а потому и спрос) товаров менее квалифицированных должно было увеличиться. Не вдаваясь в длинные статистические исследования, скажем, что в наших комиссионных магазинах ковры, картины, драгоценности и пр. предметы, вовсе не первой необходимости, расцениваются значительно дешевле их довоенной стоимости. Наоборот, увеличился спрос на такие пищевые продукты как яйца, масло, мясо, белый хлеб и пр., а также на шерсть, лучшие сорта бумажных тканей (традиционный „ситец" давно уже сдан в архив), лучшие сорта кожи и пр. Так, по данным государственной и ведомственной статистики (см. речь тов. Рыкова в „Экон. Жизни" от 22/II 1928 г.), потребление рабочих еще в 1926 г.

[1] Проблема темпа есть другая сторона проблемы производительности общественного труда („производительность труда — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя" (Ленин). При прочих равных условиях наша социально-экономическая система имеет следующие преимущества перед капиталистической в деле повышения производительности общественного труда: а) преимущество общественной организации производства (отсюда возможность более рационального географического разделения труда, более высокой оборачиваемости капиталов вследствие пониженной нормы резервов и облегчения всех процессов модификации стоимости T в $Д$ и T_1 в T_2 и т. д.); б) более высокая норма накопления вследствие снижения всех видов непроизводительных затрат; в) специфическая политика капиталовложений (ориентировка не на „рентабельность", а на производительность); г) принципиально иное взаимоотношение накопления и потребления (перманентное „узкое место" капитализма—рынок—не может явиться в наших условиях „проблемой"); д) более или менее радикальное устранение всех социально-исторических пережитков, мешающих развитию производительных сил; е) принципиально отличный характер всех „надстроек" и т. д.

сравнительно с довоенным временем характеризовалось такими изменениями: потребление пшеничной муки увеличилось на 67%, а ржаной — уменьшилось на 5%, потребление мяса увеличилось на 50%, а рыбы — уменьшилось на 36%, соответственно доля коровьего и постного масла + 25% и — 3%, одновременно увеличилось потребление одежды, белья и обуви на 15% и т. д. Очевидно, в 1927 и 1928 гг. этот процесс пошел еще дальше.

Аналогичный процесс имел место и в деревне. Это вытекает из того, что в деревне также имел место процесс нивелирования доходов сравнительно с довоенным временем (процесс „осереднячивания деревни) в результате нивелирования производственной базы крестьянства, при чем деревня в целом избавилась от ряда обязательных платежей, а самое главное — освободила ту часть своего дохода, которую она должна была тратить на покупку земли и аренду.[1] В результате этих процессов хроническое довоенное „недоедание" деревни резко сократилось: современная деревня, как и город, больше потребляет продуктов полеводства, животноводства, птицеводства и пр., чем довоенная. На реконструкцию потребления деревни имел влияние и такой факт, как уничтожение религиозных предрассудков — уничтожение постов. Этот процесс реконструкции и расширения потребления в значительной мере повлиял на уменьшение товарной продукции деревни. Так товарность сельского хозяйства до войны составляла 24% чистой продукции, а в 1927/28 г.— 16,9%, или другими цифрами — валовая продукция деревни достигла уже довоенного уровня, а товарная масса только 73%. (На уменьшение товарности сельского хозяйства, помимо указанной причины, влияли, конечно, и другие факторы: уничтожение крупных товарных хозяйств, недостаточная урожайность, рост деревенского населения и проч.). С другой стороны, повысился уровень потребления деревней промышленных товаров. По общему мнению, современная деревня пред'являет спрос на товары городского типа: городского покроя и качества обувь и одежду, городского типа мебель и проч.

Равновесие между спросом и предложением на рынках товаров личного потребления могло иметь место лишь при соответствующем перераспределении наличных производственных возможностей, когда измененное товарное предложение ответило бы измененному спросу по об'ему и качеству. Поскольку реконструкция сельскохозяйственного и промышленного производства, а также импорта, имела место не в должном размере, или вовсе не имела места, цены на одни товары выросли за пределы общего уровня цен (напр., цены на масло, яйца и проч.), другие же товары при твердых ценах должны были остаться в дефиците. Понятно, что степень дефицитности, как и степень роста цен, неодинакова для различных товаров. (Отсюда же,

[1] По данным комиссии СНК по изучению тяжести обложения населения СССР, современное обложение крестьянства почти в два раза меньше довоенных его платежей, включая платежи за землю.

между прочим недавно возникшая, но уже забытая проблема ассортимента, качества и пр.). Здесь нужно принять во внимание еще одну особенность нашего потребления за истекший ряд лет. Дело в том, что процесс реконструкции потребления имел место во время восстановления потребления. Иначе говоря, в этих условиях спрос на товары обусловливался не только качественно измененными нуждами амортизации (замена старых костюмов, обуви, мебели и пр. новыми) и потребностями „естественного" прироста этих благ, но и потребностями ликвидации запущенности, поскольку за время военного коммунизма все „обносились" и „отощали". Этот процесс восстановления потребления имел значение не с количественной, а с качественной точки зрения. Смешно думать, что в период восстановления больше покупали, чем в другие периоды; спрос определяется суммой денежных доходов, за которую нельзя выпрыгнуть, хотя бы все население не имело одежды, обуви и т. д. Восстановление потребления играло свою роль в деле установления качественных пропорций между спросом и предложением, поскольку оно так резко меняло структуру и характер спроса, что производство не успевало количественно и качественно приспособляться к изменяющемуся спросу. Отсюда резкие переходы от бестоварья к затовариванию, постоянная проблема ассортимента, качества и проч.

Конечно, реконструкция потребления росла с ростом доходов городского и сельского населения. Поэтому, при прочих равных условиях, в 1924/25 хоз. году мы имели относительно большое равновесие между спросом и предложением на рынках широкого потребления, нежели в 1926/27 г., так как характеру денежного спроса и потребления более соответствовала структура и величина производственных возможностей, унаследованных от довоенного периода. По мере же роста доходов населения росла и диспропорция между спросом и предложением в силу того, что существующая производственная структура по величине и характеру своей продукции не удовлетворяла величине и характеру растущего реконструированного потребления. При другом характере потребления, более отвечающем характеру существующих производственных возможностей, мы имели бы больше элементов рыночного равновесия.

Таким образом, нарушение равновесия на рынках широкого потребления есть результат резкой реконструкции потребления, которой не могла ответить такая же по об'ему и качественному составу продукция, поскольку реконструкция производства вообще требует более или менее длительного отрезка времени даже при общественно-необходимом характере капиталовложений. Между тем, процесс реконструкции производства средств потребления, как и вообще процесс количественного приспособления его к растущему об'ему измененного потребления, временно задерживается вследствие неизбежной и совершенно правильной политики капиталовложений,

ориентирующейся в первую очередь на развитие отраслей, производящих средства производства. Такое направление капиталовложений, диктуемое интересами индустриализации страны, безусловно не имело бы места в условиях стихийного менового хозяйства, где верховным регулятором хозяйственного развития является рынок. Руководствуясь принципом рентабельности, отдельные предприниматели направляли бы свои и чужие накопления в наиболее товарно-дефицитные отрасли производства (т.-е. в отрасли, продукция которых высоко расценивается рынком) и потому скоро наступило бы равновесие, купленное, однако, ценою понижения последующих темпов развития и ценою изменения самого направления развития.

Параллельно реконструкции личного потребления имела место и реконструкция капитального строительства в смысле изменения характера и направления вложений. Уже одно изменение структуры строительного куба против довоенного времени (вследствие изменения строительных конструкций и направления вложений) должно было создать такие же диспропорции на рынках стройматериалов, какие имели место на рынках товаров личного потребления. Эти диспропорции между спросом и предложением должны были усиливаться по мере роста общего об'ема капитального строительства, по мере приближения последнего к довоенному уровню. Поэтому, в 1926/27 хоз. году, в силу более раннего „восстановления" фондов личного потребления, мы имели более острый товарный голод на рынках товаров широкого потребления нежели на рынках стройматериалов. Но уже в 1927/28 г., когда об'ем строительства превысил об'ем 1926/27 г. на 19%, а довоенный об'ем более чем в полтора раза, острота товарного голода усилилась и на последних рынках. Кстати сказать, отсюда же „дефицит" на рынках строительных рабочих и повышенный спрос на строителя-специалиста. (Абсурдность „инфляционной" трактовки товарного голода видна уже из того, что для нас наиболее дефицитными элементами строительства является квалифицированная рабочая сила, в том числе и грамотные экономисты.)

Безусловно, что и на рынках товаров производственного потребления, как и на рынках товаров широкого потребления, мы имели даже излишнее обострение товарного дефицита вследствие нарушения пропорций между вложениями капиталов в отдельные отрасли промышленности, вертикально связанные друг с другом. Отсюда проблема сырья промышленного происхождения и напряженность на самом рынке стройматериалов. Своевременное вложение нескольких десятков миллионов рублей в строительную промышленность создало бы технические предпосылки (к имеющимся финансово-экономическим предпосылкам) для реализации строительных программ на сотни миллионов рублей. Нелепость чисто финансовой точки зрения — „об'ем капиталовложений превышает „реальное накопление" страны" — лучше всего видна на примере напряженности капитального строительства вследствие недостатка ... кирпичей, олифы, древесины, извести и проч., т.-е. тех материалов, производство которых требует относительно минимальных затрат капитала. Но более быстрое развитие вышестоящих по вертикали отраслей, чем нижестоящих, обусловливает дефицит и в более капиталоемких материалах; напр., развитие машиностроения упирается в недостаток чугуна, металлургии—в недостаток руды и т. д. Рыночное напряжение усиливается еще потому, что наивысшие по вертикали отрасли являются одновременно отраслями высокого органического состава капитала с отдаленным рыночным эффектом. С другой же стороны, продукция такого строительства требует для своей реализации новых вложений в нижестоящие по вертикали отрасли. Равновесие наступает на реконструированной базе производства лишь при замыкании всего производственного концентра; до этого же замыкания — рыночное напряжение.

Следует, однако, подчеркнуть, что при всей народнохозяйственной целесообразности перераспределения накопления в сторону промышленности и электрификации, а в первой — в сторону производства средств производства, такое перераспределение имело место иногда без достаточного внимания к интересам нижестоящих отраслей. Вследствие этого уже в 1927/28 хоз. году, помимо внутрипромышленных диспропорций, обнаружился ряд других нежелательных диспропорций, которые становятся настолько узким местом народного хозяйства, что угрожают его расширенному воспроизводству.

Одним из таких узких мест является сельское хозяйство.

Медленный путь мелкобуржуазного развития, по которому невозможно достаточно эффективно реконструировать сельское хозяйство, не был компенсирован ростом обобществленного сектора, с одной стороны, и достаточной машинизацией и химизацией бедняцко-середняцкого хозяйства, с другой. Последнее же имело место вследствие недостаточности вложений в совхозы и колхозы, недостаточности вложений в химическую промышленность и сложное сельскохозяйственное машиностроение, недостаточности вложений в различные мероприятия (ирригация, сортовое зерно и проч.) и т. д.

В безусловном минимуме оставалось экспортное строительство, несмотря на то, что импорт до сих пор является самым узким местом на пути индустриализации. Между тем, только импорт создает возможность генеральной реконструкции общественного хозяйства для отсталых стран, позволяя модифицировать общественную продукцию последних на качественно более высокую продукцию передовых стран.

Прежде чем перейти к анализу импорта, следует сказать, что совершенно вне сферы внимания оставалась до сих пор проблема дороги, несмотря на то, что на бездорожьи мы теряли и теряем очень много (в результате замедления скорости обращения материальных благ, в результате сокращения об'ема обращающихся благ, доро-

говизны транспортных издержек и проч.). Статистический материал контрольных цифр Госплана в достаточной мере подтверждает все вышеуказанные выводы, чем и исключается необходимость цифровых иллюстраций в нашей статье.[1]

Какие изменения произошли в структуре современного импорта? Общая стоимость довоенного импорта равнялась 1.220 млн. руб. (для 1913 г.), что составляло к народному доходу довоенной России (в современных границах) 7—8%.

Структура импорта была такова: промтовары производственного назначения составляли около 71%, а товары личного потребления около 29%. В связи с отходом ряда районов с развитой фабрично-заводской промышленностью, эти цифры подлежат некоторой корректировке. Вследствие подчинения импорта интересам индустриализации, производственная часть импорта за последние годы сильно увеличилась за счет сокращения потребительской части импорта. Доля товаров широкого потребления составляла в общей сумме импорта 23,7% в 1924/25 г.; 21,4% в 1925/26 г., 14,7% в 1926/27 г. и 16,7% в 1927/28 г.[2] Безусловно, эта реконструкция имела бы еще более резко выраженный характер, если бы мы сопоставили современный импорт с корректированным довоенным.

Это подчинение импорта интересам индустриализации диктуется еще и тем обстоятельством, что значительная часть довоенного импорта имеет потребительский характер. Дело в том, что благодаря росту потребления деревней и городом продуктов полеводства и животноводства экспорт этих товаров резко сократился (по зерну — на 79%, по яйцам на 65%, по маслу на 50% и т. д.), что в связи с увеличением внутреннего потребления отдельных видов экспортного сырья и проч. отразилось и на степени „восстановления“ импорта. Отсюда импорт в 1926/27 г. составил только 52,6% довоенного уровня, а в 1927/28 г. 69%. Подчинение импорта потребительским интересам срезало бы всякую возможность качественной трансформации наших накоплений. Во всяком случае при этом условии производственная часть импорта оказались бы резко уменьшенной даже против довоенного времени, когда направление капиталовложений не имело такого индустриализирующего значения как в настоящее время.

Отсюда исключительное значение монополии внешней торговли в деле реконструкции народного хозяйства, поскольку мы имеем возможность использовать более высокий уровень производительных сил капиталистических стран в интересах развития своих производительных сил. Именно поэтому нерентабельный экспорт имеет положительное народнохозяйственное значение, точно так же, как

[1] „Основные проблемы“, стр. 206—211.

[2] Г. М. Кржижановский, „Десять лет хозяйственного строительства“, стр. 82.

инвалюта представляет для нашего хозяйства качественно большую стоимость, чем ее паритет к червонцу.

Все указанные процессы резкого перераспределения народного дохода между потреблением и накоплением, реконструкции общественного потребления и т. д. протекали на сравнительно коротком отрезке времени и при более чем ослабленных резервах, что неминуемо должно было обострять рыночное напряжение, создавая, вместе с тем, обстановку повышенного финансового напряжения.[1] Нужно подчеркнуть, что резервы — одно из слабейших звеньев во всей нашей системе планирования. Отсутствие резервов к началу нэпа об'ясняется проеданием таковых в период военного коммунизма. В дальнейшем же подавляющая масса накопления шла в основной капитал и потому запасы за последние три года, при абсолютном росте даже относительно уменьшились (в %% к народному доходу). Детальный цифровой анализ, произведенный нами для Украины (см. „Хоз. Укр.“, № 10, стр. 44—66), приводит, напр., к следующим выводам. В лучшем положении находятся запасы средств производства промышленности (сырье, топливо, вспомогательный материал и проч.), составляющие около 3 мес. нормы (к производственному обороту); наоборот, запасы готового фабриката падают из года в год (90 дней в 1924/25 г. и 20 дней в 1927/28 г.), при чем торговые запасы не компенсируют этого падения, оставаясь и в рознице и в центральных звеньях на месячной норме (к обороту). Такие твердые нормы запасов держатся почти на одном уровне на протяжении года, независимо от сезонности и проч. Последним и об'ясняется дефицит и перебои в снабжении даже достаточными товарами и т. д. Оборотной стороной недостаточности народнохозяйственных резервов является, конечно, недостаток денежных резервов, а поэтому и перманентное финансовое и кассовое напряжение торговли, промышленности, бюджета и кредитной системы. Поэтому вышеприведенную характеристику финансовой напряженности (см. теоретический раздел нашей статьи) целиком можно приложить к нашей действительности.

И, last not least, одним из факторов нашего хозяйственного напряжения является „плановая“ безграмотность. Лишенные регуляторов стихийного хозяйства, развиваясь вопреки этим регуляторам, мы не имеем достаточных кадров экономистов плановиков; отсюда бесконечные „плановые просчеты“, „неувязки“, оперативные ошибки и просто головотяпство.

Чем обусловливались, напр., хозяйственные затруднения конца 1926/27 г. и начала 1927/28 г., потребовавшие применения ряда экстренных мероприятий? Почти одновременным: 1) интенсивным развитием капитального строительства на сотни миллионов рублей на протяже-

[1] Так, отношение строительства к народному доходу повысилось с 11,7% в 1925/26 г. до 15,2% в 1927/28 г.; соответственно для бюджета нетто — 13,8% и 21,0% и т. д.

нии нескольких месяцев (отсюда диспропорции на рынках стройматериалов); 2) проведенным в IV квартале десятипроцентным снижением промышленных цен, что резко увеличило реальную покупательную способность населения; 3) параллельным ростом номинальной зарплаты промышленных рабочих, а также ростом фондов зарплаты строительных рабочих; 4) сезонным развитием эмиссии, авансирующей сел.-хоз. заготовки; 5) действием внеэкономических факторов; 6) сезонным ослаблением работы промышленности и т. д.

При ином, календарном распределении этих процессов мы имели бы менее напряженную кон'юнктуру.

Теперь стоит вопрос: могло бы наше хозяйство при существующих об'емах потребления и накопления иметь в ближайший отрезок времени достаточное рыночное равновесие, могло бы оно развиваться в условиях рыночного благополучия и если да, то какою ценой? (Проблема импорта капиталов не принимается нами во внимание.)

Когда ряд экономистов утверждает, что наши капиталовложения не отвечают капиталонакоплению, то поверхностность этого вывода более, чем очевидна. Существующий об'ем накопления, превышающий об'ем довоенного накопления, целиком отвечает об'ему капиталовложений. По крайней мере, никто еще не доказал, будто в итог последних трех лет хозяйственного развития мы ежегодно конфисковали путем высоких цен потребительские фонды населения, задерживали рост фондов зарплаты и инвестировали оборотные фонды народного хозяйства, а все эти явления всегда сопровождают капитальное строительство, если его об'ем превышает об'ем накоплений.

Действительная причина товарного голода — политика капиталовложений, подчиненная интересам индустриализации страны, а также генеральная реконструкция общественного потребления в результате революции.

Еще в январе прошлого года мы писали:

„По существу перспектива такова: или сильно понизить темп индустриализации за счет интересов сегодняшнего дня; создать временное потребительское благополучие за счет роста производительных сил; накопить больше резервов за счет уменьшения оборачиваемости капиталов, т.-е. за счет темпа воспроизводства, для того, чтобы иметь „спокойную" кон'юнктуру, или итти по пути, который позволит в короткий ряд лет превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, что только и создаст возможность уничтожить безработицу, повысить уровень жизни трудящихся и ликвидирует, в конечном итоге, и самый товарный голод. Выбор сделан: мы идем по второму пути. Вся соль теперь в текущей кон'юнктурной политике, которая должна сделать этот путь относительно устойчивым" (см. нашу статью в „Укр. Эконом." от 27/I 1928 г.).

Итак, громадное преимущество нашего хозяйства перед стихийным в том, что ценою временного качественного недопотребления, ценою временного замедления темпа роста общей массы народного

дохода, ценою относительно замедленного вовлечения в производство рабочей силы, ценою хозяйственного напряжения покупается возможность резкого темпа роста производительности общественного труда в целом.

Равновесие следует искать на расширенном базисе, который только и создает предпосылки длительного последующего равновесия.

Как уже указывалось, пореволюционное хозяйство получило старый производственный аппарат не только в техническом смысле — старое оборудование, устарелая квалификация рабочих и специалистов и проч., но, что самое главное, старый аппарат в смысле приспособления его к старым рыночным потребностям, старым темпам роста и направлению этого роста. Изменение последних моментов как бы встречает об'ективизированный, оматериализированный протест побежденных социальных групп, протест старых производительных сил, служивших старой социальной структуре. Отсюда плата за реконструкцию. Кстати сказать, дороговизна нашего капитального строительства есть тоже своего рода плата за реконструкцию, поскольку мы строим модернизированные предприятия, электростанции и проч., которым не отвечает своей квалификацией унаследованный старый строительный аппарат. Отсюда анекдотические примеры строительства, где невежество вполне конкурирует с преступностью. Но если нам суждено итти этим путем, то почему развитие всех хозяйственных процессов имеет место в условиях товарного голода, а не в условиях дороговизны; не в условиях рыночного равновесия, хотя бы на основе высоких цен. Почему сдается в архив баланс спроса и предложения на основе ценностных факторов (вообще же за определенный отрезок времени спрос и предложение всегда балансируются)?

Ведь политика „рентабельных" цен не только „успокоила" бы рынок, выравняв спрос и предложение, но как будто бы увеличила и фонд накопления за счет срезывания потребительских фондов. Вряд ли это так; вернее, совсем не так.

Не приходится долго доказывать, что рост цен в данный период привел бы к народнохозяйственному кризису. Но независимо от условий данного момента, развитие при твердых или даже снижающихся ценах больше отвечает характеру экономики переходного периода, чем развитие при стихийном уровне цен. С точки зрения интересов широких трудящихся масс далеко не безразлично — иметь ли товарный дефицит при твердых ценах или равновесие при высоких ценах. Товарный голод при твердых ценах не конфискует покупательских фондов населения, что было бы возможно при условии высоких цен, а лишь модифицирует возможную структуру потребления Оставляя в стороне социально-классовые моменты политики цен, нужно сказать, что и с чисто экономической точки зрения, с точки зрения роста производительных сил, развитие нашего хозяйства, при

стихийных ценах, шло бы меньшими темпами, так как рост цен каждый раз срывал бы об'ем хозяйственных связей гораздо резче, чем это может сделать товарный голод. С другой же стороны, расширенный выход продукции гораздо скорее сможет оздоровить рынок путем ослабления товарного голода, чем путем обратного снижения повышенных перед этим цен. Цены в наших условиях опережают реальное равновесие спроса и предложения; это подвижной лимит, к которому мы идем путем расширенного промышленного воспроизводства; точно так же, как установленный паритет червонца к инвалюте есть второй подвижной лимит в этом смысле (приближение к мирово-хозяйственному уровню цен по мере приближения к мировой производительности труда).

Вполне понятно поэтому своеобразие денежной системы в условиях товарного голода. Отражая не реальное соотношение спроса и предложения, а волевую установку государства в деле ценообразования, валюта приобретает элементы „хартальности", становясь счетной единицей. С другой стороны, это—лимит будущего хозяйственного равновесия, к которому нужно итти путем расширенного воспроизводства при одновременном росте производительности общественного труда. Как понимать поэтому защитников „твердой" валюты? Только в одном смысле: в смысле резкого изменения характера рыночных связей, в смысле сближения рыночного спроса и предложения на пониженном уровне воспроизводства и пониженной производительности труда, в смысле ослабления политики индустриализации.[1]

Странно, однако, только то, что некоторые экономисты допускают возможность волевого регулирования паритета к инвалюте (против фактов нельзя ведь итти: пример активной девизной политики австрийцев), не допуская, вместе с тем, возможности волевого регулирования денежного обращения внутри страны.

В какой мере уже окупились „издержки индустриализации"? Реконструирована ли уже производственная база? Созданы ли предпосылки такого повышения производительности общественного труда, когда мы имели бы возможность нагнать и перегнать С.-А.С.Ш.? Нам кажется, что мы имеем более чем недостаточный срок для того, чтобы действительность смогла бы дать окончательный ответ на эти вопросы. Товарный голод имеет только $2^1/_2$-летнюю давность; совсем ведь недавно ряд экономистов упражнялся в писании статей о затоваривании и пр.

Таким образом, период реконструкции более чем короток, при чем ряд об'ектов строительства находится в процессе стройки. Эффект капитального строительства, купленного ценою товарного голода, скажется лишь во втором пятилетии, так как лишь к концу первой пятилетки будут закончены главнейшие работы (новые электростанции, заводы и пр.) и подтянуто все народное хозяйство по уровню „ведущих" отраслей.

[1] „Da ist der Hund begraben".

Это, конечно, не значит, что теперешняя острота товарного голода не будет и не должна быть смягчена в наикратчайший период. Нужно необычайно резко подчеркнуть, что „издержки индустриализации" смогут дать свой народнохозяйственный эффект только при условии технически целесообразной проектировки отдельных видов капитального строительства и при условии достаточных темпов роста качественных показателей работы ведущих отраслей. Ведущие отрасли будут камнем на шее всего народного хозяйства, если не дадут ожидаемого от них эффекта. Между тем, страницы наших газет буквально вопиют о всех недочетах капитального строительства. Отсюда такие курьезы, когда себестоимость продукции механизованного производства стоит дороже себестоимости немеханизованного производства. Но дело далеко не в одной технически совершенной реализации строительства. Повторяем, технически совершенное выполнение капитального строительства только тогда даст свой эффект, когда сами проекты строительства будут проектироваться с учетом оптимальной количественной и качественной эффективности на каждый затраченный рубль капитала.

В какой мере соблюдаются у нас все эти условия, если беспроектное строительство до сих пор являлось правилом, а не исключением; если запроектированная стоимость строительства по мере хода строительства удваивалась и даже утраивалась? Но даже при условии строительства по проектам, действительно ли были всегда учтены критерии чистой продукции и прибавочной продукции, т.-е. критерии количественной и качественной эффективности капиталовложений с линейной точки зрения (с точки зрения данной отрасли, данного предприятия) и с комплексной точки зрения (с точки зрения эффекта вложений одной отрасли на производительность труда других отраслей)? А в какой мере учитывались вопросы межотраслевых пропорций и вопросы равновесия (относительного, конечно)?

В какой мере, на все эти вопросы отвечает пятилетка?

Мы ставим эти вопросы не для того, чтобы посеять сомнения, а для того, чтобы приковать все общественное внимание к этим кардинальным проблемам нашей экономики, для того, чтобы заставить десять раз отмерить при проектировках строительства и один раз резать, а не наоборот.

Подводя итоги, ставим старый вопрос в новой постановке: не являются ли наши выводы об издержках товарного голода, о „скачкообразном" характере развития апологией действительности, о которой обыватель, имеющий историческую перспективу не в 5—10 лет, а в 5—10 дней (очереди!), отзывается далеко не лестно? Вышеизложенные соображения в первом разделе нашей статьи дают соответствующий ответ на эти вопросы, а логика ведь

обязывает. Для любителей же фактов мы ставим контр-вопрос: оправдала ли себя политика протекционизма? Кое-каким экономистам не вредно вспомнить, как фритредеры защищали от протекционистов выгодное для потребителя, выгодное для народного хозяйства в данный короткий отрезок времени международное разделение труда.

Как будто действительность оправдала протекционистов. Так вот, с нашей точки зрения, политика товарного голода есть логически доведенная до конца политика протекционизма, регулирующая не только об'ем связей потребителя с внешним рынком, но и с внутренним рынком (путем соответствующей политики капиталовложений). Наоборот, с нашей точки зрения, апологетами абстрактной мысли являются те экономисты, которые абстрактные законы политэкономии, нигде и никогда не действовавшие в своей чистоте (ср. доводы Фр. Листа), а всегда подвергавшиеся корректировке человеческой волей в тех или других интересах,—делают прокрустовым ложем для живой реальности. Фетишизируя абстракции политэкономии, напр., самый реакционный для нас в своей абстракции закон стоимости, эти апологеты забывают, что категории политэкономии есть общественные отношения, которые тем более принимают для общества форму закона, т.-е. об'ективного регулятора, чем более стихийны производственные отношения, чем слабее планово-волевое начало. Апологеты абстрактных категорий политэкономии уподобляются тем физикам, которые отрицали бы возможность авиации, исходя из абстрактных законов падения тела (в абстрактном безвоздушном пространстве).

Поэтому дискуссия должна была бы стоять не в плоскости—оправдывает ли себя политика товарного голода, а в плоскости—каковы конкретные пределы, каковы конкретные границы волевого влияния нашего планового начала на нашу экономику; каковы, далее, критерии терпимости и экономической целесообразности той или другой степени товарного голода и т. д. Но такова уж судьба экономии, где само определение закономерностей приобретает политический характер.

Не приходится доказывать, что в наших условиях развитие народного хозяйства эволюционным порядком было бы связано с наибольшим благоприятствованием интересам деревенской и мелкой городской буржуазии... Закон жизни: все живое рождается в муках. Муки родов капиталистического хозяйства продолжались десятилетия; развитие производительных сил капитализма покупалось ценою вырождения и обнищания отдельных социальных групп и даже народов. Развитие молодого социалистического хозяйства покупается как будто более дешевою ценою—ценою товарного голода на коротком исторически отрезке времени, при чем жизненные интересы широких трудящихся масс покупаются ценою вырождения... городской и сельской буржуазии, которой политика „скачкообразного" роста заказывает пути развития. Однако опасно было бы делать обратный вывод—чем больше напряжение, тем больше реконструкция.

Точно также, если кредитно-финансовое напряжение в результате недостатка резервов приводит к замораживанию кредитную систему, а отсюда один шаг к инфляции, то и здесь—нарушение указанных пределов. Лишенные регуляторов стихийного хозяйства, мы должны усилить плановое начало, а также роль и значение кон'юнктурной политики. Накопление известного минимума маневренных резервов должно создать об'ективные предпосылки планирования.

Речь идет о создании того минимума резервов, который гарантировал бы относительную бескризисность расширенного воспроизводства. Повторяем: наличие определенных норм резервов обязательно как для хозяйства, развивающегося в условиях рыночного равновесия, так и для хозяйства, развивающегося в условиях товарного голода.

Особое значение должно иметь усиление обобществленного сектора торговли, поскольку в условиях товарного голода и регулируемых цен торговый аппарат должен быть не чем иным, как аппаратом планового распределения товарных благ. На моментах кон'юнктурной политики в условиях товарного голода остановимся в другой раз.

От редакции. Статья тов. Акуленко печатается в порядке обсуждения.

М. Кауфман

Итоги и перспективы внешней торговли

(К перспективному плану по внешней торговле)

I

Внешняя торговля СССР формально возобновилась в апреле 1920 г. Первые годы проходили в условиях непосредственного послевоенного периода, когда промышленность, сельское хозяйство и другие отрасли народного хозяйства начали еще только восстанавливаться. 1921 год к тому же еще ознаменовался тяжелым недородом, который отразился на положении всего народного хозяйства. При низкой восстановленности главнейших отраслей народного хозяйства экспорт не мог развиваться, потребности же в импорте были чрезвычайно велики. Промышленность еще так слабо работала, что приходилось ввозить из-за границы предметы широкого потребления, оборудование для транспорта, сел.-хоз. машины. Ввоз этих товаров, в силу почти полного отсутствия экспортных ресурсов, оплачивался из золотого фонда республики.

Только в 1923/24 г., когда селькое хозяйство и промышленность оправились от послевоенной разрухи, импорт начал оплачиваться за счет выручки от экспорта.

В 1923/24 г. экспорт впервые достиг относительно высокой цифры. Если в 1922 г. вывоз по довоенным ценам дал лишь 81,6 млн. руб., в 1923 г. — 205,8 млн. руб., — то в 1923/24 г. он достиг цифры в 269,1 млн. руб. по довоенным ценам, а в современных ценах — 522,6 млн. руб.

Резкое изменение, происшедшее в результате Октябрьской революции во всей системе народного хозяйства, и изменения социально-политического порядка отразились на направлении советской внешней торговли.

В довоенное время огромную роль в развитии народного хозяйства играл иностранный капитал. С 1890 по 1900 гг. инвестиция иностранного капитила составляла 696,3 млн. руб. Следующий период — с 1900 по 1915 гг. — инвестиция дает 1.294,9 млн. руб. Инвестиция иностранного капитала осуществлялась в виде импорта товаров. Свободное проникновение иностранного капитала облегчало развитие внешнеторгового оборота. Импорт не зависел в такой мере, как сейчас, от экспорта, хотя и в довоенное время экспорт в конечном счете являлся главнейшим источником оплаты импортных товаров. Россия не принадлежала к числу стран с невидимым экспортом. Она не получала доходов от торгового флота, или доходов от помещения за границей капиталов, или от страховых операций. Наоборот, помимо импорта, стране приходилось оплачивать дорогостоящие расходы по ведению войн, расходы русских туристов за границей и др.

Актив по торговому балансу целиком шел на оплату всех этих непроизводительных расходов. За двадцатилетие до войны активное сальдо по торговому балансу достигало громадной суммы в 4.615 млн. руб. Несмотря на столь значительные размеры этого актива, он не покрывал платежей России за границей. Для их покрытия приходилось прибегать время от времени к займам. Таким образом, экспорт являлся главнейшей основой платежного баланса России. Царское правительство было вынуждено форсировать экспорт во что бы то ни стало и не столько для покрытия производственных потребностей страны, сколько в силу необходимости оплачивать свои внешние обязательства.

Главнейшим источником экспортных ресурсов являлось сельское хозяйство; оно давало почти 80% всего вывоза, при чем главное место в этом вывозе занимали хлебопродукты, на долю которых приходилось 50%.

За последние довоенные 14 лет вывоз хлебопродуктов развивался следующим образом:

Экспорт хлебопродуктов (в млн. тонн)

Годы	Абсол.	В %%
1896 — 1900	7,4	100,0
1901 — 1905	10,14	137,1
1906 — 1910	10,25	137,5
1911 — 1913	12,1	162,8

Однако, несмотря на столь значительное развитие хлебоэкспорта, удельный вес его в начале XX столетия во всем хлебном товарообороте начал сокращаться. Статистика перевозок 4 главных хлебов по железным дорогам показывает на увеличение роли внутреннего рынка. В среднем за пятилетие 1876 — 1880 гг. на экспорт направлено 57,2% всех перевозок хлеба по железным дорогам. В 1901 — 1905 гг. — 56%, в 1906 — 1910 гг. — 51,6%, в 1911 — 1913 гг. — 49%. Сокращение роли хлебопродуктов сопровождалось повышением удельного веса продуктов животноводства и птицеводства и повышением роли промышленных товаров.

За последнее довоенное двадцатипятилетие экспорт хлебопродуктов по ценности возрос на 80%, в то время как экспорт продуктов животноводства увеличился на 263%, экспорт технических культур — на 26,2% и экспорт продуктов звероловства — на 236,7%. Экспорт промышленных товаров начал обгонять по темпу своего роста вывоз с.-х. товаров, при чем в этой группе удельный вес экспорта

тяжелой индустрии превышал удельный вес легкой индустрии, продукция последней направлялась, главным образом, в восточные страны.

Сопоставление движения сел.-хоз. и промышленного экспорта показывает, что последний обгонял вывоз сел.-хоз. товаров:

Годы	Сел.-хоз. экспорт	Пром. экспорт
1887—1890	100,0	100,0
1891—1895	86,3	90,0
1896—1900	92,4	114,7
1901—1905	124,9	153,3
1906—1910	151,8	229,4
1911—1913	195,1	291,2

В то время как сел.-хоз. экспорт увеличился за 25 лет, примерно, в два раза, промышленный экспорт вырос в три раза. Доля промышленного экспорта в довоенный период начинала постепенно увеличиваться. В 1901—1905 гг. удельный вес промышленного экспорта составил 22,9%, на сел.-хоз. экспорт приходилось 77,1%. В следующем пятилетии промышленный экспорт дал 26,7%, в 1911—1913 гг. доля его составляла уже 27,4%, тогда как сел.-хоз. экспорт составлял 72,6%. При всем том хлебопродукты все еще продолжали занимать 50% всего вывоза. Вывоз хлебопродуктов искусственно форсировался. Путем соответствующей налоговой политики царское правительство понуждало крестьянство выбрасывать огромную массу хлеба на рынок, несмотря на далеко неполное удовлетворение потребностей сельского населения. Впрочем, это относится не только к хлебопродуктам, но и к другим предметам питания — молоку, яйцам. Царское правительство в хлебном экспорте видело главную опору своей политики активизации торгового баланса. Можно установить определенную зависимость между размерами хлебного вывоза и активным сальдо торгового баланса.

Понижение хлебного экспорта отражалось на активности торгового баланса в сторону его снижения. Если исключить хлебопродукты, то торговый баланс, особенно за последние годы перед войной, дает пассив, и довольно крупный. Мы уже указывали выше, что валютная выручка, получаемая от экспорта, использовалась в довоенное время, с народнохозяйственной точки зрения, непроизводительно. Структура импорта наглядно об этом свидетельствует:

	1904/05 г.	1906—1910 гг.	1911—1913 гг.
Ввоз предметов личного потребл.	43,8	46,4	44,1
Производственный ввоз	56,2	53,6	55,9
	100,0	100,0	100,0

Хотя с развитием промышленности доля производственного ввоза повышалась, однако, до войны потребительские товары все еще занимали значительную часть импорта. Так, из общего ввоза в 1.374 млн. руб. в 1913 г. на ввоз предметов потребления приходилось 395,1 млн. руб., что составляет 28,7%. Почти 400 млн. рублей тратилось на ввоз потребительских товаров. Ввоз таких товаров, как вино, кофе, фрукты, консервы, дорогие текстильные изделия и проч. предметы роскоши, поглощали большие суммы. Зависимость нашего хозяйства от мирового в довоенное время была весьма значительна. В области машиностроения, электротехнической и химической промышленности иностранные государства являлись главнейшими поставщиками. Собственная промышленность в этих отраслях находилась в зачаточном состоянии. Сырье также ввозилось в значительных размерах из-за границы. Весь ввоз по группе сырья в 1913 г. составил 373,9 млн. руб. На огромную сумму из-за границы ввозился хлопок, шерсть, металлы черные и цветные, кожсырье и пр. Несмотря на то, что Россия располагала всеми возможностями наладить собственное сырьевое хозяйство в такой степени, чтобы сократить свою зависимость от мировых рынков, содействие этой отрасли хозяйства со стороны правительственных органов не оказывалось. Нерациональное направление импорта, непроизводительное использование валютных ресурсов страны приводили к тому, что Россия в главнейших отраслях народного хозяйства находилась почти в полной зависимости от иностранных государств. На ряду с этим, техническая отсталость нашего сельского хозяйства и слабое развитие промышленного экспорта приводили к тому, что Россия увеличивала свой экспорт не столько за счет улучшения качества экспорта, сколько за счет количественного роста. Так как экспорт главнейших отраслей находился в руках иностранных фирм, последние были заинтересованы в низком качестве вывозимых товаров. Всем известно, что наши хлебопродукты вывозились в чрезвычайно засоренном виде, затем очищались за границей и продавались по повышенным ценам. Известно также низкое качество вывозимых яиц, масла и других сел.-хоз. продуктов. Все это приводило к недостаточной валютной эффективности нашего сел.-хоз. экспорта. Если брать ценностные показатели, то темп импорта в довоенный период превышал темп роста вывоза, что видно из следующей таблицы (в тыс. руб.):

Годы	Экспорт	%%	Импорт	%%
1887—1890	721.689	100,0	406.098	100,0
1891—1895	628.003	87,0	460.106	113,3
1896—1900	698.254	96,8	607.969	149,7
1901—1905	941.359	130,5	632.147	155,7
1906—1910	1.204.581	166,9	910.299	224,2
1911—1913	1.543.447	213,9	1.235.829	304,3

Обладая огромными естественными богатствами, Россия занимала незначительное место в мировом товарообороте. На ее долю приходилось в 1901—1905 гг. 3,32% в мировом товарообороте, в 1906—1910 гг.—3,44%, в 1911—1913 гг.—3,64% и в 1913 г.—3,69%. Если брать Россию в границах СССР, то эта доля снизится до 3,4%.[1]

[1] И. Ламбров, „Международная торговля до войны и в послевоенные годы".

Главнейшее место во внешней торговле России занимали европейские страны; на их долю в русском вывозе в 1913 г. приходилось 84,2%, а по привозу — 85,7%. Германия занимала по вывозу 29,4%, по привозу — 47,5%. Второе место приходилось на Великобританию, которая по вывозу занимала 17,8% и по привозу — 19,6%; на восточные страны по вывозу приходилось 8,7%, а по привозу — 11,5%. Что касается Соед. Штатов, то в экспорте они почти никакой роли не играли, а в импорте занимали лишь 5,8%.

II

Развитие советской внешней торговли началось с 1923/24 г. Ее развертываие по годам истекшего пятилетия шло следующим образом:

Годы	Экспорт	Импорт
1923/1924	522.635	439.372
1924/1925	558.632	723.501
1925/1926	676.620	756.332
1926/1927	770.543	712.691
1927/1928	773.915	944.705

т.-е. за пять лет экспорт достиг 3,3 мрд. руб., а импорт 3,5 мрд. руб. Как видоизменяется характер экспорта за это пятилетие, можно видеть из таблицы на 81 стр. (в тыс. руб.).

В 1924/25 и 1927/28 гг. экспорт оставался стабильным. Недостаточное развитие экспорта за эти годы об'ясняется резким сокращением хлебного вывоза. Хлебный экспорт в 1923/24 г. составил 223,5 млн. руб., в следующем году он снизился до 103 млн. руб.; в 1925/26 г. он опять поднялся до 198,4 млн. руб., а в 1926/27 г. возрос до 224 млн. руб.; в 1927/28 г. вывоз хлебопродуктов составил лишь 56,5 млн. руб. Продукция зернового хозяйства отстает от других отраслей сельского хозяйства и в результате для экспорта не остается излишков. Так как советская экспортная политика в противоположность довоенному времени допускает вывоз лишь после удовлетворения внутренних потребностей, то недостаточность продукции зернового хозяйства сказывается раньше всего на экспорте. Население увеличилось по сравнению с довоенным временем на 8%, между тем валовая продукция зерновых культур остается ниже довоенной. Так как вывоз и других сел.-хоз. продуктов, таких, как масло, яйца, лен, отстает по сравнению с довоенным временем, то в результате мы имеем общую отсталость нашего сел.-хоз. вывоза (см. табл. на 82 стр.).

Наиболее отсталой является группа хлебопродуктов, затем лен, масло и яйца. На ряду с этим вывоз некоторых сел.-хоз. товаров превысил довоенный уровень; промышленный экспорт в целом перешагнул далеко за довоенную грань, однако, помимо нефтепродуктов и так называемой группы „прочие", вывоз остальных товаров отстает еще от довоенного времени. Успехи промышленного экспорта об'ясняются тем, что промышленность вообще идет впереди сельского хозяйства по темпу своего развития, и в этой области регулирующее воздействие государства сказывается во всей своей силе.

Статьи	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
А. Сел.-хоз. вывоз						
Хлебопродукты	654.422	223.532	102.941	198.143	233.719	56.596
В том числе:						
Хлеб	594.501	191.977	52.456	160.103	207.192	38.953
Жмыхи	38.687	20.821	26.450	24.047	22.695	16.918
Семена масл.	21.234	10.734	24.035	13.993	3.832	725
Масло	71.558	26.493	27.579	30.873	34.236	39.155
Яйца	90.646	13.403	25.657	23.649	28.954	40.462
Лен и кудель	94.189	23.282	52.447	45.434	20.080	21.275
Пенька и пакля	22.870	2.025	3.872	2.159	1.907	3.350
Щетина	8.088	3.857	15.277	10.279	6.711	6.587
Конволос	3.088	1.649	1.899	1.886	2.259	2.434
Пушнина	21.073	49.729	67.268	69.292	86.103	119.210
Прочие	155.957	20.387	46.674	49.971	57.812	93.247
Весь сел.-хоз. вывоз	1.121.891	364.357	343.614	431.686	471.481	382.316
% второст. с.-х. товаров ко всему с.-х. вывозу	13,9	5,6	13,6	11,6	12,3	24,4
Б. Промышл. экспорт						
Лесоматер.	164.930	70.436	72.792	58.245	79.777	92.663
Нефтепродук.	50.086	37.345	66.612	75.969	89.213	106.987
Марг. руда	14.575	14.366	17.891	21.285	24.090	13.752
Железн.	3.048	66	1.743	1.383	4.215	4.527
Сахар	27.559	6.560	13.964	18.962	31.195	34.269
Ткани хлопч.-бум.	43.895	918	5.214	14.725	20.919	49.376
Прочие	94.150	28.587	36.802	54.365	49.653	90.025
Весь промышл.экспорт.	398.243	158.278	215.018	244.934	229.062	391.599
% второст. экспорта ко всему пром. экспорту.	23,6	18,1	17,1	22,2	16,6	23,0
Весь экспорт	1.520.134	522.635	558.632	676.620	770.543	773.915

Итак, с 1923/24 г. по 1927/28 г. общий экспорт увеличился на 46,5%. Темп роста при все еще невосстановленном экспорте следует признать недостаточным. Экспорт хлебопродуктов, если брать 1923/24 — 1927/28 гг., резко сократился (23,6%). Экспорт масла в 1927/28 г. составил 148,7% по отношению к 1923/24 г. Экспорт яиц — 301,4%, экспорт льна составляет 91,3%. Целый ряд других сельскохозяйственных продуктов дает значительный рост. Так, например, в 1923/24 г. птицы битой вывозилось всего лишь на 557 тыс. руб., а в 1927/28 г. — на 10.569 тыс. руб. Мясопродукты в 1923/24 г. почти не вывозились, так как экспорт не был налажен, а в 1927/28 г. экспорт их составил 16.093 тыс. руб. Экспорт кишек и желудков в 1923/24 г. составил 1 млн. руб., а в 1927/28 г. уже 10.659 тыс. руб. Чрезвычайно благоприятно развивался экспорт пушнины: в 1923/24 г. было вывезено на 46.440 тыс. руб., в истекшем году вывоз достиг суммы в 119 млн. руб., за исключением одинна-

	1927/28 г. в тыс. руб. по довоен. ценам	1927/28 г. в % к 1913 г.
Сел.-хоз. экспорт		
Хлебопродукты	36,0	5,1
В том числе хлеб	25,3	3,9
Жмыхи	10,3	30,6
Семена	0,4	2,0
Масло	30,1	54,3
Яйца	36,9	53,7
Лен и кудель	8,0	12,8
Пушнина	38,6	164,3
Мясопродукт	14,9	163,7
Прочие	64,8	45,8
Весь сел.-хоз. экспорт	229,3	21,7
Промышл. экспорт		
Лесоматериал	72,1	85,2
Нефтепродукты	158,8	433,0
Марганцевая руда	6,2	63,9
Сахар	24,9	71,6
Ткани	30,8	95,1
Прочие	68,0	129,0
Весь промышл. экспорт	360,8	143,8
Весь экспорт	590,1	45,1

дцати товаров экспорт по прочим сельскохозяйственным товарам в первом из указанных лет составил всего 15.552 тыс. руб., а в 1927/28 г. уже 45.784 тыс. руб. Весь сел.-хоз. экспорт, если брать его вместе с хлебом, дает рост лишь на 5%. Однако, если исключить хлебопродукты, мы получим следующие цифры:

	1923/24 г.	1927/28 г.
Весь сел.-хоз. экспорт (в тыс. руб.)	364.357	382.316
Без хлеба	140.825	343.363

За исключением хлебопродуктов экспорт всех остальных сельскохозяйственных товаров увеличился на 143%. Промышленный экспорт дает несколько больший коэфициент роста. В 1923/24 г. весь промышленный экспорт составил 158.278 тыс. руб., а в 1927/28 г.— 391.599 тыс. руб., т.-е. он вырос на 147%. Доля промышленного экспорта поднялась до 50,6% вместо 30,3%, в 1923/24 г. и 27,4% в среднем за пятилетие 1909—1913 гг. За пять лет экспорт составил сумму 3.302.345 тыс. руб., при чем экспорт хлебопродуктов составил 814.931 тыс. руб., или 24,7%. Следующее за ним место приходится на пушнину, вывоз которой составил 391.602 тыс. руб., или 11,9%; масло 158. 336 тыс. руб., или 4,8%; яйца — 132.105 тыс. руб., или 4,4%. Группа второстепенных сельскохозяйственных товаров дала 140.822 тыс. руб., или 4,3%. Весь промышленный экспорт дал 1.308.891 тыс. руб., или

39,6%, при чем главное место заняли нефтепродукты, на долю которых приходится 376.126 тыс. руб., и лесоматериалы — 373.912 тыс. руб.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что экспорт развивается по иному чем в довоенное время пути. Сравнивать современный экспорт с довоенным не приходится, ибо произошли резкие сдвиги во всех отраслях народного хозяйства. Политика „не доедим, но вывезем" Октябрьской революцией была ликвидирована. Население сейчас лучше питается, чем в довоенное время, продукция же не возросла в такой степени, чтобы удовлетворять и внутренний повышенный спрос и потребности экспорта, в результате вывоз по сравнению с довоенным временем отстает. При общей отсталости экспорта вывоз целого ряда товаров превзошел довоенный уровень. В тех областях, где вложены достаточные средства и проделана работа в области реконструкции производства, имеются значительные достижения. Так, экспорт мясопродуктов в 1927/28 г. далеко перешагнул за довоенный уровень, что связано с постройкой бэконных фабрик и холодильных складов. То же относится и к рыбопродуктам, щетине, пушнине и некоторым второстепенным сел.-хоз. товарам, вывоз коих превзошел довоенный уровень. Мало того, целый ряд товаров, не вывозившихся ранее, теперь экспортируется.

В области промышленного экспорта особенно значительные успехи отмечаются в отношении нефтепродуктов, где вывоз уже в несколько раз выше довоенного. Что касается вывоза лесоматериалов, то он составляет 85,2% довоенного. Недостаточные размеры экспорта лесоматериалов об'ясняются тем, что эта отрасль нашего народного хозяйства была в загоне. Новые предприятия почти не строились; старое оборудование износилось. Капитальные затраты в нефтяной промышленности составили в 1925/26 г. 140,3 млн. руб., в 1926/27 г. — 170,8 млн. руб. и в 1927/28 г. почти такая же сумма. Капитальные вложения в лесную промышленность соответственно: 17,2 млн. руб., 25,5 млн. руб. и 19,17 млн. руб. Между тем, как было указано выше, валютный эффект от лесной промышленности оказался не ниже полученного от экспорта нефтепродуктов. При достаточных капиталовложениях экспорт лесопродуктов может достигнуть значительной цифры и быстро обгонит довоенные размеры.

В первые годы пятилетия намечены значительные суммы для лесоэкспортной промышленности, и результаты, при своевременном отпуске и использовании этих средств, скажутся в ближайшие же годы. Вообще наша промышленность обладает значительными экспортными возможностями, и при надлежащих капитальных вложениях экспорт может быстро возрасти. Намечается строительство специальных экспортных предприятий, разработка новых экспортных отраслей. Так как при этом промышленность имеет широкие возможности использовать все технические достижения, промэкспорт должен возрасти не только количественно, но и качественно.

В 1927/28 восстановленность экспорта, по отношению к вывозу 1913 г., составила 45,1%.[1] Восстановленность, как мы видим, низкая, но она обусловливается, главным образом, недостаточностью вывоза хлебопродуктов. Так, восстановленность экспорта масла составляет 54,3%, яиц—53,7%, льна и кудели—12,8%, птицы битой и дичи—175,5%, рыбопродуктов—153,8%, мясопродуктов—163,7%, щетины—115,1%, кишек и желудков—73%, пушнины—164,3%, лесоматериалов—85,2%. Экспорт нефтепродуктов составил 433% по отношению к довоенному времени. Рудная промышленность дает низкий процент восстановленности—57%, зато азбест дает 116,5%, ткани—почти 100%. Весь промышленный экспорт в целом уже перешагнул довоенный уровень, в то время как сельскохозяйственный экспорт все еще значительно отстает от довоенного времени. Распределяя весь экспорт по отдельным отраслям, мы получаем следующую картину: (в современных ценах):

	1923/24 г.		1924/25 г.		1925/26 г.		1926/27 г.	
	тыс. руб.	%%	тыс. руб.	%%	тыс. руб.	%%	тыс. руб.	%%
Хлебопродукты	223.532	42,8	102.941	18,4	198.143	29,3	233.719	30,3
Животноводство и птицеводство.	48.757	9,3	84.412	15,1	84.119	12,4	89.939	11,7
Техническ. культуры	25.307	4,8	53.056	9,5	46.324	6,8	20.476	2,6
Звероловство	49.729	9.5	67.268	12,0	69.390	10,2	86.103	11,2
Проч. нераспр. сел.-хоз.	17.032	3,3	34.749	6,2	31.123	4,6	41.467	5,4
Тяжелая индустрия	123.494	23,6	163.197	29,2	164.366	24,4	202.285	26,3
Легкая индустрия	8.478	1,4	19.178	3,5	33.688	5,0	52.114	6,8
Проч. нераспред. промтоваров	27.306	5,3	33.831	6,1	49.467	7,3	44.440	5,7
Весь экспорт	522.635	100	558.632	100	676.620	100	770.543	100

По сравнению с довоенным временем структура экспорта резко изменилась. Увеличилась роль продуктов звероловства и значение промышленных отраслей экспорта. Вместо довоенного экспорта тяжелой индустрии в 13,12%, современный занял 26,3%. Удельный вес легкой индустрии повысился меньше, но все же он больше, чем в довоенное время. Роль хлебопродуктов и продуктов животноводства сократилась. В 1927/28 г., по сравнению с 1926/27 г., удельный вес хлебопродуктов значительно меньше, и наоборот—роль экспорта продуктов животноводства и птицеводства значительно больше.

[1] Довоенный экспорт взят в границах быв. империи.

III

Ограниченные размеры экспорта ставили предел развитию импорта. Импорт в наших условиях, когда инвестиция иностранного капитала весьма незначительна, зависит полностью от экспорта. Импорт в отдельные годы превышает экспорт. Актив торгового баланса, которым отмечаются 1922/23, 1923/24 и 1926/27 годы, позволил в отдельные годы допускать превышение импорта над экспортом. Но если взять размер вывоза и ввоза за все 5 лет, то торговый баланс остается пассивным, увеличение внешне-торговых долгосрочных кредитов в 1926/27 г. сказалось на росте импорта в 1927/28 г. Всего за 5 лет импортировано товаров на сумму 3.571.393 тыс. руб., в том числе оборудования на 641.530 тыс. руб., по отношению ко всему импорту это составит 18,0%. Импорт сырья составляет 1.451.446 тыс. руб., или 40,6%, полуфабрикатов ввезено на 546.828 тыс. руб., или 15,3%. Для сельского хозяйства ввезено товаров на сумму 189.348 тыс. руб., или 5,3%. Весь производственный импорт за 5 лет составил 2.846.243 тыс. руб., или 79,7% по отношению ко всему ввозу. Потребительский импорт составил 685.101 тыс. руб. (19,2%).

Рассматривая движение импорта по отдельным годам, можно видеть из таблицы на 86 стр.

После завершения восстановительного периода начался усиленный ввоз заграничного оборудования как для переоборудования существующих предприятий, так и для новых. Развитие капитального строительства потребовало затраты значительных средств на ввоз иностранного оборудования. Значительный ввоз оборудования начал осуществляться с 1926/27 г. (152 млн. рублей). В 1927/28 г. импортное оборудование определяется в сумме 255 млн. руб. Доля оборудования в общем импорте 1926/27 г. составила 21,5%, а в следующем году—27%, в то время как в 1913 г. она составляла 12,5%. Ввоз сырья, как видно из приведенной таблицы, также увеличивался из года в год. По группе полуфабрикатов ввоз за два последних года сократился по сравнению с 1925/26 г., что об'ясняется удовлетворением потребностей за счет нашей собственной промышленности. Ввоз предметов потребления по сравнению с довоенным временем резко уменьшился. В значительной части это об'ясняется реконструкцией всего нашего импорта, недопущением к ввозу предметов роскоши и стремлением ввозить, главным образом, для производственных нужд. В отношении отдельных товаров, которые являются предметами потребления широких масс, ввоз является недостаточным и ограничивается только в силу недостаточности валютных ресурсов. Ввоз таких товаров, как чай, сильно отстает от довоенного времени и является явно недостаточным. То же относится к сельдям, хотя здесь недостаточность ввоза отчасти компенсируется увеличением внутренней продукции. Только в силу жесткого регулирования импорта и строгой экономии валютных средств удается удовлетворить,

Динамика ввоза СССР

Статьи	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
	В тыс. руб.					
А. Производ. ввоз						
Оборудование промыш. и транспорта	172.358	53.914	71.374	107.573	152.844	255.825
Сырье	343.111	221.236	244.501	273.975	328.116	383.618
В том числе:						
Хлопок	114.041	141.835	133.830	117.777	131.505	154.215
Шерсть	60.012	43.878	47.475	41.407	51.122	62.052
Металлы черные	56.378	913	3.785	10.361	11.275	16.759
„ цветные	—	14.431	18.767	20.662	45.444	57.703
Кожсырье	25.083	7.641	16.763	24.842	38.630	40.080
Прочие	87.597	12.538	23.881	49 927	50.140	52.809
Полуфабрикаты	212.405	69.905	112.114	145.826	101.854	117.099
В том числе:						
Кожа выделанная	21.240	7.782	17.257	21.846	7.517	7.274
Бумага и картон	29.534	9.376	21.982	29.258	18.440	14.590
Красители	14.970	3.452	19.365	16.947	11.089	11.740
Дубители	7.719	13.589	8.820	11.451	12.251	15.720
Прочие	138.942	35.706	45.720	66.324	52.557	67.775
Топливо	91.224	6.330	837	3.715	5.587	622
Сельское хозяйство	65 330	11.446	41.716	59.413	37.793	38.980
В том числе:						
Сел.-хоз. маш. и тракт.	49.036	6 214	32.242	48.154	23.812	21.765
Прочие	16.294	5.232	9.474	11.259	13.981	17.215
Весь производ. ввоз	884.428	362.831	470.572	590.503	626.194	796.144
Б. Ввоз предм. потребления						
Жизненые припасы	261.269	46.059	204.859	70.409	63.524	114.972
В том числе:						
Рис	13.083	7.027	18.293	9.999	10.888	15.494
Чай	62.169	10.549	17.297	26.072	27.943	36.788
Селедки	24 387	3.717	9.862	2.046	3.159	2.496
Апельсины и лимоны	11.093	322	2.087	2.930	1.680	3.486
Сахар	33	4.604	40.385	6.149	661	576
Прочие	150.504	19.840	106.200	23.213	19.193	46.994
Промышл. предм. широк. потребления	130.722	21.044	35.889	83.084	17.247	28.014
Весь ввоз предметов потребления	391.991	67.103	240.748	153.493	80.771	142.986
В. Все прочие товары	97.615	4.230	12.181	12.337	5.726	5.575
Весь ввоз	1.374.034	434.164	723.501	756.332	712.691	944.705

при относительно незначительных размерах экспорта, не только текущие потребности промышленности, но и осуществить широкую программу капитального строительства.

По отношению к довоенному времени импорт в 1927/28 г. составил почти 50%, т.-е. восстановленность импорта несколько выше восстановленности экспорта. Сокращение импорта и экспорта по сравнению с довоенным временем отразилось на удельном весе СССР в мировой торговле. В 1927 г. доля СССР в мировом товарообороте составляла 1,20% против 3,04% в 1913 г. В то время как международная торговля уже в 1925 г. превысила довоенный уровень, наша внешняя торговля в 1927 г. составляла лишь 46% по отношению к 1913 г. Эта разница в степени восстановленности мировой и нашей внешней торговли, естественно, усложняет задачу сбыта наших товаров на мировом рынке. Восстановление мировой торговли произошло за счет развития экспорта целого ряда стран и, в частности, таких стран, которые являются нашими конкурентами. Таким образом, довоенная доля СССР была замещена отчасти за счет усиления экспорта наших конкурентов. При проектировании пятилетнего плана развития внешней торговли этому моменту приходится уделять сугубое внимание.

IV

Монополия внешней торговли дает возможность гибкого маневрирования и увеличивает шансы советского экспорта в борьбе за сбыт наших товаров на мировых рынках, но все же значительный рост экспортных ресурсов, который намечается по пятилетнему плану, потребует особых усилий при реализации в силу ограниченной емкости рынков. Предстоит жестокая борьба за сбыт, и наши успехи будут зависеть, во-первых, от качества наших товаров и, во-вторых, от нашей конкурентоспособности в области цен. Но и качество экспортируемых товаров и понижение их себестоимости, в свою очередь, зависят от эффективности капитального строительства.

При проектировке строительства наших экспортных предприятий необходимо обратить внимание на то, чтобы они выдерживали конкуренцию с аналогичными предприятиями других экспортирующих стран. Оборудование этих предприятий по последнему слову техники, постановка производства на более высокой технической базе должны обеспечить высокое качество продукции.

Проблема капитальных вложений должна в перспективном плане занять преобладающее место; увеличение экспортных ресурсов будет находиться в прямой зависимости от размера капитальных вложений. Капитальное строительство должно явиться главнейшим рычагом не только количественного, но и качественного роста нашего экспорта. Надлежащие капитальные вложения в сельское хозяйство и промышленность обеспечат реконструкцию всего нашего экспорта. Одним из результатов этой реконструкции должно явиться снижение себестоимости экспортных товаров.

В области сельского хозяйства одной из важнейших задач является увеличение продукции зернового хозяйства до таких размеров, которые дали бы возможность полностью удовлетворить потребности внутреннего рынка, увеличить размеры видимых и невидимых запасов и в то же время довести экспорт зерновых продуктов до значительных размеров.

Если в довоенное время хлебопродукты занимали 50% в общем вывозе и давали около 700 млн. руб., то в 1932/33 г., по расчетам пятилетнего плана, экспорт хлебопродуктов займет 21,4%, т.-е. удельный вес их не будет выше по сравнению с предшествующим пятилетием. Об'ясняется это тем, что на ряду с восстановлением зернового экспорта увеличиваются экспортные ресурсы других отраслей сельского хозяйства и особенно значительно возрастет промэкспорт.

Несмотря на утрату преобладающего значения хлебопродуктов, необходимо приложить все усилия к тому, чтобы экспорт хлебопродуктов был налажен и достиг указанных размеров. Экспорт хлебопродуктов должен дать в 1932/33 г. сумму, которая, несомненно, отразится на положении торгового баланса и определит возможности расширения импорта, но хлебопродукты все же свою довоенную ведущую роль в нашем экспорте сдают. Так, за все пятилетие на долю хлебопродуктов приходится 11,6%, тогда как лесоматериалы и нефтепродукты займут 32,4% во всем экспорте. Выше мы уже указывали на то, что проектируемые цифры экспорта могут считаться обеспеченными только в том случае, если будут произведены надлежащие капиталовложения. Помимо зернового хозяйства требуются средства для маслоделия, птицеводного хозяйства и других отраслей. Количество маслозаводов должно резко возрасти; старые заводы должны быть отремонтированы. Яично-птичная отрасль также требует значительных затрат. Необходима постройка складов, оборудованных по последнему слову техники, постройка заводов для утилизации отходов. Общая сумма потребных капиталовложений по отраслям экспорта, подведомственным НКТоргу, составляет 1.055 млн. руб. (297,7 млн. руб. по чисто экспортным отраслям и 762,7 млн. руб. по смешанным). Крупные средства потребуются и для других отраслей. В лесную промышленность для обеспечения намеченной программы по лесоэкспорту должно быть вложено 914 млн. руб. (в неизменных ценах), по нефти 1.417 млн. руб. Значительность капиталовложений в сельское хозяйство, в частности в зерновое хозяйство, дает возможность рассчитывать на резкое усиление экспортной базы сельского хозяйства. Увеличение удельного веса обобществленного сектора в сельском хозяйстве и рост товарных фондов совхозов и колхозов имеют немаловажное значение для экспорта, ибо значительная часть зернового вывоза должна производиться за счет продукции обобществленного сектора.

Экспорт зерновых продуктов и масла (экспорт яиц превысит довоенный уровень) запроектирован в меньших размерах, по сравнению с последним довоенным пятилетием. Об'ясняется это тем, что несмотря на предположенные значительные размеры продукции будет продолжаться и рост их потребления. Таким образом, несмотря на всю важность форсирования экспорта, пятилетний план его не строится на началах ограничения потребления. Экспорт льна также не будет восстановлен, что об'ясняется увеличением потребления промышленности. Второстепенный сельскохозяйственный экспорт вырастет на 85% и составит к концу пятилетия сумму в 166,5 млн. руб. Экспорт пушнины, который за истекшие 5 лет уже далеко превысил довоенные размеры, сможет дать лишь незначительный рост. При этом имелось в виду, что необходимо поберечь наши пушные богатства.

Весь сел.-хоз. экспорт к концу пятилетия составит по отношению к 1927/28 г. 270% и достигнет 1.033 млн. руб., тем не менее, он будет ниже довоенного. Изменение структуры экспорта видно из следующей таблицы:

	1913 г.	1927/28 г.	1932/33 г.
Сел.-хоз. экспорт . .	80,8	49,4	50,5
Промышл. „	19,2	50,6	49,5
Весь экспорт .	100,0	100,0	100,0

Структура экспорта по сравнению с 1927/28 г. не меняется. Это об'ясняется увеличением вывоза хлебопродуктов. Если исключить хлебопродукты, рост удельного веса промышленных товаров становится вполне наглядным.

	Сел.-хоз. экспорт	Промышл. экспорт
1927/28 г. . . .	45,4	54,6
1932/33 г. . . .	36,9	63,1

Недостаточные на первый взгляд размеры сел.-хоз. экспорта являются результатом той социально-политической установки, какая дана во всей пятилетке. Общий рост благосостояния городского и сельского населения, повышение его культурного уровня неизбежно поведут к росту потребления продовольственных сельскохозяйственных товаров, огромный рост промышленной продукции увеличит спрос на сырье, в том числе и на экспортное. Вот почему, несмотря на значительный рост сел.-хоз. производства, вывоз отстает от довоенного времени. Довоенный экспорт не может явиться моделью для реконструкции экспорта.

Промышленный экспорт возрастет несколько меньшим темпом, но при этом надо иметь в виду, что в то время как сел.-хоз. экспорт в истекшем пятилетии отстал, промышленный уже превзошел довоенные размеры. Всего предположено вывезти промтоваров в 1932/33 г. на 1.014,5 млн. руб. против вывоза в 391,5 млн. руб. в 1927/28 г., рост по этой группе намечается почти на 159,1%. Значительно увеличивается экспорт нефтепродуктов, лесоматериалов, марганцевой руды, а второстепенный промышленный экспорт должен будет воз-

расти на 179%. К концу пятилетия весь экспорт должен достигнуть 2.047 млн. руб. По довоенным ценам экспорт выразится в сумме 1.600 млн. руб. против 1.307 млн. руб. за 1909—1913 гг. (в границах СССР), т.-е. в 1932/33 г. экспорт превысит довоенный уровень на 22,4%. Исходные и конечные годы пятилетия дают такие цифры (в млн. руб.):

Контрольные цифры перспективного пятилетнего плана экспорта [1]

	1927/28 г.	1932/33 г.	1932/33 г. в %% к 1927/28 г.
Весь сел.-хоз. экспорт . .	382,3	1.033,0	270,2
Весь промышл. „ . .	391,6	1.014,5	259,1
Весь экспорт	773,9	2.047,5 [2]	264,6

Общая сумма вывоза за пятилетие спроектирована в 6.971 млн. руб. Столь значительные размеры экспорта потребуют, разумеется, больших усилий при реализации на внешних рынках. Чтобы яснее представить себе значение запроектированных темпов экспорта, приведем несколько примеров роста удельного веса советских товаров в мировом товарообороте. По лесу удельный вес СССР на европейском рынке достигнет к концу пятилетия 36% вместо 16 довоенных и 11% в 1927/28 г., или, иначе говоря, значение СССР в европейской торговле увеличится больше чем в 3 раза по сравнению с исходным годом. Если даже учесть сокращение лесных массивов в некоторых экспортирующих странах, рост строительства, хорошее качество советского леса, т.-е. условия, которые облегчают конкуренцию на мировом рынке, то при всем этом предстоит преодолеть значительные препятствия для того, чтобы занять господствующее место на европейском лесном рынке. По нефтепродуктам при запроектированных размерах экспорта удельный вес наших нефтепродуктов должен будет повыситься с 11,2% до 21,2%. При оценке возможности сбыта нефтепродуктов надо учитывать новые источники добычи нефти и увеличение добычи на существующих участках (мосульская нефть, венецуэльская нефть, огромный рост добычи Северной Америки). Кроме того, нельзя упускать из виду успехов в области производства искусственных нефтепродуктов (синтетическая нефть). Надо также принять во внимание и организационные факторы нефтяной торговли, где роль монополистических организаций чрезвычайно велика. Все это, несомненно, усложнит задачи сбыта наших нефтепродуктов. С другой стороны, возрастет потребление нефтепродуктов в связи с огромным развитием автомобилизма, авиации и промышленного потребления, что дает

[1] Проектировка Торгплана НКТорга СССР.

[2] По проектировке Госплана намечены большие цифры для экспорта последних лет. Торгплан Наркомторга СССР исходил из того, что следует увеличить резерв экспортных товаров, который может быть использован в зависимости от конъюнктуры.

основание рассчитывать на осуществление намеченной экспортной программы. По марганцу доля СССР должна будет подняться с 20% в 1927/28 г. до 50% в 1932/33 г.

Приведем еще несколько примеров по сельскохозяйственным товарам. Размещение на внешних рынках предполагаемых к вывозу к концу пятилетия хлебопродуктов не встретит затруднения. Выгодность нашего географического положения, прекрасное качество советских хлебопродуктов,— все это гарантирует сбыт наших экспортных излишков. По яйцам намечается значительный прирост экспорта, в связи с чем удельный вес СССР в мировой торговле повысится с 15% до 30%. Размещение столь значительного количества яиц потребует особых организационных мероприятий и расширения сферы сбыта. Наконец, по льну наш удельный вес в мировой торговле должен будет к концу пятилетия достигнуть 40% против 14,6% в исходном году.

Значительные трудности встретятся при размещении второстепенных промышленных товаров, реализация которых будет сталкиваться с высокими протекционистскими тарифами почти во всех импортирующих странах. Изделия нашей легкой индустрии найдут сбыт на восточных рынках и, отчасти, в лимитрофных странах. В первое пятилетие трудно рассчитывать на то, чтобы нам удалось значительно усилить экспорт готовых фабрикатов в западно-европейские страны (за исключением отдельных групп товаров, в отношении которых наблюдается спрос на советские изделия).

Намечаемые по пятилетнему плану народного хозяйства огромные размеры капиталовложений в промышленность (16,4 мрд. руб.) и значительный рост продукции всей промышленности, которая к концу пятилетия превысит довоенные размеры промышленной продукции в три раза, потребуют значительного импорта. По проектировке ВСНХ к концу пятилетия потребуется ввоз сырья для удовлетворения потребностей промышленности в размере 577 млн. руб., по проектировке НКТорга предположен ввоз сырья к концу пятилетия в размере 523,3 млн. руб., за пятилетие по исчислениям НКТорга ввоз сырья должен будет достигнуть 2.046,4 млн. руб. Несмотря на увеличение ввоза сырья, зависимость нашей промышленности от экспорта сырья сократится, рост сырьевой базы внутри страны позволит удовлетворить потребности, главным образом, за счет внутренних ресурсов. При абсолютном росте сырья его относительная роль сократится. Так, например, импорт меди, составляющий в 1927/28 г. 49,9% в общем потреблении промышленности, сократится к концу пятилетия до 41%, импорт цинка соответственно с 90,2% до 20,5%, удельный вес импортного хлопка понизится с 42,5% в 1927/28 г. до 19,5% в 1932/33 г., по шерсти соответственно с 43,9% до 36,1%. Проблема сырья является чрезвычайно важной во всем пятилетнем плане внешней торговли. В истекшем пятилетии сырьевой баланс в области внешней торговли был чрезвычайно не-

благоприятен. Так, в 1927/28 г. импорт сырья превысил экспорт сырьевых товаров на 209 млн. руб. К концу пятилетия пассивность сырьевого баланса в абсолютных цифрах все еще останется весьма значительной, хотя соотношение экспорта и импорта становится более благоприятным для экспорта. Для торгового баланса и для сокращения нашей зависимости от ввоза иностранного сырья чрезвычайно важно усилить нашу сырьевую базу.

Ввоз оборудования в абсолютных цифрах значительно возрастет, но и здесь будет происходить процесс сокращения зависимости за счет роста нашего собственного машиностроения. Через 5 лет ряд новых предприятий начнет функционировать, что скажется на сокращении нашей зависимости от иностранного рынка. Удельный вес импортного оборудования в общем потреблении сократится по сравнению с 1927/28 г., и составит 21,8% против 27,2% в 1927/28 г. Особенно резко должен сократиться ввоз полуфабрикатов, где наиболее ярко скажется расширение нашей собственной продукции. Это единственная группа, где предположено сокращение не только относительное, но и абсолютное, и вместо 84,2 млн. руб. ввоза в 1927/28 г., в 1932/33 г. предположено ввезти на 60 млн. руб. Наоборот, удовлетворение потребности сельского хозяйства будет значительно полнее, чем это имело место в истекший период. Предполагается ввоз, главным образом, тракторов и удобрителей. Весь ввоз по группе сельского хозяйства должен будет возрасти в 1932/33 г. на 113,2% по сравнению с ввозом 1927/28 г. Значительный темп роста ввоза для сельского хозяйства об'ясняется проектируемым увеличением сел.-хоз. продукции. Возможность значительного расширения сел.-хоз. продукции зависит от степени химизации и механизации сельского хозяйства. Последние варианты пятилетнего плана по сельскому хозяйству, проектирующие рост урожайности на 35%, расширение посевной площади на 22%, потребуют более значительного ввоза тракторов и удобрителей, чем это предполагалось первоначально. Вся группа производственного импорта в 1932/33 г. составит 1.272 млн. руб. Потребительский импорт должен быть значительно увеличен, так как мы уже указали выше в истекшем пятилетии потребности страны в предметах первой необходимости были недостаточно удовлетворены.

Укажем на то, что предполагается значительный рост ввоза предметов культурной потребности населения. Необходимость экономии валюты заставляла не допускать ввоза для удовлетворения индивидуальных потребностей. Между тем, по мере роста благосостояния населения, необходимо будет допустить ввоз целого ряда товаров, являющихся предметами культурного обихода. Сюда включены не только потребности научных учреждений, но и потребности отдельных граждан. Возможность достаточно свободного получения из-за границы книг, технических приборов, словом, всего того, что необходимо для научно-исследовательских работ, имеет чрезвычайно

важное значение, особенно в период широкой индустриализации, когда научная инициатива и широкое распространение технических знаний являются одним из важнейших факторов промышленного развития страны. Ввоз предметов роскоши и предметов не первой необходимости попрежнему не будет допускаться.

В целом роль импорта, если брать его по отношению к продукции промышленности, сократится. В 1927/28 г. импорт для нужд промышленности составил 7% к стоимости продукции, в 1932/33 г. процент снизится до 3,9%. Реконструкция народного хозяйства на базе индустриализации должна будет, естественно, отразиться на характере внешней торговли; экспортные и импортные планы должны будут проспособляться к тем изменениям, которые связаны с процессом реконструкции. Ресурсы народного хозяйства вырастут и это позволит увеличить импорт. Актив торгового баланса должен начаться с первого же года пятилетия. В 1932/33 г. экспорт должен значительно превысить импорт. Динамика экспорта и импорта видна из следующих цифр (в %% к 1928/29 г., принятому за 100):

	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33
Экспорт. . . .	100,0	118,5	139,8	182,7	225,0
Импорт. . . .	100,0	125,9	161,7	205,4	225,9

За пятилетие импорт составит 6.179,8 млн. руб. при экспорте в 6.971,7 млн. руб. Общий оборот достигнет огромной цифры в 13.151,5 млн. руб. Актив торгового баланса за пятилетие должен будет составить 791,9 млн. руб.; увеличение внешнеторгового оборота на душу населения по экспорту достигнет 12 руб. 10 коп. в 1932/33 г. против 5 руб. 16 коп. в 1927/28 г., по импорту 10 руб. 7 коп. в 1932/33 г. против 6 руб. 30 коп. в 1927/28 г. Удельный вес СССР в мировой торговле увеличится за пятилетие в два раза.

Наркомторг при проектировке своего пятилетнего плана исходил из необходимости построения одного варианта, который соответствовал бы принятому Госпланом оптимальному плану. Экспорт исчислен, особенно за последние годы, с определенной страховкой за счет возможно более широкого спроса на внутреннем рынке. Таким образом, здесь взята более осторожная оценка экспортных излишков против тех, которые вырисовываются на основании сопоставления размеров продукции, товарности и потребностей внутреннего рынка.

В первые два года проектируемой пятилетки внешняя торговля явится наиболее узким местом и в известной мере определит лимиты для раззития промышленности и сельского хозяйства. Именно в эти два года потребуется особенно напряженная работа в области внешней торговли, для того чтобы обеспечить намечаемые темпы развития промышленности, а отчасти и сельского хозяйства. При правильном использовании всех материальных и валютных ресурсов страны и при надлежащем использовании кон'юнктуры внеш-

них рынков, при улучшении качества нашего экспорта и при рационализации импортных закупок запроектированные размеры внешнеторгового оборота должны оказаться в соответствии с возможностями и потребностями Союза. Третий год явится менее напряженным; в четвертый и пятый годы, когда экспортные ресурсы страны должны будут резко возрасти, импортные потребности могут быть удовлетворены полностью при значительной активности торгового баланса.

Трудности первых двух лет вытекают из того, что при проектировке пятилетки не принята во внимание возможность увеличения внешнеторговых долгосрочных кредитов; было бы неправильно включать в проектировку пятилетнего плана приращения внешнеторговых кредитов, ибо это означало бы зависимость осуществления намечаемых темпов развития народного хозяйства от иностранных кредитов, правильнее и вернее рассчитывать лишь на собственные ресурсы.

С. Зак

Торговая сеть СССР и ее рационализация [1]

I

Многое из того, чем характеризуется товарооборот СССР, об'ясняется недостаточной оценкой значения торговой сети в деле как заготовки, так и распределения товаров. Вообще мы слишком упрощаем роль торговли в товарно-денежном хозяйстве, в том числе и в условиях переходного времени. Торговля — это не только средство передачи товара от производителя к потребителю. Часто торговля сама „создает" товар. Она его не производит, но заставляет других его производить—в одних случах. В других случаях—и это значение торговли для СССР особенно важно: она товаризирует натуральное хозяйство. На этой роли торговли нет надобности долго останавливаться, так как она иллюстрируется всей многовековой историей торговли. Поскольку мы не можем строить социализма на базе 20—25-процентной товарности сельского хозяйства, постольку и у нас торговля не должна ограничиваться рамками пассивного посредничества в передаче потребителю того, что сельское хозяйство „привыкло" выбрасывать в товарооборот. Колхозное и совхозное строительство поднимает товарность сельского хозяйства. Но это в обстановке нашей деревни не должно быть единственным методом борьбы с „патриархальным" укладом крестьянского хозяйства. Дополнительных методов требует не только проблема правильного построения хлебных и сырьевых заготовок, но и все существо задачи, разрешаемой переходным временем. И прежде всего тут мы сталкиваемся с целесообразно построенной торговлей.

Не менее важна торговля, как фактор организации потребления. Характер потребления определяется, конечно, целым рядом условий, от торговли независящих,—условий географических, исторических, физиологических и т. д. Поскольку переходное время выдвигает проблему реконструкции и в области потребления, постольку речь идет о системе мероприятий социально-культурного свойства. Но и по отношению к ним организация товарооборота,—а в условиях нэпа, организация торговли,—должна выполнить определенную функцию. Капиталистическая торговля деформирует потребление в интересах капиталистической прибыли. Торговля переходного времени воздействует на потребление в интересах трудовых

[1] В порядке обсуждения. Ред.

масс и народного хозяйства. Укргосплан справедливо подчеркивает значение советской торговли в смысле руководства в выборе покупателем необходимых ему товаров.[1] К этому необходимо прибавить место, которое торговля может занять в борьбе с дефицитностью одних товаров путем повышения спроса на другие товары компенсационного характера.

Советская торговля должна быть приспособлена к задачам советской экономической политики. Она должна быть активным фактором как борьбы за социализм, так и борьбы против тех перебоев в балансе спроса и предложения, с которым и мы будем иметь дело на протяжении всего переходного времени. Это — задача целесообразно построенной торговой сети. Качественная сторона должна тут сыграть первую роль. Советский купец не только должен покупать и продавать. Он должен быть доверенным лицом производителя и потребителя. Чиновник, стоящий за прилавком, так же плох в советской торговле, как и в капиталистической. Разница тут лишь та, что знание, умение, инициатива капиталистического купца направляются против производителя и потребителя, в то время как в советской торговле роль купца, наоборот, сводится к охране интересов того и другого и к согласованию их с интересами народнохозяйственного целого. Однако, и количественная сторона в вопросе о торговой сети имеет большое значение. Более того, качественно торговая сеть не поднимется на надлежащую высоту, если она не будет иметь необходимого количественного фундамента.

Капиталистический мир выдвигает теперь проблему рационализации торговли. Стихийно он уже вырабатывает систему этой рационализации. И нужно признать, что путь, которым он идет к торговой рационализации, правилен. Однако, разрешить проблему в полной мере капитализм не в силах. Торговой рационализацией капитализм, облегчая свое положение в одних случаях, затрудняет его в других и именно тем, что еще более усложняет противоречия, составляющие органическое свойство капиталистического хозяйства. Капиталистические синдикаты — это органы борьбы с профессиональным торговцем. И в ответ на об'единения капиталистического производства в синдикаты об'единяются торговцы—профессионалы в торговые союзы. Рационализация капиталистической розницы при помощи системы многолавок поднимает против себя всю массу единоличной розничной торговли, об'единяющейся в свою очередь для защиты своих профессиональных „прав". Если домонополистический капитализм в сфере торговли был ареной партизанской борьбы между членами одного и того же класса в той же мере, как в сфере капиталистического производства, — мы говорим о конкуренции, — то монополистический капитализм становится ареной организованной братоубийственной борьбы внутри самого капиталистического

[1] „Пути народнохозяйственного развития УССР", Х., 1928 г., стр. 346 и след.

класса, и рационализированная торговля тут занимает место, аналогичное тому, которое занимает рационализированное капиталистическое производство. До логического конца может довести рационализацию торговли только переходное время в условиях диктатуры пролетариата, для которого торговля имеет значение не как средство выработки капиталистической прибыли, а как метод целесообразной увязки производства с потреблением.

II

Различные методы требуются для рационализации оптовой и розничной торговли. Розничная торговля по природе своей однозвенна. Она покупает товары для продажи их потребителю, от которого товар обратно на рынок уже больше не поступает. Наоборот, оптовая торговля только тем и занимается, что покупает товар, чтобы опять его выбрасывать на рынок. Отсюда получается ее многозвенность, против которой ведет борьбу торговая рационализация. Было бы чрезвычайно интересно сопоставить торговый оборот опта, складывающийся в процессе прохождения одного и того же товара через несколько звеньев, с торговым оборотом однозвенной розницы. Статистика для такого сопоставления дает мало материала, да и тот, который имеется, слабо характеризует взаимоотношения между оборотами опта и розницы. В торговой статистике Канады мы находим такие цифры оборота (млн. долл.):

Оптовая торговля	1.021,92
Оптово-розничная торговля	366,64
Розничная торговля	1.642,10

Эти цифры дают, как будто, странную торговую загадку. Однозвенная торговая розница, стоящая между оптом и потреблением, имеет больший торговый оборот, чем многозвенная оптовая торговля. Более логическую картину рисует торговая перепись Соед. Штатов. Для 8 городов получилось такое взаимоотношение между оборотами опта и розницы (в млн. долл.):

Города	Опт	Розница	На 100 долл. розницы приходится опта	Население (тыс. человек)
Канзас	1.061,6	300,3	353	367
Атланта	535,6	177,8	301	228
Данвер	323,6	151,9	213	285
Зитль	466,8	222,8	209	315
Фарго	37,7	19,7	192	22
Балтимора	502,5	369,0	136	808
Сиракузы	129,0	103,8	124	185
Спрингфильд	32,2	45,5	80	60
Всего	3.093,2	1.390,9	222	2.270

В этой таблице результаты многозвенности опта выступают с большой силой. Только в одном городе обороты опта ниже оборотов розницы; в остальных городах они выше. Впрочем, то обстоя-

тельство, что имеются только данные о нескольких городах, обесценивает приведенную таблицу с точки зрения соотношения опта с розницей, так как опт указанных городов может обслуживать не одну только свою розницу; вероятнее всего, что он обслуживает также розницу и других местностей Соед. Штатов, равно как их розница частью обслуживается оптом других городов. Таким образом, капиталистическая практика не дает материалов для суждения о роли опта, не только в динамическом разрезе, необходимом для определения путей рационализации опта, но и в статическом разрезе. Остается теоретический подход к вопросу.

Этот подход рисует положение так. В условиях товарно-денежных отношений ограниченное количество товаров поступает непосредственно от производителя в розничную торговлю. Это привоз деревни в город или непосредственные покупки розницы в деревне и та продукция мелкой городской промышленности, которая связана с розницей без посредства опта. Вся остальная товарная масса попадает в розницу через опт, который выполняет такие функции. Во-первых, потенциальный товар, производимый товарным производством, он превращает в реальный товар, выводя товар от производителя в рыночный оборот. В отношении продукции крупной промышленности эта функция опта менее сложна, чем в отношении мелкого производства. Опт имеет дело с крупными товарными партиями. Канадская статистика дает оборота на одно занятое в опте лицо 17,3 тыс. долл., а в рознице — 10,7 тыс. Еще более велика разница в Соед. Штатах, где в опте на одно занятое лицо приходится 35,7 тыс. долл. оборота, при 8,2 тыс. долл. в рознице. По продукции крупной промышленности опту, чтобы получить свою партию товара, достаточно связаться с ограниченным числом предприятий, т.-е. его заготовительная функция достаточно проста, чтобы обходиться без подготовительных операций. Того же нельзя сказать о роли опта по выведению в рыночный товарооборот потенциальной товарности мелкой промышленности, в частности распыленного сельского хозяйства. Тут на помощь опту приходит мелкий скупщик, прасол и т. п. посредники между оптом и мелким производителем. Любопытно, что в своем расчете стоимости торгового посредничества по кожевенно-обувной продукции германское министерство народного хозяйства для сырой кожи ставит между бойнями и торговцем сырой кожею сборщика, который снимает сырую кожу с боен и передает ее торговцу. Сосредоточив товар в своих руках, опт выполняет следующую функцию, разбивая крупные товарные партии на мелкие, соответственно требованиям розничной торговли.

Таков упрощенный путь прохождения товара в оптовой торговле. Капиталистическая практика усложняет этот путь. Охарактеризованные нами народнохозяйственные функции опта загромождаются чисто спекулятивными наслоениями, когда одна и та же партия товара переходит из рук одного оптовика в руки другого,

когда без необходимости об'единяются разные партии товара, когда партии товара раздробляются, чтобы потом снова об'единиться, и т. д. Тут оптовая торговля уже перестает быть функцией народного хозяйства и становится средством спекулятивного выколачивания торговой прибыли. Таким образом, когда капиталистический мир стал перед необходимостью рационализации оптовой торговли, он повел ее по двум путям. Первый путь — это упрощение народнохозяйственной функции оптовой торговли. Процессы заготовки от производителей и распределения товаров между розничниками сосредоточиваются в одном оптовом звене. Не редко и это звено отпадает, когда розничник непосредственно связывается с производителем. Второй путь — борьба со спекулятивным оптом, с бесцельным, с точки зрения интересов народного хозяйства, переходом товара (чаще всего только права на товар) из рук одного оптовика в руки другого. Борьба капиталистического производства с профессиональной торговлей, равно как борьба розничной торговли с оптовой, проходит по этим двум путям. Синдикат (картель) не только монополизирует рынок с целью установления желательных ему цен на товары, но и ведет борьбу против слишком выросшего участия оптовика в экспроприированной предпринимателем от рабочего прибавочной стоимости. Универсальный магазин, многолавка, союзы розничников ведут борьбу против распределения предоставляемой торговле доли прибавочной стоимости между оптом и розницей. Статистически результаты рационализации торговли должны выражаться в прогрессирующем количественном приближении оборотов опта к оборотам розницы.

Теми же путями, хотя и по другим мотивам и с более широкими возможностями, должна итти рационализация торговли в условиях советской экономики. На обобществление торговли нельзя смотреть, как на самоцель. Это не то, что обобществление производства. Всякий шаг по обобществлению производства справедливо рассматривается, как новый камень, заложенный в здание строящегося социализма. Торговля же не войдет в социализм ни в каком виде. Даже вполне обобществленная торговля дальше социалистических ворот не продвинется. Ее исторический этап — это период переходного времени, поскольку сохраняются товарно-денежные отношения. Не будучи для советской экономики самоцелью, обобществленная торговля (государственная наравне с кооперативной) может рассматриваться только с точки зрения рационализации товарообращения в стране на переходный отрезок времени. С точки зрения строения опта речь должна быть, прежде всего, о сокращении звенности, т.-е. о сближении оборотов опта с оборотами розницы. Как конкретно разрешается этот вопрос в СССР? В отличие от капиталистических стран, для СССР на этот вопрос можно дать статистический ответ. Не велика ценность нашей торговой статистики, питающейся материалами, собираемыми фиском. Она лишь весьма

приблизительно отображает действительность. Но пока нет ничего лучшего, приходится пользоваться тем, что имеется. Недавно вышедшая работа ЦСУ СССР по внутренней нашей торговле [1] дает такое состояние ее оборотов по налоговым данным (в млн. черв. руб.):

	Оптовая торговля	Оптово-розничная	Розничная
II полугодие 1924/25 г.	3.735,4	1.799,8	4.155,3
I „ 1925/26 г.	4.964,7	2.228,9	5.640,4

Рисуемое этими цифрами взаимоотношение между оптом и розницей напоминает собою то, что мы видели выше в отношении Канады: в СССР обороты опта стоят ниже оборотов розницы. Если отбросить оптово-розничную торговлю, малоинтересную для нас в данном случае, так как мы не можем из нее выделить оптовую торговлю особо, то оказывается, что на 100 руб. розницы у нас приходилось рублей опта: во второе полугодие 1924/25 г. 90 руб. и в первое полугодие 1925/26 г. 88 руб. Говорит ли это о высокой степени рационализации нашей оптовой торговли?

Исчисляя торговый оборот СССР в 1924/25 г., НКТорг СССР к оборотам торговых предприятий, во-первых, продажи трестов и промышленных предприятий и, во-вторых „оборот крестьянской торговли". [2] Обе эти статьи дают сумму в 10.472 млн. руб., составляющих 40% исчисленных НКТоргом для 1924/25 г. оборотов внутренней торговли СССР. Насколько верны цифры НКТорга, это другой вопрос. Для нас теперь важно другое. Из продаж трестов и промышленных предприятий некоторая сумма приходится на розницу, которая проходит через розничные магазины самих промышленных предприятий. Но главная масса продаж трестов и промышленных предприятий носит оптовый характер. Этого вида опта, не учитываемого налоговым нашим аппаратом, не учло также и ЦСУ в своем определении оборотов оптовой торговли. Равным образом фиск не затрагивает и тех торговых оборотов, которые у НКТорга фигурируют под видом „оборота крестьянской торговли". Этот оборот проходит по трем линиям. Часть его имеет то же значение, что продажи трестов и промышленных предприятий опту: заготовка сельскохозяйственных продуктов имеет две стороны — покупку со стороны заготовителей, учитываемую фиском, и продажу со стороны крестьян, стоящую вне внимания фиска, а следовательно, и того, что мы называем торговым оборотом. Остальная масса товарной продукции крестьян продается последними частью непосредственно потребителям и тогда она вовсе минует торговое посредничество, но главным образом, она попадает в розницу без посредства

[1] „Внутренняя торговля СССР за 1924/25—1925/26 гг. по налоговым данным" М. 1928.

[2] „Внутренняя торговля СССР и ее регулирование", М. 1925, стр. 39.

опта. У нас нет данных, чтобы определить размеры оборотов розницы, снабжаемых непосредственно производителем. Но зная, как слабо снабжает частную розницу наш обобществленный оптовый сектор, следует думать, что эти размеры далеко не малозначительны. И действительно, по данным ЦСУ в два полугодия, охваченные его исследованием, обороты частной торговли были таковы (млн. черв. руб.):

	Оптовая	Оптово-розничная	Розничная
II полугодие 1924/25 г.	204.8	246.6	1.636.0
I „ 1925/26 „	281,4	300,5	2.167,8

Если допустить, что в частном опте товар делает только один оборот — что, разумеется, совершенно неверно, — и что оборот оптово-розничной торговли распределяется равномерно между оптом и розницей, то окажется, что частный опт удовлетворил только 19% частной розницы во второе полугодие 1924/25 г. и 18,6% в первое полугодие 1925/26 г. Предположив, что в таком же проценте удовлетворяет розницу обобществленный опт, получается, что не менее 60% оборота частной розницы покрывается непосредственно крестьянином и кустарем-ремесленником. Это значит, что для сопоставления с выведенными ЦСУ оборотами оптовой торговли цифры розницы следует сократить на 1181,6 млн. руб. для второй половины 1924/25 г. и на 1300,7 млн. руб. для первой половины 1925/26 г. за счет свободной от связей с оптом частной розницы. Без посредства опта получает некоторое количество товаров и обобществленная розница. Но если даже игнорировать этот факт, то все-таки по линии связанной с оптом розницы на 100 руб. оборотов последней придется оборотов оптовой торговли 122 во второе полугодие 1924/25 г. и 115 в первое полугодие 1925/26 г.

Как эволюционировал наш опт в дальнейшем по данным ЦСУ проследить нельзя. Но если взять материалы ЭКУ НКТорга СССР, [1] построенные на основании тех же налоговых данных, то мы получим такое строение оборотов торгового посредничества (млн. черв. руб.).

	1926/27 г.	1927/28 г.
Опт	16.536	22.564
Розница	12.633	13.346
На 100 рублей розницы приходится рублей опта	130,9	169,0

Тут мы имеем определенно превышение опта над розницей, при чем соотношение между ними ухудшается из года в год. Это соотношение еще ухудшится, если исключить внеоптовое снабжение частной торговли, как мы это сделали для второй половины 1924/25 г. и для первой половины 1925/26 г. Тогда окажется, что на 100 руб. розницы было оборота опта в 1926/27 г. 178 и в 1927/28 г. 210. Дру-

[1] „Внутренний товарооборот в 1927/28 г." Ст. Вс. Лозинского в журнале „Сов. торговля". 1928, № 45 11.

гими словами, для всего СССР мы в 1927/28 г. получаем уже такое взаимоотношение между оптом и розницей, которое почти равняется взаимоотношению между ними в 8 городах Соед. Штатов, с той разницей, что часть опта американских городов обслуживает, конечно, розницу экономически тяготеющей к этим городам периферии в составе мелких городов и внегородских поселений. Ясно, что в СССР мы не только не имеем того, что в капиталистических странах называется рационализацией оптовой торговли (т.-е. сокращения роли опта в общеторговых оборотах из года в год), но в 1927/28 г. получается уже нечто, что можно назвать гипертрофией опта. Орган НКТорга подходит к вопросу иначе, но у него получается тот же результат. Сопоставив весь торгово-посреднический оборот СССР с обслуживаемой им товарной массой, он получает число звеньев, проходимых каждой единицей товара, равнявшихся: в 1925/26 г. 2,26, в 1926/27 г. 2,43 и в 1927/28 г. 2,61, т.-е. каждая товарная единица делала в 1927/28 г. 2,61 раза в одной лишь торговле, так что от производителя потребителя отделяли 3,61 звена.

Охарактеризованному процессу усложнения опта орган НКТорга дает такое об'яснение: „Одна из основных причин указанного явления,—говорит он,—заключается, конечно, в рыночном напряжении последних лет. Но кроме этой главной причины, не маловажное значение имеет и другая. В течение всего последнего периода в частности на протяжении 1927/28 г. общие условия товаропродвижения претерпевали значительные изменения. Усиление плановых начал в товарообороте, рост синдицирования государственной торговли и усиление кооперирования сбыта и снабжения,—обусловили увеличение расчетной звенности. Таким образом, товарная масса, проходя большое количество расчетных звеньев, получала в обороте некоторый добавочный прирост чисто счетного порядка". Ссылка на рыночное напряжение последних лет вызывает серьезное сомнение. Абсолютно, разумеется, оно имело место, но если, судя по данным самого НКТорга, товарная масса, поступавшая на рынок, в 1926/27 г. увеличилась сравнительно с предыдущим годом на 11,9% и в 1927/28 г. на 15,2%, то не увеличиваться должно было рыночное напряжение, а сокращаться. Очевидно, на рост оптовой звенности напряженность рынка не должна была бы влиять. Следовательно, все сводится к другому фактору—„значительным изменениям" общих условий товаропродвижения. Речь тут идет о вытеснении частника обобществленной торговлей. Этот процесс действительно далеко пошел в последние два года. Если уже в 1926/27 г. в оптовой торговле частник участвовал 3,4% всего оборота, то в 1927/28 г. его участие свелось уже к 1,4%. Существенно сократилось также участие частника в розничной торговле—с 35,3% оборота розницы до 24,1%.

Однако, каким образом увязывается успех обобществления торговли с усложнением опта? Результат, как будто, должен был бы получиться как-раз обратный. Обобществление торговли открывает

широкие возможности ее рационализации. Капиталистическая практика говорит об этом категорически. Но нигде в мире обобществление торговли не проходит в такой благоприятной организационной обстановке, как у нас. Разрозненные по отдельным отраслям капиталистические синдикаты в деле организации опта не могут сравниться с нашими синдикатами, являющимися по духу и смыслу своему не чем иным, как коммерческими органами единой государственной промышленности. Точно также наша кооперация вместе с государственной розницей представляет собою, в сущности, единую многолавку, организующую розничную торговлю. Оба этих условия создают прекрасную почву для планового строения продвижения товара от производителя к потребителю, конкретно — для упрощения оптовой торговли в смысле сокращения ее звенности. Правда, орган НКТорга особенное ударение делает на „чисто счетном" характере увеличивающейся у нас торговой звенности. Что он под этим разумеет, в статье не видно. Но если он хочет этим сказать, что увеличение звенности имеет только формальное значение, что реальных результатов в смысле удорожания товарооборота оно не дает, то это безусловно неверно. Ведь каждое торговое звено у нас находится на хозрасчете, другими словами, рассматривает себя, как самостоятельную коммерческую организацию, которая калькулирует стоимость своих услуг по всем правилам бухгалтерской отчетности.

Если бы все сводилось к „чисто счетным" манипуляциям, то в самом деле не о чем было бы говорить. Но тогда нельзя было бы также говорить и об увеличении звеньев оптовой торговли. Американская многолавка, покупающая товар непосредственно на фабрике, имеет в разных местах базисные склады, которые снабжают розничные магазины товарами. Образуют ли эти базисные склады особые торговые звенья? Конечно, нет. Другое дело у нас. Звенья нашего опта — это не базисные склады, строящиеся для удобства физического перемещения товаров, и не органы производства, с одной стороны, и потребления, с другой, для упрощения и облегчения их увязки между собою, а самостоятельные торговые организации, относящиеся друг к другу, как один контрагент к другому, строящие свои взаимоотношения на почве купли и продажи товаров. Наш опт многозвенен не только формально, но и по существу. И если звенность его не только не сокращается, но еще растет, то этот факт требует серьезнейшего к себе внимания. Особенно важно, что в перспективных предположениях тенденция к усложнению опта сохраняется, как видно из следующей таблицы, в которой посреднический опт принят в процентном отношении к посреднической рознице (см. табл. на след. стр.).

РСФСР в этой табличке выделяется особенной экспансией в развитии опта, но в общем тенденция, наблюдаемая в обоих периодах, т.-е. относительный рост оптовых оборотов уже выходит из области факта и вступает в сферу телеологии.

Годы	СССР[1]	РСФСР[2]	Годы	СССР	РСФСР
1924/25	98,7	111,8	1928/29	112,8	—
1925/26	104,5	120,3	1929/30	113,2	—
1926/27	111,4	138,6	1930/31	114,1	—
1927/28	112,3	144,5	1931/31	—	158,9

III

Если рационализацию опта капитализм связывает, главным образом, с сокращением звенности, то в отношении розницы он к той же цели идет по пути территориального сближения торговли с потребителем. В розничной торговле мы видим то же стремление капитала к концентрации, которое характеризует движение как капиталистического производства, так и оптовой торговли. Но в то время как в производстве и оптовой торговле концентрация выражается в росте предприятий, в сосредоточении в каждом предприятии больших количеств рабочих и больших масс капитала, в розничной торговле речь идет о сосредоточении в одних руках многих предприятий, часто даже при условии их измельчания. Так, например, вульвортовская система в Соед. Штатах, увеличив с 1920 по 1926 гг. число входящих в нее розничных лавок с 1.111 до 1.480, т.-е. почти в полтора раза, свела размеры среднего капитала, приходящегося на одну лавку, с 58.506 долл. до 43.919 долл. О том же говорит чрезвычайное распыление розничной торговли в Германии. По переписи 1925 года из всех отраслей германской промышленности самой распыленной является портняжная, в которой на одно предприятие приходится 2,4 занятых лица при среднем для всей промышленности числе занятых лиц в одном предприятии в 6,8 чел. В оптовой торговле Германии одно среднее предприятие имеет 4,8 занятых лица. Другую картину дает розничная торговля. Для всей Германии в среднем одна розничная лавка обслуживается 2,3 человека, при чем от этой средней цифры весьма слабо отклоняются средние для отдельных местностей Германии и, что в особенности заслуживает внимания, отклонения не связаны ни с плотностью населения отдельных местностей, ни с их торгово-промышленным характером. Восточная Пруссия имеет более крупные розничные магазины (2,9 чел. на каждый), чем Любек (2,8), за которым следует Бремен (2,7) и только после Бремена идет Берлин (2,5), мало отличаясь от Верхней Силезии (2,4) и Нижней Силезии с Познанью (2,3); наконец промышленная Саксония, в которой одна розничная лавка обслуживается в среднем 2,17 человека, не далеко оставляет за собою сельскохозяйственную Баварию, где на одну розничную лавку приходится 2 занятых лица.

[1] „Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.“

[2] „Перспективы развития народного хозяйства и культурного строительства РСФСР на 1927/28—1931/32 гг.“

Из этой тенденции розничной торговли строиться, согласно требованиям потребителей, заинтересованных в территориальной к ним близости розничной лавки, вытекает определенная география розничной сети. По количеству населения на одну лавку более населенные местности должны были бы стоять выше местностей с редким населением. Фактически этого нет. Берлин со своими $4^1/_2$ млн. населения имеет на одну розничную лавку 62,5 человека, Бремен с населением в $1^1/_3$ млн. — 65,6 чел., Липпе с 135-тысячным населением — 127 человек. Из отдельных частей Германии по плотности населения выше всех стоит Саксония с 333 чел. на кв. километр пространства и в ней на одну розничную лавку приходится 69 человек, меньше чем в остальных частях страны. Наоборот, в Верхней Силезии с плотностью населения, $2^1/_3$ раза более слабой, одна лавка обслуживает 154,3 чел. Самое большое число человек на одну розничную лавку (177,4) дает Восточная Пруссия с плотностью населения весьма низкой для Германии — 60,9 чел. на 1 кв. километр. В этом, неправильном с точки зрения интересов населения строении розничной сети отражается ряд условий, свойственных капитализму вообще. Отличающая капитализм анархия строительства играет тут, конечно, первую роль. Не менее важно то, что при капитализме распределительная функция торговли подчиняется чисто капиталистической функции торговли, как средства выработки капиталистической прибыли, точнее ее распределения между отдельными капиталистами. Многолавка вносит известные коррективы в географическое строение розницы. Но разрешить проблему в полной мере должно было бы плановое хозяйство в условиях советской экономики. Что же представляет собою розничная сеть в СССР?

Уже цитированная нами работа ЦСУ дает для второй половины 1925/26 г. такое районное строение нашей розницы:

Районы	Жителей на 1 *кв. км*	% городского населения	Лавок на 10 тыс. *кв. км*	Жителей на 1 лавку
Центрально-Черноземный	57,3	9,5	1.600	361
Рязанско-Тульский	54,7	10,5	1.372	400
Московско-Промышленный	43,9	29,5	1.935	227
Западный	43,6	11,9	1.163	375
Средне-Волжский	31,0	11,4	1.112	284
Северо-Кавказский	28,5	19,8	1.234	231
Крым	28,2	46,3	2.827	100
Вятский	21,8	6,8	562	387
Башкирия	17,2	8,7	476	361
Нижне-Волжский	17,1	17,7	558	305
Дагестан	14,5	10,8	551	264
Ленинград с Карелией	13,0	34,5	627	207
Киргизия	5,1	12,2	211	241
Уральский	3,9	20,7	136	285
Казакстан	2,2	8,3	48	456
Сибирь	9,1	13,0	47	459

Районы	Жителей на 1 *кв. км*	% городского населения	Лавок на 10 тыс. *кв. км*	Жителей на 1 лавку
Северо-Восточный	2,0	9,9	59	307
Бурято-Монгольский	1,3	9,3	35	364
Дальне-Восточный	0,7	25,2	33	207
Якутский	0,07	5,7	0,85	815
УССР	64,2	18,5	2.776	232
БССР	39,3	17,0	1.083	304
ЗСФСР	31,7	24,1	1.144	188
УзбССР	15,5	20,9	900	172
РСФСР	5,1	17,3	176	290
ТуркмССР	2,1	12,3	93	226
СССР	6,9	17,9	260	265

О чем говорят эти столбцы цифр? Ничего неожиданного нет в том, что густота розничной сети по числу лавок на 10.000 *кв. км* территории идет рука об руку с плотностью населения. Разные районы в смысле доступности для населения розничной лавки находятся в разных условиях, но это до известной степени имеет, как будто, свое оправдание, ибо не территорию обслуживает розница, а население. Но третий столбец уже ставит вопрос о степени обеспеченности розницей самого населения. Если средней обеспеченностью розницей населения принять число человек, приходящихся на одну лавку в среднем по СССР в целом, то третий столбец таблицы можно будет разделить на четыре группы: 1) районы с небольшим числом жителей на одну лавку, 2) районы со средним числом жителей, 3) районы с высоким и 4) районы с весьма высоким числом жителей на одну лавку. К последней группе придется отнести Якутскую область, в которой не только не имеется одной целой лавки на 10 тыс. *кв. км* территории, но и на одну лавку приходится в три раза больше жителей, чем в среднем для СССР. Около полутора раза больше жителей на одну лавку, чем в среднем для СССР, имеется в Сибири, Казакстане, Рязанско-Тульском районе, Вятском, Западном, Башкирском, Бурято-Монгольском и Центрально-Черноземном. Все эти районы имеют слабую розничную сеть, кроме трех — Центрально-Черноземного, Рязанско-Тульского и Западного; последние три района, при высокой плотности населения вообще, отличаются низким процентом городского населения. Минимальное число жителей на одну лавку приходится на 9 районов, из коих 5 имеют густую розничную сеть (Крым, Московско-Промышленный район, Северный Кавказ, ЗСФСР и УзбССР), а в двух — редкая розничная сеть совпадает с высоким процентом городского населения. Наконец, средняя группа районов составляется из одного района с весьма густой розничной сетью (УССР), двух районов с густой (Средне-Волжского и БССР) и трех районов с низкой розничной сетью (Нижне-Волжского, Уральского и Дагестанского), при чем из последних трех первый и третий районы имеют сравнительно высокий процент городского населения.

Обобщая сказанное, следует установить, что если у нас имеется прямая зависимость между плотностью населения и густотой (в отношении территории) розничной сети, то существует обратная зависимость между густотой розничной сети и числом жителей на одну лавку. Другими словами, редкость розничной сети в разных районах обусловливается у нас не только редкостью населения, но и тем, что чем слабее район обслуживается розничной торговлей, тем большей клиентуры требует каждая лавка. С точки зрения коммерческих интересов этот факт совершенно понятен. Покупательная сила населения в густонаселенных районах выше, чем в районах слабонаселенных. Отсюда вытекает высокая загрузка розничных лавок оборотом при сравнительно низкой их загрузке клиентурой. Если исходить из одной только розничной торговли (т.-е. не учитывая оптово-розничного торга, который нельзя расслоить на опт и розницу), то при среднем обороте на одного жителя в 38,4 руб. для СССР и 39,8 руб. для РСФСР, в Московско-Промышленном районе получится оборота 90,8 руб., в Крыму 80,9 руб., Ленинградском районе с Карелией 70,3 руб., Северо-Кавказском 48,0 руб. С другой стороны, ряд районов,— и к ним относятся, главным образом, районы с редкой розничной сетью и высокой клиентурой средней лавки,— дает розничного оборота около половины полученного нами для СССР и РСФСР. Так, в Киргизии на одного жителя розничного оборота приходится 14,1 руб., в Дагестане 14,4 руб., в Казакстане 15,1 руб., Башкирии 18,7 руб., Центрально-Земледельческом районе 19,6 руб.

Судя по тому обстоятельству, что в неперечисленных районах большого колебания по сумме оборотов на одного жителя не имеется, хотя они относятся к группам различной густоты розничной сети и различной загрузки клиентурой,— следует думать, что плотность розничной сети зависит не только от торгового спроса населения, но также и от стоимости розничного посредничества и разных других причин. Во всяком случае факт тот, что розничная сеть в СССР в своем географическом построении не связана с теми плановыми задачами, которые на нее возлагаются переходным временем. Каким фактором борьбы с натурально-патриархальным строем крестьянского хозяйства может служить лавка, обслуживающая территорию в сотни квадратных километров, при том расположенная в городских центрах? С другой стороны, в какой мере рационально сгущение районной сети там, где это выходит уже из рамок необходимого обслуживания населения? Характерно, что и нелавочная розничная торговля (разносно-киосочная) не заполняет у нас недостаточности рознично-лавочной сети, а еще усиливает во многих случаях сеть там, где и без того она достаточно сгущена. В Якутии таких торговых пунктов имеется 0,3 на 100 розничных лавок, в Бурято-Монгольском районе — 9,3, в Северо-Восточном районе — 9,8, между тем как на Северном Кавказе их имеется 33,6, Рязанско-Тульском 32,0, Средне-Волжском 28,0, Крымском 24,2 и т. д.

Отметим, наконец, отсутствие всякого намека на план в деле снабжения розницы в разных районах товарами со стороны увязанного с нею опта. На тысячу руб. розничного оборота приходилось рублей оборота частной оптовой торговли:

Московско-Пром. район. . .	1.365	Нижне-Волжский район . .	619
Дагестан	1.077	Сибирь	618
Туркменистан.	1.073	БССР	576
Ленингр. район с Карелией	923	Дальне-Восточный район .	518
Уральский район	923	Западный район	514
УССР	848	Башкирия	470
ЗСФСР	805	Центрально-Черноземный р.	427
УзбССР	768	Киргизия	369
Северо-Восточный район. .	722	Казакстан	253
Средне-Волжский „ . .	674	Рязанско-Тульский район .	228
Северный Кавказ	664	Бурято-Монгольский район.	38
Крым	659	РСФСР	905
Вятский район	647	СССР	880

Иллюстрируемая приведенным рядом цифр обеспеченность розницы местным оптом до такой степени не связана ни с розничной сетью, ни с торговым спросом населения, что говорить тут о каком-либо плановом строении снабжения розницы товарами нет, разумеется, никакой возможности. Не говоря об Якутии, которая местного опта вовсе не имеет, и Бурято-Монгольском районе с ничтожным местным оптом, ряд районов гораздо более связан с внерайонным оптом, чем с местным, между тем как другие районы страдают гипертрофией опта, связанного с внерайонной розницей.

Обращает на себя внимание прежде всего Московско-Промышленный район с чрезвычайно развитым оптом по сравнению с оборотами его розничной торговли. Очевидно, что опт этого района обслуживает не одну только свою розницу. Чем это вызывается? Конечно, не тем, что в этом районе сосредоточены главные массивы промышленного производства, ибо, когда мы говорим об оптовой торговле, мы имеем в виду оптово-посредническую торговлю, т.-е. не учитываем покупок первого оптовика у производителя. Эта последняя операция, конечно, связана с местом производства товара. Но все дальнейшие манипуляции с товаром, его торговое прохождение, в прямом смысле слова, имеет уже самостоятельный, независимый от места производства характер. Что же делает Московско-Промышленный район, так сказать, всероссийским оптовиком? Этот вопрос тем более важен, что речь у нас идет обо всем районе только потому, что ЦСУ опубликовало материалы о торговле в районных итогах; если бы оно дало более мелкие территориальные деления, пришлось бы говорить не только о Московской губернии даже, но о Москве, главным образом, так как всероссийским оптовиком служит, в сущности, именно Москва. На анализе снабжения розницы оптом в других районах мы останавливаться не будем. Для того чтобы осознать всю анархичность этого процесса в СССР, достаточно отметить ярко подчеркиваемый таблицей факт, что, не говоря о Московско-Промышленном районе с его гипертрофией опта, с одной стороны, а с другой — об Якутии, вовсе лишенной опта, равно как о Бурято-Монгольском районе с ничтожным местным оптом,— все остальные районы определенно делятся в свою очередь на две группы — на районы, в которых опт, несомненно, обслуживает внерайонную розницу, и на районы, которые, наоборот, требуют для своей розницы, главным образом, внерайонного оптового обслуживания. В капиталистических условиях, когда торговля является такой же функцией капитала, как и промышленность, такое территориальное строение опта в отношении розницы об'яснялось бы разными причинами, связанными с коммерческими удобствами и выгодами, часто идущими в разрез с рационализацией торговли с точки зрения народнохозяйственных интересов. Но советская экономика не может и не должна знать подобных коллизий.

IV

Когда мы говорили о нашей оптовой торговле, мы не выделили того вида опта, который в своем территориальном строении пред'являет требования, аналогичные тем, которые требует рациональное территориальное строение розницы. Если розница требует территориальной близости к распыленному потребителю, то заготовка продуктов мелкой промышленности, главным образом крестьянского хозяйства, может стать фактором не только реализации потенциальной товарности, но и роста последней, лишь при условии наибольшей ее территориальной близости к распыленному производителю. К сожалению, этой категории опта статистика ЦСУ не выделяет, хотя в наших условиях она представляет исключительный интерес. Но в какой мере и тут мы далеки от правильного планирования, показывает, например, территориальное распределение наших хлебозаготовительных пунктов. На 1 октября 1927 г. всего в СССР было 11.954 хлебозаготовительных пункта, число, несомненно, недостаточное, принимая во внимание слабое значение, которое у нас имеет раз'ездная агентура по заготовке хлеба. Но особенно обращает на себя внимание районное распределение заготовительных пунктов:[1]

	Всего пунктов	*Кв. км* на один пункт	Плотность населения
УССР	6.268	72	64,2
Центрально-Черноземн. . . .	1.026	184	57,3
Сев. Кавказ	1.128	260	28,5
Крым	70	361	28,2
Волжско-Камский	537	458	28,0
Поволжье	834	683	21,5
Урал	957	1.836	3,9
Казакстан	631	4.691	2,2
Сибирь	602	6.739	2,1

[1] „Ежегодник хлебной торговли", № 1, 1925/26—1926/27 гг.

Какие комментарии требуются для этой таблички? Почему на Украине радиус обслуживания заготовительной сети в $2^1/_2$ раза меньше, чем в Черноземном районе и в 4 раза слабее, чем на Сев. Кавказе? Почему Крым лучше обслуживается заготовительной сетью, чем Волжко-Камский район и Поволжье? И какое воздействие на товаризацию хлебной продукции может оказать заготовительная сеть на Урале, особенно в Казакстане и Сибири, где один заготовительный пункт приходится на тысячи *кв. км* территории? Зато с поразительной правильностью проходит тот же факт, который до известной степени связан и с розничной торговлей: плотность заготовительной сети связана с плотностью населения, т.-е. заготовительная сеть плотнее там, где это менее требуется интересами планового хозяйства. Далеко не бесполезно было бы поставить вопрос, в какой мере наши неудачи с заготовками зависят от стихийного строения нашей заготовительной сети — и не только в сфере хлебозаготовок?

V

Если в деле планирования оптовой торговли мы стоим только на пороге рационализации, при чем основные вопросы последней пока еще проходят мимо нашего внимания, то неудивительно, что розничная торговля просто копирует у нас беспланову́ю анархию капиталистических стран. Одно то, что во вторую половину 1925/26 года в руках частника сосредоточивались еще три четверти всех розничных лавок, не может не рассматриваться как условие, всего менее благоприятствующее планированию розничной торговли. Трудно, однако, сказать, что хотя бы остальной четвертью розничной сети — государственно-кооперативными лавками — мы пользуемся для исправления создаваемого распространением частной розницы положения. И в самом деле. Во вторую половину 1925/26 г. в СССР было 134.033 государственно-кооперативных розничных лавки, и из них 28.569 приходилось на УССР, 21.821 — на Московско-Промышленный район и 10.029 — на Ленинградский район с Карелией; другими словами, 45% всего обобществленного сектора розницы сосредоточено было всего лишь в трех районах, которые в достаточной мере насыщены частной розницей. Если к этой цифре прибавить государственно-кооперативные лавки трех других насыщенных розницей районов — Центрально-Черноземного с 7.577 обобществленными розничными лавками, Средне-Волжского с 7.560 и Северо-Кавказского с 7.265 обобществленными лавками, то на всю остальную громадную часть СССР, в которой вообще розница слабо развита, придется всего лишь несколько более одной трети (38%) всего обобществленного розничного сектора.

Изменилась ли эта картина в истекшие два года? Судя по отрывочным данным, частная розничная сеть значительно сократилась в последнее время, между тем как кооперативная сеть увеличилась

слабо. По приблизительным подсчетам кооперативной подсекции Госплана РСФСР, на 1 октября 1928 г. всех кооперативных лавок по РСФСР было более, чем на 1 октября 1926 г. всего лишь на 28,4%. Но что особенно характерно, это то, что удельный вес в кооперативной сети вышеперечисленных шести районов с насыщенной розницей даже несколько увеличился — с 65,0% до 66,1%. Это значит, что обслуживаемость кооперативной розницей районов со слабой розничной сетью ухудшилась.

Понятно само собою, что ведя борьбу с частником, кооперация обращает главное внимание на те районы, в которых частная розничная сеть особенно сильна. В этих районах, с другой стороны, сосредоточены основные массы рабочего населения, более подготовленного к поддержанию кооперативного движения. Но оба эти обстоятельства, благоприятные для кооперирования розницы, только об'ясняют явление, но не оправдывают его с точки зрения планового охвата розничной торговли, как могущественного фактора, как рационализации народного потребления, так и вовлечения его в орбиту строительства социализма. Нужно признать, что потребительская кооперация вообще недостаточно еще осознала возлагаемую на нее переходным временем задачу. Помимо того, что она ведет борьбу с частником в слабой степени на почве технической рационализации розницы, она и в благоприятных для ее развития районах плановой организацией народного потребления вовсе не занимается. Тем менее освоена кооперацией идея товаризации народного потребления там, где все еще окрашено в густой цвет натурального хозяйства. В последнем отношении капиталистическая многолавка в Соед. Штатах, постепенно забираясь в глухие углы страны, делает больше, чем наша кооперация, для которой советская экономика создает все условия, необходимые для превращения ее в единую многолавку в народнохозяйственном масштабе и с функциями, далеко выходящими за границы традиционного розничного торга.

Констатируя этот факт, мы его не ставим кооперации в вину. Нельзя пред'являть кооперации требований планового характера в народнохозяйственном смысле, когда народнохозяйственное планирование торговли в целом находится еще в младенческом состоянии. Гипертрофия опта, стихийность в строении розничной сети, перебои в заготовках, отсутствие плановой идеи во всей нашей торговле,— все это логический результат того, что мы до сих пор понимаем под планированием торговли. Сложную и трудную задачу мы упрощаем тем, что подменяем торговые планы перспективными балансами предложения и спроса, при чем если предложение мы еще учитываем более или менее удовлетворительно, то спрос, совершенно у нас не изученный, рассматривается как „дышло“, которое можно повора́чивать куда угодно. Сколько бы такие „планы“ ни украшались рассуждениями о целесообразных ценах и выгодных издержках товарообращения, они в торговые планы не превратятся.

Никто серьезного внимания не обратил бы на план промышленности, в котором проектировалась бы продукция без основных факторов, обусловливающих ее размеры. В отношении торговли мы только это и делаем. Мы забываем, что на рынок часто не идет даже тот товар, который предназначается для него, не говоря о той продукции, которую только правильно организованная торговля может превратить в товар. Что же удивительного в том, что спрос вырисовывается в наших торговых планах не как об'ект воздействия со стороны торговли, а как сила, регулирующая самую торговлю? До тех пор пока исходным моментом в торговом плане не станет торговый аппарат, в частности торговая сеть, мы в торговом планировании не выберемся из импрессионистского тумана, имеющего весьма мало общего с торговым планированием, как таковым.

Народнохозяйственный план можно назвать числовым выражением экономической политики, построенной с учетом экономических законов, способствующих выполнению заданий последней. Интересы народного хозяйства, диктуемые экономической политикой,— в СССР экономической политикой строящего социализм рабоче-крестьянского государства,— требует от торговли сжимания рыночного оборота в одних случаях и его расширения в других, определенного воздействия на потребление, известной трансформации связей между производством и потреблением и между отдельными отраслями первого. Все это в условиях товарно-денежного хозяйства требует специального экономического творчества, которое наполняет своим содержанием торговлю и именно оно, это специальное экономическое творчество, должно быть об'ектом торгового планирования. Другими словами, в центре торгового планирования, его базой и его орудием должен быть торговый аппарат, как сила строящая торговлю и, следовательно, как сила, разрешающая торговую проблему соответственно задачам, выполняемым в ту или другую историческую эпоху народным хозяйством в целом.

И только на почве такого планирования разрешается также проблема рационализации торговли, мы бы сказали — экономической рационализации торговли, в отличие от технической ее рационализации, рационализации отдельных торговых отправлений, неувязанных в единую систему народнохозяйственного строительства торговли.

М. Краев

К вопросу о значении контрактации в реконструкции крестьянского производства и товарооборота

Настоящая статья является попыткой, на основе учета данного уровня кооперирования товарооборота и опыта контрактации, сделать некоторые выводы о роли и значении последней в плане реконструкции крестьянского производства и товарооборота.

Размеры контрактации уже сейчас таковы, что настоятельно необходимо уделить специальное внимание анализу ее народнохозяйственного значения.

Удельный вес сел.-хоз. кооперации в плановых заготовках и удельный вес контрактации в них по СССР

(В %%)

Наименование продуктов	Удельный вес сел.-хоз. кооперации в плановых заготовках			Удельный вес контрактации в заготовках	
	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.[2]	1927/28 г.	1928/29 г.
Хлебопродукты	—	35,0[1]	38,0	13,0	25—30,0
Маслосемена	—	20,0	38,0	18,0	30,0
Лен—волокно	36,4	54,8	65,0	17,3	43,4
Пенька	34,1	56,3	60,0	—	—
Табак	70,3	77,9	100,0	60,9	80,0
Махорка	91,3	100,0	100,0	51,0	55,4
Хлопок	89,0	97,2	100,0	100,0	100,0
Сахарная свекла	85,0	96,0	100,0	63,4	78,7
Кенаф	—	—	86,5	88,1	84,6
Клещевина	83,3	88,8	100,0	100,0	100,0
Соя	—	100,0	100,0	100,0	100,0
Проч. спец. культуры	—	—	100,0	100,0	100,0
Шерсть	39,3	52,9	70,0	44,3	69,1
Каракуль[3]	—	—	—	88,3	80,2
Смушка[3]	—	—	—	71,1	78,0
Коконы	—	93,2	100,0	93,2	100,0

[1] Данные по РСФСР.
[2] Контрольные цифры на 1928/29 г. даны по РСФСР.
[3] Данных по Союзу за 1926/27, 1927/28, 1928/29 гг. нет.

Как видно из таблицы, важнейшие технические культуры контрактуются от 40 до 100% плановых заготовок.

В пятилетнем плане намечается почти по всем приведенным техническим культурам стопроцентный охват контрактацией товарной продукции. Несколько не достигнут этого уровня, вероятно, льносемя (намечается около 70%); лен—волокно (намечается около 85%) и пенька (около 60%).

Идет быстрый рост и контрактации зерновых. Ее удельный вес в заготовках 1927/28 г. был около 13%, на 1928/29 г. поднимается до 30%, а на 1933 г. проектируется до 70—80% от плановых заготовок.

Авансы по контрактации, составлявшие в 1927/28 г. сумму около 180 млн. руб., возрастают в 1928/29 г. до 300 млн. руб., а к 1933 г. проектируются около 1.000 млн. руб.

Приведенных данных достаточно, чтобы видеть в контрактации мероприятие большого масштаба.

Кроме того, уже выявилась определенная социальная эффективность контрактации. Хотя этот вопрос еще не получил статистического освещения и изучения, но сведения с мест единодушно констатируют, что натуральное и денежное авансирование, осуществляемое на основе диференцирования мощности крестьянских хозяйств, приводит к под'ему маломощных групп, к освоению ими земель, ранее сдававшихся в аренду, следовательно, приводит к под'ему их товарности и соответственно, к устранению элементов, питающих капиталистическую верхушку деревни.

К этому следует добавить, что контрактация, осуществляемая не с индивидуальными хозяйствами, а с целыми общественными организациями, во-первых, укрепляет существующие колхозы и содействует образованию новых и, во-вторых, является основой для возникновения простейших производственных кооперативных об'единений (посевные товарищества и т. д.) и ускоряет процес кооперирования населения.

Вопрос о социальной эффективности заслуживает того, чтобы быть освещенным специально. Здесь же мы затронули его вскользь.

При изучении контрактации уже нельзя ограничиваться рассмотрением ее, как метода обеспечения данной отрасли промышленности крестьянским сырьем. Контрактация прежде всего выступает, как проблема отношений двух секторов, социалистического и крестьянского, как весьма важное звено в комплексе реконструктивных экономических связей между ними.

Контрактация пред'являет сейчас большие требования не только к заготовительной работе, но и к сел.-хоз. кредиту, сел.-хоз. снабжению и т. д. Она требует коренной реконструкции всего обращения денег и товаров между этими секторами. Все это делает ее важнейшей проблемой перспективного плана сельского хозяйства и кооперирования.

В такой постановке мы и пытаемся здесь ее осветить.

Контрактация переживает период бурного развития. Она обогащается новыми моментами, как-то: систематические производственные совещания в деревне, агротехнические требования к производственному процессу, увязка с сел.-хоз. кредитованием и снабжением и т. д.

Уже выявились важнейшие элементы контрактации, но нет еще их прочного единства, как системы. Выявились также и дефекты. Из них важнейшие — это систематическое запаздывание планов в центре, чем сильно снижается производственное значение контрактации. Затем — недооценка ее значения на местах и их слабая подготовительная работа. Мы учитываем эти дефекты, но в нашей постановке мы берем контрактацию в ее развернутом виде и исследуем ее реконструктивное значение.

Очередные задачи кооперирования и планирования сельского хозяйства

Перед народным хозяйством СССР в настоящий момент уже определились основные задачи социалистического строительства на ближайший период. Это — индустриализация страны и социально-техническая реконструкция сельского хозяйства. Вместе с тем, и именно поэтому со всей остротой появилось противоречие между социалистической крупной промышленностью, ее потребностями, ее темпами и требованиями к сельскому хозяйству, и сельским хозяйством на данном уровне и в данных его формах.

Рынок являлся и пока что является основным методом и важнейшей формой связи между социалистическими секторами. Основная сила экономического воздействия социалистического сектора на простой товарный проходит через него и это порождает чрезвычайно сложный и противоречивый комплекс явлений. Сектор промышленности, по природе своей плановый и имеющий внутри себя планы с реальной силой, связан методами рынка с сельским хозяйством, по экономическому строю своему — стихийным.

Но сельское хозяйство является базой развития промышленности. Поэтому построение всего народного хозяйства методами плана существенно видоизменяется.

Задачи социалистического строительства столь грандиозны, а роль сельского хозяйства столь велика, что без подчинения последнего плану выполнение этих задач затруднено в максимальной степени.

Не говорим уже о том, что весь этот материальный процесс роста должен итти в форме развивающихся элементов обобществления.

Намеченный мощный под'ем урожайности зерновых и технических культур, изменение пропорции культур и введение новых, повышение качества всей сел.-хоз. продукции, специализация районов, рост товарности и, наконец, четкость и точность поступления сел.-хоз. продукции в распоряжение социалистического сектора,— все это строго определенные элементы народнохозяйственного плана.

Отсюда, актуальнейшей задачей социалистического строительства является определение методов охвата планом крестьянского

производства. Практическая деятельность ищет путей постепенной замены стихийных методов выполнения сельскохозяйственных планов методами непосредственного планирования и учета крестьянского производства, на основе заинтересованности мелкого товаропроизводителя. Путь к этому лежит через реконструкцию обращения между данными секторами, через реконструкцию форм экономических связей социалистического сектора с простым товарным.

Обращение само есть обусловленный момент производства. И поскольку ведущим является социалистическое промышленное производство, его закономерности должны овладеть обращением и соответственно его перестроить.

Многое уже сделано на этом пути. Частный капитал значительно сбит с основных позиций. Его заменили кооперация и госорганизации, т.-е. новая социальная сила.

Таким образом, дана новая общая социальная физиономия обращения, дана пролетарская линия в работе. Однако, все это является лишь предпосылкой предстоящей качественной реконструкции товарооборота.

В чем сущность этой новой задачи?

Сел.-хоз. кооперация, занимавшаяся до сих пор преимущественно товарооборотом, подошла в своем развитии к моменту непосредственного внедрения в крестьянское производство. Это внедрение идет в форме контрактации. Но начавшаяся производственная работа выявила со всей определенностью непригодность данного уровня организации товарооборота. Для действительной производственной работы сел.-хоз. кооперации нужен по-новому организованный товарооборот.

Плановая реконструкция крестьянского производства через товарооборот требует планового товарооборота. Его-то у нас, в сущности говоря, еще и нет.

Как раз там, где лежит стык социалистического сектора с крестьянским, т.-е. в первичном кооперативе, там и кончается план. У первичного кооператива или у группы кооперативов различных видов, работающих с распыленными массами крестьянских хозяйств, нет целевого производственного плана работы, в котором была бы выявлена их организаторская, реконструктивная инициатива.

Налицо, с одной стороны, обособленность отдельных видов кооперации: кредитная деятельность, например, идет независимо от снабжения средствами производства, а заготовительная — независимо от них обоих. Это вовсе не вызывается процессом специализации низового звена. Наоборот, именно специализация требует строгой увязки деятельности всех кооперативов района в один план.

На данной стадии развития кооперации, когда перед нею стоят задачи производственной реконструкции крестьянского хозяйства, проблема единого производственного плана района деятельности группы сел.-хоз. кооперативов становится очередной задачей. С другой стороны, каждый сел.-хоз. кооператив до сих пор почти целиком обусловлен стихией.

Например, кооператив, ведущий снабженческие операции с крестьянством, не знает заранее, кому, когда и сколько пойдет средств производства, лежащих у него на складе. Не знает также, какова будет эффективность этого снабжения. Тоже самое полностью относится к кредитованию крестьянских хозяйств.

Вполне естественно поэтому, что при таком состоянии снабжение и кредит не были до сих пор факторами, планирующими крестьянское производство, факторами, которые вызывали бы с неизбежностью экономического закона нужное социалистическому сектору ответное движение.

Еще хуже обстояло до сих пор дело с заготовительной работой. Если отвлечься от контрактации, которая как раз и вносит переворот во всю кооперативную работу, то кооператив не знает, кто, что, когда произвел и когда, кому, сколько и по какой цене продаст. Кооператив в своей работе в основном обусловлен стихией простых товаропроизводителей.

Вот почему, когда мы подошли к этапу производственной реконструкции, последняя настоятельно потребовала и реконструкции товарооборота, как своего важнейшего фактора. В этой связи приобретает свое значение следующая директива XV с'езда партии:

„Важнейшей задачей социалистического строительства в области организации обмена является преодоление анархии рынка и расточительности в расходовании материальных средств, свойственной капиталистическому способу распределения путем дальнейшего развития и рационализации обобществленного сектора товарооборота.

Обобществленный сектор обращения, расширяясь за счет вытеснения частного капитала, внося плановое начало с сферу товарооборота путем рационализации торговой сети, максимального сокращения непроизводительных затрат в сфере обмена, закрепит все громадные экономические преимущества нового социалистического строительства, преобразуется в аппарат социалистического распределения продуктов" (из резолюции XV с'езда ВКП (б) о пятилетнем плане народного хозяйства).

Планы народного хозяйства, являющиеся научно-обоснованными директивами, должны получить и в отношении сельского хозяйства методы выполнения, соответствующие природе этих директив. Характер и роль товарооборота должны подняться на новую ступень. Вот почему такое решающее значение приобретает контрактация сельскохозяйственной крестьянской и колхозной продукции.

Что такое контрактация в условиях СССР

Контрактация далеко не новое экономическое явление. Она свойственна и капитализму, как договор капиталиста с крестьянином на производство определенного количества товаров. Это — коммер-

ческая сделка, обусловленная сущностью капиталистического производства и содействующая его процессам. Мы не даем здесь анализа такой контрактации, являющейся специальной и высоко интересной темой.

Совершенно ясно, что контрактация в СССР принципиально иного характера. Этот характер обусловлен сущностью пролетарского государства и социалистического сектора хозяйства.

Как и всякое явление, наша контрактация имеет свою, хотя и очень краткую историю и в своем исходном состоянии совершенно не похожа на ту, в которую развертывается сейчас.

Контрактация возникла, как метод заготовок, наиболее обеспечивающий промышленность сырьем. Социалистический сектор давал как бы заказ или же покупал продукцию на корню, в связи с чем выдавал авансы, в форме денег и семян, в счет стоимости будущих сел.-хоз. товаров.

Но возникшие новые отношения не могли ограничиться этим. Социалистический сектор заинтересован в социальной и технической реконструкции крестьянского производства. Крестьянство же заинтересовано в помощи ведущего сектора. Поэтому, естественно, в дальнейшем в контрактацию внедряются социальные и производственные моменты. Авансируя деньгами, семенами, удобрениями и т. д., контрактатор требует продукцию определенного количества и качества, следовательно, пред'являет требования к уровню производственного процесса.

Но весь этот процесс может быть закономерным и нормальным в наших условиях лишь в меру обобществления простых товаропроизводителей. Контрактация неизбежно развивается, во-первых, на основе диференцированного отношения социалистического сектора к различным социально-экономическим группам, во-вторых, от индивидуальных форм к контрактации с целыми земельными обществами, к организации посевных товариществ и т. д.

Социально-техническая реконструкция сельского хозяйства, тесно связанная с необходимостью устойчивого перспективного плана развития сел.-хоз. культур, выдвинула на очередь вопрос о долгосрочной контрактации.

Только долгосрочная контрактация, овладев крестьянским производством, создает прочное основание для планирования и массовой реконструкции крестьянского хозяйства.

Следовательно, контрактация, как развернутое явление, в условиях СССР характерна следующими определениями. Это — экономическое отношение социалистического сектора с крестьянством через кооперацию, заключающееся: 1) в установлении плана производства данной товарной продукции в крестьянском производственном об'единении для социалистического сектора продукции определенного количества и качества с доставкой в установленный срок; 2) заключающееся в установлении плана кредитования и снабжения этих

об'единений средствами производства со стороны социалистического сектора; 3) в установлении плана агрикультурных и прочих производственных мероприятий в сельском хозяйстве; 4) в формах, обобществляющих крестьянское производство.

Контрактация в таком определении есть реконструктивный план крестьянского товарного производства и обмена с социалистическим сектором. Это не что иное, как производственный план района деятельности сел.-хоз. первичных кооперативов.

Создание такого уровня работы дело чрезвычайной сложности. Пред'являются большие качественные требования к кооператорам, требуется постепенная перестройка всей сбытовой, снабженческой, кредитной и агрикультурной работы в деревне.

Сейчас мы еще очень далеки от этого уровня кооперативной работы. В данный период сильны еще дефекты как суб'ективного, так и об'ективного порядка. К дефектам первого рода относятся: из года в год повторяющееся запаздывание составления планов контрактации в центре, чем буквально срывается всякая производственная подготовка на месте, затем, запаздывание авансирования, недостаточность семяноснабжения. Имеется недооценка значения контрактации кооперативными работниками во многих районах и т. д. К дефектам второго рода относятся распыленность и бесплановость всей кооперативной и государственной экономической деятельности в деревне.

Контрактация в существующем виде не является еще основанием для составления сел.-хоз. кооперацией совместно с населением плана экономической деятельности района. Внедрение же производственной контрактации внесет коренные изменения как в товарооборот, так и в крестьянское производство, быстро создавая предпосылки коллективизации и плана.

Контрактация и оборот крестьянских сел.-хоз. товаров

Рассмотрим значение контрактации в реконструкции товарооборота крестьянской продукции.

Что мы имеем в этой области без наличия контрактации?

Прежде всего — господство мелких товаропроизводителей на основе рынка.

Мы не знаем и не имеем (если отвлечься от контрактации) возможностей знать производственные планы отдельных крестьянских хозяйств. Мы можем лишь post factum констатировать, с известной степенью точности, кто, что, какого количества и качества произведет. Не знаем также, когда, кому и по какой цене эта продукция поступит.

Помимо обусловленности сезонными факторами, заготовки таким образом усложняются еще стихийностью поступлений продукции на рынок.

Для осуществления намеченных социалистическим сектором планов эти поступления по необходимости регулируются меропри-

тиями, соответствующими природе рынка. К периоду заготовок приурочиваются налоги и займы, мобилизуются для деревни запасы промышленных товаров и т. д.

Вся страна переживает посезонные колоссальные напряжения, растет эмиссия, обостряется товарный дефицит и т. д. И все же этим не создается твердый и определенный процесс поступления сел.-хоз. товаров в распоряжение социалистического сектора.

Достаточно сравнить наши заготовительные планы с их выполнением, чтобы убедиться в этом тотчас же.

Всякий знает, что наши заготовительные планы расходятся с их реализацией самым резким и неожиданным образом. Наиболее тяжелы и сложны хлебозаготовки, особенно во II и III кварталах, когда товарная продукция остается, главным образом, у высших групп деревни, в то же время роль налогов уже исчерпывается, а разница цен базарных и плановых обычно вырастает.

Таким образом, господство на рынке частных товаропроизводителей, необусловленность их экономических действий народнохозяйственным планом, на данной ступени хозяйственного строительства чрезвычайно затрудняет построение реальных планов.

Организация и внедрение планов производственной контрактации существенно изменяют и отменяют эти закономерности.

Что же дает правильно построенный и действительно реализованный план контрактации? Для иллюстрации приведем следующую таблицу (в %% к годовому итогу):

План поступления законтрактованного сырья по кварталам на 1928/29 г. (по плану НТК СССР)

Культуры	Кварталы				За год
	I	II	III	IV	
Хлопок	100,0	—	—	—	100,0
Свекла	100,0	—	—	—	100,0
Лен—волокно	70,0	30,0	—	—	100,0
Табак	10,0	40,0	50,0	—	100,0
Махорка	80,0	20,0	—	—	100,0
Сигарн. табаки	10,0	80,0	10,0	—	100,0
Кенаф	15,0	—	—	85,0	100,0
Пенька	20,0	30,0	50,0	—	100,0
Спецкультуры	100,0	—	—	—	100,0
Шерсть	—	—	60,0	40,0	100,0
Коконы	—	—	80,0	20,0	100,0
Каракуль	—	10,0	70,0	20,0	100,0
Смушка	—	10,0	70,0	20,0	100,0
Кролик	10,0	25,0	65,0	—	100,0

Если реализация сбыта по контрактационному плану станет экономической необходимостью сельскохозяйственного производства, то мы будем иметь в распоряжении социалистического сектора важнейшие элементы плана базы промышленности.

Есть ли основания рассчитывать на своевременное выполнение крестьянством договоров контрактации?

Опыт контрактации свеклы и хлопка, даже при нынешнем уровне производственной контрактации, позволяет дать положительный ответ. Гораздо сложнее дело с зерном, имеющим относительно широкий частный рынок сбыта при низкой товарности его. Здесь мы имеем следующую картину: на 21/I 1929 г., по данным Хлебоцентра, сдача законтрактованного хлеба выполнена колхозами на 77,4%, простейшими об'единениями — на 66,5%; все обязательства выполнены на 68,5%. При чем отдельные районы, напр., Сибирь, Урал и Башреспублика, выполнили 100% контракционных планов. Следовательно, у нас есть все основания утверждать, что при правильной организации дела реализация планов будет обеспечена.

Контрактация дает основание знать и устанавливать кто, что когда, какого качества продукцию произведет и сдаст социалистическому сектору, при чем это осуществляется в силу заинтересованности и выгоды контрактации для крестьянского хозяйства. Все это, при устранении частного заготовителя, означает ослабление существующих сейчас стихийных закономерностей в обороте крестьянских товаров и крупный шаг в сторону организованного производства и распределения. В значительной степени слезает фетишистическая мишура товарных отношений и выступает их содержание, как материальный процесс производства и распределения продукции отдельных частей народнохозяйственного целого, хотя на данной стадии этот процесс все еще будет происходить в денежной форме.

Тем самым дается новое определение формам и направлению движения всего крестьянского производства.

План принимает форму неизбежного момента воспроизводства в сельском хозяйстве.

Вот то крупнейшее новое качество, которое дает контрактация в области обращения крестьянских товаров при полном ее осуществлении.

Но только при полном ее осуществлении!

А это означает, что без увязки с другими элементами обращения, без внедрения их, как моментов плана контрактации, при изолированности заготовок, контрактация значительной экономической силы не получит и должной роли не сыграет. Такими неизбежными элементами являются прежде всего кредит, снабжение крестьянства средствами производства и агрикультурная работа сел.-хоз. кооперации и государства.

В настоящий период уровень заинтересованности крестьянства в этих моментах контрактации очень низок, потому что они осуществляются изолированно от плана контрактации.

Корни успеха контрактации заключаются все еще, главным образом, в потребности денежных и натуральных авансов. Это, конечно, очень важно, но сила контрактации вырастет неизмеримо через включение в нее кредитования, снабжения и т. д.

Действительную силу плана производство и движение товаров из деревни в город приобретут лишь тогда, когда с ними будет неразрывно связано движение денег и товаров из города в деревню.

Отсюда новая реконструктивная задача, поставленная производственной контрактацией перед сел.-хоз кредитом и сел.-хоз. снабжением.

Контрактация и сел.-хоз. кредитование

В настоящих условиях, когда налицо сезонность, помноженная на стихийность, все движение денег за сел.-хоз. товары в деревню обусловлено ими. Осеннее кредитование заготовок создает чрезвычайно сильное напряжение всей кредитной и финансовой системы. В условиях ведущей роли социалистического сектора это состояние не является неизбежным.

Противоречие, существующее между потребностями производственного процесса в сельском хозяйстве, и сезонностью денежных поступлений, разрешается не только кредитом в существующих ныне формах. В этом отношении играют важнейшую роль контрактационные авансы.

Выдаваемые по договору в счет стоимости, подлежащей в будущем сдаче товарной продукции и составляющие примерно 25% всей стоимости этой продукции, они могут существенно изменить положение. Обусловленные потребностями производства, авансы падают на иные кварталы по сравнению с заготовками. В то время, как основная заготовительная работа проходит во второй половине IV и в I квартале, авансы составляют в I квартале 15%, во втором — 19%, в третьем — 41,5% и в четвертом — 24,5% от суммы годового авансирования. При размерах авансов, проектируемых на 1928/29 г. до 300 млн. руб. и при проектируемом их росте, оздоравливающая роль такого поквартального перераспределения совершенно очевидна.

Сельскохозяйственный кредит является могущественным фактором социально-технической перестройки деревни. Мы сейчас вступаем в такую полосу строительства, когда эта роль должна быть выявлена и организована со всей определенностью.

В настоящем своем состоянии кредитование крестьянского производства от этого еще очень далеко.

Кредитный кооператив, даже правильно проводящий классовую политику, все же по методам своей деятельности недалеко ушел

от старой кооперации. Он еще отнюдь не является организатором и реконструктором своего района.

Кооператив идет, главным образом, по линии удовлетворения требований стихийного процесса простых товаропроизводителей.

Сила непосредственного воздействия на производство и обобществление крестьянства, сила внедрения элементов планирования еще достаточно слаба. Она, пока что, выражается лишь в установленных сверху преимуществах для колхозов.

Задачей предстоящего периода является решительное изменение данного состояния. Тем более, что найдена основа для этого изменения.

Можно считать, что производственная контрактация уже сейчас показала и доказала возможность нового построения сел.-хоз. кредитования.

Уже при первом взгляде ясно, как много общего между денежным и натуральным авансированием по плану производственной контрактации, с одной стороны, и работой кредитной кооперации — с другой.

При контрактации выдаются, во-первых, деньги на производственные нужды, во-вторых, семена, удобрения, машины и т. д. на основе определенного, связанного с народнохозяйственным целым производственного плана. По срокам это авансирование зависит от того, долгосрочная или краткосрочная контрактация осуществляется. Кредитная кооперация также дает крестьянину деньги на семена, удобрения, машины, скот и т. д. на различные сроки, но с тем важнейшим отличием, что не знает наперед, кто и для какой цели за ними придет, с тем отличием, что такой кредит оторван, изолирован от сознательно установленного производственнаго плана данного района.

Приводимая ниже таблица показывает, какую роль занимают в кредитной работе взятые нами три назначения, могущие быть полностью увязаны с производственной контрактацией.

Обслуженность заемщиков различными назначениями ссуд по СССР в % к итогу всех ссуд и сумм [1] за 1926 г.

Назначение ссуд	% числа ссуд	Сумма ссуд
Рабскот.	24,0	36,0
Сел.-хоз. машины (простые и сложные)	14,0	18,0
Семена	23,0	10,0
Итого по трем назначениям	61,0	64,0

Таким образом, в 1926 г. 61% числа ссуд и 64% суммы ссуд шли на удовлетворение тех же потребностей, удовлетворение коих входит элементом в план контрактации.

[1] Из материалов анкетного обследования кредитования крестьянских хозяйств первичной сетью системы сел.-хоз. кредита (изд. ЦСХБ 1927 г.).

Точно также и распределение ссуд по срокам может быть увязано как с краткосрочной, так и с долгосрочной контрактацией.

При краткосрочной контрактации срок колеблется около 6 месяцев, при долгосрочной — намечается до 7—8 лет.

Приводимая таблица показывает существующие сроки кредитования.

Распределение ссуд, выданных единоличным крестьянским хозяйствам по срокам в % (сводка по СССР за 1926 г.) по трем важнейшим статьям [1]

Назначение ссуд	До 3 мес.		От 3 до 6 месяцев		От 6 до 12 месяцев		Свыше 12 месяцев		Всего	
	Количеств. ссуд	Сумма	Количеств. ссуд	Сумма	Количеств. ссуд	Сумма	Количеств. ссуд	Сумма	Количеств. ссуд	Сумма
Рабскот.	9,0	9,0	26,0	24,0	60,0	60,0	5,0	7,0	100,0	100,0
Сел.-хоз. простые машины . . .	19,0	15,0	37,0	35,0	40,0	44,0	4,0	6,0	100,0	100,0
Сел.-хоз. сложн. машины . . .	20,0	17,0	29,0	21,0	33,0	33,0	18,0	29,0	100,0	100,0
Семена.	5,0	5,0	49,0	43,0	45,0	51,0	1,0	1,0	100,0	100,0

Чем значительней сроки, тем легче связать кредит с производственной контрактацией. Из приведенной таблицы мы видим, что свыше 50% суммы ссуд колеблются по срокам от 6 месяцев до 1 года. Сроки контрактационных авансов около 6 месяцев. Таким образом, и в сроках мы обнаруживаем ту производственную общность, которая диктует и авансам и другим формам сел.-хоз. кредита почти одинаковые сроки.

В отношении долгосрочного кредита, поскольку он связан обязательно со значительными реконструктивными требованиями к крестьянскому хозяйству, следует еще с большей определенностью подчеркнуть необходимость об'единения с планом долгосрочной контрактации. Необходимо в дальнейшем изжить изолированность кредита от контрактации и денежного авансирования и создать единый план финансирования сельского хозяйства. При этом одна часть этого плана выполняется в форме авансов, в счет стоимости подлежащей сдаче товарной продукции, погашение же другой части может быть связано с другими сроками, как это имеет место и сейчас.

Совершенно ясно, что это не означает уничтожения сел.-хоз. кредита и поглощения его контрактационным авансом. И тот и другой должны являться составными частями единого целого и соотношение этих частей устанавливается в практически целесообразных пропорциях.

[1] Из материалов анкетного обследования кредитования крестьянских хозяйств первичной сетью системы сел.-хоз. кредита. Изд. ЦСХБ, 1927 г.

Что достигается такой организацией кредита?

Прежде всего, построенный на производственной контрактации кредит придает ей громадную экономическую значимость в силу необходимости для крестьянского производства.

Самый процесс и степень реализации крестьянством контрактационных договоров, в силу важности кредита, поднимется на высшую ступень по сравнению с настоящим. Во-вторых, создается заключительное, низовое плановое звено в общей системе сельскохозяйственного кредитования. В-третьих, вырастает эффективность как контрактации, так и кредита в деле технической и социальной реконструкции, ибо дан единый план воздействия нескольких сил на крестьянское хозяйство.

Контрактация и организация снабжения крестьянства

В настоящий период развития контрактации снабжение крестьянства средствами производства еще не связано с нею, как обязательный момент.

Имеются лишь отдельные намеки на необходимость единства контрактации и кооперативного снабжения.

Между тем, в разрезе перспективного плана этот вопрос приобретает весьма важное значение.

Деятельность сел.-хоз. кооперации в области снабжения имеет сильную тенденцию в сторону специализации первичного звена. При данном низком уровне плановости работы первичной сети этот процесс будет процессом изоляции от остальных видов кооперации, будет процессом распыления реконструктивных сил сел.-хоз. кооперации.

Уже сейчас количественные успехи снабженческой кооперации велики. Она является решающей величиной на деревенском рынке. Увеличение ее роли до 100% само по себе ничего нового дать не может. На первое место выступает проблема качества работы. Методы и социально-технический эффект работы, которые отличали бы кооперацию от торговли, которые обнаруживали бы в кооперации активного реконструктора крестьянского производства, организатора, вносящего элементы обобществления и плана, — таких качеств у низовой кооперативной сети еще нет. Их лишь предстоит создать.

Для настоящего периода здесь существенны два обстоятельства:

1) Снабжение обусловливается стихийностью и сезонностью заготовок, являясь методом усиления заготовок, соответствующим рыночной природе отношений с мелким товаропроизводителем.

2) Кооператив не знает, кому, когда и какие средства производства он продает и с каким социально-экономическим эффектом. Его операции совершенно не связаны с другими кооперативными операциями.

Крестьянин приходит в кооператив и приобретает машину, но это еще вовсе не означает, что кооператив может приобрести у крестьянина его товарную продукцию. Снабжение не связано с планом производства и заготовки крестьянской продукции.

Совершенно очевидно, насколько ослабляется при таком положении позиция социалистического сектора в деревне и его реконструктивная роль. И мы должны со всей определенностью сказать, что эта стадия кооперативной работы должна быстро итти к концу.

Задача предстоящего периода заключается в том, чтобы снабженческий кооператив выступал перед крестьянством не в качестве торговца, а в качестве организатора и реконструктора.

Этот вывод весьма убедительно подтверждается практикой оперативной работы и мероприятиями оперативных организаций. В одном из директивных писем, посланных на места совместно НКЗ РСФСР, Союзом Союзов, Россельбанком, Сельскосоюзом и Хлебоцентром, мы читаем:

„Текущий период хлебозаготовительной кампании вызывает необходимость на ряду с усилением мероприятий чисто-организационного характера наиболее тщательного и полного использования экономических факторов для стимулирования выбрасывания крестьянством излишков хлеба. В числе таких факторов, которыми располагают системы сел.-хоз. кредита и сел.-хоз. кооперация, первостепенное место и значение занимает деятельность систем в области кредитования и производственного снабжения.

Эта деятельность систем всегда должна находиться в связи со сдачей населением своих товарных излишков государству; в момент же прямых напряжений на хлебозаготовительном рынке эта связь должна быть усилена до необходимых пределов, обеспечивающих нормальное выполнение хлебозаготовительных планов" (см. бюллетень Хлебоцентра № 4 от I/II 1929 г.). Здесь дается определенная директива связать товарные потоки из деревни в город и из города в деревню.

В том же письме в настоящий период констатируется „почти полное отсутствие оперативной увязки между специализированными звеньями периферии сел.-хоз. кооперации и местными органами сел.-хоз. кредита". Намечаемая увязка абсолютно необходима, но в силу того, что она строится не на основе производственной контрактации, она принимает не планово-производственный характер, а характер ударности, рыночной стихийности и заготовительной сезонности.

„При ходатайствах о выдаче кредитов на ту или иную цель, каждый раз необходимо учитывать, насколько исправно данное хозяйство выполнило свои обязательства в отношении государства по сдаче излишков хлеба; в противном случае, ходатайства эти не подлежат рассмотрению".

И дальше, в том же директивном письме еще определеннее подчеркивается, что злостно уклоняющимся от сдачи хлебных излишков государству или при реализации их частникам „должно быть решительно отказано как в товарах, так и в кредитах, направляемых через звенья сел.-хоз. кооперации и сел.-хоз. кредита в плановом порядке".

Приведенное письмо ярко иллюстрирует господство стихии в товарообороте низового звена до сих пор, изолированность отдельных экономических связей двух секторов и необходимость во что бы то ни стало изменить существующее положение. Конечно, при существующем состоянии производства и товарооборота в деревне мероприятия, изложенные в письме, целесообразны и необходимы, но ясно также, что здесь просто „клин клином вышибают".

Производится сезонное воздействие через рыночные рычаги для создания ответного рыночного движения. Но ведь по существу здесь ничего планового нет. И в истекшие годы производилось посезонное давление, напр., промтоварами, отчего весь товарооборот города с деревней принимал и принимает форму флюса.

Последнее может быть устранено путем постепенного, но решительного перевода снабжения на основы плана производственной контрактации.

Поворот работы в эту сторону даст возможность снабженческому кооперативу принять активное участие в производственных совещаниях деревни, где вырабатывается план контрактации, даст возможность связать свою работу с производственным заготовительным и кредитным планом данного района, и лишь на этой основе действительно знать — кому, что, когда дать и какова будет социальная и техническая эффективность. На этом же пути будут легче всего найдены и формы обобществленного, а не индивидуального снабжения.

Увязку кредитования и снабжения с контрактацией отнюдь не следует понимать упрощенно, как это делается иногда сейчас, когда ее сводят к тому, что при обращении крестьянина за кредитом и машинами справляются, является ли он участником контрактации и если да, то оказывают преимущества. Этим, конечно стимулируется переход к контрактации, но ничего планового в отношениях с контрактантом здесь все же нет.

Контрактация в нашей постановке обязывает при самой проработке контрактационных планов к участию в ней всей видов сел.-хоз. кооперации, и, таким образом, сознательное, целевое определение необходимых и возможных на этой основе мероприятий. Следовательно, наперед устанавливается, что в меру кредитов и средств производства данное село получит на основе договора такие-то машины, удобрения, кредиты и т. д. Такая-то часть их пойдет в обобществленной форме (особенно сложные орудия), такая-то — в индивидуальной. А это — далеко не то же, что мы имеем сейчас.

Народнохозяйственное значение такой организации кооперативной работы в деревне, когда сбыт, снабжение и кредит построены на плане контрактации, чрезвычайно велико.

В производственной контрактации, с соответственно организованным товарооборотом и кредитом, мы нашли ту форму, в которой стихийные закономерности сектора простого товарного хозяйства будут вытеснены закономерностями ведущего, социалистического сектора.

Стихийность заменяется в значительной степени плановым производством и распределением всей товарной продукции. Вместе с тем, изменяется снизу доверху характер товарооборота, так как создано низовое, заключительное плановое звено товарооборота. Устраняется сезонная напряженность в снабжении промтоварами деревни, а вместе с тем, изменяется структура товарных запасов, издержек обращения и т. д.

Лишь реконструированная таким образом система кооперативного товарооборота может стать мощным фактором социальной и технической реконструкции крестьянского хозяйства. Когда все кооперативы района, охватывающие отдельные экономические процессы, будут связаны единым планом с мелким товаропроизводителем, когда будут устранены параллелизм, изолированность и хаос обслуживания и воздействия на крестьянское хозяйство, когда мы имеем на основе производственного плана контрактации единую сел.-хоз. кооперативную организацию в районе, хотя и работающую на основе высоко развитого разделения труда,— лишь тогда влияние кооперации на социальную и техническую организацию сельского хозяйства будет определяющим и эффективность реконструктивных мероприятий поднимется высоко. Социалистический сектор проникает своими экономическими нитями в деревню и обусловливает ее движение в нужную сторону и в нужной форме. При чем этот процесс принципиально отличается от процесса внедрения капитализма в систему крестьянского производства, ибо он совершается на базе роста материального благополучия мелких производителей через уничтожение социальной диференциации их, путем постепенного внедрения элементов крупного обобществленного производства.

Такова, на наш взгляд, очередная задача в области организации кооперативной работы, которую мы должны поставить на разрешение в пятилетнем плане.

Конечно, за столь короткий срок мы этой задачи полностью не разрешим, но поставить ее и частично выполнить мы обязаны темпами реконструкции, намеченными в отношении сельского хозяйства в перспективном плане.

Вопросы контрактации освещены и в резолюции, принятой состоявшимся 26/II—4/III с. г. при Госплане СССР расширенным кооперативным совещанием всех систем.

В принятой совещанием резолюции мы читаем:

„Расширенное совещание кооперативных организаций при Госплане СССР, обсудив вопросы пятилетнего плана кооперации, постановляет:

§ 8. Задача производственного кооперирования теснейшим образом связана с программой производственной контрактации, и производственного кредитования, которые должны проводиться диференцированно в отношении отдельных социальных групп, разнообразных районов и культур. Контрактация является одной из основных задач сельскохозяйственной кооперации.

Контрактация должна проводиться таким образом, чтобы дело реконструкции сельскохозяйственного производства предоставить сельскохозяйственной кооперации.

На основе сельскохозяйственной контрактации и в меру ее развития экономическая деятельность всех видов сел.-хоз. кооперации должна быть организована, как плановый комплекс всех мероприятий, осуществляемых в сельском хозяйстве (агрономическое обслуживание, кредит, снабжение и т. д.), тем самым приближаясь к созданию единого производственного плана в районе деятельности низовых кооперативов".

Принятие такого, на наш взгляд, совершенно правильного решения обязывает к весьма значительным изменениям и в отношении организационного строительства низовых звеньев сел.-хоз. кооперации всех видов.

При существующей сейчас распыленности и изолированности друг от друга в работе отдельных специальных сел.-хоз. кооперативов в данном районе, осуществление изложенных выше реконструктивных моментов совершенно невозможно.

Необходимость производственного единства в работе всех видов первичных кооперативов, организация планового комплекса всех сел.-хоз. мероприятий и создание единого плана района требуют решительного перехода от существующего организационного состояния к такому сел.-хоз. кооперативному об'единению, которое включило бы в себя и высокий уровень специализации кооперирования отдельных моментов крестьянской экономики и их плановое единство.

Сейчас, когда намечается лишь направление основных изменений в организационном строительстве кооперации, было бы неправильным предвосхищать опыт, который еще должен быть проделан. Резолюция упоминавшегося совещания говорит следующее по этому вопросу:

„В связи с переходом к производственному кооперированию деревни и большими темпами обобществления особенно остро стоит задача оргстроительства низовки в сторону согласования и об'единения работы отдельных видов сел.-хоз. кооперации и упрощения взаимоотношений с населением, сохраняя, вместе с тем, и возмож-

ности для дальнейшей специализации сел.-хоз. кооперации по отдельным районым, культурам и видам деятельности кооперации".

Не предрешая темпов и конкретных путей организационных изменений, необходимо подчеркнуть, что эти изменения должны происходить в указанном направлении.

Сейчас больше, чем когда бы то ни было, вырастает реконструктивное значение первичного кооперативного звена. Производственная контрактация может быть поднята на высокий уровень только правильно организованной низовкой. Новое содержание, вносимое контрактацией во всю кооперативную работу, будучи развернуто в соответствующей организационной форме, даст социалистическому сектору метод массового воздействия на переустройство деревни, метод создания предпосылок для поголовной коллективизации маломощного и среднего крестьянства.

Необходимо подчеркнуть исключительное значение производственной контрактации, как для существующих, так и для вновь возникающих колхозов, ибо таким путем колхозы включаются непосредственно в общий план народного хозяйства и теснее связываются с ведущим сектором социалистической промышленности.

В отношении индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств производственная контрактация, улучшая их производительные силы, обобществляя отдельные производственные процессы, поднимая их товарность, создает прочную экономическую опору социалистическому сектору в деревне против кулацких хозяйств, ибо уже сейчас контрактационные договоры с крестьянством кооперация заключает не в индивидуальной форме, а целым земельным обществом или группой. На основе плана контрактации мы имеем за какие-нибудь полтора года в одной лишь зерновой отрасли сельского хозяйства возникновение свыше 10.000 совершенно неизвестных раньше кооперативному движению так называемых посевных зерновых товариществ, могущих стать при правильном руководстве зародышевой формой колхозов.

Вместе с тем, такой процесс реконструкции экономической связи социалистического сектора с крестьянским дает основание уверенности, что при осуществляющемся форсированном наступлении на капиталистические элементы деревни последние будут быстрее и легче вытеснены из сельскохозяйственной экономики.

Б. Раскин

Сущность и роль кредита в переходном хозяйстве

Основным принципом анализа категории кредита в советском хозяйстве должно быть разграничение в существующих в переходном хозяйстве кредитных отношениях капиталистических и социалистических элементов, затем установление характера их связи и перерастания одних (капиталистических) в другие (социалистические).

Прежде всего возникает вопрос: возможно ли вообще такое неестественное соединение, как элементы социализма и кредит? Ведь кредит есть отношение товарного, основанного на частной собственности хозяйства, и следовательно, он не совместим с хозяйством, эту частную собственность исключающим. Для тех, кто не мыслит себе хозяйства на иной основе кроме буржуазного хозяйства, и следовательно, для кого социалистическое хозяйство есть не более как разновидность такого буржуазного хозяйства, существование кредита и социалистического хозяйствования не исключено. В таком духе высказывался, напр., Железнов [1] и др. Но и у, более понимающих сущность отношений авторов можно найти такого рода заявления: „Мы отнюдь не видим в кредите нечто несовместимое с плановым началом". [2] Этот автор возражает против мнения, что „путь кредита должен постепенно переходить на-нет, по мере изживания стихийных элементов хозяйства". [3]

В действительности же, никаких кредитных отношений нельзя себе мыслить там, где полностью изжиты „стихийные элементы хозяйства", т.-е. там, где нет частной собственности.

В едином организованном хозяйстве нет кредита, самого себя кредитовать нельзя; это — азбука. В советском хозяйстве действительно сосуществуют кредит и плановые методы ведения хозяйства, но в корне неверно делать отсюда выводы, что полностью регулируемое и планируемое хозяйство совместимо с кредитом. Таким путем мы кредита переходного хозяйства не поймем и, в особенности, не выясним тенденций его развития. Особенности кредита в нашем хозяйстве могут быть выявлены только тогда, когда мы, зная действительную сущность кредита в капиталистическом хозяйстве, так же

[1] См. проф. Железнов, статья в сборнике „Денежное обращение и кредит", ч. 1.

[2] Кистенев, „Проблемы кредита в СССР", „Вестник Финансов", № 2 за 1928 г. стр. 25.

[3] Там же.

ясно представим себе и то, каким образом в организованном хозяйстве выполняются функции, в стихийном хозяйстве выполняемые кредитом.

Одной из очень важных функций, выполняемых в капиталистическом хозяйстве кредитом, является экономия наличных денег. Эту функцию кредит выполняет как путем замены наличных денег кредитными, так и организацией без наличных расчетов и, наконец, вследствие ускорения быстроты обращения денег. Так как товарное хозяйство знает движение товара только путем замены его деньгами (или другим товаром), то ясно, какое громадное значение для капиталистического хозяйства имеет эта функция кредита. Но столь же ясно, что в социалистическом хозяйстве, где нет ни товара, ни денег, не может быть и речи о подобной функции.

Другой, не менее важной, функцией кредита в капиталистическом хозяйстве является происходящая при его помощи централизация капиталов. Развивающееся капиталистическое производство требует все большей и большей концентрации капиталов и постоянно натыкается на границы, которые здесь кладут ему рамки частной собственности. Кредит прорывает эти границы, давая тем самым возможность колоссального расширения предприятий и производства. Кредит это делает путем таким, что „предоставляет отдельному капиталисту или тому, кто считается капиталистом, абсолютное, в пределах известных границ, распоряжение над чужим капиталом и чужой собственностью и вследствие этого над чужим трудом“. [1] Этим самым кредит усиливает до величайшей степени присущие капитализму противоречия. Но развитие капиталистических противоречий есть развитие самого капитализма. Без кредита капиталистическое хозяйство и его развитие немыслимы.

Но социалистическое хозяйство, в котором все средства производства принадлежат обществу и где, следовательно, имеется абсолютная их централизация, не оставляет места и чему-нибудь похожему на эту вторую функцию кредита.

Третья функция кредита в капиталистическом хозяйстве опирается на рассмотренные две и отчасти с ними совпадает; это — перераспределение капиталов между отдельными предприятиями и отраслями. Речь здесь идет о всякого рода временных, сезонных колебаниях в распределении ресурсов между различными предприятиями и отраслями, колебаниями, в капиталистическом хозяйстве совершающимися путем так называемого коммерческого кредита, поскольку его роль не ограничена — только экономией денег. Значение этой перераспределительной функции кредита, как средства для более эффективного применения наличного капитала, очень велико.

Социалистическое хозяйство не знает разделения частной собственности, но разделение на предприятия и производства, конечно,

[1] Маркс, „Капитал“, т. III, ч. 1, стр. 424—425, изд. 1922 г.

присущи и ему. Здесь не может быть речи о капитале, но распределение производственных ресурсов между отдельными предприятиями и отраслями и при социализме не может оставаться неизменным. Наоборот, процесс производства предполагает постоянное движение и перераспределение этих ресурсов. Но ни для какого кредита здесь опять-таки места нет, хотя функция, которую последний выполняет в капиталистическом хозяйстве, в этом случае сохраняется и при социализме.

Социалистическое хозяйство должно будет, конечно, вести точный учет и контроль всех имеющихся в его распоряжении ресурсов, их движения и перераспределения. Если предприятие *А* передает предприятию *Б* определенное количество своей продукции, это, конечно, будет тщательнейшим образом как-нибудь фиксироваться и учитываться.

Но меньше всего учет этот будет вестись в целях установления эквивалентности „обмена“ между предприятиями. Следя за тем, чтобы производство на каждом предприятии велось наиболее рациональным и экономным способом (что должно привести к выработке единицы учета, ничего, в свою очередь, не имеющей общего с деньгами) и планируя производство по отраслям и производствам так, как общество будет считать для себя необходимым, социалистическое хозяйство не будет совершенно знать ценностных, т.-е. частно собственнических отношений между отдельными предприятиями.

Социалистическое предприятие будет передавать другим предприятиям свою продукцию не взамен какого-нибудь эквивалента с их стороны, а в порядке исполнения единого хозяйственного плана; точно таким же образом оно будет снабжаться само. Отсюда — отсутствие необходимости в каком бы то ни было всеобщем эквиваленте, отсюда же и отсутствие необходимости замены его кредитом.

В капиталистическом хозяйстве всякое движение товара осуществляется при посредстве денег. Деньги — необходимое средство (и в то же время издержки) товарного обращения и производства. Передвижение денег отражает передвижение товаров и движение последних учитывается в движении первых. Кредит, как уже сказано, заменяет деньги в их материальном бытии, но организация кредита (банки) может выполнять эту свою функцию только таким путем, что та санкция движения товара, которая, без кредита, дается фактом движения наличных денег, при кредите заменяется фиксацией сделки в банковских книгах и документах. Этим самым кредит кладет начало организации общественного учета движения производства.

„Банковское дело несомненно создает форму общего счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе, но только форму“. [1]

[1] Маркс, „Капитал“, т. III, ч. 2, стр. 147, изд. второе.

Если два предприятия, состоя клиентами одного и того же банка или банковской системы, состоят в товарно-денежных отношениях между собой, то все их сделки фиксируются и учитываются в книгах этой банковской системы. Когда клиентами банковской системы становятся почти все капиталистически организованные предприятия, а часто и значительная доля потнебительских хозяйств,[1] то здесь уже можно говорить об организации учета в общественном масштабе, но только по форме, ибо в основе здесь все-таки остается частно-собственническое производство.

Банк ведет учет и контроль движению продуктов в капиталистическом хозяйстве, не потому, что банк как общественная организация интересуется ходом общественного производства. Дело в действительности происходит таким образом, что банк как частная организация входит в договор с другими частными предприятиями на предмет ведения их кассы и счетоводства. Личная, частная выгода есть тот стимул, который толкает к подобному образу действий, так как такое сосредоточение ведения дел в одном учреждении оказывается с индивидуальной, частной точки зрения отдельных капиталистов более выгодным. Банк учитывает движение общественного производства только таким образом, что он ведет учет сколько и кому должно денег то или иное предприятие и сколько и кто должен этим предприятиям и фиксирует движение этой задолженности.

Точно так же „банковское дело вырывает из рук частных капиталистов и ростовщиков распределение капитала как особое предприятие, как общественную функцию".[2] Но опять-таки чисто формально, ибо распоряжается собранным в банках капиталом не общество как таковое в интересах всего общества, а не большая кучка финансистов в своих собственных интересах.

Каждый отдельный владелец капитала или денег предоставляет их банку как свою собственность за вознаграждение—процент, а банк, т.-е. его руководители, „распределяют" этот капитал также на основе получения процента или учредительской прибыли. Именно эта сторона частно-собственнических отношений и характеризует и об'ясняет процент, как общественное отношение. Если же, в результате, получается общественная выгода, выгода для всего производства в целом, то это побочный продукт кредитных отношений, самими участниками кредита отнюдь не преследуемый. Но как-раз эта общественная выгода и результат кредита важны для социалистического хозяйствования.

Поэтому „форму общего счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе" социалистическое производство не только сохранит, но и должно будет довести до невиданных при капитализме размеров, но в этой форме ничего не останется от ее кредитной сущности.

[1] В развитых капиталистических странах нередко и мелкие служащие имеют свой текущий счет в банке.

[2] Маркс „Капитал", т. III, ч. 2, стр. 147.

Мы можем себе представить, что социалистическое хозяйство ведет учет своего производства в условно устанавливаемых трудовых единицах, далее, что существуют талоны, выраженные в этих трудовых еденицах, и организация которая „эмитирует" эти талоны и одновременно ведет учет и контроль движению производства на отдельных предприятиях. Назовем эту организацию „банком", отдельные предприятия, следовательно, имеют свои счета в этом „банке". При переходе продукции из одного предприятия в другое, этот переход фиксируется в „банке" переводом определенного количества „тредов" со счета одного в счет другого. Имея дело с мелким потребителем, предприятия рассчитываются с ним талонами, которые потом вносятся в „банк" и заносятся в счет внесшего их предприятия. Все производство, его направление и „расценки" регулируются. Здесь, как видим, форма учета и контроля сохранена подобной капиталистическому кредиту, но только форма, ибо ни денег, ни кредита здесь, по существу, нет. Формально банковская организация сохраняется, кредитная же — частно-собственническая ее основа из этой организации из'ята.

Переходный период представляет процесс перерождения хозяйства из капиталистического в социалистическое. В области кредита следовательно, в этот период должно произойти постепенное отмирание одних его функций совершенно и постепенная потеря другой его функцией (учет и счетоводство) ее кредитной сущности. Сущность кредита отмирает. Сохраняется и развивается только та сторона, которая для кредита была только необходимой формой на пути к достижению желанной цели — процента и прибыли. Только как такой трансформирующийся, сам себя отрицающий и может быть понят кредит советского хозяйства.

Кредит гораздо более конкретная и, следовательно, сложная категория, чем деньги. Отношения кредита уже включают в себя отношения денег. Но несмотря на это, понять двойственность природы кредита в переходном хозяйстве оказывается гораздо легче, чем понять природу „переходных" денег. Отношения между двумя госпредприятиями сами по себе являются таковыми, что не вызывают необходимости денег, здесь могли бы быть только „формальные" деньги. Но, так как те же самые деньги, которые только что обслужили отношения госпредприятий, обслуживают и отношения последних с частными предприятиями и частных между собой, то кажется, что именно последние связи определяют природу денег и в переходном хозяйстве. Думают, что раз на каком-нибудь участке деньги являются всеобщим эквивалентом, то они не могут не являться им и на других участках, и не замечают, что характер всеобщего эквивалента здесь уже в значительной мере об'ясняется

сознательными действиями хозяйствующего государства и только отчасти стихийными взаимоотношениями производящих товары частных хозяйств.

Кредит предполагает деньги, но природа денег в кредитных отношениях отступает на задний план; ведь качественно здесь на обоих полюсах участвуют одинаково деньги. Что непонятно в кредите, так это—прирост денег, процент. Но раз понята сущность процента как выражение отношений ссудного и функционирующего капиталиста, то уже не трудно понять, что по существу никаких кредитных отношений не может быть между двумя госорганами, хотя бы, в то же самое время, на других участках единого переходного хозяйства кредитные отношения сохранили почти всю свою сущность.

В кредитной системе СССР приходится различать троякого рода отношения: 1) кредитные связи государственных и кооперативных организаций между собой; 2) кредитные связи обобществленного с необобществленным сектором, главным образом, по линии сельскохозяйственного и государственного кредита, и 3) кредитные связи внутри частного сектора. Наибольшее распространение (если не по числу сделок, то по об'ему обращающихся средств) кредит получил в первом секторе, второго рода кредитные взаимоотношения имеют тенденцию все больше развиваться, а третьи, естественно, по мере изживания частного капитала и вовлечения крестьянского хозяйства под влияние обобществленного сектора, будут все больше терять свое значение, вплоть до полного уничтожения.

По форме своей кредит, обслуживающий обобществленный сектор, мало чем отличается от кредита капиталистического, особенно если ограничиться поверхностным рассмотрением банковских операций. Мы здесь встречаемся со всеми теми операциями и в том же их оформлении, какие мы имеем и во всяком капиталистическом банке, вплоть до категории процента и протеста векселей. Но вся эта пышная внешность вряд ли кого может обмануть за исключением разве... банковских юрисконсультов.

В кредитных сделках, где государственные и кооперативные организации вкладывают деньги и берут их взаймы в государственных же и кооперативных банках, ничего, кроме формы, общего с капиталистическим кредитом уже не осталось. Процент, уплачиваемый в данном случае, имеет какое угодно оправдание, только не то значение, которое он имеет при капитализме. Роли регулятора кредита он лишен совершенно. Непонимание характера нашей кредитной системы больше всего сказывается при характеристике роли планирования в ней. Так, ряд исследователей считает кредит и планирование вообще несовместимыми вещами; существует также мнение, что планирование необходимо до тех пор пока существует недостаток ссудных капиталов; с устранением же последнего -- распределение кредита могло бы совершаться через регулирование процента

и процентом. Нужно сказать, что и те и другие, в сущности, сводят наш кредит к кредиту капиталистическому, причем это сведение часто сопровождается непониманием сущности ссудного капитала вообще.

„Контролировать и регулировать доставку хлеба или вообще производство и распределение продуктов, не регулируя банковских операций, это—бессмыслица".[1] Эту бессмыслицу нам часто пытаются выдать за высшую премудрость экономической науки. Если мы тщательно учитываем производство и обращение товаров, то здесь уже даже не приходится и говорить о каком то особом планировании (или непланировании) кредита; последний не может не учитываться как один из моментов в регулировании производства и обращения товаров. Ведь это даже не две стороны одного и того же явления, это одно и то же явление.

Если мы говорим, что такое-то предприятие получит или купит сырье там-то, по цене такой-то, зарплату в определенных размерах будет выплачивать в такие-то сроки, капитальное строительство будет вести в таких-то размерах и сроках и сдавать свою продукцию в сроки и по ценам, также соответствующих плану, то думать, что в этих условиях кредит может быть предоставлен самому себе, это, повторяю, полное непонимание не только природы кредита в переходном хозяйстве, но и природы ссудного капитала вообще. Ведь если указанное регулирование распространяется на все предприятия, обслуживаемые кредитной системой, то в это регулирование кредитная система уже включена, ибо здесь уже предусмотрены как поступления, так и выдачи средств.

Правда, поскольку обобществленный сектор у нас не замкнут в себе, а составляет часть единого нашего народного хозяйства, другой частью которого является частный сектор, еще не поддающийся прямому регулированию с нашей стороны, постольку в наших планах элемент предвидения составляет пункт, который всегда грозит нам, в той или иной мере, срывом наших планов. С другой стороны, в области кредита и денежного обращения как в фокусе всей хозяйственной системы всякого рода неувязки и срывы нашего планирования сказываются сильнее и ярче всего. Поэтому планирование в этой области представляет свои особые трудности. Но все это отнюдь не говорит против планирования кредита, ибо без планирования кредита нет планирования переходного хозяйства, и наоборот, кредит переходного хозяйства, т.-е. кредит, трансформирующийся в сторону превращения в систему общественного счетоводства, учета и контроля, никаким иначе, как планируемым в общественном масштабе, не может быть.

Кредитные связи между обобществленным и необобществленным секторами существуют в самой различной форме. Кредитование частного капитала (товарное и денежное) практически у нас

[1] Ленин, том XIV, часть 2, стр. 182—183.

в СССР не имеет почти места. Зато громадное значение имеют кредитные связи с мелкобуржуазным, главным образом, крестьянским хозяйством. Эти связи могут итти как по линии кредитования товарами, так и денежного (сельскохозяйственного кредита, сберкасс, госзаймов). Сюда же должны быть отнесены всякого рода авансирования, отчасти контрактации и т. д.

Ясно, что этого рода кредитные отношения нельзя рассматривать, как отношения двух частных собственников. Если со стороны частных хозяйств, вступающих в кредитные связи с госорганизациями, в значительной мере решающим является стимул личной выгоды для собственного частного хозяйства,[1] то у другого контрагента этих сделок цели совсем иные.

Обобществленный сектор вступает в эти сделки не как частный собственник, а как представитель интересов всего народного хозяйства и притом хозяйства обобществляющегося.

Ясно, что регулирование и планирование этого рода кредитных связей еще гораздо труднее, чем кредита, обслуживающего обобществленный сектор, но не менее ясно, что и эти трудности должны быть преодолены.

Регулирующая роль процентирования здесь в значительной мере еще сохранена, особенно, если кредитором выступает частное хозяйство. Но процент, взимаемый госорганами, конечно, не стоит ни в какой зависимости с „рыночным" процентом, ничего общего с „ценой денег" здесь нет.[2] Но по мере роста ресурсов для кредитования необобществленного сектора (эти ресурсы, в основном, может дать сам же этот сектор, важна только концентрация их в распоряжении обобществленного сектора, его органов) плановое регулирование и здесь будет играть все большую роль. Одновременно с этим и кредитные взаимоотношения внутри частного сектора, даже в той мере, в какой они будут еще сохраняться, потеряют свою самостоятельность. Роль планирования и регулирования должна победить по всему фронту кредитных отношений в переходном хозяйстве. Но одновременно с этим все больше будет теряться их кредитная сущность, которая является не чем иным, как стихийной, буржуазной сущностью и как таковая, конечно, несовместима с плановым началом обобществляющегося хозяйства.

„Кредит—не бюджет",—любят повторять все те, кто в той или иной мере недооценивает особенности кредита в переходном хозяйстве. Это, вообще говоря, верно: кредитные отношения действительно принципиально отличны от налоговых и т. д. Но это верно только для капиталистического хозяйства. В переходном хозяйстве не только бюджет есть нечто совсем иное, чем бюджет капиталистического государства, но и кредит не есть капиталистический кредит. Противоположность кредита и бюджета здесь все больше и больше сходит на-нет. И как бы наши „кредитники" ни возмущались, этот процесс будет все увеличиваться, „бюджетные" методы будут захватывать наш кредит все больше и больше.

[1] При займах рабочих и служащих государству этот момент далеко не всегда на первом плане.

[2] К сожалению, пока что и воздействие с его стороны на „рыночный" процент минимально.

Конечно, до тех пор пока существует еще частное хозяйство, кредитные методы (добровольность, возмездность, приспособление к рыночной конъюнктуре и т. д.) будут еще сохранять свое значение. „Кредитные" методы играли и еще играют свою роль и во взаимоотношениях внутри обобществленного сектора, главным образом, как дисциплинирующий фактор (хозрасчет, срочность и т. д.).

Но отсюда не следует, что нам нужно эти методы фетишизировать и не видеть изменившихся и все более изменяющихся отношений, охватываемых нашим кредитом. Плохо будет, если мы недоучтем интересов частного хозяйства, требующего сохранения специфически кредитных элементов в нашем кредите, но не менее плохо, если мы значение этих элементов переоценим и будем отставать в превращении кредита в действительный механизм общественного учета и регулирования. При этом, естественно, кредит по отношению к остальным методам учета и регулирования, которыми обладает пролетарское государство в лице его органов (Госплан, ВСНХ, НКТорг и т. д.), будет играть все более подсобную роль.

Значение кредита в переходном хозяйстве огромно, но все-таки он не занимает в нем то место, которое ему отводили (на основании учета капиталистической практики) марксистские теоретики, писавшие о переходном хозяйстве до и в начале нашей революции.

О значении кредита для подготовки социалистического хозяйства Маркс достаточно определенно высказался только по отношению к капиталистическому кредиту. Здесь Маркс отмечает следующие моменты: 1) значение кредита для централизации капиталов и образования крупного производства — базиса социалистического хозяйствования; 2) превращение кредитом функционирующего капиталиста, с одной стороны, в рантье, а с другой стороны—в финансового спекулянта, — в сущности, излишних с точки зрения действительного производства; 3) замену функционирующего капиталиста, с одной стороны, наемным служащим, а с другой стороны—ассоциированным производителем (кооперативная фабрика); 4) создание формы счетоводства в общественном масштабе; 5) роль кредита в кризисах и ускорении „насильственных взрывов" противоречий капитализма.

Что касается роли кредита в переходный период, то по этому поводу у Маркса можно найти очень немного и в самой общей форме. Таково, например, следующее место в т. III „Капитала". „Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда,

однако, лишь как один из элементов в связи с другими органическими переворотами в самом способе производства". [1]

Гораздо решительнее высказывался Гильфердинг под влиянием той роли, которую кредит достиг в период финансового капитала: „Выполняя функцию обобществления производства, финансовый капитал до чрезвычайности облегчает преодоление капитализма. Раз финансовый капитал поставил под свой контроль важнейшие отрасли производства, будет достаточно, если общество через свой сознательный исполнительный орган, завоеванное пролетариатом государство, овладеет финансовым капиталом: это немедленно передает ему распоряжение важнейшими отраслями производства. От этих отраслей производства зависят все остальные, и потому господство над кредитной промышленностью уже само по себе равносильно наиболее действительному общественному контролю, который совершается и без всякого дальнейшего непосредственного обобществления. Общество, которое располагает горным делом, железной промышленностью, включительно до машиностроительной, электрической и химической промышленности, которое господствует над системой транспорта, — общество, подчиняя себе эти важнейшие отрасли производства, тем самым захватывает в свои руки, т.-е. тоже может подчинить себе, как распределение сырого материала между остальными отраслями, так и транспорт продуктов в последних. Овладение шестью крупными берлинскими банками уже в настоящее время было бы равносильно овладению важнейшими сферами крупной промышленности и до чрезвычайности облегчило бы первые шаги политики социализма в тот переходный период, когда капиталистический метод счетоводства представляется еще целесообразным. Экспроприацию незачем будет распространять на многочисленные крестьянские и промышленные мелкие производства, потому что вследствие захвата крупной промышленности, от которой они уже давным давно находятся в полной зависимости, они будут обобществлены при ее посредстве, как сама она будет обобществлена непосредственно. Следовательно, в тех случаях, когда процесс экспроприации оказался бы в силу децентрализации слишком затяжным и политически опасным, будет возможно медленным развитием подготовить этот процесс к зрелости, т.-е. однократный акт экспроприации государственной властью превратить в постепенное обобществление, ускоряемое теми экономическими выгодами, которые сознательно предоставляются обществом: ведь финансовый капитал уже позаботился об экспроприации, поскольку она необходима для социализма". [2]

[1] Маркс, „Капитал", том III, ч. 2, стр. 148.

[2] Гильфердинг, „Финансовый капитал", стр. 443, изд. 1922 г., курсив мой. Б. Р.

Итак, „завоеванное пролетариатом государство" овладевает „шестью берлинскими банками" и этим самым оно овладевает крупной промышленностью и аппаратом для социалистического преобразования мелкого хозяйства. Сейчас, когда теоретик „финансового капитала" оказался наиболее подходящим кандидатом для исполнения обязанностей министра финансов буржуазной республики, для всякого ясна тенденция, проникающая набросанную выше программу Ленин, как известно, представлял себе ход пролетарской революции иначе, но и он придавал громадное значение созданной финансовым капиталом банковской организации, возможности использования ее для управления социализирующимся хозяйством. Из многочисленных его положений по этому поводу приведем следующее:

„Крупные банки есть тот „государственный аппарат", который нам нужен для осуществления социализма и который мы берем готовым у капитализма, при чем нашей задачей является здесь лишь отсечь то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделать его еще крупнее, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственный банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике, — это уже девять десятых социалистического аппарата. Это — общегосударственное счетоводство, общегосударственный учет производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто в роде скелета социалистического общества.

Этот „государственный аппарат" (который является не вполне государственным при капитализме, но который будет вполне государственным у нас, при социализме) мы можем „взять" и „привести в движение" одним ударом, одним указом, ибо фактическую работу счетоводства, контроля, регистрации, учета и счета выполняют здесь служащие, большинство которых сами находятся в пролетарском или полупролетарском положении". [1]

Здесь интересны два момента: во-первых, значение которое придавал Ленин развитому банковскому аппарату в переходном периоде („девять десятых социалистического аппарата") и, во-вторых представление о возможности использования готового аппарата, созданного капитализмом. Больше всего интересен, конечно, первый момент.

Практически нам в СССР не удалось использовать именно тот аппарат, который был создан буржуазией. В период военного коммунизма банки, как известно, были совершенно уничтожены и существующий у нас сейчас банковский аппарат пришлось с введением нэпа создавать наново. Здесь не место вдаваться в исследование вопроса о том, являются ли методы военного коммунизма обязательными для всякой страны, совершающей пролетарскую револю-

[1] Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 231—232, курсив везде Ленина.

цию, или возможно будет обойтись где-нибудь без них, и в какой мере. Во всяком случае, ясно одно — аппарат банковский, построенный нами на выполнении „фактической работы счетоводства, контроля, регистрации", в точности следует приемам капиталистического банка. Для того чтобы „отсечь" от него то, что его „капиталистически уродовало", нам пришлось его раньше разрушить, но если другим странам (в которых и пролетариат и буржуазия будут иметь уже опыт революции в России) удастся избегнуть этого разрушения, то это будет, конечно, только плюсом для нее.[1] Сохраненный ли старый или воссозданный вновь, аппарат этот необходим для всякого переходного хозяйства.

Другое дело — вопрос о значении банковского аппарата: одиннадцатилетний опыт вряд ли позволяет нам остаться на той точке зрения, с которой мы приступали к социалистическому хозяйствованию, и я думаю, что опыт этот может быть распространен и на другие страны, на переходное хозяйство вообще: значение банковского аппарата и кредита в переходном хозяйстве неизмеримо ниже того значения, которое ему придавали „a priori", и, тем более, чем то значение, которое они имеют в эпоху финансового капитала.

„Овладение финансовым капиталом" по Гильфердингу, т.-е. овладение руководством хозяйственной жизнью страны путем национализации банков и сохранения методов руководства финансового капитала в переходный период, это — не более, как оппортунистическая утопия.

Во-первых, национализация банков не означает еще овладения финансовым капиталом. „Если национализацию банков так часто смешивают с конфискацией частных имуществ, то виновата в распространении этого смешения понятий буржуазная пресса, интересы которой состоят в обманывании публики.

Собственность на капиталы, которыми орудуют банки и которые сосредоточиваются в банках, удостоверяется печатными и письменными свидетельствами, которые называются акциями, облигациями, векселями, расписками и т. п. Ни единое из этих свидетельств не пропадает и не меняется при национализации банков, т.-е. при слиянии всех банков в один государственный банк. Кто владел 15 руб. по сберегательной книжке, тот остается владельцем 15 руб. и после национализации банков, а кто имел 15 миллионов, у того и после национализации банков остается 15 миллионов в виде акций, облигаций, векселей, товарных свидетельств и тому подобное".[2]

Абсурдно предполагать, что при национализации банков (даже если весь их людской аппарат, вплоть до высших служащих, останется на месте) между новыми банками или, вернее, банком и функционирующими предприятиями (промышленными, торговыми и т. д.)

[1] С точки зрения сохранения аппарата; плюсов и минусов военного коммунизма в целом я здесь не касаюсь.

[2] Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 183.

сохранятся прежние отношения и значение банков останется прежнее. Национализация банков без национализации промышленности, транспорта и т. д.—это значит не подвинуть организацию народного хозяйства на новую ступень, а наоборот, нарушение системы, созданной финансовым капиталом без замены ее другой, высшей. Банки в эпоху финансового капитала могут выполнять свою роль только потому, что и они и другие капиталистические предприятия об'единены неразрывно в руках немногих финансистов, но если фактически эти финансисты остаются неприкосновенными (акции, облигации и т. д. не национализируются), то представлять себе их действующими через национализированный пролетариатом банковский аппарат, по меньшей мере, наивно.

Национализация банков не есть „овладение финансовым капиталом". Чтобы действительно овладеть той властью, которой владел финансовый капитал, недостаточно не только одной национализации банков, но недостаточно и национализации даже той части акций, облигаций и т. д., которая принадлежит кучке финансовых магнатов (если вообще возможна такая частичная национализация фиктивных ценностей), ибо вряд ли руководители государственного банка смогут так использовать эти ценности, как их использовывал финансовый капитал.

Чтобы действительно распоряжаться крупной промышленностью, транспортом и т. д., пролетарскому государству нельзя ограничиться национализацией банков даже с прибавлением конфискации акций крупных акционеров, а потребуется непосредственная национализация крупных предприятий. Тогда и возможно сохранение за ними формы акционерных предприятий, что в некоторых случаях и найдет свое оправдание, но эти предприятия во всяком случае не будут иметь то значение, что при капитализме. Владельцем этих предприятий — в той или иной форме — должно остаться государство.[1]

Какие же отношения установятся между национализированными банками и национализированными предприятиями? Если искать для этих отношений аналогию в капиталистических условиях, то ясно, что они гораздо больше будут походить на кредитные отношения промышленного капитализма, чем финансового. Предприятия принадлежат государству (так же, как и банк), но поскольку еще сохранится надобность в товарной форме отношений, отдельные предприятия будут выступать по отношению к другим, как собственники, над которыми никто не сможет получить господство путем скупки их акций. Банк сможет участвовать во взаимоотношениях этих предприятий как посредник в кредите и только. Но, в действительности, активность банка в переходный период будет еще гораздо ниже, чем активность банков в эпоху промышленного капитализма. И это вполне понятно.

[1] На практике возникнет, конечно, вопрос об обеспечении интересов так наз. мелких держателей акций и облигаций акционерных предприятий. Вопрос этот в разных странах может быть, конечно, решен различно.

Эпоха промышленного капитализма есть период наибольшего развития конкуренции, рыночной анархии. Финансовый капитал в этой области вносит значительные ограничения. Пролетарская революция кладет конец отношениям финансового капитала, при чем, как видим, даже та организационная форма, которую создал финансовый капитал, в значительной мере, уничтожается.[1] Но пролетарское государство не для того разрушает формальные достижения финансового капитала, чтобы вернуться к изжитым формам промышленного. Отбрасывая частично формы координации хозяйственной жизни, применяемые финансовым капиталом, пролетариат заменяет их методами социалистическими. Вместо господства над хозяйством через господство над фиктивным капиталом пролетарское государство вводит приемы непосредственного планирования и регулирования хозяйственной жизни. Для успешного выполнения этой задачи приходится создавать новые органы, управления которых капитализм не знает.

Место этих новых органов не может занять банк. До тех пор пока будут происходить постепенная национализация и „усвоение" крупных капиталистических предприятий и пока будут создаваться новые хозяйственные органы планирования и регулирования хозяйственной жизни и накопляться опыт такого планирования и регулирования, на этот, так сказать, „переходный период в переходном периоде" банки еще сохранят свою самостоятельность и значительную долю своего прежнего значения. Но как только этот период закончится, наступит низведение положения банков до подсобной роли даже не посредника, более или менее самостоятельного, как при промышленном капитализме, а еще гораздо ниже. В банковской деятельности начнет брать верх элемент „счетоводства и учета", банкир заменяется бухгалтером. А распределение и движение банковских ресурсов все более подчиняются плану.

Такую же, в сущности, подсобную роль банк будет играть и во взаимоотношениях с частным сектором, только размер этой „подсобности", конечно, иной. Здесь товарные, а следовательно, и кредитные отношения сохраняются не только по форме. Но на ряду с кредитом у обобществленного сектора имеются и другие не менее сильные методы воздействия на необобществленный сектор (политика цен, кооперация, бюджет и т. д.) и все они, в том числе и кредит, подлежат опять-таки координированию и регулированию со стороны центральных хозяйственных органов. Чем более развиты товарность и „денежность" хозяйств в частном секторе, тем значительнее будет и роль кредита в нем и тем более действительным орудием последний будет в руках пролетариата на пути перерождения частного хозяйства в социалистическое и тем более специфически кредитных элементов сохранит кредитный механизм переходного хозяйства. Но и тем скорей совершится подчинение необобществленного сектора обобществленному, потеря самостоятельности частных хозяйств и, следовательно, превращение товарных отношений в формально товарные и кредитных—в бухгалтерские.

[1] По другой линии капиталистических об'единений—синдикаты, тресты и т. д.—эта форма полностью используется.

В программе ВКП(б), принятой в 1919 году (т.-е. в самый разгар эпохи военного коммунизма), о роли кредита и банков в переходный период сказано следующее:

„Избегнув ошибки Парижской коммуны, советская власть в России сразу захватила государственный банк, перешла затем к национализации частных коммерческих банков, приступила к об'единению национализированных банков, сберегательных касс и казначейств с Государственным банком, создавая, таким образом, остов единого народного банка Советской республики и превращая банк из центра экономического господства финансового капитала и орудия политического господства эксплоататоров в орудие рабочей власти и рычаг экономического переворота. Ставя своей целью дальнейшее последовательное доведение начатой советской властью работы до конца, РКП выдвигает на первый план следующие принципы:

1) монополизация всего банковского дела в руках советского государства;

2) радикальное изменение и упрощение банковских операций путем превращения банковского аппарата в аппарат единообразного учета и общего счетоводства Советской республики. По мере организации планомерного общественного хозяйства это приведет к уничтожению банка и превращению его в центральную бухгалтерию коммунистического общества".

Эти положения не требуют изменений не только в условиях нэпа в СССР, но они приемлемы для характеристики роли и значения кредита и политики пролетариата в этой области во всякой стране, совершающей свой переходный период.

На происходившем годом раньше VII с'езде партии Лениным был внесен проект программы,[1] на котором условия военного коммунизма сказались очень явственно. Там Ленин в области банков считал необходимым:

„Полное сосредоточение банковского дела в руках государства и всего денежно-торгового оборота в банках. Универсализация банковых текущих счетов: постепенный переход к обязательному ведению текущих счетов в банках; обязательное держание денег в банках и переводы денег только через банки".[2]

Элементы обязательности по отношению к частному хозяйству являются здесь, в значительной мере, отражением условий эпохи военного коммунизма. В действительности, пролетариату придется

[1] „Черновой набросок проекта программы", Собр. соч., т. XV, стр. 158.

[2] Там же, стр. 162.

здесь применять, главным образом, методы экономического воздействия, пользуясь личной заинтересованностью частного собственника и именно поэтому кредитный механизм в переходный период сохраняет еще долго свой специфически кредитный характер. „Полное" сосредоточение всего денежно-торгового оборота в банках приходится, конечно, понимать условно: изгнание наличного оборота полностью, вплоть до самых мелких сделок, ни при каких условиях не является экономически целесообразной мерой; необходимый здесь контроль за движением денег достигается, если каждый все свои свободные деньги будет держать в банке (сберкассе), с пользованием банковскими методами расчета там, где это экономически оправдывается. К этому и необходимо стремиться при организации кредита в переходный период.

Монополизация всего банковского дела в руках государства дает возможность распоряжаться всеми банковскими ресурсами в интересах социалистического строительства. Сосредоточение всех наличных средств в банках дает возможность использовать для этой цели все наличные ресурсы, не только уже имеющиеся в руках государства, но и в значительной мере „свободные" средства частного хозяйства. Это же дает возможность воздействия в желательном направлении на развитие самого частного сектора. Воздействие это, в качестве части в целой системе экономических и неэкономических мероприятий, приведет к „организации планомерного общественного хозяйства", для которого банковская система станет аппаратом „центральной бухгалтерии". Но тогда банк окончательно перестанет быть банком.

Банковская система является „центром экономического господства финансового капитала и орудием политического господства эксплоататоров". В руках пролетариата, строящего социализм, та же банковская система далека от того, чтобы быть „центром" экономического господства; слишком различны эти две экономические системы. Проникающие систему хозяйства переходного периода элементы социализма в значительной мере лишают банковскую систему и кредитные отношения фетишистических оболочек и подчиняют их сознательному регулированию и контролю высших хозяйственных органов. Но до тех пор пока существует у нас частное хозяйство и пока даже в области обобществленного сектора сохраняется необходимость частно-хозяйственных методов учета, до тех пор кредитная система останется достаточно действенным „орудием рабочей власти и рычагом экономического переворота". Никто не будет спорить против того, что у нас в СССР, несмотря на все достижения в этой области, все еще не использованы все возможности, которые может дать всемерное развитие кредитных отношений. Но понимание действительной сущности и значения кредита в переходном периоде такому использованию кредита может, конечно, только способствовать.

Н. Бару

Социальные сдвиги в английской кооперации

I

Изучение положения потребительской кооперации в Западной Европе дает богатый материал для оценки того революционизирующего влияния, которое оказывает современный монополистический капитал на самые консервативные и заброшенные углы хозяйственного механизма.

Особенно показательным примером является в этом отношении консервативная и, казалось бы, мало поддающаяся влиянию времени английская кооперация. Между тем, и она вынуждена шаг за шагом сдавать в архив, несмотря на сопротивление верхов, свои освященные долгими десятилетиями принципы и традиции — политический нейтрализм, политику повышенного накопления и высоких дивидендов, обособленное существование мелких самодовлеющих обществ,—и выбираться на широкую дорогу классовой организации, приспособляя всю свою деятельность к обслуживанию рабочих масс и защите их интересов.

Сравнение цифровых данных о числе членов профессиональных кооперативных организаций в Великобритании за последние годы показывает резкое расхождение—своего рода „ножницы"—между ростом обеих организаций. Так, было членов:

Годы	В профсоюзах		В кооперации		
	Число союзов	Число членов	Число обществ	Число членов	Среднее число членов на общество
1888[1]	—	—	1.204	867.223	720
1898	1.326	1.752.000	1.436	1.535.575	1.069
1908	1.268	2.485.000	1.418	2.414.454	1.696
1918	1.264	6.533.000	1.364	3.846.531	2.820
1919	1.360	7.926.000	1.357	4.131.477	3.045
1920	1.362	8.337.000	1.379	4.504.852	3.267
1921	1.250	6.622.000	1.352	4.548.557	3.364
1922	1.204	5.616.000	1.321	4.519.162	3.421
1923	1.163	5.413 000	1.314	4.569.256	3.477
1924	1.159	5.534.000	1.314	4.702.818	3.579
1925	1.144	5.497.000	1.289	4.910.983	3.810
1926	1.129	5.208.000	1.280	5.186.729	4.052
1927	1.127	4.908.000	1.267	5.579.038	4.403

[1] Нет сведений до 1892 г.

В 1927 г. число всех организованных в профсоюзы рабочих впервые, после 1916 г., упало ниже 5 миллионов и выразилось в 4.908.000 членов — 4.116.000 мужчин и 792.000 женщин. За последний год падение числа членов составляет 300.000, или 5,7%. По сравнению с 1920 г. — годом наивысшего развития профессионального движения в Великобритании — число членов профсоюзов понизилось на 41%. По сравнению с 1913 г. общее число членов профсоюзов выросло на три четверти миллиона. Только два союза имели в 1927 г. меньше членов, чем в 1913 г.: горнорабочие — на 240.000 и текстильщики — на 18.000. Крупнейшие союзы имели:

	На конец 1927 г.	После потери за год
Горнорабочие	678.000	107.000
Металлисты	620.000	38.000
Текстильщики	600.000	15.000
Железнодорожные рабочие	413.000	79.000
Транспорт (водный и др.)	464.000	20 000
Правительств. служащие	341.000	—
Учителя	205.000	—

Приведенные выше цифры показывают, что снижение числа членов профсоюзов в Великобритании идет за последние 8 лет быстрым темпом. Особенно сильно сказывается оно в депрессивных отраслях производства, в частности, в находящейся в катастрофическом положении горной промышленности. Члены союзов квалифицированных рабочих держатся крепче, чернорабочие и неквалифицированные рабочие — слабее.

В кооперации дело обстоит совсем иначе: число членов непрерывно растет, при чем темп роста постепенно ускоряется. Правда, рост этот шел все время медленнее, чем в профсоюзах, особенно в бурные годы 1918 — 1921. В то время как за три года число членов профсоюзов поднялось с 4.532.085 до 6.505.482, т.-е. на 43%, число членов кооперации поднялось с 3.846.531 до 4.504.852, т.-е. на 17%. Зато кооперация показала себя более устойчивой организацией, чем профсоюзы: она не только сохранила своих членов, но и непрерывно увеличивала число их. Так, было членов:

	1920 г.	1927 г.	Изменения Абс.	Изменения В %
В профсоюзах	8.337.000	4.908.000	— 3.429.000	— 41
В кооперации	4.504.852	5.579.038	+ 1.074.186	+ 24

Рабочие, брошенные общим под'емом масс в 1918 — 1920 гг. в профсоюзы, начали уходить из них по мере ухудшения общей кон'юнктуры и поражений союзов в стачечной борьбе. Рабочий-потребитель, все острее чувствуя ухудшение условий труда и понижение реальной заработной платы, шел в кооперацию, чтобы хотя бы частично компенсировать те потери, которые понесены были им вследствие поражения своего профсоюза. Активность масс на кооперативном фронте усиливалась одновременно с ростом пассивности на профессиональном.

Что же представляет собой потребительская кооперация в Великобритании и оправдывает ли она надежды, возлагаемые на нее рабочим кооператором?

II

Потребительская кооперация в Великобритании представляет собой массовую, в подавляющем своем большинстве, рабочую организацию, охватывавшую на начало 1928 г. 5.579.038 членов. За последний год

число членов ее увеличилось на 392.310 (7,56%), в то время как число членов профсоюзов упало на 300.000 (5,7%).

В течение последнего полустолетия рост кооперативного движения в Великобритании шел следующим образом:

Годы	Было потреб. обществ	Рост в %%	С числом членов	Рост в %%	Среднее число членов на общество	Рост в %%
1881	971	100	547.212	100	564	100
1891	1.307	135	1.044.675	191	799	142
1901	1.438	148	1.793.167	338	1.247	221
1910	1.403	144	2.640.429	483	1.882	334
1921	1.352	139	4.548.557	831	3.364	596
1927	1.267	130	5.579.038	1.020	4.403	780

Процент кооперированного населения быстро растет. Он составлял по данным трех последних цензов:

	1901	1911	1921
Англия	4,72	6,36	10,37
Уэльс	1,43	2,57	6,17
Шотландия	6,00	8,54	13,58
Ирландия	0,08	0,03	0,97
Великобритания в целом	4,30	5,83	9,52

т.-е. за 20 лет увеличился в $2^1/_4$ раза.

Для 1927 года можно дать следующие приближенные данные по всей Великобритании (включая Ирландию):

Годы	Число обществ	Число членов	Население	В %%
1911	1.406	2.040.444	45.273.611	5,83
1921	1.352	4.548.557	47.792.253	9,52
1927	1.267	5.579.038	48.500.000 [1]	11,50

В приведенной выше таблице ярко бросается в глаза усиленный рост кооперации в рабочих районах (особенно в Шотландии) по сравнению с сельскохозяйственными (Ирландией). И хотя „внеклассовые" руководители английской потребкооперации зорко смотрят за тем, чтобы не собирались и не публиковались сведения о социальном составе, приведенные выше цифры говорят о преобладающем рабочем составе ее.

За истекший период число обществ увеличилось очень незначительно (всего на $^1/_3$), среднее же количество членов, приходящихся на одно общество, выросло в восемь раз, а общее число членов больше чем в 10 раз.

К сожалению, и сейчас процесс укрупнения потребительских обществ развивается сравнительно медленно. Так, общества по числу членов в них распадаются на следующие группы:

[1] Примерно.

Количество членов	Число обществ 1914 г.	%	1926 г.	%	1927 г.	%
200.000	—	—	1	—	2	—
100.000	—	—	2	—	3	—
50.000	—	—	7	—	7	—
20.000	21	1,53	40	3,91	47	4,66
10.000	48	3,50	74	5,78	68	5,37
5.000	70	5,10	105	8,20	104	8,21
2.000	189	13,78	225	17,58	237	18,71
1.000	222	16,19	232	18,13	227	17,91
1.000	821	60,00	594	46,40	572	45,14
Всего . .	1.371 [1]	100	1280	100	1267	100

Приведенная таблица показывает, что, на ряду с исключительно быстрым ростом за последние 13 лет группы крупных обществ, на ряду с образованием двенадцати обществ с числом членов свыше 50.000 и понижением группы наиболее мелких обществ (с числом членов ниже 1.000) на $^1/_3$, процесс укрупнения остальных групп идет весьма медленно. Еще и сейчас в кооперации Великобритании около $^1/_2$ обществ насчитывает не свыше 1.000 членов, а $^2/_3$ не свыше 2.000 и только около $^1/_4$ всех обществ имеет свыше 3.000 членов.

Однако, число членов, организованных в крупных обществах, растет с исключительной быстротой, и удельный вес этих обществ непрерывно повышается. Так, на долю обществ с числом членов свыше 20.000 приходилось всех членов потребкооперации Великобритании (в %%):

1914 г.	20,54
1925 „	38,55
1926 „	41,09
1927 „	46,15

Эта дробность обществ исторически является весьма характерной для английского партикуляризма и индивидуализма. Рочдельские пионеры мечтали о создании „самодовлеющих колоний с едиными интересами". Эти утопические мелко-буржуазные мечтания сметаются железной метлой монополистического капитализма, который в порядке самообороны форсирует процесс концентрации и в кооперативной среде. В последние годы этот процесс начинает подгоняться наступлением на кооперацию трестированного частного капитала. Создан могучий, все усиливающийся трест торговых предприятий, торгующих предметами первой необходимости, который ставит себе задачу завоевания кооперированного потребителя. В разгаре борьбы трест грозит кооперации „войной" за снижение цен, специальными квази-кооперативными дивидендами, лишением кооперативных предприятий ряда ходких фирменных товаров, — предприятий, находящихся под влиянием треста, — особой широко поставленной рекламой, с использованием кино и радио, и другими мерами. Укрупнение обществ и рационализация их работы должны явиться основной оборонительной мерой кооперации против этого монополистического наступления.

На последних конгрессах кооперации Великобритании выявилось течение, которое начало искать разрешение вопроса в этом направлении. Оно устами председателя последнего с'езда кооперативного союза Вайтгеда настаивало на рационализации товаропроводящей сети, слиянии и укрупнении обществ, которые создавали бы мощные центральные организации с разветвленной сетью лавок, большим оборотом, незначительными накладными расходами и дешевыми ценами. Особенно

[1] О 14 обществах нет сведений.

ярко выразил эту мысль последний конгресс женских гильдий, подчеркнувший особую необходимость укрупнения обществ в условиях наступления капиталистических концернов на кооперацию. „Слияние воедино больших капиталистических концернов (торгующих предметами первой необходимости) выявляет развитие наступления капитала на кооперацию, которое может быть отбито только в том случае, если кооперация, в свою очередь, возьмется всерьез за слияние обществ в целях понижения расходов и удешевления, таким путем, продуктов первой необходимости", так гласит резолюция этого конгресса.

III

Торговые обороты потребкооперации Великобритании по своему темпу отстают от роста членов. Это явление вызывается, с одной стороны, понижением уровня благосостояния рабочих масс, а с другой — усиленной конкуренцией торгового капитала с кооперацией. Правда, министр труда в Палате общин в декабре 1928 г. утверждал, что покупательная сила фунта стерлингов на внутреннем рынке непрерывно растет, и дал следующий индекс (1914 = 100).

Годы	%	Годы	%
1924	57,08	1926	57,50
1925	56,66	1927	59,58
		1928	60,41

Однако, и эти казенные утверждения мало утешительны, тем более, что безработица стала постоянным гостем почти в каждой рабочей семье. Сведения о числе работающих и безработных рабочих на октябрь 1928 г. по последним данным, представленным министром труда Палате общин таковы:

	Октябрь 1924 г.	Октябрь 1928 г.
Всего застрахованных рабочих (в возрасте от 16 до 64 лет включ.)	11.146.000	11.658.000
Из них безработных	1.206.000	1.356.000
Больных и пр.	390.000	408.000
Бастующих	7.000	2.000
Всего работающих	9.550.000	9.894.000

В Рабочей партии имеются на лицо разногласия по поводу оценки положения Сноуденом, заявившим в декабре п. г. в Палате общин, что „заработная плата падает на 26.000.000 фунт. стерл. в год и с марта с. г. не только денежная заработная плата, но и реальная падает". Генеральный совет трэдюнионов поспешил выступить с раз'яснением, что реальная заработная плата в январе 1928 г. равнялась 100,5% конца 1920 г. но и эта казенная защита не рисует положения в очень розовом виде.

В действительности положение отчаянное: в течение 1921—1928 гг. падение недельной заработной платы выразилось в 10.570.450 фунт. стерл. За отдельные годы движение недельной заработной платы шло следующим образом:

Годы	Движение недельной зарплаты (фунт. стерл.)	
1921	уменьшение на	6.061.000
1922	„	4.210.050
1923	„	317.000
1924	увеличение на	553.000
1925	уменьшение на	78.000
1926	увеличение на	49.300
1927	уменьшение на	357.800
1928 (по октябрь)	„	148.800

В отдельных отраслях промышленности картина еще более мрачная. Так, даже по правительственным данным работало горнорабочих в 1924 г. 1.136.000 чел., получавших в неделю 3.050.000 фунт. стерл. в 1928 г. — 896.200 чел., получивших в неделю 1.880.000 фунт. стерл., т.-е. в 1928 г. работало около 900.000 горнорабочих, получавших в среднем в неделю 2 фунта 2 шилл. (около 20 рублей), в то время как в 1924 г. работало 1.136.000 человек, получавших в среднем в неделю 2 фунта 13 шилл. 6 пенсов (около 26 руб.). В действительности около 20% горнорабочих получают меньше указанного выше среднего минимума в 20 рублей в неделю.

На фоне этих данных развитие торговых оборотов за последние десятилетия представляется так:

Годы	Торговый оборот по номинальн. (ценности фунт. стерл.)	Примерные обороты по ценности (фунт. стерл. 1913 г.)	Оборот на члена	
			По номинальн. ценности (фунт. стерл.)	По ценности 1913 г. в %%
1913	83.615.175	83.615.175	29.05	29,1
1914	87.964.229	84.600.000	28.80	27,7
1915	102.557.779	80.750.000	31.41	24,7
1916	121.688.550	79.500.000	34.57	22,6
1917	142.003.612	75.900.000	37.48	20,8
1918	155.161.963	74.200.000	40.34	19,3
1919	198.930.437	91.700.000	48.15	22,2
1920	254.158.144	100.700.000	56.42	22,4
1921	218.780.384	96.000.000	48.10	21,1
1922	169.582.357	94.500.000	37.53	20,9
1923	165.490.038	96.500.000	36.22	21,1
1924	175.077.825	101.500.000	37.23	21,6
1925	183.584.049	105.800.000	37.38	21,5
1926	184.879.902	110.000.000	35.64	21,2
1927	199.924.938	—	35.84	—

Приведенные данные показывают, что в то время как число членов выросло с 1913 года на 94%, оборот по торговле поднялся всего на 32%. В результате средний забор на члена понизился на 27%.

Особенно сильно чувствуется в последние годы это понижение забора в коренных рабочих районах. Забор на одного члена равнялся (в фунт. стерл.):

Районы	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Северный	40;45	36,29	35,23
Шотландский	52,94	50,76	50,80
Западный	42,34	39,33	37,36

В этих районах падение закупок за два года достигает 13%. Все же несмотря на это падение рабочие районы остаются впереди других по размеру средних закупок на члена. На первом месте стоит, как всегда, Шотландия.

Быстрота товарного оборота за последние годы растет. Так, оборот равнялся:

Годы	
1924	9,26 раз
1925	9,70 „
1926	9,88 „
1927	10,59 „

По Шотландии она достигала даже 11,75 раз.

Торговые обороты обществ оптовых закупок (английского, шотландского и ирландского) составляли в 1913 г. 40.600.000 фунт. стерл., или 48,6% всей розничной торговли потребительских обществ. В 1926 г. их оборот поднялся до 56,7% торговли местных обществ. По ценам 1913 года равнялся 62.400.000 фунт. стерл., т.-е. реальный оборот обществ оптовых закупок вырос за эти годы на 55%.

В 1927 г. оборот обществ оптовых закупок выразился в 105.402.281 фунт. стерл., составляя 52,72% оборота местных обществ. Число членов обществ оптовых закупок равнялось 1.996.

Какой процент покупательной способности рабочего населения обслуживается кооперацией? По вычислениям Твига, кооперативное рабочее население могло истратить через кооперацию в 1926 г. по товарам, которым она торгует, 315 млн. фунт. стерл. (т.-е. 70% своего бюджета), а истратило только 183 млн. фунт. стерл. т.-е. 58% своих возможностей, или около 40% своего бюджета.

Однако, эта оценка страдает несомненным преувеличением. По расчетам члена парламента Александра, построенным на вычислении народного дохода Великобритании Боулей и Стэмпом, весь доход лиц наемного труда составлял около полутора мрд. фунт. стерл., из которых только около 200 млн., или 14%, было израсходовано через кооперацию.

Как распределяются закупки членов по видам товаров? На пищевые продукты приходится 63,0%; молоко—5,5%; мясо —11,2%; уголь—7,6%; одежду, обувь, мануфактуру и галантерейные товары — 11,5%; предметы домашнего обихода и посуду — 1,2%.

Слабый охват кооперацией рабочего бюджета вызвал в ряде рабочих центров, где рабочая партия получила большинство в муниципалитетах, стремление организовать муниципальную продажу молока, мяса, хлеба и угля. Этот „муниципализм“ вызывал в кооперативных кругах тревогу и вопрос подвергся специальному изучению. Было установлено, что кооперация распределяет всего 10% молока (400 обществ), 20% мяса (450 обществ), 25 — 40% (600 обществ) хлеба и около 8% угля. Последний кооперативный конгресс принял решение усилить работу кооперации по основным продуктам питания и тем самым устранить необходимость в параллельном развитии муниципальной торговли этими продуктами.

IV

Каковы результаты кооперативной работы и что дает она рабочему потребителю?

Чистая прибыль потребкооперации Великобритании выразилась за 1927 г. в 23.424.774 (в 1926 г.—20.927.387) фунт. стерл. Из этой суммы было выплачено в качестве процентов на паевой капитал 3.924.807 фунт. стерл., а остальные 19.499.967 фунт. стерл., за исключением отчислений на культурные цели, благотворительность и проч., были распределены в качестве дивидендов на забор. К паевому капиталу эти 19.499.967 фунт. стерл. представляли собой 21,13%, а к обороту 9,75%. На одного члена, таким образом, дивиденд составляет в среднем 3,5 фунт. стерл. (в 1926 г.— 3,4 фунт. стерл).

Интересно проследить движение чистой прибыли за последние годы

Годы	Чистая прибыль (после отчисления %%)	Оборот продажи	Процент к обороту по продажам	Процент на капитал
1913	11.360.959	83.615.175	13,6	25,1
1914	11.918.776	87.964.229	13,5	25,0
1915	13.260.965	102.557.779	12,9	25,5
1916	14.530.452	121.688.550	11,9	25,7
1917	13.897.846	142.003.612	9,7	23,7
1918	14.265.370	155.161.963	9,2	21,7
1919	17.708.518	198.930.437	8,9	22,3
1920	22.227.998	254.158.144	8,8	24,2
1921	14.253.671	218.780.384	6,5	15,7
1922	10.671.230	169.582.357	6,2	11,9
1923	12.628.213	165.490.038	7,7	13,6
1924	15.533.607	175.077.825	8,9	15,6
1925	16.861.894	183.584.049	9,2	15,8
1926	17.133.588	184.879.902	9,3	15,5
1927	19.499.967	199.924.938	9,75	21,13

Данные за 1927 г. показывают, что прибыль растет быстрее оборота. Так, оборот за 1927 г. вырос по сравнению с 1926 г. на 8,13%, а прибыль на 11,9%.

(199.924.938 — 184.879.902 = 15.045.036 = 8,13%)
(23.424.774 — 20.927.387 = 2.497.387 = 11,9%)

Рост прибыли, превышающий, рост оборота показывает, что общества проводят политику цен, противоречащую интересам рабочего потребителя, реальная заработная плата которого падает и который нуждается в первую очередь в удешевлении продукта. В этом отношении правильную установку дает резолюция последнего конгресса женских гильдий, гласящая: „Конгресс призывает все кооперативные общества ввести единообразные минимальные цены, сохраняя высокое качество товаров, и установить принцип низких цен и низких дивидендов.

Вопрос „низких цен и дивидендов" становится сейчас центральной проблемой, вокруг которой фиксируется борьба разных групп населения внутри самой кооперации. Даже оптимисты среди буржуазных экономистов Великобритании не идут дальше утверждения, что реальная заработная плата английского рабочего в послевоенный период не понизилась. В действительности для очень больших групп рабочего населения, особенно в депрессивных отраслях (уголь, текстиль, судостроение и т. п.) реальная заработная плата понизилась весьма существенно. Мы не говорим уже о миллионах безработных и рабочих, работающих неполную неделю и неполный рабочий день, положение этих групп катастрофично.

Процесс расслоения рабочего класса идет в Великобритании быстрыми шагами. Для его большинства условия существования за последние годы резко ухудшились. Основной задачей организаций, обслуживающих экономические интересы рабочих масс, является сохранение для него того минимума реальной заработной платы, который предохранил бы их от вырождения и деградации.

Кооперация должна внести свою долю путем политики максимально посильных ей по рыночным условиям низких цен.

В таком положении уже не до „кооперативного жиру": высокого капиталонакопления, дивидендов и т. п., а лишь бы быть живу, т.-е. сохранить потребителя, идя навстречу его реальным повседневным интересам. Голос обездоленной части рабочего класса в кооперации становится, как мы видели из резолюции последних кооперативных конгрессов Великобритании, все слышнее. Под влиянием обострившейся борьбы за существование, идейное руководство кооперации Великобритании начинает уходить из рук либеральной буржуазии и рабочей аристократии к рабочим низам, которые самой логикой своего повседневного существования, логикой обостряющейся классовой борьбы, толкаются на новые пути организации и самодеятельности в кооперации.

В отличие от профсоюзов, где „верхи" одержали в течение последнего года ряд пирровых побед,— подавляя и тормозя сопротивление рабочих масс наступлению капитала,— в кооперативном движении Англии пробивают себе дорогу новые революционные, по существу своему, тенденции настолько сильно, что верхам кооперации не осталось ничего другого, как попробовать присоединиться к этим лозунгам и сделать их общими лозунгами движения. Этим, однако, им не удается обезвредить их содержания.

V

Кооперация Великобритании издавна славилась темпом своего капиталонакопления. Много способствовала этому накоплению система высоких дивидендов, из которых около половины оставались обычно невостребованными и прибавлялись к паевому капиталу членов. Характерным является то обстоятельство, что капитал и продажи на каждого члена являются наиболее высокими у тех обществ, которые выплачивают высокие дивиденды. С другой стороны, за последние 15 лет число членов и торговые обороты наиболее быстро росли в тех районах, в которых выплачивались более низкие дивиденды и были более низкие цены.

Рост капиталов и резервов потребительских обществ Великобритании за годы со времени войны представляются в таблице на стр. 158 (в фунт. стерл.).

Анализируя рост паевого капитала обществ, мы видим, что за последние три года сумма паев, приходящихся на одного члена, быстро понижается, несмотря на абсолютный рост паевых капиталов обществ. Так, в 1925 г. приходилось в среднем на члена 17,42 фунт. стерл. паевого капитала, в 1926 г.— 16,95 фунт. стерл. (уменьшение на 2,7%), 1927 г.— 16,54 фунт. стерл. (уменьшение на 2,4%).

Присматриваясь к движению паевого капитала по отдельным районам страны, мы видим, что понижение его идет более быстрым темпом в рабочих районах, особенно страдающих от безработицы и ухудшения условий существования. В сельскохозяйственной Ирландии и юго-западном районе наблюдается даже рост паевого капитала, приходящегося на каждого отдельного члена.

К сожалению, в кооперации Великобритании нет постоянного учета распределения членов в обществах по размеру паевого капитала. Между тем, такие данные очень облегчили бы учет социального состава. Твиг

Годы	Капитал			Общая сумма капитала	Капитал на кажд. члена	Проц. отношение резервов к капиталу
	Акции	Займы	Резерв			
1913	37.276.348	5.328.349	2.662.418	45.267.115	15,73	5,87
1914	39.575.189	5.363.945	2.913.580	47.852.714	15,67	6,10
1915	43.141.970	5.706.626	3.155.051	52.003.647	15,96	6,06
1916	47.153.203	6.169.149	3.389.194	56.711.546	16,11	5,98
1917	48.574.049	6.362.444	3.594.977	58.531.470	15,45	6,13
1918	54.039.225	7.355.483	4.343.272	65.737.980	17,09	6,61
1919	65.644.968	8.766.338	4.897.259	79.308.565	19,20	6,18
1920	76.374.691	10.178.477	5.539.242	92.092.592	20,44	6,02
1921	74.818.802	10.828.646	5.204.274	90.871.722	19,98	5,73
1922	73.071.598	11.820.400	4.942.574	89.834.572	19,88	5,50
1923	75.361.543	12.561.554	5.047.736	92.970.833	20,35	5,43
1924	80.216.116	13.837.825	5.477.776	99.531.717	21,16	5,51
1925	85.564.198	15.119.617	6.027.578	106.711.393	21,73	5,66
1926	87.909.381	16.125.992	6.452.274	110.487.647	21,30	5,84
1927	92.281.003	17.492.832	7.203.007	116.976.841	20,96	6,56

приводит материалы по одному из крупных обществ, относящиеся к 1921 г. Они настолько красноречивы, что мы помещаем их полностью:

Размер пая (фунт. стерл.)	Число пайщиков, закупавших в течение квартала		Число пайщиков, не закупавших в течение квартала		Средний пай на одного члена
	Число	Сумма	Число	Сумма	Фунт. шилл. пенс.
	Фунт. стерл.				
Ниже 1	27.022	9.923	9.547	3.051	0. 7.1
От 1— 2	8.036	11.037	906	1.253	1. 7.6
„ 2— 3	2.582	5.406	238	572	2. 2.5
„ 3— 5	2.558	9.550	161	567	3.14.5
„ 10— 20	2.599	36.268	96	1.190	13.18.0
„ 20— 30	1.470	35.457	48	1.100	24. 1.7
„ 30— 40	912	31.196	49	1.666	34. 3.11
„ 40— 50	673	28.182	18	896	42. 1.7
„ 50—100	1.751	122.347	71	4.709	69.14.8
„ 100—150	837	100.132	27	3.268	119.13.6
„ 150—200	945	176.662	31	5.619	186.15.3
Всего . . .	52.250	586.076	11.319	24.733	9.15.4

Приведенные данные показывают, что около 82% членов покупают в своем обществе. Группы с более высоким паевым взносом показывают большую связанность с обществом. Около 58% всех членов имеют паев

меньше, чем по 1 фунт. стерл. и им принадлежит всего около 2% паевого капитала; основная масса паевых средств закупающих членов общества — 399.141 фунт. стерл. из 586.076 фунт. стерл., или 68% принадлежит 3.533 лицам, т.-е. 7% членов. Из этих цифр нельзя, конечно, делать общих выводов, но они вскрывают истинную природу распределения паевых средств в английской кооперации и показывают, какая нищета и нужда таятся за показным благополучием кооперативного быта в Великобритании.

Резервные капиталы растут из года в год и достигли в 1927 г. 7.203.006 фунт. стерл., составляя 6,56% паевого капитала. Еще быстрее растет так называемый заемный или вкладной капитал, состоящий из вкладов членов, из средств собираемых через отделы мелких сбережений при обществах и т. п. Эти средства достигли в 1927 г. суммы 17.492.832 фунт. стерл. и составляют в среднем 3,14 фунт. стерл. на каждого члена. По отдельным категориям они распределяются так:

Вклады и проценты по ним	10.702.763
Мелкие сбережения (через сберег. отделы 935 общ.)	4.440.767
Банковские овердрафты	1.076.222
Вклады клубов по совместным закупкам	452.902

Огромные средства потребительских обществ, достигшие в 1927 г. суммы 116.976.841 фунт. стерл., распределяются следующим образом между отдельными операциями обществ:

Годы	Заняты в собственных торговых операциях			Заняты в других операциях	
	Номинальная стоимость движимого и недвижимого имущества	Номинальная стоимость товарных запасов	Долги членов	Помещено в жилстроительство	Разные помещения средств, включая общ. опт. закупок
1913	14.052.115	9.088.827	1.236.664	8.899.917	17.613.497
1914	14.301.283	9.970.421	1.319.128	9.357.530	18.649.380
1915	15.729.258	12.212.240	1.279.937	8.501.418	21.312.727
1916	15.417.123	14.970.379	1.485.211	9.194.759	23.884.925
1917	15.321.215	17.031.192	1.507.813	8.504.993	23.841.587
1918	15.247.115	23.488.587	1.380.234	7.915.474	26.287.428
1919	16.933.995	30.955.504	1.745.213	8.027.853	32.604.325
1920	21.056.125	36.370.314	2.310.187	8.612.253	36.546.079
1921	24.184.390	25.407.754	3.439.983	8.667.156	38.452.421
1922	25.940.169	20.536.025	2.946.137	8.354.358	40.614.374
1923	26.540.859	18.763.229	2.828.034	8.331.589	45.696.388
1924	27.436.218	19.050.842	2.800.110	9.395.378	50.971.210
1925	29.305.213	18.784.998	3.159.388	3.341.349[1]	48.739.858[2]
1926	31.088.531	18.656.453	4.131.338	3.382.055	58.956.162
1927	34.141.558	19.099.818	4.533.052	3.374.956	62.680.453

[1] До 1924 г. включались ссуды под залог домов. В последующие годы они перенесены в следующую графу.

[2] За исключением банковских депозитов.

Сравнивая размещение средств в 1913 и 1927 гг., мы видим, что в процентном отношении они распределялись соответственно следующим образом:

	1913 г.		1927 г.	
	Фунт. стерл.	%	Фунт. стерл.	%
В движимом и недвижимом имущ. . .	14.052.115	27,61	34.141.558	27,57
В запасах товаров	9.088.827	17,86	19.099.818	15,42
Долги членов	1.236.664	2,43	4.533.052	3,66
В жилстроительство	8.899.917	17,49	3.374.956	2,73
Помещено другими способами (главным образом, через общ. опт. закупок)	17.613.497	34,61	62.680.453	50,62
Всего . . .	50.891.020	100	123.829.837	100

Приведенные цифры показывают, что удельный вес стоимости земельного участка, помещения и оборудования остался без изменения, а товаров на складе незначительно снизился. Зато задолженность членов увеличилась в полтора раза и размещение свободных средств, примерно, на столько же.

Следует заметить, что средства, помещенные в недвижимости, оборудование и т. п., в действительности представляют собой значительно большие ценности, чем те суммы, которыми они записаны в балансе обществ. Дело в том, что ежегодно списывается в среднем на погашение стоимости: земли около 1%, построек 2,5%, оборудования — 5%, машин от 7 до 20%. Таким образом, книжная стоимость имущества после многолетних списаний получается много ниже его реальной стоимости и образует своего рода скрытые резервы.

Другим весьма характерным моментом, служащим ярким показателем ухудшения экономического положения рабочих масс Великобритании, является на ряду с относительным понижением паевого капитала и размера закупок усиление задолженности членов обществам. Старая традиция торговли за наличные была сломана ростом экономических противоречий. Задолженность растет из года в год, создавая в перспективе угрозу финансовому равновесию общества. За последний год задолженность увеличилась на 401.714 фунт. стерл., а за 1926 — на 971.950 фунт. стерл. Есть попытки об'яснить увеличение задолженности развитием работы так называемых закупочных клубов, однако, действительная причина лежит в сокращении платежеспособности в результате безработицы и понижения заработной платы. Задолженность членов за последние годы росла следующим образом:

Годы	Приходилось долгу на одного члена (фунт. стерл.)	В % к остатку товаров на складе
1924	0,60	14,8
1925	0,64	16,7
1926	0,80	22,1
1927	0,81	24,0

Таким образом, мы видим, что за три года задолженность увеличилась на 61,7%, при чем в отношении товаров на складе она составляла к концу 1927 г. уже 24%.

VI

При грандиозном торговом обороте кооперация Великобритании стала одним из крупнейших товаропроизводителей и работодателей в стране. Когда рочдельские пионеры в 1844 г. писали в своем манифесте, что в задачи их обществ входит „производство предметов, какие общество найдет нужным производить", им и не снилось, что в 1926 г. производственная и обслуживающая деятельность местных потребительских кооперативных обществ выразится в 1925 г.—31.729.600 фунт. стерл., в 1926 г.—33.116.543 фунт. стерл., в 1927 г.—34.866.845 фунт. стерл.

Эта производственная и распределительная деятельность местных обществ проводится 162.919 рабочими и служащими.

В местных потребительских обществах было наемных работников:

	1922 г.		1926 г.		1927 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Всего	128.037	100,00	147.514	100,00	157.943	100,00
В производ.	30.627	23,94	45.966	31,16	48.016	30,40
В распредел. . . .	97.320	76,06	101.548	68,84	109.927	69,60

Средняя заработная плата работников в фунт. стерл.:

	1922 г.	1926 г.	1927 г.
В производстве	147½	135	140
В распределении	139	125	124½

Стоимость заработной платы на 1 фунт стерл. продажи в местном обществе составляла 19,14 (в 1922 г.), 16,49 (в 1926 г.) и 16,44 (в 1927 г.) пенса, т.-е. 8% и 6,8%.

Еще значительнее и концентрированнее производственная деятельность общества оптовых закупок.

Правда, в 1926 г. она осталась на уровне прошлого 1925 г.: по английскому, шотландскому и об'единенному обществам за 1926 г. было произведено продуктов на 35.464.120 фунт. стерл. Зато в 1927 г. она выросла до 38.875.661 фунт. стерл., или на 10 %. Это составляло ко всей оптовой продаже кооперации в 1926 г. 38,54%, а в 1927 г.—37,08%; а ко всей розничной в 1926 г.—19,18%, в 1927 г.—19,44%. В производстве занято капиталу 11.330.882 фунт. стерл.

За последние пять лет производственная работа общества оптовых закупок показывает непрерывный рост. Так, она составляла:

Годы	Оптовая продажа в %	Розничная продажа в %
1922	31,45	15,38
1923	31,12	15,70
1924	34,02	17,53
1925	37,71	19,37
1926	38,54	19,18
1927	37,08	19,44

Во всех четырех обществах оптовых закупок было занято в 1927 г. 48 842 рабочих и служащих, получивших 6.929.578 фунт. стерл. заработной платы. Из них было занято в производстве 41.167 (84%) с окладом 5.518.678 фунт. стерл. и распределении 7675 (16%) с окладом 1.410.900 фунт. стерл. Сравнительные данные по английскому и шотландскому обществам оптовых закупок дают следующие данные об удельном весе расходов по заработной плате в отношении производственной и распределительной работы общества оптовых закупок.

	1922 г.	1927 г.	%%
На одного рабочего приходилось произведенных товаров (в фунт стерл.) . . .	750	1.046	+39,4
Заработная плата на 1 фунт стер. произведенного товара обошлась (в пенсах) . .	41,74	28,78	—31
На одного служащего приходилось проданного товара (в фунт. стерл.)	14.305	15.859	+10,9
Заработная плата на 1 фунт стерл. проданного товара обошлась пенсов	3,57	2,87	—19

Приведенные цифры показывают, что себестоимость производства кооперации снизилась за пять лет в части заработной платы на 39,4%, а в части распределения — на 19%. Каждый рубль распределенных товаров стоит английскому кооперативному потребителю в части заработной платы персонала по обществу оптовых закупок 1,19 копейки, или $1^1/_4$%.

Заслуживает внимания распределение наемных работников кооперации по роду работы. Так:

	1926 г.		1922 г.	
	Абс.	%%	Абс.	%%
Было всего наемных работников	183.195	100	209.616	100
В производстве	75.567	41,25	95.911	45,76
В распределении	107,628	58,75	113.705	54,24

Мы видим, таким образом, что число лиц, занятых в кооперативной индустрии, повысилось за пять лет на 27%, а в распределении товаров только на 5%.

Производственная деятельность кооперации представляет в условиях ожесточенной борьбы с монополистическим капиталом одну из ее сильнейших позиций. Между отдельными видами товаров производственная деятельность распределялась следующим образом (в %%):

Годы	Пищевые и табак	Мыло	Одежда	Текстиль	Строительн. материалы	Бумага, канц. пр.	Металлич. изделия
1913	71,04	3,80	13,83	3,01	3,70	1,79	0,74
1925	72,56	3,38	10,27	2,89	4,98	2,01	1,47

Рост оборотов по продаже пред'явит в ближайшие годы большие требования кооперации Великобритании в отношении усиления ее производственной деятельности, а также рационализации последней. В этом отношении большую подмогу сможет оказать ей развитие междукооперативного оборота по внешней торговле, который начинает по почину советской кооперации принимать значительные размеры. Средств для развития производственной деятельности у кооперации Великобритании совершенно достаточно.

Особый интерес представляет вопрос о положении рабочих и служащих в кооперативных предприятиях. Как мы видели, рост кооперативной торговли и производства мобилизовал для обслуживания их двухсотысячную армию труда, достигшую почти 6% числа членов кооперации. Надо прямо сказать, что вопросу об обслуживании этого важнейшего участия кооперативного фронта уделяли до последнего времени сравнительно мало внимания. Несмотря на существование коллективных договоров за последний год имел место ряд конфликтов, из которых некоторые, правда, небольшого масштаба, кончились даже забастовками. В последнее время центральные кооперативные организации пытаются тушить нарастающую активность наемного труда в кооперации разного рода пенсионными и другими благами. Но при общем социальном разрезе современного кооперативного движения Великобритании эти паллиативы вряд ли окажут надлежащее действие. Рабочее движение Великобритании должно будет в ближайшие годы уделить серьезное внимание организации и

классовому перевоспитанию рабочих и служащих кооперации и превратить их в серьезную силу, способную подняться идейно и организационно на высоту поставленных перед движением задач.

VII

Кооперация Великобритании стоит на первом месте в международном кооперативном движении в отношении ее финансовых ресурсов и капиталонакопления.

В 1927 г. в кооперации Великобритании, кроме 1.267 потребительских обществ, имелись также 10 потребительских распределительных федераций 102 производительных и обслуживающих общества, 2 ассоциации снабжения, 14 специальных обществ, 2 общества оптовых закупок и 1 сельскохозяйственное общество оптовых закупок.

Во всех этих обществах насчитывалось 5.624.079 членов. Эти общества (включая все виды обществ) имеют основной капитал, выражающийся в сумме 104.887.474 фунт. стерл. с резервным фондом в 20.157.306 фунт. стерл; оборот их равняется 324.490.307 фунт. стерл., чистая прибыль выразилась в сумме 26.951.500 фунт. стерл. Работают в этих обществах 225.141 человек служащих и рабочих. Общая сумма выплачиваемого жалованья составляет 29.208.719 фунт. стерл. в год.

Сводный баланс кооперации Великобритании (включая Ирландию) выражается в нижеследующем (в фунт. стерл.):

Сводный баланс кооперативного движения Великобритании и Ирландии в 1926/27 г.

	1926 г. Абс.	1926 г. %%	1927 г. Абс.	1927 г. %%	Из них по местным потребительским обществам в 1927 г. Абс.	Из них по местным потребительским обществам в 1927 г. %%
Пассив						
Паевой капитал	100.046.945	49,9	104.887.474	48.94	92.281.003	70,72
Вклады, фонды, займы .	66.670.003	33,3	70.929.044	33,10	17.492.823	13,41
Резервы и страх. фонды	17.594.305	8,8	20.157.306	9,40	7.203.006	5,52
Разн. обязат. (включая средства паев.) тов-в. .	7.436.982	3,7	7.932.990	3,70	4.679.239	3,59
%% по паям и пр. . .	8.701.538	4,3	10.410.797	4,86	8.828.122	6,76
	200.479.773	100	214.317.380	100	130.484.202	100
Актив						
Товары, матер. расходы .	31.264.737	15,7	31.158.054	14,54	19.099.818	14,64
Недвиж. и движ. имущ. .	47.939.840	23,9	50.004.024	23,33	37.516.514	28,75
Помещено капитал. в паи и займы	61.228.941	30,5	64.776.761	30,22	48.797.876	37,40
Аванс и всякого рода помещ. капиталов . .	40.377.986	20,1	47.706.803	22,26	13.882.577	10,64
Задолжен. членов . . .	11.047.186	5,5	10.896.801	5,08	4.533.052	3,47
Наличность	6.661.392	3,3	7.160.001	3,34	5.207.542	3,99
Разные активы	1.555.178	0,8	2.217.293	1,04	1.125.996	0,86
Дефицит в общест., имеющих таковой	374.573	0,2	397.571	0,19	320.827	0,25
	220.449.773	100	214.317.308	100	130.484.202	100

Беглый просмотр приведенного выше баланса показывает необычайную финансовую мощь кооперации Великобритании. 71% паевого капитала в балансе сами по себе уже говорят о высокой финансовой независимости движения. Можно смело сказать, что те процессы реорганизации и улучшения предприятий, которые в последнее время стали на очереди, могут быть проведены ее собственными силами, и если они не проводятся в жизнь, то это об'ясняется только консерватизмом и неподвижностью руководящих органов, а отнюдь не финансовыми затруднениями. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что привлечение вкладов от пайщиков, несмотря на значительность привлеченных сумм, находится еще далеко не в развернутом виде и в случае действительной потребности в средствах может быть несравненно усилено.

Особого упоминания заслуживает работа банковского отдела английского общества оптовых закупок:

	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Оборот (фунт. стерл.)	552.837.668	558.713.273	632.113.946
Увеличение (в %%)	11,72	6,48	7,37
Число текущих счетов	18.732	20.134	21.621
„ срочных вкладов	24.833	26.249	26.976
Общее число счетов	43.565	46.433	48.597

Несмотря на значительные средства, мобилизованные банковским отделом (около 30 миллионов фунтов), приходится констатировать, что число счетов его вкладчиков едва равняется 1% всех членов кооперативных обществ, а сумма вкладов не превышает $1^1/_2$% всех вкладов в банках Великобритании. Кооперативная банковская работа в Великобритании находится, таким образом, еще в мало развернутом виде, и по мере роста подлинной потребности в средствах она сможет развернуться значительно шире.

VIII

Несмотря на то, что еще в программе рочдельских пионеров стоял пункт об отчислениях из прибылей на культурные цели, средства, уделяемые на образовательные и воспитательные цели, очень скромны в сравнении с грандиозными торговыми оборотами. Так, истрачено на образовательные и воспитательные цели:

	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Всего в фунт. стерл.	162.168	180.540	203.111
В %% к прибыли	0,79	0,86	0,87
В среднем на члена в пенсах	7,93	8,35	8,74

т.-е. в 1927 г. на одного члена было истрачено всего 34,08 коп. Надо прямо сказать, что эта сторона деятельности далеко отстает от торговой работы.

Кооперативно воспитательная работа находит свое подлинное широкое развитие только в тех обществах, которые находятся в руках сознательных классовых элементов, как, напр., лондонский „Арсенал“ и др.

Кооперативная пресса Великобритании, несмотря на свой почти столетний возраст, не имеет до сих пор ежедневной газеты. Еженедельные издания расходятся в количестве свыше 100.000 экз. („Кооператив Ньюс“ 85.000 и „Скоттиш Кооператор“ 23.000), т.-е. только около 2% членов покупают их. Лучше обстоит дело с ежемесячной прессой, выходящей на местах и распространяемой в количестве до миллиона экземпляров.

Ухудшение положения рабочего населения повлекло за собой усиление его социальной активности, стремления к самоорганизации и политическому действию. Вместе с ним уходит в прошлое пресловутая идея нейтральности и аполитичности кооперации, которую с таким рвением защищают на международных кооперативных конгрессах верхи английского кооперативного движения.

Традиция политического нейтрализма, ведущая свое происхождение от рочдельцев, изжита. В свое время она возникла, как результат недоразвившихся форм классовой борьбы, разочарования и поражения „чартизма“ и мелкобуржуазных иллюзий относительно всеспасительности кооперативных методов. Теперь, в обстановке исключительных классовых антагонизмов она является одной из форм буржуазной политики, призванной затушевать классовое самосознание рабочих масс и отвлечь их от повседневной борьбы за их интересы.

Обострение социальной борьбы усилило в кооперативных организациях интерес к политике и заставило „нейтральную кооперацию“ найти свое место по одну сторону классовой баррикады современности.

Не говоря уже о более радикальных женских гильдиях, которые ввели на своем конгрессе в устав пункт об обязательной поддержке кооперативной партии, даже конгресс кооперативного союза в Гартпуле большинством 2.465.000 голосов против 1.470.000 отклонил предложение аннулировать соглашение между кооперативной и рабочей партиями, тем самым подчеркнув, что кооперация начинает прочно связывать свою судьбу с судьбой рабочих организаций.

В. А. Кончер

Мировая проблема угля

После того как грандиозная стачка английских горняков в 1926 г. приковала внимание широчайших кругов к вопросам угольной промышленности для каждого стало ясно, что болезни мирового угольного производства, столь резко вскрывшиеся в Англии, имеют, повидимому, очень значительные и очень глубоко идущие корни, что угольная промышленность является едва ли не самым угрожающим и, во всяком случае, самым слабым местом мирового капиталистического производства.[1] Не слишком часты были в новейшей истории капитализма подобного рода случаи, когда кризис одной промышленной отрасли рождал социальные потрясения такой гигантской силы.

Неправильно было, конечно, великую стачку 1926 г., с неожиданной резкостью пробудившую лучшие традиции чартизма, целиком сводить, как это обычно делалось у нас, к затруднениям в мировой и британской углепромышленности: основные движущие силы, вызвавшие этот взрыв классовой борьбы, лежат глубже, в общих экономических и социальных противоречиях капитализма, в данном случае — обострившихся конкретно в угольную проблему. Но судить о важности и сложности этой проблемы по размерам катастрофы 1926 г. в Англии можно, конечно, с полной определенностью. Эта катастрофа и должна служить основной предпосылкой для такого суждения, в свою очередь, наталкивающего на целый ряд крупных факторов, сопряженных или совпадающих с мировой угольной проблемой.

„Кризис угольной промышленности принимает мировые размеры. Он представляет собою составную часть всеобщего мирового кризиса перепроизводства“,—говорит тов. П. Лапинский в своем превосходном исследовании о „Мировом кризисе угля“, написанном за год до английской стачки.[2] Здесь отмечена связь и соответствие угольного кризиса с общим то падающим, то поднимающимся кризисом мировой капиталистической экономики; в этом отношении проблема угля не вызывает никакого специального внимания. Но она носит помимо того также ряд сугубо специфических, ей одной свойственных черт, в основном отлично констатированных П. Лапинским. Эти специфические факторы — главная особенность угольной проблемы. Мало того, при ближайшем рассмотрении оказывается, что они знаменуют собой истоки и брожение в недрах капиталистического хозяйства совершенно новых технико-экономических процессов, принимающих подчас размах и характер подлинной промышленной революции. Оказывается, далее, что уголь

[1] Чтобы лишний раз отметить всеобщую и даже определяющую временами роль угольного кризиса, напомним, кстати, что „самая крепкая цепь не может быть крепче самого слабого своего звена“ (из ст. М. П. Павловича в „Новом Востоке“, № 3, 1923 г.). Угольная проблема в капиталистическом производстве представляется во многих отношениях соответствующей этому звену.

[2] П. Лапинский. „Мировой кризис угля“, М. Л. 1926 г. (Ранее эта работа появилась в „Международной Летописи“, № 8—9, 1925 г.).

в огромной степени несет на себе издержки этой технической революции. И в этом также важнейшая особенность угольной проблемы.

В том виде, в каком она представляется ныне, т. е. прежде всего в виде хронического кризиса сбыта угля, угольная проблема выступила фактически только в 1921 г. Поступательно расширяясь, кризис был на время ликвидирован Рурской оккупацией 1923 г., ею заключается первый этап на пути развития кризиса. После Рурской оккупации кризис угля возобновился на расширенной основе. Английская забастовка 1926 г. приносит новую передышку; в ней кризис находит конец второго этапа своего развития.

На другой день после английской забастовки он возобновился снова. Факты говорят, что он возобновился в еще более расширенном масштабе. Нынешнее положение — это расцвет угольного кризиса на его третьем этапе.

После великой стачки 1926 г.

Когда председатель Королевской угольной комиссии, сэр Герберт Самюэль, в своем выступлении 20 июня 1927 г. констатировал, что положение мирового угольного рынка и, в особенности, положение угольной промышленности Англии вновь возвращается к тому, которое было до стачки шахтеров, заявление его прошло незамеченным, не вызвав ни откликов, ни беспокойства. Беспокойство, впрочем, оказалось еще преждевременным. Слишком реально было еще ощущение факта снижения заработной платы и удлинения рабочего дня углекопа, что дало возможность английскому предпринимателю понизить себестоимость угля и, следовательно, усилить конкурентоспособность его на внешних рынках; достаточно отчетливо давали еще себя чувствовать благоприятные для стран-экспортеров условия угольного голода, порожденные прекращением британской добычи угля в течение 210 дней стачки.

Но прореха почти в 120 млн. тонн, образовавшаяся в мировой продукции угля за 1926 г., в результате забастовки английских горняков заполнялась очень быстро. За тот же 1926 г. основные страны-производительницы увеличили свою продукцию в общей сложности не менее, чем на 50 млн. тонн. Заметно выросла также за этот период молодая угольная промышленность колониальных и полуколониальных стран. За весь 1926 г. добыча угля в Азии достигла 75,7 млн. тонн (в 1925 г.— 71,7 млн.), в Австралии —21,0 млн. (18,7),[1] в Южной Африке —12,5 млн. (11,8).[2] Северная и Южная Америка увеличила добычу угля за 1926 г. на 73,3 млн. тонн (614,4 млн. против 541,1 млн. в 1925 г.).[1]

С возобновлением добычи в Англии, мировой угольный рынок вновь быстро пошел по направлению к своему старому кризису сбыта. Этому способствовало еще и то, что добыча в Англии возобновилась в размерах, превосходивших дозабастовочные. В первом полугодии 1927 г. добыча составила 130,2 млн. тонн против приблизительно 124 млн. тонн за соответствующее полугодие 1921 г.

В то же время добыча угля в остальных странах, получив поступательный толчок во время английской стачки, продолжала расти и после нее. Добыча в Германии достигла за 1927 г. 153 млн. тонн (против

[1] „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt“. Herausgegeben von der Dresdner Bank, Berlin, 1927, S. 43.

[2] „The Economist monthly supplement“, January, 1928, p. 5.

145 млн. в 1926 г.), в Бельгии—27 млн. (25 млн.) тонн, в Польше—38 млн. (36 млн.) тонн и т. д. Исключение составляют Соед. Штаты, в которых добыча угля сократилась за 1927 г. почти на 9%, что в значительной степени об'ясняется забастовками на угольных предприятиях.[1]

Экспорт достиг соответственных размеров. Вывоз каменного угля из Англии за первое полугодие 1927 г. составил 26,3 млн. тонн — на 7,4 млн. тонн больше, чем за то же полугодие предыдущего года, когда забастовка еще не отразилась на экспорте. Германия экспортировала в первом полугодии 1927 г. 14 млн. тонн — на 5 млн. больше, чем за тот же период 1926 г.

Но опустошенные на время рынки потребления угля быстрыми шагами приближались к насыщению. Все более сокращавшиеся возможности сбыта стали наносить вздувшемуся за первые послезабастовочные месяцы вывозу угля жестокие удары. Уже к концу второго квартала 1927 г. стали обнаруживаться тенденции к сокращению вывоза угля из главных стран. Принимавшиеся в виду осложнившейся кон'юнктуры правительствами некоторых стран мероприятия по ограждению собственной углепромышленности от иностранной конкуренции, в частности — изданный 8 мая французским правительством декрет об ограничении ввоза во Францию угля и кокса,— дали этим тенденциям лишний толчок.

В Англии за первую половину 1927 г. остаток угля на внутреннем рынке составил свыше 50 млн. тонн. За первые месяцы 1928 г. эта цифра выросла уже, по заявлению в Палате общин представителя министерства горной промышленности Кинга, до 80 с лишним миллионов тонн — рекордная цифра последних лет.

Начавшееся в связи с этим резкое сокращение добычи угля мало помогало положению. Возможности сбыта продолжали суживаться еще быстрее. Все более накоплявшиеся в угольных районах Европы штабели не находившего потребителей угля с возрастающей силой давили на рыночную кон'юнктуру. Началось неуклонное падение цен.

Наиболее резко падение цен сказалось, конечно, в Англии — этой классической стране угольного кризиса. В среднем, экспортная цена на английский уголь упала с 27 шиллингов в конце 1926 г.— первые послезабастовочные дни — до $18^1/_2$ шилл. в июне 1927 г. Средняя цена за тонну вывозного угля в январе 1928 г. упала до 15 шиллингов 7 пенсов, а в июне даже до $13^1/_2$ шиллингов — самая низкая цена со времени окончания войны. Ни Рур, ни прочие области — поставщики угля — не на много отставали от Англии. В условиях все более ожесточенной, в соответствии с сжимавшимся сбытом, конкуренцией цены на уголь не могли, конечно, обнаружить никаких тенденций к укреплению и, тем более, к росту.

В цифрах безработицы среди шахтеров, возобновившийся кризис угля находит еще более яркое выражение. В Нортумберланде, например, к концу 1928 г. не менее 35% всех горняков являлось безработными. В одном издании, выпущенном недавно совместно конгрессом трэд-юнионов, рабочей партией и федерацией углекопов, констатируется,— и это повторил упомянутый выше Кинг, — что „по общепринятому взгляду в угольной промышленности имеется в настоящее время излишек рабочей силы в 200—250 тыс. человек". Один из крупных углепромышленников Англии, Джон Гибсон, в своем выступлении на собрании Шотландской филии Национальной ассоциации шахтовладельцев в начале 1928 г. был еще более категоричен: по его заявлению, в английской угольной промышленности 150 тыс. безработных, 750 тыс. работающих нерегулярно и

[1] „The Statist — half-yearly Banking and Commercial Review", 1928, p. 22.

250 тыс. рабочих, нагрузка которых также не вполне достаточна.[1] Другими словами, он признавал в той или иной степени задетыми безработицей всех углекопов Англии.

Возвращение мирового угольного кризиса, после недолгого отсутствия, в лоно капиталистического хозяйства предстало с неоспоримой очевидностью.[2] Потрясение, произведенное 7-месячной стачкой, не принесло, в конце концов, благоприятных результатов. Ликвидация мелких шахт, концентрация угольной промышленности, реконструкция устарелого оборудования в ней,— а именно на такие последствия стачки возлагались в Англии не малые надежды — не оказались в состоянии ни предупредить, ни заметно смягчить рецидива. Банкротство таких надежд было, впрочем, заранее предопределено. Ведь угольный кризис — кризис не только английского масштаба, и тяжесть его испытывала и испытывает с большей или меньшей силой любая экспортирующая страна, вне сколько-нибудь значительной зависимости (понятно, последнюю нелепо совершенно исключать) от организации самой добычи угля. Более того, существо угольного кризиса исключает, повидимому, возможность существования мощной и высокоразвитой угольной промышленности и угольного капитала; рахитичность последнего резко выпячивается во всей „системе" капитализма.

А в английском парламенте, между тем, вновь раздаются успокаивающие заверения правительства о сокращении местных налогов по отношению к углепромышленникам и о снижении железнодорожных тарифов на перевозку угля (правда, о субсидиях уже, или еще, не говорят). Старый, но знаменательный и давно уже продемонстрировавший свои „целебные" свойства рецепт!

Как развивался кризис

Дни рурской оккупации 1923 г. были золотыми днями для мировой (за вычетом Германии, конечно) угольной промышленности. Уход с международного рынка огромного германского экспорта угля, германской конкуренции, более того — появление в лице Германии нового, колоссальной емкости рынка для сбыта угля,— явились могучим стимулом к под'ему мировой угольной промышленности. За 1923 г. добыча угля в Англии достигла предвоенного уровня, а экспорт превысил размеры 1913 г. ни более ни менее, как на 40%. Одна Германия поглотила около 20% британского угольного вывоза. Не столь ярко эта полоса высокой кон'юнктуры пронеслась над углепромышленностью всех руководящих стран.

Прекращение рурской оккупации, возобновление добычи угля в Германии, выход германского угля на внешний рынок — изменили положение. Конец рурской оккупации был началом угольного кризиса. Собственно, первые признаки кризиса имели место гораздо раньше. Уже 1921 г. был последним годом, в особенности для Англии, процветания угольной промышленности, как, впрочем, и всей тяжелой индустрии

[1] „The Iron & Coal Trades Review", February 17, 1928, p. 224. Цифра безработных шахтеров в 150 тыс. чел., несомненно, преуменьшена. Немецкий „Kohle und Erz" (№ 5, 1928) определяет число безработных углекопов в Англии в 230 тыс. чел.; он указывает далее, что во всей угольной промышленности Англии занято 980 тыс. раб. против 1.120 тыс. накануне забастовки 1926 г. К концу 1928 года в английской углепромышленности насчитывалось не менее четверти миллиона безработных.

[2] Превозглашенная в подобной же обстановке год тому назад Франком Ходжсон „Era of prosperity from coal" („Manchester Guardian", 5 декабря 1927 года), она производит впечатление шутки, которая должна звучать довольно зло для британских шахтовладельцев.

в капиталистическом хозяйстве. В дальнейшем угольный кризис развивался параллельно с общим мировым кризисом перепроизводства, наиболее катастрофическим участком которого он являлся.

Цифры угольного экспорта и развития цен на уголь служат превосходной иллюстрацией кризиса. В 1925 году экспорт угля из Англии сократился по сравнению с предвоенным периодом на 23 млн. тонн, из Германии — на 12,1 млн. тонн, из Соед. Штатов — на 2,3 млн. тонн, из Бельгии — на 2,5 млн. тонн, из Голландии — на 3,3 млн. тонн. В общем, экспорт угля из 6 руководящих стран (перечисленные плюс Франция) уменьшился с 141,6 млн. тонн в 1913 г. до 101,5 млн. тонн в 1925 г. [1] Весь мировой вывоз каменного угля уменьшился за этот отрезок времени с 163 млн. тонн до 136 млн. тонн; общемировой угольный экспорт составил, таким образом, в 1925 г. лишь 83% его в 1913 г. [2]

Развитие цен на уголь после рурской оккупации как в зеркале отражает нарастание кризиса, разрешившегося взрывом 1926 г. в Англии (в марках): [3]

Годы	Англия (вывозн. уголь)	Германия	Франция	Бельгия	С. Штаты
1913	13,20	12,34	16,61	14,99	5,69
1924	21,90	18,18	18,51	20,43	9,69
1925	19,20	14,98	16,88	21,75	9,54
1926	18,80	14,88	14,89	18,50	10,16

Изменение индекса цен на уголь представляется за этот период в следующем виде (1913 г. = 100); [4]

	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Германия	192	192	124
Франция	115	115	80
Бельгия	144	145	133
Англия	180	137	123
С. Штаты	—	130	191
Польша	132	147	76
Чехо-Словакия	196	179	175

За исключением С. Штатов падение, как видим, неуклонное.

Высокая конъюнктура периода рурской оккупации в первые же дни после ее прекращения рассеялась как дым. Затруднения сбыта извне, организационная и техническая отсталость изнутри [5] продолжали подтачивать угольную промышленность. Рурская оккупация внесла в развитие кризиса лишь передышку, столько же кратковременную, как и благоприятную. Положение повторилось в дни английской стачки. В обоих гигантских эпизодах на пути развертывания мирового угольного кризиса сыграл роль по существу один и тот же (с точки зрения влияния этих „эпизодов“ на углепромышленность) фактор, принявший в первом случае форму паралича рурской угледобычи, во втором — форму паралича угледобычи английской. Обе волны подъема мировой угольной конъюнктуры — в 1923 г. и 1926 гг. — обязаны своим появлением искусственному резкому сжатию поступления угля на рынки благодаря приостановке деятельности главнейших поставщиков его; Германия дает четверть мирового экспорта угля, Англия почти половину.

Это лишний раз подчеркивает характер угольного кризиса, как кризиса жесточайшего и хронического перепроизводства.

[1] „The Economist“, 25 февраля 1928 г., стр. 372.
[2] „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt“, стр. 41.
[3] M. Heinz, „Wie haben sich die Kohlenpreise entwickelt?“ („Kohle und Erz“, № 7, 1928).
[4] „Memorandum sur l'industrie du charbon“ („Conférence Economique Internationale“), Vol. I, Genève, 1927, p. 16.
[5] По сравнению с 1913 г. издержки производства в английской угольной промышленности возросли к 1925 г. на 90,5%.

Закат угля

Д-р Любке в своей яркой, но опровергнутой последующей действительностью работе „об умирающем угле“, [1] основываясь на факторах бешеного роста потребления угля за довоенные и военные годы и на уменьшающихся запасах его, констатировал угрозу истощения угольных ресурсов и наступления угольного голода. [2] Но процессы послевоенные носили совершенно противоположный характер. Они принесли замедление и падение потребления угля при продолжающемся росте общемировой продукции, катастрофическое перепроизводство его. Вопрос об умирающем угле снова предстал во весь свой рост, но уже в совершенно ином виде. Вместо угрозы угольного голода обнаружился факт падающей потребности в угле.

Две силы — увеличение мировой угледобычи и быстрое, не только относительное, сокращение потребления угля — вот непосредственные источники угольного кризиса, угольной проблемы. Рост продукции угля очевиден. В 1927 г. она составила 1.924,4 млн. тонн по сравнению с 1241,7 млн. тонн в 1913 г. [3] и 1122,8 млн. тонн в среднем ежегодно за 1909 — 13 гг. [4] Продукция 1927 г. является рекордной в истории мировой углепромышленности.

Этого отнюдь нельзя сказать о потреблении. Развитие последнего обнаруживает совершенно обратные тенденции. Несмотря на могучие процессы индустриализации внеевропейских стран, несмотря на рост населения общемировое потребление угля продолжает сползать вниз, в лучшем случае, едва удерживаясь на уровне, бывшем 15 лет тому назад. Собственно, уже в 1913 г. над мировой углепромышленностью пронесся первый тревожный сигнал, поданный Европой, но оставшийся, впрочем, совершенно назамеченным: в этом году европейская продукция угля составила 691 млн. тонн, потребление — 621 млн. тонн, на 70 млн. тонн меньше! Эта угрожающая трещина между добычей и потреблением угля в истекшем году резко расширилась. За 1927 г. добыча угля в Европе составила 733 млн. тонн — на 7% выше предвоенного уровня, а потребление угля — 652½ млн. тонн, лишь на 0,7% выше уровня 1913 г. Разница между производством и потреблением возросла с 70 млн. до 107½ млн. тонн. [5]

Мировое потребление бурого и каменного угля (бурый уголь перечислен здесь в каменный) составило в 1926 г. 1231,6 млн. тонн против 1254,6 млн. тонн в 1913 г., т.-е. упало приблизительно на 3—4%. [6]

При рассмотрении потребления угля на душу населения процесс снижения предстает особенно выпукло. В С. Штатах потребление угля

[1] Anton Lübke, „Die sterbende Kohle“ (Das kulturelle und wirtschaftliche Schiksal Europas)“, Regensburg, 1925 (4525).
[2] Этот взгляд был, собственно, общепринятым в первый послевоенный период; именно это обстоятельство продиктовало союзникам возложение на Германию обязательств по репарационным поставкам угля. Несомненной представляется также роль этого стимула в рурской оккупации.
[3] „The Economist“, 25 февраля 1928 г., стр. 371.
[4] „Memorandum sur l'industrie du charbon“, Vol. I, p. 16.
[5] Bennhold, „Bericht über die Lage der Kohlenwirtschaft“ („Kohle und Erz“, № 10, 1928, стр. 361).
[6] „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt“, стр. 95.

на 1 жителя упало с 5,9 тонн в 1913 г. до 4,4 тонны в 1925 г., в Канаде оно сократилось за этот промежуток времени с 4,0 до 2,6 тонн, в Англии — с 4,2 до 3,9 тонн, в Германии — с 2,6 до 2,2 тонн.[1]

В то же время общемировое производство энергии, как увидим ниже, резко возросло по сравнению с довоенным уровнем. Единственный вывод напрашивается сам собой: доля угля в выработке единицы энергии круто упала вниз.

Все эти данные говорят об одном из крупнейших противоречий послевоенной капиталистической экономики: падение мирового потребления угля сопровождается ростом его производства. Все более расширяющийся разрыв между продукцией и потреблением угля обнажает существо мировой угольной проблемы. Она обусловливается целым рядом могущественных факторов.

Корни проблемы

В силу того характера продукта углепромышленности, который делает потребление этого продукта повсеместным и бесконечно многообразным, угольная промышленность оказывается тесно связанной едва ли не в большей степени, чем любое иное производство, буквально со всеми областями и отраслями мирового хозяйства. И великая трагедия угля находит свое выражение в том, что он вынужден неизбежно и, повидимому, безвозвратно оставлять свои позиции одну за другой под натиском новых условий и новых более могущественных врагов.

Как на одну из основных причин угольного кризиса часто и подробно указывалось на недогрузку мировой металлургической промышленности. Несомненно, что суживание производства железа и стали — этого крупнейшего потребителя угля — оказывает очевидное отрицательное влияние на углепромышленность. Но фактически угольный кризис нимало не ослабевает в период под'ема маталлургического производства, и колебания последнего перестают, таким образом, исчерпывающе об'яснять что-либо в характере угольного кризиса.

Ведь несмотря на то, что мировая выплавка железа и стали (по данным („Iron and Coal Trades Review"), составившая в 1927 г., соответственно, 85,0 и 99,1 млн. тонн, возросла для стали на 8,2% против 1926 г. и на 32,7% против 1913 г., для железа — приблизительно на 9,8% по сравнению с 1926 и 1913 гг., несмотря на это, угольный кризис был в 1926 г. неизмеримо велик по сравнению с положением 1913 г., а в 1927 г. гораздо сильнее, чем в 1926 г. Между тем, добыча угля возросла по отношению к предвоенному периоду относительно не больше чем выплавка железа и стали.

Действительно характернейшее значение имеет все более широко практикующиеся в металлургии рационализация и усовершенствование доменных процессов, сводящиеся к более экономному сжиганию угля, к утилизации газов, получающихся в результате этих процессов; последнее, в свою очередь, ведет к дальнейшей экономии в потреблении угля. Усовершенствования механических топок — лишняя гиря на этой чашке весов. Использование во все более широком масштабе низкосортных, в частности бурых углей увеличивает общую массу напирающего на рынок угля;[2] конкуренцией между бурым и каменным углем усугубляется его общее положение. Яркий факт в этой области — начатое в штате Огио американской компанией „National Tube Corporation" производство

[1] „Memorandum sur l'industrie du charbon", vol. I, p. 10.

[2] Мировая добыча бурого угля в 1926 г. превысила на 27% уровень 1913 г.

высокосортного чугуна при помощи распыленного бурого угля непосредственно из руды с низким, менее чем 40%, содержанием железа; себестоимость получаемой из этого чугуна стали оказывается на 1/3 ниже обычного.

Все это вырастает, впрочем, далеко за пределы металлургического производства. Здесь вообще выступает на сцену фактор крупнейшего, отнюдь, не только технического, масштаба: улучшение методов сжигания угля, благодаря чему для получения данного количества энергии в настоящее время затрачивается значительно меньше угля, чем накануне войны и даже несколько лет тому назад.

В первую очередь сюда относится сжигание угля в виде пыли. Огромные преимущества обеспечивают этому методу широкое внедрение в промышленную практику. Совершенно исключительное значение имеет, судя по появляющимся время от времени в европейской печати сообщениям, использование угольной пыли для питания моторов внутреннего сгорания. Топки для пылевидного топлива уже вплотную подошли по своему коэфициенту полезного действия даже к такому топливу, как мазут.

Такие и еще дальше идущие перспективы становятся вполне реальными, если учесть, что поверхность соприкосновения с воздухом для угольной пыли в 1500 раз больше, чем для твердого угля. Практическое применение методов сжигания пылевидного топлива достаточно хорошо иллюстрируется тем фактом, что почти все новые электростанции Франции, а в меньшей степени и Германии, снабжены углепылевыми топками; как правило, ни одна из старых станций, перешедшая к сжиганию пылевидного угля, не возвращается к прежним приемам. Не трудно судить об усиливающемся влиянии и этого фактора на хотя бы и относительное уменьшение общего потребления угля.

Потребление пылевидного угля, конечно, возрастает. В Германии оно увеличилось за 1926 г. с 2 1/2 до 4 млн. тонн. Но это только указывает на то, что уголь может вернуть свое значение, лишь сбросив свою нынешнюю оболочку. Это не делает еще разрешимой проблему угля, как твердого топлива.

Значительная роль в процессе обострения этой проблемы принадлежит развитию газоснабжения. Еще более возрастает она с практикой передачи газа на большие расстояния. Влияние расширяющейся выработки его на увеличение потребления угля для этой цели отступает на задний план перед конкурирующей с углем силой, которую несет с собой этот газ. Уголь встречает врага в своем собственном детище.

* * *

Гораздо более резкое, симптоматичное значение заключается в процессе вытеснения угля иными источниками и видами энергии. Особенно резко бросается в глаза, сравнительно с давних уже пор, успешный поход нефти на старые и, казалось, когда-то неот'емлемые вотчины угля.

Хорошо известен факт постепенного замещения угольного топлива нефтяным на морских судах. За военным флотом, целиком перешедшим на нефтяную топку, следует торговое и пассажирское судостроение. Первый и робкий намек предвоенных лет — 0,6% общемирового тоннажа, приходившегося в 1913 г. на моторные суда — вырос уже в большое мирохозяйственное явление, служащее одним из немаловажных пунктов обвинительного приговора углю. К 1928 г. водоизмещение моторных

судов выразилось в 4.271 млн. тонн, составив 6,5% тоннажа мирового торгового флота; по сравнению с 1914 г. общемировое водоизмещение моторных торговых судов возросло на 1725,2%! Помимо того, все более растет число паровых судов, работающих на нефти вместо угля. Тоннаж их достиг к 1928 г. 18.482 млн. тонн — 28,3% мирового водоизмещения торговых судов; по отношению к 1914 г. увеличение на 1310,8%! В то же время тоннаж работающих на угольной топке судов сократился на 7,6%. К 1928 г. водоизмещение строящихся на верфях мира моторных и прочих судов было почти одинаково. [1] Трудно представить себе более красноречивые цифры.

Мировая продукция нефти составила в 1927 г. 1.252.145 баррелей, [2] превысив на 14% уровень предыдущего года и на 219% продукцию 1919 г., — темп, оставляющий далеко позади развитие добычи угля. Тем не менее, широчайшие перспективы потребления нефти не могут, конечно, сравниваться с перспективами потребления угля, задыхающегося в об'ятиях перепроизводства. [3]

Другим могущественным врагом угля выступает электрическая энергия.

На развитие электрификации непосредственно и достаточно отчетливо указывает рост мировой электротехнической промышленности. Стоимость ее продукции составила в 1925 г. 12.307 млн. марок против 4.137 млн. в 1913 г.; если учесть изменение цен по сравнению с предвоенным периодом, то окажется, что стоимость продукции мировой электротехнической промышленности к настоящему времени удвоилась. [4] Вывоз электротехнических машин и аппаратов из 5 главных стран (Англии, Германии, Соед. Штатов, Франции и Швейцарии) выразился за 1927 г. в сумме 60,4 млн. фунт. стерл. против 32,8 млн. фунт. в 1913 г. [5]

Цифры самой выработки электроэнергии не менее выразительны. В Соед. Штатах, например, выработка электроэнергии достигла в 1927 г. 75,1 мрд. квтч. против 54,4 мрд. в 1924 г. и 14,1 мрд. в 1913 г. [6] По данным, относящимся еще к 1925 г., в Англии электрифицировано 48% всей промышленности, в Германии — 66%, в Соед. Штатах — 73%. [7] Количество электромоторной силы, действующей в германской промышленности, увеличилось за период 1913—26 гг. в 8 раз — с 1,5 до 12 млн. лош. сил. Ежегодная мировая выработка электроэнергии приближается уже к гигантской цифре в 200 мрд. квтч.

Интересна тенденция электрификации ж. д. К концу 1926 г. в Германии было электрифицировано 1,7% всей ж.-д. сети, в Швейцарии — 15,6%, в Италии — 4,8%, в Швеции — 5,9%, в Австрии — 5,2%, в Норвегии — 5,9%, в Голландии — 3,3%, во Франции — 2% и т. д. [8] В связи с этим любопытно отметить наблюдающееся в Соед. Штатах падение потребления угля на ж. д. на каждую 1.000 тонно-миль, оно составило

[1] „Glückauf", 5 мая 1928 г., стр. 571.
[2] „The Mining Journal", 3 марта 1928 г., стр. 176.
[3] Свою фразу „Капля бензина так же дорога, как капля крови" (из телеграммы к Вильсону от 17/XII 1917 г.) Клемансо мог бы еще с большим основанием повторить и теперь.
[4] M. C. Lammer, „Monograph of the Electrical industry" (эта монография входит в материалы подготовительной комиссии Международной экономической конференции в Женеве).
[5] „The Economist", 11/II 1928, p. 267.
[6] Dr. G. Dehne, „Die Elektrizitätswirtschaft der Ver. St. von Amerika in Jahre 1927" („Elektrotechnisches Zeitschrift", 17 Mai 1928, S. 756).
[7] „The Economist", 29/X 1927.
[8] M. C. Lammer, „Monograph of the Electrical industry".

(в тыс. английских фунтов) в 1920 г.—197, в 1922 г.—186, в 1924 г.—170, в 1925 г.—159 и в 1926 г.—155. [1]

Водная сила, колоссально расширяющееся использование ее для производства электроэнергии — еще одна сила, разбивающая благополучие угля. Быстрое развитие мировой гидроэлектрической промышленности — общеизвестно. В Италии, например, мощность гидроэлектрических станций достигла в 1926 г. 4 млн. квт. с возможным годовым производством энергии до 25 мрд. квтч. Водяная энергия, используемая в Соед. Штатах на 1/I 1928 г., составила 12,3 млн. лош. сил, показав увеличение за 1927 г. на 575 тыс. лош. сил. В Канаде используемая водяная энергия достигла к началу 1928 г. 4,8 млн. лош. сил — прирост за год на 221 тыс. лош. сил. [2] То обстоятельство, что внушительная цифра в 30,2 млн. лош. сил. используемой теперь во всех странах водяной энергии составляет лишь 6% общемировых ресурсов белого угля (497,9 млн. лош. сил) [3] говорит о широте лежащих впереди перспектив. А тот фактор, что каждая лош. сила водяной энергии дает возможность „сберегать" 6 тонн угля ежегодно [4] говорит о новых тяжелых ударах, которыми грозят они углю.

Не приходится, конечно, говорить, что значение угля, как источника энергии, продолжает оставаться колоссальным, что доля его во всей массе используемых в наши дни мировых энергетических ресурсов продолжает сохранять свои гигантские подавляющие размеры. В переводе на каменный уголь, мировая продукция каменного и бурого угля составила в 1925 г. 1.235,0 млн. тонн, нефти — 233,7 млн. тонн, использованная водяная сила — 120,7 млн. тонн. [5] Но не менее очевидным представляется и процесс относительного уменьшения доли угля в мировой выработке энергии. В Соед. Штатах, например, распределение произведенной энергии, по источникам ее, разбивалось следующим образом (в %%): [6]

Годы	Уголь	Нефть	Газ	Вод. сила
1911—1915	83	9	4	4
1921—1925	70	19	5,5	5,5
1926	67	21	6	6

В то время как потребление угля в Соед. Штатах к 1926 г. почти сохранило уровень в 1913 г., потребление нефти возросло на 126%, газа — на 62,5%. [7]

Тенденция развития угля — это в основном пока тенденция упадка, и перед этой тенденцией, с полным правом могущей быть замененной более смелым термином — перед этим процессом бледнеют и стираются солидные абсолютные оценки сегодняшнего дня. [8]

[1] „Memorandum sur l'industrie du charbon", Vol. I, p. 11.
[2] „Journal of Commerce", 7/I 1928.
[3] „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt", стр. 51.
[4] „Iron and Coal Trades Review", 16/III 1928, стр. 385.
[5] „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt", стр. 52. При перечислении водяной энергии в каменный уголь составители цифр исходили из той предпосылки, что время использования водяной силы составляет 6.000 часов в год и что один квтч. гидроэлектрической энергии соответствует 1 *кг* каменного угля.
[6] „Memorandum sur l'industrie du charbon", Vol. I., p. 8.
[7] Ibidem, стр. 11.
[8] „Важно не то место, которое мы занимаем, а то направление, в котором мы движемся", — сказал как-то Гоголь. Увы, по отношению к углю эти слова должны звучать довольно таки печально.

Революция угля. Заключительные замечания

Коренной переворот в технике использования угля, несомненно, принес бы разрешение мирового угольного вопроса. Контуры этого грядущего переворота в использовании угля смутно вырисовываются на фоне упорно ведущихся, особенно в Германии, работ по ожижению угля. Начатые в большинстве своем еще до войны лабораторные исследования в этой области Бергиуса, Фишера, Фишера-Тропша — в Германии, Мак Ивена — в Англии, П. К. Кристи — в Америке и т. д. являются уже, повидимому, пройденной стадией этого процесса. Выработка жидкого топлива из угля начинает постепенно выходить на широкую дорогу массового производства.[1]

Сооружение концерном „Interessen-Gemeinschaft Farben-Industrie“ на заводах Лейна, осенью 1926 г., крупной установки по ожижению угля было сигналом, возвестившим этот переход от опытов к их практическому применению. Знаменательно в этом отношении выступление руководителя „I.-G.“, Боша, 24 мая 1928 г. на собрании акционеров концерна. Он заявил, что выпуск синтетического бензина достигнет к концу 1928 г. 100 тыс. тонн, а в 1929 г. составит уже 200 тыс. тонн.

Но здесь снова выступают на сцену могущественные соперники угля. Крупнейшие капиталистические группировки, заинтересованные в процветании нефтяной и электрической отрасли промышленности, еще в большей степени заинтересованы в том, чтобы конкурентоспособность угля, как источника энергии, была максимально парализована. Эти группировки ведут глухую ожесточенную борьбу за господство над работами по ожижению угля. Угольный капитал относительно слаб, плохо организован, и факты говоряг об успешности этой борьбы.

Достаточно констатировать, что дело ожижения угля протекает вне всякого контроля со стороны угольного капитала: в Германии оно сконцентрировано в руках упомянутого концерна „I.-G.“, который все в большей степени вынужден мириться с „сотрудничеством“ американского „Standart Oil“(!), а также в руках „Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft“.

* * *

Как бы то ни было, все более широкое использование недавнего сравнительно происхождения видов энергии, новые методы этого использования, вовлечение в орбиту промышленного производства новых энергетических ресурсов, — все эти процессы, влекущие за собой под час коренную реконструкцию ряда промышленных отраслей (на способах передвижения это проявляется особенно выпукло) или намечающие такую реконструкцию,— служат мощным побудителем к переходу и самого угля на новые пути обслуживания промышленности.[2] Здесь, прежде всего, речь идет о тенденциях превращения угля в жидкое топливо и—уже меньшего принципиального значения — о тенденциях сжигания его в виде пыли В этом переходе — ликвидация вопроса об „умирающем угле“. Закат угля представляется уже только закатом угля, как твердого топлива.

Эти первые предпосылки революции угля и победоносное шествие новых энергетических факторов выступают как отдельные, сталкивающиеся между собой стороны какого-то, в то же время, единого процесса. Здесь намечается гигантского, еще смутно пока уясняемого значения тенденция к переходу мировой промышленности на новую, более совершенную энергетическую базу. Ближе — пока лишь на новые формы использования своей энергетической базы. Этот призрак качественного изменения мировой экономики — призрак промышленной революции.[1] Но зарожденная в условиях конечного этапа капитализма последняя не находит уже достаточной базы для своего воплощения. И на этот раз она найдет его, совпав фактически с мировой социальной революцией.

Проблема угля, окутывающаяся клубком крупнейших внутрикапиталистических противоречий, является лишь составной, хотя едва ли не важнейшей частью мировой энергетической проблемы. Вместе с последней ее разрешение лежит впереди, по ту сторону граней капиталистического хозяйства.

[1] В свете этого фактора приобретают новый смысл и новый интерес слова В. Ратенау: „Уголь это не топливо, уголь — это сырье“.

[2] „Переворот в способе производства, совершившийся в одной сфере промышленности, обусловливает такой же переворот в других сферах“. К. Маркс, „Капитал“, т. I, гл. 13, стр. 290 (русск. изд. 1928 г.).

[1] „Сейчас мы находимся на первом этапе новой промышленной революции,— заключает в своем отчете Угольная комиссия Ллойд-Джорджа в 1925 г.,— которая. как и ее предшественница, также происходит в силу применения нового вида энергии — электричества — и новых, более совершенных способов передвижения. Эта вторая промышленная революция неминуемо принесет с собой чистую цивилизацию вместо прежней, запачканной копотью и сажей“. Ллойд-Джордж был бы, конечно, очень разочарован, если бы ему довелось когда-нибудь узнать, что эта новая „цивилизация“ предстанет очищенной не только от копоти и сажи, но также и от всей грязи капиталистических производственных отношений.

П. Цейдлер

Проблема водоснабжения Донбасса

I

До настоящего времени заведомо дефицитными[1] по воде районами в СССР являлись Средняя Азия и Закавказье.

Водообеспечение этих районов, источников сырья — хлопка — для союзной текстильной промышленности, является одной из главнейших забот союзного правительства. Помимо Средней Азии и Закавказья, частично учитывалось наличие дефицитности воды на некоторых участках Крыма. И этими тремя районами ограничивались до настоящего времени все плановые перспективы водообеспечения в массовом масштабе различных районов СССР, дефицитных по воде.[2]

В перспективах широкого развертывания реконструкции сельского хозяйства, с применением при этом методов массовой ирригации, и широкого развития промышленности в Союзе ССР появляются признаки неблагополучного по водоснабжению положения в районах, значительных по площади и огромнейшей важности по значению, занимаемому ими среди других районов Союза ССР.

Этими районами являются: Поволжье, верховья Дона и, наконец, Донбасс, с сопряженными с ним в промышленном отношении Криворожьем и Керчью.

Если взглянуть на карту Европейской части СССР, то сразу бросается в глаза наличие на севере густой сети поверхностных водотоков и скоплений воды: крупных, малых рек, каналов, достаточно многоводных в течение круглого года, и больших и малых озер. К середине карты сеть эта постепенно редеет и, наконец, в южной части, там где расположены упомянутые выше районы, выделяются лишь крупные реки — Днепр, Сев. Донец, Дон, Волга. А между этими крупными водными артериями, редкими тонкими линиями показаны речки местного стока, имеющие в большинстве случаев характер степных рек, т.-е многоводных весной и в периоды ливней, а в межень — совершенно или почти пересыхающих.

Вот это на-глаз заметное скромное водообеспечение поверхностными водами этих районов заставляет задуматься над вопросом: насколько допустимо, с точки зрения водообеспеченности районов, развертывать в них те или иные программы по различным отраслям народного хозяйства, требующим для их обслуживания более или менее значительного количества воды.

Из указанных районов — вопрос о Заволжьи на пути к разрешению, при помощи ирригационных методов устранения засушливости района, с использованием при этом, помимо вод местного стока, волжской воды. Район Верхнего Дона еще не ощущает особо резко водной дефицитности и, наконец, Донбасс уже становится неблагополучным по воде

[1] В отношении существующего размера удовлетворения потребностей в воде.
[2] Если не считать района лесостепи и отдельных районов Сев. Кавказа.

Правда, Донбасс по краям еще имеет мощные водные артерии: Днепр, Сев. Донец и Дон с запасами воды, но будет время, когда и этих запасов может недоставать. Возьмем хотя бы самую мощную из этих рек — Днепр — используемый в ближайшее время для электрификации. Электростанция на Днепре еще не построена, а потребности в электро-

энергии, в перспективах развертывания промышленности по пятилетнему плану все растут и в дальнейшем могут быть случаи засушливых лет, когда в Днепре будет нехватать воды даже для удовлетворения первоочередных потребителей энергии. При этом положении трудно будет говорить о возможности из'ятия воды из Днепра для других народнохозяйственных надобностей. Но подобные перспективы можно будет отнести к отдаленному будущему.

Перейдем к выявлению симптомов дефицитности воды в Донбассе Если произвести грубые прикидки баланса поверхностных вод Донбасса. то получаются следующие интересные данные.

Общая площадь по 11 районам Донбасса (Славянский, Лисичанский, Константиновский, Артемовский, Алмазо-Марьевский, Луганский, Гришинский, Центральный, Криндачевский, Должанский, Сталино-Макеевский), по которым, по поручению Госплана СССР, были произведены Госпланом и Водным комитетом УССР подсчеты примерной потребности в воде, в перспективе ближайшего десятилетия, определяется по 15-километровой карте (издания Госплана СССР) примерно в 35.000 кв. километров.

По материалам Бюро водных исследований ВСНХ УССР, коэфициент стока одной из рек Донбасса — Кальмиуса—определяется для средне-засушливого и самого засушливого года соответственно в 0,07 и 0,04.

Из рассмотрения имеющихся материалов по этому вопросу для всего Донбасса по площади вышеуказанных 11 районов его, коэфициент стока можно принять в 0,08 для средне-засушливого и 0,05 для самого засушливого года. При годовой величине осадков за средний и самый засушливый год в 384 *мм.* (Бюро водных исследованнй ВСНХ УССР) и 250 *мм.* (Энергострой), общий размер секундного стока поверхностных вод всего Донбасса, без учета расхода воды р. С. Донца, определится соответственно 36 *куб. м* и 14 *куб. м.*

Между тем, по грубым наметкам перспектив потребления воды в 1933 г. и к 1938 г. в Донбассе, по данным УССР, с некоторыми поправками на новые мероприятия по химпромышленности и по электрификации, определяются к 1933 г. в 1.280.000 *куб. м* в сутки и к 1938 г. в 1.943.000 *куб. м* в сутки, что соответствует средне-секундным токам воды, соответственно, в 14,8 *куб. м* и 22,5 *куб. м.*

Таким образом, размер стока поверхностных вод, за вычетом просачивающейся в почву и испаряющейся воды, в самые засушливые годы количественно равен примерной потребности в воде Донбасса к концу пятилетия, т.-е. к 1933 г., а к 1938 г. — меньше ожидаемого размера потребности Донбасса в 1,6 раза. В средне же засушливые годы годовой сток превосходит ожидаемое водопотребление — к 1933 г. в 2,4 раза и к 1938 г. в 1,6 раза.

Если же учесть, что использование всего стока, в полном его размере, может быть технически неосуществимо, то, даже при зарегулировании стока всех речек и при устройстве запруд на всех балках, общий размер всех этих водовместилищ, может быть, будет недостаточен для аккумуляции этого стока, поскольку последний слагается не из равномерного секундного тока воды, с равномерным его использованием, а путем кратковременных и очень обильных паводковых и ливневых вод, требующих для собирания стока водовместилищ весьма большой емкости, каковых в действительности может и не найтись в том или ином районе Донбасса.

Помимо сего, аккумуляция стока в значительных масштабах, в иных случаях, возможна лишь в местах, удаленных от предприятий, нуждающихся в больших количествах воды, и поэтому вопрос о перераспределении аккумулированной поверхностной воды как между районами, так и в самих районах, не всегда легко разрешим.

Не надо также забывать, что некоторые предприятия выпускают свои сточные воды в существующие водотоки, загрязняя воду последних до пределов, исключающих возможность использования ее для каких-либо целей. Поэтому, по техническим и экономическим соображениям, придется отказаться от аккумулирования некоторой части стока поверхностных вод.

Следовательно, в приведенный выше примерный баланс воды необходимо ввести поправку в виде уменьшения размеров возможного использования исчисленных выше поверхностных вод, и этот благоприятный для средне-засушливых лет баланс воды вероятно явится дефицитным для некоторых районов Донбасса уже в ближайшее время, даже и в средне-засушливые годы.

Этот вывод становится еще более доказательным, если провести грубое сопоставление возможных размеров зарегулированного стока имеющихся речек и потребностей в воде по наиболее нуждающимся в воде районам Донбасса. Результаты этого сопоставления изложены в ниже помещаемой таблице.

Наименование районов	Возможные размеры аккумулированного крупными водохранилищами стока, по данным Бюро водн. исслед. ВСНХ УССР			Потребный размер безвозвратно-расходуемой воды в куб. метрах			
				К 1933 г.		К 1938 г.	
	В млн. *куб. м.* в год	В *куб. м.* в сутки	В *куб. м.* в секунду	В сутки	В секунду	В сутки	В секунду
Алмазо-Марьевский. . . .	24	65.753	0,76	246.000	2,84	372.000	4,30
Енакиевский.	7	19.120	0,22	167.000 [1]	1,93	208.000 [1]	2,40
Сталино-Макеевский	35	95.890	1,10	407.000	4,71	515.000	5,96

В этой таблице недоучтены запасы поверхностных вод, могущих быть собранными при помощи запруд на балках. Но все-таки разница между размерами потребностей в воде и возможностями водообеспечения из водохранилищ дает слишком большой дефицит, покрыть который запасами воды по балкам, конечно, не удастся, и необходимо будет обратиться к отысканию новых источников для водоснабжения. Таковыми источниками, помимо поверхностных вод в смежных районах, в настоящее время уже являются, во многих районах Донбасса, подземные воды. Однако, в некоторых районах добавляемой подземной воды также нехватает для удовлетворения потребителей.

Предположим, все-таки, что в количественном отношении удалось бы сбалансировать без дефицита водные ресурсы Донбасса и потребности его в воде в перспективе ближайших 10 лет. Можно ли считать при этом вопрос о водообеспечении его разрешенным? Придется ответить отрицательно. Для получения баланса необходимо, чтобы, из общего количества собранной воды, можно было бы получить воду надлежащего качества: для питья, питания котлов, изготовления фабрикатов и т. д., т.-е. воду в качественном отношении разных категорий. Между тем, в Донбассе некоторые водотоки загрязнены из-за неурегулированности отвода сточных вод. Подземные воды, получаемые в некоторых случаях из неглубоких колодцев, бывают сильно минерализированы, а иногда бактериологически неблагонадежны; задача же водообеспечения районов, дефицитных по воде, должна заключаться не только в получении недостающего количества воды в районе, но в то же время воды надлежащего качества.

[1] Цифры потребности всего центрального района.

Подобное задание является совершенно новым в плановой работе СССР.

За границей подобные затруднения уже имели место. Стоит лишь вспомнить вопрос о водоснабжении Рурского района, разрешенный строгим разделением целей использования 4 притоков Рейна, протекающих в Рурском районе: Рур, Эмшер, Липпе, Вуппер, из которых первый используется для питьевых надобностей, а три остальные обращены в отводы сточных вод.

Но проблема водоснабжения Рурского района разрешена уже давно. Проблема же водоснабжения Донбасса, в котором переплетаются интересы самых разнообразных водопотребителей: каменноугольной (топливной) промышленности, электроэнергетики, транспорта, химической промышленности, металлопромышленности и проч., при замедлении в ее разрешении, может стать „узким" местом в развитии бассейна.

В связи с разработкой перспектив развития промышленности Донбасса по пятилетнему плану, автором настоящей статьи была сделана попытка осветить, под указанными углами зрения, то положение в отношении водоснабжения, в котором будет находиться промышленный центр СССР — Донбасс, в перспективах его развития по пятилетнему плану и в дальнейших перспективах, и наметить пути ликвидации дефицитности воды или внесения некоторых коррективов, на основе водохозяйственной базы, в проблему развертывания Донбасса, как промышленного комбината в целом.

II

Для разрешения поставленной задачи, прежде всего, следует установить территорию, в пределах которой необходимо обеспечить водой всех потребителей последней, с учетом при этом перспектив развертывания отдельных отраслей народного хозяйства на этой территории по пятилетнему плану. Границы промышленного Донбасса наиболее точно можно было бы определить указанием станций железнодорожных линий, пересекающих Донбасс в разных направлениях.

В соответствии с этим, северной точкой Донбасса нужно считать станцию Рубежную, северо-западной точкой — ст. Яма и ст. Славянск, западной — ст. Межевая, восточной — ст. Грачи и южной — ст. Шахты, Таганрог и Мариуполь.

В отношении большинства отраслей промышленности Донбасса (каменноугольной, химической, силикатной, соляной и проч.) такая предпосылка правильна. Но одна из крупнейших отраслей промышленности — металлургическая, тесно связанная в одной из своих частей с перспективами развертывания каменноугольной промышленности Донбасса, по пятилетнему плану распространяется за пределы намеченных выше границ Донбасса. Поэтому в части вопроса о водообеспечении металлургической промышленности, опирающейся на каменный уголь Донбасса, придется коснуться районов развития металлургии, выходящих за пределы собственно Донбасса, а именно районов Криворожья и Керчи.

В настоящей же статье приведены соображения по перспективам водообеспечения самого крупного из этих трех районов — Донбасса.

Основная характеристика потребляемой воды. Потребности в воде со стороны разных отраслей промышленности, намечаемых к развертыванию в рассматриваемых районах, достаточно разнообразны и их можно разбить на несколько категорий сообразно характеру водопотребления, его цели и способу удовлетворения указанной потребности.

К первой категории нужно отнести питьевую воду.

Ко второй категории можно отнести воду, расходуемую на питание котлов, отапливаемых углем, дающих пар для водоотлива, рудоподъема и электростанций. К этой категории нужно отнести и воду, служащую для конденсации этого пара.

К третьей категории относится вода, предназначенная для питания паровых котлов, вырабатывающих пар непосредственно для производства и отапливаемых при этом газом, а не углем, а также вода для паровозов.

Все эти три категории „чистой" воды в дальнейшем изложении распределены на две группы. К первой группе отнесена вода первой категории, под наименованием „питьевая вода", и ко второй группе — вода второй и третьей категории, под наименованием „техническая очищенная вода".

Помимо этой чистой воды, для надобностей некоторых отраслей рассматриваемых районов требуется неочищенная вода также различных категорий.

Помимо разделения воды на категории и группы по их целевому назначению, необходимо различать по каждой отрасли народного хозяйства и по каждому предприятию:

1) Безвозвратный расход воды, являющийся действительным мерилом потребления ее соответствующей отраслью народного хозяйства.

2) Оборотную воду на каждом предприятии соответствующей отрасли народного хозяйства. От размера этой воды, во многих случаях, зависит установление размеров технических прудов на предприятиях.

III

Потребители воды и размеры их потребностей в воде. В перспективах развертывания в ближайшее пятилетие промышленности СССР на базе реконструкции народного хозяйства в целом, промышленный комбинат Донбасса является основным стержнем реконструирования. Поэтому весьма важно выяснить степень водообеспеченности развертывания промышленности Донбасса и потребности в воде других отраслей народного хозяйства, в пределах рассматриваемого района. Для разрешения указанной задачи необходимо: знать точное местонахождение проектируемых новых промышленных предприятий, проектируемый размер продукции последних, масштабы намечаемой реконструкции существующих промышленных единиц; учесть перспективы энергоснабжения такого развертывания промышленности, выяснить перспективы развертывания других отраслей народного хозяйства в районе. В соответствии с этими перспективами необходимо выяснить ожидаемый рост населения в районе и учесть распределение этого роста по отдельным частям района. По выявлении указанных данных, необходимо установить нормы потребления питьевой, очищенной и неочищенной технической воды и воды для надобностей сельского хозяйства (орошения садов и огородов), определить потребности в воде по каждой категории ее в различных местах района, выявить имеющиеся в различных местах района ресурсы воды и, сопоставив полученные результаты, определить степень водообеспеченности отдельных предприятий по различным отраслям народного хозяйства и последних по району в целом. Имеющиеся в настоящее время в Госплане СССР материалы не дают возможности достаточно обоснованно проделать эту работу указанным порядком, поскольку и перспективы развертывания отдельных отраслей народного хозяйства являются ориентировочными и учет водных ресурсов, как вод поверхностного стока, так и подземных, еще не закончен.

Следует при этом отметить, что в виду острого положения с водой в районе Донбасса необходимо принять меры к срочному проведению

исследований для выявления всех имеющихся в нем водных ресурсов как наземных, так и подземных.

Материалом для освещения вопроса о потребности в воде в районе Донбасса послужили данные,[1] полученные Госпланом УССР о потребностях в воде от трестов и ведомств, без всякого изменения норм потребления и ожидаемого трестом роста данной отрасли народного хозяйства; являясь предварительными, они требуют, разумеется, дальнейшей проверки, уточнения и мотивировки.

В отношении питьевой воды исчисление потребностей сделано УССР по чрезвычайно разнообразным нормам, в соответствии с заявками ряда учреждений и предприятий, а именно:

Наименование потребителей	Расход воды на 1 человека в сутки в литрах (ведрах)		
	1928 г.	1933 г.	1938 г.
Металлопромышл.	40 (3,2) — 100 (8,1)	40 (3,2) — 100 (8,1)	100 (8,1)
Химпромышл.	16 (1,3) — 50 (4,0)	85 (7,0)	85 (7,0)
Каменноуг. пром.	50 (4,0)	50 (4,0)	85 (7,0)
Силикатная пром.	40 (3,2) — 60 (4,9)	40 (3,2) — 60 (4,9)	40 (3,2) — 60 (4,9)
Соляная промышл.	25 (2,0)	30 (2,5)	30 (2,5)
Сел. хозяйство	—	—	40 (3,2)
Комм. хозяйство	1 (0,08) — 44 (3,5)	30 (2,5) — 50 (4,0)	40 (3,2) — 70 (5,7)
Курорты	50 (4,0)	100 (8,1)	120 (9,7)

Потребности в технической очищенной воде в заявках трестов и учреждений были весьма неопределенны, разнообразны для одних и тех же назначений. Поэтому все цифровые данные по технической очищенной воде, учтенные в настоящей статье, являются весьма приблизительными и подлежащими корректировке, по установлении определенных норм потребления воды, а также качества последней, которое, в большинстве случаев, тресты в своих заявках не указывали.

Особый интерес представляют собой нормы расходования технической неочищенной воды.

В существующей литературе таких норм почти не имеется, поэтому, считаем необходимым привести их по отдельным отраслям. Указанные нормы имеют следующие величины:

1. По металлопромышленности

Югосталь приводит следующие нормы:

Доменный цех чугун передельный	(стар. печи)	33,56 *куб. м*	на 1	тонну	продукции
„ „ „ „	(нов. печи)	17,00 „	„ „ 1	„	„
„ „ „ литейный		35,08 „	„ „ 1	„	„
„ „ „ ферро-марганц.	„ „	53,10 „	„ „ 1	„	„
„ „ „ зеркальный	„ „	28,56 „	„ „ 1	„	„
Мартеновский цех: старые печи		4,39 „	„ „ 1	„	„
„ „ новые „	„	6,00 „	„ „ 1	„	„
Прокатные цеха: листовое железо		3,36 „	„ „ 1	„	„
Стан 330 *мм*		16,11 „	„ „ 1	„	„
Стан 280 *мм*		16,74 „	„ „ 1	„	„
Стан 850 *мм*		24,76 „	„ „ 1	„	„

Краматорский завод дает следующие нормы:

Газовоздуходувка — 50 литр. на 1 HP в час.
Газоочистка — 6 „ „ 1 *куб. м* газа
Коксовый цех — 0,5 *куб. м* воды на 1 тонну угля
Мартеновский цех — 6,7 *куб. м* на 1 тонну готов. изделий
Прокатный цех — 11,7 *куб. м* „ 1 „ „ „

2. По химпромышленности

Коксобензол приводит фактический расход воды по разным заводам в 1928 г., колеблющийся от 0,16 до 0,36 *куб. м* воды на 1 тонну скоксованного угля.

[1] Сводка всех этих данных проделана по поручению Госплана СССР (по Секции водного хозяйства), Комитетом по водному хозяйству УССР, сотрудником последнего инж. В. П. Тихомировым.

3. По силикатной промышленности

Силикаттрест дает следующие нормы: керамические заводы — от 0,20 до 0,50 *куб. м* на 1 тонну продукции, азбоширферные заводы — 18 *куб. м* воды на 1 тонну продукции. Заводы шамотные — кислотоупорных изделий, а также канализационных труб — по 0,50 *куб. м* на 1 тонну продукции.

Стеклотрест приводит такие нормы:

стекольный завод — 20 *куб. м* воды на 1 тонну сырья
зеркальный завод — 80 *куб. м* „ „ 1 „ „
бутылочн. завод — 5 *куб. м* „ „ 1 „ „

4. По соляной промышленности

Сольтрест дает расход воды на 1 тонну продукции:

в 1928 г. от 0,12 *куб. м* до 0,45 *куб. м*
в 1933 г. от 0,063 *куб. м* „ 0,093 *куб. м*
в 1938 г. от 0,067 *куб. м* „ 0,114 *куб. м*

5. По местной промышленности

Сталинский окрплан дает нижеследующие цифры для местной промышленности

на 1 литр пива — 1,25 литр. воды, в том числе 80% чистой
на 100 шт. кирпича — 300 литр. воды
на 1 тонну мыла — 400 литр. воды.

6. По электроэнергии

ВСНХ УССР исчисляет количество безвозвратной потери воды на электростанциях по формуле:

$$0{,}10.\ W.\ K + W\ Kn\ 70 = Q\ м^3$$

где W — годовая выработка энергии в квтч.
K — расход *кг* пара на квтч.
0,10 — коэфициент потери пара в трубопроводах.
n — безвозвратная потеря воды: при градирнях = 5% или при прудах = 3%.
70 — семидесятикратное количество воды, потребное для охлаждения конденсаторов.

IV

Источники водоснабжения в Донбассе. Источниками водоснабжения Донбасса являются: А) проточные воды крупных рек (Сев. Донца и Дона); Б) поверхностные воды местного стока малых бассейнов; В) подземные воды.

А. Проточные воды крупных рек. Вопросу изыскания источников водоснабжения Донбасса уделялось мало внимания. Недостаточная изученность масштаба, а в иных случаях и качества разнообразных поверхностных вод местного стока (малых бассейнов), неоднократно приводила к мысли об использовании для водоснабжении Донбасса вод крупных рек ближайших к Донбассу бассейнов.

В этом отношении представляет интерес помещенная ниже сводная таблица, составленная на основании материалов, имеющихся в УССР, инж. Э. Р. Яницким, характеризующая, в общем качество вод крупных рек, ближайших к Донбассу.

Наименование характеристик	Вода из Сев. Донца	Вода из Дона	Вода из Днепра
Запах	затхлый	слабо затхлый	без запаха
Цвет	желтоватый	слабо желтоватый	бесцветный
Прозрачность	15	18	26
Реакция	щелочная	слабо щелочная	нейтральная
Жесткость (в нем гр.)	19	11	7
Годность для питания котлов	не вполне годна	годна	вполне годна
Годность для питья	не годна	не вполне годна	вполне годна
Жесткость среднемеженных вод	20	12	7

При наличии усовершенствованных способов очистки воды, воды р. Сев. Донца уже в настоящее время намечены к использованию для питьевых и технических надобностей Алмазо-Марьевского района Донбасса, куда прокладывается в настоящее время водопровод из Сев. Донца, берущий воду у хут. Светличного.

Претендентами по использованию воды р. Сев. Донца, помимо забора воды для строящегося водопровода, являются несколько организаций:

1. Водный транспорт НКПС—для надобностей шлюзования р. Сев. Донца, как под'ездного пути к Волго-Донской магистрали, в количестве 3 куб. метров в секунду.

2. Химзаводы Донсода и Красное Знамя — в перспективах своего развертывания, намечающие поглощать 0,14 куб. метров в секунду и сверх сего загрязнять ядовитыми веществами воду в количестве 0,28 куб. метров в секунду.

3. Главэлектро — для районной тепловой станции на р. Сев. Донце. Потребный безвозвратный расход воды для этой станции определяется в 0,4 куб. метров в сек.

4. НКЗ Украины, не установивший еще размера своих потребностей.

5. Водопровод из Донца, строящийся в данное время на расход воды в 0,46 куб. метров в секунду.

В сумме эти потребности равны $3{,}00 + 0{,}14 + 0{,}28 + 0{,}40 + 0{,}46 = 4{,}28$ куб. метров в секунду.

Между тем, по имеющимся в Госплане СССР материалам, расходы воды в Сев. Донце падают временами до весьма незначительных пределов. О значении последних можно судить по нижеследующим материалам.

Площадь бассейна р. Сев. Донца до водомерного поста у хут. Светличного, по данным гидрометрической службы НКЗема УССР, определяется в 52.120 *кв. км*. Энергострой ВСНХ СССР принимает ее равной 51.500 *кв. км*, т.-е. равной площади бассейна до Лисичанска, по данным инж. Спроге.

Если признать правильным более точные исчисления УССР бассейна р. Сев. Донца выше хут. Светличного и ввести поправки на прирост площади стока от Лисичанска до хут. Светличного, находящихся почти в равных климатических условиях, то минимальный расход р. Сев. Донца, бывший 16/VII 1905 г., определяется у хут. Светличного в 3,97 куб. метров в секунду, т.-е. величиной, меньшей выше перечисленных надобностей потребителей воды, даже без учета потребностей НКЗ УССР в воде р. Сев. Донца для орошения.

По теоретическим исчислениям инж. Агальцева, средний минимальный расход воды в р. Сев. Донца у хут. Светличного, определенный им по кривой расхода, равен 5,93 куб. метров в секунду; Энергострой ВСНХ СССР дает наименьший расчетный расход в 4,8 куб. метров в секунду и, наконец, Цуводпуть НКПС высказывается за 4,0 куб. метров в секунду.

Не останавливаясь окончательно на разрешении этого вопроса в настоящей статье, следует признать допустимым за расчетный минимальный меженный расход воды принять 4,8 – 5,0 куб. метров в секунду, при условии частичного регулирования стока р. Сев. Донца, в результате устройства плотин.[1] Правда, зимние расходы воды будут значительно ниже. Коэфициент уменьшения для перехода от летних к зимним расходам нужно

[1] При учете имеющихся в Госплане СССР материалов. Возможно, что эти цифры будут поколеблены последними исследованиями Ленинградского бюро Энергостроя, производящего анализ гидрометрических материалов р. Сев. Донца по первоисточникам.

считать порядка 0,75. При этих условиях минимальный зимний расход определится в $0{,}75 \times (4{,}80 - 5{,}00) = 3{,}60 - 3{,}75$ куб. метров в секунду.

В соответствии с изложенным, для надобностей водоснабжения из р. Сев. Донца можно забрать секундный расход воды в размере 0,98—1,18 *куб. м*, в предположении, что в дни понижения меженных расходов р. Сев. Донца до размеров, соответствующих минимальному расходу при катастрофически засушливом годе, недостаток тока воды в Донце для удовлетворения всех потребителей (без учета потребностей сельского хозяйства) может покрываться пусками воды из бьефа самого верхнего сооружения (около Лисичанска).

Приведенные соображения указывают на необходимость весьма осторожного подхода к разрешению вопроса о согласовании использования вод р. Сев. Донца для различных народнохозяйственных потребностей при составлении проекта водоснабжения всего Донбасса в целом.

В процессе работ по составлению этого проекта необходимо отметить два весьма важных обстоятельства.

1. Необходимость увязки условий забора воды для строящегося уже водопровода из р. Сев. Донец в Алмазо-Марьевский район Донбасса и для термоэлектростанции на р. Сев. Донце, нуждающейся для водооборота в средне-меженном расходе воды в Сев. Донце и имеющей повышать температуру воды в Сев. Донце, выпуском в него отработанной воды в количестве около 15 куб. метров в секунду, с температурой на 9—10° выше температуры воды в Сев. Донце.

2. Необходимость изолирования вод р. Сев. Донца от загрязнения отработанными водами заводов и предприятий, расположенных по р. Сев. Донцу выше места забора воды Алмазо-Марьевского водопровода. Воды другого крупного источника — р. Дона—уже используются в настоящее время для водопровода в Шахтинский округ Донбасса. Поскольку р. Дон более мощна нежели р. Сев. Донец и в качественном отношении превосходит последний, представляется необходимым проработка вопроса о дальнейшем использовании Дона, что должно входить в программу работ ВСНХ СССР при составлении последним проекта водоснабжения Донбасса в целом.

Б. Поверхностные воды местного стока малых бассейнов. В Донбассе имеется значительное количество проточных вод. Но воды эти не сконцентрированы, а разбросаны по большому числу мелких речек. Расходы этих речек имеют большую амплитуду колебаний и в межень в некоторых из них (р. Крынка) расход падает до 0, а в половодье расход воды на некоторых реках доходит до сотен куб. метровв секунду.

Вода этих рек, за редким ислючением (к числу последних относится р. Крынка), имеет повышенную минерализацию углекислыми и серно-кислыми солями. В межень минерализация проточных вод (не загрязненных сточными водами отдельных предприятий) достигает для большинства речек 1200—1500 *мг* плотного остатка на литр воды, при жесткости до 30°—35°.[1]

Для питьевого водоснабжения вода этих малых рек, в их естественном состоянии, в настоящее время, за редким исключением, не используется. Причинами этого являются: 1) повышенная минерализация воды в реках, в особенности в меженнее время и 2) загрязнение во многих случаях рек спуском в них сточных вод. К тому же следует отметить, что расходы рек в межень падают до очень низких пределов и в большинстве случаев возможность их использования связывается с необходимостью регулирования их стока.

[1] По данным гидрогеологических исследований Геолкома в Донецком бассейне.

Для технического водоснабжения воды малых речек используются, но в очень малом масштабе.

Одной из наиболее значительных по величине из числа рек малых бассейнов, удовлетворительной по качеству воды и, наконец, удобной по своему месторасположению (вблизи наиболее дефицитных по воде районов) является р. Крынка, на характеристике последней следует несколько остановиться.

Р. Крынка является правобережным притоком р. Миус, впадающей в Азовское море, принадлежа, таким образом, к бассейну последнего. Свое начало р. Крынка берет в Артемовском округе, недалеко от ст. Дебальцево, Донецкой жел. дор., и до слияния с р. Садки, носит название р. Булавины. Площадь бассейна р. Крынки до с. Зуевки (т.-е., примерно, в 80 *км* от истока), по картографическим измерениям инж. Чеботарева, равна 1.157 *кв. км.*

Из наибольших левобережных ее притоков необходимо отметить р. Ольховую, длиной около 30 *км* и с площадью бассейна около 460 *кв. км.* Наибольшими правобережными притоками являются рр. Корсунь и Садки. Средний продольный уклон бассейна 0,00561 (по данным Энергостроя) при очень узкой и глубокой пойме (не шире 1 километра). По данным двухлетних гидрометрических работ, Энергострой устанавливает следующую характеристику расходов воды р. Крынки, ниже с. Зуевки: наинизший из наблюденных 0,11 *куб. м*, но вероятно доходит до 0; средне-месячный минимальный — 0,175 *куб. м* в сек.; максимальный — 750 *куб. м* в сек.

Суммарные величины стока р. Крынки у Зуевки, за отдельные периоды, в миллионах куб. метров для среднего года 117,37; для минимального—74,53, а для максимального—177,53. Соответственно этим стокам средние секундные расходы в куб. метрах: 3,72; 2,36 и 5,63.

Следует при этом отметить, что полный годовой расход для надобностей электростанции у Зуевки, мощностью в 200 тыс. квт., исчислен Энергостроем в 8,5 млн. куб. метров в год;[1] в настоящее же время, по данным Энергостроя, часть вод Крынки уже расходуется на орошение до 1,5 млн. куб. метров в год и для водоснабжения жел. дор. 1,14 млн. куб. метров

Помимо р. Крынки особо важное значение может иметь р. Лугань с притоками, из которых можно отметить Санжаровку.

По материалам Бюро водных исследований ВСНХ УССР, в районе этой реки у села Калиновского можно устроить водохранилище, характеризуемое следующими данными: площадь водосбора — 770 кв. километров; об'ем водохранилища — 2.900.000 куб. метров; площадь зеркальной поверхности 1.700.000 кв. метров; средняя глубина водохранилища 1,7 метра; отдача водохранилища 1.150.000 куб. метров. Помимо этого, водохранилища можно устроить в верховьях Лугани и на Санжаровке. Возможная емкость их 13.000.000 куб. метров и 2.600.000 куб. метров при глубине первого—3 метра и общем размере отдачи 17.500.000 куб. метров.

Следует отметить, что район Лугани около села Калиновского удобен для устройства водохранилищ не только с точки зрения орографии и гидрологии, но также и геологии, — в нем нет угольных разработок и последние не ожидаются, так как здесь сильно развиты верхние пласты карбона и пермокарбона ($C^{в}_{3}$ и PC_1), в виде плотных песчаников и песчанистых сланцев.

[1] По записке инж. Б. Н. Алексеева „Расчеты пруда для водоснабжения Зуевской электростанции“ — безвозвратный, средний секундный расход воды для станции — 0,45 куб. метр. По другим материалам проекта электростанции, годовой расход воды собственно для станции исчислен в 6,95 млн. куб. метров, т. е. в среднем 0,22 куб. метров в секунду.

Эти обстоятельства приводят к заключению, что район села Калиновского благоприятен в водохозяйственном и геологическом отношении для устройства мощной тепловой электростанции, с использованием углей Голубовского рудоуправления и Лисичанского района.

Из числа других малых рек следует отметить р. Волчью (бассейн р. Самары) с сильно минерализованной водой (свыше 23 нем. градусов), но с большим годовым стоком (по данным Бюро исследования ВСНХ УССР около 63 млн. *куб. м*), могущую быть использованной для Сталинского района.

Магазинированные воды. Промышленные и прочие предприятия Донбасса (Югосталь, Донуголь, жел. дор. и сельское население) в широкой мере используют, в качестве технической воды, воды поверхностного стока, собираемые ими в небольших водохранилищах (ставках) на балках и на притоках речек Донбасса.

Общий размер суточного использования маганизированной воды в районах Алмазо-Марьевском, Центральном и Сталинском равен 65.653 *куб. м*, что соответствует секундному току воды в количестве 0,704 *куб. м*.

Фактически эти цифры преуменьшены, если учесть ставки (пруды) железных дорог и сельского населения.

Исчерпывающих данных о количестве собираемых в настоящее время поверхностной воды для всего Донбасса не имеется. Примерные исчисления Бюро исследований ВСНХ УССР о количестве воды, могущей быть собранной крупными водохранилищами на реках малых бассейнов Донбасса, проделанные с учетом всех материалов, имеющихся в распоряжении Бюро, приводят к следующим результатам (см. табл. на стр. 193).

Следует отметить, что качество магазинированных вод обычно выше вод проточных (малых рек). Но с течением времени качество вод в ставках обычно ухудшается из-за концентрации в них минеральных примесей, увеличивающихся при испарении воды.

В. Подземные воды. Подземные воды используются для питьевого и технического водоснабжения.

Получаются эти воды различными способами: при помощи артезианских скважин, при изливании воды через криницы и помощью открытых колодцев.

В бактериологическом отношении первые две категории подземных вод вполне надежны. Вода, получаемая через колодцы, бывает иногда загрязнена. С химической стороны положение с подземными водами первых двух категорий обычно вполне благоприятно: жесткость их не выше 20—22°; положение с колодезными водами во многих случаях не вполне удовлетворительно. Жесткость их доходит до 45° при 1.200—1.500 *мг* плотного остатка на литр воды.

Обследование подземных вод в Донбассе еще не закончено, и даже произведенные до настоящего времени с'емки и разведки на воду по разным районам Донбасса еще не все обработаны. Поэтому не представляется возможным подвести итог всем подземным водам Донбасса. В распоряжении Госплана имеются лишь неполные данные о подземных водах районов, ближайших к трассе водовода, проектировавшегося Донуглем.

Эти неполные данные характеризуются нижеследующей таблицей (в куб. метрах в сутки, см. табл. на 194 стр.)

Районы и реки / Технические элементы	Енакиевский		Макеевский р. Крынка			Сталинский р. Волчья		Алмазо-Марьевский				
											Верховья	
	р. Булавин у Енакиево	Балка Должик	У Зуевки	I вариант	II вариант	У села Кураховки	Выше	р. Луганка у с. Калиновского	Верховье-Луганки	Санжаровка	Лозовой	Белой
Площадь водосбора в кв. км.	309	—	1.157 — 309 = 848	400 + 448 = 848	848	741	—	770	550	110	150	300
Об'ем водохранилища в млн. куб. метр.	2,4	5,0	21,0	8,5 5,3	5,0 5,0	5,6	12,0	2,9	13,0	2,6	3,6	7,2
Площадь водохранилища в млн. кв. метр.	—	—	4,82	2,25 1,78	1,65 1,25	2,65	—	1,7	—	—	—	—
Средняя глубина водохранилища в метрах.	2,5	5,0	5,0	3,8 3,0	3,0 4,0	2,15	—	1,7	3,0		3,0	3,0
Отдача водоема в млн. куб. метр.	1,5	3,0	20,0	5,2 6,0	5,6 6,0	2,8	13,4	1,15	17,5		2,8	5,6
Отдача для сел.-хоз. потребн. в млн. куб. метр.	—	0,5	1,5	2,0		1,5	—	2,0			0,3	0,6
Полная отдача для техн. надобн. в млн. куб. метр.	7,0[1]	—	18,5	20,8		—	14,7	16,65			2,5	5,0
В тыс. куб. метр. в сутки	19,2	—	50,7	57,0		—	40,3	45,6			6,8	13,7
Средн. секунд. ток воды в куб. метр.	0,22	—	0,59	0,66		—	0,46	0,52			0,08	0,15
Стоимость устройства водохранилища в млн. руб.	1,9	—	4,6	7,0		—	4,6	6,2			3,15	—

[1] По материалам Бюро водных исследований ВСНХ УССР. Из других материалов следует, что размер отдачи воды из водохранилищ на р. Булавине определяется 8,89 млн. куб. метр. в год.

Районы	Используемые воды		Неиспользуем. воды			Имеется всего воды		
	Питьев.	Технич.	Удовл. для питья	Неудовлетворит. Бактер.	Неудовлетворит. Бактер. и химическ.	Питьевой	Техническ. Чист.	Техническ. Неочищ.
Алмазо-Марьевский								
а) Марьевский . .	480	550	1.008	1.272	4.200	1.488	3.208	2.814
б) Алмазный . . .	3.638	5.680	960	—	15.912	4.598	10.931	10.661
в) Селезневский .	960	1.992	1.896	—	2.400	2.856	2.784	1.608
Итого. . .	5.078	8.222	3.864	1.272	22.512	8.942	16.923	15.083
Центральный								
а) Горлово-Щербиновский. . .	2.700	8.918	7.022	—	11.208	9.722	12.617	7.509
б) Енакиевский. .	2.194	1.793	6.132	—	4.135	8.326	3.158	2.770
Итого. . .	4.894	10.711	13.154	—	15.343	18.048	15.775	10.279
Сталинский								
а) Петровский . .	1.488	3.000	—	—	2.160	1.488	3.713	1.447
б) Рутченковский.	1.080	6.984	240	—	2.880	1.320	7.934	1.930
в) Сталинский . .	600	9.264	—	—	7.800	600	11.838	5.226
г) Мушкетовский.	2.448	2.880	312	—	5.760	2.760	4.780	3.860
Итого. . .	5.616	22.128	552	—	18.600	6.168	28.265	12.463
Всего . . .	15.588	41.061	17.570	1.272	56.455	33.158	60.963	37.825

В этой таблице, в графах „используемые воды“ учтены и мягкие и жесткие воды. При этом жесткость последних в некоторых случаях доходит до 45 немецких градусов и общее количество таких жестких вод доходит до 25% от общего количества используемых вод. Большая же часть питьевой воды обладает жесткостью 18—25 градусов.

В графе „неиспользуемые удовлетворительные для питья воды“ показаны воды с жесткостью не свыше 23 градусов. В графе неиспользованных вод, неудовлетворительных химически и бактериологически, показаны воды, получаемые, главным образом, из горных выработок и из аллювиальных отложений. По приблизительным подсчетам, около 33% из этих вод могут быть отнесены к категории технической чистой воды, а остальные — к категории технической неочищенной воды.

Изложенные соображения приводят к следующим заключениям Если по важнейшим районам Донбасса сопоставить между собою цифры потребностей районов в воде с размерами учтенных водных ресурсов этих районов, которые, конечно, являются несколько преуменьшенными, то на 1933 г. получатся следующие результаты (в куб. метрах в среднем в сутки):

Характеристика водности по районам	Питьевая	Техническая Чистая	Техническая Неочищенная	Для орошения садов и огородов
I. Алмазо-Марьевский				
а) Потребно	25.115	19.118	187.821	14.000
б) Имеется:				
поверхностной.	2.400	66.100	28.693	—
подземной	8.942	16.923	15.083	—
Всего по п. „б“ . . .	11.342	83.023	43.776	—
в) Дефицит	13.773	—	144.045	14.000
г) Излишек	—	63.905	—	—
II. Центральный				
а) Потребно	14 318	22.469	122.528	8.000
б) Имеется:				
поверхностной.	—	19.200	28.200	—
подземной	18.048	15.775	10.279	—
Всего по п. „б“ . . .	18.048	34.975	38.479	—
в) Дефицит	—	—	84.049	8.000
г) Излишек	3.730	12.506	—	—
III. Сталино-Макеевский				
а) Потребно	34.843	31.853	226.531	114.000
б) Имеется:				
поверхностной	—	97.300	6.360	—
подземной	6.168	28.265	12.463	—
Всего по п. „б“ . . .	6.168	125.565	18.823	—
в) Дефицит	28.675	—	207.708	114.000
г) Излишек	—	93.712	—	—

Следовательно, дефициты по районам I, II, III определятся соответственно в $(13.773 + 144.045 + 14.000) - 63.905 = 107.913$ куб. метров; $(84.049 + 8.000) - (3.730 + 12.506) = 75.813$ куб. метров $(28.675 + 207.708 + 114.000) - 93.712 = 256.671$ куб. метр. в сутки, а суммарно, без потребностей на орошение, каковое вероятно может быть покрыто за счет недоучтенных ставков местного населения, в 304.397 куб. метров в сутки, что соответствует секундному току в 3,53 куб. метра.

Конечно эти сравнения сугубо ориентировочны. Во первых, потому, что потребности в воде возможно несколько преувеличены и требуют серьезного пересмотра, во-вторых, и наличные водные ресурсы из-за недостаточности материалов учтены неполно, почему и получился такой

значительный дефицит воды. Но нужно все-таки не забывать, что развертывание промышленности и энергоснабжения в Донбассе по пятилетнему плану намечено в весьма значительных масштабах по сравнению с настоящим временем, когда недостача ощущается не только в питьевой воде, но в иных случаях и в технической. Поэтому полученный результат показывает наличие весьма напряженного состояния в части водообеспечения различных отраслей промышленности в Донбассе и выдвигает необходимость серьезного и срочного пересмотра потребностей в воде по разным отраслям народного хозяйства в Донбассе и установления реальных перспектив их водообеспечения.

V

Приведенные в предшествующих главах материалы по водообеспечению Донбасса приводят к заключению, что мероприятия по ликвидации дефицитности воды в Донбассе должны сводиться к следующему:

1) к рациональному использованию всех местных источников;

2) к изолированию местных источников от загрязнения сточными водами;

3) к подаче воды из крупных водных артерий.

Для иллюстрации важности планового подхода к рациональному использованию местных источников остановимся несколько на вопросе использования вод бассейна р. Крынки, приобревшей в последнее время известность, как источник водоснабжения проектируемой для Донбасса Зуевской электроцентрали на угле. Возможность использования воды бассейна р. Крынки при зарегулировании ее стока на участке от истоков до хут. Дубового (на 3 *км* ниже Зуевки) характеризуется, по материалам Бюро исследований ВСНХ УССР и Института водного хозяйства УССР, данными, приведенными в таблице (в млн. куб. метров):

Месторасположение водохранилища	I вариант		II вариант		III вариант	
	Водохранилища					
	Емкость	Отдача	Емкость	Отдача	Емкость	Отдача
Три пруда на р. Булавине (приток р. Крынки)	2,40	8,89	2,40	8,89	2,40	8,89
На балке Должик в верховьях р. Булавина .	5,40	3 00	5,40	3,00	5,40	3,00
На р. Булавине.	2,40	1,50	2,40	1,50	2,40	1,50
На р. Крынке выше Зуевки	5,00	5,80	5,00	5,80	5,00	5,80
На р. Ольховой	5,00	5,80	5,00	5,80	5,00	5,80
На р. Крынке у Зуевки.	5,30	6,00	—	—	5,30	6,00
На р. Крынке у хут. Дубового	8,50	5,20	24,41	21,00	10,90	23,10
Итого . . .	—	36,19	—	45,99	—	54,09

Следует отметить, что методы исчисления отдачи воды водохранилищами неизвестны. Возможно, что они были различны, и при устройстве в бассейне р. Крынки 9 водохранилищ нельзя будет достигнуть приведенных в таблице размеров отдачи воды в год. Вопрос требует проработки. Между тем, общий размер годового стока бассейна р. Крынки у хут. Дубового в самый засушливый год, по данным Энергостроя, равен 74,53 млн. куб. метров; по данным Инст. водн. хоз. УССР — сток с I/X 1927 г. по I/X 1928 г. был равен 74,44 млн. куб. метров.

Претендентами на воду р. Крынки являются различные организации и предприятия (см. таблицу).

Потребители	1927/28 г.		1932/33 г.		В 1937/38 г.	
	В год в тыс. $м^3$	В сек. в $м^3$	В год в тыс. $м^3$	В сек. в $м^3$	В год в тыс. $м^3$	В сек. в $м^3$
Енакиевский комбинат .	6.290	0,20	15.500	0,49	15.500	0,49
Зуевская электростанция	—	—	3.460	0,11	6.950	0,22
Макеевский комбинат. .	—	—	13.263	0,42	20.000	0,64
Питьевая вода для Сталино и Дмитриевска.	—	—	2.950	0,09	6.600	0,21
Горловский хим. завод	—	—	2.250	0,07	4.500	0,14
Прочие потребители (орошение и сельское водоснабжение, водоснабжение железнодорожное и рабочих поселков)	1.561	0,05	2.521	0,08	2.521	0,08
Итого . . .	7.851	0,25	39.944	1,26	55.071	1,78

Приведенные в таблице потребности в воде частично прокорректированы и значительно снижены.[1] Но при этом снижении сопоставление данных о потребностях воды, с возможностями использования вод бассейна р. Крынки, указывает на необходимость установления приоритета использования воды этого бассейна, особенно если учесть, что перспективы возможности использования воды, приведенные в предшествующей таблице, при уточнении работы водохранилищ, придется значительно снизить.[2]

Но параллельно с этим надлежит учесть дебет подземных вод, которые будет целесообразно использовать. Указанная задача относится к работе по проектированию водоснабжения Донбасса и должна быть проделана, повидимому, по всем его источникам — поверхностным и подземным.

[1] Потребность в воде для Макеевского комбината исчисляется по пятилетнему плану Югостали в 30.690 тыс. $м^3$, в год для продукции 500 тыс. тонн; по исчислениям Инст. водн. хоз. УССР — 26.424 тыс. $м^3$; по подсчетам инж. В. П. Тихомирова для продукции в 1.050 тыс. тонн.— 20.312 тыс. $м^3$. В таблице принято 20.000 тыс. $м^3$.

[2] При общих подсчетах, размер возможной отдачи воды на участке Крынки от Верховья до Зуевки принимался автором соответствующим среднему секундному току воды в 0,88 куб. метров.

Положим, что в результате этой работы выявится все-таки недостача в воде для различных потребностей. Тогда естественно встанет вопрос о подводе воды из крупных водных артерий: с Донца, Дона и Днепра.

Вопрос о Сев. Донце уже частично освещен был выше. Перспективы его возможного использования определяются, примерно, в масштабе около 1 куб. метра в секунду.

Вода р. Дона частично уже используется для водоснабжения Донбасса в районе г. Шахты.

Минимальный расход воды р. Дона у Калача, по данным проф. Пузыревского, равен 86,9 куб. метров в сек.

Общий размер расхода воды для обслуживания Волго-Донской магистрали определяется 16,9 (питание водораздельного бьефа Волго-Донского канала и первоочередных мелиораций)+3,2 (расходы на шлюзование по р. Дону)+16,5 (потери воды через разборчатые части плотин); всего 36,6 куб. метров в сек. Следовательно, остаток воды в Дону равен 86,9 минус 36,6, кругло 50 куб. метров в сек.

Если учесть перспективы более широкой мелиорации и использование воды для электроэнергии, то масштаб возможного из'ятия воды из р. Дона для надобностей водоснабжения определится величиной порядка 10—15 куб. метров в сек.

Варианты переброски воды из р. Дона могут быть весьма разнообразны. На проработку их должна обратить внимание организация, проектирующая водоснабжение Донбасса.

Небезынтересными представляются и перспективы использования вод р. Днепра для водоснабжения Донбасса, поскольку воды последнего отличаются весьма хорошим качеством. Если производить подачу воды из Днепра, то наиболее целесообразно направлять водовод к Сталинскому району. Днепр находится от этого района (Рутченково) на расстоянии около 225 *км*. Приблизительная разница высот над уровнем моря — Днепра у села Ивковки и ст. Рутченково, Сталинского округа, составит, после сооружения Днепровской магистрали, около 200 метров.

Вопросами подачи воды из р. Днепра в район Донбасса занимался в УССР инж. Э. Р. Яницкий. По его подсчетам, устройство передачи воды из Днепра в такой район, в количестве 2,25 *куб. м* в сек., обусловливается нижеследующими соображениями.

Ориентировочно потребуется сооружение 5 передаточных станций, точное количество которых будет определено при детальном обследовании вопроса и составлении проекта.

Первая станция должна обслуживаться током Днепровской станции, последняя — током Рутченковской электростанции, 3 средние будут получать ток из ближайших источников энергии, в крайнем случае будут установлены собственные дизеля.

Для снабжения всего района потребуется ряд подстанций, из которых две должны быть сооружены по счету стоимости местных водопроводов, Горловско-Дебальцевского и Харцызско-Макеевского.

Главный аквадук должен состоять из деревянных труб, исключительного диаметр в 1,5 метра. Размеры дубовых клепок 150 *мм* × 75 *мм* × 3.000 *мм*. Количество клепок по окружности составляет 32 шт., или на 1 пог. метр — 16 шт.; обручей потребуется 4 шт. на 1 пог. метр, весом около 60 *кг*; блаку (каменноугольной смолы) потребуется на 1 пог. метр — 3 кило.

Стоимость 1 пог. метра трубы, включая стоимость прорытия канавы, сборки, блакировки, засыпки и проч., при условии прорытия канав, развозки клепок, обручей, болтов и проч. материалов, а также засыпки

канав тракторами составит по предположениям инж. Яницкого, ориентировочно 80 руб., или стоимость 1 километра — 80.000 руб., а всего трубопровода составит 18 млн. рублей.

Стоимость Днепровской насосной станции, с оборудованием — электрической подстанции, насосами, зданием, конторой, мастерскими, жилыми домами и проч., — составит 3 млн. руб., 5 передаточных станций по 1,2 млн. — всего 6 млн. руб., 2 донецкие подстанции по 750 тыс. руб.— всего 1,5 млн. руб.

Непредвиденные расходы, которые часто достигают исключительных цифр—10,5 млн. руб.

Таким образом стоимость всего Днепровского водопровода составит ориентировочную величину около 40 млн. руб.

Размер годовой подачи воды в район — 70.336.000 *куб. м*.

Если считать эти исчисления инж. Яницкого преуменьшенными и повысить их на 25%, т.-е. исчислить стоимость устройства в 50 млн. руб. и размер погашений строительного капитала, эксплоатационные расходы и амортизацию определить в 10% от первоначальных затрат, то ориентировочная стоимость 1 *куб. м* воды составит около 7,1 коп.

Допуская на непредвиденные расходы и просчеты 10%, будем иметь стоимость 1 *куб. м* кругло 8,0 коп. или 10 коп. за 100 ведер.

Если устройство подобного рода аквадука окажется невозможным, и придется остановиться на прокладке водопровода, состоящего из стальных труб, диаметром 1.000 *мм*, то стоимость водопровода увеличится.

Ориентировочная стоимость водопровода — 70.000.000 руб.

Стоимость 1 *куб. м* 10 коп. плюс 10% непредвиденных равна 11 коп., или за 100 ведер 14 коп.

Если днепровскую воду подать непосредственно на Дебальцевскую возвышенность и там устроить центральный бассейн, из которого по трубам или, в крайнем случае, цементированным каналом вода поступала бы на заводы, то вопрос снабжения Донбасса мягкой питьевой и технической чистой водой был бы решен наиболее радикальным образом.

Длина главной Днепро-Донецкой водяной магистрали составила бы 260 километров.

Инж. Яницкий ограничивает пункты водоснабжения — на западе Рутченковскими копями и Константиновским заводом, на севере станциями Донецкой ж. д. Сентяновкой и Славяносербской, на востоке ст. ст. Щетово и Гесчинской и на юге ст. ст. Иловайской и Караванной, т.-е. захватывает районы наиболее нуждающиеся в мягкой и питьевой воде.

Если общее количество потребной добавочной воды принять равным 4 *куб. м* в секунду, стоимость главного водопровода составит, по ориентировочным подсчетам инж. Яницкого, около 90.000.000 руб.

В эту стоимость включены все сооружения, начиная от Днепра и кончая центральным бассейном на Дебальцевской возвышенности.

Ориентировочная стоимость ответвлений:

	Общ. длина (*км*)	Стоимость (млн. руб.)
Шепилово-Славяносербское	84	5
Криндачевско-Чистяковское	72	3
Константиновское	48	3
Сталино-Макеевское	60	5
Итого	—	16

Стоимость отдельных мелких водопроводов и ответвлений по предприятиям составит еще около 14 млн. руб.

Таким образом, сооружение центрального водоснабжения предприятий Донецкого бассейна водою Днепра, в количестве 4 *куб. м* в сек., ориентировочно, стоило бы 120 млн. руб. Принимая проценты на капитал, амортизацию и эксплоатацию в размере 10% от строительной суммы, имеем ежегодные расходы в 12 млн. руб. + 10% непредвиденных = 13,2 млн. руб.

Общий размер годовой подачи воды в отмеченные районы составит 126.000.000 *куб. м* воды. Таким образом, себестоимость 1 куб. метра составит 10,5 коп., или 13,1 к. за 100 ведер.

Наконец, помимо разрешения вопроса с водоснабжением, необходимо упорядочить отвод сточных вод в Донбассе, в особенности имея в виду увеличение по перспективному плану расхода потребления воды, а следовательно, и повышения количества сточных вод. Необходимо прекратить массовое загрязнение поверхностных вод. Как на пример, можно указать, что даже в настоящее время спуск коксобензолом сточных вод в речки: восточную Камышеваху и Лозовую ставит в тяжелое положение водоснабжение сельского населения Лозово-Павловского и части Славяносербского района Луганского округа (для населения общим числом 15—18 тыс. человек). Упорядочение вопроса о сточных водах возможно путем составления схемы устройства канализации в Донбассе.

Все приведенные соображения имеют целью подвести в грубых штрихах некоторые итоги известным Госплану СССР материалам по вопросу о водоснабжении Донбасса, в перспективах развертывания в нем промышленности по пятилетнему плану.

С. Н. Новацци

Дефекты организации водного хозяйства [1]

Резко выдвинувшаяся за последние годы сырьевая проблема, особенно болезненная в части текстильного сырья (главным образом, пока хлопка) и хлебного зерна, ставит перед водным хозяйством Союза на ближайшее пятилетие поистине грандиозные задания, особенно по линии орошения в хлопковых районах, поскольку за этот срок сбор советского хлопкового волокна должен удвоиться против сбора 1927/28 г.

Для общей характеристики задач, стоящих перед водным хозяйством в перспективе пятилетия с 1928/29 по 1932/33 гг., достаточно будет привести следующие, правда, пока еще официально не закрепленные предположения.

Прирост ирригационно подготовленных площадей в Средней Азии и в ЗСФСР представляется в следующем виде (в тыс. *га*):

	В 1927/28 г.		В 1928/29 г.		В 1932/33 г.		Прирост за пятилетие	
	Площадь ирригац. подготовл. земель	В том числе хлопковых посевов	Площадь ирригац. подготовл. земель.	В том числе хлопковых посевов	Площадь ирригац. подготовл. земель	В том числе хлопковых посевов	Ирригац. подготовл. земель	В том числе хлопковых посевов
Ср. Азия с Каз. АССР	3.383	783	3.552	881	4.431	1.322	1.049	538
ЗСФСР . . .	783	140	842	157	1.173	247	390	107
Итого. . .	4.166	923	4.394	1.038	5.604	1.569	1.439	645

К этому приросту площадей надо прибавить еще некоторый прирост от орошения в Заволжьи (порядка 20—30 тыс. *га*).

Для выполнения указанной технически и организационно крайне сложной задачи по той же предварительной пятилетней наметке (основной вариант) потребуются следующие средства на капитальные и некапитальные затраты (в млн. руб. см. табл. на след. странице).

Таковы предстоящие за пятилетие затраты по водному хозяйству, только по линии ирригации, без учета расходов на осушение, обводнение и др. группы водохозяйственных работ в пределах Союза, на которые в общем потребуется, по нашему мнению, примерно еще около 1,3—1,5 мрд. руб.

[1] В порядке обсуждения. Ред.

	По единому госбюджету	Водного сбора на расходы эксплоатации	Средств населения	Всего
Ср. Азия с Каз. АССР. . .	278	68	30	376
ЗСФСР	107	18	6	131
Орошения Заволжья	18	—	—	18
Изыскания для орошения Нижн. Днепра.	6	—	—	6
Итого . . .	409	86	36	531

Уже по одному размеру приведенных цифр можно представить себе всю серьезность задач водного хозяйства в ближайшее время и необходимость подойти к их разрешению во всеоружии организационной подготовленности.

Между тем, надо признаться, что едва ли какая-либо другая отрасль народного хозяйства Союза организована менее удачно, чем водное хозяйство. И хотя причины этого неустройства достаточно ясны, тем не менее они и до сих пор остаются неустраненными, несмотря на то, что задачи, поставленные перед водным хозяйством на ближайшее пятилетие, чрезвычайно велики и ответственны, особенно в наших хлопководческих районах.

Схема местных органов водного хозяйства Средней Азии и ЗСФСР и схема их подчинения высшим республиканским и союзным учреждениям, начиная с момента их возникновения и до последнего времени, претерпевает непрерывные изменения, что достаточно убедительно свидетельствует о несовершенстве изменяемых и о жизненной необходимости искания новых форм организации руководящего и производственного аппаратов.

В порядке исторического наслоения всех этих организационных трансформаций, к начальному периоду относится „пленение“ органов водного хозяйства наркомземами. Эта, правда, кратковременная и печальная эпоха явилась результатом необдуманного копирования „старинки“ дореволюционного периода, когда вопреки здравому смыслу водное хозяйство было расчленено между всеми ведомствами и львиная доля его находилась под однобоким регулированием ведомства земледелия. Однако, уже в 1924 г. сначала в Средней Азии, а затем в Закавказьи органы водного хозяйства убедились в том, что, находясь в забвении у НКЗемов, они не смогут получить той организации, которая отвечала бы предстоящей им громадной работе, по масштабу и стоимости едва ли не превосходившей бюджеты самих наркомземов.

И вот с 1924 г. началась новая эпоха, эпоха независимости органов водного хозяйства в каждой республике, переход на, якобы, наркоматское положение. Но так как главный упор был сделан именно на „независимость“ вообще от всех и вся, то при этом все важнейшие организационные моменты были упущены из виду и было допущено много больших промахов, которые породили чрезвычайную сложность, множественность и дороговизну аппарата при

отсутствии ведомственного центра в Москве и приспособление водохозяйственных границ к обычным административным границам, в то время как единственно технически рациональным и экономически целесообразным для водохозяйственных территорий является деление их по границам бассейнов и оросительных систем, по водоразделам. При допущении таких коренных промахов вполне понятна как пестрота организационных форм водхозов внутри отдельных республик, так и упорная борьба республиканских водховов с Средазводхозом и Закводхозом, учрежденными Союзом для большей организованности и планомерности работ водного хозяйства.

Эта борьба продолжается и до настоящего времени как в Средней Азии, так и Закавказьи, несмотря на то, что Закводхоз не является органом правительства Союза и подчинен непосредственно СНК ЗСФСР. Самая возможность такой борьбы между главводхозами и водхозами республик вполне понятна, поскольку основные дефекты организации водного хозяйства остаются неустраненными.

На этих дефектах и на мерах, необходимых для их устранения, предстоящему с'езду работников водного хозяйства, организуемому Госпланом СССР, и предстоит сосредоточить свое внимание, как на важнейшем и притом наиболее больном вопросе этой отрасли народного хозяйства.

Все происходившие за четыре последних года изменения в структуре и правах органов водного хозяйства обсуждались с нашим участием как на местах во время ревизионных поездок, так и в центральных учреждениях. Это дало нам возможность установить определенную точку зрения на дефекты организации водного хозяйства и наметить те формы, при применении которых последнее должно дать наибольший производственный и финансовый эффект.

Остановимся на отдельных дефектах и на установлении тех организационных форм, которые одни только в состоянии дать радикальное разрешение данного вопроса.

Еще в 1925 году в журнале „Плановое Хозяйство“ мы подчеркивали в своей статье, что местные органы водного хозяйства неизбежно должны быть построены на основе деления территории по границам бассейнов, а внутри последних по водоразделам между отдельными оросительными системами, и что нынешнее деление территории по административным границам является неправильным, осложняет управление и значительно его удорожает. Это главнейший, основной дефект, ибо все остальные являются логическим его следствием и развитием в различных организационных плоскостях. Надо понять, что всякая попытка построить организацию водного хозяйства не на этом принципе— Сизифов труд. Опыт применения водного сбора в орошаемых районах в течение 1927/28 г. уже привел республики к убеждению, что организация эксплоатации должна быть построена по побассейному или более узко — по посистемному принципу.[1] При таком принципе неизбежно должна усилиться роль самодеятельности об'единений водопользователей, а в связи с этим внимание водных округов может быть перенесено на регулирование мелкого строительства, ограничиваясь по линии эксплоатации исключительно надзором и общим руководством.

---

[1] К необходимости придерживаться этого принципа приходит и НК РКИ СССР в результате последних обследований за 1928/29 г.

Мы склонны думать, что при районировании водохозяйственных территорий по побассейному или по посистемному принципу производственная роль об'единений водопользователей будет распространяться не только на эксплоатацию, но не в меньшей степени и на мелкое и даже среднее строительство.

Следующим основным дефектом, в организации водного хозяйства, логически вытекающем из первого, является множественность самостоятельных, друг с другом несвязанных управлений водного хозяйства. На территории Средней Азии таких управлений пять и кроме них еще имеется Управление водным хозяйством Казакской АССР; на территории ЗСФСР таких управлений четыре. Итого в одних только хлопковых районах имеется 10 управлений, содержание которых обходится более 3 млн. руб. в год.

С точки зрения экономии государственных средств, концентрации и более планомерного финансирования, более облегченного и упрощенного планирования водного хозяйства, единообразия методики научных исследований, более правильного и дешевого распределения водных ресурсов и упрощенного разрешения водных споров, более планомерного использования всякого инвентаря и особенно механического оборудования, наконец, с точки зрения более удобного маневрирования остро недостаточным квалифицированным техническиим персоналом,—со всех этих точек зрения, несомненно, единственно целесообразным является оставление одного управления на всю Среднюю Азию, одного в КАССР и одного на все Закавказье. Это, конечно, значительно больше соответствовало бы отмеченному выше побассейному принципу районирования водного хозяйства, чем одновременное существование 10 самостоятельных управлений.

Такая структура местных органов по существу являлась бы структурой об'единенного наркомата, опыт которого (НКПС) отнюдь не показал, что при таком построении интересы республик недоучитываются и, наоборот, ясно доказывает более дешевое содержание аппарата, облегченное управление и планирование.

Наша конституция не ставит никаких ограничений в отношении возможности учреждения новых наркоматов в случаях выяснения в них реальной необходимости. Равным образом нет никаких конституционных препятствий к учреждению для водного хозяйства именно наркомата типа НКПС по соглашению с союзными республиками. Что касается последних, то им скорее всего следовало бы принять именно такой тип наркоматской структуры для водного хозяйства, так как никто иной, как правительства союзных республик испытывают всю тяжесть, сложность и неустойчивость водного хозяйства при его нынешней дефективной организации.

Но, быть может, при предлагаемой нами схеме построения органов водного хозяйства бюджеты республик что-либо проиграют, если при этом из них выпадут кредиты на водное хозяйство? Оказывается, однако, что при нынешнем законе о его финансировании кредиты для последнего в бюджетах 1928/29 г. имеют более чем скромный удельный вес (см. табл. на след. стр.).

Цифры говорят, что потеря не велика, особенно, если принять во внимание избавление от бесконечной цепи неприятностей, обеспеченность согласования с плановыми органами республик планов водного хозяйства и переход республик в положение заказчика из положения исполнителя заказов.

Какие же еще соображения могут заставлять республики воздерживаться от поддержки предлагаемой нами схемы? Вопросы самолюбия

Республики	Бюджет республик млн. руб.	В том числе кред. на водн. хоз.	
		абсолютная сумма в тыс. руб.	в %% от бюджета
ЗСФСР	137,5	1.765	1,3
УзбССР	80,1	745	0,9
ТаджАССР.	14,6	1.693	11,6
ТуркССР.	28,3	477	1,7
КазакАССР	64,9 [1]	353	0,5
КиргизАССР. . . .	14,9 [1]	584	3,9

или производственного соревнования? Не думаем, чтобы это было так. Скорее мы склонны, к сожалению, допустить более реальную, но глубоко скрытую причину—сопротивление такому предложению самих аппаратов водного хозяйства; им, конечно, было бы нелегко перейти со своей теперешней независимой работы на стандартную, строго регламентированную и нормированную работу об'единенного наркомата.

Перейдем к рассмотрению других дефектов водного хозяйства. Третьим основным дефектом последнего является отсутствие в нем ведомственного руководства, отсутствие в Москве ведомственного центра, в то время как во всех союзных республиках уже возникли в той или иной форме ведомственные центры (управления водного хозяйства республик). Возникновение этих органов явочным порядком яснее всего показывает, что наркоматская форма является требованием жизни, что необходимо его принять и придать ему организационно рациональные формы, но принять эту форму не в республиканском масштабе, а во всесоюзном, т.-е. учредить всесоюзный орган в Москве с упразднением водхозов в восьми республиках.

Медленное развитие водохозяйственного строительства, отсутствие твердой политики в водном хозяйстве, до смешного усложненное и длительное прохождение операционных и перспективных планов, отсутствие налаженности в подготовке кадров специалистов, чрезмерно замедленное развитие научно-исследовательского дела, деморализующая и разрушающая опека водного хозяйства со стороны целого ряда ведомств и даже отдельных учреждений, постоянная перемена организационных форм и функций органов водного хозяйства, полная оторванность центра от мест, неизбежно влекущая за собой ныне существующую систему управления водным хозяйством,—вот прямые результаты отсутствия в центре всесоюзного органа водного хозяйства. Ни в одной отрасли народного хозяйства нет того хаоса, какой прочно установился в водном хозяйстве. Это все видят и все больно чувствуют необходимость немедленного изжития этого основного организационного дефекта. Что касается формы центрального органа, то и здесь мы являемся сторониками радикального решения вопроса. Учрежде-

[1] По контрольным цифрам НКФ РСФСР.

ние „Центрального управления водного хозяйства Союза ССР“ не даст ему необходимой авторитетности, организационной и финансовой устойчивости. Надо безбоязненно итти на формирование об'единенного наркомата, ибо только при этой форме возможно установить на местах побассейную систему районирования и управления водным хозяйством, оставив на местах только краевые управления, так как необходимость управлений в отдельных республиках отпадает. Всякое другое лечение водного хозяйства будет лечением „деревенской бабки“.

К числу основных дефектов водного хозяйства следует отнести и организацию его строительства и изысканий. На изыскания затрачены громадные средства. Сделано, правда, довольно много, но далеко не все еще приведено в порядок. К тому же несомненно, что вследствие отсутствия централизованного учета произведенных изысканий и вследствие отсутствия твердого плана — часть полученных данных утеряна, часть недостаточно полна для проектирования, часть еще необработана; вероятно, были случаи и перекрытия ранее произведенных изысканий более поздними, что при наличии многих независимых друг от друга управлений и частой смене руководящего персонала вполне возможно. Особенно неблагополучно с проектировкой, производство которой до последнего времени остается на местах частью в изыскательских, частью в строительных организациях, и не имеет высоко авторитетного руководства и надлежащего контроля. Оторванное от технических и научных центров проектирование (главным образом, крупное) затягивается на слишком длительные периоды времени, не имеет возможности использовать новейшие данные техники и потому страдает качественными недостатками и тормозит строительство.

Что касается строительства, то основными дефектами его являются: отсутствие твердых календарных планов строительства, неустойчивость стоимости проектов, отсутствие планов финансирования, дороговизна, чрезмерные накладные расходы и отсутствие в его осуществлении принципов хозяйственного расчета.

Для крупных изысканий и крупного проектирования, повидимому, наиболее правильный выход надо искать в централизации всех крупных изысканий в виде отдельных изыскательских организаций, формируемых ведомственным центром и направляемых для работы на места; что касается крупного проектирования, то наилучшие результаты можно получить при передаче его всесоюзному научно-исследовательскому учреждению, которое необходимо создать теперь же. Такое соединение крупного проектирования с научными исследованиями сообщит последним преимущественно практический уклон, так как самые задания для исследований будут возникать по мере того, как проектирование будет наталкиваться на задачи, еще не разрешенные опытом и практикой, при чем поставивший данный вопрос проектировщик сможет его разрешить, произведя соответствующие научные исследования.

В отношении строительства наилучших результатов можно достичь путем учреждения для каждого края специального акционерного общества, которое одновременно, с одной стороны, имело бы право свободного выбора строительных об'ектов с последующей эксплоатацией построенных им сооружений при взимании нормированной платы, а с другой—вело бы строительство по заданиям органов водного хозяйства и об'единений

водопользователей на правах правительственного подрядчика на средства заказчика.

Такой порядок повлек бы за собой более тщательный отбор строительных об'ектов, установление хозрасчетного строительства, увеличение количества рентабельных об'ектов, более экономное строительство, установил бы большую гибкость строительного аппарата и значительно упростил бы систему финансирования водохозяйственного строительства.

Мелкое же строительство в значительной своей части могло бы выполняться крупными и мелкими об'единениями водопользователей, к которым должна перейти эксплоатация водохозяйственных устройств с оставлением за водными округами функций планирования, общего регулирования и надзора.

Отмечая дефекты организации водного хозяйства, нельзя не отметить исключительно плохой организации мелиоративных товариществ. Последние, унаследовавшие от водного хозяйства все отрицательные черты организации, присоединили к ним хроническую ссудобоязнь, вероятно переданную им от „добровольной“ кооперации. Водхозы республик с особой энергией, достойной лучшего применения, покровительствуют осуществлению мелкого строительства за счет безвозвратных бюджетных средств, вопреки закону, устанавливающему обязательство производить мелкое строительство за счет ссуд, выдаваемых мелиоративным товариществам. Предлоги для уклонений от ссуд крайне ограничены и трафаретны.

Надо отделить водную кооперацию от водхозов. Надо общее руководство водной кооперацией передать Союзу Союзов и создать более крупные об'единения водопользователей, по отдельным системам, которые имели бы частью общественный, частью принудительный характер по удачному образцу американских организаций. Правильная постановка водораспределения и хозяйственной жизни оросительной системы может быть достигнута только в том случае, если каждый водопользователь автоматически подчиняется всем решениям выборных органов, водопользователей всей данной системы, а не тем только, которые его почему-либо устраивают, как это имеет место в водной кооперации.[1]

Еще в июне 1926 г., в своем докладе в ОСВОК (при Главхлопкоме) мы отмечали ненадежность и несоответствие принципа „добровольности“ в кооперативной форме организации водопользователей практическим интересам рационального водного хозяйства и указывали на необходимость перейти к принудительным формам их об'единения. К сожалению, на местах этой необходимости еще не осознали. Тем хуже, ибо она неизбежна при всех обстоятельствах.

Наконец, одним из крупнейших организационных дефектов водного хозяйства является недопустимый порядок прохождения оперативных годовых планов, выродившийся в какую-то организованную волокиту, утратившую последние следы не только планового действия, но хотя бы только простого здравого смысла. По исчислениям и графическому изображению Главсредазводхоза в настоящем году план работ по водному хозяйству Средней Азии прошел только в Москве 67 инстанций и пунктов согласования, прежде чем был утвержден Советом Труда и Обороны, а составление и рассмотрение его длилось 6 месяцев (из них три—в центре).

[1] Вопросу организации водопользователей мы посвящаем специальную статью.

Характерно то, что такой порядок, как зеркало, отражает в себе все дефекты организации водного хозяйства, начиная от множественности инстанций на местах, проходя через несогласованность требований республик в краевых об'единениях и, кончая, благодаря этому, рассмотрением в центре всех мельчайших претензий, чуть ли не на сотни рублей, чего, конечно, не могло бы быть при существовании наркоматской организации.

Уже много раз нами указывалось на необходимость коренного изменения порядка составления и рассмотрения операционных планов водного хозяйства как на местах, так и в центре. Работа в этой области в течение трех последних лет только укрепляет нас в правильности этой точки зрения.

Если бы водхозы республик были упразднены, то общий план по всему краю составлялся бы одним лишь краевым управлением водного хозяйства (в Средней Азии Главсредводхозом, в ЗСФСР — Главзаквод-хозом), с участием представителей госпланов республик, наркомземов и хлопковых организаций. Это на 40% сократило бы количество инстанций прохождения согласования планов.

Другим облегчающим и упрощающим моментом должно явиться установление такого порядка рассмотрения планов водного хозяйства, при котором в центре (в ведомственном центре, в Госплане СССР и СТО) производилось бы рассмотрение не всего плана во всех его деталях, а лишь суждение по его основным моментам: о его экономическом обосновании и эффективности, темпе развития изысканий и строительства и об общих организационных мероприятиях.

Для того чтобы упрощение рассмотрения планов водного хозяйства имело характер дальнейшего общего упорядочения плановой работы и финансирования и соответствовало бы реальным потребностям быстрейшего развертывания ирригационного строительства, прежде всего необходимо установить дефекты, которыми страдает нынешний порядок рассмотрения операционных планов с их громоздкими материалами и те последствия, которые неизбежно возникают при таком порядке рассмотрения планов и их материалов. Основными дефектами прохождения операционных планов водного хозяйства Средней Азии и ЗСФСР являются следующие:

1. Чрезмерная длительность периода рассмотрения планов в московских учреждениях, т. е., главным образом, в Госплане СССР.

В 1925/26 и 1926/27 гг., когда планы эти рассматривались с меньшею детальностью, так как обосновывающие их материалы не обладали еще тою степенью уточнения, которая постепенно усиливалась по настоянию органов центра в последующие годы,— в эти годы рассмотрение планов в Госплане СССР занимало около $1^1/_2$ мес. В 1927/28 и 1928/29 гг. рассмотрение планов занимало каждый год свыше 3 месяцев.

Резкие бросающиеся в глаза ненормальности такого порядка рассмотрения операционных планов водного хозяйства являются прямым следствием неправильной организации самого рассмотрения планов в Москве и излишней громоздкости плановых материалов, которая, в свою очередь, вытекает из необходимости документального подтверждения обоснований для включения в план отдельных расходов и обоснования разногласий главводхозов с водхозами республик и определяется необходимостью давать в Москве бесконечные справочные данные по техническим и экономическим вопросам отдельных схем и проектов.

Однако, следует отметить, что, несмотря на указанную громоздкость этих материалов, сплошь и рядом встречается необходимость запрашивать с мест дополнительные данные или раз'яснения и ожидать ответы с неизбежными отсрочками, что задерживало рассмотрение планов, а в некоторых случаях ответы и раз'яснения с мест совсем не были даны и приходилось принимать недостаточно обоснованные решения.

Равным образом, чрезмерно затягивает план установившаяся практика дополнительных заявок, принимавшихся в этом году с октября месяца непрерывно до окончания работ в высших органах Союза, т.-е. до 20 декабря, при чем некоторые заявки и разногласия определялись суммами в несколько тысяч рублей.

Все это с полной ясностью показывает, что необходимо отказаться от подробного рассмотрения планов в Москве, сохранив за последней рассмотрение лишь основных черт, характеризующих план со стороны его состава по основным группам работ и расходов, со стороны размеров испрашиваемых по этим группам кредитов и эффекта производимых затрат и, наконец, рассмотрение и окончательное разрешение разногласий с республиками правительством СССР.

2. Следующим чрезвычайно крупным дефектом нынешнего порядка рассмотрения операционных планов является ежегодно неизбежно происходящий отрыв от работы на местах главнейших работников водного хозяйства на весь первый квартал (а часть их — на более длительный срок), в то время как именно первый квартал является лучшим сезоном для всех ирригационных работ, особенно тех, которые связаны с подачей воды к началу полной кампании в конце второго квартала. Не требуется большого напряжения мысли, чтобы догадаться, насколько при таком порядке дезорганизуется на местах не только работа первого квартала, но и годового плана.

Такая дезорганизация работы на местах заставляет опять-таки отказаться от существующего порядка подробного потитульного рассмотрения операционных планов водного хозяйства и свести таковое в Москве к суждениям лишь по основным моментам планов, предоставив специальным комиссиям из центра утверждение потитульных планов производить на местах на основании действующих законов и директивных указаний центральных органов правительства Союза ССР.

3. Следствием длительного рассмотрения операционных планов в Москве является также совершенно неизбежная ломка рационального построения годовых операционных планов.

Так как планы утверждаются в конце первого или в начале второго квартала (а иногда и значительно позже), то обычно на местах нет возможности в первом квартале с надлежащей уверенностью приступить к работам, так как совершенно неизвестно, войдет ли данная работа вокончательный план, и если войдет, то в каком об'еме и с каким именно производственным и календарным планом. Практика последних лет показала, что выделение специального плана работ для первого квартала отнюдь не гарантирует нас и места от целого ряда промахов, вероятность чего, между прочим, учитывается органами центра, так как выделение перечня работ на первый квартал всегда сопровождается оговоркой, что этот перечень отнюдь не предрешает состава и размеров ассигнований полного окончательного годового операционного плана. Одна эта оговорка уже показывает на возможность всяких ошибок, а опыт подтвердил, что план первого квартала всегда отличается от окончательного плана, утверждаемого высшими органами Союза; бывает, что расходы, производившиеся в первом квартале, дальнейшего развития в окончательном плане совсем не получают и наоборот (что бывает чаще) — целый ряд расходов, не предусмотренных планом первого квартала, вводится в полный окончательный годо-

вой план. А так как вследствие позднего утверждения плана времени для выполнения последних работ до поливного периода остается мало, то сплошь и рядом получается недовыполнение годового плана по таким работам или, наоборот, производство в первом квартале таких работ (или их частей), которые полным годовым планом не предусмотрены, и их приходится приостанавливать или ликвидировать.

Таковы основные дефекты практиковавшегося до настоящего времени порядка рассмотрения операционных планов водного хозяйства, не говоря о ряде других менее крупных, но также дезорганизующих на местах осуществление ирригационных работ в размере и темпе, соответствующем потребностям Союза ССР.

Все эти дефекты настолько остры и настолько болезненно отзываются на планомерном и хозяйственно рациональном развитии ирригационных работ в Средней Азии и ЗСФСР и на связанной с ними затрате государственных средств, что мы считаем своим долгом обратить особое внимание на необходимость полного изменения порядка рассмотрения и утверждения в Москве операционных планов водного хозяйства с тем, чтобы плановая кампания 1929/30 г. (включая и период контрольных цифр) уже проходила по новому порядку.

НКФин СССР и Госплан СССР неоднократно указывали высшим органам Союза на крайне вредные последствия позднего утверждения операционных планов водного хозяйства. Однако, очевидно, устранение этого важнейшего дефекта возможно опять-таки лишь в том случае, если детальное рассмотрение и утверждение планов будет поставлено на местах, а в Москве будут рассматриваться и утверждаться только основные моменты, отмеченные выше.

Для того чтобы достичь упрощения работы в центре, необходимо установить ежегодный выезд в краевые центры (Ташкент, Тифлис и т. д.) полномочных постоянного состава комиссий из Москвы, утверждаемых СТО, с тем, чтобы эти комиссии, предварительно ознакомившись на местах с ходом работ, принимали бы ближайшее участие в проработке операционных планов на местах и по окончании их составления утверждали бы весь план в целом на месте в пленарном заседании, при участии всех заинтересованных республик и ведомств. Таким образом, план своевременно (до начала нового операционного года) утверждался бы на месте, а основные черты его подлежали бы рассмотрению в ведомственном центре, в Госплане СССР и в Совете Труда и Обороны. При таком способе комиссии, рассматривающие планы по поручению центральных учреждений, имели бы возможность рассматривать их по данным первоисточников, проверять все сомнительные данные, осматривать строительства, т.-е. действовать вполне сознательно. Вследствие этого процесс прохождения планов в Москве значительно упростился бы, а ответственность мест значительно усилилась бы. Далее, такой порядок повлек бы за собой известную экономию средств, расходование которых сопряжено с рассмотрением планов. Наконец, что чрезвычайно важно, была бы устранена необходимость отрывать от работы на местах на 3 месяца всех основных работников водного хозяйства,— необходимость, обычно сопряженная с потерей лучшего строительного сезона,— первого квартала.

Злободневный вопрос плановой организации несколько отвлек нас от основной темы — общей организации водного хозяйства. Возвратимся к ней.

В соответствии с указанными в настоящей статье мерами для устранения сновных организационных дефектов водного хозяйства Средней Азии и ЗСФСР — мыслим себе следующую общую схему.

Учреждение в Москве об'единенного наркомата водного хозяйства. Нужен именно наркомат (типа НКПС,) потому что при всякой другой форме ведомственного центра невозможно будет учредить на местах такую систему органов, которая при установлении своих административных границ и при построении своих планов и производственной работы не была бы стеснена республиканскими и внутриреспубликанскими общеадминистративными границами, а устанавливала бы их по побассейному или посистемному принципу.

Местными органами наркомата должны быть управления водного хозяйства: одно в Средней Азии, одно — в Казакской АССР и одно — в ЗСФСР. Подчиненная каждому из этих управлений территория делится по побассейному принципу на водные округа, а последние на побассейные или посистемные принудительно-кооперативные об'единения всех без исключения каждой системы водопользователей.

При наркомате организуется Всесоюзный научно-исследовательский и проектировочный (с проектированием по крупному строительству) институт с филиалами в местных центрах, работающими в тесном контакте с управлениями водного хозяйства. Крупные изыскания и исследования в виде отдельных временных изыскательских организаций учреждаются при Проектировочном институте и посылаются на места. Изыскания и исследования для среднего и мелкого строительства ведутся водными округами. Кроме того, при наркомате учреждается Совет экспертов, а при управлениях водного хозяйства — технические советы.

Строительство ведется либо советскими ирригационными акционерными обществами (крупное и среднее строительство), либо посредством иностранных акционерных кампаний (крупное строительство) на правах строительного подряда. Мелкое строительство ведется об'единениями водопользователей с выполнением его теми же акц. обществами под надзором и руководством водных округов.

Советские акционерные общества либо добровольно выбирают строительные об'екты и тогда обязуются организовать после постройки хозяйство и эксплоатацию построенной системы (совхозы, семхозы, колхозы) на основе взимания с водопользователей нормированной платы, либо выполняют (без права отказа) в плановом порядке крупное и среднее строительство в качестве правительственного подрядчика за средства заказчиков (наркомата, управлений водного хозяйства, об'единений водопользователей и т. п.) без участия в эксплоатации.

На местные органы водного хозяйства (главные краевые управления водного хозяйства и водные округа) при такой схеме организации должны быть возложены в общих чертах следующие функции.

1. На главные (краевые) управления народного хозяйства:

а) составление перспективных и годовых планов водного хозяйства на подведомственных им территориях и согласование этих планов с заинтересованными республиками и высшими правительственными органами Средней Азии и ЗСФСР по принадлежности, а также учет выполнения планов, кем бы таковое не производилось;

б) непосредственное руководство, надзор и контроль над работой водных округов;

в) составление сводной отчетности по работе водных округов, строительных акционерных обществ и наркоматских изыскательских организаций и самих управлений водного хозяйства с состоящими при них учреждениями;

г) общее руководство (через водные округа), надзор и контроль над эксплоатацией, находящейся в непосредственном ведении округов

и директивное руководство (через те же водные округа), надзор и контроль над эксплоатацией, находящейся в ведении акционерных обществ или об'единений водопользователей;

д) утверждение программ изысканий, технических схем, проектов и смет в пределах сумм, установленных законом;

е) участие в администрировании научно-исследовательских учреждений и местных учебных заведений по подготовке специалистов по водному хозяйству;

ж) выполнение специальных заданий по поручениям наркомата и высших органов Союза.

2. На водные округа:

а) подготовка по данным округов и по заявкам республик и об'единений водопользователей материалов для составления перспективных и годовых планов водного хозяйства в отношении производства изысканий и исследований для среднего и мелкого строительства, планов самого мелкого строительства и эксплоатации, независимо от того, в чьем ведении последняя находится;

б) производство мелкого строительства там, где оно не входит в проекты, выполняемые советскими или иностранными акционерными обществами или об'единениями водопользователей;

в) стационарная статистико-экономическая работа по округу;

г) заведывание эксплоатацией там, где она не находится в ведении государственных хозяйственных организаций или об'единений водопользователей;

д) технический надзор и контроль над выполнением мелкого строительства и над эксплоатацией, находящейся в ведении государственных хозяйственных организаций или об'единений водопользователей;

е) утверждение программ изысканий и исследований, технических схем, проектов и смет в пределах сумм, установленных законом;

ж) составление отчетности округа по его работе и по эксплоатации на всей его территории;

з) выполнение специальных заданий управления водного хозяйства.

Н. Г. Лаленков

К вопросу о плане электроснабжения Донбасса[1][2]

Мои две статьи по вопросу о Лисичанской районной электростанции и электростроительстве в Донбассе вообще[3] вызвали ответ С. А. Кукель-Краевского обширный по об'ему, но весьма завуалированный в части точных цифр и расчетов, не говоря уже о том, что мне сделаны упреки в пользовании старым материалом и т. д. Все это, вместе взятое, заставляет меня для раз'яснения всех „тонких" мест электростроительства Донбасса вновь осветить ряд фактов и положений, кои могут стать полезными широкому кругу читателей.

Первый упрек С. А. Кукель-Краевского по моему адресу — это неуказание мною точного места постройки будущей Лисичанской электроцентрали. Да простит мне С. А. Кукель-Краевский, что я не принадлежу к тем „талантливым экспертам", которые с плеча создали районную электростанцию на задворках завода Донсода, начав вбивать сваи для фундамента столь глубоко, что можно опасаться проникновения их в Американский материк.

Заострив в своих статьях вопрос об обследовании места постройки будущей Лисичанской станции, я, правда, ограничился лишь указаниями, что „от деревни Серебрянка до села Боровского места одинаково удобны для электростанции". Однако, если С. А. Кукель-Краевскому хочется знать мое предварительное мнение по этому вопросу, я могу указать и место, где по всем об'ективным признакам наиболее выгодно и удобно строить Лисичанскую электроцентраль: это излучина реки Сев. Донца возле деревни Серебрянка на 15 километров выше Лисичанска вверх по течению реки, при чем об'ективными признаками в данном случае является: близость мощных пластов хорошего угля к р. Сев. Донцу, нагорное расположение и легкое развитие шахт (удобная подача топлива) и сравнительно дешевая плотина для создания мощного водохранилища на 150—200 тыс. квт. Напрасно С. А. Кукель Каревский говорит о необходимости постройки шлюза — в верхнем плесе Сев. Донец не судоходен и никогда таковым не был, а для экскурсионных и рыбачьих лодок шлюза не потребуется и говорить об удорожании строительства вследствие этого не приходится. Таким образом, постройка плотины для Лисичанской станции будет стоить дешевле тех искусственных водохранилищ с целой серией плотин, для собирания, главным образом, талой и дождевой воды, которые придется создавать, если будет решено строить Зуевскую станцию.

Теперь перейдем к работам по водным изысканиям в Зуевском районе. С последним я достаточно знаком, но мною не упущено, как это сделано С. Кукель-Краевским, очень крупное обстоятельство (хочется

---

[1] В порядке обсуждения. Ред.

[2] По поводу статьи С. А. Кукель-Краевского „План электроснабжения Донбасса и роль Лисичанской станции" в журнале „План. Хоз.", № 10 за 1928 г.

[3] См. „План. Хоз." за 1928 г., №№ 5 и 8.

напомнить аналогичное упущение по Славянскому заводу на Кривом Торце) это — потребность в воде Макеевского и Сталинского комбинатов Югостали, и есть опасение, что и без того скудный дебет реки Крынки целиком уйдет для нужд этих комбинатов, а для Зуевской электростанции останется лишь талая и дождевая вода, так как в данном случае интересами южной металлургии нельзя будет никоим образом пожертвовать в пользу Зуевской районной станции. В этом отношении интересны материалы научно-исследовательского Института водного хозяйства Украины [1] по вопросу о снабжении водой Макеевского комбината Югостали из той же реки Крынки, коей предполагают вручить судьбу Зуевской станции. Материалы эти говорят далеко не в пользу постройки Зуевской станции. „Меженный дебет реки Крынки, — читаем мы,—0,5 куб. метров в секунду, в „засушливый“ 1927 г.“,[2] т.-е. 1.800 куб. метров в час, а Макеевскому заводу потребуется воды на первое пятилетие 1.800 куб. метров в час, а на второе — 3.500 куб. метр. час или, таким образом, если в первое пятилетие завод еще сведет по воде концы с концами, используя весь дебет р. Крынки, то на второе пятилетие потребуется создание плотины у с. Зуевка [3] с трехмесячным запасом воды для завода, что подчеркивается и Институтом водного хозяйства, на авторитет коего ссылается С. А. Кукель-Краевский. Это слишком узкое место электростроительства, и завод, более чем кто-либо, может оказаться зажатым водяным кризисом, так что высказанные мною соображения о необеспеченности будущей Зуевской электростанции водой остаются непоколебленными. Цифра дебета р. Крынки в 0,5 куб. метр. в секунду подтверждает лишь название ее — „creeck'ом“, а плотины и искусственные сооружения в результате могут создать зеркало воды, испаряемость которой будет в несколько раз превышать дебет р. Крынки, и базой водоснабжения будущей Зуевской станции будет талая и дождевая вода искусственных водохранилищ, т.-е. факторы весьма ненадежные, особенно в степной полосе Украины.

В трактовке вопроса о затратах на электростроительство станций я в корне не согласен с С. А. Кукель-Краевским [4]: районную станцию нужно строить не только там, где ceteris paribus затрат меньше, а где имеется наибольшая обеспеченность по воде, ибо как в Штеровке, так и в будущей Зуевке мы в засушливые годы можем очутиться в положении крестьянина, с тоской глядящего на небо и ожидающего дождя, а электрический голод в Донбассе—явление не менее страшное, чем обычный и с этим надо считаться — на Сев. Донце этого положения быть не может. Я оставляю в стороне вопрос о качестве воды: вода Сев. Донца по своей мягкости достаточно известна; какова будет жесткость воды в Зуевских водохранилищах — неизвестно, но можно заранее сказать, базируясь на жесткости воды р. Крынки в 20° немецких, что она будет выше донецкой и не ниже 20° немецких. Этот фактор, жесткость воды, обычно мало учитывается, а Донбасс страдает не только от недостатка воды, но и от ее качества, и С. А. Кукель-Краевскому вероятно не приходилось слышать о жесткости воды в 100° немецких и выше, а с такой водой временами имеет дело, например, Рутченковское рудоуправление, при чем пользование такой водой сокращает службы котлов, ремонты которых тяжелым бременем лежат на эксплоатации, повышая стоимость киловатт-часа и требуя больших резервов поверхности нагрева

[1] Доклад, представленный Институтом водного хозяйства Украины в Югосталь.
[2] По имеющимся сведениям, в 1920 и 1921 гг. р. Крынка совершенно пересыхала.
[3] Но не для Зуевской станции, а исключительно для Макеевского завода.
[4] См „План. Хоз.“, № 10, стр. 208.

котлов, мы уже не говорим о катастрофическом состоянии целых котельных электростанций, как результата пользования жесткой водой (Константиновка, Кадиевка).

Упрек в неустойчивости моих положений [1] в отношении Штеровской станции как-то странен; я ведь очень определенно говорил в своих статьях об имевших место неудачах на Штеровке и подчеркивал лишь необходимость учета этих неудач и ошибок, [2] а в чем не повезло Штеровке, это вероятно известно и С. А. Кукель-Краевскому. Фильтрация воды сквозь плотину, трещины в фундаментах турбин, неумение работать вначале на штыбе и на 2 года запоздалый пуск в эксплоатацию, создавший кризис электроэнергии в Донбассе, — таковы те неудачи и ошибки, которые я имею в виду.

С. А. Кукель-Краевский не нашел в моих статьях определенного отношения к отбросному топливу и внутренним энергетическим ресурсам. [3] Это не совсем так: в обеих моих статьях красной нитью проходит идея использования внутренних энергетических ресурсов предприятий, но не больше — с установкой на подачу всей прочей энергии, сверх возможного получения ее от этих ресурсов, от районных станций. Оспариваю же я лишь место постройки новой районной электростанции.

Сдачу Главэлектро позиций надо усматривать в отклонении от намеченного плана ГОЭЛРО, допущенном им, и постройке целого ряда нерентабельных электростанций (даже без всяких внутренних энергетических ресурсов, как например, Дизельной в Соляном районе, Дружковской — на Торецком заводе и др.) с тем, чтобы через пять лет начать строить Лисичанскую станцию [4], и в расширении существующих электростанций до мощности, далеко превосходящей внутренние энергетические ресурсы. Впрочем обратимся к фактам: 1) Завод Донсода имеет расхотехнологического пара лишь 80 тонн в час, и получение дешевой электроэнергии „с верхних калорий“ выгодно в количестве $70 \times 80 = 5.600$ квт.[5], а станцию Донсода Главэлектро предполагает развить до 60.000 квт. При чем же здесь внутренние ресурсы, участие коих выражается ничтожной цифрой в 9% общей мощности станции? План Главэлектро [6] эту потребность в паре на заводе Донсода определяет в 90 тонн в час и даже это дает всего лишь $70 \times 90 = 6.300$ квт., т.-е. 10,5 всей мощности станции. 2) Краматоровская станция располагает теперь и в ближайшие годы теми ресурсами, кои указаны в моей статье, если этим ресурсам суждено к 1931/32 г. повернуться на 180° против моих данных в части сжигания привозного топлива, то это все же не оправдывает постройки в настоящее время станции мощностью в 25.000 квт. при наличии отбросов (доменного газа) на 5.000 квт.: водный вопрос Краматорской станции очень и очень „узок“, о чем С. А. Кукель-Краевский умалчивает. 3) В отношении Славянской и Константиновской электростанций С. А. Кукель-Краевский говорит кратко и неясно, [7] не вводя даже мощности этих станций в общую сводку мощности станций Донбасса. Следует отметить, что последнее сделано очень правильно, так как эти станции, вероятно вообще не смогут существовать в виде крупных централей, а порядка 3 — 5 тыс. квт. и то при условии, что все три электростанции—Константиновская, Краматорская и Славянская—располагаются на расстоянии

[1] См. „План. Хоз.“, № 10, стр. 210.
[2] См. там же, № 5, стр. 276.
[3] См. там же, № 10, стр. 209.
[4] См. там же, № 10, стр. 212,
[5] См. там же, № 5, стр. 274.
[6] См. план электрификации Донбасса. Изд. Главэлектро, стр. 12, 1928 г.
[7] См. „План. Хоз.“, № 10, стр. 219, 1928 г.

15 — 8 километров друг от друга по течению р. Кривой Торец, считая вниз по течению, и меженный дебет Кривого Торца обеспечивает водой лишь установку в 20 — 25 тыс. квт. (в засушливые годы эта мощность еще более снижается, если не прибегать к искусственным водохранилищам). Таким образом, разрешением Краматорской станции на 25.000 квт. (на Всеукр. энерг. с'езде докладчик ГЭТа выступал с разработанным проектом Краматорской станции на 50.000 квт., так, что это не „слухи", тов. Кукель-Краевский) создалась прямая угроза существующей Константиновской группе электростанций и Славянской, да не только электростанциям, но и заводам — металлургическому Югостали и двум химическим Южхимтреста (Константиновскому и Славянскому).

На заседании представителей трестов в июле сего года в Харькове с участием проф. Деттмара, Южхимтрест прямо заявил о возможности остановки Славянских химических заводов в результате „безводия", так как Константиновская и Краматорская электростанции, лежащие выше Славянска по течению Крив. Торца, испарят всю воду без остатка. И здесь кроется большая опасность, а не „нелепые", с моей стороны, возражения: большей нелепости, чем подавать воду из Сев. Донца для Славянской и Краматорской станций не придумаешь, а ведь эти проекты фигурировали.

Оптимизм С. А. Кукель-Краевского и разрозненное рассмотрение этих станций позволяют ему, мягко выражаясь, за деревьями не видеть леса; рассмотрение же всех трех станций в разрезе дебета Крив. Торца и нужд заводов и местного населения, которые не позволят все же высушить р. Крив. Торец (он же и Сухой Торец — парадоксальное название для реки) заставляют прямо поставить вопрос об исключительном внимании к нуждам этого района.

Суммарно подводя итоги по четырем электростанциям: Донсоде, Краматорской (строящиеся), Константиновской и Славянской (проектируемые),— следует констатировать, что общая мощность их должна достигнуть 115.000 квт., при чем, по данным Главэлектро и пятилеткам трестов, внутренние энергетические ресурсы этих станций к 1931/32 г. составят (в квт.):

Донсода—технологический пар на мощность . . .	6.300
Славянская „ „ „ . . .	6.300
Краматорская (доменный газ) . . .	10.000
Константиновская (доменный газ) . . .	10.000
Итого	32.600

В настоящее время эта мощность значительно ниже и, следовательно, даже к 1931/32 г. лишь 28% общей мощности станций будет базироваться на внутренних энергетических ресурсах, а 72% — на твердом топливе. А так как высоковольтную сеть в сев.-зап. части Донбасса Главэлектро все же наметило строить по схеме, совпадающей с моей, базируясь на Лисичанск (Донсода), — не являлось ли наиболее целесообразным эти 72% мощности, т.-е. 85.000 квт., не имеющих внутренних энергетических ресурсов, работающих на твердом топливе, установить сразу, как Лисичанскую станцию, на местном угле и воде Сев. Донца, тем более, что необходимость ее постройки в будущем признается и С. А. Кукель-Краевским.

В вопросе о Лисичанской станции С. А. Кукель-Краевский, об'ясняя отказ от ее перестройки в 1925 г., совершенно неправильно освещает фактическую сторону, говоря, что решение строить ЭСХАР „лишило Лисичанскую станцию ее главного потребителя — Харькова". — С. А. Кукель-Краевский не может считать главным потребителем Харьков с потребной мощностью 15—20 тыс. квт. в то время когда на-лицо уже в 1925 г. от Лисичанской станции была потребность в энергии (в квт.):

1. Завод Донсода	5.000	7. Краматорская.	10.000
2. „ Пролетарий	2.000	8. Часово-Ярский	1.000
3. „ Красное Знамя . .	2.000	9. Артемовский	2.000
4. Соляной район	2.000	10. Алчевский	5.000
5. Дружковский район . . .	2.000	11. Кадиевский	5.000
6. Костантиновск. „ . . .	10.000	12. Прочие	5.000
		Итого . . .	51.000 [1]

В указанных по позициям 1, 3, 4, 5, 6, 7, 9 и 11 пунктах за период 1925—1929 гг. построены новые и расширены старые электростанции, между тем, если б своевременно построили Лисичанскую станцию, можно было бы избежать затрат по этим небольшим, далеко нерентабельным станциям, и как будто Главэлектро, а не кто другой, ответствен за это искажение строительства. И разве не сдачей позиций и в плановом разрезе и в смысле использования внутренних энергетических ресурсов является строительство станций: Артемовской городской, Бахсольтреста, Дружковской, Константиновской (Химугля) и даже Донсоды (в 80% ее мощности), и по вопросу об этих станциях С. А. Кукель-Краевский на мои замечания не возражает. [2]

По электростанции завода Донсода, которая, по словам С. А. Кукель-Краевского, „должна выполнять задачи Лисичанской станции по плану ГОЭЛРО" [3] и в то же время будет стоить дешевле предполагавшейся Лисичанской районной, позволительно будет добавить к сказанному выше, что она явилась неудачной пародией на районную станцию. Эта станция создалась путем расширения существовавшей электростанции, зажата во дворе завода, вырабатывающего едкие вещества, оборудована музейно, т.-е. случайными машинами, и ограничена в будущем развитием своей мощности, а построена она только благодаря несчастной идее сэкономить крохи и найти оправдание в технологическом паре, который участвует в производстве энергии в размере 9—10% общей ее будущей выработки.

Реабилитация Главэлектро по Штеровской станции носит характер диалектический, а фактически первоначальная мощность этой станции была срезана Главэлектро с 30.000 на 20.000 квт., и уже тогда, когда выявилось крушение всех упований на кустование станций (в районах Алмазно-Марьевском, Юзовском и Центральном) начались водные и топливные изыскания и работы по расширению Штеровки, т.-е. строго продуманного и выдержанного выполнения первоначального плана в этом строительстве совершенно не было. Эта бесплановость сказалась даже в том, что, например, Главэлектро, так рьяно говорящее об использовании вутренних энергетических ресурсов предприятий, в течение трех лет (с 1924 по 1927) тормозило постройку Кадиевской новой электростанции на отбросном топливе (коксовом газе). Но, и разрешив эту постройку, оно все же не увязало ее с пятилеткой Кадиевского металлургического завода, где может быть создана электростанция суммарной мощностью до 60.000 установленных киловатт на чисто отбросном топливе (коксовый и доменный газы).

[1] В настоящее время эти цифры выше.
[2] См. „План. Хоз.", № 5, стр. 271—274, 1928 г.
[3] См. „План. Хоз", № 10, 1928 г. стр. 250.

В вопросе о Сталино-Макеевской станции возражения С. А. Кукель-Краевского [1] основываются отчасти на незнакомстве с энергетическими ресурсами двух комбинатов Сталинского и Макеевского, а отчасти на любви к использованию штыба даже там, где он не требуется. Оба эти комбината совершенно не заинтересованы в энергии Зуевской электростанции и, нормально развиваясь по пятилетней выплавке чугуна и переделу (пятилетка) до 1932 года, кроме покрытия всей своей потребности, еще могут отдавать на сторону некоторое количество энергии. Для иллюстрации сказанного приводятся цифры для двух комбинатов (суммарно):

Показатели	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1930/32 г.	Примечан.
Количество квтч., кое может быть выработано на отбросах топлива .	164.500.000	292.700.000	279.400.000	205.500 000	В расчет принят расход доменного газа в 3,3 м³ на 1 квтч (по данным Journal of Iron and Steel Institute. vol. XVI, 192.
Собствен. потребление комбинат. квтч.	116.500.000	130.000.000	159.000.000	177.000.000	
Остаток энергии в квтч. для отдачи на сторону . . .	48.000.000	162.700.000	120.400.000	28.000.000	

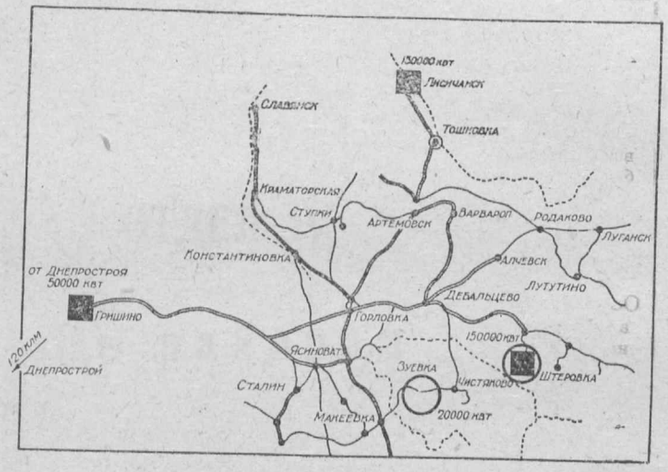
Ресурсы этих двух комбинатов столь значительны и расстояние между ними столь мало (10—12 километров), что разработка вопроса об электростанции не так уже бесцельна, как думает и пишет С. А. Кукель-Краевский; водный же вопрос здесь сталкивается, как уже указывалось выше, с предвосхищенными для Зуевской станции водами р. Крынки.

Упрек С. А. Кукель-Краевского в том, что я пользовался „устарелыми“ данными о нагрузке Зуевской станции [2] целиком направлен не по адресу: я пользовался данными Главэлектро, помещенными в „Плане электрификации Донбасса“ проработки 1928 г., и если эти данные о нагрузках устарели, напрасно Главэлектро рассылает их хозорганам, вводя последних в заблуждение.

Нельзя совершенно согласиться с толкованием С. А. Кукель-Краевского вопроса о „тяготении“ нагрузок Донбасса к Штеровке, следовательно, к будущей Зуевской станции (рассматривая последнюю, как Штеровскую 4 очереди). [3] Возражений на распределение нагрузок в моем разрезе [4] С. А. Кукель-Краевский не приводит, он лишь неправильно передает мое предложение: я предлагаю вместо Зуевской станции построить Лисичанскую районную станцию, при чем привел распределение нагрузок, не оставляющее никаких сомнений в целесообразности и обеспеченности Донбасса при решении вопроса в пользу этой станции. И не прав С. А. Кукель-Краевский, когда он Зуевскую электростанцию рассматривает как вторую районную электростанцию Донбасса, если ее придется строить, и вдобавок на долгие годы отказаться от связи с Днепростроем—

[1] См. „План. Хоз.“ № 10 за 1928 г.
[2] См. „План. Хоз.“, № 10, 1928 г. стр. 214,
[3] См. там же, стр. 213.
[4] См. „План. Хоз. № 8, стр. 297, 1928 г.

электроэнергия для всего Донбасса, вернее ее районной станции, будет сосредоточена в одной точке (расстояние в 25—30 *км* между Зуевской и Штеровской станциями позволяют, как это признает и Кукель-Краевский, считать Зуевку придатком Штеровки), да еще с довольно сомнительным водным хозяйством в виде талых вод и осадков. Перенесение же новой крупной районной станции на север Донбасса, а также связь ее с Днепром даст тот треугольник баз питания Донбасса электроэнергией (см. схему), в надежности коего сомнений быть не может. На схеме двумя большими кружками отмечены электростанции по проекту Главэлектро, а черными квадратами—предлагаемые мной.



В заключение считаю необходимым отметить:

1) Все вышеизложенное по Зуевской станции говорит о необходимости сугубого внимания к водному вопросу этой станции, так как нужды Макеевского металлургического завода, как гиганта южной металлургии, должны быть удовлетворены в первую очередь. Достаточно ли будет остатков воды для Зуевской станции и надежны ли эти остатки (талая и дождевая вода), покажут авторитетные научные обследования.

2) Лисичанская станция не заменена Донсодой и Краматорской станциями, и постройку ее вместо Зуевской станции следует рассматривать, как более обеспечивающую снабжение электроэнергией Северного и части среднего Донбасса, а расширенной до 152 тыс. киловатт мощности Штеровской станции будет достаточно для покрытия нужд южного и части среднего Донбасса. Необходимость постройки Лисичанской станции в будущем, признаваемая и С. А. Кукель-Краевским, [1] не дает права оправдывать современное строительство станций Донсода, Краматорской, Константиновской и Славянской в размерах, превышающих внутренние ресурсы этих заводов, с расходованием крупных средств на это строительство, носящих характер палиативных мер.

3) Необходимо признать, что расположением двух крупных районных электростанций—Штеровской и Зуевской—на расстоянии 25—30 *км* друг от друга, создается фактически одна электростанция с малонадежными источниками водоснабжения, при постройке же Лисичанской электростанции на Сев. Донце и расширении Штеровки создаются две независимых крупных базы энергоснабжения Донбасса с большой обеспеченностью бесперебойной работы.

[1] См. „План. Хоз.“, № 10 за 1928 г., стр. 220.

А. Б. Маймин

Местные финансы и пятилетний план

В разработанном Госпланом пятилетнем плане народнохозяйственного строительства на этот раз проблемы районов получили весьма широкое и достаточно обстоятельное освещение. Тем самым оказался восполненным один из существеннейших пробелов прошлых вариантов пятилетки, на который было указано на XV с'езде партии. Именно это обстоятельство в значительной мере облегчает трактовку в плане проблем местного хозяйства, развитие которого связано с непосредственной хозяйственной и культурной деятельностью местных советов.

В своих предшествующих работах Госплан исходил из той общей предпосылки, что комплексные проблемы местного хозяйства в пределе перекрываются последовательным развертыванием и завершением процесса районирования страны. Следовательно, то, что можно было бы отнести к сфере местного хозяйства, как сумму частных проблем, легко укладывается в проектировку конкретных хозяйственных и культурных заданий, вытекающих из общего плана развития народного хозяйства в целом и каждого данного района в отдельности. Стержневым построением перспектив развития местного хозяйства в грядущем пятилетии продолжают оставаться местные бюджеты, поскольку в них в наиболее отчетливой и обобщающей форме могут быть отражены основные линии хозяйственного и культурного строительства местных советов. Это обязывает составителей плана к всестороннему и тщательному взвешиванию позиции местного хозяйства и местных финансов в общехозяйственном плане.

К сожалению, в практике нашего планирования при оценке об'ема местного строительства приходится сталкиваться, до самого последнего времени, с так называемым «методом балансирования». Некоторые товарищи склонны об'яснить это явление теми далеко нематериального свойства причинами, что в сознании руководящих плановых и регулирующих органов фигурируют обычно «две души»: одна центральная, а другая — местная. Во всяком случае, нам кажется, что попытки отыскания народнохозяйственного баланса путем грубого балансирования за счет ресурсов местного хозяйства заранее обречены на неудачу и на практике могут привести к тому опасному «раздвоению единства плановой воли», о котором настойчиво предупреждал нас тов. Ленин.

В самом деле, только при рассмотрении элементов местного хозяйства, как противоборствующих общехозяйственному целому, можно становиться на такой путь. Но это—не наш путь. Местные бюджеты призваны обслужить определенные участки общего плана и тем самым должны быть целиком подчинены целевым заданиям всей проектировки. Это тем более необходимо, что в действительности мы наблюдаем вполне отчетливо выраженную тенденцию на максимальное укрепление элементов централизованного планирования и регулирования местных бюджетов при одно-

временном расширении децентрализации исполнения. В этих условиях, чем дальше, тем больше местные финансы превращаются в дополнительный рычаг, аккумулирующий инициативу и творчество миллионных масс рабочих и крестьян, концентрирующих их волевые устремления на практическом претворении в жизнь гигантских строительных задач всего народнохозяйственного плана. Как известно, из общего об'ема местных ресурсов — нетто за предстоящее пятилетие по оптимальному варианту в размере 15 мрд. руб., примерно 8 мрд. составляются из отчислений и пособий государственного бюджета; отсюда можно понять всю глубину намечающихся структурных сдвигов во взаимоотношениях централизованного и децентрализованного сектора государственного хозяйства.

Таким образом, судьбы развития местных бюджетов органически увязываются с общими перспективами развития всей бюджетной системы государства. В этом сильная и слабая сторона перспективного плана местных бюджетов. Сильная сторона состоит в том, что план дает возможность продумано взвесить и определить, исходя из общей конструкции пятилетки, линии развития местных финансов, строжайшим образом увязав их с общехозяйственным планом в целом и отдельными его важнейшими отраслями; слабая сторона плана заключается в том, что в предстоящем пятилетии развитие местных бюджетов в основном обусловливается общебюджетным балансом, большое место в котором занимает промысловый налог, построенный с учетом разрыва цены и себестоимости промышленной продукции.

Было бы ошибочно думать, что местные финансы могут быть всецело ограждены от влияния текущей хозяйственной кон'юнктуры. Опыт последних лет показывает, что общие задачи индустриализации и социалистического строительства требуют посильного использования ресурсов всех звеньев финансовой системы, в том числе и местных бюджетов. Однако, при построении длительного перспективного плана, рассчитанного на ряд лет вперед, позиции местного хозяйства должны целиком определяться заданиями и целевыми ставками всей строительной программы плана. В отправном варианте пятилетки этот решающий принцип не был в должной мере соблюден, что неминуемо привело к видимому «разрыву» в темпах развертывания важнейших показателей местного хозяйства и всего нар.-хоз. плана.

В связи с этим недавно состоявшееся второе всесоюзное совещание плановых органов, посвященное обсуждению пятилетнего плана развития местных бюджетов, вынуждено было констатировать, что «темп роста местных бюджетов, запроектированный в отправном варианте пятилетки Госплана (+ 78%), заметно отстает от намеченного роста возрастания важнейших отраслей народного хозяйства и не обеспечивает возможность более или менее удовлетворительного разрешения задач, стоящих в области хозяйственного и культурного строительства местных советов (всеобщее обучение, дорожное строительство, коммунальное благоустройство, подтягивание зарплаты низового советского аппарата и т. д.)».

В печатаемых ниже статьях читатель найдет более или менее подробное изложение как самой методологии, так и основных линий развития местных бюджетов, запроектированных в пятилетнем плане по отправному варианту и получивших в общем и целом полное одобрение всесоюзного совещания по местному хозяйству. Но одновременно, как мы уже отметили, совещание решительным образом указало на явный разрыв в проектировках темпов развития местного хозяйства и всего пятилетнего плана. В абсолютном выражении этот разрыв определяется примерно суммой порядка 1 мрд. руб.

Состоявшийся в марте месяце V всесоюзный с'езд плановых органов, на котором были обсуждены основные проблемы пятилетнего плана, целиком учел это обстоятельство и дал соответствующие указания Госплану Союза. В результате в последующих проработках пятилетнего плана перспективная ориентировка местных бюджетов была выправлена в сторону значительного повышения: для отправного варианта примерно на 550 млн. руб. и оптимального — на 1,5 мрд. руб. за пятилетие, что было достигнуто, главным образом, за счет дальнейшего усиления размера отчислений и пособий местам, а также некоторого дополнительного расширения собственных доходных источников местного значения (по линии местных облигационных займов, усиления доходов от кино и т. д.).

Для того, чтобы определить возможный размах хозяйственного и культурного строительства местных советов и намечаемые качественные сдвиги в структуре местных бюджетов, следует сопоставить расходные ряды (нетто) двух смежных пятилетий:

	Первое пятилетие		Второе пятилетие (1928/29—1932/33)			
	1923/24—1927/28	В %% к итогу	Отправ. вариант	В %% к итогу	Оптим. вариант	В %% к итогу
	(В млн. руб.)					
Управление	1.492	25,0	1.980	15,0	2.070	14,0
Соц.-культурн.	2.487	41,0	6.403	46,0	6.941	46,0
Хоз. производств.	1.194	20.0	4.091	31,0	4.994	33,0
Прочие	917	14,0	1.118	8,0	1.065	7,0
Всего	6.090	100,0	13.592	100,0	15.070	100,0

Если же учесть еще те ресурсы, которые будут использованы на местное строительство по линии коммунального хозяйства в целом, включая сюда и хозрасчетные предприятия общественного пользования, то общий размер местных средств за пятилетие составит от 17 до 18,5 мрд. руб., или, примерно около одной пятой части всех финансовых ресурсов, которыми будет располагать в пятилетии все нар одное хозяйство. По этим вариантам местные бюджеты возрастают за пятилетие по отправному на 93% и оптимальному — на 132%, что в общем приближается к темпам роста важнейших народнохозяйственных показателей. Общий баланс местных средств более, чем удваивается, причем ежегодный темп роста местных бюджетов будет находиться на уровне 17—24%.

Но как в отправном, так и в оптимальном вариантах пятилетки местных бюджетов руководящая роль остается за государственным бюджетом, поскольку размер отчислений и пособий местам достигает от 7 до 8 мрд. рублей. Прямая зависимость местных бюджетов в предстоящем пятилетии от общебюджетного баланса выдвигает на очередь вопрос о бронированном минимуме отчислений и госпособий местам, который должен быть твердо установлен пятилеткой в целях создания более устойчивой материальной базы для планирования местного хозяйства. В тесной связи с этим встает и задача пересмотра положения о местных финансах. Совершенно невозможно проектировать развитие местных бюджетов в условиях «подвижного равновесия» положения о местных финансах. Не говоря уже о том, что с момента издания нового положения самой жизнью внесен целый ряд существенных поправок в законодательство о местных бюджетах, пятилетняя проектировка Госплана исходит фактически из двух вариантов размеров отчислений местам от промналога: 56,5% для отправного и 61% для оптимального.

Последующее обсуждение пятилетки покажет, в какой мере удастся удержаться на указанных позициях. Но уже сейчас совершенно очевидно, что пересмотр положения о местных финансах должен быть теснейшим образом увязан с пересмотром закона о бюджетных правах Союза и союзных республик и целиком определяться теми позициями, которые будут отведены местному хозяйству в пятилетнем плане развития всего народного хозяйства. Всякий иной метод пересмотра закона о местных финансах невольно находился бы в отрыве от тех хозяйственных и культурных задач, которые выдвигаются перед местными советами на ближайшие годы. По этому вопросу всесоюзное совещание по местному хозяйству также заняло вполне ясную позицию: «отправной вариант пятилетки местных бюджетов,— говорится в резолюции совещания,— целиком подтверждает необходимость более широкой разработки основ системы местных финансов в соответствии с новыми задачами, выдвинутыми реконструктивным периодом в области хозяйственного и культурного строительства местных советов и установления твердой финансовой базы для планирования местного хозяйства. В целях создания внутреннего единства во всей бюджетной системе Союза и его отдельных частей (союзный, республиканский и местные бюджеты), пересмотр положения о местных финансах должен быть самым тесным образом увязан с пересмотром закона о бюджетных правах Союза и союзных республик...».

Отсюда ясно, что ближайшим и, пожалуй, решающим этапом в реализации пятилетнего плана развития местных бюджетов должен явиться тщательный и под определенным плановым углом зрения произведенный пересмотр положения о местных финансах, обеспечивающий местам твердую базу для развертывания хоз. и культурного строительства.

Намечаемые масштабы и темпы строительной программы в оптимальном варианте пятилетки настойчиво требуют коренного пересмотра позиции местного хозяйства на важнейших участках общехозяйственного плана. Без решительного подтягивания явно отставшего фронта местного хозяйства, задуманный план развития народного хозяйства в целом рискует сделаться однобоким и не отвечающим идее пропорционального сочетания отдельных его элементов. Возвращаясь к оценке отправного и оптимального варианта пятилетки в выправленном виде, можно констатировать, что намечаемое возрастание об'ема местных ресурсов в два с лишним раза по сравнению с истекшим пятилетием, при столь заметном увеличении доли хозяйственно-производственных и культурных расходов и одновременно снижении доли управленческих и прочих затрат, несомненно, открывает перед местными советами широкий путь подлинного социалистического строительства.

Более, чем удвоенный рост социально-культурных затрат обеспечивает почти полное осуществление в предстоящем пятилетии плана всеобщего начального обучения, на который падает из местного бюджета по всей социально-культурной группе 2,3—2,5 мрд. руб. Значительно будет повышен материальный уровень народного учителя школ начального обучения, ставка зарплаты которого поднимается с 47 до 80—85 руб. к концу пятилетия. Заметный рост намечается также и по линии народного здравоохранения, которое является по общему признанию, пожалуй, наиболее отсталым участком местного хозяйства. Затраты на дело народного здравоохранения примерно удваиваются, причем общий размер средств на эту цель достигает за пятилетие 1,7 — 9 мрд. рублей.

В отправном варианте остается нерешенной, на наш взгляд, проблема подтягивания зарплаты работников низового советского аппарата. По отправному варианту намечается увеличение средней ставки председателя и секретаря низового совета к концу пятилетия до 32 руб., вместо 26 руб. в 1927/28 г. Такой рост зарплаты крайне недостаточен и заметно отстает от нарастания зарплаты по другим однородным категориям работников государственного аппарата. Правда, в оптимальном варианте ставка поднимается до 38 руб. или увеличивается за пятилетие на 50%, однако, совершенно необходимо в дальнейшем выправить этот отсталый участок также и в отправном варианте пятилетки.

Большие и ответственные задачи поставлены перед местным хозяйством в области коммунального, промышленного и дорожного строительства, а также по линии развития сельско-хозяйственных мероприятий.

Расчетные отношения между местным бюджетом и коммунальным хозяйством построены по принципу нейтрального сальдо. Это дает возможность увеличить валовую продукцию коммунальных предприятий, включая сюда и хозрасчетные, примерно в два раза, что в общем находится в соответствии с ростом городского населения и запроектированными темпами в области развертывания промышленности. Общий размер расходов по коммунальному хозяйству, включая сюда жильстроительство, благоустройство и предприятия общественного пользования, достигает за пятилетие 5,9 мрд. руб. Сверх этого в оптимальном варианте учтены 400 млн. руб. иностранных концессий. Тем не менее, несмотря на столь значительные затраты, общее состояние коммунального хозяйства, в особенности в крупных промышленных центрах (Донбасс и др.), продолжает оставаться на всем протяжении пятилетия весьма напряженным.

Другая крупная задача, которая поставлена в пятилетнем плане местного хозяйства, это — максимальное форсирование производства строительных материалов. С этой задачей в истекшем году места не справились, несмотря на твердую директиву, данную правительством. Ближайшие два года являются решающими в деле преодоления дефицита стройматериалов, чтобы более или менее безболезненно обеспечить всю строительную программу пятилетия. Кое-кто пытается использовать наши трудности на этом участке для того, чтобы обосновать невозможность быстрого темпа социалистической индустриализации. Местные советы должны мобилизовать все средства и усилия, чтобы сломать эту преграду. В связи с этим вложения в местную промышленность намечаются за пятилетие в пределах от 900 млн. руб. до 1.000 млн. руб., из которых значительная доля приходится на развитие производства строительных материалов, что продиктовано общим планом развертывания промышленности и намеченными темпами индустриализации страны.

На одну линию с народным учителем должна быть выдвинута на местах задача под'ема материального уровня советского агронома и воспитания пятимиллионного кадра деревенского агрономического актива из крестьян. Задача под'ема урожайности за пятилетие на 30—35% может быть успешно решена в том случае, если в плане будет коренным образом пересмотрено наше отношение к агрономическому персоналу. Решение последней сессии

ЦИК Союза о под'еме урожайности прямо указывает на то, что до сих пор в ряде районов агрономы не имеют даже возможности выезда на места и вынуждены проводить свою работу в канцеляриях, вместо того, чтобы в буквальном смысле слова дневать и начевать на крестьянских полях. Мы имеем в настоящее время в общей сложности армию в 10—12 тыс. агрономов, из которых более половины содержится на местном бюджете. Пятилетний план намечает примерно удвоение агрономических кадров страны. Местные советы должны показать в пятилетнем плане подлинную борьбу за советского агронома, за создание необходимых условий для работы и без того ограниченных кадров творцов социалистического земледелия. Поскольку задача под'ема урожайности непосредственно упирается в необходимость максимального расширения и качественного улучшения агрономической сети и всех мероприятий местного значения, связанных с проблемой реконструкции сельского хозяйства, из местных средств намечается затратить за пятилетие по линии сельскохозяйственных мероприятий от 800 до 1.000 млн. руб.

Не менее важной задачей в плане развития местных бюджетов остается дорожная проблема. Запроектированные в общем плане затраты дорожному строительству превышают 1 млрд. руб., из которых 650—850 млн. руб. падает на местный бюджет. Задача борьбы с бездорожьем может быть успешно решена лишь при условии максимального привлечения к этому делу, наряду с затратами государства, также и средств самого населения. В решении XV с'езда партии прямо указывается, что «особое внимание должно быть уделено развитию местного транспорта как по линии расширения дорожного строительства, так и механизации средств передвижения, в первую очередь в районах развитого товарного хозяйства. Специальное внимание местных органов советской власти должно быть привлечено к разрешению этой проблемы путем привлечения сил и средств, как местного насеелния, так и местных советов, так как недостаточное развитие местного транспорта служит одной из важнейших причин технической и культурной отсталости деревни». Сюда должны быть устремлены все усилия местных бюджетов, на которые возложена одна из крупнейших задач в деле преодоления нашего бездорожья.

В результате общий размер капитальных вложений местного бюджета за предстоящее пятилетие по отдельным отраслям местного хозяйства представляется в следующем виде (в млн. руб.):

	Отпр.	Оптим.
Коммунальное имущество	1.161	1.422
В том числе:		
а) жилфонд	823	891
б) гор. благоустройство . .	338	531
Местная промышленность	900	1.000
Сельское хозяйство	250	300
Дорожное строительство	540	640
Народное образование	700	800
Народное здравоохранение . .	250	300
Кино и радиостроительство . . .	100	150
Проч. строительство	200	250
Всего капитальных вложений . .	4.101	4.862

Таким образом из общей массы местных средств по обоим вариатам около 1/3 намечается затратить на расширение основных капиталов местного их хозяйства.

В оптимальном варианте оказалось возможным запроектировать также образование в местных бюджетах неприкосновенных резервных фондов на случай стихийных бедствий и т. д. в размере 200 млн. руб. за пятилетие, вместо 100 млн. руб. в отправном варианте. Незначительный размер резервов характеризует, несомнено, заметную напряженность перспективного плана местных бюджетов и недостаточную их маневренность.

Таковы в самых общих чертах пути развития местных бюджетов в предстоящем пятилетии и связанные с ними общие и частные проблемы местного строительства. Нет сомнения, что мы находимся в области развития местного хозяйства перед лицом крупнейших сдвигов, которых не знала Россия прошлого с ее «земским» хозяйством. Однако, оглядываясь назад и обозревая действительность сегодняшнего дня, нетрудно заметить, что в области уровня развития местного хозяйства мы далеко еще уступаем передовым капиталистическим странам.

Если в нескольких столичных городах мы имеем еще терпимое положение в области, скажем, коммунального хозяйства, то в десятках городов мелкого и среднего значения местное хозяйство продолжает оставаться на крайне низком уровне. Достаточно привести чрезвычайно любопытную справку о душевом расходе по благоустройству и предприятиям общественного пользования с выделением только двух крупнейших городов нашей страны — Москвы и Ленинграда (в рублях на душу):

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
1. Коммунальное благоустройство			
а) По Москве и Ленинграду	7,80	6,05	6,80
б) По всем проч. городам СССР . .	0,52	1,32	1,46
2. Предприятия общественного пользования			
а) По Москве и Ленинграду . . .	31,00	32,90	38,40
б) По всем проч. городам СССР . .	10,00	10,70	13,60

Если задаться весьма скромной целью (не по нашим масштабам, конечно) довести уровень душевого расхода по коммунальному благоустройству и предприятиям общественного пользования к концу пятилетия в среднем по всем городам СССР до среднего уровня Москвы и Ленинграда, то потребуется сверх запроектированных вложений в коммунальное хозяйство добавочно за пятилетие свыше одного миллиарда рублей новых затрат.

Другой пример — наша проблема бездорожья. По самым скромным подсчетам только для целей правильной амортизации существующей сети безрельсовых дорог, превышающей по протяженности 1 миллион километров, требуется за пятилетие затратить не менее 1 миллиарда рублей. Между тем примерно такую сумму мы в состоянии по нашим ресурсам выделить в пятилетнем плане на все нужды, связанные с преодолением проблемы бездорожья.

Подобных примеров можно было бы привести еще не мало. Оценивая под этим углом зрения перспективы развития местного хозяйства и местных финансов, с точки зрения гигантских и все растущих потребностей страны, невольно приходишь к мысли о крайне относительном благополучии на этом важнейшем участке пятилетки. Но это тем более обязывает нас, засучив рукава со всем революционным упорством стремиться претворить в жизнь намеченные в пятилетнем плане темпы развития местного хозяйства, которые в оптимальном варианте более или менее идут в ногу с общими показателями грандиозного плана социалистической реконструкции народного хозяйства.

А. А. Абуляк

Перспективы развития местных финансов СССР в пятилетие 1928/29—1932/33 гг.[1]

I

Истекшее пятилетие в развитии местных бюджетов СССР характеризуется высокими темпами нарастания об'ема местных доходов и расходов.

Общая масса средств, перераспределенных через местный бюджет за пятилетие 1923/24—1927/28 гг. превысила 6 млрд. руб. (без оборотных сумм по коммунальным предприятиям).

Большую часть своих доходов, свыше 50%, местный бюджет получил в истекшем пятилетии через систему прямого обложения; имущественные и хозяйственные доходы советов не достигли за этот период даже 25% всех поступлений, а коммунальные фонды, в частности, доставили всего 15—16% всей массы местных доходов. Очень незначительно было участие прибылей местной промышленности и торговли в питании местного бюджета — всего 300 млн. руб. или 5% общей суммы доходов, и совершенно ничтожны доходы от всех сельскохозяйственных фондов и предприятий — 150 млн. руб. или 2,5%, наконец, прочие источники дали местному бюджету за пять лет свыше 1.000 млн. руб., в том числе 200 млн. руб. прямых пособий из госбюджета и почти столько же через кредитную систему, преимущественно по линии Цекомбанка.

Таким образом, фактическое строение доходного бюджета местных советов за все прошлые годы свидетельствует о недостаточной хозяйственно материальной базе, которая могла бы без крупных налоговых средств широко финансировать одновременно и текущие общественные нужды и необходимое капитальное строительство. Между тем, сами по себе имущественные фонды и хозяйственные возможности на местах весьма значительны, если судить по размеру национализированных и муниципализированных имуществ, находящихся в распоряжении советов. Видимое несоответствие между размерами основных фондов и их рентабельностью можно об'яснить, отчасти тем, что в условиях восстановительного периода крупные имущественные фонды гораздо больше требовали от местных советов финансовых затрат, чем приносили им доходов. К тому

[1] В разработке статистических материалов настоящей статьи принимали участие научные сотрудники бюджетно-финансовой секции Госплана СССР тт. Е. Л. Цейтлина и В. В. Дынин.

же характер и природа этих фондов — жилищный, земельно-трудовой, школьный, лечебный, благоустройство и т. п.,— весьма ограничивает финансовую их эффективность.

Данные об использовании всей суммы местных средств за истекшее пятилетие показывают, что около 1.500 млн. руб., или почти 25% общей суммы доходов израсходовано на управление, в том числе на содержание судебно-охранительных институтов—427 млн. руб. Столь крупные расходы по управлению сами по себе не свидетельствуют о какой-либо расточительности или высокой обеспеченности местного административного аппарата, так как еще в настоящее время после значительных финансовых усилий и повышения ставок из года в год, массовые низовые работники, как, например, председьсовета, получают в среднем по Союзу 24—25 руб. в месяц, милиционеры — 36—37 руб. и т. д. Но приходится все же констатировать, что об'ем административных функций, местных советов поглощал в прошлом значительные средства и вызывал в известной мере напряженность местного бюджета.

Крупное место в расходном бюджете советов за прошлые годы принадлежит социально-культурному сектору — почти 2.500 млн. руб., или больше 40% итога за 5 лет. В круглых цифрах на народное образование затрачено 1.600 млн. руб., здравоохранение—750 млн. руб. и меры социального обеспечения — 114 млн. руб. Эти средства дали возможность значительно развернуть в последние годы, главным образом, сеть начального обучения—примерно на 31—32% по числу школ и на 41% по количеству учащихся. Однако, достижения здесь очень скромны, особенно с качественной стороны, если принять во внимание сравнительно низкие ставки зарплаты народного учителя — в среднем сейчас около 50 руб. в месяц, а также заметный недостаток школьных зданий. Несколько хуже обстоит с делом народного здравоохранения, которое в прошлые годы относительно слабо финансировалось местным бюджетом; при несомненном улучшении медицинской помощи населению в целом, необходимо констатировать весьма замедленный рост новых лечебных заведений, отстающий даже от роста населения. В самые последние годы наблюдается в отдельных случаях, в частности по РСФСР, даже некоторое ухудшение в сельских местностях показателей обеспеченности населения медицинской помощью — среднее количество населения на один врачебный участок и на одну больницу несколько повысилось, ставки медицинскому персоналу относительно весьма низки и т. д.

Таким образом, можно констатировать, что социально-культурные расходы в истекшем пятилетии оказались явно недостаточными по сравнению с теми задачами, которые стояли перед местным бюджетом.

Хозяйственно-производственные нужды—поглотили около 1.420 млн. руб., или почти 20% всех местных расходов. На коммунальное хозяйство было израсходовано 832 млн. руб. против общей суммы коммунальных доходов за то же время в 1.127 млн. руб., что дает сальдо в пользу бюджета 295 млн. руб. Но внутри коммунальных об'ектов доходными оказались почти исключительно торгово-промышленные помещения, а муниципализированный жилищный фонд, вследствие большой его разрушенности и низких ставок квартирной платы, далеко не покрывал за прошлые годы собственными доходами крупные затраты по восстановлению, ремонту и новому строительству. Таким образом, не меньше 20% доходов от коммунальных имуществ использовано на общебюджетные нужды.

Если учесть еще сальдо в пользу бюджета от коммунальных предприятий и внутренние расчеты коммунального хозяйства, то всего за 5 лет местный бюджет получил чистого дохода от коммунального хозяйства и сметных предприятий не менее 300 млн. руб., что, несомненно, задерживало развитие городского благоустройства. В результате вложенных в коммунальное хозяйство средств хотя имеются значительные достижения, однако далеко недостаточные даже в смысле завершения восстановительного процесса: не достигнута полная амортизация жилищного фонда и капитала благоустройства, часть коммунальных предприятий бездействует до сих пор, санитарно-технические предприятия чрезвычайно неудовлетворительны даже в крупнейших наших центрах, как Москва, Ленинград, Харьков, Ростов, не говоря уже о массе других средних городов. Таким образом, финансирование коммунального хозяйства в истекшем пятилетии необходимо признать весьма недостаточным.

На сельскохозяйственные мероприятия местный бюджет израсходовал в истекшем пятилетии свыше 200 млн. руб. при доходах от с.-х. фондов и предприятий в 150 млн. руб. В этой области сделано сравнительно очень мало, так как состояние агрономической и ветеринарной сети еще и поныне оставляет желать многого.

Еще меньше средств, всего около 160 млн. руб., было выделено местным бюджетом в прошлые годы на финансирование промышленности, причем подавляющая часть этой суммы приходится на последние два года отчетного пятилетия в связи с известной директивой СНК и СТО об увеличении ассигнований на местную промышленность. Если учесть, что доходов от местной промышленности поступило в местный бюджет за те же годы кругло 300 млн. руб., то можно определить сальдо в пользу местного бюджета в размере 140 млн. руб. за все 5 лет.

Таким образом, в период восстановления и расширения своих основных капиталов местная промышленность не только не получала нужных подкреплений из местного бюджета, но еще уступала часть своего накопления на общебюджетные нужды: в этом сказывается не столько фискальное отношение местных советов в прошлом к промышленности, сколько высокое напряжение местного бюджета. Заметный перелом в отношениях между местным бюджетом и промышленностью произошел в 1926 г.; еще более благоприятно для местной промышленности эти отношения намечаются в предстоящем пятилетии. На дороги местного значения — самую отсталую отрасль нашего народного хозяйства — местный бюджет израсходовал за 5 лет всего 160 млн. руб. При огромной протяженности безрельсовых дорог эта сумма, естественно, явно оказалась недостаточной тем более, что местный бюджет является почти единственным значительным источником финансирования безрельсовых дорог.

Подводя итоги основным линиям пятилетнего развития местных финансов, можно констатировать, что несмотря на абсолютную недостаточность и высокую напряженность местных ресурсов, значительные средства в размере 6.000 млн. руб., перераспределенные через систему местных бюджетов между важнейшими отраслями местного хозяйства, во многом содействовали поднятию материального и культурного уровня благосостояния широких трудящихся масс и создали необходимые предпосылки для планового развертывания в следующем пятилетии важнейших отраслей местного хозяйства в соответствии с общими задачами реконструкции народного хозяйства.

II

Во второе пятилетие своего существования местный бюджет вступает при несомненном солидном активе, но также и со значительным пассивом. Отсюда вытекает необходимость в ближайшие годы держать темпы роста местного бюджета на довольно высоком уровне, чтобы содействовать скорейшей ликвидации как тяжелого наследия дореволюционного, так и тех диспропорций и трудностей, которые имели место в недавнем прошлом и не изжиты еще теперь.

Строение доходного и расходного плана местных бюджетов по основным линиям показано в следующей таблице (табл. 1, стр. 234). Темп роста местных бюджетов за пятилетие составляет по округлении 78%, достигая максимального уровня в 1929/30 г. после двух относительно неблагоприятных для местных финансов лет всвязи с большой нагрузкой местных бюджетов новыми расходами и некоторой задержкой отчислений и пособий из госбюджета, а затем устойчиво держится на протяжении трех лет в пределах не ниже 10%. При этом можно заметить, что если на структуре доходов, при некоторых частных различиях, отражается в общем продолжение прежних тенденций (соотношение налоговых и неналоговых доходов), которые могли бы радикально измениться только в связи с полной реконструкцией всей советской финансовой системы, то расходный план уже намечает существенное перераспределение средств между главными группами финансируемых отраслей, применительно к основным социально-экономическим установкам: удельный вес культурных и хозяйственных затрат из года в год возрастает за счет сокращения административных и внеплановых расходов, а по темпу роста хозяйственно-производственные расходы, впротивовес прошлому занимают первое место, показывая за проектируемое пятилетие прирост в 128% при общем росте бюджета в 78%; причем наибольший прирост средств получают сельскохозяйственные мероприятия (191,7%), затем дорожное строительство (173,4%) и местная промышленность (171,8%).

Финансирование социально-культурного сектора возрастает на 98,5% в том числе по народному образованию на 105,8%, т.-е. несколько больше, чем в два раза. Удельный вес социально-культурных расходов в местном бюджете повышается от 44,3% в 1927/28 г. до 47,9% к концу пятилетия, а хозяйственно-производственных расходов с 25,1% до 31,4%.

Небезынтересно теперь сопоставить ряды двух смежных пятилетий.

Таблица 2

Финансирование местного хозяйства

(В млн. руб.)

	1923/24—1927/28 гг.	1928/29—1932/33 гг.	% роста
Социально-культурный сектор . .	2.460	6.153	150,1
Коммунальное хозяйство.	832	1.710	110,0
Местная промышленность	154	911	491,6
Сельское хозяйство	205	800	290,2
Дорожное строительство.	155	670	332,3
Все капитальные вложения . . .	1.050	3.851	266,8

По всем элементам финансирования местного хозяйства в предстоящем пятилетии намечается значительное увеличение ассигнований. Иную тенденцию показывают расходы на управление за два пятилетия — 1.518 млн. руб. и 1.930 млн. руб., что дает минимальный рост в общем плане финансирования. Не менее 25% составляли административные

Контрольные цифры пятилетнего плана по местным бюджетам СССР на 1928/29—1932/33 гг. (Отправной вариант в млн. руб.)

Таблица 1

Приходы

Наименование доходов	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	За 5 лет
А) Налоговые							
1. Местные налоги и сборы	155,0	211	230	250	273	296	1.260
В том числе: сбор с грузов	53,8	82	90	98	108	122	500
2. Надбавки к подоходному налогу и пошлинам	84	100	123	134	143	180	680
Итого (1 + 2)	239	311	353	384	416	476	1.940
3. Отчисления от госналогов	742	816	965	1.086	1.214	1.357	5.438
В том числе:							
а) от промналога	518	568	730	822	910	1 000	4.030
б) от сельхозналога	224	248	235	264	304	357	1.406
Итого (1 + 2 + 3)	981	1.127	1.318	1.470	1.630	1.833	7.378
Б) Неналоговые							
1. Коммунальное хозяйство [1]	256,5	270	290	338	367	390	1.650
2. Промышл. и торговля	108	119	219	239	267	289	1.138
3. Сельск. хозяйство	28	28	29	31	33	36	157
Итого (1 + 2 + 3)	392,5	417	538	603	667	715	2.940
4. Отчисления от госдоходов	112	136	155	167	185	203	846
В том числе лесной доход	98	109	125	135	150	167	686
Итого (1 + 2 + 3 + 4)	504,5	553	693	770	852	918	3.786
В) Прочие							
1. Отчисления от госзаймов	15	48	60	65	70	77	320
2. Госпособия	54,8	51	59	75	95	120	400
3. Местн. займы и долгосрочн. ссуды [2]	25	35	40	45	55	75	250
4. Разные	199	195	190	180	175	160	900
Итого (1 + 2 + 3 + 4)	293,8	329	349	365	395	432	1.870
Всего местн. доходов (А + Б + В)	1.779,3	2.009	2.360	2.605	2.877	3.183	13.034

[1] В доходах от коммунального хозяйства доходы коммунальных предприятий пока
[2] Без займов на коммунальное хозяйство.

Расходы

Наименование расходов	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	За 5 лет
А) Управление							
1. Исполкомы и советы	235	225	230	235	240	250	1.180
2. Суд и охрана общ. пор.	125	130	140	150	160	170	750
Итого (1 + 2)	360	355	370	385	400	420	1.930
Б) Хоз. производств.							
1. Коммун. хозяйство	227,9	267	304	347	384	408	1.710
2. Промышленность	85	89	181	195	215	231	911
3. Сельское хозяйство	72	100	130	165	195	210	800
4. Пути сообщения	64	90	115	135	155	175	670
Итого (1 + 2 + 3 + 4)	448,9	546	730	842	949	1.024	4.091
В) Социально-культурные							
1. Народное образование	520	600	720	860	950	1.070	4.200
2. Здравоохранение	275	248	278	316	353	405	1.600
3. Соц. обеспечение	47	52	58	68	78	97	353
Итого (1 + 2 + 3)	792	900	1.056	1.244	1.381	1.572	6.153
Г) Прочие	178,4	208	204	134	147	167	860
Всего местн. расходов (А + Б + В + Г)	1.779,3	2.009	2.360	2.605	2.877	3.183	13.034

заны только отчислениями от их прибылей.

расходы в местном бюджете прошлого пятилетия и только 14,8% запроектировано на эти же нужды в предстоящем пятилетии.

В таких жестких лимитах возможно только незначительное подтягивание чрезвычайно низких ставок зарплаты низовых советских работников, что можно иллюстрировать следующим примерным расчетом: председатель сельсовета вместо 24 руб. в среднем по Союзу месячной зарплаты в 1927/28 г. будет получать в конце пятилетия — 30 руб., милиционер соответственно 36 и 45 руб.

Таблица 3

План всеобщего начального обучения на пятилетие 1928/29—1932/33 гг. по источникам финансирования

(В млн. руб.)

	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	За 5 лет
Местный бюджет	320	370	475	535	630	2.330
Госбюджет	13	14	16	18	20	81
Цутранпрос	16	18	19	21	23	97
Самообложение	49	46	52	60	70	277
Спец. средства ведомств	4	4	5	5	6	24
Всего по всем источникам	402	452	567	639	749	2.809
Исчислено необходимых средств для развертыв. плана	459	494	639	641	680	2.913

Крупнейшие об'екты финансирования располагаются в следующем порядке: на проведение плана всеобщего обучения обеспечивается из местного бюджета на пятилетие 2.330 млн. руб. против общей потребности по всем источникам в размере около 3.000 млн. руб. или 80% всех потребных средств (табл. 3). Таким путем по произведенным расчетам удастся в течение пятилетия открыть около 100.000 новых комплектов начальной школы с охватом детей школьного возраста до 93—94% и повышением ставок зарплаты учителя на 75—80%.

Этот план финансирования дает возможность в течение пятилетия обеспечить новыми зданиями контингенты вновь вовлекаемых детей школьного возраста, при значительно расширенной норме кубатуры, в 15,8 $м^3$ на одного учащегося. Стоимость 1 $м^3$ в среднем за пять лет определяется в 10 руб. с учетом снижения строительного индекса на 24% (по каменным зданиям 38%, по деревянным — 20%). Общее изменение структуры народного образования и здравоохранения по местным средствам характеризуется табл. 4 (стр. 237).

В коммунальном хозяйстве не только должна быть достигнута полная амортизация муниципализированных фондов, но заметно улучшится также общее благосостояние городов, причем в жилищное строительство местными советами будет вложено свыше 800 млн. руб., что должно увеличить муниципальный жилфонд, из расчета 100 руб. метр, на 8.000 тыс. $м^2$. Финансирование местной промышленности полностью отвечает даже оптимальному варианту ВСНХ, включая электростроительство местного значения и является резким контрастом практики прошлых лет.

Таблица 4

	1927/28 г.		1932/33 г.	
	Абсол. (в млн. руб.)	В %% к итогу	Абсол. (в млн. руб.)	В %% к итогу
Структура бюджета народного образования на 1928/29—1932/33 гг.				
Зарплата	416	80,0	750	70,0
Инвентарь и оборудование	21	4,0	60	6,0
Капит. ремонт и новое строительство	47	9,0	200	18,0
Остальные расходы (опер.-хоз. и др.)	36	7,0	60	6,0
Итого	520	100,0	1.070	100,0
Структура бюджета народного здравоохранения				
Зарплата	117	52,0	205	50,0
Инвентарь и оборудование	9	4,0	30	8,0
Капит. ремонт и новое строительство	22	10,0	60	15,0
Остальные расходы (опер.-хоз. и др.)	77	34,0	110	27,0
Итого	225	100,0	405	100,0

Принимая размеры капитала планируемой промышленности по балансу на 1/X 1928 г. в 1.462.380 тыс. руб. (по данным НКФ) следует признать вложения из местных средств в 900 млн. очень крупными, хотя эффективность этих вложений в плане отразить невозможно.

Финансирование с.-х. мероприятий в размере 800 млн. руб. рассчитано таким образом, чтобы увеличить количество агрономов, содержимых на местном бюджете, на 3.000 при двух агроучастках на один район, и количество ветврачей на 2.000 человек также при двух ветпунктах на район с повышением ставок тем и другим на 50—60%. Всего агрономическая и ветеринарная помощь населению обойдется за пятилетие местному бюджету в 450 млн. руб., капитальные вложения составят 250 млн. руб. и 100 млн. руб. пойдет в основной капитал системы с.-х. кредита. Надо признать, что намеченное финансирование является минимумом, без которого едва ли осуществима директива о повышении урожайности на 30—35%.

Финансирование шоссейных и грунтовых дорог местного значения в размере 670 млн. руб., в том числе 500 млн. за счет целевого потонного сбора, рассчитано на капитальные вложения в 540 млн., из коих на капитальный ремонт намечено 240 млн. и на новое строительство 300 млн. руб. Остальные 130 млн. руб. пойдут на текущий ремонт и содержание дорог. Общий бюджет дорог местного значения исчислен в 1.095 млн. руб. на пятилетие:

Таблица 5

Финансирование дорожного строительства
(В млн. руб.)

	1928/29 г.	1932/33 г.	За 5 лет
Местный бюджет	90,0	200	670
Трудовое участие населения	23,5	120	370
Промышленность	3,0	5	20
Самообложение	3,0	5	19
Местный отпуск строит. материалов	2,5	4	16
Итого	122,0	334	1.095

Реальность последней цифры вызывает некоторые сомнения, но по недавно изданному закону возможности привлечения труда населения на дорожное строительство действительно огромны. Капитальные вложения в местном бюджете распределяются между следующими об'ектами:

Таблица 6

Капитальные вложения местных бюджетов СССР по контрольным цифрам пятилетнего перспективного плана на 1928/29—1932/33 гг.

(Без коммунальных предприятий)

Отрасли местного хозяйства	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	За 5 лет
Коммунальн. имущества							
а) Жилфонд	96	131	145	161	187	199	823
б) Городск. благоустр.	32,0	42	54	70	83	89	338
Итого	128	173	199	231	270	288	1.161
Местная промышл.	82	90	174	191	214	231	900
Народное образование	45	50	80	120	150	200	600
Дорожное строительство	52	84	95	106	120	135	540
Сельское хозяйство	23	30	40	50	60	70	250
Здравоохранение	20	25	30	38	47	60	200
Прочие	32	30	35	40	45	50	200
Всего	382,5	482	653	776	906	1034	3.851

Слабыми участками плана являются здравоохранение и социальное обеспечение. Едва можно будет увеличить за все пятилетие количество больничных коек всех видов на 50.000, или на 25%, против фактического количества, а число врачей на 8.000 с повышением ставок зарплаты на 50—50% при намеченных в плане затратах в 1.600 млн. руб. Тут можно было бы рассчитывать на бюджет соцстраха в деле качественного повышения медицинской помощи но, как известно, в последнее время практикуются заметные из'ятия из лечебного фонда. Неблагоприятны перспективы развертывания мероприятий социального характера — охват инвалидов в домах призрения может увеличиться лишь на 5—6 тысяч человек к концу пятилетия, а военный пенсионер будет получать в год всего 156 руб., или на 10% больше, чем в 1927/28 г. Не приходится говорить о крайней недостаточности средств на активную борьбу местных советов со многими неизбежными еще в ближайшие годы социальными явлениями, как безработица, беспризорность и т. п.

Неудовлетворительно также выглядит материальная обеспеченность массового советского аппарата, особенно сельского, в ближайшем пятилетии по плану местных бюджетов. Едва ли жизненно повышение фонда зарплаты массовых работников местного управления всего на 25—30% за пятилетие, особенно при тех требованиях, которые будут пред'явлены к местному советскому аппарату выполнением высоконапряженного хозяйственного плана; но только при таком условии, исходя из прироста всех расходов на управление всего на 16,7%, оказались возможными сравнительно высокие темпы финансирования хозяйственных и культурных нужд.

Таким образом, в решающих отраслях местного хозяйства количественные масштабы и качественные отношения меняются выгодно в предстоящем пятилетии против истекшего, но вместе с тем ряд существенных нужд не получает достаточного удовлетворения в рамках бюджетного баланса, который намечен планом. Последний составлен также без всяких резервов, что вряд ли допустимо в большом хозяйстве местных советов. Возникает явная необходимость в изыскании дополнительных средств для ослабления напряженности плана и сохранения бюджетного равновесия. По приблизительным расчетам сумма в пределах 800—1.000 млн. руб. могла бы заметно улучшить финансирование местного хозяйства в ближайшие годы, в том числе 200 млн. руб. требуется дополнительно на здравоохранение, 200 млн. руб. на с.-х. мероприятия, 100 млн. руб. на социальное обеспечение, 100 млн. руб. на низовой советский аппарат и 200 млн. руб. на народное образование всех видов.

Анализ доходной части плана приводит к заключению, что главной причиной высокой напряженности местного бюджета является недостаточная устойчивость его финансовых источников, в частности новелл последних двух лет и предположенное распространение их влияния на дальнейший период; состояние местного бюджета и возможность его планового развития требует в первую очередь фиксации на длительный период твердых взаимоотношений с государственным бюджетом. Во всяком случае, следовало бы сохранить в отправном варианте установленный законом процент отчислений в местный бюджет от промналога, что в значительной мере облегчило бы положение, увеличив сумму местных средств против настоящего проекта на 600—700 млн. руб. Можно также, несмотря на значительное повышение в текущем году ставок главнейших местных налогов (потонный сбор, налог со строений), наметить некоторые жизненные формы местного целевого обложения и преимущественно сельского населения, в распоряжении которого по финансовым результатам нар.-хоз. плана могут остаться значительные денежные сбережения,

в частности следует обсудить вопрос о введении порайонного денежного дорожного сбора, который мог бы оказаться значительно реальнее и эффективнее трудовой повинности. Не исключена возможность и других видов целевого обложения на культурное строительство. Инициатива в этом направлении принадлежит республикам и районам.

Но центр тяжести в усилении местных средств надо все же искать в области неналоговых источников. Однако, старые методы здесь многого дать не могут, хотя нельзя отрицать возможности в порядке рационализации добиться большей доходности земельного, жилищного и других крупных фондов местного хозяйства. Но главное внимание следует заострить на новых формах привлечения средств населения путем платного обслуживания его культурных запросов. Здесь может сыграть не малую роль широкое внедрение местными советами в самые глубинные населенные пункты таких высокорентабельных предприятий, как кино, радио и т.п. Некоторые средства для развития этого дела следовало бы отпустить в порядке субвенции из госбюджета или через кредитную систему, что даст возможность включить с течением времени в бюджетную систему весьма полезный, доходный и созвучный современной действительности финансовый источник.

Вместе с тем, вполне назрело разрешение в ближайшие годы проблемы местных облигационных займов. Опыт Моссовета в текущем году по выпуску займа в 20 млн. руб. на нужды культурного строительства и благоустройства должен получить широкое распространение. Причем здесь могут быть использованы местными советами те сбережения населения, которые мало доступны централизованному государственному кредиту в зависимости от общих и кон'юнктурных особенностей отдельных районов. Для реализации местных займов имеются благоприятные симптомы в запроектированных темпах роста благосостояния городского, особенно сельского населения. Нельзя считать нормальным то положение, что довольно крупные денежные сбережения сельского населения до настоящего времени в самой ничтожной мере питают систему кредита.

Таким образом предварительная наметка плана развития местных бюджетов в целом по Союзу, требуя в дальнейшем тщательной и детальной конкретизации по республикам, районам, отраслям и главнейшим элементам, позволяет, однако, уже на данной стадии сделать следующие основные выводы: а) полное развернутое планирование местных финансов возможно лишь на базе синтезированных хозяйственных и культурных планов мест; б) отправной вариант местных бюджетов далеко не в полной мере отвечает необходимым темпам развития важнейших отраслей хозяйства; в) сильное напряжение системы местных финансов в настоящем и ближайшем будущем, а также недостаточное финансирование по отправному варианту некоторых насущных потребностей на местах диктует необходимость изыскания дополнительных средств как по линии пересмотра закона о местных финансах и целевых сборах, так, главным образом, путем использования сбережений населения местными займами и предоставления широким массам платных культурных услуг; г) необходимо обеспечить для местного бюджета на пятилетие полную устойчивость его доходных источников и обязательных расходов.

Финансовая программа пятилетия к настоящему моменту уже получила свое выражение в оптимальном варианте. Между тем, как раз в отправном варианте всего народнохозяйственного плана среди многочисленных ответственных участков наиболее урезанным, сжатым и напряженным оказывается, как выше было изложено, местный бюджет. Такое положение создалось, главным образом, потому, что для финансирования грандиозных строительных задач пятилетия государственный

бюджет вынужден был искать баланса отчасти за счет местного бюджета, который по отправному варианту недополучает всех причитающихся ему по закону отчислений от запроектированного промналога. В результате доходы местного бюджета получают прирост только на 78% за пятилетие, в то время когда все финансовые ресурсы по единому финансовому плану возрастают на 105%, а госбюджет на 98,5%.

В таком виде местный бюджет уже в отправном варианте может служить источником некоторых диспропорций между развитием основных элементов местного хозяйства и теми требованиями, которые вытекают из всего народнохозяйственного плана. Поэтому в дальнейшей обработке отправного варианта необходимо тщательно взвесить и определить минимум недостающих местному бюджету средств. Но более или менее радикально выправить все будущее развитие системы местных финансов можно будет, очевидно только на основе оптимальной финансовой программы, которая будет иметь достаточный простор для установления более гармоничного развития государственного и местного бюджета.

В. С. Новиков

Финансы коммунального хозяйства местных советов на 1928/29—1932/33 гг.

I

Впервые коммунальные финансы представлены в пятилетней перспективе в полном об'еме, охватывая все доходные источники и все расходы коммунального хозяйства. Естественно такое построение плана значительно выигрывает сравнительно с предыдущими проектировками, оперирующими только бюджетной частью коммунальных доходов и расходов. Получение полного баланса коммунальных ресурсов зависит от присоединения к бюджетным данным средств долгосрочных коммунальных займов и бюджета коммунальных предприятий, независимо от того, состоят ли последние на бюджете или на хозрасчете. Именно отсутствие данных по двум последним источникам не позволяло до сих пор получить полной картины коммунальных финансов. Однако, путем приближенных исчислений, основанных, с одной стороны, на соответствующей отчетности, а с другой — на анкетно-статистическом материале, в конце-концов оказалось возможным составить баланс коммунальных финансов, как в динамике за прошлые года, так и на будущее пятилетие.

При существующей несогласованной системе отчетности коммунальных банков и местного бюджета и при отсутствии регламентированной сводной отчетности для хозрасчетных коммунальных предприятий, такой путь приближенных исчислений пока остается единственным для ориентировки в финансовых вопросах коммунального хозяйства.

Приближенность исчислений не может, однако, заметно отклонять их результаты от действительности, так как в процессе расчета, его отдельные элементы всесторонне увязывались с бесспорными отчетными данными.

В основание проектировки, кроме того, был положен ряд принципиальных установок экономического и хозяйственно-оперативного порядка, подвергшихся согласованию с соответствующими заинтересованными учреждениями и организациями.

Главнейшие из них для коммунальных предприятий заключаются в необходимости по крайней мере удвоения к концу пятилетия валовой продукции, снижения себестоимости против 1927/28 г. по меньшей мере на 25% при сохранении неизменного соотношения между валовой выручкой и об'емом валовой продукции, что обозначает неизменный средний уровень цен на коммунальные услуги, при урегулировании отдельных ненормальностей в области тарифов на них и усиление долгосрочного кредитования на строительство.

По домовому хозяйству его реконструирующим элементом является прекращение непосредственной эксплоатации жилищ отделами местного

хозяйства путем передачи соответствующих домов на хозрасчет или в кооперацию.

По внешнему благоустройству основная линия проектировки должна быть направлена в сторону усиления процентного отношения сумм, затрачиваемых на благоустройство к суммам, расходуемым на жилстроительство.

В области взаимоотношений между местным бюджетом и коммунальным хозяйством на протяжении пятилетия предусматривается нейтральное (нолевое) сальдо по расчетному балансу между ними.

Эти предпосылки мыслились при сохранении в общих чертах существующего «Положения о местных финансах» и прочего законодательства в области коммунального хозяйства.

Кроме того, проектировка естественно должна была согласовываться с перспективными предположениями системы коммунального кредита, жилищно-строительной кооперации, госбюджета и т. д.

Исчисленный таким образом общий баланс приводит к некоторому дефициту, покрываемому за счет местного бюджета в суммах, равных поступлению от дополнительной земельной ренты и целевого квартирного налога, двух видов доходов формально не принадлежащих коммунальному хозяйству, но по существу получаемых за счет его использования.

II

В целом доходная сторона баланса, очищенная от оборотных сумм по долгосрочным кредитам для коммунальных предприятий сконструировалась на пятилетие в следующих суммах.

	Млн. руб.	%
Собственных средств	4.213	82,0
Заемных средств	726	14,4
Дефицит, покрываемый бюджетом	190	3,6
Итого	5.129	100

К заемным средствам присчитано 38 млн. руб. из республиканских бюджетов, являющихся в действительности безвозвратными субсидиями.

За истекшие четыре года, начиная с 1924/25 г. эти же соотношения были таковы (здесь и ниже 1927/28 г. подсчитан по назначению):

	Млн. руб.	%
Собственных средств	2.085	84,3
Заемных средств	310	12,4
Дефицит, покрываемый бюджетом	84	3,3
Итого	2.480	100

Недостаточность заемных средств, остающихся на грядущее пятилетие, в процентном отношении почти на уровне прошлых лет является основным недостатком всей проектировки, влекущей за собой усиление финансового напряжения внутри коммунального хозяйства.

В общих итогах все доходы растут ежегодно на 14—15%, против 10% в 1926/27 и 1927/28 гг. и против 8% в 1928/29 г. Усиление темпов роста происходит, главным образом, за счет доходов коммунальных предприятий, развивающихся несколько сильнее, чем другие отрасли коммунального хозяйства.

В расходной стороне пятилетние итоги сводятся к таким суммам:

	Млн. руб.	%
Расходы по домовому хозяйству	1.292	25,1
„ на благоустройство и земельн. хоз.	774	15,2
„ по коммунальным предприятиям	2.935	57,3
„ „ содерж. отделов местного хоз	128	2,4
Итого	5.129	100

Те же данные за 1924/25—1927/28 гг. дают следующие результаты:

	Млн. руб.	%
Расходы по домовому хозяйству	565,4	25,1
„ на благоустройство и земельн. хоз. .	296 0	13,0
„ „ предприятия	1.301,3	58,0
„ по содержанию отделов	104,3	4,9
Итого . . .	1.267	100

Разница между доходами и расходами в 213 млн. руб. представляет собой сумму, изъятую из коммунального хозяйства на усиление доходов местного бюджета.

В общем проектировка несколько улучшает положение благоустройства, подымая удельный вес его ассигнований на 17%, но все же в данном случае нет таких сдвигов, которые позволили бы говорить о реконструкции коммунального бюджета. Недостаточное повышение расходов на благоустройство несомненно является дефектом перспективного плана.

Необходимо остановиться на том, каким образом удалось достичь равновесия внутри коммунального бюджета. Для ясности можно провести параллельные сопоставления по отдельным хозяйственным отраслям, как они отражены в плане и каково было их соотношение за прошлые годы.

Домовое хозяйство

	1924/25—1927/28 гг.	1928/29—1932/33 гг.
Доходы	830,2	1.434,0
Расходы	565,4	1.292,0
Остаток	264,8	142,0

Коммунальные предприятия

Доходы	1.395,7	3.185,0
Расходы	1.301,3	2.935,0
Остаток	94,4	250,0

Прочие доходы[1] и расходы

Доходы	254,1	510,0
Расходы	399,3	902,0
Дефицит	145,2	392,0

Следовательно, в прежние годы из суммы положительных остатков в 359 млн. руб. по домовому хозяйству и коммунальным предприятиям обращалось на благоустройство и содержание отделов местного хозяйства около 146 млн. руб., а остальные 213 млн. руб. вовсе изымались из коммунального хозяйства.

На предстоящее пятилетие недостающие суммы по этим же статьям покрываются в 250 млн. руб. прибылями коммунальных предприятий и в 142 млн. руб. прибылями домового хозяйства, перераспределяемыми через бюджет между остальными отраслями коммунального хозяйства. Тяжесть финансирования таким образом перелагается в пятилетие с домового хозяйства на коммунальные предприятия. Такое положение оказывается возможным, вследствие снижения себестоимости на коммунальные услуги и сохранения тарифов в уровне 1927/28 г. Но и в дальнейшем домовое хозяйство и коммунальные предприятия будут питать внешнее городское благоустройство.

Любопытно сопоставить общий об'ем расходов по коммунальному хозяйству с городским населением. Оказывается на душу городского населения приходится: в 1924/25 г.— 20,9 руб., в 1927/28 г.— 29,0 руб. и в 1932/33 г. — 46,0 руб. Этот, разумеется, совершенно условный показатель, если признать его действительно характеризующим обслуживаемость населения коммунальными услугами, показывает рост за пятилетие на 58,6%. Сумма всех доходов вырастает за то же время на 78%, а расходов на 81%.

[1] Включая дополнительную ренту и целевой квартирный налог.

Таковы в общих чертах важнейшие элементы проектировки коммунальных финансов.

III

В общем балансе коммунальных финансов доходы домового хозяйства исполкомов сводятся за пятилетие к следующему виду:

	Млн. руб.	%
Доходов от эксплоатации муниципализированного фонда . .	1.080	75,0
Заемных средств и республиканских фондов	354	25,0
Итого . . .	1.434	100
Кроме того, целевой квартирный налог	22	
Всего . .	1.456	

За предыдущие четыре года те же доходы представляются таким образом:

	Млн. руб.	%
Доходы от эксплоатации муниципализированного фонда . .	635	76,5
Заемные средства и республиканские фонды	195	23,5
Итого . . .	830,0	100
Сверх того целевой квартирный налог	21,1	
Всего . . .	851,1	

Некоторое усиление долгосрочных заемных средств в бюджете домового хозяйства недостаточно для того, чтобы изменить общую структуру его доходов. И, кроме того, рост доходов, увеличивающихся к концу пятилетия всего на 36,5% происходит несомненно замедленным темпом.

На грани двух последних лет доходы от эксплоатации мунифонда почти приостановились в росте и общий об'ем доходов в 1928/29 г. по сравнению с предыдущим годом остался почти неизменным. В данном случае, основными факторами, замедлившими увеличение доходности явилось, во-первых, сокращение аренды торгово-промышленных помещений, вызвавших в некоторых местах снижение доходов даже в абсолютных цифрах и, во-вторых, постепенное выпадение из бюджета валовых доходов по домовому хозяйству, связанное с уменьшением количества домов, непосредственно эксплоатируемых отделами местного хозяйства. Последний фактор продолжает действовать и на протяжении следующих лет вплоть до 1931/32 г., когда непосредственная эксплоатация совершенно ликвидируется. Развертывание в будущем торговый сети, имея в виду льготы кооперации по аренде помещений, может дать лишь незначительный прирост доходов.

Проектировка, учитывая эти обстоятельства, в то же время предусматривает рост квартирной платы, примерно в размере 35 — 40% и увеличение отсюда арендной платы, которая должна возрасти также и от рационализации хозяйства. В результате, подсчеты привели к 237 млн. р. доходов только от эксплоатации мунифонда в 1932/33 г., т.-е. к росту против 1927/28 г. на 38%.

Размеры долгосрочных займов на жилищное строительство определились проектировкой по системе коммунального кредита, зависящей от ассигнований по государственному бюджету и специальных капиталов на жилищное строительство, определяемых в свою очередь законодательством.

Расходы по домовому хозяйству запроектированы следующим образом:

	1924/25—1927/28 гг.		1928/29—1932/33 гг.	
	Абс.	в %%	Абс.	в %%
Эксплоатация и ремонт	173,3	30,6	115	8,8
Образование фондов	197,5	34,9	823	63,7
Долгосрочные займы по жилстр. и республиканск. фонды (без кредитов за счет фондов рабжилстроительства)	194,6	34,5	354	27,5
Итого	565,4	100,0	1.292	100,0

Все расходы, в сущности, определяются ассигнованиями на образование специальных капиталов жилстроительства, которые, особенно в связи с сокращением чисто эксплоатационных расходов, будут представлять основной вид расходов в этой хозяйственной отрасли. При таком росте этих ассигнований естественно долгосрочное кредитование будет в удельном весе постепенно уменьшаться.

Между местными советами и банками коммунального кредита установилась крайне сложная система взаимоотношений: с одной стороны, местный бюджет передает в банки капиталы для кредитования других застройщиков, с другой стороны—исполкомы сами получают кредиты и частично за счет тех же передаваемых средств. Раньше это положение относилось только в фондам на рабжилстроительство. За последние годы такое же положение начинает устанавливаться и в отношении специальных капиталов жилфонда.

Таким образом, расходы местного бюджета на жилсторительство не означают суммы, непосредственно затрачиваемой исполкомами на сооружение зданий. Кроме того, из уже выстроенных исполкомами домов, часть их передается кооперации с переводом на нее же банковского долга. Схематично расчет за пятилетие между местными советами и банками можно представить в таком виде:

Передается банкам местными советами

	Млн. руб.
По фонду рабжилстроительства (с отнесением сюда же ассигнований Моссовета на рабжилстроительство)	350
По специальным капиталам жилфонда	214
Итого	564

Будет выдано местным советам долгосрочных займов

С учетом кредитования за счет рабжилстроительства)	433
Сальдо в пользу банков	131

Все непосредственные затраты исполкомов на сооружение зданий и источники финансирования на пятилетие таковы:

	Млн. руб.
Заемные ресурсы	433
Собственные средства (капиталы жилфонда)	259
Республиканские бюджетные средства	38
Итого	730

Если сопоставить общую сумму средств, затрачиваемых местными советами на жилищное строительство и сумму образуемых местным бюджетом фондов, то последние окажутся всего примерно на 100 млн. руб. больше первых. Между тем из фондированных средств исполкомы непосредственно затрачивают лишь 214 млн. руб., остальные же возвращаются им

через кредитные операции. Следовательно, очерченная выше сложная схема взаимоотношений и перерасчетов служит главным образом для перераспределения ресурсов между отдельными местными советами, но не увеличивает тех средств, которые по законодательству местный бюджет обращает на жилищное строительство. Иначе говоря, средства, выделяемые бюджетом в специальные капиталы жилфонда могут покрыть всю программу исполкомовского строительства и сверх того уделить до 100 млн. руб. на кредитование других застройщиков, преимущественно кооперации. Такое соотношение получается, однако, лишь при том выдержанном в плане условии, что за счет исполкомов значительно усиливается строительство кооперации, которая за пятилетие получит 45% специальных капиталов жилищного фонда. Указанная установка рассчитана на усиление процессов кооперирования в жилищном строительстве, на мобилизацию для последнего средств населения и, наконец, на планомерное погашение, а следовательно, накопление средств местного бюджета, выделяемых в специальные капиталы жилищного фонда.

Как уже указывалось, основной предпосылкой расчетов по коммунальным предприятиям являлась установка на удвоение к концу пятилетия валовой продукции. Необходимое для этой цели наращение основного капитала в условиях всей пятилетки и напряженного состояния финансов может быть покрыто, преимущественно за счет внутренних накоплений коммунальных предприятий. Расчеты показали, что возможность соответствующих накоплений обусловливается, главным образом, двумя факторами: с одной стороны, повышением производственной эффективности основных капиталов, которая теперь необычайно низка и которая необходимо должна быть повышена путем «уплотнения» основного капитала и, с другой стороны — сохранением существующей тарификации на коммунальные услуги при одновременном снижении себестоимости минимум на 25%.

Вопрос о возможности дальнейшего увеличения производственной эффективности коммунальных предприятий не должен вызывать сомнений. По имеющимся данным на протяжении 1924/25 — 1926/27 гг. эффективность возросла на 8%. Но указанные годы были временем экстенсивно идущего процесса восстановления и работы предприятий на основном капитале, изношенность которого в иных случаях была более 50%. Учитывая повышающиеся затраты на капитальный ремонт и переоборудование старых предприятий, в пятилетии предусматривается повышение эффективности на 16%.

Снижение себестоимости при неизменном уровне цен увеличивает прибыли на 315 млн. руб. за пятилетие, что составляет 27% от суммы всех капитальных вложений. Сохранение существующего уровня цен, стоящее в противоречии с их снижением на промышленные товары, необходимо, однако, в целях сохранения минимальных темпов развертывания коммунальных предприятий. Само собой понятно, что строительство этих весьма капиталоемких сооружений за счет, главным образом, текущих доходов, а не долгосрочных кредитов, не может не вызвать известной дороговизны коммунальных услуг. Но, с другой стороны, снижение цен означало бы сужение материальной базы для строительства и тем самым ограничение городского населения в потребление электроэнергии, воды и т. д.

Общий расчет по финансированию коммунальной промышленности, бюджетной и хозрасчетной, произведен на основании условных и ориентировочных данных об основных капиталах, валовых доходов и расходов и еще некоторых элементов, исчисленных Управлением местных финансов НКФ СССР.

На вышеизложенных основаниях для каждого года исчислялись возможные затраты на новое строительство при учете располагаемых заемных

Финансы коммунального хозяйства местных советов на 1928/29—1932/33 гг.

Отправной вариант (в млн. черв. руб).

Доходы	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	За 5 лет
А. Коммунальные имущества						
Муниципализ. жилищный фонд	45	48	52	56	59	260
Торгово-промышл. помещения	153	156	162	171	178	820
Места под торговлю	34	36	37	40	41	188
Прочие коммунальные имущества	7	10	12	14	17	60
Городское земельное хозяйство	10	11	14	17	20	72
Итого	249	261	277	298	315	1.400
Долгосрочный кредит исполкомам на жилстроительство (без рабжил. фонда)	31	47	61	81	96	316
Ассигнования по республ. фонду	2	5	9	10	12	38
Всего по коммунальн. имуществам	282	313	347	389	423	1.754
Б. Коммунальные предприятия						
Валовые доходы	417	464	543	631	733	2.788
Арендные „	5	5	5	5	5	25
Долгосрочные займы на строительство (без коммун. фондов)	64	88	108	122	160	542
Всего по коммунальн. предпр.	486	557	656	758	898	3.355
Всего доходов по коммун. хозяйству	768	870	1.003	1.147	1.321	5.109
Дефицит покрывается местным бюджетом	23	40	40	42	45	190
Баланс	791	910	1.043	1.189	1.366	5.299
Рост в %	4,5	14,8	14,6	14,2	14,5	—

Расходы	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	За 5 лет
А. Содержание отделов местн. хозяйства	25	25	26	26	26	128
Коммунальное имущество						
I. Домовое хозяйство						
Эксплоатац. расходы и ремонт:						
а) По жил. фонду	30	28	17	—	—	75
б) По торг.-пром. помещениям		7	8	9	10	40
Итого эксплоатац. расход	36	35	25	9	10	115
Расходы по образов. фондов:						
а) Специальн. капитала жил. фонда	67	78	93	115	120	473
б) Спец. капитала рабжил. стр.	64	67	68	72	79	350
В том числе собств. строительство исполкомов за счет фондов	69	74	79	81	73	376
в) Кредит на новое строительство (без рабжилфондов)	31	47	61	81	96	316
г) Строительство за счет республиканских фондов	2	5	9	10	12	36
Итого расходов по домов. хозяйству	200	232	256	287	317	1.292
II. Городское благоустройство						
Собственно благоустройство	63	83	113	134	140	533
Пожарная охрана	33	87	42	46	50	208
Городск. земельн. хозяйство	4	5	6	8	10	33
Итого	100	125	161	138	200	774
Всего расход. по коммунальн. имуществам	325	382	443	501	543	2.194
Б. Коммунальные предприятия						
Эксплоатационн. расходы	268	282	311	341	371	1.573
Расходы по оплате долгов	23	27	31	36	53	170
Подоходный налог	6	8	10	13	17	64
Итого	297	317	352	390	441	1.797
Капитальные затраты						
а) За счет амортизации	50	54	61	69	80	314
б) За счет проч. собственн. средств	69	84	94	122	169	538
в) За счет кредитных ресурсов (включая коммун. фонды)	50	73	93	107	133	456
Итого капит. затрат	169	211	248	298	382	1.308
Итого расход. по коммун. предприят.	466	528	600	688	823	3.105
Итого расх. по коммунальн. хозяйству	791	910	1.043	1.169	1.366	5.299

средств и необходимых из'ятий на нужды благоустройства. Новое строительство условно принято вступающим в производство в 50% на следующий год и в 50% через два года после начала работ. Подсчеты различных вариантов показали, что в цифровом выражении общие очертания результатов сравнительно мало зависят от мыслимых изменений эффективности, сроков пуска в ход новых сооружений и т. д. В пятилетнем плане принят наиболее устойчивый вариант. Он показывает увеличение к пятому году валовой продукции на 117%. Сумму капитальных затрат (включая погашение амортизации капитальным ремонтом) в 1.308 млн. руб., сумму только нового строительства в 994 млн. руб., рост основного капитала на 70% и эксплоатационных расходов на 48%.

В балансе расчеты коммунальных предприятий по займам показаны с оборотными суммами. После соответствующей очистки, кредитные средства без коммунальных фондов составят 372 млн. руб. Таким образом, капитальное строительство покрывается за счет: амортизационных отчислений в 22,8%, прибылей (включая отчисления в коммунальный фонд) в 51%, кредитных средств в 27%. За истекшие четыре года в затратах на капитальное строительство кредитные ресурсы составляли 23,9%, прибыли — 45,3% и амортизационные отчисления — 30,8%. Таким образом, в новом пятилетии структура финансирования капитального строительства улучшается: растут кредитные ресурсы и затраты за счет внутренних накоплений.

Качественное повышение расходной стороны бюджета коммунальных предприятий сказывается также в уменьшении удельного веса эксплоатационных расходов (без амортизации), составлявших в 1927/28 г. в общей сумме расходов 62%, а в 1932/33 г., составляющих всего 50%. По отношению к 1927/28 г. все указанные расходы растут вдвое. Сопоставление с городским населением показывает, что в 1927/28 г. на одного городского жителя приходилось 14,2 руб. валовой продукции, а в 1932/33 г. будет приходиться 21,8 руб., иными словами, степень обслуживания коммунальными услугами повысится за пятилетие на 53,5%.

Главный недостаток проектирования лежит в его чрезмерной обобщенности. Разумеется для конкретизации расчетов было бы необходимо произвести их, по крайней мере, отдельно для крупных городов и наиболее значительных промышленных районов с быстро-растущими городами. Необходимо было бы также дать проектировку по отдельным видам предприятий, и особенно по тем из них, которые, очевидно, будут строиться наиболее интенсивно. Сюда относятся, например, водопроводы, канализация, автобусное сообщение и т. д. Однако, состояние материалов не отвечает этим требованиям. И все же большой сдвиг в этом пятилетнем плане, несомнено, заключается уже в том, что хотя бы приближенно и суммарно, но все же оказалось возможным выявить финансовую сторону коммунальной промышленности в целом.

Расходы на благоустройство в значительной степени предопределились устанавливаемой законодательством суммой отчислений в фонды жилстроительства и, с другой стороны, принятыми установками по коммунальной промышленности, а также необходимостью по общебюджетной ситуации уложиться в определенную сумму доходов самого же коммунального хозяйства.

В этих же границах оказалось возможным уделить за пятилетие собственно благоустройству 533 млн. руб. и пожарной охране 208 млн. руб. против 188 млн. руб. на благоустройство и 99 млн. руб. на пожарную охрану за предыдущее четырехлетие. Прирост в 1932/33 г. составляет против 1927/28 г. 122% по благоустройству и 59% по пожарной охране.

Расходы на благоустройство должны составлять в общем некоторую определенную часть затрат на жилстроительство. Если отнести расходы исполкомов на благоустройство ко всей сумме их затрат на жилстроительство, то соотношение окажется для 1924/25 г.—51,3%, 1927/28 г.—31,8% и 1932/33 г. — 44,5 и, следовательно, в плане все же удалось достигнуть некоторого повышения доли ассигнования на благоустройство. Эти же расходы на одного городского жителя составляют 2,39 руб. в 1927/28 г. и 4,13 руб. в 1932/33 г.; иными словами, обслуживание населения благоустройством возрастает на 72%. Нужно при этом учесть, что планомерные расходы по благоустройству, в сущности, несет только местное хозяйство; жилстроительство же проводится многими застройщиками или совсем не участвующими в расходах по благоустройству, или же причастными к ним совсем в незначительной степени. В самом деле, прирост средств, направляемых на финансирование жилстроительства по всему Союзу по сравнению с 1928/29 г. составляет 68%, а по благоустройству—122%. Итак, на протяжении пятилетия положение благоустройства должно заметно улучшиться.

Но все же именно в недостаточности этих ассигнований заключается слабая сторона плана. Отсутствие благоустройства в подавляющем большинстве городов Союза требует сравнительно крупных средств на мощение улиц, устройство тротуаров, насаждение зеленых площадей и т. д. Между тем, даже к концу пятилетия расходы на эту цель достигают только 140 млн. руб. Общая же за пятилетие сумма ассигнований в 533 млн. руб. не в состоянии создать перелом в смысле действительно широкого и реконструктивного строительства во внешнем городском благоустройстве. Поэтому-то пятилетние проектировки Союзных республик показывают тут наибольший разрыв с рассматриваемым планом. Но в действительности в пределах средств коммунальных финансов затраты, проектируемые союзными республиками, не могут быть покрыты. Нужно отметить, что, по имеющимся данным, напряженность коммунальных финансов в текущем году больше всего ударила именно по благоустройству, на которое ассигнования в бюджете 1928/29 г. остались в тех же размерах, что и в 1927/28 г.

Предполагаемая общая сумма капитальных затрат по всему благоустройству составит за пятилетие 338 млн. руб. из общей суммы ассигнований в 774 млн. руб., против израсходованных на эти же цели в предыдущем четырехлетии 108 млн. рублей.

IV

Основным недостатком всего финансового плана коммунального хозяйства местных советов бесспорно является его напряженность, вытекающая из форсированного капитального строительства, покрываемого преимущественно за счет внутренних накоплений коммунального хозяйства. Трудности осуществления этого плана очевидны. Однако, при более благоприятном росте доходов от муниципализированного фонда зданий, городских земель и другого коммунального имущества в плане все же могут оказаться резервы. Ясно также, что более решительное стремление выравнять развитие коммунального хозяйства соответственно требованиям жизни возможно лишь при более широком использовании долгосрочного кредитования. Тут может сыграть положительную роль также и концессионный капитал, особенно в строительстве крупных предприятий общественного пользования. Во всяком случае, капитальное строительство должно в гораздо большей степени, чем запроектировано, финансироваться за счет кредитного капитала.

Пятилетний план не дает решительных сдвигов в области реконструкции хозяйственной системы и в результате приводит почти к тем же фи-

нансовым соотношениям между отраслями коммунального хозяйства, какие существуют сейчас в начале пятилетия. Последнее обстоятельство об'ясняется все той же стесненностью в средствах, препятствующей финансовому маневрированию.

Однако, при всех указанных недочетах об'ем ресурсов коммунального хозяйства сбалансирован таким образом, что в большей или меньшей степени достигается равновесие между отдельными его отраслями и, в меру возможного, выравнивается положение отстающего до сих пор благоустройства. С другой стороны, хотя бы и ценой большего напряжения, все же показана возможность значительного развертывания коммунальной промышленности. Если при незначительных затратах предшествующих лет предприятия общественного пользования успели значительно укрепиться и улучшить свое положение, то при крупном строительстве, предполагаемом в будущем пятилетии, следует ожидать большого эффекта в развитии коммунальной промышленности. Это особенно относится к окраинным городам, где уже наметилось интенсивное строительство предприятий общественного пользования, финансируемых даже за счет общебюджетных ресурсов.

Основные показатели по коммунальным предприятиям

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	За 5 лет
	Отправной вариант						
Основные капиталы	941	1.001	1.076	1.214	1.387	1.595	—
Валовые доходы	373	417	464	543	631	733	2.788
Эффективн. основн. капиталы	37,9	41,6	43,1	44,7	45,5	46,0	—
Эксплоат. расходы в уровне 1927/28 г.	—	282	313	366	426	495	1.882
Снижение эксплоат. расходов в %	—	5	10	15	20	25	—
Эксплоатац. расходы с учетом снижен.	251,0	268	282	311	341	371	1.567
Амортизация	47	50	54	61	69	80	314
Прибыли	75	99	128	171	221	282	901
Подоходный налог	4,6	6	8	10	13	17	54
Отчисление в коммунальн. фонд	2,1	9	12	16	21	26	84
„ в местный бюджет	—	15	25	50	65	70	225
Расходы на новое строительство из собств. средств	—	69	84	94	122	169	538
Кредит	—	50	73	93	107	133	456
Всего расходов на новое строительство	84,0	119	157	187	229	302	994
Норма прибыли на основн. капитал	8	9,9	11,8	13,7	14,1	18,2	—
Капит. затрат, включая амортизацию	131	169	211	248	298	382	1.308
Из них за счет м/бюджета и собственных средств	—	128	150	171	212	275	936

Приведенный в основных чертах план составлен суммарно и в общих итогах по Союзу, конечно, нуждается в территориальной конкретизации, доведенной до планов по отдельным крупным городам и районам, особенно промышленного значения и, во всяком случае, требует дифференциации по отдельным крупным об'ектам строительства. Такую работу успешно могут выполнить только Госпланы республик и областей, ставшие уже на этот путь.

На эти учреждения должна быть возложена также задача рационального оформления того статистического и экономического материала, на основании которого единственно только и возможно конкретизировать плановые расчеты в соответствии с выдвигаемыми здесь требованиями. Только пользуясь таким материалом, возможно установить в меру экономической целесообразности те темпы коммунального строительства, которые необходимы для отдельных городов и районов.

Н. Н. Колосовский

Перспективы использования энергии р. Ангары в связи с хозяйством Сибири

I

Генеральный план народного хозяйства СССР, разрабатываемый ныне, предполагает весьма значительное развитие хозяйственного строительства в районах Сибири, с широким использованием громадных резервов минерального и органического сырья, продовольствия и энергии, сосредоточенных в этих районах. Предшествовавшей историей наиболее жизнеспособная часть территории всей Сибири вдоль Великого Сибирского пути уже подготовлена для приступа к широкому ее использованию. Уже имеется достаточное количество населения в западных частях и опорные достаточно населенные оазисы на востоке. Железнодорожная магистраль пересекает весь этот громадный континент с запада на восток, а в западных частях в дополнение к ней создан ряд ветвей на юг в наиболее важные сельскохозяйственные и горнопромышленные районы. Дальнейшее развитие богатств этой подготовленной полосы предрешено ростом хозяйственной жизни Союза, для которого будут требоваться все возрастающие количества железа, цветных металлов, каменного угля, кокса, хлеба, скотоводческого сырья, электричества, леса и новые территории для приложения неиспользованного деревенского труда перенаселенных районов Центрально-Черноземной области, Украины, Белоруссии. Одно из первых мест среди природных ресурсов районов Сибири, могущих претендовать на первоочередность вложения средств, занимают энергетические центры. Сосредоточение в этих районах более 83% всех запасов энергии в Союзе в высококачественных и дешевых формах, при бедности энергией старых европейских районов и при необходимости во многих случаях пользоваться минеральным и органическим сырьем из азиатских районов, вызывает, естественно, идеи о постепенном переносе в азиатские районы в первую очередь совокупности энергоемких производств, не требующих большого количества высококвалифицированных рабочих. Производство цветных и белых металлов, железа и ферросплавов, производство удобрений, синтетической нефти, изготовление целлюлозы и древесной массы,— таковы промышленные производства, могущие с особым успехом развиться в азиатских районах.

Среди районов Сибири первые места по запасам энергии занимают два: Кузнецко-Алтайский и Ленско-Байкальский. В первом доминируют громадные запасы каменного угля исключительно высоких и разнообразных качеств; второй замечателен дешевизной и изобилием водной энергии, каменных углей и наличием специальных так называемых „богхедовых“ углей.

По вопросу об использовании Кузнецкого энергетического центра к настоящему времени имеется обширная литература. На базе кузнецкого топлива производится реконструкция уральского металлургического хозяйства, подготовляется создание сибирской металлургии, обсуждается постройка центральных заводов по переработке алтайских руд цветных

металлов и создание основной химической промышленности. В ином положении находится вопрос о Ленско-Байкальском энергетическом центре. Настоящая стадия изучения Ленско-Байкальского района может быть характеризована как момент формирования руководящих идей о путях использования разнообразных богатств района. Приступ к строительству здесь еще преждевременен, но развертывание широких полевых и лабораторных исследований и приступ к составлению экономических и технических проектов могут быть с достаточной долей уверенности и осмотрительности поставлены в очередь завтрашнего дня.

Изложение общих идей хозяйственного строительства района в части, связанной с использованием энергии реки Ангары, составляет содержание настоящей статьи.

II

По географическому положению Ленско-Байкальский район охватывает южную половину Восточной Сибири и занимает, таким образом, центральное положение среди других районов Азии, граница на западе с Кузнецко-Алтайским и Енисейским районами, на севере с Якутским районом, на юге с Монголией, на востоке с Северной Маньчжурией и Дальне-Восточным районом. Район занимает первое место в Союзе по изобилию дешевых видов энергии.

Общие запасы энергии в переводе на условное топливо оцениваются следующими цифрами: ископаемый уголь — 49,3 мрд. тонн условного топлива, водная энергия — 16,0 мрд. и дровяное топливо — 2,5 мрд., т.-е. всего 67,8 мрд. тонн условного топлива.

При этом следует иметь в виду, что уголь, вероятно, недоучтен и последующие разведки должны увеличить его запасы; точно так же не учтена за отсутствием достоверных данных энергия рек систем Амура и Лены.

Угольные месторождения распределяются следующим образом:

Бассейн или район	Месторождения	Род углей	Спекаемость	Геологические запасы в млн. тонн		Калорийность в кал./кг	Эквивалент
				натур. вес	усл. топл.		
Ангарский (Черемховский) бассейн	Шебартинское и Велестовское (Зап. часть)	Бурые	Нет	6.000	4.680	7.600	0,78
	Средняя часть бассейна (Черемхово)	Сухие, газов. богхеды	Частью	42.800	36.400	7.600	0,85
	Хахарейский и Приангарский	Богхеды	Нет	3.200	2.270	7.600	0,71
Забайкальский район	Черновское Халяртинское Арбагарское и др.	Бурые	Нет	133	85	6.150	0,64
Тунгусский бассейн (Южная часть) [1]	Ангарское и др.	Бурые и каменн.	?	6.000	5.880	8.000	0,98
Итого . . .	—	—	—	58.133	49.315	—	0,85

[1] Данные предварительные.

Промышленные качества углей Ангарского бассейна, их запасы, физические и химические свойства, коксуемость еще не закончены изучением. Качество углей меняется как по вертикали, от пласта к пласту, так и в одном и том же пласте. Значительный процент углей бассейна относится к так называемым богхедам и частью к сапропелям. Особенно развиты богхеды в Метаганском районе, Николаевском месторождении у ст. Тыреть и в Хахарейском районе. Они представляют большой практический интерес в связи с особыми удобствами ожижения их в нефть, например, по способу Бергиуса или Фишера.

Забайкальские угленосные отложения встречаются во многих местах в виде длинных полос, тянущихся вдоль речных долин. Все угли этих месторождений невысоких качеств и имеют местное значение. Юго-восточная часть грандиозного Тунгусского бассейна, входящая в Ленско-Байкальский район, занимает громадную площадь в 230.000 *кв. км.* Бассейн почти не изучен. Известные выхода угля имеют характер каменных, частью бурых. Промышленное значение может получить крайняя южная оконечность, подходящая к Ангаре, с развитием электростроительства на порогах Ангары, железной металлургии и водного транспорта. Наибольшие запасы водной энергии заключаются в реках Ангарского бассейна, стекающих с Восточных Саян, по реке Витиму (приток р. Лены) и по ряду рек Забайкалья, относящихся к бассейну р. Амура. Предварительные подсчеты инж. В. М. Малышева по рекам Ангарского бассейна и по р. Витиму дают следующие величины запасов.

Районы сосредоточения водной энергии	Теоретическая мощность потока в лош. сил. (13,3 QH)	Возможная для использован. мощн. лош. сил. (12 QH)
Прибайкальский район . .	3.537	581
Район Ангарских порогов .	23.500	5.050
Район р. Витима	5.000	300
Всего . . .	32.037	5.931

Порядок себестоимостей энергии по тем же подсчетам: Прибайкальский район от 0,50 до 3,00 коп. за квтч.; район Ангарских порогов от 0,15 до 0,35 коп. за квтч.; район р. Витима от 1,0 до 1,2 коп. за квтч.

На р. Ангаре могут быть намечаемы, по данным В. М. Малышева, три установки. В первую очередь сооружается установка на притоках р. Ангары, примерно, в 12—18 *км* от истока оз. Байкал. Плотина этой установки дается такой высоты, чтобы поднятый горизонт давал общий уровень с оз. Байкалом. Это дает возможность при громадной площади озера в самых широких пределах пользоваться регулированием стока при работе Байкальской станции, а в дальнейшем для регулирования будущих грандиозных установок на порогах р. Ангары. В первый период „источная" установка должна работать как самостоятельная установка.

Утилизация энергии р. Ангары на протяжении между верхней установкой и порогами вряд ли может иметь место в будущем. Но пороги могут представлять практический интерес. Главные пороги сосредоточены между 660 и 950 *км* от истока. По предварительным соображениям Малышева можно будет запроектировать две сверхмощных установки на порогах. Первую в нижнем конце Долгого порога, вторую — в нижнем конце Шамановского. [1]

[1] Позднейшие соображения инж. Григорьева предполагают три установки на порогах.

По Малышеву основные характеристики установки на Ангаре таковы:

Показатели		Байкальская	Долго-порожская	Шаманская
Мощность на валу турбин	лош. сил	170.000	2.000.000	1.270.000
	квт	126.000	1.470.000	935.000
Напор (метров)		8—12	52,5	34
Возможная стоимость (млн. руб.)		50	200	130
Возможная годовая отдача тока при специальном потребителе млн. квтч.		880	10.000	6.250
Возможная себестоимость коп./квтч.		0,50	0,20	0,25

Если дальнейшие исследования подтвердят эти предположения, значение ангарских гидроустановок для союзного хозяйства будет громадно. Совершенно ясно, что себестоимости в 0,2 коп. за квтч. при указанной мощности должны создать новую эру в союзной промышленности, вызвав к жизни многие новые производства, видоизменив другие и удешевив третьи.

Третий вид энергии в районе — лесные фонды. Следующая таблица дает представление о запасах древесного топлива:

Территории	% лесистости	Площадь лесов (тыс. га)	Удобная площадь (тыс. га)	Возможн. годовой отпуск древесины	В том числе: строевого	В том числе: дровян.
				тыс. куб. метр.		
Быв. Иркутская губ.	93	76.600	52.600	93.500	23.400	70.100
„ Забайкальская губ.	48	19.600	11.600	20.600	5.150	15.450
Бурято-Монгольск. АССР	75	29.400	18.000	32.000	8.000	24.000
Итого	85	125.600	82.200	146.100	36.550	109.550

Леса района по площади близки к сумме всех лесных площадей европейских районов Союза и составляют 58% от лесов Канады и 16% от всех лесов Союза.

Энергетические центры Ленско-Байкальского района окаймлены сгущением разнообразных полезных ископаемых, распределяющихся по территории б. Иркутской губернии, Бурято-Монголии и Забайкалья. В настоящей статье дается краткая характеристика тех видов ископаемого сырья, которые могут иметь то или иное отношение к использованию в связи с гидроэнергией Ангары. Особо могут быть интересны полиметаллические руды, редкие металлы и источники получения алюминия.

Забайкалье представляет интересный пример группировки в обширный рудоносный район месторождений золота, серебра, свинца, цинка, мышьяка, меди, олова, вольфрама, молибдена, висмута. Руды этих металлов встречаются здесь часто в тесной связи одна с другой. Тем не

менее, можно выделить в Восточном Забайкалье два района: Нерчинско-Заводский район серебро-свинцовых руд и Онон-Борзинский район оловянных, вольфрамовых и висмутовых руд.

В Нерчинском районе установлено до 500 отдельных месторождений серебро-свинцово-цинковых руд, из которых 90 подвергались промышленной эксплоатации и имеют практический интерес.

Подсчеты инж. И. Т. Гуштюка в 1927 г. дают следующие цифры возможных запасов руд (в тыс. тонн):

Наименование групп месторождений	Добыча руды в прошл.	Действит. и разведыв. запас	Общий запас вместе с вероятн. и возможн.
Приаргунская группа	692	450	2.820
Акатуевская „	65	—	262
Алгачинско-Кличкинск.	152	—	610
Газимурская	30	—	118
Культуминская	41	—	164
Шилкинская	202	—	806
Прочие	295	—	1.180
Всего	1.477	450	5.960

Эти исчисления только ориентировочные. Запас металлов условно можно принять во всех группах: цинка—960 тыс. тонн; свинца—420 тыс. тонн, серебра—1,2 тыс. тонн. При двадцатилетнем периоде выработки можно было бы давать в год: цинка до 33,5 тыс. тонн, свинца до 15,5 тыс. тонн, серебра до 30 тонн. Перспективы эксплоатации ближайших лет определяются запасами Кадаинского рудника и запасами металлов в старых отвалах. Для ближайших лет можно принять программу: цинка — 10 тыс. тонн и свинца — 4,5 до 5 тыс. тонн. Концентраты из Нерчинских руд могут быть по работам Механобра приняты следующие.

Цинковый: цинка — 50%, свинца — 5—6%, серебра — 0,032%. Свинцовый: цинка — 5—8%, свинца — 60%, серебра — 0,096%. Водной энергией, угольной и древесным топливом район обеспечен слабо. Это не имеет значения, так как при указанной степени концентрации на месте нет нужды ставить металлургию, а возможно концентраты вначале отправлять на Кузбасские центральные заводы, а в дальнейшем перерабатывать на энергии Ангары. По данным Геолкома запасы оловянных руд определяются в размерах: подготовленные запасы руды 5.606 тыс. тонн с содержанием олова 0,63%; разведанные и вероятные — 8,265 тыс. тонн с содержанием 0,98%, возможные запасы—216 тыс. тонн с содержанием 0,72%. Общий извлекаемый запас олова 1.432 тонны. Оловянную руду в виде концентратов пока предполагается перевозить в европейские центры Союза.

Вольфрамовые месторождения встречаются в следующих трех разновидностях: коренные месторождения вольфрамита — Белуха, Букука, Большой и Малый Соктуй, Алданда, Харанор, Шерлова гора, Дульдурга, Ушумун; рассыпные вольфрамитовые по р. Б. Соктуй, по Антонову лугу; россыпные шеелитовые — в Шахтоме, на Казаковских золотых приисках — совершенно неразведанных. До августа 1926 г. промышленные перспек-

тивы связывались, главным образом, с коренными месторождениями. В настоящее время открыты весьма значительные россыпные месторождения, в связи с чем промышленные запасы во много раз увеличились, а стоимость добычи удешевилась. Ныне все потребности страны могут быть удовлетворены.

Молибденовый блеск наблюдается во всей полосе Онон-Борзинских месторождений вольфрамита. Наибольший практический интерес представляет Гутайское месторождение близ р. Гутая. Заслуживает внимания Ольхонское неразведанное еще месторождение на Байкале. Наиболее интересное месторождение марганца имеется в районе Ольхона. Общие запасы месторождений на Байкале, по данным геолога Артемьева, оцениваются пока в 400 — 500 тыс. тонн руды с содержанием до 30% марганца. Хромистый железняк и никелевые руды найдены в нескольких местах. В будущем не исключается возможность открытий промышленного характера, но пока нет оснований строить на них практические расчеты.

Высококачественный белый кварцевый песок с содержанием кремнезема 98,5—99,2%, пригодный для ферро-силицилового производства, находится на берегу Байкала, примерно, в 100 *км* от станции Байкал, в 7—9 *км* от берега.

Итоги рассмотрения рудоносности района по полиметаллам и редким металлам позволяют сделать следующие заключения. Цветная металлургия требует большого количества энергии. При плавке одной тонны цинка требуется от 4 до 5 тонн каменного угля; свинца—до 2,5 тонн. В то же время современная техника позволяет сырую руду обогащать, доводя содержание металла до 40—50% и более. Это делает рудные „концентраты" высокотранспортабельными. При этих условиях выплавку металла выгодно сосредоточивать на крупных заводах у наиболее дешевых центров энергии, благодаря чему центральные заводы становятся зависимыми не столько от благонадежности отдельных мероприятий, сколько от благонадежности целой рудной провинции.

Нерчинский район мало разведан, характерен изобилием месторождений при малой их величине и характерен небогатыми энергетическими ресурсами. На основании опыта расчетов по Алтайским полиметаллам можно утверждать, что при ангарской энергии в 0,5 коп. безусловно выгодна организация металлургии цинка на Ангаре, а не на месте. Свинцовый завод также будет выгодно поставить по совокупности соображений на Ангаре. В дальнейшем не исключена возможность дополнительного питания Ангарского свинцового завода якутскими свинцовыми рудами из Алданского района. По производству ферро-сплавов ресурсы позволяют проектировать производства ферро-вольфрама, ферро-силиция, ферро-марганца, отчасти ферро-молибдена. Для производства хромовых и никелевых сплавов нет данных, хотя внимательные поиски этих руд в промышленных количествах и представляют интерес.

В последнее время акад. А. Ферсманом высказано предположение об определенной закономерности распространения рудных богатств цветных и редких металлов на территории Ленско-Байкальского района. Он считает возможным говорить о так называемом „Монголо-Охотском металлургическом поясе", тянущемся из Северной Монголии через Забайкалье и северо-восточный угол Монголии к верховьям Селемджи и Охотскому морю. Забайкальские месторождении поли-и редких металлов по этому истолкованию есть только часть этого „пояса", тянущегося примерно на 2.000 *км*. По представлению геолога А. Чуракова этот пояс по Сев. Монголии возвращается снова в пределы Союза, поворачивая через Вост. Саяны к устью р. Ангары и Подкаменной Тунгузки. Таким образом, оз. Байкал оказывается как бы в фокусе громадной параболы этого

пояса. Если эта научная теория подтвердится (в настоящее время высказывается ряд сомнений) и если в связи с этим будут сделаны новые открытия месторождений металлов, имеющих практический интерес, перспективы полиметаллической промышленности и промышленности редких металлов сильно вырастут. Наличие в районе дешевой энергии и потребность страны в получении алюминия, неудовлетворяемая масштабом проектировки этого производства на Днепре, естественно, побуждают рассмотреть возможности организации производства алюминия на Ангаре.

Источником получения алюминия могут быть каолины, алониты, маньчжурские диаспориты, глинистые сланцы. Промышленные способы получения окиски алюминия из каолинов и алонитов находятся ныне в стадии изучения. Получение окиси алюминия из каолинов требует наличия месторождений таковых и месторождений пиритов. Надежные залежи каолинов прекрасного качества имеются в бассейне р. Белой, притоке Ангары, в обжитом районе. Месторождения пиритов имеются по бассейну р. Ангары (см. „Естеств. произв. силы России, т. IV, 19, Серный колчедан). Алониты известны в двух месторождениях. Первое в районе р. Оки, притоке Ангары, второе в районе оз. Гусиного в долине р. Селенги. О залежах диаспорита в С. Маньчжурии данные сообщаются инженером К. Г. Молчанским (бассейн р. Лялинхе в Нингутском районе). Имеющиеся сведения говорят о значительной мощности запасов при содержании до 73% окиси алюминия при небольшом содержании кремнезема (не более 1%) и о простоте механического обогащения руды. Достоверность этих данных не проверена. Большое расстояние от руды до Ангары (около 2.850 *км*) не являлось бы препятствием для их использования, так как перепробег против перевозки тихвинских бокситов к Днепр будет около 800 *км*, что может перекрыться качеством руды. Глинистые сланцы, как источник окиси аммония, не могут быть из'яты из поля внимания, так как они часто имеют содержание до 25% глинозема при незначительной примеси железа. При дешевизне энергии в районе это производство может оказаться выгодным, особенно при комбинированном использовании сланцевого материала и для других целей. При большом разнообразии и обилии сланцев в Ленско-Байкальском районе вероятно нахождение подходящего материала. Заслуживает внимания также вопрос, не могут ли служить указанием на нахождение в районе Ангары бокситов наличие здесь толщ красноцветных земель, связанных с усольскими соленосными пластами.[1]

Подсобными материалами для получения алюминия служат: плавиковый шпат (фтористые соли), графит или пёк (электроды). Месторождения плавикового шпата известны во многих местах Забайкалья и частично разрабатываются. По обеспеченности плавиковым шпатом Ангара занимает исключительно благоприятное положение. Графит имеется в известном Альберовском месторождении и по р. Енисею. Пек может быть получен из Кузбасса, в будущем, несомненно, будет иметься на месте как побочный продукт от химического использования некоторых сортов черемховских углей.

Итак, повидимому, идея алюминиевого производства на Ангаре заслуживает внимания в качестве руководящей гипотезы для поисков надлежащего сырья и постановки лабораторных исследований.

В отношении железорудных месторождений территория Ленско-Байкальского района может быть характеризована применительно к трем железорудным провинциям.

[1] По имеющимся сведениям Геолком 1928 г. производил поверку этой идеи на местах.

1) Ангарские месторождения, расположенные в порожистой части р. Ангары, затем в районе Братского острога и, наконец, в районе р. Илима. Все руды являются типичными магнитными железняками. Общий запас руд определяется до 4.070 тыс. тонн. Весьма возможно, что рудоносность распространяется к северу, северо-западу и к югу дальше ныне известных ее границ.

2) Байкальские месторождения. Здесь различаются группы: Онотская (по реке Оноту, приток р. Белой), Ольхонская (на западном берегу Байкала и на острове Ольхоне), Мысовская (на юго-восточном берегу Байкала), Петрозаводская (в Забайкалье), Курбинско-Удинская (к северу от г. Верхнеудинска), Чикойская (р. Чикой, правый приток реки Селенги). Наибольший практический интерес имеют Мысовская и Курбинская группы месторождений. Онотская группа, открытая лишь в 1925 г., оценивается крупными запасами железа, но руды низкопроцентные (40—35%). Не исключена возможность открытия обогащенных зон в этом районе. Петровско-заводская группа обслуживает завод того же имени, имеет ограниченные запасы руды.

3) Нерчинские месторождения. В районе Нерчинского завода расположены месторождения Железного кряжа. Вторая группа расположена в бассейне р. Витима, в 110 *км* от г. Читы. Третья группа расположена в бассейне р. Амазар в 15 *км* от Забайкальской железной дороги. Месторождения мало разведаны.

Общие запасы железных руд Ленско-Байкальского района определяются так (в тыс. тонн):[1]

Ангарские	от	3.340	до	4.070
Байкальские	„	9.314	„	29.314
Нерчинские	„	90	„	90
Итого . . .	от	12.744	до	33.474

Эти запасы обеспечивают при известных условиях производство металла в размерах до 120 тыс. тонн. Таким образом, район занимает второстепенное место. Однако, к этой характеристике необходимо дать некоторые пояснения. Изученность ленско-байкальских железорудных провинций слишком невелика. Немногочисленные работы в прошлом носили характер обще-научных геологических исследований по линии так называемой региональной геологии, оставляя задачи прикладного промышленного характера на втором плане. По Ангарскому железорудному району с 1844 по 1917 гг. было всего 4 геологических маршрута, охвативших лишь узкие полосы этой громадной территории при самом беглом их освещении. Онотский, Мысовский и Курбинский районы освещены также слабо. Таким образом, если сейчас при почти полном отсутствии специально поставленных разведок имеются значительные установленные запасы, то можно надеяться, что правильные разведки дадут базу для более крупных заводов.

Кроме освещенных вопросов, связанных с использованием энергии р. Ангары, следовало бы остановиться на вопросах о лесных ресурсах в связи с древесно-массной и целлюлозной промышленностью и резервах по деловой древесине в связи с перспективами сплава по Ангаре; на вопросах минерального сырья для химической промышленности, на на ресурсах органического промышленного сырья — полеводстве и животноводстве. Электроустановки на Ангаре, в особенности установки на порогах, несомненно, повлияют на возникновение интереса и к этим темам, но это не умещается в рамки одной статьи.

[1] Данные Иркутского губплана.

Данная уже выше краткая характеристика энергетической и металлургической базы Ленско-Байкальского района достаточна, чтобы определить этот район, как сочетание крупнейших запасов дешевой энергии, многообещающих металлорудных провинций и обильных лесных ресурсов. Что касается сельскохозяйственных фондов, то они мало еще использованы и могут вместить еще значительное количество переселенцев. Почвенно-климатические условия в этом районе хуже западно-сибирских и не позволяют в широких размерах развить экспортное зерновое хозяйство. Скотоводство количественно большое, но качественно низкое, имеет много шансов на развитие. Рост промышленности районов в связи с использованием р. Ангары, несомненно, пробудит косвенно и сельское хозяйство, создав внутренний рынок — базу для будущей колонизации.

III

Современная экономика района в значительной мере определяется географическим расстоянием до возможных рынков сбыта ее товаров. Расстояние от Иркутска до Ленинграда составляет свыше 6.000 *км*; до Владивостока по кратчайшему направлению через Китайско-Восточную железную дорогу — свыше 3.000 *км*. Это расстояние лишает возможности основывать хозяйство района на эксплоатации сырьевых ресурсов с вывозом сырья в необработанном виде, за исключением высокоценных сырьевых продуктов — золото, пушнина, авиалес, ценные скотоводческие продукты и т. д. Таким образом, широкое развитие района возможно при условии промышленной переработки разнообразного сырья с получением транспортабельной продукции. Эта же направление подсказывается и изобилием, и дешевизной энергии, и центральным географическим положением среди других районов Сибири и на путях на Восток.

В отношении соседних западных районов следует отметить, что генеральный план развития хозяйства намечает крупное увеличение их хозяйственного веса. Основной предпосылкой этих изменений является сверхмагистрализация Сибирской железной дороги, начинаемая в первое пятилетие. Появление дешевых сверхмагистральных тарифов для массовых сырьевых грузов будет означать органическое включение западных районов Сибири по бассейну р. Енисея включительно в одно экономическое целое с основными европейскими районами Союза. Кроме того, западные районы через Семиреченскую дорогу будут уже в первое пятилетие связаны в одно целое с Средней Азией. Таким образом, основная европейская производственная база Союза, относительно бедная природными ресурсами, будет решительным образом расширена за счет охвата западных частей Сибири. Можно с достаточной долей уверенности в настоящее время говорить о примерных масштабах и характере хозяйства западных районов в ближайшее пятилетие.

Обский и Кузнецко-Алтайский районы предположено специализировать на товарно-зерновом хозяйстве, в частности, на пшенице с масштабом производства на вывоз к 1932/33 г. от 3,5 до 4,2 млн. тонн. В Кузнецко-Алтайском районе будут развиты основные виды промышленности— уголь с годовой добычей от 5,5 до 6 млн. тонн, кокс — 1,1 млн. тонн, электричество — до 100 тыс. установленных киловатт, чугун — до 400 тыс. тонн, цинк — до 50 тыс. тонн, свинец — до 15 тыс. тонн, серная кислота — до 50 тыс. тонн.

Кроме того, в этом районе будет развит ряд обрабатывающих отраслей. По означенным масштабам роль Кузнецко-Алтайского промышленного комплекса будет очень крупная. Районы, граничащие с Ленско-Байкальским районом с востока, также претерпят существен-

ные изменения. Сельскохозяйственная и промышленная колонизация Дальнего Востока предрешена всем ходом хозяйственной его жизни, стимулируемой развитием экономики Японии и Китая. Перенаселенная Япония нуждается для жизни и использования труда своего населения в дополнительном ввозе извне средств питания (рис, хлеб, рыба), средств строительных (лес), средств для развития промышленности (нефть, уголь, железо, лес, ферро-сплавы), средств удобрения для земледелия и притом во все растущих количествах. В связи с этим соответствующие ресурсы нашего Дальнего Востока получают экономические основания для разработки.

Сев. Маньчжурия уже сейчас является мощной сельскохозяйственной страной. Китай с его 300—400-миллионным населением идет к хозяйственному развитию на каких-то новых основаниях. Итак, внешняя обстановка, в которой сейчас находится Ленско-Байкальский район, окруженный странами, находившимися долгое время на низкой ступени хозяйственного развития, по всей совокупности наших представлений о ближайшем будущем, — будет очень сильно и сравнительно скоро изменена. При этих условиях промышленные начинания в Ленско-Байкальском районе могут обрести дальнейшие стимулы для их развития. Если на первых порах есть возможность обосновать лишь те промышленные начинания, которые связаны с общесоюзными заданиями по производству цветных и белых металлов, ферро-сплавов и т. д. с вывозом продукции в европейские районы, то с течением времени в дополнение к ним появится ряд заданий по обслуживанию потребностей соседних сибирских и дальне-восточных рынков и работы с зарубежными странами, Монголией, Сев. Маньчжурией, Японией, Китаем. Развитие энергетических центров Ленско-Байкальского района первоначально для специальных целей, не связанных органически с экономикой самой территории, в свою очередь явится организующим фактором для роста и местной и общесибирской экономики. Как сверхмагистраль Москва — Новосибирск при помощи удешевления тарифов создает предпосылки для широкой эксплоатации сырьевых ресурсов Западной Сибири, точно так же электрификация Ленско-Байкальского района, повышая рентабельность разработки его сырьевой базы, создает предпосылки для его промышленного развития.

IV

С общесоюзной точки зрения Ленско-Байкальский район должен стать поставщиком цветных и белых металлов (цинк, свинец, серебро, олово, алюминий, золото) дать редкие металлы (вольфрам, молибден, сурьма, висмут) и ферро-сплавы с некоторыми из них, по которым Ленско-Байкальский район имеет монопольное положение в Союзе. Далее, необходимо: изыскать наилучшие способы использования богхедов (особый вид углей с содержанием для черемховских богхедов до 85% летучих) для приготовления нефтеподобных производных и прямого ожижения в нефть; развить добычу азбеста, графита, слюды, цветных камней и т. д.; обеспечить снабжение соответствующей части сибирских дорог черемховским топливом. Наконец, Ленско-Байкальский район должен развить товарную продукцию своих скотоводческих территорий (шерсть, кожа, мясо, масло), создать экстрактовую промышленность на бадане и ряд заводов по переработке собственного и монгольского скотоводческого сырья, создать железоделательную промышленность, способную стать в будущем металлургическим центром для Восточной Сибири и развить химическую промышленность, в частности, производство удобрений для сибирских нужд и для экспорта в земледельческие страны Востока.

Общеплановые и общеполитические соображения побуждают поставить ряд дополнительных экономических требований, а именно: весь комплекс предприятий по возможности должен размещаться компактно в виде одного, двух, много трех оазисов, так как распыление заводской промышленности в новом, пионерном районе может понизить общий тонус техники и увеличить затраты.

Проектировка отдельных частей и всего комплекса в целом должна отвечать требованиям энергетического и производственного комбинирования для получения: минимума энергетических потерь в электроэнергии и тепловой энергии для всего комплекса, минимума материальных потерь в виде неиспользованных побочных продуктов и отбросов производства, минимума транспортных потерь в виде повторных и встречных перевозок сырья и полуфабрикатов, минимума расходов на новое жилищное строительство и строительство новых путей сообщения.

Вся остальная территория района должна рассматриваться, как сырьевой базис для работы основных центров. Не исключается возможность использования сырьевых ресурсов соседних районов: Якутии, Дальнего Востока, Сев. Маньчжурии, Монголии. Вообще составные части всего комплекса должны быть выбраны таким образом, чтобы способствовать установлению правильных хозяйственных связей между сибирскими районами и тем самым преодолеть хозяйственное обособление Дальнего Востока. При выборе производств также необходимо вспомнить, что Япония и Китай не являются странами, экономически уравновешенными для замкнутого развития на основах современной техники. Япония имеет растущие избытки населения. Ее сельское хозяйство, равно как и китайское, если оно будет модернизироваться, будет нуждаться в минеральных удобрениях. На путях промышленного развития Японии стоит ряд препятствий в виде дефицита по энергетике, лесу, железу, некоторым другим металлам. Следовательно, надо учитывать возможность ввоза как соответствующего сырья, так и готовых или полуготовых энергоемких товаров. Перспективы Китая для его огромного населения в этих отношениях также наводят на подобные соображения. Это должно быть учтено. Общее планово-экономическое задание побуждает проектировать три основных комплекса промышленных начинаний:

1) группа промышленных производств, связанных с использованием энергии р. Ангары;

2) группа производств, связанных с использованием энергии Черемховских углей и, в частности, богхедовых углей;

3) группа производств, связанных с использованием скотоводческих ресурсов.

Тема настоящей статьи ограничена первой группой, но ею не ограничиваются возможности Ленско-Байкальского района.

Использование р. Ангары естественно распадается на два этапа: использование быстрин участка между оз. Байкалом и г. Иркутском и использование порогов.

Первый этап включает в себя экономически законченный комплекс, который может быть начат осуществлением после сравнительно небольших исследований.

Стоимость капитальных вложений по этому комплексу ориентировочно определяется в 110—200 млн. руб., считая энергетическую часть, заводское и рудничное строительство и вложения в транспорт. Вторая часть захватывает гораздо более обширный комплекс предприятий. Этот этап требует предварительной постановки обширных исследований, полевых и научно-лабораторных.

В состав первого малого проекта входят: [1]

1) Электроустановка на истоках р. Ангары (12—18 *км* от истока) с установленной мощностью в 125—120 тыс. квт. с напором в 8—12 метров, с годовой отдачей тока в 880—1320 млн. квтч. и себестоимостью тока в 0,5 коп. за квтч. Установка должна проектироваться так, чтобы она могла служить в будущем (при постройке больших установок на порогах Ангары) для целей регулирования расхода воды на этих установках. При ней должны быть устроены шлюзы для судоходства.

2) Четыре завода вблизи установки по производству алюминия, завод фтористых солей, электродный, металлургический.

3) Сырьевая база для алюминиевого производства (в зависимости от результатов исследований и принятых методов производства алюминия).

4) Три завода вблизи установки: электролитного цинка, свинцовый и сернокислотный с годовыми масштабами производства, примерно, 10 тыс. тонн цинка, 5 тыс. тонн свинца, 15 тыс. тонн серной кислоты, с возможным увеличением до 30 тыс. тонн цинка и 15 тыс. тонн свинца.

5) Заводы ферро-сплавов — с годовой производительностью до 17 тыс. тонн ферро-вольфрама, ферро-молибдена, ферро-силиция, ферро-марганца.

6) Сырьевая база для цинкового и свинцового производства и производства ферро-сплавов в виде Нерчинского района полиметаллических руд и редких металлов.

7) Железная дорога облегченного, под'ездного типа в Нерчинском районе — Борзя-Нерчинский завод.

Факультативно в состав малого проекта могут быть включены железоделательный завод на рудах Прибайкальского района (Мысовское, Ольхонское, Курбинское месторождение с сырьевой и топливной базой) и электропередача по линии Ангарская станция — Иркутск — Усолье — Хайта — Черемхово, длиной 190 *км*.

Капитальные затраты ориентировочно распределяются так (в млн. руб.).

Гидроустановка	68
Алюминиевые заводы	50
Цинковый и свинцовый заводы	8
Электросплавы	1
Горное дело, разведки, транспорт	33
Итого	160

Если принять цены на продукцию по Нью-Йорку (октябрь 1927 г.) с пересчетом по паритету, за исключением цинка и свинца, цены на которые следует взять по Москве, в виду того, что эти металлы в полном об'еме будут поступать на внутренний рынок, то эффективность затрат будет такова (в млн. руб.):

Годовая себестоимость продукции без амортизации и % на капитал	21,0
Себестоимость транспорта до рынков сбыта	1,7
Итого	22,7
Возможная продажная цена продукции	41,4
% на капитал электростанции	3,0
Итого	44,4
Ежегодный остаток на оплату %, амортизацию и промышленная прибыль	21,7

[1] Выше уже было пояснено значение этих подсчетов: они играют роль обоснований для постановки исследовательских работ и только.

Это составляет до 14% на строительный капитал, если дополнительные исследования вопроса не внесут решительных исправлений в общие расчеты.

Большой проект включает следующее.

1) Две гидроустановки на порогах р. Ангары (ниже 660 *км* от истока): Долгопорожскую — мощностью в 1.500.000 квт. и Шаманскую — мощностью в 950.000 квт., а всего 2.450.000 квт. Возможная годовая отдача тока первой — 10.000 млн. квтч., второй — 6.500 млн. квтч., а всего 16.500 млн. квтч. Себестоимость тока первой до 0,2 коп. за квтч; второй — до 0,25 коп. квтч.

2) Железная дорога магистрального типа от ст. Тулун до пристани Усть-Кут на р. Лене с ветвью вдоль порогов до устья р. Илима. Длина дороги Тулун — Усть-Кут — 653 *км*; ветви — около 300 *км*. Дорога колонизационная и транзитная в Якутский район и Бодайбинский и Алданский золотопромышленные районы. Ветвь обслужит пороги, строительство, будущие заводы, лесные разработки низовьев Ангары и колонизацию, даст связь с Тунгузским каменноугольным бассейном и выход на Елисейскую ветвь северо-морского пути. Без дороги ни постройки, ни эксплоатация больших гидроустановок на Ангаре невозможны.

3) Заводы по электроплавке чугуна и электролизу железа плюс расширенные заводы по ферро-сплавам, сооружаемые вместо установок на истоках Ангары, имеющих по идее пробный характер.

4) Сырьевая база черной металлургии — Николаевский железорудный район; районы древесноугольного и каменноугольного топлива на Ангаре; месторождения подсобных материалов.

5) Заводы по производству алюминия в расширенном масштабе для Союза и экспорта на Восток.

6) Заводы по производству азотистых удобрений для сибирских, маньчжурских, японских, китайских рынков.

7) Ряд других заводов синтетической химии.

8) Заводы по переработке древесины бассейнов рек Ангары, Верхней Лены, Илима, Оки.

Порядок затрат на комплекс ангарских предприятий на порогах ориентировочно такой (в млн. руб.):

Две гидроустановки на порогах	400
Потребитель, горное и лесное дело, разведки	1.000
Жел. дор. Тулун—Усть-Кут с ветвью	100
Итого	1.500

Постройка может быть произведена в две очереди с затратами на первую до 1.000 млн. руб. и на вторую до 500 млн. руб.

Выше уже неоднократно подчеркивалось, что все изложенное представляет собой лишь некоторую общую идею исследований, дающую единство логики и целеустремленность для всей нашей исследовательской работы в Ленско-Байкальском районе. Исследовательскую работу в районе мы все равно ведем, даже сейчас. Нет сомнений, что мы затратим на исследования, в конце концов, весьма крупные суммы. Эти суммы будут заведомо меньше при принятии целостной программы, а сами исследования будут заведомо более продуктивны.

Малый проект требует на исследования относительно небольших сумм. Рудную базу мы уже сейчас исследуем, остается добавить сравнительно небольшие суммы на исследования гидроэлектрической части в дополнение к тем суммам, которые Главэлектро уже начало отпускать для этого дела. Необходимо лишь более солидно организовать работу, придав единство организации исследовательского и проектного дела, по

природе носящего комплексный характер, в связи с необходимостью одновременного изучения и энергетики и потребителя.

Исследования и проект первой части должны быть закончены в 4—5 лет.

Исследования второй части несравненно более сложны. Исключительная по дешевизне и количеству энергия порогов требует специальных научных исследований о потребителе, так как мировая практика не знает примеров подобных условий. Если себестоимость тока в 0,5 коп. за киловатт-час создает цветную металлургию, то каковы производственные возможности энергии в 0,2 коп. за киловатт-час?

В заключение приведем некоторые подсчеты о рентабельности использования энергии Ангары для нужд союзного рынка. Не помешает ли удаленность Ангары от европейских центров Союза использованию ее продукции для нужд европейских районов?

Проверим выгодность производства алюминия.

Наибольшая доля расходов при получении алюминия падает на получение окиси алюминия (до 36—37%). На втором месте стоят электроды (до 18—21%), на третьем месте стоит энергия (до 13—15%). Четвертое место занимает фтористые соли (8—11%). В стоимостях окиси алюминия, электродов, фтористых солей большую долю составляет транспорт разнообразного сырья, необходимого для этих производств, и транспорт окиси алюминия, электродов, фтористых солей к месту расположения алюминиевого завода. В занимающей наше внимание проблеме алюминиевого производства на Ангаре необходимо, прежде всего, подойти к сравнению транспортно-материальных показателей ангарского алюминиевого производства с существующими другими проектировками (например, Днепрострой). Это сравнение будет иметь решающее значение, так как фактор энергии может быть исключен: энергия и на Днепре и на первой Ангарской установке предполагается в одной цене.

Транспортно-материальные показатели различных вариантов алюминиевого производства на 1 тонну алюминия

Варианты производств	Сырье	Способ производства	Транспорт.-мат. показ. (тонно-км)
Днепрострой, I вар. все заводы на Днепре	Тихв. бокс.	Кузнецова-Жуковского	13.030
Днепрострой, II вар. окись алюм. на бокситах, металлич. завод на Днепре	„	„	18.430
Днепрострой, II вариант	„	Пенякова	15.690
Ангара, I вариант. все заводы на Ангаре	Маньчжуриты	Байер	14.783
Ангара III вар., часть заводов в Забайкалье, часть на Ангаре	„	„	12.003
Ангара, II вар., работа на каолинах, все заводы на Ангаре	Каолины	Пиритн. способ	5.585

Для полной сравнимости следует учесть перевозки готового металла. Днепровский металл весь будет потреблен в европейских районах. Принимая для ангарского металла потребление в размере $^2/_3$ в европейских районах, остальное оставляем на Азию. Тогда при работах Ангары на маньчжуритах будем иметь (в тоннах):

	Днепр	Ангара
	15.700	12.000
	+ 1.000	+ 4.600
Итого . . .	16.700	16.600

Условия, как видим, ценные.

Для случая работы на каолинах решительное преимущество оказывается за Ангарой, но следует иметь в виду, что сведения о маньчжуритах еще не проверены и что пиритный способ обработки каолинов еще не изучен, а если он окажется практичным, то и Днепр может перейти на каолин.

По работам Комиссии генерального плана Госплана СССР для периода 1925/26—1940/41 гг.—намечается хронический недостаток меди. В промышленном потреблении для электрификации есть надежда с появлением алюминиевых сплавов повышенной электропроводности и прочности заменить часть меди алюминием. Это повышает интерес к возможности организовать алюминиевое производство именно на Ангаре. Элементарные расчеты показывают, что ни одна установка в СССР с ценой энергии в 0,75 коп. за киловатт-час не может конкурировать с Ангарой, если надежды на местное алюминиевое сырье оправдаются и если на „источной“ установке будет дана энергия по 0,50 коп. за киловатт-час. Если же оправдаются предположения о цене энергии на Ангарских порогах в 0,25 коп., то никакая другая установка в СССР не может конкурировать с производством алюминия на Ангаре, а сырье для алюминия может быть пониженного качества, например, сланцы. Таким образом, опасения что удаленность Ангары от европейских центров помешает использовать ангарскую продукцию для общесоюзных целей могут не иметь места.

Что касается металлургии полиметаллов Нерчинского района, то конкурентными вариантами мест расположения заводов могут быть: Предбайкальский район и Кузбасс. Вариант расположения заводов на месте, в самом Нерчинском районе отпадает по следующим соображениям.

Район не имеет достаточного количества энергетических ресурсов. Обеспеченность лесами слабая, водной энергии не имеется в достаточном количестве и по достаточно низким ценам. Угольные ресурсы ненадежны. Организовать металлургию на Черновских копях при дистилляции невыгодно, так как в этом случае выгоднее возить рудные концентраты в Кузбасс, где нужно будет только расширять завод, а не строить заново. При всех суждениях о районировании заводов по металлургии полиметаллов следует иметь в виду, что громадные достижения заграничной, в особенности американской техники в деле обогащения сырых руд (в частности, методами селективной флотации), совершенно видоизменяют экономику цветной металлургии. Усовершенствование флотационных приемов обогащения позволяет самые сложные по составу полиметаллические руды обогащать в отношении содержания металла в руде, одновременно отделяя в рудоносной породе руды разных металлов, одну от другой. Для СССР это имеет особое значение, так как у нас нет ни одного полиметаллического района, где бы имелись отдель-

ные месторождения, обеспечивающие работу завода современного масштаба. Ни на Алтае, ни на Кавказе, ни в Нерчинском районе таких месторождений нет. В этих рудоносных провинциях мы имеем, как правило, лишь мелкие и недолговечные по времени возможной разработки месторождения, из которых каждое в отдельности может обеспечить работу лишь мелких заводов в течение 10—15 лет. Но одновременно с этим в каждой рудной провинции имеется достаточно большое общее число месторождений. Так как современные методы обогащения позволяют изготовлять транспортабельные рудные „концентраты" с высоким содержанием металла, то становится возможным централизовать металлургию цветных металлов на небольшом числе крупных заводов, подвозя к ним концентраты непосредственно из рудных провинций. На самих же рудниках, при этих условиях должны быть поставлены лишь добыча сырой руды и ее обогащение.

Подсчеты, сделанные автором совместное с инж. Гуштюком, для перевозок полиметаллических концентратов показывают, что экономически целесообразны весьма большие расстояния перевозки концентратов по железным дорогам, если можно выиграть на стоимости энергии.

На пути следования нерчинских концентратов на запад расположены ангарская гидроэнергия, Черембасс и Кузбасс. Черембасс сразу исключаем по тем же мотивам, по которым ранее были исключены Черновские копи. Расчетное число тонно-километров перевозок рудного сырья для Кузбасса будет: $2{,}41 \times 3700 = 8925$ тонно-километров, для Ангары — $2{,}41 \times 1600 + 1740 = 5700$, т.-е. разница в пользу Ангары будет — 3225 тонно-километров, что в ценностном выражении дает экономию в 17 р. 25 к. на тонну цинка; учитывая же большую дешевизну энергии на Ангаре, будем иметь экономию для Ангары до 53 рублей на тонну цинка для случая электролиза. Так как в Кузбассе предположен большой завод для переработки алтайских руд, который нужно лишь расширять для переработки Нерчинских руд, то мы будем иметь экономию в пользу Кузбасса до 600 руб. на тонну цинка за счет уменьшения процентов на основной капитал и амортизацию. Таким образом, все же в пользу Ангары мы будем иметь значительную экономию. Все расчеты сделаны в предположении лишь малого масштаба работы Нерчинских рудников — до 10.000 тонн, считая на цинк. При росте масштаба до 30—35 тыс. тонн преимущества Ангары будут большими. Повидимому, наиболее рациональное решение нерчинской проблемы будет заключаться в том, что в первые годы, когда Кузбасский завод будет недогружен, он будет перерабатывать также нерчинские концентраты. В дальнейшем же, когда выяснится алюминиевая проблема и будет сооружена ангарская установка, цинковый завод следует создать на Ангаре. Пробный расчет калькуляции цинка на Ангаре дает цифру себестоимости в 386 р. 50 коп. за тонну, что обеспечивает при цене цинка в Москве в 510 руб. провоз и получение прибыли.

Свинцовый завод по переработке Нерчинских руд, повидимому, в целях единства хозяйства будет целесообразно поставить в одном месте с цинковым заводом. Себестоимость ангарского свинца будет около 443 р. 60 к. за тонну, что при цене на свинец в 466 рублей будет рентабельным, считаясь с тем, что сбыт свинца в большей части будет в Азии. Что касается рынков сбыта для нерчинских полиметаллов, то работы по генплану показали совершенную обязательность разработки этих месторождений. Что касается ферро-спланов, то произведенные мною подсчеты указывают на экономическую целесообразность их выработки на Ангаре для нужд Сибири, Союза и экспорта на Восток.

Я. Балабан. Хлеб в мировом хозяйстве. Изд. „Московский Рабочий" 1928, стр. 172, цена 1 р. 50 к.

Интерес к изучению вопросов, связанных с мировым хлебным производством и распределением, растет среди широких слоев работников советского хозяйственного и партийного аппарата, особенно в настоящий момент, когда вопросы зерновой проблемы СССР встают перед нами во весь рост. Между тем, мы не богаты литературой на данную тему.

Рецензируемая нами брошюра, являющаяся одной из серии „Мировое Хозяйство", выходящей под редакцией Ш. Дволайцкого и Н. Петрова, ставит перед собой задачу популярно изложить основные моменты, характеризующие мировое хлебное хозяйство и положение в нем Советского Союза. Брошюра разделяется на четыре основных главы: 1) хлеб в мировом производстве, 2) хлеб в мировом товарообороте, 3) цены на хлеб, 4) хлеб в СССР.

Известно, что мировая империалистическая война внесла большие коррективы в хлебное производство и распределение. Заокеанские страны за годы войны развивали свое хлебное производство за счет упадка его в Европе. Результатом этого явления мы имеем громадный рост удельного веса заокеанских стран в мировом экспорте. Если до войны одна только Россия занимала в экспорте пшеницы около 25%, а вся Европа 40%, то за годы 1920—1927 заокеанские страны занимают удельный вес в этой области свыше 90%. Роль всей Европы свелась к нескольким процентам. Значительное падение удельного веса Европы в мировом послевоенном экспорте сказывается и по всем другим хлебным культурам (по овсу с 50% до 17%, по ячменю с 85% до 35% и т. п.).

Зависимость Европы (без СССР) от заокеанских стран в этом отношении налицо. Выйти из данного положения и обойтись без заокеанского хлеба Европа не может в силу многих причин, заключающихся как в самом хозяйственном и географическом положении ее, так и в том, в частности, что европейские капиталисты находят более выгодное применение своего капитала в других отраслях производства (индустрии), а без вложения капитала в зерновое хозяйство Европы его не только нельзя расширить, но и нельзя восстановить до прежних размеров.

Но и в самих заокеанских странах за последнее десятилетие произошли значительные изменения в соотношении производства и экспорта хлеба. Первенствующая роль Соединенных Штатов отходит Аргентине, Канаде, Австралии.

В брошюре уделено достаточно внимания затронутым нами вопросам за исключением вопроса о СССР. Между прочим, в конце книги автор, говоря о возможной будущей войне между Америкой и европейскими странами, считает, что данная война явится одной из причин усиления СССР в хлебном экспорте.

Но в брошюре много фактического материала (цифр, диаграмм), характеризующего как производство хлебных продуктов по культурам и странам, так и хлебный товарооборот, цены и т. п. Автор довольно подробно описывает роль различных хозяйственных организаций в хлебном производстве и экспорте, роль хлебных бирж, пулов, банков и т. д. Особенное внимание автор уделяет развитию хлебного хозяйства заокеанских стран, приводит много цифрового материала по вопросам производства хлеба, динамики развития зернового хозяйства и проч. Все это делает книжку полезной.

В заключение необходимо остановиться на двух недоразумениях. В одном месте автор, говоря о посевных площадях Германии, приводит данные такого порядка: в 1878 году в Германии на одного жителя приходился 31 гектар площади под хлебом, а в 1909 году — 22 гектара (стр. 29). Это — в десятки раз преувеличенные данные. Сам же автор несколькими страницами позднее приводит диаграмму, говорящую нам о том, что в Германии хозяйств с посевом до 2 гектаров 58,5%, до 10 гектаров — 30,5% и свыше 10 — 11%. Непонятно, чем об'ясняются такие искажения.

Однако, брошюру можно рекомендовать широкому активу хлебных и других работников как материал для изучения вопроса, докладов и т. п.

В. Носов

Е. О. Кабо. Очерки рабочего быта — Опыт монографического исследования. Изд. ВЦСПС. Москва, 1928 г., стр. 290, цена 4 руб.

В статистико-экономических исследованиях последнего десятилетия вопросы труда и рабочего быта играют далеко немаловажную роль. Наоборот, ни в одной из западно-европейских стран не уделяется столько сил и средств исследованиям рабочего быта и уровня жизни рабочих, как в СССР. Но нужно признаться, что большую часть этих исследований постигла незавидная судьба: они сделаны как бы по одному и тому же трафарету изучения динамики такого-то количества общепризнаных показателей рабочего быта. Исследования эти свелись, таким образом, к наблюдению своего рода бюджетной кон'юнктуры. Встречая ту или иную книжку по рабочим бюджетам, вы наперед можете знать, о каких вопросах будет там говориться, как будут трактоваться отдельные проблемы. В результате, несмотря на колоссальный материал, которым располагает советская статистика в вопросах рабочего бюджета, статистические и табличные трафареты выхолащивают из него его сущность, скользят зачастую по поверхности изучаемых явлений, ибо не пытаются даже проникнуть в толщу рабочего быта и осветить все его многообразие и все его противоречивые тенденции.

Новые задачи планового порядка (использование бюджетных исследований для исчисления емкости рынка, потребности наблюдения кон'юнктуры и пр.) требуют и иного подхода к статистике труда.

Автору рецензируемого монографического описания удалось не только преодолеть образовавшуюся уже в этой области инерцию и рутину, но и дать совершенно новый в СССР тип исследования, удачно сочетающий статистическую сводку материалов рабочих бюджетов, анкет, освещающих быт рабочих семей, и отдельные монографии индивидуальных рабочих хозяйств.

В основу всего исследования положены текущие (годовые) бюджетные записи нескольких десятков московских рабочих хозяйств в 1924 году.

Исследования, произведенные автором в качестве первого опыта в 1924 г., продолжались в расширенном об'еме и в следующие годы. Автор, в частности, подробно использовывает данные 1925 г. и приводит в приложении материалы 1926 и 1927 гг. Но центр тяжести всей книги переносится на первый год исследования, охватывающий минимальное количество рабочих семей, ибо для этого года произведены подробные монографические описания отдельных хозяйств и дано наибольшее количество бытовых анкет. Тон всей книги делают именно эти монографические исследования. Составленные просто, без всякого нагромождения цифрового материала, они ярко описывают жизнь и быт отдельных рабочих семей. Местами эти жизнеописания принимают прямо-таки художественную форму и все, как один (всего их 14), читаются с неослабеваемым интересом.

Все приведенные монографии автор разбил на три группы: целина, первые борозды, новь. В основу этой группировки положен формальный признак — наличие или отсутствие в описываемых семействах новых элементов быта, внесенных туда революцией. Но какую бы группу из этих описаний мы не взяли, всюду давит скудость быта, его неустроенность, безрадостность тяжкой борьбы за существование. Через каждую монографию красной нитью проходит, какое колоссальное значение имеют в рабочем быту жилищные условия и каким буквально бедствием являются недостаток жилищной площади и скученность жилья. Почти в каждой монографии по-своему ставится так называемый женский вопрос; ярко освещается тяжелый неблагодарный труд работницы, делящей свое время между фабрикой и домашним трудом, и домашней хозяйки, всей без остатка, с'еденной мелкой повседневностью, маленькими семейными заботами и тяжелой и длительной, с утра до ночи, домашней работой. В отдельных монографиях ярко иллюстрируются те коллизии, которые порождаются в рабочей семье благодаря неразрешимости в наших условиях проблемы домашнего труда. Самые противоречивые тенденции живут в быту современного рабочего. Мы встречаем здесь подчас исключительное культурное отношение к детям — систему воспитания без окриков, без побоев, а подчас совершенно обратное. Мы встречаем здесь почти абсолютную трезвенность, а рядом — регулярную пьянку. Рядом уживаются самые различные формы брака и семейной организации: строго налаженная семья, „освещенная, церковным браком, и семья, где брак никем не зарегистрирован; семья, живущая душа в душу, и семья, где муж является почти-что гостем дома и где то, что он вносит домой, не окупает даже расходов на его пропитание. Икона и портрет Ленина, евангелие и учебник политграмоты — все это часто живет не только под одной крышей, но даже в одной и той же комнате.

Особенно ярко подчеркивают монографии бескультурье рабочего быта.

Главной артерией, по которой современная культура проникает туда, — это газета и общественно-политическая деятельность.

Прикосновение рабочего к общественно-политической деятельности в большинстве случаев находит немедленный

отклик в повышении уровня культуры всего домашнего быта рабочей семьи. Это сказывается и в происходящей при этом модификации внутреннего вида жилища, в появлении нового круга потребностей и т. д.

Книга, театр, кино играют в рабочем быту пока еще ничтожную роль, и хоть современный столичный рабочий уже знает „трахт“ ко всем этим благам культуры, но они еще не вошли в его быт, не сделались его обязательной принадлежностью.

Интересны отдельные черты, фиксируемые автором. Анализируя питание рабочих, автору удается наглядно вскрыть, почему так крепка система домашнего питания и так мало адептов в рабочем быту находит питание в общественных столовых; он наглядно показывает, что последнее еще слишком дорого, что если даже оценить по рыночной стоимости труд домохозяйки, то и тогда домашнее питание окажется значительно рентабельнее, чем общественное.

Рассматривая жилищные условия рабочих, автору удается проиллюстрировать те безусловные достижения столичного пролетариата, которые являются результатом революции, но вместе с этим и показать, к чему ведет скученность жилья, скудость домашней обстановки, отметить взаимозависимость жилищной, если можно так выразиться, культуры от уровня благосостояния рабочих, степени их политической активности и т. д.

Та безрадостная картина, которую рисуют монографии, в громадной степени бледнеет в статистической обработке материалов исследования, данных автором в третьей части книги. Автор ревностно ищет все то новое, что внесли в рабочий быт последние революционные годы. В этих поисках одновременно и сильное и слабое место этой части книги. Сильное—потому, что они придают всей работе динамичность и общественную целеустремленность. Слабое же — оттого, что они подчас затмевают факты и выводы, которые напрашиваются из статистического материала, данного самим же автором, или, наоборот, подсказывают ему заключения, неоправданные этим материалом. Так, например, обстоит дело с доказательством типичности обследованных рабочих семей. Для автора ясно, что в 1924 г. обследованы семьи наиболее квалифицированных рабочих, но, исходя из соотношения заработной платы и числа едоков, автор делает вывод о том, что уровень жизни представленных в обследовании семей, если не ниже, то во всяком случае и не выше среднего для Москвы. Автор не замечает, в каком кричащем и неразрешенном противоречии находится это утверждение с его же прекрасно-задуманными исчислениями вероятной ошибки отдельных показателей строения бюджета, уровня жизни и т. д.

Далее, автор сам отмечает отбор для обследования рабочих хозяйств повышенного культурного уровня, он пытается даже путем деления на партийных и беспартийных элиминировать этот факт, но этим и ограничивает свои оговорки. Наконец, автор большое внимание уделяет сравнениям с довоенными данными, оперируя для этого переработкой бюджетов питерских текстильщиков Давидовича. Условная ценность этих сравнений ясна самому автору, но он не делает из этого необходимых выводов, оперируя этим материалом так, как будто никакой проблемы тут нет. Наоборот, он обрывает в самом начале богатый возможностями анализ изменения состава современного пролетариата, который мог бы многое рассказать о том, почему высокий в сравнении с довоенным уровень заработной платы не дает того эффекта в повышении уровня жизни рабочих, на который можно было бы рассчитывать.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что эта неизбежная авторская тенденциозность, хотя и делает некоторое противоречие в выводах отдельных частей его книги, однако, нисколько не умаляет большой ценности и второй ее части, посвященной статистико-экономическому анализу материалов обследования.

В. Львов

На аграрном фронте. Орган Аграрного института Коммунистической Академии. Ежемесячный журнал, №№ 6—12. 1928 г. Изд. Комм. Академии. Цена номера 1 р. 50 коп.

Рецензируемые номера журнала, как и предыдущие, дают обширный материал, освещающий современную аграрную действительность, дающий теоретические разработки аграрных проблем.

По удельному весу в рецензируемых номерах первое место занимают статьи на теоретические темы. Остановим внимание читателя на ряде статей.

Очень обстоятельны две статьи тов. Кубанина, характеризующие социально-экономическую сущность проблемы дробления крестьянских хозяйств (№№ 8 и 10).

Ранее, в № 1 журнала, тов. Кубанин в первой статье, посвященной той же проблеме, установил основную причину распада крестьянской семьи — отчуждение части труда на сторону, превращение части труда семьи крестьянского хозяйства в товар. В двух указанных статьях автор устанавливает, что, помимо этой причины, фактором разложения

является новое обстоятельство, присущее советской системе, это — коренное изменение экономического лица крестьянского двора — равенство членов двора и охрана законом слабых членов двора. Этим об'ясняется большое увеличение дробимости крестьянских хозяйств. К этому фактору присоединяется и третий — сельхозналог.

Выяснив причины дробимости крестьянских хозяйств, автор переходит к проблеме борьбы с нею. Анализу мероприятий, необходимых в наших условиях, автор предпосылает разбор мер, которые применяются в Западной Европе и применялись капиталистической России.

Характеризуя те предложения, которые по данному вопросу высказывались, тов. Кубанин пишет: „Проекты по ограничению дробления, высказывавшиеся как в печати, так и в отдельных выступлениях, обычно не ставят вопроса об исследовании причин дробления, а ставят лишь вопрос об ограничении дробления путем запрета". Такая постановка вопроса мало содержательна, тов. Кубанин прав, когда ставит вопрос так: **борьба с дробимостью возможна лишь путем коренного изменения социальной природы хозяйства**: „либо капиталистическим путем и уничтожением крестьянского хозяйства, как мелкобуржуазного и превращением его в капиталистическое сельскохозяйственное предприятие, либо же социалистическим путем — включением в коллектив. Среднего нет и быть не может". Конечно, это не исключает принятия мер по борьбе с дробимостью индивидуальных крестьянских хозяйств, которые если и не дадут уничтожения дробимости хозяйств, тем не менее ее ослабят.

С интересом читается и другая статья того же автора „Против буржуазных извращений в вопросах советского землеустройства" (№ 6—7).

Тов. Кубанин разбирает. Две **единственные появившиеся за год** статьи по вопросу о социальной роли, землеустройства: проф. Хауке — „Понятие землеустройства" и Красавина — „Социально-экономические задачи землеустройства и подход к их разрешению".

Рассматривая взгляды авторов критикуемых статей, тов. Кубанин отмечает буржуазную ограниченность и неграмотность их понимания сущности аграрного строя и его эволюции из двух систем хозяйств — индивидуалистической и „планомерной", вследствие чего получаются политически вредные выводы затушевывающие существо нашей аграрной революции и идею социалистической плановости хозяйства, смазывается подлинный характер советского землеустройства, его классовая природа. Дело не ограничивается, однако, смазыванием. Опираясь на теоретические рассуждения проф. Хауке, его ученик Красавин, дав вслед за своим учителем буржуазное понятие землеустройства, логически пришел к следующему выводу: „Принимая в соображение, что массовой Производственной базой, усиливающей продукцию сельского хозяйства, является масса индивидуальных мелких крестьянских хозяйств, главным образом, середняцкого и зажиточного типа, землеустройство должно, таким образом, приспособлять территорию именно к этому хозяйству, т.-е. заниматься устройством таких форм земельной площади, которые удовлетворили бы индивидуального товаропроизводителя — это будут, главным образом, формы единоличные: хутора, отруба или формы хозяйства индивидуального, например, широкие полосы в общине или поселки".

Это чисто кондратьевские выводы — правильно характеризует тов. Кубанин тезис Красавина и подвергает его основательной критике.

Заслуживает внимания также другая статья, посвященная идеологически враждебным вылазкам в области сел.-хоз. экономии. Мы говорим о статье тов. Верменичева — „Об одной вылазке новонародника" (№ 10). Проф. Чаянов поместил в одном из французских журналов статью, характеризующую развитие сел.-хоз. экономики и статистики в СССР. В качестве основного достижения сел.-хоз. экономики проф. Чаянов выставляет свою достаточно разбитую критически семейно-трудовую теорию хозяйства, констатируя вопреки действительному положению вещей, „твердость" и „прочную" установленность этой теории. Чаянов не обошел молчанием и некоторые марксистские работы, но это, так сказать, приличия ради и для показа, что марксистские работы являлись вспомогательными для обоснования его теории. Критикуя чаяновскую статью, тов. Верменичев доказывает „беспочвенность новонародника, лишь повторяющего старые народнические „истины" о некапиталистическом характере капиталистических отношений, проникающих в сельское хозяйство".

В № 6—7 мы имеем статью тов. Я. Никулихина „О проблеме индустриализации сельского хозяйства", в которой автор ставит вопрос о понятии индустриализации сельского хозяйства.

Для правильного решения вопроса необходимо, прежде всего, установить основные экономические отличия промышленности и земледелия, ибо индустриализация сельского хозяйства есть, в конечном счете, процесс изживания этих отличий, „процесс придания сел.-хоз. производству характера, свойственного индустриальному производству".

Прослеживая эти отличия, автор сводит их в основном к различию в техническом строении производства, к различию органического строения капитала и дает такое определение понятия об индустриализации сельского хозяйства: это „процесс

повышения в нем технического строения производства, процесс подведения под земледелие материально-технического уровня, присущего индустриальному производству (система машин), придания сел.-хоз. производству характера промышленного производства (специализация, массовое производство однородных продуктов). Это достигается через широкое развитие промышленной переработки сел.-хоз. продуктов (сел.-хоз. индустрия), через технический переворот в самой сфере производства технического сырья, зерновых и животноводческих продуктов, на основе механизации (включая и машинизацию), электрифицирования всех видов сельскохозяйственного производства и широкого применения научных методов".

Помещая эту содержательную статью, редакция журнала призвала читателей высказаться по затронутому вопросу. К сожалению, ни в одном из последующих номеров мы откликов не находим. Остается пожелать, чтобы в дальнейшем это было осуществлено.

Большое количество статей в журнале посвящено проблеме ренты. Тов. Воропаев в статье „Ревизионизм К. Каутского в теории земельной ренты" (№ 8) вскрывает ошибки К. Каутского в трактовке теории абсолютной ренты Маркса. В № 10 помещена интересная статья С. Солнцева, в которой делается попытка разрешения вопроса об источнике диференциальной ренты. С. Солнцев разбирает возможные решения вопроса об источнике диференциальной ренты: или прибавочная стоимость, созданная в земледелии, или прибавочная стоимость созданная всем обществом в целом, таким образом — и в индустрии, откуда она через посредство аппарата цен попадает в земледелие, а в конце концов перехватывается землевладельцем.

Полемизируя с представителем первого взгляда, проф. Любимовым, С. Солнцев высказывается за второе решение вопроса, находя, что „всякие другие источники диференциальной ренты стоят в резком противоречии с трудовой теорией ценности Маркса".

Против путаницы проф. Любимова в вопросах теории ренты, в частности в теории абсолютной ренты выступает тов. Л. Вольфсон статьей в № 9 „Против путаницы в теории ренты".

Интересны две статьи П. Першина „Рентабельность землеустройства и мелиорации". П. Першин отмечает, что в общежитии и в литературе часто употребляются термины „рентабельность землеустройства" и „рентабельность мелиорации", без достаточно ясного представления об их содержании. Исходя из социально-экономического понимания землеустройства и мелиорации, П. Першин правильно ставит вопрос так: „О рентабельности землеустройства или мелиорации можно говорить только при наличии двух условий: во-первых, когда будет доказано, что каждое из них влияет на высоту земельной ренты, увеличивая ее массу при данной земельной площади и, во-вторых, когда будет теоретически показано, к какой категории рентных явлений относится это мыслимое приращение ренты вследствие землеустройства или мелиорации".

Переходя к существу вопроса, автор в первой статье полемизирует с проф. Н. С. Фроловым, который в противовес марксовой теории ренты выдвинул свою теорию „мелиоративной ренты". Отводя как явно неверную эту новую теорию, П. Першин, основываясь на марксовой постановке проблемы ренты, доказывает, что „добавочный доход с мелиорированного участка по существу представляет диференциальную ренту, которая должна быть отнесена за счет приложения труда к более плодородной земле, обладающей большими производительными свойствами, которые ранее, до мелиорации, не использовались надлежащим образом.

В №№ 6—7 и 8 заканчивается дискуссия по вопросу о классовых группировках крестьянских хозяйств, состоявшаяся в Аграрном институте Коммунистической Академии по докладу тов. Крицмана. Одним из центральных вопросов, на котором были заострены прения, явился анализ отношений найма и инвентаря в крестьянском хозяйстве.

Большая часть речей, помещенных в указанных №№, касается именно этого вопроса. Ряд ораторов резко критиковал тов. Крицмана за явное неверное выпячивание этого явления как одного из важнейших, характерных для нашей деревни элементов расслоения. Прекрасным ответом на замечания ораторов является речь тов. Гайстера (№ 8), где дано подтверждение аргументации этого вопроса тов. Крицманом, подкрепленное фактическим материалом. Интересны также речи т.т. Наумова, Немчинова и др. Довольно содержательные материалы по вопросу о расслоении деревни дают ряд обзоров по отдельным районам страны. Обращаем внимание на обзоры: Ив. Воронова „Средства производства и производственные отношения в Воронежской деревне", (№ 8) и Дроздова: „Динамика группового состава Черниговской деревни", представляющие собой обработку материалов динамического обследования ЦСУ, произведенного в 1927 г. по новой впервые примененной классификации по группам средств производства, т.-е. по наиболее совершенному из всех существующих методов.

Заслуживают также внимания содержательные обзоры: М. Урьева и Месяцевой — „Характеристика социальных отношений крестьянских хозяйств в молочном районе" (№ 11), В. Цикото „Наем рабочих в крестьянских хозяйствах"

(№ 11) и В. Маджагаладзе „Об арендных отношениях в Грузии“ (№ 10).

Из проблем социалистического переустройства сельского хозяйства в журнале хорошо представлены вопросы колхозного движения.

№ 9 журнала открывается посвященной очередным задачам в области колхозного строительства статьей тов. Цылько. Анализируя вначале причины, обусловившие бурный под'ем колхозного движения последнего времени, тов. Цылько находит их в высоком уровне общей кооперированности крестьянского хозяйства по разным ответвлениям сельскохозяйственной кооперации и в высоком уровне развития социалистической промышленности, укреплении финансовой мощи государства, что является прочной производственной и общественной базой колхозного движения. Большим стимулирующим фактором явились также мероприятия, проведенные партией и государством после XV с'езда по под'ему сельского хозяйства и его реконструкции на социалистических началах и та социально-политическая обстановка, которая сложилась в 1928 году. Кулацкое наступление на мероприятия советской власти поставили бедноту и маломощное середняцкое крестьянское хозяйство перед фактом необходимости ведения своего хозяйства, и наилучшим выходом из положения была организация и коллективы.

Тов. Цылько формулирует как первую и важнейшую задачу — удержание нынешнего темпа колхозного строительства, организационно-хозяйственное закрепление всех организованных об'единений и реорганизация их в крупные обобществленные сельскохозяйственные предприятия.

Интересна статья тов. Гайстера, „Достижения и трудности колхозного строительства“ (№ 10 и 12). Автор дает цельную качественную характеристику колхозов в смысле их материально-технического уровня и социального облика.

Интересная в общем статья тов. Куликова „Контрольные цифры по колхозам на 1928/29 г.“. (№ 12) существенно дополняет картину, данную предыдущими статьями. „Обосновывая темпы колхозного строительства на текущий хозяйственный год, он пишет, что в связи с затруднениями в разрешении зерновой проблемы, важен вопрос о пропорциях капиталовложений в различных секторах сельского хозяйства и этот момент отчасти и заставляет нас отказаться в контрольных цифрах от тех высоких темпов, которые запроектированы по колхозам на пятилетие, иначе может получиться некоторый прорыв в части финансирования мероприятий по индивидуальному сектору“. Вряд ли можно принять такую аргументацию.

Очень интересно и верно соображение тов. Куликова об охвате колхозов контрактацией. Он пишет: „На ряду с усилением вовлечения колхозов в контрактацию необходимо основное внимание направить по расширению практики долгосрочной контрактации с тем, чтобы контрактационный договор превратить в план-договор по реорганизации (на основе специализации и улучшения техники земледелия) хозяйств колхозов“.

Гораздо меньше внимания в журнале уделено другим вопросам социалистического переустройства сельского хозяйства. Работа сельскохозяйственной кооперации почти совершенно не освещается, за исключением нескольких содержательных обзоров по вопросу об эффективности и социальном направлении сельскохозяйственного кредита (№№ 6, 7, 9, 11). Между тем, вопрос о направлении работ сельскохозяйственной кооперации сбыто-снабженческой, производственно-сбытовой и др. нуждается в серьезной проработке в связи с проблемой коллективизации.

Совершенно слабо освещаются и вопросы совхозного строительства. Мы имеем только два обзора: М. Сафьянова „Новые совхозы и колхозы в районах переселения“ (№ 8) и А. Метелева — „О новых зерновых совхозах“ (№ 9). Обзоры эти сами по себе интересны, но они, давая практический материал, не ставят проблему так широко, как этого она требует и как она должна быть подана, по нашему мнению, таким серьезным органом, как журнал „На аграрном фронте“.

Слабо представлены в журнале и вопросы контрактации. Мы находим всего лишь две статьи: Зелькиной „Вопросы контрактации хлопка“ (№ 6—7) и С. Епихина „Итоги контрактации технических культур в РСФСР“ (№ 8), освещающих отдельные частные вопросы контрактации. Проблема в журнале должна найти более видное место. Потребность в этом прекрасно аргументировал лишь один из указанных выше авторов тов. Епихин, говоря: „Контрактация, как система мероприятий, долженствующих перестроить крестьянское хозяйство, не получила должного признания. Даже наоборот, все время со стороны свеклосахарной кооперации (и не только ее одной, в качестве примера можно привести еще одну систему, проводящую работу по контрактации технической культуры — хлопковую кооперацию) и ее работников контрактация противопоставлялась обычному кооперативному пути развития крестьянского хозяйства. Как на местах, так и в кооперативных центрах сидят еще работники, которые считают контрактацию временным и переходящим явлением, своеобразным „увлечением“. А кое-где даже процветают теории о том, что контрактация для крестьянского хозяйства по своему существу является такой же „кабалой“, какой она была в дореволюционное время, и противопоставляют ее кооперативному пути развития крестьянского хозяйства.

Более или менее удовлетворительно реагирует журнал на ряд злободневных вопросов текущего момента. Им посвящены заслуживающие внимания статьи тов. В. П. Милютина — „Итоги пленума ЦК ВКП“ (№ 6—7) и „О правом уклоне“ (№ 12). Статья Ф. Цылько „За удвоение урожайности“ излагает мероприятия, намеченные НК РКИ, которые отражены в недавно принятом постановлении Сессии ЦИК СССР. Представляет интерес также статья (№ 6—7) тов. Львова „Итоги хлебозаготовительной кампании 1927/28 г.“. Очень обстоятельная статья, однако, имеет один весьма серьезный пробел. Автор кропотливо и убедительно доказывает причины затруднений с хлебозаготовками истекшего года, но почему-то игнорирует моменты классовой борьбы, ярко выявившиеся в процессе хлебозаготовительной кампании и в общем балансе факторов затруднений занимающие видное место. Это очень существенная ошибка автора.

Все сказанное убеждает лишний раз в громадной роли журнала „На аграрном фронте“ в разработке теоретических и практических вопросов сельскохозяйственной экономии и аграрной политики в борьбе за марксистско-ленинскую идеологию в аграрном вопросе. Журнал безусловно стоит на одном из первых мест в нашей экономической литературе, в смысле правильной линии, глубины содержания.

А. Попов

Известия Техплотехнического института имени профессоров В. И. Гриневецкого и К. В. Кирша, №№ 7, 8 и 9 за 1928 г. (160, 132 и 147 стр.) тир. 1.500, цена номера — 4 руб.

Самая возможность выпускать почти ежемесячно полновесный № „Известий“ свидетельствует о содержательной жизни и полезной деятельности одного из старейших советских научно-исследовательских институтов — теплотехнического. „Известия“ отражают характер и результаты как лабораторно-исследовательской деятельности института, так и его практического участия в деле индустриализации страны — в порядке ли монтажа новых силовых установок собственными силами института, или, что существеннее, испытания новых мощных установок, исследования существующих силовых и тепловых установок с целью рационализации энергохозяйства и топливоиспользования, путем ли проведения различных экспертиз, разработки технических проектов, связанных с теплосиловым хозяйством, и т. п. Так, в числе крупных работ такого рода мы находим в рецензируемых №№ подробное описание приемочных испытаний нескольких мощных заграничных турбоагрегатов (по 16.000 и по 17.500 квт.), установленных на станциях МОГЭС'а. В „Известиях“ же концетрируется опубликование трудов IV Всесоюзного Теплотехнического с'езда.

Особо надо отметить две интересные статьи проф. Л. К. Рамзина, представляющие собою доклады II Мировой энергетической конференции в Лондоне, в 1928 г., именно: 1) о сжигании антрацитовых штыбов и бурых углей в пылевидном состоянии и 2) о сжигании низкосортного топлива в СССР. Эти статьи, подводя итоги большой и плодотворной теплотехнической исследовательской работы, проведенной в СССР (не только в самом институте) за последние годы, дают и советскому читателю много ценного материала.

Журнал отражает новые идеи в теплотехнике и энергохозяйстве вообще и дает читателю большой материал по методологии исследования и рационализации теплосилового хозяйства. Следует поэтому пожелать широкого распространения „Известий Теплотехнического института“ не только в научных кругах, но и в массах практических работников наших трестов и предприятий, имеющих отношение к промышленному потреблению топлива или производству энергии.

А. С.

Сельскохозяйственные районы Уральской области. Изд. Уралплана под редакцией И. Е. Ишмаева, Л. В. Затейщикова и Б. В. Дидковского. Свердловск, 1928 г., 193 стр. in folio + приложение: 1) Список современных административных районов и бывших волостей с разбивкой по с.-х. районам Уралобласти и 2) Цифровая характеристика с.-х. районов Уралобласти. 71 стр., ц. 6 руб.

Довольно богатая литература по сельскохозяйственному районированию пополнилась новым изданием: Уралплан выпустил большую работу о сельскохозяйственных районах Урала. Эта работа — результат двухлетних трудов целого коллектива специалистов сельского хозяйства. Районы, представленные в ней,

только „первая наметка основных типов сельскохозяйственного производства на территории Урала".

При большем об'еме произведенной специалистами по сельскому хозяйству работы, при достаточно углубленном подходе авторов к отдельным ее темам, некоторые, отнюдь не маловажные проблемы все-таки оказались обойденными. Так, не все элементы экономики и техники с.-х. производства рассматривались в социально-экономическом разрезе, не проявлено должного внимания к вопросу о размещении типов сельского хозяйства. Последнее сделано довольно обще.

В вводной (I) главе выясняются задачи и самая методика их районирования: в постановке большинства вопросов видны практические, поставленные уральцами цели — авторы хотят итти навстречу потребности в знании размещения в пространстве сложившихся на территории Урала систем сельского хозяйства, в понимании природных и экономических явлений Уралобласти.

Глава II, посвященная естественно-историческим условиям Урала, развертывает перед читателем климатические районы, показывает нам уральские почвы и флору путем описания почвенных и ботанических районов.

О характеристике экономических условий, в которых развивается сельское хозяйство Урала, трактует III глава. В ней мы находим обычные данные о населении, его роде, плотности, национальном составе и т. п. сведения демографического порядка, о путях сообщения, промышленности, рынке, его центрах и т. п. Тут же сведения о товарности, размерах внутреннего рынка, грузообороте и в результате дана довольно отчетливая картина районов сбыта с.-х. продукции Урала с их центрами (таких районов зарисовано 17).

Следующая, самая большая (в общей части) глава (IV) содержит в себе характеристику сельского хозяйства Уралобласти (35 стр.). Тут мы находим одну из самых интересных частей книги. Начало этой обширной главы отдано экономике с. х. — с рядом таблиц, определяющих значение с. х. производства для различных округов области, его удельный вес, темп развития. В этом же разделе приведены цены и данные по обеспеченности с.-х. средствами производства, дан отраслевый разрез и т. п. Есть особая часть, посвященная с.-х. угодьям, отдельно взяты темы полеводства и животноводства.

Последняя (V) глава содержит в себе описание всех 17 районов. Массу статистического материала дает приложение, при чем относительные величины, характеризирующие производство, приводятся отдельно и для крупных и для дробных с.-х. районов, а абсолютные величины даны в границах бывш. волостей. В тексте книги масса таблиц, картограмм. Отдельные карты даны для почвенных районов, для с.-х. районов Уралобласти в границах современных административных районов (в виде схематической карты). Такая же схематическая карта с.-х. районов дана в границах бывш. уездов и волостей (75 в. в дм.).

Работа в целом получилась большая и ценная. Прежде всего отметим особенность книги о с.-х. районах Урала. Она сильно агрономизирована. То участие агрономов во всей проделанной Уралпланом работе, которое выразилось и в 180 собранных от них анкетах — по организации и технике сельского хозяйства, и в привлечении ряда специалистов с.-х. опытников и т. п. к обсуждению ряда вопросов в усиленной консультации окружных и районных агрономов,— все это послужило хорошим подкреплением к довольно богатому, в части дефективному статистическому материалу. Агрономический подход заметно отразился на трактовке тем. Первая наметка с.-х. районов также проводилась через совещания специалистов сельскохозяйственников.

Вторая особенность книги заключается в том, что книга Уралплана ведет всем своим содержанием к строго определенным практическим целям — отсюда и родилось желание возможно полнее осветить вопросы техники земледельческого промысла Урала, дать агротехнический анализ с.-х. производства области. Данная этой работой производственная характеристика является самой богатой и хорошо продуманной.

Остановимся несколько на методологической стороне. После ряда общих замечаний на стр. 2, гл. I, мы находим определение с.-х. района. Неясность самого понятия „система сельского хозяйства", существующая и до сих пор неопределенность терминологии заставляет искать более обобщенную формулу, чем та, которую дали авторы труда на стр. 2. Здесь лучше бы сказать о размещенных на территории различных типах организации сельского хозяйства, о пространственном размещении господствующих типов с. х., а не об экономическом развитии местности с ее биологическими особенностями. Определение, приведенное на стр. 2, вообще несколько тяжеловато.

Авторами было выбрано довольно много первичных признаков — для лучшего выявления всей пестроты хозяйства и природы Урала. Очень целесообразно взяты признаки, которыми характеризуется способ восстановления плодородия, учтены показатели обеспеченности хозяйства навозом. Хорошо и то, что по отдельным, имеющим крупное организационное значение культурам, хотя бы с небольшим, отведенным им процентом в общей площади, взяты абсолютные величины. Нет статистических извращений в выборе показателей по животноводству (комбинации соотношений различных категорий скота и возрастных группировок). Выделено птицеводство, а с.-х. инвентарь взят в соотношениях ценностных к 100 га пашни. Таким образом, при всем разнообразии и пестроте хозяйственных условий Урала при установлении перечня показателей выбрано самое нужное. Несомненно, что основные показатели, по которым выделялись районы — система земледелия, направление животноводства, товарность сельского хозяйства и промысловость крестьянского хозяйства намечены для уральской обстановки правильно, и авторы строго придерживались избранного методологического пути, что следует подчеркнуть. Суб'ективизма в работе Уралплана мало.

Глава II, посвященная естественно-историческим условиям сельского хозяйства (климат, почвы, растительные формации) разработана подробно—тема взята углубленно: климатическому районированию естественно отдано больше места (значение климата, как фактора, велико). Этот раздел кстати богато иллюстрирован. Следующую (III) главу правильнее назвать характеристикой района по отраслям народного хозяйства. Несколько излишними кажутся общие рассуждения на тему о рынке и его значении (41 стр. книги).

На стр. 51 сделано исчисление уровня и интенсивности по валовому и очищенному доходу. Отсюда — применение валористического метода. Коми-Пермяцкий район с его пестропопольем и низкой земледельческой техникой выделился по уровню и интенсивности. Не следовало ли применить здесь и натуралистический метод?

В разделе о социально-экономических процессах в сельском хозяйстве Урала (стр. 54 и далее) мало данных о колхозах: нет совсем данных о посевных площадях, их росте и т. д. Обобществленному сектору вообще не уделено в книге достаточно внимания. Тема эта в социально-экономической диференциации „подана" с статистической изысканностью, несколько вредящей четкой постановке вопроса: масса показателей и отсутствие достаточно ясной картины.

Интересная схема социально-экономической группировки крестьянских хозяйств (ср. стр. 61 и 62) требует, конечно, комментирования; в приведенной форме она мало послужит практическим целям. Ничем, напр., не мотивируется этот лимит в 75 дней в году, срок, исходя из которого хозяйство относится к группе эксплоататорской. На стр. 62 мы находим таблицу распределения классовых групп по посеву и лошадности — в ней смешаны различные классовые слои, о чем пишут и сами авторы.

Про главу III (стр. 69 — 82) в целом следует сказать, что вопросы техники сельского хозяйства получили в ней довольно хорошее освещение, что в капитальном издании по с.-х. районированию вполне уместно. Этот ряд беглых оценок, не вскрывающий полностью всего достоинства работы Уралплана, уже обнаруживает значительную ценность подобных изданий. Книга о с.-х. районах Урала есть по существу хорошо написанная энциклопедия сельского хозяйства Урала, связанная с хозяйственным оформлением этой области — ее районированием. В ней дан свод материалов о сельском хозяйстве, вскрыты эволюционные процессы, протекающие в существующей экономической обстановке. Она хорошо освещает и природные условия и экономику области. И тот, кому придется знакомиться с с,-х. районами Урала, его с.-х. производством по этой книге, должен поблагодарить авторов за исчерпывающую полноту, углубленный экономический подход и хорошую проработку всей темы.

М. Лучебуль

Хозяйство Урала, ежемесячный полититико-экономический журнал уральского областного исполкома советов, 1928 г., №№ 8—12.

Три момента определяют в настоящее время характер дальнейшего развития народного хозяйства Урала, а вместе с тем, и содержание и направление его плановой работы. Первый момент — это представление об Урале не как о горнозаводском районе, а как о сложном хозяйственном комбинате. Второй — это влияние на Урал нового транспортного строительства, намеченного в пятилетке. Третий — это передвижение промышленных центров на восток. Все эти положения вполне усвоены местной экономической мыслью и нашли соответствующее отражение в „Хозяйстве Урала". В свете этих положений рассматриваются и очередные проблемы пятилетнего плана народного хозяйства Урала. Вдумчивое и серьезное отношение к этим проблемам заставляет Н. Березова в статье „Очередные вопросы пятилетнего плана хозяйства Урала" в № 10 „Х. У." признать, что в связи с курсом индустриализации страны, в центре внимания местных плановых органов в работе над пятилеткой должна стоять прежде всего энергетическая проблема. Кстати, и план электрификации, на ряду с вопросом минерализации топливного хозяйства, является наиболее разработанным.

Этой разработанностью не может похвалиться транспортная проблема Урала. Так, необходимо учесть географическое размещение новых химических заводов, углубить и уточнить вопрос о реконструк-

ции существующих уральских железных дорог, приступить, наконец, к разработке вопросов совершенно заброшенной области водного и безрельсового транспорта.

В области промышленного плана, на ряду с вполне удовлетворительным состоянием разработки планов древесноугольной и минеральной металлургии, требуют дальнейшей доработки планы сельскохозяйственного машиностроения и медной промышленности, а особенной конкретизации и уточнения — план химической промышленности, имеющей на Урале блестящее будущее.

Далеко не последнее место должны занимать в пятилетнем плане и научно-исследовательские работы, поскольку производительные силы Урала далеко еще не изучены и поскольку изучение их может крупнейшим образом отразиться на всем развитии народного хозяйства Урала.

Развитие планового начала в нашем народном хозяйстве сказывается не только на расширении количества об'ектов планирования, но и на углублении самой методологии планирования. Недостаточно уже на нынешней ступени развития нашей плановой работы говорить и осуществлять в о о б щ е реконструкцию той или иной отрасли народного хозяйства. Необходимо заострить внимание на к а ч е с т в е реконструктивных мероприятий, выбрав из них лишь те, которые обеспечивают наибольшую эффективность.

Инж. Корнилов в № 8—9 журнала в статье „О методологии промышленного планирования" полагает, что в разрешении этой проблемы следует итти по пути ускоренной подготовки узких специалистов отдельных отраслей техники. Однако, если ограничение программы ВТУЗа и возможно и полезно, то нельзя признать правильным взгляд автора на необходимость выбросить из программы средней школы все, кроме математики, физики и химии. Всякий техник должен быть прежде всего культурен, а в условиях социального строя СССР и э к о н о м и ч е с к и грамотен. Иначе наша реконструкция будет т е х н и ч е с к и высокой, но с о ц и а л ь н о для нас неприемлемой.

Нынешнее состояние народного хозяйства Урала характеризуется, на ряду со значительными достижениями, еще весьма крупными недостатками.

Контрольные цифры на 1928/29 г., краткому и самому общему анализу которых посвящена статья К. Клименко в № 11 журнала („Основные моменты контрольных цифр Урала на 1928/29 г."), свидетельствуют о продолжающемся росте всего сельскохозяйственного и промышленного производства.

Однако, при несомненно положительном характере роста хозяйства Урала, взятого в целом, в нем имеется целый ряд весьма узких и слабых мест.

Контрольные цифры на 1928/29 г. намечают ряд мер по расширению посевной площади зерновых культур, которая должна вырасти на 8% при 7% по Союзу. Меры эти заключаются в максимальном расширении контрактации посевов, расширении посевной площади колхозов, усилении планового снабжения, особенно, недостаточных крестьянских групп посевным материалом, орудиями и т. д. В частности, в деле развития обобществленного сектора сельского хозяйства намечена в 1928/29 г. организация двух новых крупных зерновых совхозов на площади 70 — 75 тысяч гектаров. Посевная площадь колхозов, возросшая в 1927/28 г. до 74 тыс. гектаров, достигнет в 1928/29 г. 182 тыс. гектаров.

В области торговли контрольные цифры на 1928/29 г. намечают ряд мероприятий по организации продовольственного сельскохозяйственного рынка, по политике повышения хлебных цен, повышения снабжения Урала промтоварами, расширения сети мелкой торговли, улучшения обслуживания потребителей и всемерного снижения издержек обращения.

Капитальные вложения Урала намечены на 1928/29 г. в размере 304,4 млн. руб. против 176 млн. руб. в 1927/28 г. и 126 млн. руб. в 1926/27 г., при чем на промышленность падает 139 млн. руб.

Что касается остальных отраслей народного хозяйства области, то контрольные цифры отмечают слабое состояние рационализации лесного хозяйства, в особенности его механизации, на которую в 1928/29 г. будет израсходовано не более 2 млн. руб., чрезвычайное перенапряжение железнодорожного транспорта, на новые линии коего отпускается в 1928/29 г. 21 млн. руб., и весьма слабое состояние коммунального хозяйства области, капитальные вложения в которое пришлось даже сократить до 17,8 млн. руб. против ранее намеченных 22,8 млн. руб.

Особого внимания заслуживают статьи, посвященные вопросам кооперирования крестьянского хозяйства.

Статья Ф. Казанского „Колхозное строительство на Урале" в № 10 журнала, знакомит нас с результатами сплошного обследования колхозов Уралстатуправлением на 1 мая 1928 г. Всего на Урале сейчас насчитывается 1.634 колхоза, из коих седьмая часть приходится на коммуны. Пока колхозами охвачено всего лишь 1,5% крестьянских хозяйств. В среднем на каждый колхоз выпадает по 11,1 семей и 45 *га* обобществленного посева. В коммунах осуществлено полное обобществление всех средств производства и коллективное ведение всего хозяйства; в артелях — неполное обобществление посева и еще меньшее обобществление скота; в товариществах посев обобществлен еще меньше, а скот почти весь находится в индивидуальном пользовании.

Ближайшими задачами колхозного движения являются меры по укрупнению колхозов, по развитию более сложных форм колхозов и усилению элементов обобществления, в частности, и особенно, в отношении скота.

Следующая статья В. Парышева (№ 12) „Социальное направление сельскохозяйственного кредита в уральской деревне" рисует довольно неприглядную картину искажения классовой линии в практике сельскохозяйственного кредита на Урале. Оказывается, что капиталистическая часть крестьянства охвачена кредитной кооперацией в большей мере, чем бедняцкая часть, что эта верхушка крестьянства кредитуется, главным образом, наиболее эффективными средствами производства, как машинными, что кредит является по преимуществу краткосрочным, а потому малодоступным для маломощных слоев деревни. Устанавливается, далее, что заемщики, пользуясь недостаточным контролем над расходованием ссуд, употребляют их часто не на производственные, а на потребительские цели, вопреки основной задаче сел.-хоз. кредита, как кредита производственного. Отсутствует правильная классовая линия в борьбе с задолженностью заемщиков, вследствие чего просроченные и отсроченные ссуды опять-таки выпадают в большинстве случаев на зажиточных крестьян. Наконец, самый размер среднего кредитования столь незначителен, что нельзя и ждать от кредита желательного производственного эффекта.

Наконец, статья Н. Ишмаева „Основные рычаги реконструкции сельского хозяйства на Урале" в № 12 журнала совершенно правильно рассматривает проблему реконструкции сельского хозяйства Урала, исходя, с одной стороны, из специфических особенностей сельского хозяйства области, а с другой, — из к о м п л е к с н о г о воздействия на сельское хозяйство всех методов его реконструкции, взятых в их совместном и одновременном проявлении.

Индустриализация сельского хозяйства Урала будет итти по пути развития в нем, главным образом, маслодельной промышленности, бэконного производства, промышленного птицеводства и льноводства, сумма вложений в которые достигает 28,8 млн. руб. Контрактация охватит не только посевы технических культур, но и яровые и озимые посевы, а также отрасли животноводства и огородничества.

Площадь посева под многолетними и однолетними травами намечена в 1932 г. в 536 тыс. *га* против 104,4 тыс. в 1928 г. Многопольные севообороты займут 3,2 млн. *га* пашни против 667 тыс. *га* в 1928 г.

Химизация сельского хозяйства Урала имеет особенно благоприятные перспективы в виду природных богатств области, позволяющих поставить в ней производство калийных солей, фосфоритов, суперфосфатов, извести, азотистых туков, мергеля и торфа, продукция которых не только обеспечит внутренние потребности области, но и станет предметом вывоза в другие районы СССР. В оборот минерально удобряемой пашни намечено включить 400 тыс. *га*, что повысит урожайность по разным системам земледелия от 15 до 50%. В течение 7—8 лет возможна полная замена простых крестьянских семян сортовыми, что повысит урожайность на 20—25%.

Проведение всех указаных мер обеспечит повышение товарной продукции на 1 душу населения на 35,2%, валовой продукции на 1 *га* пашни и сенокос на 20%, при общем под'еме урожайности зерновых культур на 28,1%. Удельный вес частного сектора в сельском хозяйстве упадет по всей валовой продукции с 99,5% до 82%, по всей товарной продукции с 98,5% до 69%, по всей зерновой продукции до 77,1% и по всей животноводческой до 86,8% — за счет соответствующего роста секторов государственного и кооперативного.

Местная экономическая мысль, отраженная в „Хозяйстве Урала", правильно нащупывает пульс главнейших экономических проблем текущего времени. Вопросы планирования народного хозяйства привлекают к постоянному вниманию журнала, хотя разработка о т д е л ь н ы х плановых проблем находится еще в недостаточно развитом состоянии. Хорошее впечатление производит правильное представление о специфических особенностях Урала, как экономического района, и о роли его в союзной экономике. Заслуживает внимания прекрасно поставленный отдел „На местах", наполненный, в противоположность другим районным журналам, не хроникой, а серьезным изучением изменений в местной экономике, вызываемых нашей политикой реконструкции и индустриализации.

Следовало бы, однако, уделить большее внимание промышленности за счет сельского хозяйства. Преобладающее количество статей, посвященных сельскому хозяйству, знаменует, пожалуй, излишнюю реакцию на совершенно ошибочный взгляд на Урал, как исключительно промышленный район, взгляд, не учитывающий, что народное хозяйство Союза располагает Уралом, как одним из мощных сельскохозяйственных районов. Недостаточное отражение в журнале находят и с о ц и а л ь н ы е процессы нынешней экономики, как, например, роль частного капитала в торговле, а особенно в хлебозаготовительной кампании, на мясном, молочном рынке и т. д.

Все эти отдельные замечания не мешают, однако, „Хозяйству Урала" быть не только хорошим областным органом, но и служить примером для многих наших местных экономических журналов.

И. Лерман

Народное хозяйство Казакстана. Политико-экономический орган Госплан КССР. №№ 1—12. 1928 г. Кзыл-Орда.

Планирование народного хозяйства требует коллективной работы по „осознанию“ процессов, происходящих в хозяйстве каждого из экономических районов, и широкого обсуждения советской общественностью перспектив экономического развития. Необходимым условием этого являются местные экономические журналы. Задачи организации коллективной работы, несмотря на трудные условия, успешно выполняются „Народным хозяйством Казакстана“.

Из сложных проблем экономики Казакстана следует прежде всего назвать вопрос о направлении сельскохозяйственного развития Северного Казакстана. Имеющиеся по этому вопросу различные точки зрения — сторонников скотоводческого и земледельческого направления — нашли свое обоснование в статьях А. Потоцкого, А. Челинцева (стенограмма доклада в Земплане РСФСР), М. Сириуса и И. Ларина. „Скотоводческая“ точка зрения М. Сириуса опровергается И. Лариным, исчислившим на основе обширного материала минимальный земледельческий фонд Северного Казакстана в 22,8 млн. *га*, т.-е. в 3 раза более исчислений М. Сириуса. Этим подтверждается правильность высказанных редакцией—в связи с статьей М. Сириуса — соображений о том, что реконструкция сельского хозяйства Казакстана включает, как один из существеннейших элементов, мощное развитие зернового хозяйства.

Развитие технических культур—хлопка, кендыря, кенафа — рассматривается в статьях А. Фрея (№ 1), Л. Кенарского (№ 2—3), А. Краснощекова и Н. Кузнецова (№ 9—10). От той общей постановки вопроса, которая дана в этих статьях, необходимо в следующих номерах журнала перейти к порайонному сравнению конкурентоспособности этих культур и анализу оптимального географического размещения их посевов.

Следует высказать также пожелание, чтобы в 1929 г. в отделе „Экономика районов“ помещалось больше статей о сельском хозяйстве отдельных районов. Для Казакстана вопрос этот имеет тем большее значение вследствие неравномерности восстановительного процесса в сельском хозяйстве КССР,— если по одним губерниям посевные площади и количество скота в 1927 г. значительно превышали размеры 1917 г., по другим наблюдалась значительная недовосстановленность (посевные площади бывш. Уральской губ.— 40% от размеров 1917 г., бывш. Джетысуйской — 61%).

Интересна — и отнюдь не только для изучающих хозяйство Казакстана—статья Г. Стрельникова „Тракторное хозяйство Казакстана“ (в № 11—12).

Много внимания уделяется журналом перспективам развития промышленности. В рецензируемых номерах помещен ряд статей, рассматривающих перспективы угледобычи, металлургии, химической промышленности,[1] а также электрификации Казакстана. В нескольких статьях под различными углами зрения рассматриваются возможности организации добычи угля в Караганде (месторождение в 185 *км* на юго-восток от г. Акмолинска). Карагандские запасы углей — коксующихся — весьма велики. Угледобыча намечается в комбинировании с районной тепловой электростанцией и организацией металлургического производства в районе — сначала добычи меди и других цветных металлов, а затем и черной металлургии. Как возможный потребитель угля указывается также Магнитогорский завод (при соединении Карагандинского района с железнодорожной сетью через станцию Щучье[2] перевозить уголь до Магнитной придется на расстояние примерно в 2 раза меньше, чем из Кузнецкого бассейна). Значение для развития народного хозяйства Казакстана Карагандинского района нашло свое отображение в постановлении СНК РСФСР по докладу о деятельности правительства КССР, опубликованном в № 8 журнала. Хотя проблема Караганды является проблемой генерального плана, но уже в ближайшие годы необходимы детальные промышленные разведки и, по возможности, подготовительные работы по развитию цветной металлургии.

Состояние и перспективы Карсак-Пайского горно-металлического (медного) комбината описываются в статье инж. Сатпаева в № 9—10 журнала. В № 1 этот же автор в статье „Карсак-Пайский район и его перспективы“ ставит вопрос о видоизменении сельскохозяйственной экономики района в связи с организацией Карсак-Пайского комбината. Поскольку минеральные богатства имеются в различных районах Казакстана, этот вопрос имеет значение не только для одного Карсак-Пайского района. Было бы весьма желательно освещение его по материалам районов, где промышленные предприятия существуют сколько-либо длительный период (нефтедобыча в Урало-Эмбинском районе, рыбные промыслы на Аральском море и др.).

Существенным недостатком журнала является то, что анализ перспектив промышленного развития не увязывается с анализом работы уже существующих предприятий. В рецензируемых номерах журнала имеются лишь некоторые сводные данные о работе промышленности — в обзорах народного хозяйства КССР (И. Маслова и К. Онищенко) и — в отношении местной промышленности, планируемой Каз. ЦСНХ — в статье Ф. Корнюшина в № 9—10. Анализу результатов работы промышленности, находящейся на территории Казакстана, в том числе и подчиненной республиканским и союзным органам, должно быть предоставлено больше места на страницах журнала. Большее внимание надлежит отдавать и таким проблемам, как динамика себестоимости (в №№ 1—12 журнала ни одной статьи или обзора о положении с себестоимостью нет), лишь мимоходом вопрос этот в отношении местной промышленности затрагивается в указанной выше статье Ф. Корнюшина, но и там сообщаемые данные не подвергаются сколько либо подробному анализу).

Вопросы мелкой промышленности КССР рассматриваются в интересной статье Н. Мухина. Мелкая промышленность дает 10%, а с включением рыболовства и охоты — 12% валовой продукции Казакстана, тогда как цензовая промышленность всего 7%. Отношение кустарно-ремесленного населения Казакстана ко всему населению весьма близко к подобному отношению в земледельческих районах СССР. Продукция мелкой промышленности идет полностью на местный рынок. Большая часть производителей является ремесленниками, работающими по заказу потребителя. Кстати статья Н. Мухина озаглавлена „Рабочая сила мелкой и кустарно - ремесленной промышленности“. Это не совсем правильная терминология, так как кустарно-ремесленная промышленность уже есть — мелкая.

Некоторую неравномерность различного рода материалов следует отметить и в отношении транспорта. Редакция откликнулась на работы по изысканию железнодорожных линий в КССР тремя статьями, рассматривающими 1) продолжение линии Троицк — Орск на юг — до соединения с Ташкентской жел. дорогой (два варианта — на Актюбинск и на ст. Эмба), 2) соединение ст. Кулунда (юго-восточный выступ линии Татарская — Павлодар) с Алтайской жел. дорогой (Семипалатинском или Рубцовым), 3) постройку дороги Уральск — Оренбург (последняя статья помещена в порядке дискуссии, редакция оговаривается, что ею поддерживается направление Уральск—Илецк). Зато по вопросам, связанным с постройкой Туркестано-Сибирской магистрали и реконструкцией народного хозяйства в районе дороги, в №№ 1—10 нет ни одной статьи, кроме небольшого обзора месторождений полезных ископаемых в северном районе магистрали, в № 11—12 помещены еще одно описание месторождений (двух угольных и одного медного) и статья А. Потоцкого „Сельское хозяйство в районе Турксиба“. В последней статье, несмотря на ее чрезмерную краткость и схематичность, мы встречаем ряд интересных соображений, в том числе по землеустройству (автор считает, что „в результате целого ряда принципиальных политических и технических ошибок, площадь района, несмотря на производство землеустроительных работ в течение уже шести лет, является еще совершенно не землеустроенной и в подавляющей части требующей полной переделки даже произведенных работ“) и по перспективам развития. Однако, признавая, что его наметка „построена на слишком схематичных данных о природных ресурсах, на недостаточном об'еме данных об организации хозяйства и валовой продукции района“, автор отмечает, что „задачей последующей работы является уточнение плана на основе данных из работ последнего времени по изучению природы и хозяйства края и — добавим мы — на основе учета особенностей каждого из дробных районов, пересекаемых и обслуживаемых дорогой. Эта работа по уточнению плана должна найти свое отображение на страницах журнала.

Указанные выше отдельные недочеты в значительной степени об'ясняются теми условиями, в которых журнал издается, и в первую очередь неизбежной ограниченностью круга участников журнала. В вводной статье в № 1 редакция указывает что „связь с местами“ может быть осуществлена „главным образом, участием самих мест в журнале“. На 1929 г. следует поставить задачу большего общения с читательской массой и большего привлечения к сотрудничеству местных работников. Мы полагаем, что одним из способов этого общения могла бы быть публикация в журнале „писем в редакцию“, в которых местные работники ставили бы на обсуждение различные хозяйственные проблемы и высказывали бы свои соображения.

Ал. Брауде

[1] Предложения по химической промышленности в части лесохимии (статья инж. Юнганса в № 9—10) представляются нам весьма спорными.

[2] Часть этой линии — от станции Щучье до Акмолинска—будет закончена, повидимому, к концу 1929 г.; остальная часть намечается к постройке в течение пятилетия.

Нижнее Поволжье — Ежемесячный журнал Нижне-Волжской краевой плановой комиссии. №№1—12 за 1928 г., год издания V.

1928 год является годом организации Нижне-Волжского края. Журнал „Нижнее Поволжье“ выходил в течение четырех лет до районирования. Первые пять номеров журнала за истекший год вышли еще в издании Саратовской Губернской Плановой Комиссии и на них еще лежит отпечаток губернского масштаба. Однако,

проблемы Нижнего Поволжья в целом не были чужды журналу уже и в то время.

Огромный край, с территорией, доходящей до 325 тыс. кв. км, с населением в 5.500 тыс., с богатыми перспективами как в области сельского хозяйства, так и в области развития промышленности, со строительством грандиозных сооружений, имеющих общесоюзное значение (Волго-Дон, Волго-Каспийский канал и пр.) является богатой питательной базой для журнала.

Посмотрим, как справляется со своей большой задачей „Нижнее Поволжье".

Вопросы районирования и создания Нижне-Волжского края, естественно, должны были интересовать журнал в первую очередь. Этой проблеме посвящен ряд статей. Две из них (ст. ст. Гаврилова и Моисеева) представляют теперь только исторический интерес. В них авторы пытаются доказать целесообразность организации большой области, в составе теперешних Средне-Волжской области и Нижне-Волжского края. Как известно, Госплан отверг этот проект, а ВЦИК утвердил организацию края в настоящем его составе (б. Саратовская, Сталинградская, Астраханская губерния, Республика Немцев Поволжья и Калмобласть).

Последующие статьи в №№ 3, 4 и 5 описывают районирование края, рассматривание значения городов и, в частности, центрального города — Саратова и дают всестороннюю экономическую характеристику новой административно-хозяйственной единицы.

Наиболее полно эта характеристика дана в статье — Л. Гаврилова „НВО и ее удельный вес в РСФСР" (№ 4). Сельское хозяйство занимает основное место в экономике края. 86% всего населения живет в сельских местностях. В общей валовой продукции промышленности и сельского хозяйства — последнее занимает около 60%. По сельскому хозяйству удельный вес края в РСФСР довольно значителен (свыше 7% по посевным площадям). Между тем, именно в области сельского хозяйства, особенно в зерновой его части, край далеко отстал от РСФСР и Союза. В 1928 г. посевные площади в крае составляли всего 74% довоенных.

Журнал имеет следующие отделы: 1) обще-экономический, 2) промышленность, 3) сельское хозяйство, 4) транспорт, 5) кооперация, 6) торговля и др.

Основные решения партии по вопросам хозяйственной политики не проходили мимо „Нижнего Поволжья". Передовые 7, 8, 9, 10, 11, 12 номеров последовательно отражают основные моменты партийных директив в области экономической политики. В духе основных решений партии выдержана также и статья в № 11, посвященная перспективам хозяйственного строительства на 1928/29 г.

Зерновая проблема, являющаяся одной из основных народнохозяйственных проблем Союза имеет для Нижнего Поволжья исключительное значение, как для одного из ударных районов в этой области. С задачей освещения вопросов, связанных с зерновой проблемой, журнал справляется хорошо. Отдел „Сельское Хозяйство" — самый полнокровный в ряду других отделов. Здесь необходимо прежде всего отметить интересную дискуссию о поднятии урожайности, имевшую место на страницах журнала. Открытая статьей Д. С. Кузнецова „Урожайность яровой пшеницы и озимой ржи в Нижнем Поволжьи" (№ 6), основанной на данных метеорологического бюро и представляющей чисто-научный интерес, дискуссия привлекла внимание ряда специалистов, выступивших в последующих номерах со своими статьями.

Из этих статей выделяется своим пессимизмом в отношении возможности разрешения проблемы урожайности статья — С. Делиникайтиса „Перспективы урожайности в Нижне-Волжском крае, (№ 8).

Отрицая возможность намеченного перспективный планом окончания землеустройства в течение 5 лет, автор пишет: „... было бы не плохо, если бы оно (землеустройство) было закончено по всему краю в течение 15 лет... Надо полагать, что к концу 15-летнего периода крестьянское хозяйство по форме землепользования (оптимальный размер территории), по состоянию инвентаря будет приближаться к типу крупных частно-владельческих хозяйств. Поэтому и урожайность должна приблизиться к довоенной урожайности на б. владельческих землях, а по пшенице возможно даже превышение"...

Помимо общей пессимистической оценки перспектив урожайности статья вообще страдает однобокостью постановки вопроса, делая упор только на индивидуальные хозяйства и не соответствует линии партии в вопросе о развитии сельского хозяйства. Статья отражает явно буржуазную точку зрения.

Другая статья Н. Лукова — „К под'ему урожайности" (№ 9) представляет лучшую из всех статей по этому вопросу. Автор останавливается на причинах неурожайности и дает правильную постановку проблемы повышения урожайности путем комплексного воздействия социально-экономических и агротехнических мероприятий. В конечном итоге полное разрешение вопроса автор видит „в массовом производственном кооперировании крестьянства, в создании мощных хозяйств оптимального размера". Останавливаясь на значении совхозов и колхозов, автор вместе с тем не упускает из виду и индивидуальных хозяйств, являющихся в настоящее время основными производителями сельскохозяйственной продукции.

Автор связывает мероприятия государства с мероприятиями отдельных крестьян и видит наибольшую эффективность в их контакте.

В серии статей об урожайности надо указать еще на интересную статью проф. Н. Тулайкова — „Под'ем урожайности и опытные учреждения", характеризующую большую роль последних в разрешении зерновой проблемы и сосредоточенную по преимуществу на агротехнических мероприятиях.

Ряд статей посвящен вопросам строительства новых зерновых совхозов в крае, ирригации, севооборотов и т. д. Достаточно полно освещались также задачи весенней и осенней посевной кампании.

Вопросы пятилетнего плана не получили достаточного освещения и проработки на страницах журнала. Пятилетию посвящены только две статьи — В. Я. Бедринцева „Перспективы строительства текстильной промышленности (№ 10) и К. Максакова „К перспективам транспортного строительства в НВК в 1928/29—1932/33 гг." (№ 12).

Надо упомянуть, что пятилетка Саратовской губернии получила должное отражение в первых номерах журнала, но эти работы утратили в данный момент интерес.

Тов. Бедринцев в своей статье приводит интересные данные о перспективах развития текстильной промышленности. В настоящее время текстильная промышленность занимает незначительный удельный вес во всей промышленности края (5,7%) и представляется одной бумаго-прядильной фабрикой и несколькими ткацкими и трикотажными фабриками. Пятилетка намечает постройку текстильного комбината в Саратове, двух ткацких фабрик, красильной, бумагопрядильной и чулочно-трикотажной фабрик. Общая стоимость сооружений — 30 миллионов рублей.

В статье К. Максакова изложены основные моменты развития транспортного строительства на пятилетие. Затраты на это строительство предполагаются в размере свыше 300 млн. рублей. Намечаются к постройке две ветки — Саратов—Миллерово и Безенчук — Пугачов. Обе эти ветки будут иметь колоссальное значение в развитии сельского хозяйства края, связав край с южными портами. Около 120 млн. руб. будет затрачено на Волго-Дон и Волго-Каспийский канал. Кроме того, намечены работы по углублению русла Волги, вложения в существующую ж.-д. сеть и постройка ж.-д. моста через Волгу у Саратова.

Две статьи посвящены специально вопросам Волго-Дона. Первая инж. Суходского — „Современное положение вопроса о Волго-Донском сооружении", излагает фактическое состояние дел с изысканиями и т. д., вторая — Т. Токарского — „Волго-Дон" в системе хозяйства Н.-В. края". К сожалению, последняя статья не дает читателю полной картины влияния Волго-Дона на хозяйство края и только поверхностно затрогивает моменты влияния канала на промышленность края.

Во всяком случае „Нижнему Поволжью" необходимо продолжать углубленную проработку вопросов строительства Волго-Дона.

Вопросы промышленности освещаются в достаточной степени.

Этот отдел журнала является так же, как и отдел „сельское хозяйство", наиболее интересным. М. Киреев в статье „Фабрично-заводская промышленность Нижне-Волжского края" (№ 6) дает сводную характеристику состояния промышленности. Если по валовой продукции цензовая промышленность края составляла в 1926/27 г. 276,9 млн. руб., т.-е. 2,4% по отношению ко всей промышленности СССР, а по количеству рабочих он снижается еще ниже, доходя до 1,9%, то отдельные отрасли промышленности занимают довольно значительный удельный вес в соответствующих отраслях по СССР. Так, соляная промышленность — 16,5%, цементная — 14,9%, лесопильная — 14,8% и т. д. Необобществленный сектор в цензовой промышленности края занимает всего 0,6%.

Из других статей отдела следует отметить статью Чернобаева „Местная промышленность НВО" (№№ 4 и 5), дающую подробную характеристику всей местной промышленности, и статьи проф. Вл. Челинцева „Химизация промышленности Н.-В. края" и „Наука и техническая реконструкция в разрезе и применительно к Н.-В. краю" (№№ 7 и 10). В первой статье автор говорит о широких возможностях химизации края, имеющего достаточные ресурсы (соль, фосфориты, нефть, древесина, дубильные вещества, жиры, краски).

Отметим лишь, что в отделе „Кооперация" ряд статей обсуждает одну и ту же тему — организационное строительство кооперации — и совершенно не касается хозяйственной деятельности кооперации.

В заключение необходимо указать на следующие недостатки журнала: 1) отсутствие материала, характеризующего классовое лицо деревни (диференциация крестьянства, состояние обобществленного сектора и т. п.); 2) недостаточное внимание к вопросам пятилетнего плана хозяйственного строительства края, а также вопросам строительства Волго-Дона; 3) отсутствие статей (если не считать одной передовой) по вопросам хлебозаготовок; 4) почти полное отсутствие отдела „Критика и библиография". В 12 номерах журнала помещено всего 6—7 рецензий, между тем, как литературы о Нижне-Волжском крае за 1928 г. вышло не мало, и, наконец, 5) печатание статей по советско-административным вопросам (№№ 2, 8, 11) и по вопросам юстиции (№ 12). Эти статьи с успехом можно бы-

ло бы поместить в другом общественно-политическом журнале, выходящем в крае.

Однако, мы должны отметить, что журнал „Нижнее Поволжье“ является достаточно солидным провинциальным органом. Исправление недостатков и большее внимание ко всем насущным проблемам хозяйственного строительства края в дальнейшем поставят журнал на еще большую высоту.

В. Н.

The Quarterly Journal of Economics. Vol XLII, 1927/28, № 1—4. Published by Harvard University. Издатели: Taussig, Bullock Pay, Ripley, Carver, Persons, Burbank and J. Black. Журнал экономики, выходящий 4 раза в год, цена 5 долл. в год.

Названный журнал занимет одно из первых мест в экономической периодике Соединенных Штатов. Как правило, в С. Ш. существуют экономические ассоциации, издающие журналы; их примеру следуют наиболее солидные университеты. Гарвардский университет считается одним из выдающихся как по материальной обставленности, так и по составу профессуры. Принимая во внимание теснейшую связь университета и профессоров с крупным капиталом, связь, щедро оплачиваемую последним,—можно заранее безошибочно полагать, что журнал является пионером в усовершенствовании теоретической системы буржуазной экономики. Он же является злейшим врагом социализма, хотя бы социализм и пропагандировался в самых микроскопических дозах.

Журнал, как и производство Соед. Штатов, стандартизирован. Обычно он содержит 6 статей и библиографию. Как правило он имеет в среднем 170—180 страниц.

Начнем с 4 номера. Первой статьей в нем идет доклад Касселя „Процент, банковский процент и стабилизация цен“. Тема эта, как известно, является одной из модных. Кассель начинает с того, что отрицает необходимость понятия ценности. По Касселю ценность создает только затруднения для студентов, охлаждает их пыл при проникновении в экономическую теорию (512). Поэтому экономическая теория есть теория цены (511). И, стремясь облегчить студентам задачу изучения экономической теории, Кассель ограничивается теорией цен.

Для буржуазных экономистов теория ценности, в особенности теория Риккардо и Маркса, давно уже служила мишенью для нападок. Разумеется, факт ее отрицания об'ясняется нетрудностью охватить теорию ценностей и не о бедных студентах заботится Кассель. Он пытается хитроумными построениями ликвидировать самый опасный участок противобуржуазного фронта. Ведь с теорией ценности связана теория прибавочной ценности, прибыли и процента, т.-е. выяснение эксплоататорского характера капиталистического строя.

Прокламируя новую теорию цены, Кассель увязывает с ней теорию процента. „Теория процента есть лишь часть общей теории цен“,— пишет он (513). Она упирается в закон спроса и предложения и в известную редкость.

Кассель даже и не ставил вопроса, а чем же определяется спрос и предложение и даже редкость? Ему кажется, что спрос на капитал всегда велик и абсолютно невозможно его удовлетворить. Кассель забыл, что в циклических переходах в хозяйстве встречаются такие периоды, когда банки переполнены капиталом и не могут его пустить в производство и торговлю.

Еще примитивнее об'яснение высоты процента предложением. Кассель ложно полагает, что вклады в банки получаются за счет экономии отдельных лиц. Если у лица имеется 100.000 долларов и он получал бы лишь 1%, то это лицо призадумалось бы, стоит ли делать вклад ради процентов. Поскольку остающийся отрезок жизни в среднем измеряется 25—33 годами, то лицу окажется выгоднее израсходовать капитал на прожитие, чем держать его вкладом в банке. Но если бы наблюдалось такое положение, т.-е. низкий процент, то вклады были бы разобраны. В силу такой закономерности, Кассель устанавливает 4—3% как необходимые для задержки вкладов в банке.

Но после подобного об'яснения возникает естественный вопрос, почему взята цифра 100.000, а не какая-нибудь другая? Если бы взята была иная, то, повидимому, Кассель не свел бы концов теории. Остается также непонятным и противоречащим теории Касселя факт падения процента и роста вложений в банки.

Но самое важное — впереди. Касселю кажется, что „стабильность цен возможна лишь тогда, когда банковский процент устанавливается равным колебаниям в величине процента“ (517) Касселя не беспокоит, что его утверждение никак не увязано с действительным ходом хозяйственного развития. Ему такое утверждение нужно было для того, чтобы удовлетворить спрос янки. Спрос этот выражается в стремлении найти размер хозяйства, который бы позволил устранить кризисы в капиталистическом хозяйстве. Эту утопию Кассель стремится сделать реальностью. „В обеих фазах циклического движения, — говорит он,— процент действует как регулятор, стремящийся сдерживать движение внутри узкого лимита.

Это очевидно, очень важная функция процента“ (527). Еще бы не важная, если бы она соответствовала действительности! Сами американцы, куда менее наивны, чем Кассель.

Куда же, по Касселю, устремляется буржуазная экономическая теория? Она стремится: 1) устранить теорию ценности; 2) движение цен свести к колебанию спроса и предложения и 3) найти регулятор для установления хозяйства бескризисного и даже без резкого циклического развития.

Как обычно при критике об'ективных экономических теорий Маркса, Риккардо, система противников оказывается шитой белыми нитками.

Открываем другой номер журнал—№ 2 и наталкиваемся на первую статью: „Кривое предложение и максимум удовлетворения“ Р. С. Мериама. Статья является образчиком блуждания между трех сосен. Кривая предложения Марксом была постулирована следующим образом: стоимость товара определяется затратой рабочего времени; чем больше затрачивается рабочего времени, тем выше стоимость данного продукта. Развитие экономического общества происходит таким образом, что доля рабочего времени понижается, а доля постоянного капитала повышается. С повышением последней вырастает производительность труда. В единицу времени выбрасывается все возрастающее количество товара. Отсюда, естественно, происходит падение цен на товары, факт, против которого не могут спорить даже буржуазные экономисты.

Признание изложенного влечет, однако, за собой признание трудовой теории стоимости. Но Мериам предпочитает блуждать между психологизмом и маргинализмом.

В основу своей статьи он берет четыре положения:

1) конструкцию и об'яснение предложения товаров, производимых при условии падающих издержек;

2) то же при условии однообразного повышения издержек;

3) возможность повышения издержек и природа излишка потребителей;

4) последняя проблема — влияние интервенции налогов на потребительский излишек.

Мериам, конечно, отрицает первую точку зрения „так как она не увязывается с фактом ренты“ (170). Издержки могли бы понижаться, если бы не рента. Рента же входит в цену каждого товара. „Цена, получаемая за всю нормальную продукцию, оказывается большей, чем общая сумма их издержек производства... Этот излишек и образует экономическую ренту“ (172).

Издержки и рента упираются в маргинальные издержки, благодаря чему всякое сверх „нормального спроса“ увеличение продукции повлечет за собой рост издержек производства. Если устранить маргинальный принцип, то схема Мериама повиснет в воздухе. Известно же, что маргинальный принцип является наиболее уязвимым пунктом в экономической системе американцев.

На ряду с теоретическими статьями, журнал помещает статьи конкретного характера (например, статья Литощенко „Национальный доход современного союза“, „Рост английского судоходства с 1572 по 1922 гг.“, Умера „Немецкий закон о страховании безработных“ и т. д. В общем все статьи распадаются на две группы: 1) статьи, которые дают полезные сведения и обогащают опыт новыми фактами, и 2) статьи обзорного характера, критический разбор различных систем.

В некоторых из них дается восхваление таких буржуазных экономистов, как Кларка, в статье: „Ранняя и позднейшая фаза его работ“ (№ 1). В других, как, например, в статье „Анархизм и Фурье“ (№ 2), в которой Фурье без всяких обиняков об'является анархистом, восхваление сменяется руганью.

Библиография журнала чрезвычайно незначительна. Обычно приводится 3—4 рецензии на наиболее выдающиеся книги и затем дается простой список книг, поступивших в редакцию.

Резюмируем свои замечания:

1) Журнал представляет собой одно из лучших буржуазных периодических изданий С. Ш.

2) В отношении теории журнал дает примеры современных бесплодных блужданий среди противоречий буржуазной экономики. В нем можно найти все отклики на вновь выдвинутые предложения, схемы и т. д. С этой точки зрения он несомненно полезен.

3) В журнале иногда можно найти интересные статьи на конкретные темы.

4) Но поскольку это бывает не часто, то журнал может найти очень ограниченное распространение. Названный журнал в отношении распространения уступает другим более полезным своей конкретной частью.

Г. Гордеев

НОВЫЕ КНИГИ

Е. Л. Грановский. Монополистический капитализм в России. Изд. „Прибой“, 1929, стр. 167, цена 1 р. 60 к.

Настоящая работа представляет попытку дать общую концепцию русского империализма на основе анализа этапов исторического развития финансового капитала в России. Одновременно т. Грановский критикует взгляды других авторов (тт. Покровского, Ванага, Крицмана и др.).

В. Зомбарт. Современный капитализм (Der moderne Kapitalismus) т. III. Хозяйственная жизнь в эпоху развития капитализма. Первый полутом. Перев. с немецкого С. Вольского и Б. Я. Жуховецкого. ГИЗ, 1929, стр. XXVIII плюс 604, цена 6 руб.

Первый полутом работы Зомбарта охватывает период истории развития капитализма с конца XVIII века до мировой войны. На ряду с характеристикой движущих сил развития капитализма, роли государства, техники, рабочей силы, сбыта и т. д., автор приводит обширный цифровой материал, а также обзоры источников и литературы.

Книга снабжена послесловием И. Альтера „Эволюция Зомбарта".

М. Кубанин. Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств. Изд. Комм. Академии. М. 1929, стр. 190, цена 1 р. 50 к.

Работа тов. Кубанина является попыткой на основе применения ленинско-марксистского метода исследовать причины, вызывающие распад крестьянского двора, пути этого процесса и те новые отношения, которые создаются в результате этого распада. Книга снабжена обширной вступительной статьей тов. Крицмана на тему „О внутренних противоречиях крестьянского двора.

Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Том I. Изд. „План. Хоз,". М. 1929, стр. 163, цена 1 р. 50 коп.

Настоящая книга является первым томом подготовляемого Госпланом СССР к печати пятилетнего народнохозяйственного плана СССР на период 1928/29—1932/33 гг. В этом томе на ряду с общей оценкой народнохозяйственного уровня СССР освещается строительная программа пятилетки, проблема квалифицированных кадров, проблема роста материального производства и производительности труда, экономические связи с мировым хозяйством, проблемы потребления, рыночного равновесия и политики цен и, наконец, финансовая и социальная программа пятилетия.

Проблемы реконструкции народного хозяйства СССР на пятилетие. Пятилетний перспективный план на V с'езде госпланов Изд. „План. Хоз." М. 1929, стр. 651, цена 6 р.

Приведенное издание представляет собой литературно обработанный стенографический отчет V с'езда госпланов, состоявшегося в марте 1929 г. и посвященного целиком обсуждению пятилетнего плана народного хозяйства на 1928/29—1932/33 гг.

М. М. Вольф. Пути реконструкции сельского хозяйства в пятилетие. Изд. „План. Хоз." М. 1929, цена 55 коп.

С. Г. Струмилин. Социальные проблемы пятилетки. Предисловие Г. М. Кржижановского, Изд. „План. Хоз.". М. 1929 г., стр. 83, цена 50 к.

Брошюры тт. Вольфа и Струмилина представляют собой переработанные доклады авторов на V с'езде госпланов по вопросам, аналогичным названиям книг.

М. И. Боголепов. Финансовый план пятилетия (1928/29—1932/33). Изд. „План. Хоз." М. 1929, стр. 157, ц. 75 коп.

Работа М. И. Боголепова посвящена характеристике и анализу основных моментов, определяющих содержание финансового плана пятилетия. Она состоит из 4 глав: 1. Финансовый план и его задачи. 2. Материальное содержание плана. 3. Оперативные планы. 4. Заключение.

Перспективы развития местных финансов СССР в пятилетнем плане. Изд. „План. Хоз." М. 1929, стр. 63, цена 1 р.

Настоящее издание является сборником статей, освещающих проблемы местных финансов в пятилетие в различных разрезах. Сборник включает 6 статей, из которых три дают характеристику путей развития местных финансов по всему Союзу и отдельно по РСФСР, а остальные посвящены местному кредиту, финансам советов и проблеме коммунальных концессий.

Резервы в народном хозяйстве. Сборник статей под редакцией А. З. Гольцмана. ГИЗ, 1929, стр. 189, цена 1 р. 60 к.

Настоящий сборник статей, написанных по материалам НК РКИ Союза, включает 11 статей, освещающих основные народнохозяйственные проблемы (металл, электрификация и энергетика, лесная промышленность, льняная, грубосуконная, транспорт и т. д.) с точки зрения выявления возможностей мобилизации резервов.

Силовой аппарат, энергетический и топливный баланс фабрично-заводской промышленности СССР. Изд. ЦСУ СССР, М. 1929, стр. 110 + 462 стр. таблиц, цена 6 р. 50 к.

Настоящая работа посвящена изучению структуры энергетического аппарата СССР и ее энергетическо-топливного баланса. По своей идее эта работа должна способствовать реформированию промышленной статистики на основе полного сближения статистики с техникой, т.-е. количественного учета с качественным.

Е. Кабо

К вопросу об изучении рабочего потребления

Одной из основных служебных функций бюджетного исследования в СССР является обслуживание плановых органов при построении балансов производства и потребления по отдельным отраслям народного хозяйства. К этому в основном приспособлена как программа разработки всех данных потребления, так и методы их группировки. В то время как в отношении программы разработки потребительского бюджета почти с самого начала достигнута та степень детализации, которая вполне удовлетворяет нуждам самых взыскательных потребителей статистических данных, методы исследования диференциации потребления и их анализа представляют собой предмет статистических опытов, подлежащих обсуждению и проверке.

Одним из таких частичных опытов является предлагаемая в приведенных таблицах группировка, сделанная по данным годового рабочего бюджета по заданию Госплана СССР. Прежде чем приступить к описанию технических приемов построения прилагаемых таблиц, следует вкратце остановиться на том, какие конкретные задачи ставятся перед исследователем рабочего бюджета проблемой построения перспективных планов народного хозяйства страны, так как в свете этих задач становятся яснее и методы их разрешения.

Задачи Госплана в отношении рабочих бюджетов распадаются на две группы: 1) рабочий бюджет должен дать материал для составления балансов народного хозяйства за некоторый истекший период времени, служащий базой для построения перспективных планов; 2) аналогичный же материал для составления самих перспективных планов в области потребления на основе имеющихся данных о дальнейшем развитии народного хозяйства.

Первая задача легко разрешается средними, не диференцированными показателями рабочего потребления при условии, что отбор об'ектов обследования и их сводка произведены с известными гарантиями репрезентативности всего материала. Для разрешения же второй части проблемы обычно прибегают к диференцированному изучению потребления для того, чтобы по этим данным определить потребление в последующий, неисследованный период.

Метод исследования диференциации потребления при этом отнюдь не безразличен. Он должен выявить в каждом отдельном случае изменение потребления в зависимости от изменений тех его факторов, развитие которых заранее предполагается известным. Построению перспектив в области потребления, таким образом, должно предшествовать определение и изучение факторов массового потребления.

Основными факторами рабочего потребления являются: 1) реальный размер заработной платы, 2) размер семьи, точнее, семейная нагрузка одного работника и 3) относительный уровень цен. [1]

[1] Четвертым и немаловажным фактором строения рабочего потребления является культурный уровень рабочего класса и его отдельных групп. Потребление в зависимости от этого фактора до настоящего времени не исследовалось.

Зависимость потребления от уровня заработной платы определяется группировкой семейных бюджетов по величине зарплаты его главы, при чем изолированное действие этого фактора от изменения в ценах обеспечивается тем, что группируются бюджеты одной и той же совокупности рабочих в один и тот же промежуток времени. Чтобы изолироваться при этом также и от различного состава семьи, отдельно устанавливается зависимость потребления от семейной нагруженности одного зарабатывающего, для чего подвергаются дополнительной комбинационной группировке по числу едоков в семье все бюджеты, относящиеся к одной и той же экономической группе.

Изучение зависимости рабочего потребления от экономического благосостояния семьи, независимо от состава этой семьи, достигается также группировкой всех семейных бюджетов по уровню расходного бюджета на одного едока. Эта группировка, как показала практика, дает наиболее резкую картину зависимости относительных размеров потребления от уровня жизни, но для работ, связанных с распространением выборочных данных бюджетного исследования на всю сферу народного хозяйства, эта группировка наименее удобна, так как распределение рабочего класса в стране по признаку размеров расхода на одного едока по массовым статистическим данным неизвестно и не подлежит плановому регулированию. Но будучи наименее удобной с практической точки зрения, эта группировка наиболее целесообразна при исследовании отвлеченных законов потребления от различных других факторов, как, напр., от относительного уровня цен, от культурного уровня и культурных потребностей семьи и т. д.

Зависимость потребления от относительного уровня цен изучается путем параллельного наблюдения динамики потребления и динамики цен в различных районах и на протяжении ряда лет. Изолированное действие этого фактора от обоих предшествующих (зарплаты и размеров семьи) как нельзя лучше достигается здесь путем отбора рабочих групп с неизменным уровнем жизни, определяемым количеством товарных рублей, расходуемых на одного едока.

Собираемые за последние годы бюджеты систематически подвергаются группировке по всем перечисленным выше признакам.[1]

Особенно актуальной при построении перспективных планов является группировка рабочих бюджетов по величине заработной платы, так как заработная плата рабочего в промышленности и на транспорте определяется на несколько лет вперед перспективами развития промышленности, твердо регулируется государством и союзами и, следовательно, является наиболее верной предпосылкой для определения перспектив и в области потребления. С этой точки зрения группировка по размерам зарплаты представляется наиболее целесообразной, но в то же время с методологической точки зрения и наиболее сомнительной.

В самом деле, что такое хозяйство рабочей семьи? Какую роль играет в нем заработок рабочего и как увязывается в реальной жизни уровень семейного потребления с уровнем заработной платы отдельных членов семьи. Вне всякого сомнения, что там, где в семье имеется только один работник, потребление всей семьи определяется по преимуществу зарплатой последнего.

Иное дело семьи, в которых имеется 2 или 3 работника. В этом случае рабочее потребительское хозяйство представляется сложным хозяйством, баланс которого образуется следующим образом. Отдельные

[1] См. публикацию их в сборн. „Бюджеты рабочих и служащих", под редакцией Г. С. Полляка. Изд. ЦСУ. (Печатается.)

трудоспособные члены рабочей семьи вносят в общее хозяйство свой заработок независимо от его размеров (фонд зарплаты семьи). Этот заработок обменивается на предметы потребления, услуги и различные блага, необходимые для потребления всей рабочей семьи в целом (фонд потребления). Если доходы выше потребления, то остается остаток (сбережения). Если, напротив, доходы ниже потребления, то дефицит покрывается сбережениями предыдущих периодов или временными займами. В годовом цикле рабочего хозяйства сбережения одних месяцев обычно покрывают дефицит прошлых месяцев, и заработная плата вместе с другими трудовыми доходами семьи составляет до 95% нормального рабочего бюджета.

Таким образом, фонд заработной платы определяет фонд рабочего потребления, Но распределение всех благ между отдельными членами хозяйства производится не по размеру дохода ее отдельных членов, а по принципу уравнительного распределения, так как каждому уделяется та часть общего бюджета, которая соответствует его потребностям.

В то время как весь фонд заработной платы в стране распределяется между отдельными группами рабочих неравномерно, в зависимости от их квалификации и производительности их труда, фонд потребления внутри рабочего хозяйства перераспределяется по потребностям отдельных членов семьи.

Таким образом, благодаря семейному строению рабочего быта на заработную плату одного рабочего содержатся и квалифицируются другие, вследствие чего достигается то обстоятельство, что потребление страны значительно менее диференцировано, нежели заработная плата.

Представим себе хозяйство, состоящее из 4 душ с 2 зарабатывающими членами семьи, из которых один зарабатывает 100 р. в месяц, а другой — 20 р., при чем в течение года баланс дохода и потребления составляется без остатков и сбережений. Тогда годовой фонд потребления этой семьи выразится в сумме 1440 руб. Душевое потребление каждого члена семьи в среднем составит 360 руб. Душевое потребление старшего работника с заработком 1200 руб. в год, благодаря перераспределению потребительского фонда внутри семьи, будет равно душевому потреблению второго работника, несмотря на то, что зарплата последнего в пять раз ниже, чем первого, и в 1,5 раза ниже, чем исчисленное на него душевое потребление.

Если представить себе другую семью, также состоящую из 4 душ и 2 зарабатывающих, зарплата которых составляет по 600 руб. в год, то уровень годового душевого потребления здесь выразится в сумме 300 р. на человека и, следовательно, уровень жизни рабочего, имеющего зарплату в 600 р., во второй семье окажется ниже уровня жизни рабочего, зарабатывающего 240 р., в первой семье. Таким образом, в сложной семье заработок каждого отдельного члена семьи не определяет среднего душевого потребления в хозяйстве. Последнее при этом условии полностью определяется заработком всех зарабатывающих, деленным на количество едоков в семье.

Таково влияние семейного рабочего бюджета, отражающееся не только на характере диференциации рабочего потребления, но и на всех сторонах рабочего быта.

Какие выводы из этого следует сделать? Прежде всего, тот, что группировка рабочих семей, имеющих 2 или более зарабатывающих, по величине зарплаты главы семьи, нецелесообразна, так как не она определяет нормы душевого потребления, в то время как группировка рабочих семей по сумме заработной платы совершенно не желательна, так как не достигает цели.

Для того чтобы ответить на вопрос о том, какой же уровень потребления соответствует той или иной зарплате, нужно распределить весь фонд рабочего потребления в полном соответствии с тем, как распределен фонд зарплаты между отдельными группами рабочих, независимо от того, какое семейное положение они занимают, другими словами, надо сделать предметом исследования и группировки не потребление рабочих семей с одним или несколькими зарабатывающими, а потребление каждого отдельного рабочего с одним или несколькими иждивенцами.

Для того чтобы отнести каждого рабочего в ту группу, которой он соответствует по размеру своей зарплаты, и в то же время определить уровень душевого потребления в этой группе, следует при разработке обследованных хозяйств найти тот фонд потребления и то количество потребителей, которое соответствует каждому заработку отдельно, после этого отнести каждого рабочего вместе с его иждивенцами, а также вместе с приходящейся на него частью потребительских фондов в соответствующую группу по заранее составленной скале заработных плат.

В приведенном выше примере рабочий с годовым заработком в 240 руб. по размеру своей зарплаты относится к одной из самых низких групп. Для того чтобы получить в этой группе баланс между зарплатой и фондом потребления, последний должен составлять также 240 руб. Однако, число потребителей, которое соответствует его заработку, не достигает и единицы, а именно равно $\frac{4 \cdot 240}{1440} = {}^2/_3$ душ. Уровень его потребления, таким образом, определится величиной $240 : {}^2/_3 = 360$ руб.

Если мы таким же образом поступим со всеми обследованными хозяйствами и если обследованные нами хозяйства достаточно показательны как в отношении среднего уровня зарплаты своих членов, так и в отношении распределения ее между отдельными группами рабочих, то мы сможем предполагать, что кривая распределения всех фондов потребления, с одной стороны, и всего потребляющего населения—с другой, будет находиться в полном соответствии с кривой распределения фондов заработной платы страны.

Этот метод открывает нам возможность связать массовые данные о зарплате и распределении населения с выборочными данными о размерах душевого потребления в каждой группе рабочих в самых разнообразных направлениях, разумеется, при одном необходимом условии, что качество и количество статистического материала, бывшего в группировке, позволяет считать его достаточно надежным.

В частности, приведенный выше материал, охватывающий всего 377 рабочих хозяйств и 452 рабочих, не может претендовать на очень высокую репрезентативность даже при формальном совпадении отдельных показателей таковой по выборочным и массовым данным. [1]

Но не следует забывать, что нами был произведен только первый методологический опыт. Производство статистических опытов с бюджетными данными на более массовом материале невозможно, вследствие сравнительной дороговизны обработки бюджетных данных.

Покончив с задачами произведенной работы и с теми ожиданиями, которые мы на нее возлагали, мы приступим к краткому описанию техники составления таблиц и некоторых полученных при их помощи результатов.

[1] О совпадении этих показателей см. „Статистику труда“, №№ 8 и 11—12 за 1927 г.

Все обследованные семьи разбиты на две основных группы: первая—с одним зарабатывающим и вторая — с двумя зарабатывающими. Все хозяйства, опирающиеся на заработок одного рабочего, распределены на группы по размерам заработка.

Несколько сложнее обстоит дело во второй группе, где хозяйство опирается на двух зарабатывающих.

Хозяйства этой группы составляют 20% всего числа вошедших в разработку хозяйств, но среди лиц с зарплатой до 50 руб. в месяц главы семьи составляют только 54%. Почти половина всех рабочих, зарабатывающих менее 600 руб. в год, прикреплена к семье других рабочих и зависит от них в организации своего потребления.

Разбив доход каждой сложной семьи с двумя работниками на части, пропорциональные доходу каждого ее члена отдельно, мы составляем внутри хозяйства не один баланс, как обычно, а два отдельных баланса, разбив, таким образом, не только фонд зарплаты, но и фонд потребления и число потребителей пропорционально доходу каждого отдельного работника. Каждый работник, таким образом, со всей приходящейся на него долей общественных благ отнесен в ту группу, которой соответствует его заработок.

На основании таких группировок составлены по каждой форме бюджетного обследования 1926 г. три таблицы: *A*, в которой все обследованные рабочие, независимо от принадлежности своей к „главам“ или „второстепенным работникам“ семьи, группируются по величине своей зарплаты, *B*, в которой группировка произведена по зарплате „главы семьи“, и, наконец, *C*, в которой группировке подвергались только рабочие, являющиеся „второстепенными работникам“ и семьи.

С точки зрения выявления норм душевого потребления, таблица *B* ничем не отличается от обычных группировок всех бюджетов по величине зарплаты „главы семьи“. Сопоставляя же таблицы *B* и *C* между собой, мы имеем возможность судить о том, как отличается материальное положение рабочих „глав семьи“ с низкой зарплатой от положения рабочих с такой же зарплатой, но живущих в одной семье с более квалифицированными рабочими, и о том, как много вносит квалифицированный рабочий на содержание менее квалифицированных рабочих и работниц и на поддержание их уровня жизни на некоторой средней величине.

Все данные по каждой отдельной группе городов при составлении сводки в среднем по СССР были взвешены в соответствии с данными о диференциальной зарплате в марте 1926 г. следующим образом:

Таблица 1

Веса для получения сред.-взвешенных данных по СССР на 1 рабочего

Группы городов	Группы по величине зарплаты					
	I	II	III	IV	V	VI
Столицы	3,0	8,0	20,0	31,0	37,0	49,0
РСФСР (без столиц) . .	86,0	81,0	63,0	47,0	40,0	28,0
УССР	11,0	11,0	17,0	22,0	23,0	23,0
Всего . . .	100	100	100	100	100	100

Для взвешивания средних душевых норм по данным обследования нескольких тысяч рабочих в ноябре 1926 г. о семейном составе в каждой группе внесены в систему весов следующие поправки.

Таблица 2

Веса для получения сред.-взвешенных данных исчисл. в среднем на 1 душу

Районы обследования	Группы по величине зарплаты					
	I	II	III	IV	V	VI
Столицы	2,0	6,0	16,0	25,0	35,0	46,0
РСФСР	92,0	86,0	67,0	55,0	43,0	31,0
УССР	6,0	8,0	17,0	20,0	22,0	23,0
Всего . . .	100	100	100	100	100	100

Репрезентативность и целесообразность как приведенной группировки, так и принятой системы взвешивания подтверждается следующим сопоставлением.

Таблица 3

Расходный бюджет 1 рабочего в 1926 г., исчисленный в среднем на 1 едока

Статьи расхода	Для всех бюджетов (не взвешенные)	Взвешенные по данным диференц. зарплаты	
		При груп. по зараб. всех работн. (табл. А)	При груп. по зараб. глав семьи (табл. В)
Общий расходный бюджет . . .	376,39	370.20	348,97
В том числе:			
Расход на жилище.	44,40	42,72	40,63
„ „ питание	174,44	173,87	165,90
„ „ спиртные напитки .	10,79	9,21	8,21
„ „ предмет курения . .	4,15	3,94	3,56
„ „ одежду.	83,38	82,59	79,04
„ „ хозяйств. вещи . . .	15,52	14,36	12,56
Культпросв. расходы	7,38	6,86	6,10
Обществ. полит.	9,60	9,51	8,64

Вовлечение в группировку всех рабочих, в том числе и второстепенных работников семьи, снижает диференциацию потребления, как это видно из всех приведенных в приложении таблиц, повышает норму потребления рабочих с более низкой зарплатой и тем самым повышает размеры средне-взвешенного уровня потребления при включении их в баланс народного хозяйства.

Для того чтобы осветить конкретно вопрос о том, как влияет на смягчение диференциации рабочего потребления семейный характер рабочего быта, приводим для сопоставления выдержки основных бюджетных показателей для всех групп.

Таблица 4

Изменения уровня жизни (расходный бюджет) рабочего СССР в зависимости от различной заработной платы и семейной нагрузки

Основные показатели / Группы рабочих по величине месячного заработка		I группа (до 30 р.)	II группа (от 30 до 50 руб.)	III группа (от 50 до 70 руб.)	IV группа (от 70 до 90 руб.)	V группа (от 90 до 110 руб.)	VI группа (св. 110 руб.)
Заработная плата 1 рабоч. в руб. за год	A	284,95	455,69	659,71	925,13	1.184,65	1.557,63
	B	300,80	461,11	659,94	925,21	1.184,65	1.557,63
	C	272,88	441,10	658,05	922,97	—	—
Расходный бюджет 1 рабочего в руб. за год . . .	A	371,90	586.62	789,75	1.065,63	1.291,59	1.688,77
	B	438,84	618,73	802,16	1.069,39	1.291,59	1.688,77
	C	325,43	503,23	720,97	969,91	—	—
Заработная плата и социал. страх. в % % ко всему бюджету	A	88,0	89,3	90,4	91,1	95,1	96,2
	B	83,8	88,2	89,4	90,8	95,1	96,2
	C	91,5	92,5	96,4	96,1	—	—
Число иждивенцев в среднем на 1 рабочего . . .	A	1,96	3,09	3,43	4,16	4,00	4,38
	B	2,89	3,44	3,66	4,22	4,00	4,38
	C	1,28	2,17	2,01	2,37	—	—
То же в переводе на взрослого едока	A	1,31	2,04	2,18	2,64	2,59	2,86
	B	1,90	2,24	2,33	2,68	2,59	2,86
	C	0,87	1,51	1,29	1,61	—	—
Расходный бюджет в среднем на 1 едока	A	283,89	287,56	362,26	403,65	498,69	590,48
	B	231,45	276,22	344,28	400,52	498,69	590,48
	C	373,95	333,27	558,89	602,43	—	—

Сравнивая в группах *B* и *C* уровень зарплаты и уровень жизни, т.-е. расход на одного едока, мы видим, что при условии одинаковой зарплаты (строка 1), но при более низкой семейной нагрузке падающей на 1 рабочего (строки 4 и 5), уровень жизни на одного человека (строка 6) в группе *B* всегда ниже, чем в группе *C*, вследствие чего средние размеры потребления для всех зарабатывающих в группе *A* значительно выше, чем в группе *B*, что станет особенно очевидным, если принять за 100 средний уровень потребления во всех группах и для всех рабочих.

Таблица 5

Группы рабочих по величине их заработка	Группы рабочих по семейному положению		
	A	B	C
I	100	82	132
II	100	96	116
III	100	95	154
IV	100	99	149

Если принять за 100 заработную плату и уровень жизни рабочих I группы (с заработком до 30 руб. в месяц), то колебания заработной платы будут значительно выше, чем колебания потребления.

Таблица 6

Группы рабочих по величине их заработка	Заработная плата			Расходный бюджет на 1 едока		
	A	B	C	A	B	C
I	100	100	100	100	100	100
II	160	153	162	101	119	89
III	232	219	241	128	149	150
IV	325	308	338	142	173	161
V	416	394	—	176	216	—
VI	547	518	—	208	255	—

В то время как зарплата сгруппирована по нашей скале с диапазоном от 1 до 5,5, уровень жизни на одного человека колеблется в крайних группах от 1 до 2. То напряжение, с которым входят в борьбу за свою часть общественного дохода рабочие, обреченные при низком уровне заработка нести на себе обязанности главы семьи, отражается в строке 3 табл. 4.

В полном соответствии с характером изменений в уровне жизни в различных группах меняются в тех же группах в зависимости от зарплаты и нормы потребления, выраженные в натуральных единицах. При этом оказывается, что одни группы товаров более чутки к изменению благосостояния семьи, другие — меньше. Сводка всех данных о потреблении дана в табл. 7, где весь фонд рабочего потребления, вполне соответствующий покупательному фонду рабочих каждой группы, распределяется по основным отраслям народного хозяйства (см. табл. 7).

По мере увеличения зарплаты относительно падает товарная часть рабочего бюджета и растет последняя группа расходов, не являющихся затратами на продукцию сельского хозяйства или промышленности. Доля расходов на продукцию промышленности и сельского хозяйства упала с 85% в первой группе, до 72% всего бюджета в последней группе. Распределение этой доли между основными отраслями народного хозяйства — промышленностью и сельским хозяйством — меняется следующим образом:

Таблица 8

Распределение рабочих покупок между основными отраслями народного хозяйства

Группы раб. по размерам зарплаты / Отрасли нар. хозяйства	I	II	III	IV	V	VI
Сельское хозяйство	48,3	53,4	53,1	54,7	55,2	49,6
Промышл.	51,7	46,6	46,9	45,3	44,8	50,4

Таблица 71

Характер спроса рабочей семьи по отдельным отраслям народного хозяйства в среднем на 1 душу в 1926 г. в рублях и %% к итогу

Отрасли народного хозяйства и группы товаров	I группа	II группа	III группа	IV группа	V группа	VI группа	I груп.	II груп.	III груп.	IV груп.	V груп.	VI груп.
	В червонных рублях						В %%% к итогу					
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Продукты сельского хозяйства												
1. Хлеб, мука, крупа	32,07	34,83	32,65	34,99	42 54	38,77	16,9	18,3	14,2	13,7	13,2	10,1
2. Овощи, фрукты и ягоды	10,75	11,40	12,53	14,94	17,31	22,46	5,6	6,0	5,4	5,8	5,4	5,8
3. Продукты, мясного и молочного хозяйства	25,02	26,74	42,83	48,96	58,51	63,87	13,2	14,1	18,6	19,1	18.1	16,6
4. Рыба	0,68	0,64	1,36	1,50	1,91	2,48	0,4	0,3	0,6	0,6	0,6	0.6
5. Итого прод. земл. и животн.	68,52	73,61	89,37	100,39	120,27	127,58	36,1	38,7	38.8	39,2	37,3	33.1
6. Дрова	9,51	9,40	10,17	11,64	12,66	10,10	5,0	5,0	4,4	4,5	3,9	2,6
7. Итого по всем отраслям сельского хозяйства	78,03	83,01	99,54	112,03	132,93	137,68	41,1	43,7	43,2	43,7	41,2	35,7
II. Продукты промышленности												
1. Предметы питания пром. пр.	16,61	18,85	19,73	22,04	27.65	34,68	8,8	9,9	8,6	8,6	8.6	9,0
2. Напитки	2,40	2,30	6,64	7,58	8,96	14,26	1,3	1,2	2,9	3,0	2,8	3,7
3. Табачные изделия и спички	1,57	1,01	3,08	3,39	3,80	4,56	0,8	0,5	1,3	1,3	1,2	1,2
4. Продукты текст. и швейн. промышленности	33,06	23,89	27,52	31,73	30,67	41,77	17,4	12,7	11,9	12,3	9,5	10,8
5. Обувь кож., галоши, валенки и механич. изделия	19,92	16,36	17,42	16,09	18,26	22,79	10,5	8,6	7,6	6,3	5,6	5,9
6. Мыло	1,28	1,35	1,34	1,30	1,43	1,60	0,7	0,7	0,6	0,5	0,4	0,4
7. Мебель, посуда, хоз. инв. и проч. хоз. вещи	6,35	6,05	9,73	7,57	13,87	17,28	3,3	3.2	4,2	3,0	4,3	4,5
8. Керосин, бензин, газолин	0,40	0,59	0.45	0,69	1,22	1,14	0,2	0,3	0,2	0,3	0,4	0,3
9. Уголь камен., дерев. и торф	1,91	1,88	2,04	2,33	2,54	2,02	1,0	1.0	0,9	0,9	0 8	0,5
10. Итого по всем отрасл. промышл.	83,50	72,28	87,95	92,72	108,40	140,10	44,0	38,1	38,2	36,2	33,6	36,3
11. Прочие расходы	28,21	34,55	42,76	51,41	81,57	107,79	14,9	18,2	18,6	20,1	25,2	28,0
Всего	189,74	189,84	230,25	256,16	322,90	385,57	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

[1] Относится ко всем рабочим и составлена по таблице „А".

Приложение I

А. Годовой приходо-расходный бюджет рабочих с различной заработной платой в среднем по СССР за 1926 г.

Группы рабочих по величине зараб.	I группа (до 30 р. в м.)		II группа (от 30 до 50 р.)		III группа (от 50 до 70 р.)	
Число обсл. рабочих $\frac{\text{глав семьи}}{\text{членов семьи}}$	5/21		48/27		82/23	
Число лиц, жив. на 1 заработок (включая рабоч.)	1,96		3,09		3,43	
То же в переводе на взрослого едока	1,31		2,04		2,18	
	В среднем					
Статьи бюджета	На 1 рабочего	На 1 едока	На 1 рабочего	На 1 едока	На 1 рабочего	На 1 едока
	1	2	3	4	5	6
А. Приход	В чер					
1. Заработная плата	284,95	—	455,69	—	659,71	—
2. Пособия по врем. утр. труд.	2,15	—	29,77	—	31,46	—
3. Прочие пособ. по соц. страх.	41,06	—	48,43	—	29,11	—
4. Итого зарплата и соц. страх.	328,16	—	533,89	—	720,28	—
5. Прочие доходы и поступления	38,04	—	62,39	—	76,74	—
6. Всего приход	366,20	—	596,28	—	797,02	—
7. Взято из сбереж. ден. и натур.	6,80	—	1,93	—	—	—
Баланс	373,00	—	598,21	—	797,02	—
Б. Расход						
1. Расход на жилище	34,82	26,58	79,95	39,20	86,01	39,45
В том числе:						
а) Уплачено за площадь	2,03	1,55	22,23	10,90	15,71	7,21
б) Нераспред. расход	1,55	1,18	9,40	4,61	5,03	2,31
в) Расход на строит. и ремонт	5,59	4 27	6,21	3,05	14,80	6,79
г) „ „ топливо	22,39	17,09	34,86	17,09	41,87	19,21
д) „ „ осв. мат.	0,79	0,60	1,82	0,89	1,54	0,71
2. Питание	168,44	128,57	285,08	139,74	381,36	174,93
3. Спиртные напитки	4,78	3,65	7,16	3,51	22,73	10,43
4. Табак, папиросы, спички	3,13	2,38	3,14	1,54	10,55	4,84
5. Одежда	118,50	90,46	141,62	69,42	172,98	79,35
6. Стирка и мыло	2,83	2,16	4,98	2,44	5,71	2,61
7. Гигиена	1,40	1,07	2,52	1,24	3,45	1,58
8. Лечение	0,34	0,26	1,31	0,64	3,33	1,53
9. Хоз. вещи и украшение жилища	12,82	9,79	19,53	9,58	34,75	15,94
10. Культурно-просвет. расходы	4,32	3,30	6,40	3,14	14,10	6,47
В том числе:						
а) Книги, журн. лекции	2,22	1,69	2,71	1,33	6,47	2,97
б) Театры и развлечения	1,37	1,05	1,89	0,93	5,68	2,61
11. Общественно-политич. расходы	7,43	5,67	11,73	5,75	18,00	8,26
12. Уплачено долгу	2,17	1,66	0,82	0,40	—	—
13. Прочие расходы	10,39	7,94	21,68	10,62	35,77	16,41
В том числе:						
а) Религия	0,42	0,32	0,59	0,29	0,95	0,44
б) Налоги	0,15	0,11	0,31	0,15	0,33	0,15
14. Невыясненный расход	0,53	0,40	0,70	0,34	1,01	0,46
15. Всего расход	371,90	283,89	586,62	287,56	789,75	362.26
16. Остаток деньгами и натурой	1,10	0,84	11,59	5,68	7,27	3,34
Баланс	373,00	284,73	598,21	293,24	797,02	365,60

IV группа (от 70 до 90 р.)		V группа (от 90 до 110 р.)		VI группа (свыше 110 р.)							
84/4		60/—		98/—							
4,16		4,00		4,38							
2,64		2,59		2,86							
В среднем											
На 1 рабочего	На 1 едока	На 1 рабочего	На 1 едока	На 1 рабочего	На 1 едока	I группа	II группа	III группа	IV группа	V группа	VI группа
7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
ы х		р у б л я х				В % % к и т о г у					
925,13	—	1184,65	—	1557,63	—	76,4	76,2	82,8	85,8	91,5	91,2
29,21	—	19,69	—	68,86	—	0,6	5,0	4,0	2,7	1,5	4,0
28,52	—	27,48	—	16,92	—	11,0	8,1	3,6	2,6	2,1	1,0
982,86	—	1231,82	—	1643,41	—	88,0	89,3	90,4	91,1	95,1	96,2
89,63	—	54,53	—	58,79	—	10,2	10,4	9,6	8,4	4,3	3,5
1072,49	—	1286,35	—	1702,20	—	98,2	99,7	100,0	99,5	99,4	99,7
5,88	—	8,38	—	5,26	—	1,8	0,3	—	0,5	0,6	0,3
1078,37	—	1294,73	—	1707,46	—	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
120,52	45,65	155,05	59,87	171,41	59,93	9,3	13,7	10,9	11,3	11,9	10,1
21,59	8.18	27,07	10,45	49,71	17,38	0,5	3,8	2,0	2,0	2,1	2,9
60,67	22,98	3,93	1,52	1,42	0,50	0,4	1,6	0,6	5,7	0,3	0,1
17,01	6,44	11.60	4,48	27,67	9,67	1,5	1,1	1,9	1,6	0,9	1,6
58,13	22,02	60,81	23,48	53,08	18,56	6,0	5,9	5,3	5,5	4,7	3,1
2,88	1,09	4,86	1,88	5,01	1,75	0,2	0,3	0,2	0,3	0,4	0,3
506,34	191,79	601,74	232,34	714,09	249,68	45,3	48,6	48,4	47,5	46,6	42,
32,19	12,19	35,83	13,83	62,39	21,82	1,3	1,2	2,9	3,0	2,8	3,
14,27	5,41	15,16	5,85	19,93	6,97	0,8	0,5	1,3	1,4	1,2	1,2
228,41	86,52	224,65	86,75	336,61	117,70	31,8	24,1	21,9	21,5	17,4	20,0
7,31	2,77	8,52	3,29	13,33	4,66	0,8	0,8	0,7	0,6	0.7	0,8
5,49	2.08	8,62	3.33	12,64	4,42	0,3	0,4	0,4	0,5	0,7	0,7
7,85	2,97	13,23	5,11	11,51	4,02	0,1	0,2	0,4	0,7	1,0	0,7
33,76	12,79	57,51	22 20	77,77	27,19	3,5	3,4	4,4	3,2	4,5	4.6
22,18	8,40	29,46	11,37	50,82	17,77	1,2	1,1	1,8	2,1	2,2	3,0
10,31	3.91	13,54	5,23	18,14	6,34	0,6	0,5	0,8	1,0	1,0	1,1
7,78	2,95	9,15	3,53	21,16	7,40	0,4	0,3	0,7	0,7	0,7	1,3
27,05	10,25	43,75	16,89	63,33	22,14	2,0	2,0	2,3	2,5	3,4	3,8
3,11	1,18	7,09	2,73	34,15	11,94	0,6	0,2	—	0,3	0,6	2,0
55,88	21,17	88,55	34,19	116,70	40,81	2,9	3,7	4,5	5,3	6,8	6,9
0,28	0,11	0,13	0,05	0,53	0,19	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0
2,03	0,77	7,81	3,02	13,93	4,87	0,0	0,1	0,0	0,2	0,6	0,8
1,27	0,48	2,43	0,94	4,09	1,43	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2
1065,63	403,65	1291,59	498,69	1688,77	590,48	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
12,74	4,82	3,14	1,21	18.69	6,53	—	—	—	—	—	—
1078,37	408,47	1294,73	499,90	1707,46	597,01	—	—	—	—	—	—

Приложение II

В. Годовой приходо-расходный бюджет рабочих с различ

ной заработной платой в среднем по СССР за 1926 г.

Группы рабочих по величине зараб.	I группа (до 30 р. в м.)		II группа (от 30 до 50 р.)		III группа (от 50 до 70 р.)		IV группа (от 70 до 90 р.)		V группа (от 90 до 110 р.)		VI группа (свыше 110 р.)		I группа	II группа	III группа	IV группа	V группа	VI группа
Число обслед. раб.	5		48		82		84		60		98							
Число иждивенцев в средн. на 1 раб., включ. зарплату	2,89		3,44		3,66		4,22		4,00		4,38							
То же в переводе на взросл. едока	1,90		2,24		2,33		2,68		2,59		2,86							
	В		с		р		е		д		н		е		м			
Статьи бюджета	На 1 рабоч.	На 1 едока	На 1 рабоч.	На 1 едока	На 1 рабоч.	На 1 едока	На 1 рабоч.	На 1 едока	На 1 рабоч.	На 1 едока	На 1 рабоч.	На 1 едока						
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12						
	В червонных						рублях						В %%% к итогу					
А. Приход																		
1. Заработная плата главы	300,80	—	461,11	—	659,94	—	925,21	—	1.184,65	—	1.557,63	—	68,2	73,1	81,6	85,4	91,5	91,2
2. Пособ. гл. по врем. утрате труд.	3,96	—	33,92	—	31,47	—	29,78	—	19,69	—	68,86	—	0,9	5,4	3,9	2,7	1,5	4,0
3. Проч. пособ. гл. по соцстр.	7,20	—	6,57	—	13,80	—	15,14	—	24,48	—	11,62	—	1,6	1,0	1,7	1,4	1,9	0,7
4. Итого зараб. пл. и соц. страх.	311,96	—	501,60	—	705,21	—	970,13	—	1.228,82	—	1.638,11	—	70,7	79,5	87,2	89,5	94,9	95,9
5. Проч. доходы и поступления	115,58	—	126,29	—	104,23	—	106,53	—	57,53	—	64,09	—	26,1	20,1	12,8	9,9	4,5	3,8
6. Всего приход	427,54	—	627,89	—	809,44	—	1.076,66	—	1.286,35	—	1.702,20	—	96,8	99,6	100,0	99,4	99,4	99,7
7. Взято из сбер. ден. и нат.	14,25	—	2,76	—	—	—	6,16	—	8,38	—	5,26	—	3,2	0,4	—	0,6	0,6	0,3
Баланс	441,79	—	630,65	—	809,44	—	1.082,82	—	1.294,73	—	1.707,46	—	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Б. Расход																		
1. Расход на жилище	36,76	19,39	88,53	39,54	90,19	38,71	120,44	45,11	155,05	59,87	171,41	59,93	8,4	14,4	11,3	11,4	11,9	10,1
В том числе:																		
а) Уплачено за площадь	1,38	0,73	24,83	11,08	16,57	7,12	20,50	7,68	27,07	10,45	49,71	17,38	0,3	4,0	2,0	1,9	2,1	2,9
б) Нераспред. расход	3,16	1,67	10,35	4,62	3,15	1,35	6,26	2,34	3,93	1.52	1,42	0,50	0,7	1,7	0,4	0,6	0,3	0,1
в) Расход на строит. и рем.	1,64	0,87	6,45	2,88	15,48	6,65	17,63	6,60	11,60	4,48	27,67	9,67	0,4	1 0	2,0	1,6	0,9	1,6
г) „ „ топливо	28,81	15,20	39,15	17,48	45,93	19,71	59,18	22,16	60,81	23,48	53,08	18,56	6,6	6,3	5,7	5,5	4,7	3,1
д) „ „ осв. мат.	1,04	0,55	1,95	0,87	1,53	0,66	2,80	1,05	4,86	1,88	5,01	1,75	0,2	0,3	0,2	0,3	0,4	0,3
2. Питание	209,27	110,37	306,47	136,82	391,12	167,86	509,10	190,67	601,74	233,34	714,09	249,68	47,7	49,5	48,8	47,6	46,6	42,3
3. Спиртные напитки	5,80	3,06	5,70	2,54	22,12	9,49	32,21	12,06	35,83	13,83	62,39	21.82	1,3	0,9	2,8	3,0	2.8	3,7
4. Табак, папиросы и спички	2,79	1,47	2,72	1,21	10.83	4,65	14,31	5,36	15,16	5,85	19.93	6,97	0,6	0,4	1,4	1,3	1,2	1,2
5. Одежда	148,13	78,13	149,88	66.91	175.16	75,18	230,92	86,48	224,65	86,75	336,61	117,70	33,8	24,2	21,8	21,6	17,4	20,0
6. Стирка и мыло	4,20	2,21	5,39	2,40	5,90	2,53	7,27	2,73	8,52	3,29	13,33	4,66	1,0	0,8	0,7	0,6	0,7	0.8
7. Гигиена	1,08	0,57	2,48	1,11	3,42	1,47	5,39	2.02	8,62	3.33	12,64	4,42	0,2	0,4	0,4	0,5	0,7	0,7
8. Лечение	0,21	0,11	1,49	0,67	3,31	1,42	7,28	2,73	13,23	5,11	11,51	4,02	—	0,2	0,4	0,7	1,0	0,7
9. Хоз. вещи и украш. жилища	10,29	5,43	16,42	7,33	34,66	14,88	34,47	12,91	57,51	22,20	77,77	27,19	2.3	2,7	4.3	3,2	4.5	4,6
10. Культ.-просвет. расходы	2,84	1,50	6,29	2,81	13,69	5,88	21,99	8,23	29,46	11,37	50,82	17,77	0,6	1,0	1,7	2,1	2,2	3,0
В том числе:																		
а) Книги, журн., лекц.	2,14	1,13	2,85	1,27	6,81	2,92	10,30	3,86	13,54	5,23	18,14	6,34	0,5	0,5	0,8	1,0	1,0	1,1
б) Театры и развл.	0,42	0,22	1,69	0,75	4,96	2,13	7,63	2,86	9,15	3,53	21,16	7,40	0,1	0,3	0,6	0,7	0,7	1,3
11. Обществ.-политич. расх.	5,58	2,94	11,95	5,33	18,19	7,81	27,25	10,21	43,75	16,89	63.33	22,14	1,3	1,9	2,3	2,5	3,4	3,8
12. Уплачено долгу	2,43	1,28	0,52	0.23	—	—	3 15	1,18	7,09	2,73	34,15	11,94	0,6	0,1	—	0.3	0,6	2,0
13. Прочие расходы	8,91	4,70	20,28	9,05	32,74	14,04	54,42	20,38	88,55	34,19	116,70	40,81	2,1	3,4	4,0	5,1	6,8	6,9
В том числе:																		
а) Религия	0,92	0,49	0,64	0,29	0,45	0,19	0,28	0,10	0,13	0,05	0,53	0,19	0,2	0,1	0,1	—	0,0	0.0
б) Налоги	—	—	0,34	0,15	0,14	0,06	2,01	0,75	7,81	3,02	13,93	4,87	—	0,1	—	0,2	0,6	0,8
14. Невыясн. расход	0,55	0,29	0,61	0,27	0,83	0,36	1,19	0,45	2,43	0,94	4,09	1,43	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2
15. Всего расход	438,84	231,45	618,73	276,22	802,16	344,28	1.069,39	400,52	1.291,59	498,69	1.688,77	590,48	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
16. Остаток ден. и натурой	2,95	1,56	11,92	5,32	7,28	3,12	13,43	5,03	3,14	1,21	18,69	6,53	—	—	—	—	—	—
Баланс	441,79	233,01	630,65	281,54	809,44	347,40	1.082,82	405,55	1.294,73	499,90	1.707,46	597,01	—	—	—	—	—	—

Приложение III

С. Годовой приходо-расходный бюджет рабочих с различной заработной платой в среднем по СССР за 1926 г.

Группы рабочих по величине зараб.	I группа (до 30 руб. в мес.)		II группа (от 30 до 50 р.)		III группа (от 50 до 70 р.)		IV группа (от 70 до 90 р.)		I группа	II группа	III группа	IV группа
Число обследов. рабочих	21		27		23		4					
Число обсл. иждив. в средн. на 1 раб. (включая заработок)	1,28		2,17		2,01		2,37					
То же в переводе на взрослого едока	0,87		1,51		1,29		1,61					
	В		с р е д		н е м							
Статьи бюджета	На 1 рабоч.	На 1 едока	На 1 рабоч.	На 1 едока	На 1 раб.	На 1 едока	На 1 раб.	На 1 едока				
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	В ч е р в о н н ы х				р у б л я х				В %%% к итогу			
А. Приход												
1. Заработная плата членов семьи	272,88	—	441,10	—	658,05	—	922,97	—	83,7	85,7	90,4	94,9
2. Пособия чл. семьи по врем. утр. трудоспособ.	0,78	—	18,76	—	31,46	—	12,07	—	0,2	3,6	4,3	1,2
3. Прочие пособия чл. семьи по соц. страхованию	22,70	—	12,94	—	9,23	—	—	—	7,0	2,6	1,3	—
4. Итого зараб. плата и соц. страх.	296,36	—	472,80	—	698,74	—	935,04	—	90,9	91,9	96,0	96,1
5. Прочие доходы и поступления	27,46	—	41,40	—	29,46	—	31,37	—	8,4	8,1	4,0	3,3
6. Всего приход	323,82	—	514,20	—	728,20	—	966,41	—	99,3	100,0	100,0	99,4
7. Взято из сбереж. ден. и натурой	2,28	—	0,12	—	—	—	5,53	—	0,7	—	—	0,6
Баланс	326,10	—	514,32	—	728,20	—	971,94	—	100,0	100,0	100,0	100,0
Б. Расход												
1. Расход на жилище	33,39	38,38	57,17	37,86	60,45	46,86	123,94	76,98	10,2	11,5	8,4	12,8
В том числе:												
а) Уплачено за площадь	2,49	2,86	15,26	10,11	10,33	8,01	50,06	31,09	0,8	3,0	1,4	5,2
б) Нераспред. расход	0,31	0,36	7,03	4,66	16,72	12,96	—	—	0,1	1,4	2,3	—
в) Расход на строит. и ремонт	8,61	9,90	5,54	3,67	10,88	8,43	2,04	1,27	2,0	1,1	1,5	0,2
г) „ „ топливо	17,58	20,21	23,33	15,45	16,90	13,10	30,79	19,12	5,4	4,6	2,3	3,2
д) „ „ осв. материалы	0,60	0,69	1,48	0,98	1,59	1,23	5,09	3,16	0,2	0,3	0,2	0,5
2. Питание	137,53	158,08	228,14	151,09	321,90	249,53	426,17	264,70	42,2	45,3	44,6	43,9
3. Спиртные напитки	4,01	4,61	11,02	7,30	26,69	20,69	32,36	20,10	1,2	2,2	3,7	3,3
4. Табак, папиросы, спички	3,40	3,91	4,27	2,83	8,89	6,89	13,53	8,40	1,0	0,8	1,2	1,4
5. Одежда	96,20	110,57	119,53	79,16	159,44	123,60	158,69	98,57	29,9	23,8	22,1	16,3
6. Стирка и мыло	1,80	2,07	3,88	2,57	4,61	3,57	8,30	5,16	0,5	0,7	0,7	0,9
7. Гигиена	1,64	1,89	2,63	1,74	3,67	2,84	8,01	4,98	0,5	0,5	0,5	0,8
8. Лечение	0,41	0,47	0,78	0,52	3,60	2,79	23,66	14,70	0,1	0,2	0,5	2,4
9. Хоз. вещи и украш. жилища	14,77	16,98	27,80	18,41	35,50	27,52	13,17	8,18	4,5	5,5	4,9	1,4
10. Культ.-просвет. расходы	5,41	6,22	6,70	4,43	16,76	12,99	26,44	16,42	1,6	1,3	2,3	2,7
В том числе:												
а) книги, журналы, лекции	2,27	2,61	2,34	1,55	4,52	3,50	10,45	6,49	0,7	0,5	0,6	1,1
б) театры и развлечения	2,07	2,38	2,40	1,59	10,22	7,92	11,62	7,22	0,6	0,5	1,4	1,2
11. Обществ.-политич. расходы	8,83	10,15	11,13	7,37	16,91	13,11	21,73	13,50	2,7	2,2	2,3	2,2
12. Уплачено долгу	5,45	6,27	2,85	1,89	4,36	3,38	12,93	8,03	1,7	0,6	0,6	1,4
13. Прочие расходы	11,98	13,76	26,38	17,47	56,14	43,53	97,45	60,52	3,7	5,2	7,9	10,1
В том числе:												
а) Религия	0,03	0 03	0,45	0,30	0,34	0,26	0,29	0,18	—	0,1	—	0,0
б) Налоги	0,25	0,29	0,23	0,15	1,44	1,12	2,50	1,55	0,1	—	0,2	0,3
14. Невыясненный расход	0,51	0,59	0,95	0,63	2,05	1,59	3,53	2,19	0,2	0,2	0,3	0,4
15. Всего расход	325,33	373,95	503,23	333,27	720,97	558,89	969,91	602,43	100,0	100,0	100,0	100,0
16. Остаток деньгами и натурой	0,77	0,88	11,09	7,34	7,23	5,61	2,03	1,26	—	—	—	—
Баланс	326,10	374,83	514,32	340,61	728,20	564,50	971,94	603,69	—	—	—	—

Годовые нормы потребления продуктов питания в среднем на 1 взрослого рабочего (В фунтах

Группы рабочих по величине[1] заработка	I	II	III	IV	V
Число обслед. рабочих	26	75	105	88	60
„ „ душ.	39	211	331	337	230
То же в перев. на взр. едока	26,16	139,60	209,99	220,94	152,78
Коэфиц. пер. ед. в душ.	1,50	1,51	1,57	1,58	1,54
	1	2	3	4	5
Название продуктов	Количество				
1. Мука ржаная	168,94	205,00	144,92	82,66	24,98
2. Хлеб ржаной	53,36	71,46	73,75	124,72	247,62
Итого 1—2	222,30	276,46	218,67	207,38	272,60
3. Мука пшеничная и прочая	406,51	302,47	350,98	310,00	140,85
4. Хлеб пшеничный и смешанный	86,41	105,63	133,72	205,34	348,03
Итого 3—4	492,92	408,10	484,70	515,34	488,88
5. Макароны и вермишель	2,26	2,13	3,56	5,28	8,37
6. Крупа	23,37	58,96	36,65	33,65	45,51
Всего хлебных продуктов	740,98	745,99	743,91	762,80	815,88
7. Картофель	319,87	349,68	296,04	332,87	369,12
8. Прочие овощи	72,64	86,35	99,08	118,29	146,56
Итого 7—8	392,51	436,03	395,12	451,16	515,68
9. Грибы, ягоды	5,54	4,09	5,80	6,32	6,86
10. Фрукты	46,71	73,72	53,86	79,54	125,37
Итого 9—10	52,25	77,81	59,66	85,86	132,23
11. Масло постное	11,72	19,72	11,87	11,37	13,67
12. Сахар	38,71	41,94	40,60	41,40	48,07
13. Прочие сладости	3,20	3,14	4,72	7,01	6,79
Итого 12 - 13.	41,91	45,08	45,32	48,41	54,86
14. Чай и кофе	0,67	0,68	0,86	0,82	0,98
Всего прод. раст. происх.	1.240,04	1.325,31	1.256,74	1.360,42	1.533,30
15. Мясо всякое и сало	92,04	85,40	122,30	162,56	194,73
16. Рыба свежая	6,03	5,20	11,50	13,69	15,61
17. „ прочая	9,83	13,54	12,62	17,21	20,87
Итого 16—17	15,86	18,74	24,12	30,90	36,48
18. Молоко	106,05	144,28	334,52	286,64	287,91
19. Масло сливочное	1,55	2,66	5,01	7,12	8,77
20. „ топленое	4,45	2,92	4,07	3,90	2,62
21. Прочие молочные продукты	7,15	6,31	12,81	10,95	9,63
Итого 18—21	119,20	156,17	356,41	308,61	308,93
22. Яйца	7,88	8,76	11,95	12,96	15,78
Всего прод. жив. происх.	234,98	269,07	514,78	515,03	555,92
23. Соль	24,08	21,45	23,76	24,06	17,88
24. Прочие прод. питания	13,93	11,24	10,43	11,25	8,83
Всего продуктов питания	1.513,03	1.627,07	1.805,71	1.910,76	2.115,93

[1] Наименование групп см. в приложении I.

Приложение IV

(едока) в группах с различной заработной платой[1] (в среднем по СССР за 1926 г.) и черв. руб.)[2]

VI	I	II	III	IV	V	VI
98 417 277,26 1,53						
6	7	8	9	10	11	12
	Стоимость					
38,51	6,63	8,49	5,54	3,09	1,24	1,64
173,57	2,13	2,85	3,14	5,19	9,98	7,99
212,08	8,76	11,34	8,68	8,28	11,22	9,63
104,68	28,52	25,89	25,49	23,35	14,04	12,34
309,64	8,46	10,21	13,51	20,09	35,56	32,82
414,32	36,98	36,10	39,00	43,44	49,60	45,16
8,13	0,52	0,46	0,78	1,11	1,82	1,74
40,36	2,36	5,16	3,58	3,56	4,69	4,53
676,05	48,65	53,14	52,14	56,66	67,41	61,37
350,94	5,52	5,92	5,83	7,07	7,16	7,55
173,26	4,12	4,86	6,12	8,02	10,04	12,01
524,20	9,64	10,78	11,95	15,09	17,20	19,56
9,26	1,17	0,99	1,28	1,27	1,37	2,02
150,66	3,99	4,56	5,49	6,27	7,30	11,73
159,92	5,16	5,55	6,77	7,54	8,67	13,75
13,60	2,68	4,35	2,71	2,62	2,92	3,02
51,83	11,14	12,14	11,67	12,08	12,91	14,25
12,43	1,83	1,90	2,88	3,73	4,37	7,27
64,26	12,97	14,04	14,55	15,81	17,28	21,52
1,32	1,89	2,05	2,57	2,53	3,07	4,17
1.439,35	80,99	89,91	90,69	100,25	116,55	123,39
196 01	23,45	23,72	34,56	44,90	60,18	65,89
21,71	1,02	0,98	2,13	2,36	2,94	3,81
21,71	2,15	2,93	3,21	3,99	5,29	6,36
43,42	3,17	3,91	5,34	6,35	8,23	10,17
255,34	7,35	10,37	23,77	22,94	22,29	20,44
11,55	1,14	1,94	3,68	5,02	6,71	8,77
2,97	3,34	2,35	3,11	2,93	2,20	2,45
18,00	1,62	1,28	2,25	2,59	2,34	4,29
287,86	13,45	15,94	32,81	33,48	33,54	35,95
22,69	3,07	3,26	4,43	4,75	6,23	9,01
549,98	43,14	46,83	77,14	89,48	108,18	121,02
17,91	0 53	0,49	0,56	0,56	0,43	0,47
11,76	3,02	2,41	2,90	3,14	2,63	3,40
2.019,00	127,68	139,64	171,29	193,43	227,79	248,28

[2] В 1926 г. запись рабочими проводилась в фунтах, вследствие чего разработка данных питания также произведена в фунтах.

Приложение V

Годовой расход на предметы одежды, обуви и на мыло в среднем на 1 душу рабочей семьи в группах с различной заработной платой[1] в среднем по СССР за 1926 г.
(В рублях и натуральных единицах)

Группы раб. по велич. заработка	I группа		II группа		III группа		IV группа		V группа		VI группа	
Число обслед. раб. гл. чл.	5/21		48/27		82/23		84/4		60		98	
„ „ душ	39		211		331		337		230		417	
	Колич.	Стоим.	Колич.	Стоим.	Колич.	Стоим.	Колич.	Стоим.	Колич.	Стоим.	Колич.	Стоим.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Название товаров												
Ткани (в метрах)												
Бумажные	14,10	10,53	14,64	9,25	15,55	9,74	14,26	9,14	11,48	9,31	14,97	11,58
Шерстяные	0,59	2,96	0,59	2,76	0,66	2,79	0 81	4,45	0,81	6,45	1,15	6,59
Прочие	0,41	0,42	0,59	0,84	0,54	0,53	0,84	0,89	0,58	0,67	1,01	1,49
Всего	15.10	13,91	15,82	12,85	16,75	13,06	15,91	14,48	12,87	16,43	17,13	19,66
Готовые вещи (в метрах)												
Бумажные	4,62	2,91	1,71	2,38	1,99	2,54	2,26	3,13	1,84	2,44	2,51	3,67
Шерстяные	1,48	11,85	0,54	5,02	0,80	8,47	0,94	9,49	0,59	6,88	0,82	11,37
Прочие	0,23	0,58	0,21	0,77	0,17	0,44	0,22	0,67	0,46	0,91	0,16	0,94
Всего	6,33	15,34	2,46	8,17	2,96	11,45	3,42	13,29	2,89	10,23	3,49	15,98
Ткани и готовые вещи (в метрах)												
Бумажные	18,72	13,44	16,35	11,63	17,54	12 28	16,52	12,27	13,32	11,75	17,48	15.25
Шерстяные	2,07	14,81	1,13	7,78	1,46	11,26	1,75	13,94	1,40	13,33	1,97	17,96
Прочие	0,64	1,00	0,80	1,61	0,71	0,97	1,06	1,56	1,04	1,58	1,17	2,43
Всего ткани и гот. вещей	21,43	29,25	18,28	21,02	19,71	24,51	19,33	27,77	15,76	26,66	20,62	35,64
Вата, трикотаж	—	3,81	—	2,87	—	3,01	—	3,96	—	4,01	—	6,13
Всего текстильн. товаров	—	33,06	—	23,89	—	27,52	—	31,73	—	30,67	—	41,77
Обувь (в парах)	1,49	12,64	1,15	10,32	1,17	11,46	1,21	10,52	1,18	11,81	1,40	14,70
Галоши „	0,65	2,18	0,45	1,66	0,37	1,17	0,37	1,28	0,54	2,70	0,56	2,04
Валенки „	0,31	2,85	0,40	3,60	0,37	3,11	0,29	2,13	0,18	2,47	0,20	1,95
Прочая обувь	—	1,22	—	0,26	—	0,50	—	0,64	—	0,52	—	1,08
Прочие кож. и мех. изд.	—	1,03	—	0,52	—	1,18	—	1,52	—	0,76	—	3,02
Всего одежды и обуви	—	52,98	—	40,25	—	44,94	—	47,82	—	48,93	—	64,56
Расход на шитье	—	2,61	—	2,10	—	1,69	—	2,82	—	2,60	—	5,04
„ „ починку	—	2,30	—	1,95	—	1,98	—	1,89	—	2,36	—	3,30
Мелкие матер. для шитья и поч.	—	1,11	—	1,00	—	1,05	—	1,62	—	1,37	—	2,16
Предметы туалета	—	1,09	—	0,51	—	0,81	—	0,85	—	0,99	—	1,48
Мыло	—	1,28	—	1,35	—	1,34	—	1,30	—	1,43	—	1,60

[1] Название групп см. в приложении I.

Годовое потребление алкогольных напитков и предметов курения в среднем на 1 душу рабочей семьи в группах с различной заработной платой[1] в среднем по СССР за 1926 г. (в натур. един. и рублях)

Группы рабочих по велич. заработка	I гр.	II гр.	III гр.	IV гр.	V гр.	VI гр.	I группа	II группа	III группа	IV группа	V группа	VI группа
Число обслед. раб.	5/21	48/27	82/23	84/4	60	98						
„ „ душ	39	211	331	337	230	417						
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Название товаров	Количество						Стоимость					
А. Всего алког. напитков	3,58	2,70	10,48	9,83	11,48	19,23	2,40	2,30	6,64	7,58	8,96	14,26
В том числе:												
водка (в бут.)	1,22	0,82	2,46	3.34	4,08	6,03	1,68	1,17	3,44	4,53	5,79	8,23
вино „	0,05	0,26	0,61	0,73	0,53	1,00	0,09	0,48	1,06	1,18	0,97	1,81
пиво „	2,29	1,61	7,38	5,26	6,81	12,04	0,59	0,50	2,00	1,49	1,92	3,56
Б. Предметы курения	—	—	—	—	—	—	1,57	1,01	3,08	3,39	3,80	4,56
Табак (в граммах)	4	4	8	8	8	12	4	4	8	8	12	20
Махорка „	1,31	0,60	1,46	1,84	2,16	0,84	0,70	0,32	0,76	0,93	1,17	0,43
Папиросы (в сотнях)	0,70	0,58	2,70	2,85	2,67	5,08	0,47	0,39	1,82	1,92	1,96	3,60
Спички (в коробках)	20,00	15,00	23,00	24,00	32,00	22,00	0,31	0,27	0,34	0,37	0,49	0,35

[1] Название групп см. в приложении 1.

Приложение VII

Годовой расход на хозяйственные вещи в среднем на 1 душу рабочей семьи с различной заработной платой[1] в среднем по СССР за 1926 г. (в рублях)

Группы рабочих по величине заработка	Группы					
	I	II	III	IV	V	VI
Число обследуемых рабочих	5/21	48/27	82/23	84/4	60	98
„ „ душ	39	211	331	337	230	417
	1	2	3	4	5	6
Название товаров						
1. Мебель и обстановка	1,04	1,69	2,85	2,42	4,88	5,95
2. Спальные принадлежности	1,36	0,15	0,57	0,52	0,17	1,07
3. Посуда и кухон. принадл.	1,64	1,31	2,07	1,86	2,65	3,67
4. Проч. инвент. и хоз. мел.	2,00	2,41	3,55	2,43	5,73	5,12
5. Украшение жилища	0,31	0,49	0,69	0,34	0,44	1,47
Всего . . .	6,35	6,05	9,73	7,57	13,87	17,28
Ремонт хоз. вещей	0,16	0,25	0,45	0,54	0,44	0,83

Из предметов сельскохозяйственной продукции резко падает относительный расход на продукты зернового хозяйства и растут расходы на продукты мясного и молочного хозяйства. В промышленной группе бросается в глаза относительное снижение доли расходов на одежду и обувь и относительный рост расходов на спиртные напитки (особенно интенсивно), табачные изделия и предметы обстановки и хозяйственную утварь.

Из приведенных таблиц очевидно, таким образом, что с ростом зарплаты характер рабочего спроса совершенно перестраивается. Однако, на вопрос о том, под влиянием каких факторов в каждой отдельной группе он формируется так, а не иначе, приведенные группировки не могут дать полного ответа. Для этого следует подвергнуть, разумеется, на значительно более глубоком материале, изучение рабочего потребления дальнейшему углублению и прежде всего найти зависимость потребления от культурного уровня рабочей семьи и от относительного уровня цен. С этой точки зрения мы находимся пока еще в самом начале работ по исследованию факторов рабочего потребления.

[1] Название групп см. в приложении I.

Э. И. Квирин

Промышленность, как ведущее начало пятилетки

Центральная установка плана развития народного хозяйства — индустриализация страны.

Эта установка непосредственно связана с проблемой расширенного воспроизводства средств производства.

Как ударная задача хозяйственной политики—индустриализация страны, т.-е. усиленное производство средств производства, поставлена XIV партийным с'ездом после того, как были решены основные задачи восстановительного периода и начался период расширенного воспроизводства на базе реконструкции старой техники и старых методов производства.

Теоретически законы расширенного воспроизводства для капиталистического общества установлены Марксом.

В. И. Ленин в „Развитии капитализма в России", рассматривая теорию реализации Маркса, делает из нее следующий вывод:

„Главный вывод из теории реализации Маркса следующий: рост капиталистического воспроизводства, а следовательно и внутреннего рынка идет не столько за счет предметов потребления, сколько за счет средств производства. Иначе: рост средств производства обгоняет рост предметов потребления. В самом деле, мы видели, что постоянный капитал в предметах потребления должен возрастать быстрее, чем переменный капитал и сверхстоимость в предметах потребления, а постоянный капитал в средствах производства должен возрастать всего быстрее, обгоняя и рост переменного капитала (сверхстоимость) в средствах производства, и рост постоянного капитала в предметах потребления. То подразделение общественного производства, которое изготовляет средства производства, должно, следовательно, расти быстрее, чем то, которое изготовляет предметы потребления".

Это положение остается верным и для нашей системы хозяйства, поскольку мы хотим вести его путями индустриального развития. Необходимость усиления производства средств производства диктуется также и враждебным капиталистическим окружением.

В этих условиях особенно остро стоит задача обеспечить экономическую самостоятельность нашей страны, что достигается, прежде всего, расширением производства средств производства.

Устанавливая курс на индустриализацию страны, XIV с'езд партии подчеркнул задачу „превратить СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, в страну, производящую машины и оборудование" (резолюция XIV с'езда партии).

XV с'езд партии поручил Центральному комитету „продолжать неослабным темпом политику социалистической индустриализации, уже принесшую свои первые положительные результаты. Всемерно укрепляя индустриальную мощь СССР, партия должна продолжать развертывать, используя наличные финансово-экономические средства, производство средств производства".

Но именно к этому и ведет расширенное воспроизводство, при котором „то подразделение общественного производства, которое изготовляет средства производства, должно следовательно, расти быстрее, чем то, которое изготовляет предметы потребления" (Ленин).

При этом нужно помнить, что в наших условиях расширенное воспроизводство происходит при неуклонном и быстром росте социалистического сектора хозяйства и тем самым индустриализация страны является социалистической индустриализацией.

Мы поставили себе задачу рассмотреть пятилетний план народного хозяйства с точки зрения процессов расширенного воспроизводства, ограничиваясь при этом анализом развития промышленности, так как именно развитие промышленности имеет решающее значение для расширенного воспроизводства всего народного хозяйства. Сельское хозяйство вырабатывает, главным образом, предметы потребления и лишь в меньшей доле средства производства (сельскохозяйственное сырье для промышленности). Мимоходом мы отмечаем, что в сельском хозяйстве сырьевые культуры из года в год увеличивают свой удельный вес, тем самым содействуя росту расширенного воспроизводства промышленности.

Рассмотрение роста нашей промышленности, начиная с первых лет нэпа, представляет большой интерес, так как мы можем во всей конкретности наблюдать здесь, если оставить в стороне процесс расширения использования старого основного капитала, переход от простого воспроизводства к расширенному.

Чтобы проследить простое и расширенное воспроизводство, мы сопоставляем размер капитальных затрат с размером амортизационных отчислений. Теоретически амортизационные суммы должны обеспечить процесс простого воспроизводства. Все вложения сверх амортизационных сумм обеспечивают расширенное воспроизводство. В какой мере это теоретическое положение совпадает с действительностью, зависит от того, в какой мере жизненны нормы амортизационных отчислений. Если эти нормы высоки, то они частично обеспечивают и расширенное воспроизводство, и наоборот — слишком низкие нормы не обеспечивают и простое воспроизводство.

О размере существующих норм амортизационных отчислений между ВСНХ и НКФ существовали споры, но для наших выводов это несущественно и мы можем условно принять, что суммы амортизационных отчислений соответствуют простому воспроизводству.

Сопоставляя капитальные вложения в промышленность и размер амортизационных отчислений, мы получаем следующую таблицу для периода 1922/23—1927/28 гг.

Годы	Капит. затраты (В млн. руб.)	Аморт. отчисления (В млн. руб.)	Превышение (+) или уменьшение (—) капит. затрат над аморт. отчисл. (В млн. руб.)	(В %%)
1922/23	120	145	— 25	— 20,9
1923/24	209	170	+ 39	+ 18,7
1924/25	385	277	+ 108	+ 28,0
1925/26	811	360	+ 451	+ 55,6
1926/27	1.090	398	+ 792	+ 63,5
1927/28	1.335	440	+ 995	+ 67,0

Из этой таблицы следует, что в 1922/23 г. не покрывалось в достаточной мере даже простое воспроизводство.[1] В то время еще происходило частичное проедание основного капитала. В 1924—1925 гг. произошел перелом, однако, еще весьма незначительный и если, например, сложить вместе первые 3 года рассматриваемого периода, то получим на 714 млн. руб. капитальных вложений 593 млн. руб. амортизационных отчислений.

Если учесть, что в предыдущие годы —1920—1921— происходило изнашивание действовавших промышленных фондов, то станет ясно, что превышение капитальных вложений над амортизационными отчислениями в 1924/25—1925/26 гг. в значительной своей части шло на покрытие этих прорывов и лишь в меньшей части на расширенное воспроизводство. С каждым дальнейшим годом расширенное воспроизводство уже значительно растет. Именно к этому периоду, т.-е. в 1925 г., и был дан партией лозунг индустриализации страны. Этот лозунг с железной необходимостью был выдвинут потребностями растущего хозяйства, вступившего в процесс расширенного воспроизводства, протекавшего уже не столько за счет вовлечения средств производства, оставшихся от дореволюционного периода, сколько за счет дополнительных капитальных вложений и нового строительства в промышленности. Из приведенной выше таблицы видно, как процесс этот нарастал из года в год.

Одним из важнейших вопросов перспективного планирования является вопрос о темпах роста промышленной продукции, о темпах роста социалистической индустриализации. Это центральный

[1] Мы говорим здесь о воспроизводстве действующего основного капитала. Но помимо того, не следует, разумеется, забывать, что в восстановительный период расширенное воспроизводство осуществлялось также в огромной степени и за счет введения в производственный процесс бездействовавших старых средств производства, до целых промышленных предприятий включительно.

пункт хозяйственной линии партии. Во всех предыдущих пятилетних планах эта проблема решалась недостаточно удовлетворительно, так как намечалась потухающая кривая роста темпов промышленной продукции.

Как мы это дальше покажем, такая проектировка являлась результатом того, что капитальными затратами в этих вариантах не был обеспечен достаточно высокий темп расширенного воспроизводства.

Вопрос о темпах индустриализации является одновременно вопросом о темпах расширенного воспроизводства. Ускорение темпов индустриализации находит свое выражение в ускорении темпов расширенного воспроизводства.

Последний оптимальный вариант пятилетки Госплана обеспечивает такой ускоренный рост расширенного воспроизводства, благодаря которому вместо падающих темпов роста продукции мы получаем возрастающие, при этом обеспечен более быстрый рост тяжелой промышленности.

Чтобы показать, чем отличается последний вариант пятилетки от предыдущих, возьмем сопоставление темпов роста валовой продукции промышленности, подчиненной ВСНХ, по оптимальному варианту Госплана и по пятилетке ВСНХ 1927 г.

Темпы роста промышленной продукции
(В %% к предыдущему году по ценам 1926/27 г.)

	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	1932/33 г. в %% к 1927/28 г.
I. Оптим. вариант Госплана (1929 г.)						
Группа А	125,0	126,0	127,0	128,0	128,0	264,0
„ Б	119,0	118,0	119,0	120,0	122,0	206,0
Вся промышл. (А+Б)	122,0	121,0	122,0	124,0	125,0	230,0
II. Вариант ВСНХ (1927 г.)						
Группа А	118,5	119,2	118,3	115,7	116,2	224,0
„ Б	117,5	114,4	117,0	112,4	110,2	195,0
Вся промышл. (А+Б)	118,1	116,6	117,6	113,8	112,8	208,0

Как видно из этих данных, оба варианта пятилетки ставят задачу индустриализации страны.

По обоим вариантам продукция группы А растет быстрее группы Б. Разница между ними лишь в темпах роста.

При этом по пятилетке 1927 г. темпы роста из года в год снижаются, тогда как по последнему оптимальному варианту они повышаются.

Это как раз и является результатом весьма резкого роста вложений на расширение воспроизводства, конечно, при соответствующем росте качественных показателей работы промышленности.

Анализ капитальных вложений по приведенным вариантам вскроет нам причину указанного расхождения темпов роста продукции. Возьмем сравнительную таблицу капитальных затрат по обоим вариантам с подразделением их на вложения амортизационные и идущие на расширенное воспроизводство.

Годы	В каких единицах	Оптим. вариант Госплана (1929 г.)			Вариант ВСНХ (1927 г.)		
		Общая сумма капит. затрат	В том числе:		Общая сумма капит. затрат	В том числе:	
			Аморт. суммы	Капит. затраты сверх аморт. сумм		Аморт. суммы	Капит. затраты сверх аморт. сумм
1928/29	Млн. руб.	1.659	500	1.159	1.401	522	879
	В %%	100,0	30,0	70,0	100,0	37,5	62,5
1929/30	Млн. руб.	2.331	580	1.751	1.488	585	903
	В %%	100,0	25,0	75,0	100,0	39,3	60,7
1930/31	Млн. руб.	2.879	660	2.219	1.501	650	851
	В %%	100,0	23,0	77,0	100,0	43,5	56,5
1931/32	Млн. руб.	3.165	770	2.395	1.506	710	796
	В %%	100,0	24,0	76,0	100,0	47,0	53,0
1932/33	Млн. руб.	3.464	890	2.574	—	—	—
	В %%	100,0	26,0	74,0	—	—	—

Для 1927 г. пятилетка ВСНХ была максимальной. Однако, и она исходила из того, что начиная с 1930/31 г. размер вложений, идущих на расширенное воспроизводство, сокращается.

Как видно из приведенных таблиц, по пятилетке 1927 г. удельный вес сумм, идущих на расширенное воспроизводство, из года в год падает, составляя в 1931/32 г. всего 53%, в то время как в последнем проекте Госплана удельный вес капитальных затрат сверх амортизационных сумм для 1931/32 г. держится на уровне 75%, а в абсолютном выражении — суммы, идущие на расширение воспроизводства, более чем в три раза превышают вариант 1927 г.

По пятилетке 1927 г. в 1931/32 г. вся сумма капитальных вложений составляла 1,5 мрд. руб. и из них на расширенное воспроизводство шло 796 млн. руб., а по последней пятилетке Госплана в том же году из 3,2 мрд. руб. вложений на расширенное воспроизводство идет 2,4 мрд. руб. Таким образом, при увеличении всех вложений в 2 раза вложения на расширенное воспроизводство увеличиваются в 3 раза. Такое увеличение капитальных вложений и позволило в последнем варианте Госплана исправить затухающую кривую роста продукции и вместо затухающей запроектировать возрастающую.

Представляет также значительный интерес сопоставление приведенных нами таблиц с распределением капитальных затрат между тяжелой и легкой промышленностью.

Преобладание в капитальных затратах вложений в тяжелую промышленность является одним из показателей правильного на-

правления капитальных затрат с точки зрения индустриализации страны. На протяжении последних лет это соотношение установилось, примерно, в 70% для группы А и 30% для группы Б с небольшими отклонениями по годам.

Однако, это соотношение само по себе еще не решает вопрос о темпах индустриализации, о темпах расширенного воспроизводства. Достаточно указать, что, например, в 1923/24 г., когда капитальные затраты лишь на 30 млн. руб. превышали амортизационные отчисления, вложения в группу А составляли 74%, а в группу Б—26%.

Следуя этому показателю, мы должны были бы сказать, что, например, в 1925/26 г., когда соотношения эти были 65% и 35%, расширенное воспроизводство было меньше обеспечено, чем в 1923/24 г.

На самом деле было, разумеется, наоборот, так как в 1925/26 г. вложения по линии расширенного воспроизводства составляли 450 млн. руб. против 39 млн. руб. в 1923/24 г. Поскольку же расширенное воспроизводство становится в капитальных затратах превалирующим, соотношение вложений по группе А и Б является также показателем расширенного воспроизводства. Приводим для сравнения распределение капитальных затрат между тяжелой и легкой промышленностью, подведомственной ВСНХ по пятилетке 1927 г. и оптимальному варианту последней пятилетки Госплана.

Удельный вес капитальных вложений в тяжелую (гр. А) и легкую (гр. Б) промышленность (в %%)

Годы	Вариант ВСНХ (1927 г.)		Оптим. вариант Госплана (1929 г.)	
	Группа А	Группа Б	Группа А	Группа Б
1927/28	69,4	30,6	71,3	28,7
1928/29	68,4	31,6	78,0	22,0
1929/30	65,5	34,5	79,3	20,7
1930/31	65,0	35,0	79,6	20,4
1931/32	65,0	35,0	77,8	22,2
1932/33	—	—	78,5	21,5

Расхождение групп в обоих вариантах, особенно в последние годы, довольно значительно, но все же эти ряды ближе между собой, чем соотношение затрат на амортизацию и расширенное воспроизводство по тем же вариантам.

Таким образом, сопоставление удельного веса капитальных затрат по группам А и Б для определения правильности плана с точки зрения возможно быстрых темпов индустриализации является недостаточным. Важно не только соотношение вложений между тяжелой и легкой промышленностью, важен общий размер этих вложений по отношению к наличным основным фондам. Важно, в какой мере общая сумма капитальных вложений обеспечивает только амортизацию (т.-е. простое воспроизводство) и в какой мере она обеспечивает воспроизводство расширенное. Такую проверку и дает приведенный нами анализ. Подводя итоги, мы получаем следующий общий вывод.

Чем больше удельный вес амортизационных сумм в общей сумме капитальных вложений, тем менее обеспечено расширенное воспроизводство, и темпы прироста продукции в последующие годы падают.

Наоборот, чем выше удельный вес сумм, идущих сверх амортизации на расширенное воспроизводство, тем более обеспечено нарастание темпов прироста продукции.

К этому нужно прибавить, что чем быстрее растут основные фонды, тем больше амортизационные отчисления и, следовательно, сохраняя те же соотношения удельных весов при росте амортизационных отчислений, общая сумма капитальных вложений должна возрасти еще более.

Указанная закономерность темпов роста продукции относится лишь к периоду расширенного воспроизводства за счет новых капитальных вложений, который у нас совпадает с периодом реконструкции. В восстановительный период темпы прироста продукции определялись в значительной мере ремонтом и пуском в ход консервированных предприятий.

Мы провели анализ расширенного воспроизводства по промышленности ВСНХ. Поскольку промышленность, подведомственная ВСНХ, вырабатывает в предстоящее пятилетие около 70% всей промышленной продукции страны, она имеет решающее значение. Местная и кустарная промышленность, по преимуществу, производит средства потребления, почему прибавление ее продукции к продукции промышленности, подчиненной ВСНХ, вносит некоторую поправку к вышеизложенному. Эта поправка сводится к общему снижению темпов роста, но при этом и по мелкой промышленности продукция по гр. А растет за 5 лет быстрее, чем по гр. Б (200% и 144% в ценах 1926/28 г.). В итоге валовая продукция всей промышленности в неизменных ценах (1926/27 г.) дает из года в год такое повышение темпа роста.

Вот соответствующие цифры:

Валовая продукция всей промышленности в %% к предыдущему году

1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
115,6	118,2	118,5	120,0	121,4

Таким образом, в оптимальном варианте настоящей пятилетки по всей промышленности выдержаны повышающиеся темпы роста валовой продукции из года в год.

При анализе капитального строительства на 1928/29 г. мы поставили вопрос об оптимальном соотношении удельного веса затрат на амортизацию и на расширенное воспроизводство. Отметив, что, начиная с 1923/24 г. удельный вес расширенного воспроизводства из года в год повышался, и с 18% в 1923/24 г. дошел до 70% в 1928/29 г., мы установили следующее:

„Указанные изменения внутренней структуры капитального строительства промышленности имеют громадное принципиальное

значение. Только рост расширенного воспроизводства может обеспечить высокие темпы индустриализации страны.

Мы не можем сейчас сказать, когда мы подойдем к оптимальному соотношению удельного веса вложений на амортизацию и на расширенное воспроизводство. Простое сохранение уже достигнутых соотношений при естественном росте амортизации (сохраняя принятые нормы отчисления) обеспечивает очень значительный рост капитальных вложений (например, для 1929/30 г. размер капитального строительства свыше 1.900 млн. руб.). Всякий же, хотя бы и незначительный рост удельного веса расширенного воспроизводства обозначает еще больший рост темпа капитального строительства.

До сих пор мы идем по восходящей линии. Необходимо ее продолжить, чтобы затем закрепиться на оптимальном соотношении".[1]

В оптимальном варианте Госплана из всех капитальных вложений на расширенное воспроизводство идет, начиная с 1929/30 г. в среднем 75% на все последующие четыре года пятилетия.

Такое повышение нужно признать благоприятным и на данный период близким к оптимальному.

Указанные темпы роста как по капитальным вложениям на расширенное воспроизводство, так и по валовой продукции промышленности, можно было получить лишь при условии очень резкого повышения качественных показателей работы государственной промышленности.

Сюда относится: максимальная эффективность капитального строительства при большом снижении стоимости строительных работ (на 50%); улучшение производственных процессов на базе рационализации и реконструкции, при значительном укреплении и обновлении энергетической базы; повышение производительности труда, соответствующее повышенному техническому уровню производства (110% по оптимальному варианту); полное оздоровление производственной атмосферы, т.-е. создание настоящей пролетарской дисциплины, уплотнение рабочего дня при его сокращении до 7 часов в день; повышение заработной платы для обеспечения намеченного повышения производительности труда (номинально на 47%; реально, благодаря снижению бюджетного индекса на 14%, на 71%); значительное снижение расходов сырья и топлива (30% на единицу продукции), в результате рационализации и реконструкции.

Наконец, как результат всех указанных изменений в организации производства снижение себестоимости на 35%.

Мы отдаем себе полный отчет в крайней трудности проведения предлагаемых качественных показателей плана. Уже в контрольных цифрах на 1928/29 г. правительство по докладу Госплана приняло высокие и весьма напряженные качественные показатели. Первая

[1] „Основные проблемы контрольных цифр народного хозяйства на 1928/29 г.", изд. „План. Хоз.," 1929 г., стр. 130.

половина года показала, что в особенности по снижению себестоимости план выполнен пока лишь на 50%. Это не значит, однако, что 7% снижения себестоимости не будет достигнуто. Массовая кампания по снижению себестоимости была начата лишь в начале 1929 г. Много времени уже было упущено. С другой стороны, в текущем году имеется ряд кон'юнктурных трудностей, которые необходимо к будущему году преодолеть. На протяжении же пятилетия при условии, что по оптимальному варианту основные фонды промышленности обновляются в 2,5 раза, мы должны добиться выполнения намеченных высоких показателей плана.

Снижение себестоимости на 35% и понижение отпускных цен только на 24% позволило на протяжении пятилетия значительно поднять норму прибыли. Снижение оптовых отпускных цен планируемой промышленности запроектировано по группе А на 30%, по группе Б — на 19%.

Мы форсируем снижение цен на средства производства и тем самым обеспечиваем дальнейшую возможность снижения себестоимости во всех отраслях.

Этот маневр очень значительно увеличивает накопление промышленности и обеспечивает реальность намеченного плана великого социалистического строительства, по которому капитальное строительство государственной промышленности ВСНХ по оптимальному варианту составляет за 5 лет 13,5 мрд. руб. (по ценам каждого года) при сравнительно незначительном сальдо расчетов государственного бюджета в 1,1 мрд. руб. в пользу государственной промышленности.

Чистая прибыль государственной промышленности за 5 лет составит 12 мрд. руб., а амортизационные отчисления 3,4 мрд. руб. Таким образом, чистая прибыль и амортизационные отчисления составляют вместе 15,4 мрд. руб. и превышают капитальные затраты (13,5 мрд.) на 1,9 мрд. руб., которые и идут на пополнение оборотных средств госпромышленности.

Следовательно, на протяжении ближайших 5 лет мы при условии выполнения указанных качественных показателей подводим под государственную промышленность крепкую финансовую базу и тем самым обеспечивается выполнение центральной установки плана — усиленная индустриализация страны.

Всем вышесказанным определяется ведущее значение социалистической промышленности в деле социалистической реконструкции всего народного хозяйства. Индустриализация страны обозначает усиление производства средств производства не только для промышленности, но и для всех отраслей народного хозяйства. Особо решающее значение это имеет для сельского хозяйства, под'ем которого недопустимо отстал от роста промышленности. Пятилетний план развития сельского хозяйства предусматривает 22% расширение посевных площадей и 35% рост урожайности. Без коренной социалистической реконструкции сельского хозяйства с переходом

в широком масштабе к крупному машинному производству с применением огромных количеств минеральных удобрений — поставленные задачи не могут быть выполнены. На промышленности лежит задача дать сельскому хозяйству в 1932/33 г. сельсхозяйственных машин на 610 млн. руб. против 150 млн. руб. в 1927/28 г. и минеральных удобрений (8,6 млн. тонн) на сумму в 350 млн. руб. против 9,4 млн. руб. в 1927/28 г.

Только один строящийся Сталинградский тракторный завод должен обеспечить постоянную обработку 30 млн. *га*, а мы с будущего года начинаем строительство второго тракторного завода такой же мощности. Минеральными удобрениями к концу пятилетия должна быть удобрена вся площадь под основными техническими культурами и 7—8 млн. *га* зерновых посевов, что имеет огромное значение для под'ема урожайности, а следовательно, для превращения хозяйства в могучую продовольственную и сырьевую базу гигантски растущей индустрии.

Программа развития транспорта основана, главным образом, на технической реконструкции существующих дорог для увеличения их пропускной способности и строительстве новых железных дорог протяжением в 17 тыс. *км* по оптимальному варианту. Техническая реконструкция построена, главным образом, на блокировке, автотормозах, более мощном типе паровозов и пути, а также подготовке перехода к автосцепке. Все это вместе с новым железнодорожным строительством пред'являет к промышленности и, главным образом, к металлопромышленности огромные требования. Так, общая сумма поставок промышленности железнодорожному транспорту в 1932/33 г. составит 1.027 млн. руб. вместо 463 млн. руб. в 1928/29 г.

Одновременно весьма сильно растут затраты на морское и речное судостроение (с 55 млн. руб. до 145 млн. руб.), а также затраты и по другим видам транспорта. Особо нужно отметить огромный рост автомобильного транспорта. С текущего года начинается постройка завода-гиганта для выпуска к концу пятилетия 100 тыс. автомобилей в год. Это совершенно изменит наш городской транспорт и автомобиль постепенно начнет занимать то место, которое он занимает в капиталистических странах.

Сказанное достаточно подтверждает ведущую роль крупной промышленности в отношении важнейших отраслей народного хозяйства. Только быстрый рост крупной социалистической промышленности обеспечивает быстрый рост всего народного хозяйства в целом и, вместе с тем, рост социализма.

Л. Гатовский

О динамике цен в связи с социальными отношениями в условиях СССР

В условиях товарно-капиталистического общества в динамике цен отражаются, как в фокусе, взаимоотношения отраслей народного хозяйства, выявляется степень осуществления их взаимных требований. Соотношение цен определяет стимулы и направление развертывания той или иной отрасли.

В основе колебаний цен лежит (речь идет о товарном хозяйстве) закон ценности в своих различных формах, зависящих от того, имеют ли место отношения простого товарного хозяйства, промышленного или, наконец, финансового капитализма. Через посредство механизма колебания цен на основе закона стоимости и осуществляется пропорциональное (обеспечивающее относительное динамическое равновесие) распределение средств производства, средств потребления и рабочей силы. Одновременно через посредство динамики цен в основном происходит и стихийное распределение дохода между классами и внутри классов.

Цены на рабочую силу, на предметы широкого потребления, соотношение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, соотношение отпускных и розничных цен, цены на изделия тяжелой и легкой индустрии,—все это представляет собой сложную систему механизма, при помощи которого протекает стихийное распределение дохода и происходит накопление в различных группах населения.

Сохраняется ли этот стихийный механизм в условиях советской экономики? Иными словами, сохраняется ли цена, как категория стихийного товарного хозяйства, сохраняется ли закон ценности, как стихийный регулятор хозяйственной системы?

Ответить на этот вопрос утвердительно — значит признать, что развитие советского хозяйства идет по линии равнодействующей, стихийно складывающейся в результате взаимодействия автономных индивидуальных хозяйств.

Естественно, что народнохозяйственный план, не сводящийся лишь к регистрации и предвидению этих взаимодействий, а охватывающий в основном все народнохозяйственные процессы и являющийся ведущим началом, гегемоном в экономике, видоизменяющий и устанавливающий пропорции отраслей, несовместим с господством подобного стихийного механизма.

Единым регулятором хозяйственной системы может быть либо народнохозяйственный план, либо закон ценности. При этом народнохозяйственный план понимается не как особая форма проявления стихии. Задача этого плана отнюдь не сводится, как утверждают некоторые экономисты, в основном лишь к устранению рыночных колебаний путем предвосхищения рыночных тенденций и той равнодействующей, которая сложилась бы в результате этих колебаний. Такой план и, в частности, такое планирование цен означало бы, что стихийный регулятор, по существу, сохранился.

Закон ценности, в сущности, продолжал бы господствовать, и в результате через посредство классовых взаимоотношений постепенно восстановилась бы та свобода рыночной стихии, которая требуется для товарно-капиталистического общества.

Задача народнохозяйственного плана, дающего огромные преимущества хозяйственной системе, заключается именно в установлении новых пропорций, которые отнюдь не установились бы при свободном разгуле рыночной стихии. Мы имеем в виду новые экономические и социально-экономические пропорции, обеспечивающие быстрый темп индустриализации и обобществления при сохранении союза рабочего класса с беднотой и середняком и повышении их жизненного уровня.

Гегемония стихийного регулятора, закона ценности и вытекающая из него система цен означала бы перерождение советской экономики в товарно-капиталистическую.

Гегемония народнохозяйственного плана и вытекающая из нее система цен означает перерастание советской экономики в социалистическую.

Трансформация цены в условиях советской экономики заключается в том, что система цен становится формой проявления нового регулятора, народнохозяйственного плана. Ниже мы остановимся на отличии этого народнохозяйственного плана переходной экономики от социалистического. Специфические условия переходного периода сообщают процессу ценообразования ряд элементов стихийности, не нарушающих, однако (речь идет об основных закономерностях) ведущей роли планового начала.

Специфичность условий советской экономики заключается не только в изменении природы процесса ценообразования, процесса установления системы цен (на этом мы остановимся несколько ниже), но и в том, что на ряду с системой цен, с формой проявления народнохозяйственного плана через посредство цен, действует все с возрастающей интенсивностью система непосредственного распределения ценностей. Бюджет, финансирование, кредитование, плановое снабжение, техническая помощь и руководство производственным процессом отдельных хозяйств приобретают все большее значение и оказывают все большее воздействие на темп развития отдельных отраслей. Наиболее резко это обстоятельство бросается в глаза

в пределах обобществленного сектора, в частности, промышленности. Разве динамика цен и накопление в той или иной отрасли промышленности, связанное с этой динамикой цен, соответствует темпу развертывания этой отрасли? Разве бюджетно-кредитный перераспределитель средств не вносит существеннейших поправок в соотношение темпов развертывания тяжелой и легкой промышленности (это является одним из важнейших условий преимущества советской системы)? Разве их темпы не были бы абсолютно иными, если бы они основывались лишь на собственном накоплении?

Направление кредитов определяется народнохозяйственным принципом и не связано с динамикой цен той или иной отрасли. Сплошь и рядом взаимоотношения между крупнейшими организациями обобществленного сектора, по существу, представляют собой систему планового снабжения.

Плановое распределение ресурсов, помимо и часто вне зависимости от системы цен, начинает все больше сказываться не только внутри обобществленного сектора, но и в отношении частного сектора.

В связи с интенсивной коллективизацией оборота и сел.-хоз. производства и развитием контрактаций, большое значение приобретают организационно-экономические мероприятия, связанные с снабжением средствами производства и известным руководящим направлением производственного процесса.

Особенно ярко проявилось это обстоятельство по линии некоторых технических культур, производство которых находится под значительным контролем социалистической промышленности. Так, в отношении хлопка и свеклы следует подчеркнуть, что выгодность их производства далеко не покрывается динамикой их цен. Организационно-экономические мероприятия, вопросы планового снабжения играют огромнейшую роль. Достаточно проанализировать динамику посевов, индексы цен на эти товары и совокупность организационно-экономических мероприятий, чтобы установить этот факт.

Далее для огромной массы крестьянства (в первую очередь, для бедноты) помимо вопросов цен, огромное значение приобретает организованная государственная и кооперативная помощь (кредит, снабжение).

Удельный вес и влияние этих организационно-экономических мероприятий на сельское хозяйство будет возрастать. Это обстоятельство, основанное на специфических условиях советской экономической системы, дает огромные преимущества нашему сельскому хозяйству и является одним из важнейших стимулов к его росту (на ряду с стимулированием посредством механизма цен).

Эти организационно-экономические мероприятия (включая систему мероприятий по непосредственному регулированию частного рынка) вносят существенную поправку к тому плановому распределению ресурсов, которое проходит через систему цен; здесь и для

невооруженного глаза ясна колоссальная разница между возможностями внесения этих поправок для капиталистического и для советского государства.

Это обстоятельство необходимо учесть, когда речь идет о тех коррективах, которые вносит стихия в распределение ресурсов, благодаря соответствующей динамике цен частного рынка. Стихийным коррективам нужно противопоставить плановые.

Каковы же принципиальные, качественные изменения в самой системе цен, в способе ее установления в условиях советской экономики?

Процесс обобществления в советской экономике социальная реконструкция привела к тому, что динамика цен уже в основном не корреспондирует с рыночной кон'юнктурой (не говоря уже о том, что самая кон'юнктура создается в значительной степени под влиянием народнохозяйственного плана).

При наличии закона ценности, как регулятора народного хозяйства, у нас в настоящее время сложилась бы система цен, коренным образом отличающаяся от существующей.

Известное представление об этом дает динамика цен частного рынка, чутко отражающая рыночную кон'юнктуру. Мы, несомненно, имели бы в этом случае колоссальный рост цен на предметы широкого потребления, особенно сельскохозяйственного происхождения, который во много раз превысил бы нынешний рост цен, являющийся относительно сдержанным (в среднем), благодаря тому что обобществленный сектор, включающий почти весь опыт и 80% розничного оборота, в основном все же удерживает позиции в области цен.

Этот рост цен привел бы к колоссальной стихийной перекачке средств от тяжелой индустрии, нанес бы жестокий удар индустриализации, резко снизил бы реальную зарплату, привел бы к резкой инфляции и обострению товарного голода, вынудил бы прибегнуть к непосильному ввозу иностранных товаров (как по линии тяжелой, так и легкой промышленности), словом, привел бы к общехозяйственному кризису, особенно резкому в области тяжелой индустрии, к прекращению ряда капитальных работ, росту безработицы, к резкому усилению зависимости от иностранного капитала.

Из этого примера видно, как динамика цен и природа цены, лежащая в основе этой динамики, теснейшим образом связаны со всем хозяйственным развитием, с его социально-классовым направлением.

Споры о природе нашего плана, о природе нашего регулятора, о природе цены не являются праздными, академическими спорами. Они теснейшим образом связаны с оценкой наших возможностей, оценкой наших перспектив, оценкой основ нашей экономической политики. Не даром критика взятого темпа индустриализации со стороны ряда экономистов, в частности, Кондратьева, переплеталась с соответствующей оценкой природы нашего плана, как плана могущего лишь улавливать рыночные тенденции. Если в основе нашей системы лежит стихийный регулятор, то естественно, что рыночное напряжение должно стихийным путем, через динамику цен, сорвать наши планы, в результате чего должно восстановиться стихийное рыночное равновесие на иных основах, с иными пропорциями. Недооценка ведущей, активной роли плана, естественно, приводит к соответствующей оценке перспектив нашего развития в условиях рыночного напряжения.

Действительность опровергает эти теории. Наша система цен не оказалась орудием стихии. Природа цены у нас уже иная.

Розничные цены обобществленного сектора и его заготовительные (смыкающие его с сельским хозяйством) цены имеют и сохраняют плановый характер.

Это тем более относится к отпускным ценам госпромышленности, к оптовым ценам и, конечно, к заработной плате, уже не являющейся ценой рабочей силы, зависящей от кон'юнктуры рынка труда.

Плановый характер цен проявляется в значительной независимости от колебаний кон'юнктуры, в частности, в данное время от резкого дефицита предметов широкого потребления. Динамика цен обобществленного сектора теряет свои сезонные черты, перестает служить стимулом к порайонному распределению товаров (планы завоза).

Принцип хозрасчета (зачастую цены устанавливаются и не исходя из этого принципа) еще отнюдь не означает, что цена в условиях СССР сохраняет свое значение как стихийный регулятор, так как самые трудовые затраты, самые издержки определяются в основном планом, стихия не является ведущим началом в процессе ценообразования.

Возможна ли, однако, единая теория цены в условиях экономики СССР, имеющей пять различных хозяйственных укладов? Ведь цена паровоза, сбываемого внутри обобществленного сектора,— явление иное, чем цена на хлеб, заготовляемый кооперацией, а эта цена, в свою очередь, отличается от цены за хлеб, покупаемый бедняком у кулака. Естественно, что различия здесь несомненны. Но если мы признаем, что вся советская хозяйственная система управляется единым регулятором, естественно, что такое синтетическое явление, как цена, отражающая основные производственные отношения, основные пути развития народного хозяйства должно быть об'яснено, исходя из единого принципа. Если мы признали, что народнохозяйственный план является единым регулятором хозяйства, он должен составлять основу ценообразования.

Система цен обобществленного сектора, являющаяся основой для всей системы цен, таким образом, устанавливается как форма проявления народнохозяйственного плана, целиком отражая его природу. Цены частного рынка имеют иную природу, но при огра-

ниченности сферы его действия, при правильной политике, при отсутствии хозяйственного кризиса их динамика не может сорвать систему цен в целом. Ниже мы остановимся на возможностях прорыва этой системы напором частного рынка, что это и будет означать приближение к общему хозяйственному кризису.

Между тем, при правильной политике наш народнохозяйственный план исключает такие кризисы (мы отвлекаемся здесь от международных осложнений и особых стихийных бедствий).

Задачей плановой системы цен является такое распределение средств через посредство механизма цен, установление таких пропорций, которые содействовали бы быстрому темпу индустриализации, росту материального уровня рабочего класса, бедноты и середняков, стимулированию сельского хозяйства, рационализации всего народного хозяйства (низкие цены), укреплению валюты и нашей конкурентоспособности на мировом рынке.

Идея быстрого темпа индустриализации и соответствующего распределения народного дохода придает системе цен четко выраженный классовый характер.

Значит ли, однако, что система цен обобществленного сектора не включает совершенно элементов стихии, что народнохозяйственный план, лежащий в ее основе, по существу не отличается от социалистического плана?

Такое утверждение было бы необоснованной идеализацией наших хозяйственных отношений.

Народнохозяйственный план в советских условиях отличается от социалистического плана тем, что в установлении пропорций между отраслями он исходит не только из идеи народнохозяйственного оптимума, но вынужден также и учитывать тенденцию развития отдельных хозяйств, предвосхищать в известной степени их реагирование на ту или иную систему мероприятий. Таким образом, народнохозяйственный план у ж е устанавливает такие пропорции, которые не могли бы сложиться в условиях полной свободы рыночного оборота, но он е щ е не может непосредственно управлять всей хозяйственной жизнью, устанавливать наиболее целесообразные, с точки зрения интересов народного хозяйства, пропорции (что далеко не всегда совпадает с направлением и стремлениями отдельных хозяйств).

Вторым отличием народнохозяйственного плана в условиях СССР от социалистического является возможность постоянных существенных поправок со стороны рыночной стихии, постоянная угроза невыполнения планов.

На этом вопросе, имеющем кардинальное значение, следует остановиться подробнее. Дают ли эти поправки рыночной стихии основание считать рыночную стихию равноправным регулятором на ряду с планом (концепция Е. Преображенского о двух регуляторах советской экономики) или даже о гегемонии стихийного начала,— иными словами, какое значение, какие размеры имеют эти поправки к плану, вносимые стихией?

От ошибок и плановых просчетов, приводящих к хозяйственному кризису, отнюдь необязательных, мы, естественно, абстрагируемся при анализе основных закономерностей движения советской хозяйственной системы.

Является ли народнохозяйственный план—при условии правильной политики — ведущим началом в развитии советского хозяйства, обеспечивает ли он при этом перерастание советской экономической системы в социалистическую? Если ответить на этот вопрос утвердительно, то отсюда следует, что при условии правильной экономической политики поправки рыночной стихии изменить направление этого движения не могут. Отсюда вытекают и соответствующие выводы в отношении системы цен:

1. Система цен строится, не только исходя из принципов народнохозяйственного оптимума, но и с учетом тенденций автономных хозяйств. Однако, осуществление этой системы связано с решительной борьбой с рыночной стихией, в особенности с спекуляцией со стороны частного капитала.

2. Намечаемая система цен подвергается коррективам со стороны частного рынка.

Однако, при этом следует подчеркнуть, что благодаря гегемонии плана — при правильной политике — эти коррективы не должны привести к срыву плана, к срыву системы цен.

Таким образом, по динамике цен мы можем судить о степени гегемонии народнохозяйственного плана в его борьбе с рыночной стихией, о степени успешности применения основ экономической политики напрактике.

Каким путем мог бы произойти срыв системы цен со стороны частного рынка? При наличии в руках обобществленного сектора промышленности, транспорта, оптового оборота, при господстве его в розничном обороте, срыв политики цен, приводящий к нарушению хода воспроизводства обобществленного сектора, возможен в следующих случаях:

1. При таком росте цен частного рынка, который вынудил бы обобществленный сектор также повысить заготовительные и продажные цены, в результате чего планы в области себестоимости, заработной платы, всей системы цен были бы сорваны; был бы нанесен решительный удар социалистическому накоплению.

2. При таком росте цен частного рынка, который привел бы при неизменности цен обобществленного сектора к такому резкому сокращению плановых заготовок, что снабжение промышленности и рабочих было бы сорвано, отсюда последовал бы также рост себестоимости (перебои с сырьем, низкая производительность), повышение расходов рабочих и резкое снижение реальной зарплаты.

В обоих этих случаях коренное нарушение всей системы цен, естественно, связано с нарушением хода воспроизводства обобществленного сектора и хозяйственным кризисом.

Борьба за гегемонию народнохозяйственного плана, за сохранение плановой системы цен означает, по существу, борьбу пролетариата с враждебными ему капиталистическими тенденциями за быстрый темп индустриализации, за социалистический путь развития советской системы против капиталистического.

Процесс индустриализации на данном своем этапе проходит в условиях рыночного напряжения. Значительное рыночное напряжение имеет место в текущем году. Ряд данных заставляет предположить, что в известной степени оно сохранится и в 1929/30г. Естественно, что если цена превратится в механизм, стихийно отражающий это напряжение и соответствующим образом перераспределяющий ценности, взятый курс на индустриализацию будет сорван. Динамика цен отражает, таким образом, классовую борьбу, борьбу плана с рыночной стихией.

Особенно резко и обостренно проходит эта борьба в 1928/29 г. Обобществленный сектор выдерживает бешеный напор частного рынка, беспрестанно вздувающего цены и угрожающего срыву всей системы цен.

Каковы результаты этой борьбы?

Здесь надо различать следующие ее моменты:

1. Плановое установление системы цен обобществленного сектора на 1928/29 г., допускающее некоторое видоизменение в политике цен — стабилизация цен на промтовары, при некотором повышении на сельскохозяйственные, при небольшом запроектированном росте бюджетного индекса.

Эта система, преследовавшая цель большего стимулирования отстающих отраслей сельского хозяйства и в связи с сжатием „ножниц“ имевшая в виду использовать снижение себестоимости в промышленности полностью для социалистического накопления, соответствовала задачам экономической политики.

2. Напор частного рынка по линии цен, который внес ряд поправок в систему распределения.

3. Реагирование обобществленного сектора на этот напор, сводящееся к стремлению сохранить основные позиции, что обеспечило в общем и целом ход расширенного воспроизводства социалистического сектора.

Остановимся на этих моментах, характеризуемых данными о динамике цен за I полугодие 1928/29 г.

Как известно, в истекшем полугодии мы имеем значительный рост цен, главным образом, за счет частной торговли.

Этот рост цен вызвал соответствующую динамику бюджетного индекса.

Средний за I полугодие 1928/29 г. бюджетный индекс превышает средне-годовой уровень I полугодия 1927/28 г. на 4,3% против 2,7%—по плану. Следует подчеркнуть, что последние обследования рабочего бюджета, проведенные ЦСУ (в том числе и по февралю), обнаружили заметное снижение доли участия частного рынка в снабжении рабочего.

Эта доля значительно ниже принятой в новом бюджетном индексе.

В связи с этим полагают, что новый бюджетный индекс несколько преувеличивает рост соответствующих цен. Во всяком случае он их не преуменьшает.

Повышение бюджетного индекса отразилось соответствующим образом на динамике зарплаты. Если номинальная зарплата (что имеет непосредственное отношение к себестоимости) немного выше плана, то реальная зарплата заметно отстает от плана оставаясь на уровне прошлого года. Производственный план в основном выполняется, но его выполнение проходит при отставании реального уровня жизни рабочего класса от плана благодаря этой динамике цен. Это обстоятельство не внесло расстройства в процесс расширенного воспроизводства социалистического сектора, но оно, естественно, должно быть в дальнейшем изжито.

Далее рост цен отразился соответствующим образом на покупательной силе рубля на 1/IV 1929 г. Общеторговый розничный индекс (общий) на 12,7% выше средне-годового уровня 1927/28 г. Это произошло, главным образом, за счет сел.-хоз. товаров, уровень цен которых дал +25% против средне-годового уровня 1927/28 г. при +4,9% по промтоварам.

Индекс цен обобществленной торговли дал рост на 4,3% против средне-годового, в том числе по сел.-хоз. товарам на 7,9%, по промтоварам на 2,1%.

В результате покупательная сила рубля (если судить по ней на основании „перевернутых индексов“) дала следующую картину динамики (в довоенных копейках):

	1/X 1927 г.	1/IV 1928 г.	1/X 1928 г.	1/IV 1929 г.
По розничному общеторговому индексу . . .	50,5	49,3	47,4	43,5
По розничному частно-торговому индексу. .	44,2	41,8	38,0	31,9
По розничному индексу обобщ. торговли. . .	54,6	54,1	54,1	52,1
По оптовому индексу .	56,4	58,5	56,8	56,0

Таким образом, за год покупательная сила рубля по общеторговому розничному индексу уменьшилась на 11,8%, или на 5,8 довоенных копейки, за истекшее полугодие на 8,2%, или на 3,9 копейки, по частно-торговому за полугодие на 16,1%, или на 6,1 копейки, по обобществленной торговле—за полугодие на 3,7%, или на 2 копейки.

По оптовому индексу за полугодие снижение покупательной силы выразилось в 1,4% (0,8 копеек).

Следует резко подчеркнуть, что абсолютно неверно судить об эффективности нашего рубля в целом только по динамике розничного индекса (у нас сплошь и рядом об этом судят даже по частноторговому индексу, вообще переоценка значения частных цен у нас очень распространена). Ведь розничный оборот составляет лишь 1/3 всех оборотов. Огромная сфера, захватывающая производственно-техническое потребление, строительство, оптовые сделки, где динамика цен совершенно иная, уходит, таким образом, из поля зрения.

В общем следует подчеркнуть, что обобществленный сектор все же удержал позиции в области цен настолько, чтобы не допустить срыва промышленных планов.

Отпускные цены госпромышленности остались в общем стабильными, так же, как и оптовые цены на промтовары. Розничные дали рост на 2%, что в значительной мере об'ясняется ростом акцизов.

Насколько повышение цен в обобществленной торговле затронуло результаты проводившегося в конце 1925/26 г., в течение 1926/27 г. и по некоторым группам в 1927/28 г. снижения цен?

Начнем с промтоваров: из 11,5% снижения по обобществленной рознице сохранено около 10%. По оптовому индексу по промтоварам из 8,3% снижения сохранено 8,1%. Этот факт, несомненно, имеет огромное принципиальное значение. Несколько иная картина наблюдается по сел.-хоз. товарам—по обобществленной рознице из 14% снижения сохранено лишь около 4% (в результате роста цен за 1927/28 г. и I полугодие 1928/29 г.). По оптовому индексу по сел.-хоз. товарам из 19% снижения (с 1/IV 1926 г. по 1/X 1927 г.) сохранено около 11%. Таким образом, по обобществленной рознице по сел.-хоз. товарам снижение цен почти ликвидировано, по оптовому сохранено более чем на половину.

В итоге — всего по обобществленной рознице из 12% снижения сохранено около 7%, т.-е. больше половины. По оптовой торговле из 13% снижения сохранено 9%.

Заготовительный индекс плановыми заготовителями удерживается в общем в рамках плана, правда, с некоторым превышением. В среднем за I полугодие хозгода рост индекса равен 9%, за 9 месяцев сел.-хоз. года около 8% против планового роста на 6%. Эти данные, не отражая достаточно точно абсолютных размеров роста индексов, в общем правильно рисуют тенденцию. В условиях бурного роста частных цен это превышение плана нельзя назвать значительным, хотя следует иметь в виду, что переплата 3% составляет только по заготовкам обобществленного сектора сумму в 60 млн. руб.

В связу с некоторым повышением заготовительного индекса и имел место некоторый рост цен на сел.-хоз. товары в обобществленном секторе. Так, оптовый индекс на 1/IV 1929 г. по сел.-хоз. товарам показал рост на 8,5% против средне-годового уровня 1927/28 г. (при предполагавшемся по плану росте на 6,1%). Обобществленная розница также показала рост по сел.-хоз. товарам на 7,9%.

В результате этого в среднем и оптовый индекс и индекс обобществленной розницы превышают на 1/IV средне-годовой уровень 1927/28 г. на 4%. Однако, средний розничный индекс обобществленной торговли за истекшее полугодие лишь на 2,5% выше среднего за I полугодие прошлого года, в том числе по сел.-хоз. товарам на 5,5%, а по промтоварам на 0,9%.

Повышение цен на сел.-хоз. товары отразилось в обобществленном секторе по двум направлениям: по линии стоимости сырья для промышленности и по линии роста бюджетного индекса, о чем было сказано выше.

Далее известную угрозу для сырьевой базы легкой индустрии вызвала динамика цен частного рынка в отношении конкурентоспособности технических культур, прежде всего, льна и свеклы. Если отношение индекса льна—волокна к индексу всех производимых сел.-хоз. товаров по льноводному району составляло по „крестьянским индексам" Кон'юнктурного института в I полугодии 1927/28 г.—0,71, то в I полугодии текущего года оно составляет 0,55, по льносемени 0,81 и 0,59.

По свекле сахарной в б. Курской губернии — 0,72 и 0,51, в правобережной Украине — 0,72 и 0,47. Во II квартале 1928/29 г. индекс главного онкурента свеклы—картофеля по б. Курской губ. составлял 327, а свеклы—117, по правобережной Украине—241 и 114.

Этому обстоятельству были противопоставлены усиленное снабжение льноводов хлебом, ограничение заготовок картофеля в свекловичном районе, ряд льгот льноводам и свекловодам, усиленная кампания по контрактации их посевов. Ряд данных заставляет предположить, что эти организационные и экономические мероприятия значительно ослабят, вероятно, парализуют влияние динамики частных цен на посевы льна и свеклы. В общем и целом социалистическому сектору удалось преодолеть повышательные тенденции в области цен настолько, чтобы при политике стабильных отпускных цен на промтовары получить значительный источник социалистического накопления за счет снижения себестоимости, несмотря на неблагоприятную для этого кон'юнктуру. Правда, это снижение было пока еще недостаточным, но промышленный план, по всем данным, будет выполнен. Политика стабильных цен на промтовары в текущем году была вызвана исключительно значительным ростом сел.-хоз. цен. Естественно, что это временное явление. Пятилетний план, как известно, намечает значительное снижение цен на промтовары.

Высокая рыночная кон'юнктура текущего года была интенсивно использована частным капиталом, резко повысившим цены на дефицитные товары.

Если накидка в частной торговле (данные НКТорга по 45 городам без Москвы) по 14 товарам составляла в марте 1928 г. 27,6%, то в октябре 1928 г. она составляла 51,5%, а в марте 1929 г. уже 77,3%.

По 8 промтоварам соответственно — 23,1%, 24,9% и 30,5%.

По 6 сел.-хоз. товарам — 32,1%, 78% и 124,1%.

По Москве в среднем по всем товарам на 1/IV 1928 г. накидка составляла 66,8%, на 1/X 1928 г. 109,8%, а на 1/IV 1929 г. уже 144,9%, по промтоварам на 1/IV 1928 г.—70,9%, на 1/X 1928 г.—69,5%, а на 1/IV 1929 г. уже 84,3%, по сел.-хоз. товарам на 1/IV 1928 г.—62,5%, на 1/X 1928 г.—182,4%, а на 1/IV 1929 г.—264,3%, в том числе по хлебным — накидка достигла гигантской цифры в 420,7%.

Превышение розничными частно-торговыми индексами кооперативных составляло по СССР (в среднем по всем товарам): на 1/IV 1928 г.—29,3%, на 1/X 1928 г.—44,3%, на 1/IV 1929 г.—уже 64,4% по промтоварам соответственно — 29,7%, 31,7% и 41,9%; по сел.-хоз. товарам — 28,8%, 67,7% и 109,4%.

Общий частно-торговый розничный индекс на 1/IV 1929 г. выше соответствующего уровня на 1/IV 1928 г. на 31,1%, по сел.-хоз. товарам на 63,4%, по промтоварам на 10,7%. На 1/IV 1929 г. частно-торговый индекс достиг 313 против 263 на I/X 1928 г. По сел.-хоз. товарам 381 против 285, по промтоварам 268 против 247, по хлебным — 504 (на 121,3% выше уровня прошлого года).

Заметно повышены цены по ряду товаров: по овощам на 32,8%, по мясным — 28,1%, молочным — 36%, маслу растительному — 74,5% сахару — 20,6%, обуви — 12,5%, бумаге — 27,1%, лесным — 10,8%.

Этот огромный рост цен в частной рознице имел своим результатом соответствующий прирост спекулятивной сверхприбыли частной торговли за счет потребителя.

По грубым предварительным данным одна только разница в ценах дала частной торговле в истекшем полугодии около 200 млн. руб. добавочного валового дохода по сравнению с I полугодием прошлого года. Конечно, далеко не весь этот прирост является чистой прибылью. Этот подсчет сделан на основе имеющихся данных о динамике оборотов частной торговли и о росте индексов в частной торговли. Более детальный подсчет по отдельным товарам и районам, очевидно, дал бы более высокую суммарную цифру. Обратной стороной этого роста цен частной торговли было отставание реальной зарплаты рабочих и служащих.

Рост частных хлебных цен имел существенное значение с точки зрения взаимоотношений различных групп крестьян (внутри деревни и между крестьянством различных районов) и с точки зрения распределения дохода между городом и деревней.

Прежде всего рост базарных цен на хлеба, несомненно, оказал существеннейшее влияние по линии внутридеревенского хлебооборота, достигающего (исключая покупки села через посреднический аппарат и межрайонную передвижку хлеба) около 100 млн. центн. в год, особенно учитывая условия текущего года.

Естественно, что цена хлеба, продаваемого зажиточным крестьянством бедноте, в этом случае в более значительной мере определялась базарной ценой, чем заготовительной, поскольку главным источником снабжения бедноты был в основном частный рынок.

Большой интерес представляют нижеследующие данные ЦСУ об отношении частных цен на хлеба и др. сел.-хоз. товары в текущем году к ценам прошлого года.

Данная таблица характеризует отношение вольных цен средних за 9 месяцев 1928/29 сел.-хоз. года к тем же ценам за 9 месяцев прошлого года и цен на 1/IV 1929 г. к ценам на соответствующую дату прошлого года.

	Рожь		Ржаная мука		Пшеница		Овес		Сено		Картофель	
	9 мес. 1928/29 с.-х. года VII—III	1/IV 1929 г.	VII—III 1928/29 г.	1/IV 1929 г.	VII—III 1928/29 г.	1/IV 1929 г.	VII—III 1928/29 г.	1/IV 1929 г.	VII—III 1928/29 г.	1/IV 1929 г.	VII—III 1928/29 г.	1/IV 1929 г.
Потребл. полоса РСФСР. . . .	291,5	397,7	286,4	403,6	—	—	156,1	148,4	165,7	169,4	174,6	182,2
Производ. полоса РСФСР. . . .	196,8	273,0	184,7	246,7	149,2	213,7	146,5	162,7	127,4	126,3	142,9	174,7
Украина.	235,1	342,1	232,5	330,6	244,2	377,8	153,2	233,4	152,3	195,7	172,6	231,7

Данные на 1/IV 1929 г. характерны как показатель тенденции остающегося квартала сел.-хоз. года, когда внутридеревенский оборот, покупки бедноты интенсивно усиливаются.

Значительно возросли частные цены на масло, яйца и др. товары.

Основанные на данных ЦСУ предварительные и крайне ориентировочные расчеты заставляют предположить, что повышение частных цен на хлеба должно дать в текущем сел.-хоз. году около 250 млн. руб. зажиточной части деревни только по линии внутридеревенского оборота помимо продаж на базарах скупщикам и мешочникам из потребляющей полосы. Исходя из расчета, сводящего для внутридеревенского оборота повышение цен для 1928/29 г. всего лишь в 2 р. 40 к. на центнер, здесь необходимо иметь в виду, что в значительной мере внутридеревенский оборот проходит в натуральной форме, в форме отработок и т. д.

Сильное вздорожание хлеба означает рост эксплоатации, напряжения ресурсов для бедняцких хозяйств, в результате чего создается добавочный доход для деревни в целом, при росте обогащения ее зажиточной части. Заметим, что обогащение кулацкой части деревни по линии торгово-спекулятивной и ростовщической может, естественно, проходить на известном этапе при одновременном свертывании ее производственной деятельности.

Поскольку динамика цен приводит к ослаблению позиций бедноты, последняя должна быть соответствующим образом компенсирована по другой линии.

Далее рост частных цен на хлеб привел и по линии внедеревенского отчуждения и межрайонного внутрикрестьянского оборота к дополнительному поступлению средств к верхушке крестьян потребляющих районов, к крестьянам-перекупщикам хлеба, к крестьянству восточных районов, особенно его более зажиточной части, поскольку более высокий уровень базарных цен приходится на тот период, когда именно эта часть деревни является основным держателем хлеба.

Повышение базарных цен на хлеба по сравнению с прошлым годом должно дать по этой линии соответствующим группам деревни добавочно 100—120 млн. руб. (исходя из расчета, что в среднем годовое повышение базарных цен составляет около 3,6—3,9 руб. на центн. для 1928/29 сел.-хоз. года).

Сверх повышения хлебных заготовительных цен, проведенного в начале 1928/29 сел.-хоз. года и давшим всей деревне около 100 млн. руб., повышение частных хлебных цен дает в течение 1928/29 сел.-хоз. года зажиточным группам деревни около 300 млн. руб.

В общем вся производящая товарный хлеб деревня (а не только зажиточная) получит за счет повышения хлебных цен заготовительных и частных около 450—500 млн. руб.

Если к этому добавить повышение заготовительных цен на некоторые технические культуры, рост базарных цен на продовольственные сел.-хоз. товары, то эта цифра должна быть увеличена еще, примерно, на 100 млн. руб.

Подчеркиваем, что все эти суммы включают перераспределение средств внутри крестьянства, за вычетом этого сумма добавочных поступлений в деревню из города за счет повышения цен составит (по грубым подсчетам) около 250—300 млн. руб.

Таким образом, налицо довольно существенная поправка к намечавшимся плановым предположениям по линии заготовительных цен.

Следует подчеркнуть некоторую ошибочность самих плановых наметок в области цен, при чем практика их осуществления усугубила эту ошибку. Речь идет о порайонном распределении повышения хлебных заготовительных цен. На восточные районы пришелся чрезвычайно высокий процент роста, что вызвало там накопление денежных излишков.

В проектировке повышения заготовительных хлебных цен летом 1928 г. был допущен дефект в порайонном его распределении: процент роста цен для восточных урожайных районов был установлен чрезмерно повышенный, а для недородных районов недостаточный. Практика осуществления этой проектировки допустила дальнейший перегиб, заметно превысив для восточных районов (особенно Сибири и Казакстана с их огромным урожаем) и этот преувеличенный план повышения цен, что в конечном итоге могло привести к некоторому ослаблению стимулов к реализации хлеба.

Проиллюстрируем это соответствующими данными.

По ржи — проектировалось повышение по Украине на 25%, фактически цены повышены примерно на 20%; по Сибири — по плану намечалось 17,2%, фактически цены повышены на 35—37%.

По овсу — по Украине цены повышены на 3—5%, между тем по Волжским районам на 20% (план 17%), Уралу на 35% (план 20%), по Сибири на 35% (план 16%).

По пшенице — по Волжским районам цены повышены на 15—17% (план 8%), по Татреспублике на 20—25% (план 17%), по Башреспублике на 15—20% (план 13%), по Уралу на 25% (план 20%), по Сибири на 18—20% (план 13%), по Казакстану на 30—40% (план 20%). Таким образом, безусловно правильная директива о 17% повышении хлебных цен в ее практическом проведении при порайонном распределении имела заметный дефект. Это обстоятельство было усугублено еще тем, что порайонное повышение цен не было увязано с порайонным распределеним сел.-хоз. налога.

Чрезвычайно характерным является тот факт, что крестьянство восточных урожайных районов имеет за 9 мес. в 1928/29 г. сел.-хоз. прирост дохода от реализации хлеба и подсолнуха плановым заготовителем по сравнению с тем же периодом прошлого года на 170 млн. руб., при повышении сел.-хоз. налога на 53 млн. руб., между тем как крестьянство производящих недородных районов имеет соответственно меньше дохода на 175 млн. руб. при повышении сел.-хоз. налога на 32 млн. руб. [1]

Данные о динамике остальных доходов и других видов обложения не могут изменить картины в основном.

Этот факт свидетельствует о недостаточном выполнении планом одной из своих важнейших задач регулирования распределения дохода крестьянства по районам.

Итак из всего вышесказанного следует, что раствор „ножниц“ между отчуждаемыми сел.-хоз. товарами и приобретаемыми промтоварами должен был значительно уменьшиться.

Уже соотношение общеторгового розничного индекса на промтовары и заготовительного индекса показывает, что раствор „ножниц“

[1] Подсчеты научного сотрудника Секции внутренней конъюнктуры Госплана СССР тов. С. В. Славина.

в I полугодии текущего года сократился на 5,5% по сравнению с I полугодием 1927/28 г. (137 против 145), а во II квартале—на 6,2% (136 против 145).

Следует при этом иметь в виду, что заготовительный (плановый) индекс в текущем году заметно ниже той средней цены, которую крестьянин получает. Между тем, по розничному общеторговому индексу Кон'юнктурного института по промтоварам процент частника для текущего года преувеличен почти в два раза.

Отсюда следует, что доход крестьянства по этим „ножницам" преуменьшен, а расход преувеличен и фактический раствор „ножниц" меньше вышеприведенного (около 120 вместо 137).

Характерна, с другой стороны, динамика „ножниц" по „крестьянским индексам" Кон'юнктурного института, перегиб в противоположную сторону переоценки удельного веса частного рынка по линии сбыта сел.-хоз. товаров. Тенденция к сжатию раствора „ножниц" здесь обнаруживается крайне резко.

Отношение индекса цен отчуждаемых сел.-хоз. товаров к индексу цен приобретаемых промтоваров составляло:

Даты	Смолен.-Тверск. район	Ярославск.-Костр. губ.	б. Курская губ.	Правоб. Украины	Запад. Сибирь	Вост. Зауралье	Сев. Кавказ	Южн. степ. Украина
I пол. 1926/27 г.	0,72	0,69	0,53	0,63	0,72	0,65	0,64	0,70
I пол. 1927/28 г.	0,83	0,86	0,57	0,64	0,90	0,70	0,78	0,87
I пол. 1928/29 г.	1,04	1,22	0,84	0,91	1,02	0,88	1,11	1,25
1 апрель 1929 г.	1,05	1,63	0,98	1,08	1,10	1,25	1,43	1,66

Таким образом, по „крестьянским индексам" получились даже „обратные ножницы", что в общем, конечно, не соответствует действительности, но правильно отражает тенденцию к значительному уменьшению раствора „ножниц". В числе недостатков „крестьянских индексов" Кон'юнктурного института один из существенных—отсутствие диференцированных „ножниц" по социальным группам. При построении „ножниц" между ценами всех отчуждаемых и ценами всех приобретаемых товаров, огромнейшее значение приобретает момент покупки хлеба беднотой, особенно учитывая рост хлебных цен текущего года. По предварительным крайне ориентировочным подсчетам по 2 районам разница в растворе „ножниц" для верхушки деревни и маломощных групп составляет около 20—25%. В этом факте находят свое отражение вышеотмеченные явления в области внутридеревенского оборота.

Таким образом, динамика цен на сел.-хоз. товары в общем привела к росту рентабельности сел.-хоз. производства (вопреки утверждениям о росте „эксплоатации" деревни), а раствор „ножниц" резко уменьшился. Истекшее полугодие характерно большим темпом роста денежных доходов деревни, чем города, и товарным дефицитом деревни, несмотря на направление туда по 6 основным промтоварам около 70% товарной массы.

Подведем итоги вышесказанному.

Истекшее полугодие выявило, что плановая система цен сохранена в такой степени, чтоб обеспечить намеченный ход индустриализации, обеспечить в основном нужное для этого социалистическое накопление.

В условиях советской экономики фактическое движение системы цен, ее соответствие плану является существенным показателем состояния народного хозяйства, хода процесса воспроизводства. Система цен истекшего полугодия выявляет, что народнохозяйственный план сохранил свою гегемонию, что кризисное нарушение хода индустриализации благодаря коррективам стихийного начала, отнюдь не имело места.

Именно особые условия советской экономики и дали возможность сохранить в основном систему цен при наличии столь значительного рыночного напряжения, сохранить такую систему распределения ресурсов, которая вопреки рыночной стихии обеспечила соответствующий темп индустриализации.

В этой возможности и заключается одно из важнейших преимуществ советской экономики — более быстрый темп роста промышленности.

Сдвиги в области цен частного рынка, благодаря ограниченности его сферы и плановому регулированию цен обобществленного сектора, не вызвали такого повышения себестоимости, такого эффекта в области ценообразования (например, через производительность труда), которые сорвали бы промышленный план.

Обобществленный сектор в основном удержал намеченную систему цен, несколько отступив по линии цен на сел.-хоз. товары.

На данном этапе система цен обеспечила намеченный рост социалистической промышленности, социалистического сектора, что является основным фоном для развертывания социально-классовых отношений в стране.

Повышение цен в обобществленной торговле было связано как с ростом заготовительных цен, так и в небольшой степени, с стремлением к накоплению торгового аппарата. Это торговое накопление, влияя на реальную зарплату, вступает в противоречие с накоплением промышленности и должно быть решительно ограничено.

Продолжающийся непрерывно рост цен частного рынка, некоторое отступление по этой линии и обобществленного сектора (особенно учитывая некоторые неблагоприятные симптомы послед-

него времени в области розничной торговли) вызвали ряд явлений, с дальнейшим развитием которых должна быть проведена решительная борьба по линии различных форм регулирования.

Из моментов, связанных с ходом индустриализации независимо от непосредственных социально-классовых отношений, отметим, что динамика частных цен на хлеба и др. продовольственные товары создала угрозу в отношении расширения посевов технических культур и вызвала некоторое снижение покупательной силы рубля, ослабляя тем самым финансово-кредитную систему.

Более существенное значение имеет то обстоятельство, что успешное развертывание промышленности сопровождалось заметным отставанием реальной заработной платы рабочего класса.

Далее разрыв заготовительных и частных цен, являющийся отражением других моментов, означал ухудшение продовольственного планового снабжения рабочих и бедноты, усилил спекулятивную деятельность капиталистических элементов, что вызвало значительное обострение классовой борьбы в деревне и ряд регулирующих мероприятий в области заготовок и в области снабжения.

Рост цен частного рынка привел к дополнительному обогащению частного торгового капитала, который, вместе с тем, претерпел заметную эволюцию в сторону распыления, ухода в подпольную спекуляцию и ускользнул в значительной степени от контроля и обложения.

Особенно большое значение имеет следующее обстоятельство.

Рост цен на сел.-хоз. товары привел к значительному сжатию раствора „ножниц" товаропроизводящей деревни, особенно восточных районов. Этот положительный факт, сопровождавшийся значительным ростом потребления промтоваров, в том числе и средств производства, и усиливший стимулирование зернового производства, был связан с некоторым спекулятивным (цены частного рынка) обогащением верхушки деревни и перекупщиков за счет бедноты, основной массы крестьянства потребляющих районов и городских потребителей.

В порайонной динамике цен недостаточно отразилось влияние планового начала.

Экономическая политика должна учесть эти поправки, внесенные в основном рыночной стихией в области цен, и предусмотреть их плановое преодоление.

Необходимо при наличии рыночного напряжения итти по пути максимального усиления плановых заготовок. Развязывание частного рынка с неизбежным сокращением плановых заготовок ударит по системе распределения (зарплата рабочих), особенно учитывая перспективы продовольственного рынка. Необходимо твердо придерживаться (не только по линии хлебных товаров) основанного на классовом принципе планового снабжения, обеспечивая в первую очередь рабочий класс в городе и бедноту в деревне.

Временное рыночное напряжение требует сохранения жесткой системы регулирования снабжения.

Огромное значение имеет максимальное внедрение планового начала в сельскохозяйственное производство и рынок (коллективизация, контрактация).

С другой стороны, требуется решительная борьба по линии обобществленного сектора против повышательной тенденции в области цен.

Пересмотрев принципы установления заготовительных цен по районам (в связи с имеющимися дефектами), необходимо их общий уровень безусловно удержать от повышения.

По линии розничной торговли необходимы более жесткие директивы, обеспечивающие уровень цен от повышения.

И. А. Бялый

К вопросу о кризисах в хозяйстве СССР[1]

О кризисах в хозяйстве СССР

Теории кризисов Маркс окончательно сформулировать не успел, однако, разбросанные по всем томам „Капитала“ его замечания по этому поводу были впоследствии рядом марксистов-теоретиков приведены в более или менее стройную систему марксистских взглядов на проблему капиталистических кризисов. Естественно, что поскольку эту сводку производили „марксисты“, а не сам Маркс, дело не обошлось без разногласий. Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что по вопросам, связанным с теоретическим об'яснением капиталистических кризисов, среди марксистов существует меньше единства, чем по всем другим вопросам. Не останавливаясь здесь на различных взглядах марксистов и „марксистов“ на теорию кризисов, что представляет собою совершенно самостоятельную тему, мы вкратце изложим марксову теорию кризисов.

Теория капиталистических кризисов возникла в результате теоретического анализа процесса расширенного воспроизводства не только с точки зрения основных его производственно-экономических моментов, но и с точки зрения определенных форм их проявления в условиях определенной материально-технической среды. При изучении кризиса Маркс уже не отвлекается от тех рыночных форм, в которых реализуются основные производственно-экономические процессы капитализма. Движение цен, движение прибыли, учетного процента,—все это подвергается подробному анализу при выяснении как причин, так и условий его развития и исчезновения. А коль скоро об'ектом анализа становятся непосредственно рыночные категории, то и в отношении техники Маркс уже больше не абстрагируется от постоянного роста органического строения капитала, равно как и от тех неравномерностей в процессе роста, которые имеются в действительности.

Сущность капиталистического кризиса Маркс формулирует следующим образом:

„Кризисы представляют собою всегда только мимолетные насильственные разрешения имеющихся противоречий, насильственные взрывы, которые на мгновение восстанавливают нарушенное равновесие“ („Капитал“ т. III, гл. 15, § 2).

[1] Окончание. См. „План. Хоз.“, № 2 за 1929 г.

Основным противоречием капитализма, которое в кризисах находит лишь временное разрешение, Маркс считает противоречие между общественным характером труда и индивидуальным характером присвоения. Это основное противоречие находит себе выражение в наличии относительного недопотребления рабочего класса, в непропорциональном накоплении различных отраслей производства, в законе тенденции нормы прибыли к понижению и др. Иначе говоря, основное, глубинное противоречие капитализма проявляется в ряде более конкретных противоречий, которые, в свою очередь, находят непосредственное выражение в движении чисто рыночных категорий и прежде всего в цене и норме прибыли. Поэтому непосредственной причиной переломов кон'юнктуры является норма прибыли, которая отражает в себе развитие всех противоречий капиталистического строя.

Противоречия капитализма, развиваясь, достигают таких размеров, которые делают необходимым резкое нарушение пропорциональности в процессе воспроизводства и, следовательно, порождают кризис. Во время же кризиса происходит насильственное разрешение этих противоречий и временное восстановление равновесия. Следовательно, кризисы являются не только постоянным спутником капитализма, но и фактором дальнейшего развития капиталистического производства. Если внутренняя логика капиталистического воспроизводства приводит его к кризису, то внутренняя логика кризиса превращает его в под'ем. Все эти внутренние силы капитализма действуют, разумеется, через механизм рыночных явлений и прежде всего через движение нормы прибыли, падение которой ведет к прекращению строительства и кризису, а под'ем которой связан с началом нового строительства и, следовательно, под'ема всего народного хозяйства. В том, что смена фаз процесса расширенного воспроизводства связана с процессом строительства основного капитала, нет ничего удивительного, если иметь в виду, что производственным содержанием всякого процесса расширенного воспроизводства является постоянное превращение части дохода в средства производства, независимо от того, в какой социально-экономической форме, путем преодоления каких противоречий это превращение происходит. Специфические противоречия определяют пути превращения общественного дохода в постоянный капитал, а не самый факт этого превращения.

Какие внутренние противоречия в нашем хозяйстве приходится преодолевать этому процессу превращения части общественного дохода в средства производства и в каком отношении они находятся к противоречиям капиталистического строя? Здесь, прежде всего, нужно отметить, что противоречия, присущие капитализму, в нашем хозяйстве не действуют. Противоречие между общественным характером труда и индивидуальным характером присвоения в социалистическом секторе не может действовать уже по одному тому, что

здесь нет индивидуального характера присвоения; в простом товарном производстве — потому, что в нем нет общественного характера производства. Что же касается капиталистического сектора, то его удельный вес в нашем хозяйстве столь незначителен, что благодаря ему специфически-капиталистические противоречия также не могут найти в нашем хозяйстве своего проявления.[1] Отсутствие основного противоречия капитализма решает вопрос и о частных, более конкретных противоречиях, поскольку все они являются лишь проявлением этого основного противоречия. Оно решает вопрос о норме прибыли, как универсальном выразителе экономических противоречий: в нашем хозяйстве норма прибыли не является основным показателем состояния кон'юнктуры. Совершенно ясно, что отсутствие противоречий капитализма делает также невозможными и капиталистические кризисы в нашем хозяйстве. Но этим еще не решается вопрос о наших кризисах вообще. Поскольку у нас имеются свои специфические противоречия, у нас могут быть и свои специфические кризисы. Каков характер наших противоречий, в состоянии ли он вызвать кризис, каков характер советских кризисов—к этим вопросам мы подошли вплотную.

В первой части настоящей работы мы установили, что основным противоречием нашего переходного строя является противоречие между социалистическим и капиталистическим кругом воспроизводства. Это основное противоречие отражается в ряде частных и более конкретных противоречий и на поверхности явлений находит свое выражение в хозяйственных затруднениях и кризисных нарушениях пропорциональности. Формы проявления указанного противоречия резко меняются от восстановительного периода к реконструктивному. На этом обстоятельстве следует остановиться специально, мы же в дальнейшем будем касаться проблемы кризисов в эпоху реконструктивного процесса.

Приступая к выяснению характера и форм проявления внутреннего противоречия нашей экономики в период реконструктивного процесса, прежде всего нужно иметь в виду, что процесс превращения общественного дохода в средства производства, т.-е. процесс накопления у нас происходит на крайне отсталой производственно-технической базе. Отсталой наша промышленность была и до войны, а за время империалистической и затем гражданской войны она истрепалась еще больше. Поскольку состояние промышленности определяет силу социалистического сектора, а через него и позиции социалистического круга воспроизводства в борьбе его с капиталистическим, постольку переоборудование промышленности становится основной задачей переходной экономики.

Что касается темпа переоборудования и источников накопления, то, вообще говоря, переоборудование промышленности может происходить разными темпами и из различных источников. Если отвлечься от требований законов переходной экономики, то можно считать, что переоборудование нашей промышленности может происходить, главным образом, за счет средств, привлекаемых в наше хозяйство извне. Что касается темпа переоборудования, то при такой же постановке вопроса можно было бы решить вопрос в пользу сравнительно медленного темпа. Однако, такое решение по обоим этим вопросам возможно только при условии отвлечения от законов переходной экономики. Если же исходить из того, что наше хозяйство представляет собою систему, переходную от капитализма к социализму, и что, следовательно, удельный вес социалистического круга воспроизводства должен постоянно увеличиваться, то вопрос о привлечении средств извне, равно как и вопрос о темпе реконструкции, потребуется решить совершенно по-иному. Иностранные средства производства могут сыграть громадную роль в деле ускорения реконструкции нашей промышленности, но, вместе с тем, этот источник имеет вполне определенные и к тому же довольно низкие лимиты. Во-первых, советская система хозяйства и государственного строя побуждает иностранных капиталистов к большой осторожности в деле вложения капиталов в нашу промышленность; во-вторых, еще большую осторожность в этом отношении должны проявлять мы. Выше нами уже указывалось, что капиталистический круг воспроизводства стремится найти себе дополнение в лице иностранного капитала, от которого он огражден монополией внешней торговли Поэтому со стороны государства привлечение иностранного капитала должно сопровождаться созданием таких условий, при которых оно (привлечение) не способствовало бы усилению капиталистического круга воспроизводства. Исходя из этого, государство охотно идет на увеличение импорта иностранного оборудования и сырья, при этом оно всячески стремится увеличить размеры долгосрочных кредитов, оно идет на привлечение концессионного капитала для развития производительных сил, не охваченных социалистическим сектором, однако, государство ни в коем случае не пойдет на привлечение иностранного капитала в нашу промышленность на акционерных основах, ибо приток иностранных средств в такой форме поставил бы под знак вопроса весь социалистический круг воспроизводства.

Условия борьбы социалистического круга воспроизводства с капиталистическим превращают мировое хозяйство в крайне ограниченный источник средств для переоборудования промышленности и,

[1] Капиталистический сектор в нашем хозяйстве оказывается в состоянии подчинить своему влиянию известную часть простого товарного хозяйства и создать таким образом капиталистический круг воспроизводства, со всеми вытекающими от раздвоения нашей экономики последствиями. Однако, удельный вес производительных сил, действующих в форме частнокапиталистических отношений, безусловно крайне низок. Поэтому капиталистические элементы оказываются в состоянии породить противоречия в советской экономике, но не могут привить нашему хозяйству основного противоречия капиталистической системы.

следовательно, заставляют производить реконструкцию почти полностью за счет превращения в постоянный капитал общественного дохода, создаваемого внутри нашей страны. Совершенно ясно, что условия этой же борьбы не позволяют ограничиваться медленным темпом переоборудования промышленности. Быстрый рост техники в окружающих нас буржуазных странах при нажиме на монополию внешней торговли со стороны капиталистического круга воспроизводства внутри нашей страны делает для нас абсолютно невозможным ограничиться в этом отношении черепашьим шагом. Крупные и все возрастающие вложения в строительство основного капитала являются, таким образом, результатом не произвола, но осознанной необходимости. Интересы расширенного воспроизводства не только материальных благ, но и социалистических отношений делают абсолютно обязательным сравнительно быстрый темп переоборудования и необходимого для этого нового капитального строительства внутри страны. Внутреннее противоречие нашей экономики, противоречие, образующееся вследствие раздвоения процесса воспроизводства, делает, таким образом, обязательным систематическое из'ятие значительной части общественного дохода для увеличения средств производства. Но это осложняет вопрос о товарном голоде.

Следовательно, экономические причины товарного голода исходят из борьбы двух кругов воспроизводства, с необходимостью, требующей быстрого темпа индустриализации и усиленного строительства нового основного капитала.

Товарный голод, являясь на определенной стадии неизбежным спутником социалистического строительства (в определенных условиях, разумеется: в отсталой стране с капиталистическим окружением), становится, вместе с тем, препятствием на пути этого строительства. Он становится одним из конкретных проявлений основного противоречия нашей экономики.

Сравним только-что рассмотренный процесс превращения части общественного дохода в средства производства в нашем хозяйстве с аналогичным процессом в капиталистическом хозяйстве. Выше нами уже упоминалось, что смена фаз капиталистического цикла находится в непосредственной зависимости от этого процесса. Однако, в противоположность нашему хозяйству, противоречия капитализма находят себе рыночное выражение и проявление как-раз в момент сокращения строительства, т.-е. в момент сильного сокращения (если не полного прекращения) роста постоянного капитала за счет общественного дохода. В тот же период, когда происходит усиленный рост первого подразделения за счет второго, т.-е. в период усиленного капитального строительства, капиталистическое воспроизводство, в противоположность нашему, не только не испытывает никаких перебоев, но, наоборот, переживает лучшее время в течение всего цикла воспроизводства—под'ем. Таким образом, один и тот же по своей материальной сущности процесс оказывает на

общий ход воспроизводства противоположное влияние. Об'ясняется это обстоятельство тем, что в капиталистическом обществе не может иметь место отставание второго подразделения от потребительского фонда общества. Если бы такое отставание обнаружилось, то повышение нормы прибыли и сравнительно низкое строение капитала в отраслях второго подразделения вызвали бы быстрое перераспределение средств между подразделениями. Но, как правило, под'ем совпадает по времени с перераспределением средств как-раз в пользу первого, а не второго подразделения, и тем не менее, высокий спрос на продукты второго подразделения не превращается в товарный голод. Дело в том, что в силу закона относительной прибавочной стоимости доля рабочего как в созданной им ценности, так тем более и в произведенной им массе потребительной ценности, постоянно сокращается. Капиталистический кризис сопровождается ростом техники, и следовательно, во время под'ема происходит приспособление к повышенной технике старого производственного аппарата. Высокий уровень и быстрый рост производительности труда позволяют капиталистам переправлять значительную часть общественного дохода в сферу создания постоянного капитала и на ряду с этим обеспечивать рабочему классу прежний и даже несколько повышенный уровень потребления. В нашем хозяйстве процесс интенсивного превращения общественного дохода в средства производства сталкивается с тем положительным обстоятельством, что у нас сильно действует тенденция роста потребительского уровня рабочих и крестьянских масс. Если бы трудности проистекали только из этого, они были бы сравнительно легко преодолимы. Товарный голод приобретает у нас большую остроту вследствие того, что мы, в противоположность капитализму, вынуждены увязывать крупные средства на капитальное строительство не в условиях выросшей техники и наличия запасов производственного аппарата, а в условиях крайней технической отсталости и совершенно исключительной изношенности и разрушенности производственного аппарата. В этих условиях малейшая перекачка средств из второго в первое затрудняет рост потребительского уровня трудящихся.

Изложенное обстоятельство дает часто повод об'яснять нарушения пропорциональности в нашем хозяйстве и, в частности, товарный голод только одним низким уровнем государственной промышленности. Такое об'яснение столь же правильно, как если бы перепроизводство при капитализме об'яснялось высоким уровнем капиталистической техники. Нельзя правильно понять причины товарного голода при игнорировании отсталости и разрушенности нашей промышленности, как нельзя понять причин капиталистического кризиса без учета уровня и роста капиталистической техники. Однако, об'яснять диспропорции производственного процесса только состоянием производительных сил, это значит отказаться от экономического анализа. Низкий технический уровень нашей промышлен-

ности обусловливает товарный голод только в условиях нашей переходной экономики с присущей ей раздвоенностью в процессе воспроизводства. На характер соотношения двух борющихся кругов воспроизводства, безусловно, оказывает влияние состояние государственной промышленности, ибо экономика находится в теснейшей зависимости от состояния производительных сил, но это обстоятельство ни в какой мере не дает еще права рассматривать препятствия воспроизводственного процесса не под углом зрения противоречий экономической структуры.

Товарный голод представляет собою, таким образом, внешнее проявление основного противоречия нашей экономики. Однако, изложенные соображения относительно товарного голода являются результатом анализа форм проявления основного противоречия в области промышленности при абстрагировании от его проявления в области сельского хозяйства.

Наше сельское хозяйство отличается крайне низким уровнем урожайности и еще более низкой товарностью, при чем это касается не только зерновых, но и технических культур. Правда, посевная площадь технических культур сильно возросла по сравнению с довоенной, однако, урожайность и товарность их далеко отстают от довоенного уровня. Уровень товарности некоторых сельскохозяйственных продуктов снизился, отчасти, вследствие увеличения личного потребления крестьянством своей продукции. Но совершенно ясно, что этим одним снижение товарности и уж во всяком случае урожайности об'яснять нельзя. Действительные причины указанных обстоятельств нужно искать в сильном измельчании сельского хозяйства, обусловленном как национализацией земли и раскулачиванием, так и сохранившимся по сие время так называемым земельным обществом с его постоянными переделами и недостаточным развитием социалистических форм земледелия. Проблема роста товарности находится в зависимости от степени преодоления указанных препятствий, но тут-то и сказывается влияние основного противоречия нашей экономики.

Поскольку сельское хозяйство до сих пор развивалось, в основном, как совокупность индивидуальных хозяйств, наибольший рост производительных сил происходил у зажиточно-кулацкой верхушки деревни. С точки зрения голого развития производительных сил деревни было бы поэтому выгодно форсировать или, во всяком случае, не препятствовать развитию зажиточных и даже кулацких хозяйств. Однако, этого нельзя было допустить и не только потому, что кулак опасен, как определенная политическая сила в деревне. В условиях советской власти и монополии внешней торговли этого нельзя допустить даже по чисто экономическим соображениям. Кулацкое хозяйство производит лучше середняцкого и несравненно большую часть своей продукции предназначает для рынка. Однако, реализовать свою продукцию оно

стремится не через государственные организации, а через частника. Больше того, кулак сам стремится превратиться в скупщика и стать, таким образом, связующим звеном между настоящим капиталистом и основной массой крестьянства. Таким образом, рост кулацких хозяйств увеличивает производство сельскохозяйственной продукции, но он еще в большей мере увеличивает для государства трудности реализации сельскохозяйственной продукции. Это — закон, вытекающий из противоречий нашей экономики. Смычка государственной промышленности с середняком возможна и осуществляется, смычка же ее с кулаком принципиально невозможна. Кулацкое хозяйство есть эксплоататорское хозяйство; всякое же усиление влияния промышленности над сельским хозяйством уменьшает возможность эксплоатации, вследствие чего кулак и стремится оттянуть основную массу крестьянства от социалистической промышленности и связать ее с частным капиталом. Между тенденциями социалистической промышленности и кулацкого хозяйства существует неразрешимое противоречие, которое постоянно сказывается в заготовках как хлебной, так и сырьевой крестьянской продукции. Наши льнопрядильные, сапожные и другие фабрики со сравнительно высокой производительностью не имеют из-за недостатка сырья полной нагрузки, а на ряду с этим в деревнях и городах растет домашняя промышленность, руководимая скупщиками, где процветает варварски примитивный способ производства. Ясно, поэтому, что в условиях национализированной промышленности и монополии внешней торговли рост продукции кулацкого хозяйства приводит не к прогрессу, а к регрессу общественных производительных сил. Этим, например, об'ясняется наша политика в отношении земельной общины. С точки зрения интересов роста сельскохозяйственной продукции земельную общину нужно уничтожить, так как постоянные переделы ведут к падению урожайности и товарности. Однако, интересы развития общественных производительных сил в нашем хозяйстве требуют, наоборот, сохранения переделов для успешной борьбы с капиталистическим накоплением кулачества.

Индивидуальные бедняцкие и середняцкие хозяйства могут, конечно, развивать производительность труда и, поскольку они входят в социалистический круг воспроизводства, способствовать развитию общественных производительных сил. Совершенно ясно, что нашей задачей является всестороннее и максимальное использование всех возможностей индивидуальных хозяйств, тем более, что пока последние являются еще основной формой сельскохозяйственного производства. Однако, мероприятия, направленные на повышение производительности индивидуальных крестьянских хозяйств, почти всегда должны сопровождаться ростом кооперативного начала в деревне. В условиях диктатуры пролетариата это абсолютно закономерное явление. Простое товарное производство в прошлом раз-

вивало производительные силы, само развиваясь к капитализму Поскольку в наших условиях к капиталистическому развитию простому товарному производству путь в основном отрезан, неизбежными становятся известные сдерживающие моменты в росте производительных сил деревни, которые могут быть полностью преодолены лишь при помощи кооперирования индивидуальных крестьянских хозяйств. Если в прошлом простое товарное производство развивало производительные силы, превращаясь в капиталистическое, то в настоящее время оно может их развивать, перерастая в социалистическое хозяйство. Только на этом пути возможен быстрый рост производительных сил советской деревни. Однако, поскольку состояние социалистических командных высот не позволило до сих пор произвести соответствующих сдвигов в сельское хозяйство, нам приходится в настоящее время иметь дело с низкой производительностью труда в деревне и с еще более низкой товарностью.

Таким образом, условия существования двух кругов воспроизводства делают кулацкие хозяйства враждебными росту общественных производительных сил; эти же условия, сопровождающиеся недостаточной развитостью социалистического сектора, ограничивают размеры средств, направляемых на под'ем производительности советской деревни, они, следовательно, обусловливают низкую урожайность и товарность сельского хозяйства.

Раздвоенность общественного воспроизводства в отношении государственного сектора создает противоречие, которое выражается в товарном голоде; в отношении сектора простого товарного воспроизводства она создает противоречие, которое выражается в низкой урожайности и товарности сельского хозяйства. До сих пор мы каждое из этих противоречий рассматривали обособленно, вне учета их взаимного влияния. В действительности же они находятся, конечно, в постоянном взаимодействии, которое, в конце концов, выражается в большом количестве конкретных, т.-е. находящихся непосредственно на поверхности явлений, противоречий. Совокупность этих конкретных противоречий представляет собою всю сумму хозяйственных трудностей, для преодоления которых требуется единая политическая и экономическая линия.

Мы вплотную подошли к вопросу о том, при каких условиях, под непосредственным влиянием каких причин наступает „кризис". Общая, конечная причина „кризиса" ясна из всего предыдущего изложения: „кризис" является результатом максимального обострения основного противоречия нашей экономики. Однако, это основное противоречие имеет целую систему конкретных форм своего проявления. Совершенно ясно, что непосредственной причиной „кризиса", поскольку он представляет собою нарушение конкретного процесса воспроизводства, должны быть конкретные факторы, действующие на самой поверхности явлений. На поверхности явлений мы имеем сумму хозяйственных трудностей, преодоление которых

происходит путем ожесточенной борьбы социалистического круга воспроизводства с капиталистическим.

Наличие двух антагонистических кругов воспроизводства, обусловливая товарный голод и замедленное развитие производственных сил сельского хозяйства, является конечной экономической причиной имеющихся в действительности хозяйственных трудностей. Разумеется, что и преодоление этих трудностей происходит на фоне борьбы указанных двух кругов и полностью зависит от исхода этой борьбы. При этом судьба процесса воспроизводства, вопрос о кризисе полностью зависит от того, какой из двух борющихся кругов воспроизводства окажется победителем. Победа социалистического круга будет означать вытеснение капиталистов с сельскохозяйственного рынка, разрыв связи между капиталистами и кустарями, увязку с теми крестьянскими и кустарными хозяйствами, которые до этого находились под влиянием капиталистического сектора. Все эти достижения, в свою очередь, подымут на более высокую ступень государственную промышленность и приведут на базе общего роста к укреплению ее связи с крестьянским хозяйством. Поэтому победа социалистического круга гарантирует гармоническое развитие народного хозяйства и, следовательно, делает невозможным кризис.

К диаметрально противоположным результатам приведет частичная победа капиталистического круга воспроизводства, которая означает оттяжку от социалистического круга части представителей простого товарного сектора. Конкретно это может вылиться в срыв государственных сырьевых или хлебных заготовок, что неминуемо создаст серьезные диспропорции в социалистическом кругу воспроизводства. Поскольку же социалистический круг охватывает абсолютно подавляющую часть производительных сил, „кризис" в нем явится, несомненно, и общехозяйственным кризисом. Удельный вес в нашем хозяйстве производительных сил, действующих в форме социалистического круга воспроизводства, столь велик, что кризис в нем отрицательно отразится даже на той части сектора простого товарного хозяйства, которая находится под воздействием капиталистического круга. И только непосредственно капиталистический сектор окажется в выигрыше, ибо нарушение пропорций в социалистическом круге и неизбежное вследствие этого дальнейшее ухудшение отношений между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством позволит ему произвести быстрое расширение своего капиталистического круга воспроизводства. Капиталистический круг имеет некоторую об'ективную базу для того, чтобы тормозить социалистическое строительство, а иногда даже производить резкое (кризисное) нарушение плавности хозяйственного развития. Однако, крайняя примитивность и сравнительно незначительный удельный вес охватываемых им производственных сил приводят к тому, что, противопоставляя себя социалистическому кругу воспроизводства, он этим самым противопоставляет свои интересы

интересам всего народного хозяйства. Поскольку основная масса средств производства остается в руках государства и сохраняется монополия внешней торговли, победа капиталистического круга над социалистическим в состоянии лишь расстроить плавность народнохозяйственных процессов, что, однако, для чисто капиталистических элементов будет означать своеобразный под'ем.

Таким образом, причины кризиса в нашем хозяйстве можно сформулировать следующим образом. Конечной причиной является наличие экономической раздвоенности единого хозяйственного процесса. Непосредственной или конкретной причиной „кризиса" является частичная победа капиталистического круга воспроизводства над социалистическим, выражающаяся в отвоевании известной части элементов простого товарного производства из-под влияния социалистического сектора.

В таком же направлении, как и частичная победа капиталистического круга воспроизводства, действует переход крестьянского хозяйства к натуральному способу производства. Однако, во-первых, натурализация крестьянского хозяйства сама обусловлена конечной причиной кризиса (раздвоенностью процесса воспроизводства) и, во-вторых, особенно в период реконструктивного процесса, она имеет тенденцию перерастать в победу капиталистического круга воспроизводства над социалистическим.

В связи с выяснением причин кризиса необходимо остановиться на вопросе о том, в какой мере кризисы можно об'яснить ошибками экономической политики.

Не может быть спора о том, что наша государственная промышленность движется некапиталистическими стимулами и что рост потребностей играет известную роль в ее развитии, но рассматривать в качестве основного стимула ее развития только рост потребностей было бы неправильно. Наша промышленность растет в обстановке конкурентной борьбы с капиталистическими элементами внутри страны и за границей, а условия этой борьбы определяют темп ее роста.

Проблемы индустриализации заостряются в связи с нынешними условиями классовой борьбы. К разрешению этих проблем нас толкает отнюдь не один только рост физиологических потребностей масс. При социализме эти последние действительно будут иметь решающее значение. Однако, выдавать их за основной стимул развития у нас можно только в случае полного игнорирования переходного характера нашей экономики.

Если бы основным стимулом развития государственной промышленности являлся рост физиологических потребностей, то не стояла бы так остро проблема индустриализации и, в частности, проблема развития тяжелой индустрии. Мы форсируем индустриализацию не потому, что нас толкает на это рост физиологического

спроса, но потому, что нас вынуждают к этому условия борьбы с капиталистическим кругом воспроизводства.

Капиталистических противоречий в нашем хозяйстве нет, а капиталистические элементы, которые (на базе отсталых производительных сил) создают новые противоречия, остались. Капиталистические кризисы у нас не только не обязательны, но и не возможны, но этим еще не решается вопрос о базе для специфических затруднений переходной экономики.

Капиталистические кризисы Маркс выводил из определенной классовой структуры капитализма. Туган-Барановский их выводил из анархичности, бесплановости капиталистического хозяйства.

Ошибки в процессе плановой увязки различных элементов общественного производства могут быть и при социализме.

Политика государства в развитии переходного хозяйства играет совершенно исключительную роль, так как в этот период она сама является фактором экономики. Больше того, экономическая политика в переходный период становится обязательной составной частью регулятора производства. Роль ее столь велика, что крупные и длительные ошибки в экономической политике сами по себе могут привести к кризисным явлениям. Однако, в корне неправильно было бы сводить их только или даже, главным образом, к ошибкам планирования. Для этого нужно забыть, что процесс воспроизводства происходит у нас в форме ожесточенной классовой борьбы и что враждебные социалистическому кругу тенденции имеют еще базу в состоянии производительных сил нашей страны. Всякая ошибка не проходит, конечно, бесследно и, ослабляя позиции социалистического сектора, усиливает кризисные тенденции в народном хозяйстве. Однако, кризисные тенденции в нашем хозяйстве имеют место и независимо от наших ошибок, так как прорыв капиталистическими элементами нашего хозяйственного фронта на том или ином его участке возможен далеко не только из-за наших ошибок.

Выше мы указывали, что в капиталистическом хозяйстве кризисы являются не только неизбежным следствием его развития, но и обязательной предпосылкой под'ема. В условиях цикличного развития капитализма кризис в такой же мере порождает под'ем, как под'ем порождает кризис. Поэтому если бы капиталистическое правительство попыталось своим административным вмешательством нарушить стихийный ход кризиса, оно окончательно дезорганизовало бы весь процесс воспроизводства. „Свободное" развитие кризисного процесса является необходимым условием капиталистического воспроизводства.

В нашем же хозяйстве кризисные явления не обладают способностью самоизживания. Наоборот, если на ликвидацию наступивших кризисных явлений не будет направлена определенная политика государства, последние станут разрастаться в кризис советского хозяйства. Эта особенность наших кризисов полностью обусловлена их специфическими причинами.

Кризис в нашем хозяйстве наступает тогда, когда капиталистическому сектору удается использовать хозяйственные трудности в целях расстройства социалистического круга воспроизводства. Мы указывали уже, что это должно привести к задержке развития всего народного хозяйства, но одновременно и к расширению капиталистического круга воспроизводства. Мы указывали, что „кризис" в нашем хозяйстве совпадает с „кризисом" в социалистическом круге воспроизводства и своеобразным под'емом в капиталистическом воспроизводстве. Непосредственной причиной „кризисов" может явиться победа (разумеется, частичная) капиталистического круга воспроизводства, но когда „кризис" возникает, он в свою очередь становится причиной укрепления позиций капиталистического круга воспроизводства. Между „кризисом" и процессом развития капиталистического круга воспроизводства образуется, таким образом, взаимодействие, стихийное развитие которого будет питать и рост кризисных тенденций и расширение капиталистического круга воспроизводства.

Если этому процессу не будет противопоставлена крутая система мер государственного воздействия и он будет предоставлен „своим собственным законам", то следствием его явится глубочайшее расстройство всего народного хозяйства, которое завершится ликвидацией диктатуры пролетариата. Законченный кризис в нашем хозяйстве невозможен. Внутреннее противоречие нашей экономики находит свое выражение в кризисных явлениях, однако, эти последние должны ликвидироваться в самом начале своего возникновения через нашу экономическую политику. В „кризисах", таким образом, находит свое выражение, между прочим, и то обстоятельство, что политика является составной частью нашей экономики.

Выше мы выяснили роль политики, как фактора возникновения „кризиса", теперь мы установили ее роль, как фактора ликвидации „кризиса". Если наличие внутренних противоречий в нашей экономике не дает нам права считать политику не только единственной, но даже и основной причиной „кризисов", то наличие командных высот в руках пролетарского государства, наоборот, превращает политику в основное средство ликвидации кризиса. Такая роль политики обусловливается тем, что „кризисы" в нашем хозяйстве не сопровождаются цикличным характером процесса воспроизводства. В отличие от капиталистического „кризис" в нашем хозяйстве не в состоянии создать условий для под'ема. Он представляет собою форму проявления внутреннего противоречия нашей экономики, однако, без вмешательства государственной власти, он не может служить средством разрешения этого противоречия.

Кризис, являющийся проявлением всей суммы экономических противоречий, отражает в своем движении характер этих противоречий. Противоречия капитализма постоянно разрешаются и постоянно снова воспроизводятся. Они в своем развитии по пятам следуют за развитием капиталистических отношений. Создавая затруднения его росту, они вместе с тем создают и возможности выхода из этих затруднений. Но зато тогда, когда противоречия капитализма достигают кульминационного пункта, они делают невозможным его дальнейшее существование и требуют революционной ломки производственных отношений.

Уже по одному тому, что наша экономика есть переходная экономика, развитие ее противоречий имеет принципиально отличное направление. Экономическая раздвоенность единого в хозяйственном отношении процесса воспроизводства делает развитие нашего народного хозяйства гораздо более напряженным, чем при капитализме. В противоположность капитализму, здесь стихийные законы не гарантируют расширенное воспроизводство. Кризис здесь является не предвестником под'ема, а угрозой кризиса всей системы. Но зато дальнейшее развитие противоречия нашей экономики происходит не по восходящей, как при капитализме, а по нисходящей линии. Победа капиталистического круга воспроизводства способна привести наше хозяйство к кризису, но зато всякая победа социалистического круга воспроизводства постепенно устраняет самую возможность кризиса в нашем хозяйстве. По мере победы социалистического круга воспроизводства уменьшается удельный вес капиталистического круга воспроизводства и, следовательно, ослабляется действие внутреннего противоречия нашей экономики. Если рост капитализма сопровождается углублением его противоречий и чрезвычайным обострением форм их проявления (кризисы, империализм), то прогрессу нашей переходной экономики неизменно должно соответствовать ослабление ее противоречий, а также смягчение их форм. Если развитие капитализма подготовляет его взрыв, то развитие переходной экономики означает ее перерастание в социалистическую экономику.

В капиталистическом хозяйстве кризисы обязательны, как в том смысле, что они являются неизбежным следствием капиталистического развития, так и в том смысле, что они являются обязательной предпосылкой под'ема. Последнее обстоятельство в отношении наших „кризисов" не действует совершенно. Что же касается первого, т.-е. обязательности в смысле об'ективной неизбежности, то из всего сказанного видно, что внутреннее противоречие нашей экономики создает об'ективную базу для „кризисов", но не делает их абсолютно обязательными. В начальной стадии переходного периода, когда указанное противоречие действует особенно остро, возможностей для кризиса больше, но база для кризисов сокращается по мере смягчения основного противоречия.

В. П. Акуленко

Направление, темп, равновесие[1]

II

До сих пор в центре нашего внимания стояли вопросы рыночного равновесия, безотносительно к вопросу о темпах и путях развития общественного хозяйства при такого рода равновесии.

В условиях обычного стихийного менового хозяйства всегда существует тенденция к установлению рыночного равновесия, поскольку, на основе „свободы действия" закона ценности, только эта форма его хозяйственного равновесия обеспечивает ему возможность роста, возможность расширенного воспроизводства. (Добавим: роста с кризисами, перепроизводством и пр.). Между прочим, дефективность рыночных регуляторов видна хотя бы из того, что общественно-необходимое перепроизводство в момент низкой кон'юнктуры воспринимается рынком в форме кризиса сбыта. Осуществление такого рыночного равновесия всегда имеет место, хотя бы и при высоком уровне цен, хотя бы и за счет ослабления темпов роста и качественной реконструкции общественного хозяйства.

Дело в том, что развитие всякого общественного хозяйства в условиях полного рыночного благополучия неминуемо будет иметь более или менее однообразный характер, независимо от характера политической и социальной организации данного общественного хозяйства. (Потому что сохраняются старые пропорции распределения народного дохода; близкое к старому органическое строение капитала, т.-е. старая техника; такая же структура производительных сил вследствие сохранения имеющихся межотраслевых пропорций; та же производительность общественного труда; та же система производственных отношений и т. д.). Такой путь развития мы условно называем „эволюционным". Наоборот, форсирование темпов хозяйственного роста, „скачкообразное" развитие его, минуя отдельные фазы „эволюционного" развития или ускоряя прохождение этих фаз, безусловно будет протекать в обстановке рыночной напряженности. Во всяком случае, и стихийное хозяйство видит золотые дни своей кон'юнктуры как-раз в момент растущих цен, в период высокой кон'юнктуры, когда собственно и происходит интенсивный процесс его реконструкции.

[1] Окончание. См. „План. Хоз.", № 2 за 1929 г.

Таким образом, развитие народного хозяйства необязательно должно итти в условиях рыночного равновесия. Если в общественном хозяйстве значительную роль приобретают волевые элементы, то закон равенства спроса и предложения может быть сдан в архив не только без ущерба для народного хозяйства, но, наоборот, с большей пользой для качественного и количественного роста последнего.

Высший критерий хозяйственного равновесия не критерий рынка, рыночных цен, а критерий производственных показателей, показателей динамики физического об'ема промышленной и сельскохозяйственной продукции. Поэтому плановое хозяйство может сознательно ломать закон спроса и предложения, сознательно развиваться в условиях товарного голода, если этот путь обеспечивает ему, при данных хозяйственных ресурсах, не только наибольшие темпы роста, но и наибольшие возможности реконструкции народного хозяйства (например, превращение его из аграрного типа в индустриальный).

Вполне понятно, что поскольку существует известная связь между рыночными и производственными показателями, постольку существуют определенные границы такого волевого влияния на хозяйственную динамику. Поэтому, руководствуясь, указанным критерием хозяйственного равновесия (динамикой производственных показателей), не следует доводить коэфициент рыночного напряжения до такого предела, когда можно иметь обратную динамику физического об'ема продукции того или другого производственного участка. Это уже дело кон'юнктурной политики.

Но тогда в какой мере и при каких условиях изменение „эволюционного" пути развития общественного хозяйства действительно гарантирует ему наибольшие из возможных темпы развития, наибольшие возможности реконструкции хозяйственной системы? Какою ценою покупается такая реконструкция? В чем сущность такого „скачкообразного" развития? Почему „скачкообразный" путь связан с нарушением условий рыночного равновесия?

Анализ развития общественного хозяйства в условиях полного рыночного равновесия облегчает ответы на эти вопросы.

При „скачкообразном" направлении развития общественного хозяйства, как и при „эволюционном", соблюдение первых двух условий равновесия является обязательным: падение удельного веса накопления при распределении народного дохода в обоих случаях ведет народное хозяйство к недопроизводству и снижению темпов, точно так же, как рост удельного веса накопления при всяком направлении развития повышает темпы роста. С другой стороны, нарушение пропорций при распределении накопления между основным и оборотным капиталом в обоих случаях ведет или к замедлению темпов или к большим перебоям в воспроизводстве, угрожающим взятым темпам.

Сущность „скачкообразного" развития определяется в основном политикой капиталовложений, состоящей в том, что путем направления вложений в наиболее технически производительные комбинации труда и капитала (при данных общественных условиях), путем форсированного развития на этой технически совершенной базе ведущих отраслей народного хозяйства, в том числе производящих средства производства, следовательно, ценою замедленного в данный момент вовлечения в производство рабочей силы (высокий технический состав капитала новых вложений), ценою замедленного в данный момент роста народного дохода, т.-е. чистой продукции хозяйства в целом (поскольку высокое отношение c/v менее производительно по об'ему продукции на единицу капитала, чем низкое), ценою временного нарушения пропорций между отраслями, стоящими по горизонтали ниже, и выше стоящими отраслями по вертикали, ценою временного нарушения равновесия и временного качественного, а иногда и количественного недопотребления, ценою всех этих моментов на узком отрезке времени покупается наиболее производительная система реконструированного производства, создающая возможность на длительном отрезке времени резкого роста производительности общественного труда в целом, отсюда — возможность высокой нормы накопления, а потому резко расширенного вовлечения в производство живой силы, роста потребительского благополучия широких масс населения и установления предпосылок для длительного хозяйственного равновесия на реконструированной базе производства.

Так как предыдущий анализ эффективности капиталовложений был дан нами с точки зрения равновесия, то методологически правильным будет дополнить его анализом с точки зрения производительности труда. (Последняя же точка зрения совпадает с точкой зрения прибавочного продукта, как точка зрения равновесия совпадает с точкой зрения чистой продукции.)

В капиталистическом хозяйстве, где руководящим принципом хозяйственной деятельности является превращение $Д$ в $Д_1$, рост органического состава капитала является всегда наилучшим способом реализации добавочной прибыли, повышающим одновременно и об'ем накопления народного хозяйства в целом.

(Так как, оперируя понятием „стоимости", в ряде случаев нужно исходить из предпосылки твердой оценки, то в дальнейшем мы будем оперировать понятием „продукции".)

Тем не менее, повышение органического состава капитала за известные пределы, строго индивидуализированные для каждой страны, может не только не увеличить возможную для данного капитала массы прибавочной продукции, но и понизить ее. Иначе говоря, отсталая страна сможет получить при данном об'еме капиталовложений не только большую массу чистой продукции, но и

большую массу прибавочной продукции далеко не при самом совершенном производстве передовых стран. Машинизированное производство дает для данного народного хозяйства в целом большую массу прибавочного продукта только в том случае, когда экономия на рабочей силе, благодаря введению машин, будет превышать возможный прибавочный продукт, который могла бы дать эта дополнительная масса капитала при более низком его составе, т.-е. за счет дополнительного вовлечения рабочих в данной отрасли или в других отраслях. Речь идет при этом не только о норме, но и о массе прибавочного продукта, так как предприятия с высоким составом капитала могут дать при высокой норме m меньшую массу последней (в силу падения продукции на единицу капитала), чем предприятия с более низкой нормой, но большим об'емом продукции на ту же массу капитала.

По интересующему нас вопросу у Маркса имеется такая формулировка: „Если рассматривать машину исключительно, как средство удешевления продукта (разрядка наша. В. А.), то граница ее применения определяется тем, что труд, которого стоит ее производство, должен быть меньше того труда, который замещается ее применением" („Капитал", т. I). Но так как замещенный труд есть определенный конкретный труд при определенной величине средств производства, т.-е. капитала, то формулировка Маркса может быть изменена так: замена уже действующей суммы капитала другой (с повышенным техническим составом) выгодна с точки зрения удешевления продукта или, при неизменных ценах, с точки зрения прибавочного продукта, когда в результате механизации темп роста прибавочного продукта на единицу рабочей силы будет настолько превышать темп падения самой рабочей силы, что новое произведение $m \times v$ не только абсолютно, но и относительно (в процентах к капиталу) превысит старое.

Вполне понятно, что в силу неравномерного развития производительных сил в мировом хозяйстве данная степень механизации, выгодная в одной стране, может быть экономически невыгодной в другой стране. Высокая степень механизации, выгодная с народнохозяйственной точки зрения в С.-А.С.Ш., где концентрируется до 40% всего мирового накопления, а население равно 7% населения земного шара, — экономически нецелесообразна в большинстве передовых европейских стран.

Регулятором такого перераспределения капиталов в стихийном хозяйстве является норма прибыли (процент на капитал), поэтому капиталистическое хозяйство повышает технический состав капитала далеко не при всяком возможном снижении себестоимости, а только тогда, когда масса полученной при этом экономии будет стоять в определенном отношении к затраченному капиталу.

Плановое же хозяйство, руководствуясь, конечно, далеко не всегда критерием рентабельности, должно заменить этот регулятор

(процент на капитал) сознательным подсчетом, так как при данном качественном составе накопления темп определяется массой накопления в отношении к капиталу.

Итак, плановое общественное хозяйство в целях максимального повышения производительности труда в каждой данной отрасли может итти на такую комбинацию c и v, которая, давая меньшую массу чистой продукции против возможной (при P/cv) повышает норму и массу прибавочного продукта всего общественного хозяйства в целом. В дальнейшем повышенное капиталонакопление создает возможность как дополнительного вовлечения в производство рабочих массивов, так и дополнительного создания чистой продукции (P) при уменьшенных издержках производства. Аналогичные выводы можно встретить еще у Д. С. Милля при анализе им пропорции оборотного и постоянного капиталов („Основания", стр. 95). „...Количество капитала, которое будет или может быть накоплено, и сумма валового продукта, который будет или может быть собран в известной стране, пропорционально искусству в производстве, существующему в ней, и (потому) каждое улучшение даже вначале уменьшающее и оборотный капитал и валовой доход, в конце концов, дает такой простор для реализации того и другого, какой был бы невозможен при других обстоятельствах. В этом и заключается ответ на возражения, поставленные против машин".

Так обстоит вопрос с линейной точки зрения, с точки зрения эффективности затрат в данной отрасли, в данном предприятии. Но было бы глубоко ошибочным предполагать, что всякий максимальный эффект в линейном направлении обязательно приведет к максимальному эффекту в деле роста производительности труда всего общественного хозяйства, т.-е. с комплексной точки зрения. Поэтому плановое хозяйство может сознательно итти на получение от данного капитала в данной отрасли не только меньшей против возможной массы чистой продукции (P), но и меньшей массы прибавочного продукта (m), если этим покупается возможность повышения производительности труда в других отраслях. Достигается это тем, что игнорируя в данный момент закон рентабельности, основную массу вложений общество направляет в „ведущие" отрасли хозяйства: в наивысшие отрасли по вертикали и в производство средств производства (эти градации переплетаются). (Именно в том и состоит огромное преимущество планового общественного хозяйства перед стихийным, что плановое хозяйство на определенный промежуток времени может подчинить политику капиталовложений задаче максимальной реконструкции производства в целях наибольшего повышения производительности общественного труда в целом.)

Ведущими отраслями мы называем те отрасли, рост производительности труда в которых отражается на росте производительности труда всего комплекса связанных с ними отраслей. Как правило, вышестоящая по вертикальной связи отрасль ведет за собой нижестоящую, хотя и сама зависит от последней. Конкретизируя это положение следует сказать, что производство средств производства является ведущей группой по отношению к группе производства средств потребления, так как оно дает элементы основного капитала последнему, определяя производительность труда этой группы; по отношению к сельскому хозяйству ведущей группой является химическая промышленность, сельхозмашиностроение и все отрасли, перерабатывающие сельскохозяйственные продукты (мясохладобоенная промышленность, бэконная, консервная и т. д.).[1] Кстати сказать, на примере химической промышленности видна вся недалекость политики капиталовложений, ориентирующейся только на рост эффективности данной суммы капитала, как таковой, вне зависимости от последующего влияния ее на другие отрасли. Так, по данным американских промышленных цензов, химическая группа обладает наименьшей трудоемкостью — 10.000 долл. капитала на рабочего при 3.250 тыс. долл. в среднем по цензовой промышленности, наименьшей суммой условно чистой продукции (валовая без сырья) на единицу капитала — 23 коп. на рубль, против 43 коп. в среднем и т. д. С другой же стороны, вложения в сельское хозяйство обладают большей трудоемкостью и большим выходом продукции на единицу капитала, чем вложения в ряде промышленных отраслей. Однако, в результате роста производительности труда в сельском хозяйстве через химизацию последнего общий рост продукции народного хозяйства, а равно и масса $v+m$ может вырасти при комбинации химии и сельского хозяйства в большем размере, чем это имело бы место при затратах той же суммы капитала исключительно в сельское хозяйство.

Особое значение для роста производительности общественного труда в целом имеет развитие энергетического хозяйства страны и транспорта. Развитие того и другого буквально делает экономические революции в прочих отраслях народного хозяйства: энергетическое хозяйство потому, что является по существу основным эле-

[1] „...Развитие производительной силы труда в одной отрасли производства, напр., в производстве железа, угля, машин, в строительном деле и т. д., которое, в свою очередь, может отчасти зависеть от успехов в области интеллектуального производства, именно естественных наук и их применения, является здесь условием уменьшения стоимости, а следовательно, и издержек на средства производства в других отраслях промышленности, напр., в текстильной промышленности или земледелии. Это само собою понятно, потому что товар, вышедший как продукт из одной отрасли промышленности, снова вступает как средства производства в другую отрасль промышленности. Итак, развитие производительной силы труда в подразделении, лежащем вне данной отрасли промышленности, в подразделении, доставляющем этой последней средства производства — вот что в рассматриваемом случае относительно понижает стоимость применяемого капиталистом постоянного капитала, а следовательно, повышает норму прибыли" (Маркс).

ментом всякого производства (наивысшая по вертикали отрасль), транспорт же потому, что уменьшая время обращения, ускоряет оборот материальных ценностей, производимых при данной технике производства, а уменьшая стоимость тарифов, действует то же как своего рода наивысшая по вертикали отрасль.

В этом смысле роль транспорта в народном хозяйстве равносильна роли конвейера в производстве. Народнохозяйственное значение транспорта помимо этого также в том, что таковой создает возможность расширенного воспроизводства при данном об'еме производительных сил (повышая товарность продукции в ряде районов, особенно сельскохозяйственных), а также повышает производительность общественного труда в целом, создавая предпосылки для наиболее выгодного географического разделения труда. Отсюда, между прочим, громадное значение электрификации и дорожного строительства для развития производительных сил нашего хозяйства. Следует, как и в отношении химической промышленности, подчеркнуть, что в силу высокого органического состава капитала последние две отрасли наименее эффективны сами по себе с точки зрения создания чистой и прибавочной продукции. Не потому ли ряд экономистов считает наиболее эффективными затраты в сельское хозяйство?

Итак, народнохозяйственную эффективность вложений следует измерять не только массой чистой продукции (P) и прибавочной продукции (m), создаваемой данными затратами капитала в данной отрасли производства, а кроме того, и дополнительной массой того и другого, создаваемой благодаря этим вложениям в ряде нижестоящих отраслей во всей их совокупности („комплексная" эффективность вложений). Так как форсированное развитие „ведущих" отраслей более или менее резко повышает органический состав капитала общества, то оно не может не явиться причиной товарного голода. Однако, и при развитии „ведущих" отраслей необходим предварительный расчет при выборе нормы состава капитала, так как далеко не всякая технически совершенная комбинация живого и мертвого труда гарантирует получение наибольшей массы чистой продукции и наибольшей массы прибавочного продукта в данных общественных условиях. (Повторяем: речь идет не только о норме выработки и норме прибавочной стоимости, но и об абсолютной массе того и другого.) Политика капиталовложений, ориентирующаяся на развитие производительной силы общественного труда в целом, хотя бы ценою временного недонакопления, аналогична политике нерентабельного экспорта, где также через потерю известной массы чистой продукции покупается возможность последующего повышения производительности труда, т.-е. ценою временной, вернее, даже единичной, потери покупается выгода на длительном отрезке времени.

Народнохозяйственное значение ведущих отраслей не только в том, что таковые создают технически более производительную базу воспроизводства нижестоящих по вертикали отраслей, но и в том, что развитие ведущей отрасли создает одновременно предпосылки расширенного воспроизводства нижестоящих отраслей, создавая последним растущие рынки сбыта.

Таким образом, при „скачкообразном" пути развития общественного хозяйства отдельные „ведущие" его отрасли идут вперед форсированным темпом за счет прочих отраслей, подтягивая затем за собою весь комплекс связанных с ними отраслей на реконструированной базе расширенного воспроизводства, в связи с чем имеет место наибольший, при данных возможностях, рост производительности всего общественного труда в целом. При этом чем выше по вертикали ведущая отрасль, тем больше ее влияние на реконструкцию всего нижестоящего комплекса отраслей. Такой путь развития может иметь место лишь в волевом целеустремленном хозяйстве, ставящем задачу развития производительных сил для последующего роста жизненного уровня широких трудящихся масс. Поэтому капиталистическое хозяйство, движимое стимулом к превращению $Д$ в $Д_1$, как правило, также не может пойти по этому пути развития, как и не пойдет на нерентабельный экспорт (исключаем damping, „нормальный" и „валютный"). Нарушение „эволюционного" пути развития такого хозяйства обычно имеет место или путем концессий, т.-е. импорта капиталов, или в порядке организации государственных предприятий (тяжелая промышленность, железные дороги); особое значение имеет политика протекционизма.

Так как вложение капиталов в ведущие отрасли имеет место за счет нарушения межотраслевых пропорций, то возникает вопрос о границах, о пределах нарушения таких пропорций с точки зрения данного момента и последующего этапа хозяйственного равновесия.

Но каковы законы сопротивления „социально-экономической материи"?

С точки зрения данного момента абсолютный предел такого нарушения пропорций достигается тогда, когда повышенные против нормальных пропорций (с точки зрения абсолютного равновесия) вложения капиталов в ведущие отрасли нарушают общественно необходимый об'ем воспроизводства путем превращения в основной капитал текущих элементов воспроизводства, путем более или менее резкого отвлечения капиталов от прочих отраслей.

В этом случае товарный голод из фактора реконструкции диалектически становится фактором деградации, разрывая рыночные связи и приводя постепенно к установлению равновесия на пониженном уровне (неполная загрузка работающего основного капитала вследствие дефицита сырья, понижение товарности деревни как по зернохлебам, так и по сырью, усиление внутренней его переработки и т. д.).

С точки зрения последующего развития предел достигнут, когда новая комбинация производительных сил в меньшей мере

повышает производительность общественного труда, чем это могла бы сделать иная комбинация живого и мертвого труда, более приближающаяся к „естественным“ пропорциям. Последнее явление, между прочим, может иметь место тогда, когда: а) ведущие отрасли настолько отрываются от своего Hinterland'а, что длительное время принуждены работать с недогрузом вследствие недостатка „потребителей“; б) когда резко повышенный технический состав капитала „ведущих“ и прочих отраслей не компенсируется „комплексным“ эффектом капиталовложений в целом.

Конкретизуя первое положение, следует сказать, что товарный голод на средства производства не должен задерживать загрузку уже имеющихся основных капиталов или об'ем строительства, возможный по финансовым условиям; с другой же стороны, товарный голод на средства потребления не должен нарушать номинальных покупательских фондов населения или же задевать жизненные интересы широких трудящихся масс.

Но если в дальнейшем встает вопрос о подтягивании отстающих отраслей по уровню ведущих, о замыкании расширенных кругов воспроизводства, что связано с относительно большим вложением капиталов в отстающие отрасли, чем это имело место раньше, то не лучше ли с самого начала было бы итти сплошным выравненным фронтом всех отраслей народного хозяйства, развиваясь вдобавок в условиях рыночного равновесия? Безусловно нет, потому что замыкание расширенных кругов воспроизводства имеет место на базе более реальной комбинации производительных сил, чем это имело бы место при „эволюционном“ характере развития.

Нужно заметить, что в условиях развития дисгармонического хозяйства рост ведущих отраслей может иметь место, ориентируясь на уже существующие рынки сбыта, в порядке вытеснения с таковых импортной продукции.

Мы не останавливались еще на одном моменте: социальной персонификации производительных сил. Эволюционный характер развития воспроизводит в расширенном масштабе старую социальную структуру общества, старую систему производственных отношений. Это обстоятельство уже по чисто политическим соображениям далеко не безразлично.

Реконструкция производительных сил неминуемо должна проходить в обстановке не только рыночной, но и социальной напряженности. В наших условиях общехозяйственная напряженность усугубляется „плановыми“ просчетами, невежеством, конкурирующим с преступностью (см. на страницах наших газет вопросы капитального строительства и просто непониманием возможностей развития волевого планового хозяйства. Последнее об'ясняется тем, что этот путь развития противоречит законам развития стихийного общественного хозяйства, изложенным во всех учебниках политэкономии; об этом и твердит ряд экономистов, переносящих

методы развития стихийного хозяйства на экономику волевого целеустремленного хозяйства. По нашему мнению, сама возможность такой дискуссии об'ясняется в лучшем случае тем, что, к сожалению, для ряда экономистов, законы экономики переходного периода не изложены еще ни в одном учебнике, а в худшем — нежеланием понимать задачи пролетариата и содействовать их осуществлению.

Перейдем теперь к анализу конкретного материала.

Ровно год тому назад мы писали следующее:

„Характерною особенностью переживаемого хозяйственного периода является то обстоятельство, что на фоне высокой хозяйственной кон'юнктуры, в условиях расширенного воспроизводства народного хозяйства, мы наблюдаем явления так называемого „товарного голода“. Противоречат ли эти факты друг другу, или же находятся в известной связи? Каковы причины товарного голода; в какой мере они имеют временный характер и в какой органический? Эти вопросы вновь привлекают к себе внимание после памятной дискуссии в конце 1925 г. о диспропорции нашего хозяйства, инфляции и т. д.“

В настоящее время мы также не имеем единства экономической мысли в деле об'яснения причин и природы товарного голода:

1) одни об'ясняют товарный голод диспропорцией между сельским хозяйством и промышленностью (как будто бы эта диспропорция не существовала и в довоенное время);

2) другие — перманентной инфляцией, поскольку темп роста кредитно-денежного обращения обгонял в последние годы темп роста торгово-промышленного оборота (как будто бы рост денежной массы целиком определяет рост покупательных фондов населения и, срезав первую, можно срезать вторые);

3) третьи — интенсивным ростом капиталовложений, несоответствующим росту реального накопления; но в рамках народного дохода рост одного слагаемого может итти только за счет другого; если поэтому капиталовложения превышают „реальное“ накопление, то это значит, что мы инвестируем оборотные фонды (растущие, кстати, из года в год) и изымаем потребительские фонды населения (опять-таки растущие из года в год, благодаря росту зарплаты в городе и росту покупательных фондов деревни);

4) четвертые — интенсивным ростом капиталовложений при параллельном же росте потребления (но так как выпрыгнуть за пределы народного дохода нельзя, то теоретики этого рода благополучно скатываются к простейшему об'яснению явлений товарного голода „инфляционной“ гипотезой;

5) пятые — вложением капиталов в капиталоемкие виды строительства, не дающие быстрого материального эффекта (Днепрострой и пр.) — эта концепция недостаточна для об'яснения проблемы товарного голода в целом, так как для каждого данного момента одно

изменение направления капиталовложений не сможет ни уменьшить размера денежного спроса, ни увеличить товарного предложения;

6) шестые — нерентабельной политикой цен, поскольку цены строятся не на основе законов рынка, т.-е. сообразно балансу спроса и предложения, а на основе общей распределительной политики государства (этого рода теории совершенно плоски, так как задача в том и состоит, что нужно об'яснить — почему при данном уровне цен расходятся платежеспособный спрос и товарное предложение);

7) седьмые — считают товарный голод результатом плохого планирования, очевидно, полагая, что любое волевое изменение направления и темпов развития всегда может протекать в условиях рыночного благополучия; этого рода „плановики" совершенно безнадежны.

Наконец, большинство экономистов „об'ясняет" товарный голод простой тавтологией, когда видит его причины в расхождении платежеспособного спроса и товарного предложения.

Довоенная действительность не является для нас идеалом ни с точки зрения конструкции производительных сил, ни с точки зрения темпов развития, не говоря уже о моментах распределения. Но эта действительность за последние довоенные годы развивалась в условиях полного рыночного благополучия. Почему же мы должны расти в условиях товарного голода, почему не можем обеспечить в ближайшие же годы желаемого темпа и направления в условиях рыночного равновесия, если унаследовали старый производственный аппарат и если баланс спроса и предложения имеет место при повышенных против довоенного времени ценностных эквивалентах? (Последний момент в значительной мере имеет номинальный характер вследствие падения меновой стоимости золота.)

Остановимся детальнее на первой предпосылке.

Пореволюционное хозяйство оказалось целиком связанным с дореволюционным, поскольку оно восприняло производственный аппарат последнего с его мертвым и живым инвентарем, с его наукой и техникой, определенным кадром трудящихся определенной квалификации и т. д.,—аппарат, приспособленный к удовлетворению по об'ему и качеству старого общественного потребления, старому направлению развития, старым темпам роста.

Следует, однако, оговориться, что производственный инвентарь дореволюционного хозяйства далеко не целиком перешел к новой общественной формации вследствие отхода ряда районов довоенной империи, вследствие физического и морального износа и прямого разрушения в период империалистической и гражданской войны основного капитала в сельском хозяйстве, промышленности, транспорте, жилфонде и т. д., вследствие абсолютного уничтожения всяких резервов и материальных оборотных фондов, вследствие деформации трудящихся кадров населения (война, эпидемии, эмиграция и пр.), т.-е. физического и морального износа

и прямого уничтожения переменного капитала страны. Таким образом, в ряде элементов унаследованный инвентарь оказался или абсолютно меньше довоенного или относительно (на душу населения), являясь морально и физически изношенным в обоих случаях. В этот унаследованный инвентарь революция внесла ряд качественных коррективов, изменив структуру сельского хозяйства (уничтожение крупных хозяйств и нивелирование прочих хозяйств), структуру промышленности и т. д. Из этого нужно сделать вывод, что сохранение даже довоенного характера развития народного хозяйства упиралось бы в ряд узких мест: общий недостаток резервов, недостаточное производство чугуна, текстиля и пр., недостаток городского жилфонда, ряда квалифицированных рабочих и специалистов и т. д.

Но дело в том, что вследствие изменившихся производственных отношений, вследствие изменения общественно-политической формации пореволюционное хозяйство оказалось целиком отличным от дореволюционного: а) по характеру распределения народного дохода между потреблением и накоплением; б) по характеру социального распределения народнохозяйственного фонда потребления-т.-е. по об'ему и составу личного потребления общества, в) по характеру капитального строительства (межотраслевые пропорции и органический состав капитала). Очевидно, что эта коллизия между производственными возможностями общества и между характером общественного потребления в целом должна была проявиться в общей рыночной напряженности, являясь таким образом настоящей причиной товарного голода. Короче говоря, генеральная реконструкция всего народного хозяйства в результате революции и волевой перевод его из одной формации в другую (политика индустриализации)— вот основные причины товарного голода.

При этом, если в восстановительный период по преимуществу, т.-е. в период постепенной загрузки унаследованного основного капитала, решающим фактором рыночных диспропорций явилась реконструкция общественного потребления в целом, то в период реконструкции производства по преимуществу (начиная с 1926/27 хоз. года) решающий фактор рыночных диспропорций — политика капиталовложений.

Соответственно с этим мы с самого начала „восстановительного" периода имели потенциальные возможности товарного голода. Можно поэтому подвергнуть большому сомнению само понятие „восстановительного" процесса, поскольку путь к достижению довоенного уровня народного дохода есть путь сплошной реконструкции народного хозяйства. (О реконструкции нашего хозяйства говорит как факт различной степени „восстановления" отдельных элементов народного хозяйства, так и различный уровень роста рыночных цен на отдельные товары или же различная степень их дефицитности.)

Так как начало товарного голода имеет место фактически с конца 1925/26 хоз. года, то на первый взгляд кажется, что товарный голод в наших условиях является результатом недокапитализации, а отсюда почти всеобщего недопроизводства, вследствие того что к концу восстановительного периода, т.-е. к концу 1926/27 хоз. года, производительность труда в сельском хозяйстве (урожайность) и в ряде отраслей промышленности еще не достигла довоенного уровня, тогда как фонды зарплаты одних промрабочих (включая начисления) превысили довоенный уровень уже в 1926/27 г. почти на 30%, то же имеем в отношении фондов зарплаты для транспортных рабочих и потребительских фондов деревни (см. далее).[1]

Такой вывод является безусловно неправильным. Исчисления, произведенные комиссией по накоплению при НКФ СССР,[2] говорят, что удельный вес накопления в народном доходе СССР составлял в 1924/25 г. 9,5%, а в 1925/26 г. — 11,3% против довоенных 8 — 8,5%. Пользуясь инвентарным методом, на основе цифровых материалов контрольных цифр Госплана СССР[3] мы получили более высокие цифры как для 1924/25 и 1925/26 гг. так и для последующих двух лет. Так, чистый прирост основных и оборотных фондов (последние без сельского хозяйства) народного хозяйства составлял в 1925/26 г. 3.500 млн. руб., в 1926/27 г.—4.650 млн. руб. и в 1927/28 г.— 4.560 млн. руб., что дает в процентах к народному доходу кругло 16, 20 и 18%.[4] Иначе говоря, к концу восстановительного периода норма накопления в нашем хозяйстве превышала довоенную норму не менее чем в полтора раза, приближаясь к нормам накопления передовых капиталистических стран. Параллельный рост нормы накопления и фондов потребления широких трудящихся масс (рабочих и крестьян) в обоих случаях имел место за счет резкого сокращения массы непроизводительного потребления довоенной России (платежи по займам, доходы дворянско-капиталистически-помпадурских элементов и пр.) и в известной мере за счет срезывания доходов высококвалифицированных групп трудящихся, лиц свободных профессий и т. д. Что же касается ближайших лет, то по мере роста производительности труда в реконструируемой промышленности и сельском хозяйстве норма накопления в нашем хозяйстве может превысить норму в 20%, т.-е. норму С.-А.С.Ш.[5] (кстати сказать, производительность общественного труда в наших условиях будет превышать производительность общественного труда капиталистического хозяйства при равном техническом составе капитала того и другого вследствие одного факта общественной организации производства, как такового). Отсюда повышение коэфициента оборачиваемости материальных капиталов как в сфере производства, так и обращения до технически возможных пределов.[1]

[1] „Бюллетень Конъюнкт. института НКФ", № 12 за 1927 г.

[2] „Вестник Финансов", № 9 за 1927 г., Железнов, „Накопление в народном хозяйстве СССР".

[3] „Основные проблемы", стр. 172 — 211.

[4] Если сделать коррективы на запасы сельского хозяйства, то, несмотря на разницу в ценах (фонды взяты в ценах 1925/26 г., а народный доход — в ценах 1926/27 хоз. года), получим еще более высокие нормы накопления.

[5] Между прочим, запроектированные пятилеткой суммы капиталовложений смогут быть реализованы, несмотря на удвоение народного дохода (в неизменных ценах), только при условии повышения существующей нормы накопления не менее чем в полтора раза, т.-е. до 30%.

Но такое перераспределение народного дохода между потреблением и накоплением, имевшее место на относительно коротком отрезке времени, безусловно должно было привести к резкому изменению характера всего общественного потребления в целом, а следовательно, и к нарушению рыночных пропорций. В таком же направлении действовало и перераспределение общественного фонда потребления между отдельными группами населения.

Остановимся вначале на процессе реконструкции личного потребления городского населения. В силу резкого сокращения доходов нетрудовых элементов городов, а также общей нивелировки уровня жизни прочих групп населения — рабочих, служащих и лиц свободных профессий — потребление более квалифицированных предметов личного потребления (а следовательно, и спрос на них) должно было снизиться, и наоборот — потребление (а потому и спрос) товаров менее квалифицированных должно было увеличиться. Не вдаваясь в длинные статистические исследования, скажем, что в наших комиссионных магазинах ковры, картины, драгоценности и пр. предметы, вовсе не первой необходимости, расцениваются значительно дешевле их довоенной стоимости. Наоборот, увеличился спрос на такие пищевые продукты как яйца, масло, мясо, белый хлеб и пр., а также на шерсть, лучшие сорта бумажных тканей (традиционный „ситец" давно уже сдан в архив), лучшие сорта кожи и пр. Так, по данным государственной и ведомственной статистики (см. речь тов. Рыкова в „Экон. Жизни" от 22/II 1928 г.), потребление рабочих еще в 1926 г.

[1] Проблема темпа есть другая сторона проблемы производительности общественного труда („производительность труда — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя" (Ленин). При прочих равных условиях наша социально-экономическая система имеет следующие преимущества перед капиталистической в деле повышения производительности общественного труда: а) преимущество общественной организации производства (отсюда возможность более рационального географического разделения труда, более высокой оборачиваемости капиталов вследствие пониженной нормы резервов и облегчения всех процессов модификации стоимости T в $Д$ и T_1 в T_2 и т. д.); б) более высокая норма накопления вследствие снижения всех видов непроизводительных затрат; в) специфическая политика капиталовложений (ориентировка не на „рентабельность", а на производительность); г) принципиально иное взаимоотношение накопления и потребления (перманентное „узкое место" капитализма—рынок—не может явиться в наших условиях „проблемой"); д) более или менее радикальное устранение всех социально-исторических пережитков, мешающих развитию производительных сил; е) принципиально отличный характер всех „надстроек" и т. д.

сравнительно с довоенным временем характеризовалось такими изменениями: потребление пшеничной муки увеличилось на 67%, а ржаной — уменьшилось на 5%, потребление мяса увеличилось на 50%, а рыбы — уменьшилось на 36%, соответственно доля коровьего и постного масла + 25% и — 3%, одновременно увеличилось потребление одежды, белья и обуви на 15% и т. д. Очевидно, в 1927 и 1928 гг. этот процесс пошел еще дальше.

Аналогичный процесс имел место и в деревне. Это вытекает из того, что в деревне также имел место процесс нивелирования доходов сравнительно с довоенным временем (процесс „осереднячивания деревни) в результате нивелирования производственной базы крестьянства, при чем деревня в целом избавилась от ряда обязательных платежей, а самое главное — освободила ту часть своего дохода, которую она должна была тратить на покупку земли и аренду.[1] В результате этих процессов хроническое довоенное „недоедание" деревни резко сократилось: современная деревня, как и город, больше потребляет продуктов полеводства, животноводства, птицеводства и пр., чем довоенная. На реконструкцию потребления деревни имел влияние и такой факт, как уничтожение религиозных предрассудков — уничтожение постов. Этот процесс реконструкции и расширения потребления в значительной мере повлиял на уменьшение товарной продукции деревни. Так товарность сельского хозяйства до войны составляла 24% чистой продукции, а в 1927/28 г.— 16,9%, или другими цифрами — валовая продукция деревни достигла уже довоенного уровня, а товарная масса только 73%. (На уменьшение товарности сельского хозяйства, помимо указанной причины, влияли, конечно, и другие факторы: уничтожение крупных товарных хозяйств, недостаточная урожайность, рост деревенского населения и проч.). С другой стороны, повысился уровень потребления деревней промышленных товаров. По общему мнению, современная деревня пред'являет спрос на товары городского типа: городского покроя и качества обувь и одежду, городского типа мебель и проч.

Равновесие между спросом и предложением на рынках товаров личного потребления могло иметь место лишь при соответствующем перераспределении наличных производственных возможностей, когда измененное товарное предложение ответило бы измененному спросу по об'ему и качеству. Поскольку реконструкция сельскохозяйственного и промышленного производства, а также импорта, имела место не в должном размере, или вовсе не имела места, цены на одни товары выросли за пределы общего уровня цен (напр., цены на масло, яйца и проч.), другие же товары при твердых ценах должны были остаться в дефиците. Понятно, что степень дефицитности, как и степень роста цен, неодинакова для различных товаров. (Отсюда же,

[1] По данным комиссии СНК по изучению тяжести обложения населения СССР, современное обложение крестьянства почти в два раза меньше довоенных его платежей, включая платежи за землю.

между прочим недавно возникшая, но уже забытая проблема ассортимента, качества и пр.). Здесь нужно принять во внимание еще одну особенность нашего потребления за истекший ряд лет. Дело в том, что процесс реконструкции потребления имел место во время восстановления потребления. Иначе говоря, в этих условиях спрос на товары обусловливался не только качественно измененными нуждами амортизации (замена старых костюмов, обуви, мебели и пр. новыми) и потребностями „естественного" прироста этих благ, но и потребностями ликвидации запущенности, поскольку за время военного коммунизма все „обносились" и „отощали". Этот процесс восстановления потребления имел значение не с количественной, а с качественной точки зрения. Смешно думать, что в период восстановления больше покупали, чем в другие периоды; спрос определяется суммой денежных доходов, за которую нельзя выпрыгнуть, хотя бы все население не имело одежды, обуви и т. д. Восстановление потребления играло свою роль в деле установления качественных пропорций между спросом и предложением, поскольку оно так резко меняло структуру и характер спроса, что производство не успевало количественно и качественно приспособляться к изменяющемуся спросу. Отсюда резкие переходы от бестоварья к затовариванию, постоянная проблема ассортимента, качества и проч.

Конечно, реконструкция потребления росла с ростом доходов городского и сельского населения. Поэтому, при прочих равных условиях, в 1924/25 хоз. году мы имели относительно большое равновесие между спросом и предложением на рынках широкого потребления, нежели в 1926/27 г., так как характеру денежного спроса и потребления более соответствовала структура и величина производственных возможностей, унаследованных от довоенного периода. По мере же роста доходов населения росла и диспропорция между спросом и предложением в силу того, что существующая производственная структура по величине и характеру своей продукции не удовлетворяла величине и характеру растущего реконструированного потребления. При другом характере потребления, более отвечающем характеру существующих производственных возможностей, мы имели бы больше элементов рыночного равновесия.

Таким образом, нарушение равновесия на рынках широкого потребления есть результат резкой реконструкции потребления, которой не могла ответить такая же по об'ему и качественному составу продукция, поскольку реконструкция производства вообще требует более или менее длительного отрезка времени даже при общественно-необходимом характере капиталовложений. Между тем, процесс реконструкции производства средств потребления, как и вообще процесс количественного приспособления его к растущему об'ему измененного потребления, временно задерживается вследствие неизбежной и совершенно правильной политики капиталовложений,

ориентирующейся в первую очередь на развитие отраслей, производящих средства производства. Такое направление капиталовложений, диктуемое интересами индустриализации страны, безусловно не имело бы места в условиях стихийного менового хозяйства, где верховным регулятором хозяйственного развития является рынок. Руководствуясь принципом рентабельности, отдельные предприниматели направляли бы свои и чужие накопления в наиболее товарно-дефицитные отрасли производства (т.-е. в отрасли, продукция которых высоко расценивается рынком) и потому скоро наступило бы равновесие, купленное, однако, ценою понижения последующих темпов развития и ценою изменения самого направления развития.

Параллельно реконструкции личного потребления имела место и реконструкция капитального строительства в смысле изменения характера и направления вложений. Уже одно изменение структуры строительного куба против довоенного времени (вследствие изменения строительных конструкций и направления вложений) должно было создать такие же диспропорции на рынках стройматериалов, какие имели место на рынках товаров личного потребления. Эти диспропорции между спросом и предложением должны были усиливаться по мере роста общего об'ема капитального строительства, по мере приближения последнего к довоенному уровню. Поэтому, в 1926/27 хоз. году, в силу более раннего „восстановления" фондов личного потребления, мы имели более острый товарный голод на рынках товаров широкого потребления нежели на рынках стройматериалов. Но уже в 1927/28 г., когда об'ем строительства превысил об'ем 1926/27 г. на 19%, а довоенный об'ем более чем в полтора раза, острота товарного голода усилилась и на последних рынках. Кстати сказать, отсюда же „дефицит" на рынках строительных рабочих и повышенный спрос на строителя-специалиста. (Абсурдность „инфляционной" трактовки товарного голода видна уже из того, что для нас наиболее дефицитными элементами строительства является квалифицированная рабочая сила, в том числе и грамотные экономисты.)

Безусловно, что и на рынках товаров производственного потребления, как и на рынках товаров широкого потребления, мы имели даже излишнее обострение товарного дефицита вследствие нарушения пропорций между вложениями капиталов в отдельные отрасли промышленности, вертикально связанные друг с другом. Отсюда проблема сырья промышленного происхождения и напряженность на самом рынке стройматериалов. Своевременное вложение нескольких десятков миллионов рублей в строительную промышленность создало бы технические предпосылки (к имеющимся финансово-экономическим предпосылкам) для реализации строительных программ на сотни миллионов рублей. Нелепость чисто финансовой точки зрения — „об'ем капиталовложений превышает „реальное накопление" страны" — лучше всего видна на примере напряженности капитального строительства вследствие недостатка ... кирпичей, олифы, древесины, извести и проч., т.-е. тех материалов, производство которых требует относительно минимальных затрат капитала. Но более быстрое развитие вышестоящих по вертикали отраслей, чем нижестоящих, обусловливает дефицит и в более капиталоемких материалах; напр., развитие машиностроения упирается в недостаток чугуна, металлургии—в недостаток руды и т. д. Рыночное напряжение усиливается еще потому, что наивысшие по вертикали отрасли являются одновременно отраслями высокого органического состава капитала с отдаленным рыночным эффектом. С другой же стороны, продукция такого строительства требует для своей реализации новых вложений в нижестоящие по вертикали отрасли. Равновесие наступает на реконструированной базе производства лишь при замыкании всего производственного концентра; до этого же замыкания — рыночное напряжение.

Следует, однако, подчеркнуть, что при всей народнохозяйственной целесообразности перераспределения накопления в сторону промышленности и электрификации, а в первой — в сторону производства средств производства, такое перераспределение имело место иногда без достаточного внимания к интересам нижестоящих отраслей. Вследствие этого уже в 1927/28 хоз. году, помимо внутрипромышленных диспропорций, обнаружился ряд других нежелательных диспропорций, которые становятся настолько узким местом народного хозяйства, что угрожают его расширенному воспроизводству.

Одним из таких узких мест является сельское хозяйство.

Медленный путь мелкобуржуазного развития, по которому невозможно достаточно эффективно реконструировать сельское хозяйство, не был компенсирован ростом обобществленного сектора, с одной стороны, и достаточной машинизацией и химизацией бедняцко-середняцкого хозяйства, с другой. Последнее же имело место вследствие недостаточности вложений в совхозы и колхозы, недостаточности вложений в химическую промышленность и сложное сельскохозяйственное машиностроение, недостаточности вложений в различные мероприятия (ирригация, сортовое зерно и проч.) и т. д.

В безусловном минимуме оставалось экспортное строительство, несмотря на то, что импорт до сих пор является самым узким местом на пути индустриализации. Между тем, только импорт создает возможность генеральной реконструкции общественного хозяйства для отсталых стран, позволяя модифицировать общественную продукцию последних на качественно более высокую продукцию передовых стран.

Прежде чем перейти к анализу импорта, следует сказать, что совершенно вне сферы внимания оставалась до сих пор проблема дороги, несмотря на то, что на бездорожьи мы теряли и теряем очень много (в результате замедления скорости обращения материальных благ, в результате сокращения об'ема обращающихся благ, доро-

говизны транспортных издержек и проч.). Статистический материал контрольных цифр Госплана в достаточной мере подтверждает все вышеуказанные выводы, чем и исключается необходимость цифровых иллюстраций в нашей статье.[1]

Какие изменения произошли в структуре современного импорта? Общая стоимость довоенного импорта равнялась 1.220 млн. руб. (для 1913 г.), что составляло к народному доходу довоенной России (в современных границах) 7—8%.

Структура импорта была такова: промтовары производственного назначения составляли около 71%, а товары личного потребления около 29%. В связи с отходом ряда районов с развитой фабрично-заводской промышленностью, эти цифры подлежат некоторой корректировке. Вследствие подчинения импорта интересам индустриализации, производственная часть импорта за последние годы сильно увеличилась за счет сокращения потребительской части импорта. Доля товаров широкого потребления составляла в общей сумме импорта 23,7% в 1924/25 г.; 21,4% в 1925/26 г., 14,7% в 1926/27 г. и 16,7% в 1927/28 г.[2] Безусловно, эта реконструкция имела бы еще более резко выраженный характер, если бы мы сопоставили современный импорт с корректированным довоенным.

Это подчинение импорта интересам индустриализации диктуется еще и тем обстоятельством, что значительная часть довоенного импорта имеет потребительский характер. Дело в том, что благодаря росту потребления деревней и городом продуктов полеводства и животноводства экспорт этих товаров резко сократился (по зерну — на 79%, по яйцам на 65%, по маслу на 50% и т. д.), что в связи с увеличением внутреннего потребления отдельных видов экспортного сырья и проч. отразилось и на степени „восстановления“ импорта. Отсюда импорт в 1926/27 г. составил только 52,6% довоенного уровня, а в 1927/28 г. 69%. Подчинение импорта потребительским интересам срезало бы всякую возможность качественной трансформации наших накоплений. Во всяком случае при этом условии производственная часть импорта оказались бы резко уменьшенной даже против довоенного времени, когда направление капиталовложений не имело такого индустриализирующего значения как в настоящее время.

Отсюда исключительное значение монополии внешней торговли в деле реконструкции народного хозяйства, поскольку мы имеем возможность использовать более высокий уровень производительных сил капиталистических стран в интересах развития своих производительных сил. Именно поэтому нерентабельный экспорт имеет положительное народнохозяйственное значение, точно так же, как

[1] „Основные проблемы“, стр. 206—211.

[2] Г. М. Кржижановский, „Десять лет хозяйственного строительства“, стр. 82.

инвалюта представляет для нашего хозяйства качественно большую стоимость, чем ее паритет к червонцу.

Все указанные процессы резкого перераспределения народного дохода между потреблением и накоплением, реконструкции общественного потребления и т. д. протекали на сравнительно коротком отрезке времени и при более чем ослабленных резервах, что неминуемо должно было обострять рыночное напряжение, создавая, вместе с тем, обстановку повышенного финансового напряжения.[1] Нужно подчеркнуть, что резервы — одно из слабейших звеньев во всей нашей системе планирования. Отсутствие резервов к началу нэпа об'ясняется проеданием таковых в период военного коммунизма. В дальнейшем же подавляющая масса накопления шла в основной капитал и потому запасы за последние три года, при абсолютном росте даже относительно уменьшились (в %% к народному доходу). Детальный цифровой анализ, произведенный нами для Украины (см. „Хоз. Укр.“, № 10, стр. 44—66), приводит, напр., к следующим выводам. В лучшем положении находятся запасы средств производства промышленности (сырье, топливо, вспомогательный материал и проч.), составляющие около 3 мес. нормы (к производственному обороту); наоборот, запасы готового фабриката падают из года в год (90 дней в 1924/25 г. и 20 дней в 1927/28 г.), при чем торговые запасы не компенсируют этого падения, оставаясь и в рознице и в центральных звеньях на месячной норме (к обороту). Такие твердые нормы запасов держатся почти на одном уровне на протяжении года, независимо от сезонности и проч. Последним и об'ясняется дефицит и перебои в снабжении даже достаточными товарами и т. д. Оборотной стороной недостаточности народнохозяйственных резервов является, конечно, недостаток денежных резервов, а поэтому и перманентное финансовое и кассовое напряжение торговли, промышленности, бюджета и кредитной системы. Поэтому вышеприведенную характеристику финансовой напряженности (см. теоретический раздел нашей статьи) целиком можно приложить к нашей действительности.

И, last not least, одним из факторов нашего хозяйственного напряжения является „плановая“ безграмотность. Лишенные регуляторов стихийного хозяйства, развиваясь вопреки этим регуляторам, мы не имеем достаточных кадров экономистов плановиков; отсюда бесконечные „плановые просчеты“, „неувязки“, оперативные ошибки и просто головотяпство.

Чем обусловливались, напр., хозяйственные затруднения конца 1926/27 г. и начала 1927/28 г., потребовавшие применения ряда экстренных мероприятий? Почти одновременным: 1) интенсивным развитием капитального строительства на сотни миллионов рублей на протяже-

[1] Так, отношение строительства к народному доходу повысилось с 11,7% в 1925/26 г. до 15,2% в 1927/28 г.; соответственно для бюджета нетто — 13,8% и 21,0% и т. д.

нии нескольких месяцев (отсюда диспропорции на рынках стройматериалов); 2) проведенным в IV квартале десятипроцентным снижением промышленных цен, что резко увеличило реальную покупательную способность населения; 3) параллельным ростом номинальной зарплаты промышленных рабочих, а также ростом фондов зарплаты строительных рабочих; 4) сезонным развитием эмиссии, авансирующей сел.-хоз. заготовки; 5) действием внеэкономических факторов; 6) сезонным ослаблением работы промышленности и т. д.

При ином, календарном распределении этих процессов мы имели бы менее напряженную кон'юнктуру.

Теперь стоит вопрос: могло бы наше хозяйство при существующих об'емах потребления и накопления иметь в ближайший отрезок времени достаточное рыночное равновесие, могло бы оно развиваться в условиях рыночного благополучия и если да, то какою ценой? (Проблема импорта капиталов не принимается нами во внимание.)

Когда ряд экономистов утверждает, что наши капиталовложения не отвечают капиталонакоплению, то поверхностность этого вывода более, чем очевидна. Существующий об'ем накопления, превышающий об'ем довоенного накопления, целиком отвечает об'ему капиталовложений. По крайней мере, никто еще не доказал, будто в итог последних трех лет хозяйственного развития мы ежегодно конфисковали путем высоких цен потребительские фонды населения, задерживали рост фондов зарплаты и инвестировали оборотные фонды народного хозяйства, а все эти явления всегда сопровождают капитальное строительство, если его об'ем превышает об'ем накоплений.

Действительная причина товарного голода — политика капиталовложений, подчиненная интересам индустриализации страны, а также генеральная реконструкция общественного потребления в результате революции.

Еще в январе прошлого года мы писали:

„По существу перспектива такова: или сильно понизить темп индустриализации за счет интересов сегодняшнего дня; создать временное потребительское благополучие за счет роста производительных сил; накопить больше резервов за счет уменьшения оборачиваемости капиталов, т.-е. за счет темпа воспроизводства, для того, чтобы иметь „спокойную" кон'юнктуру, или итти по пути, который позволит в короткий ряд лет превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, что только и создаст возможность уничтожить безработицу, повысить уровень жизни трудящихся и ликвидирует, в конечном итоге, и самый товарный голод. Выбор сделан: мы идем по второму пути. Вся соль теперь в текущей кон'юнктурной политике, которая должна сделать этот путь относительно устойчивым" (см. нашу статью в „Укр. Эконом." от 27/I 1928 г.).

Итак, громадное преимущество нашего хозяйства перед стихийным в том, что ценою временного качественного недопотребления, ценою временного замедления темпа роста общей массы народного

дохода, ценою относительно замедленного вовлечения в производство рабочей силы, ценою хозяйственного напряжения покупается возможность резкого темпа роста производительности общественного труда в целом.

Равновесие следует искать на расширенном базисе, который только и создает предпосылки длительного последующего равновесия.

Как уже указывалось, пореволюционное хозяйство получило старый производственный аппарат не только в техническом смысле — старое оборудование, устарелая квалификация рабочих и специалистов и проч., но, что самое главное, старый аппарат в смысле приспособления его к старым рыночным потребностям, старым темпам роста и направлению этого роста. Изменение последних моментов как бы встречает об'ективизированный, оматериализированный протест побежденных социальных групп, протест старых производительных сил, служивших старой социальной структуре. Отсюда плата за реконструкцию. Кстати сказать, дороговизна нашего капитального строительства есть тоже своего рода плата за реконструкцию, поскольку мы строим модернизированные предприятия, электростанции и проч., которым не отвечает своей квалификацией унаследованный старый строительный аппарат. Отсюда анекдотические примеры строительства, где невежество вполне конкурирует с преступностью. Но если нам суждено итти этим путем, то почему развитие всех хозяйственных процессов имеет место в условиях товарного голода, а не в условиях дороговизны; не в условиях рыночного равновесия, хотя бы на основе высоких цен. Почему сдается в архив баланс спроса и предложения на основе ценностных факторов (вообще же за определенный отрезок времени спрос и предложение всегда балансируются)?

Ведь политика „рентабельных" цен не только „успокоила" бы рынок, выравняв спрос и предложение, но как будто бы увеличила и фонд накопления за счет срезывания потребительских фондов. Вряд ли это так; вернее, совсем не так.

Не приходится долго доказывать, что рост цен в данный период привел бы к народнохозяйственному кризису. Но независимо от условий данного момента, развитие при твердых или даже снижающихся ценах больше отвечает характеру экономики переходного периода, чем развитие при стихийном уровне цен. С точки зрения интересов широких трудящихся масс далеко не безразлично — иметь ли товарный дефицит при твердых ценах или равновесие при высоких ценах. Товарный голод при твердых ценах не конфискует покупательских фондов населения, что было бы возможно при условии высоких цен, а лишь модифицирует возможную структуру потребления Оставляя в стороне социально-классовые моменты политики цен, нужно сказать, что и с чисто экономической точки зрения, с точки зрения роста производительных сил, развитие нашего хозяйства, при

стихийных ценах, шло бы меньшими темпами, так как рост цен каждый раз срывал бы об'ем хозяйственных связей гораздо резче, чем это может сделать товарный голод. С другой же стороны, расширенный выход продукции гораздо скорее сможет оздоровить рынок путем ослабления товарного голода, чем путем обратного снижения повышенных перед этим цен. Цены в наших условиях опережают реальное равновесие спроса и предложения; это подвижной лимит, к которому мы идем путем расширенного промышленного воспроизводства; точно так же, как установленный паритет червонца к инвалюте есть второй подвижной лимит в этом смысле (приближение к мирово-хозяйственному уровню цен по мере приближения к мировой производительности труда).

Вполне понятно поэтому своеобразие денежной системы в условиях товарного голода. Отражая не реальное соотношение спроса и предложения, а волевую установку государства в деле ценообразования, валюта приобретает элементы „хартальности", становясь счетной единицей. С другой стороны, это—лимит будущего хозяйственного равновесия, к которому нужно итти путем расширенного воспроизводства при одновременном росте производительности общественного труда. Как понимать поэтому защитников „твердой" валюты? Только в одном смысле: в смысле резкого изменения характера рыночных связей, в смысле сближения рыночного спроса и предложения на пониженном уровне воспроизводства и пониженной производительности труда, в смысле ослабления политики индустриализации.[1]

Странно, однако, только то, что некоторые экономисты допускают возможность волевого регулирования паритета к инвалюте (против фактов нельзя ведь итти: пример активной девизной политики австрийцев), не допуская, вместе с тем, возможности волевого регулирования денежного обращения внутри страны.

В какой мере уже окупились „издержки индустриализации"? Реконструирована ли уже производственная база? Созданы ли предпосылки такого повышения производительности общественного труда, когда мы имели бы возможность нагнать и перегнать С.-А.С.Ш.? Нам кажется, что мы имеем более чем недостаточный срок для того, чтобы действительность смогла бы дать окончательный ответ на эти вопросы. Товарный голод имеет только $2^1/_2$-летнюю давность; совсем ведь недавно ряд экономистов упражнялся в писании статей о затоваривании и пр.

Таким образом, период реконструкции более чем короток, при чем ряд об'ектов строительства находится в процессе стройки. Эффект капитального строительства, купленного ценою товарного голода, скажется лишь во втором пятилетии, так как лишь к концу первой пятилетки будут закончены главнейшие работы (новые электростанции, заводы и пр.) и подтянуто все народное хозяйство по уровню „ведущих" отраслей.

[1] „Da ist der Hund begraben".

Это, конечно, не значит, что теперешняя острота товарного голода не будет и не должна быть смягчена в наикратчайший период. Нужно необычайно резко подчеркнуть, что „издержки индустриализации" смогут дать свой народнохозяйственный эффект только при условии технически целесообразной проектировки отдельных видов капитального строительства и при условии достаточных темпов роста качественных показателей работы ведущих отраслей. Ведущие отрасли будут камнем на шее всего народного хозяйства, если не дадут ожидаемого от них эффекта. Между тем, страницы наших газет буквально вопиют о всех недочетах капитального строительства. Отсюда такие курьезы, когда себестоимость продукции механизованного производства стоит дороже себестоимости немеханизованного производства. Но дело далеко не в одной технически совершенной реализации строительства. Повторяем, технически совершенное выполнение капитального строительства только тогда даст свой эффект, когда сами проекты строительства будут проектироваться с учетом оптимальной количественной и качественной эффективности на каждый затраченный рубль капитала.

В какой мере соблюдаются у нас все эти условия, если беспроектное строительство до сих пор являлось правилом, а не исключением; если запроектированная стоимость строительства по мере хода строительства удваивалась и даже утраивалась? Но даже при условии строительства по проектам, действительно ли были всегда учтены критерии чистой продукции и прибавочной продукции, т.-е. критерии количественной и качественной эффективности капиталовложений с линейной точки зрения (с точки зрения данной отрасли, данного предприятия) и с комплексной точки зрения (с точки зрения эффекта вложений одной отрасли на производительность труда других отраслей)? А в какой мере учитывались вопросы межотраслевых пропорций и вопросы равновесия (относительного, конечно)?

В какой мере, на все эти вопросы отвечает пятилетка?

Мы ставим эти вопросы не для того, чтобы посеять сомнения, а для того, чтобы приковать все общественное внимание к этим кардинальным проблемам нашей экономики, для того, чтобы заставить десять раз отмерить при проектировках строительства и один раз резать, а не наоборот.

Подводя итоги, ставим старый вопрос в новой постановке: не являются ли наши выводы об издержках товарного голода, о „скачкообразном" характере развития апологией действительности, о которой обыватель, имеющий историческую перспективу не в 5—10 лет, а в 5—10 дней (очереди!), отзывается далеко не лестно? Вышеизложенные соображения в первом разделе нашей статьи дают соответствующий ответ на эти вопросы, а логика ведь

обязывает. Для любителей же фактов мы ставим контр-вопрос: оправдала ли себя политика протекционизма? Кое-каким экономистам не вредно вспомнить, как фритредеры защищали от протекционистов выгодное для потребителя, выгодное для народного хозяйства в данный короткий отрезок времени международное разделение труда.

Как будто действительность оправдала протекционистов. Так вот, с нашей точки зрения, политика товарного голода есть логически доведенная до конца политика протекционизма, регулирующая не только об'ем связей потребителя с внешним рынком, но и с внутренним рынком (путем соответствующей политики капиталовложений). Наоборот, с нашей точки зрения, апологетами абстрактной мысли являются те экономисты, которые абстрактные законы политэкономии, нигде и никогда не действовавшие в своей чистоте (ср. доводы Фр. Листа), а всегда подвергавшиеся корректировке человеческой волей в тех или других интересах,—делают прокрустовым ложем для живой реальности. Фетишизируя абстракции политэкономии, напр., самый реакционный для нас в своей абстракции закон стоимости, эти апологеты забывают, что категории политэкономии есть общественные отношения, которые тем более принимают для общества форму закона, т.-е. об'ективного регулятора, чем более стихийны производственные отношения, чем слабее планово-волевое начало. Апологеты абстрактных категорий политэкономии уподобляются тем физикам, которые отрицали бы возможность авиации, исходя из абстрактных законов падения тела (в абстрактном безвоздушном пространстве).

Поэтому дискуссия должна была бы стоять не в плоскости—оправдывает ли себя политика товарного голода, а в плоскости—каковы конкретные пределы, каковы конкретные границы волевого влияния нашего планового начала на нашу экономику; каковы, далее, критерии терпимости и экономической целесообразности той или другой степени товарного голода и т. д. Но такова уж судьба экономии, где само определение закономерностей приобретает политический характер.

Не приходится доказывать, что в наших условиях развитие народного хозяйства эволюционным порядком было бы связано с наибольшим благоприятствованием интересам деревенской и мелкой городской буржуазии... Закон жизни: все живое рождается в муках. Муки родов капиталистического хозяйства продолжались десятилетия; развитие производительных сил капитализма покупалось ценою вырождения и обнищания отдельных социальных групп и даже народов. Развитие молодого социалистического хозяйства покупается как будто более дешевою ценою—ценою товарного голода на коротком исторически отрезке времени, при чем жизненные интересы широких трудящихся масс покупаются ценою вырождения... городской и сельской буржуазии, которой политика „скачкообразного" роста заказывает пути развития. Однако опасно было бы делать обратный вывод—чем больше напряжение, тем больше реконструкция.

Точно также, если кредитно-финансовое напряжение в результате недостатка резервов приводит к замораживанию кредитную систему, а отсюда один шаг к инфляции, то и здесь—нарушение указанных пределов. Лишенные регуляторов стихийного хозяйства, мы должны усилить плановое начало, а также роль и значение кон'юнктурной политики. Накопление известного минимума маневренных резервов должно создать об'ективные предпосылки планирования.

Речь идет о создании того минимума резервов, который гарантировал бы относительную бескризисность расширенного воспроизводства. Повторяем: наличие определенных норм резервов обязательно как для хозяйства, развивающегося в условиях рыночного равновесия, так и для хозяйства, развивающегося в условиях товарного голода.

Особое значение должно иметь усиление обобществленного сектора торговли, поскольку в условиях товарного голода и регулируемых цен торговый аппарат должен быть не чем иным, как аппаратом планового распределения товарных благ. На моментах кон'юнктурной политики в условиях товарного голода остановимся в другой раз.

От редакции. Статья тов. Акуленко печатается в порядке обсуждения.

М. Кауфман

Итоги и перспективы внешней торговли

(К перспективному плану по внешней торговле)

I

Внешняя торговля СССР формально возобновилась в апреле 1920 г. Первые годы проходили в условиях непосредственного послевоенного периода, когда промышленность, сельское хозяйство и другие отрасли народного хозяйства начали еще только восстанавливаться. 1921 год к тому же еще ознаменовался тяжелым недородом, который отразился на положении всего народного хозяйства. При низкой восстановленности главнейших отраслей народного хозяйства экспорт не мог развиваться, потребности же в импорте были чрезвычайно велики. Промышленность еще так слабо работала, что приходилось ввозить из-за границы предметы широкого потребления, оборудование для транспорта, сел.-хоз. машины. Ввоз этих товаров, в силу почти полного отсутствия экспортных ресурсов, оплачивался из золотого фонда республики.

Только в 1923/24 г., когда селькое хозяйство и промышленность оправились от послевоенной разрухи, импорт начал оплачиваться за счет выручки от экспорта.

В 1923/24 г. экспорт впервые достиг относительно высокой цифры. Если в 1922 г. вывоз по довоенным ценам дал лишь 81,6 млн. руб., в 1923 г. — 205,8 млн. руб., — то в 1923/24 г. он достиг цифры в 269,1 млн. руб. по довоенным ценам, а в современных ценах — 522,6 млн. руб.

Резкое изменение, происшедшее в результате Октябрьской революции во всей системе народного хозяйства, и изменения социально-политического порядка отразились на направлении советской внешней торговли.

В довоенное время огромную роль в развитии народного хозяйства играл иностранный капитал. С 1890 по 1900 гг. инвестиция иностранного капитила составляла 696,3 млн. руб. Следующий период — с 1900 по 1915 гг. — инвестиция дает 1.294,9 млн. руб. Инвестиция иностранного капитала осуществлялась в виде импорта товаров. Свободное проникновение иностранного капитала облегчало развитие внешнеторгового оборота. Импорт не зависел в такой мере, как сейчас, от экспорта, хотя и в довоенное время экспорт в конечном счете являлся главнейшим источником оплаты импортных товаров. Россия не принадлежала к числу стран с невидимым экспортом. Она не получала доходов от торгового флота, или доходов от помещения за границей капиталов, или от страховых операций. Наоборот, помимо импорта, стране приходилось оплачивать дорогостоящие расходы по ведению войн, расходы русских туристов за границей и др.

Актив по торговому балансу целиком шел на оплату всех этих непроизводительных расходов. За двадцатилетие до войны активное сальдо по торговому балансу достигало громадной суммы в 4.615 млн. руб. Несмотря на столь значительные размеры этого актива, он не покрывал платежей России за границей. Для их покрытия приходилось прибегать время от времени к займам. Таким образом, экспорт являлся главнейшей основой платежного баланса России. Царское правительство было вынуждено форсировать экспорт во что бы то ни стало и не столько для покрытия производственных потребностей страны, сколько в силу необходимости оплачивать свои внешние обязательства.

Главнейшим источником экспортных ресурсов являлось сельское хозяйство; оно давало почти 80% всего вывоза, при чем главное место в этом вывозе занимали хлебопродукты, на долю которых приходилось 50%.

За последние довоенные 14 лет вывоз хлебопродуктов развивался следующим образом:

Экспорт хлебопродуктов (в млн. тонн)

Годы	Абсол.	В %%
1896 — 1900	7,4	100,0
1901 — 1905	10,14	137,1
1906 — 1910	10,25	137,5
1911 — 1913	12,1	162,8

Однако, несмотря на столь значительное развитие хлебоэкспорта, удельный вес его в начале XX столетия во всем хлебном товарообороте начал сокращаться. Статистика перевозок 4 главных хлебов по железным дорогам показывает на увеличение роли внутреннего рынка. В среднем за пятилетие 1876 — 1880 гг. на экспорт направлено 57,2% всех перевозок хлеба по железным дорогам. В 1901 — 1905 гг. — 56%, в 1906 — 1910 гг. — 51,6%, в 1911 — 1913 гг. — 49%. Сокращение роли хлебопродуктов сопровождалось повышением удельного веса продуктов животноводства и птицеводства и повышением роли промышленных товаров.

За последнее довоенное двадцатипятилетие экспорт хлебопродуктов по ценности возрос на 80%, в то время как экспорт продуктов животноводства увеличился на 263%, экспорт технических культур — на 26,2% и экспорт продуктов звероловства — на 236,7%. Экспорт промышленных товаров начал обгонять по темпу своего роста вывоз с.-х. товаров, при чем в этой группе удельный вес экспорта

тяжелой индустрии превышал удельный вес легкой индустрии, продукция последней направлялась, главным образом, в восточные страны.

Сопоставление движения сел.-хоз. и промышленного экспорта показывает, что последний обгонял вывоз сел.-хоз. товаров:

Годы	Сел.-хоз. экспорт	Пром. экспорт
1887—1890	100,0	100,0
1891—1895	86,3	90,0
1896—1900	92,4	114,7
1901—1905	124,9	153,3
1906—1910	151,8	229,4
1911—1913	195,1	291,2

В то время как сел.-хоз. экспорт увеличился за 25 лет, примерно, в два раза, промышленный экспорт вырос в три раза. Доля промышленного экспорта в довоенный период начинала постепенно увеличиваться. В 1901—1905 гг. удельный вес промышленного экспорта составил 22,9%, на сел.-хоз. экспорт приходилось 77,1%. В следующем пятилетии промышленный экспорт дал 26,7%, в 1911—1913 гг. доля его составляла уже 27,4%, тогда как сел.-хоз. экспорт составлял 72,6%. При всем том хлебопродукты все еще продолжали занимать 50% всего вывоза. Вывоз хлебопродуктов искусственно форсировался. Путем соответствующей налоговой политики царское правительство понуждало крестьянство выбрасывать огромную массу хлеба на рынок, несмотря на далеко неполное удовлетворение потребностей сельского населения. Впрочем, это относится не только к хлебопродуктам, но и к другим предметам питания — молоку, яйцам. Царское правительство в хлебном экспорте видело главную опору своей политики активизации торгового баланса. Можно установить определенную зависимость между размерами хлебного вывоза и активным сальдо торгового баланса.

Понижение хлебного экспорта отражалось на активности торгового баланса в сторону его снижения. Если исключить хлебопродукты, то торговый баланс, особенно за последние годы перед войной, дает пассив, и довольно крупный. Мы уже указывали выше, что валютная выручка, получаемая от экспорта, использовалась в довоенное время, с народнохозяйственной точки зрения, непроизводительно. Структура импорта наглядно об этом свидетельствует:

	1904/05 г.	1906—1910 гг.	1911—1913 гг.
Ввоз предметов личного потребл.	43,8	46,4	44,1
Производственный ввоз	56,2	53,6	55,9
	100,0	100,0	100,0

Хотя с развитием промышленности доля производственного ввоза повышалась, однако, до войны потребительские товары все еще занимали значительную часть импорта. Так, из общего ввоза в 1.374 млн. руб. в 1913 г. на ввоз предметов потребления приходилось 395,1 млн. руб., что составляет 28,7%. Почти 400 млн. рублей тратилось на ввоз потребительских товаров. Ввоз таких товаров, как вино, кофе, фрукты, консервы, дорогие текстильные изделия и проч. предметы роскоши, поглощали большие суммы. Зависимость нашего хозяйства от мирового в довоенное время была весьма значительна. В области машиностроения, электротехнической и химической промышленности иностранные государства являлись главнейшими поставщиками. Собственная промышленность в этих отраслях находилась в зачаточном состоянии. Сырье также ввозилось в значительных размерах из-за границы. Весь ввоз по группе сырья в 1913 г. составил 373,9 млн. руб. На огромную сумму из-за границы ввозился хлопок, шерсть, металлы черные и цветные, кожсырье и пр. Несмотря на то, что Россия располагала всеми возможностями наладить собственное сырьевое хозяйство в такой степени, чтобы сократить свою зависимость от мировых рынков, содействие этой отрасли хозяйства со стороны правительственных органов не оказывалось. Нерациональное направление импорта, непроизводительное использование валютных ресурсов страны приводили к тому, что Россия в главнейших отраслях народного хозяйства находилась почти в полной зависимости от иностранных государств. На ряду с этим, техническая отсталость нашего сельского хозяйства и слабое развитие промышленного экспорта приводили к тому, что Россия увеличивала свой экспорт не столько за счет улучшения качества экспорта, сколько за счет количественного роста. Так как экспорт главнейших отраслей находился в руках иностранных фирм, последние были заинтересованы в низком качестве вывозимых товаров. Всем известно, что наши хлебопродукты вывозились в чрезвычайно засоренном виде, затем очищались за границей и продавались по повышенным ценам. Известно также низкое качество вывозимых яиц, масла и других сел.-хоз. продуктов. Все это приводило к недостаточной валютной эффективности нашего сел.-хоз. экспорта. Если брать ценностные показатели, то темп импорта в довоенный период превышал темп роста вывоза, что видно из следующей таблицы (в тыс. руб.):

Годы	Экспорт	%%	Импорт	%%
1887—1890	721.689	100,0	406.098	100,0
1891—1895	628.003	87,0	460.106	113,3
1896—1900	698.254	96,8	607.969	149,7
1901—1905	941.359	130,5	632.147	155,7
1906—1910	1.204.581	166,9	910.299	224,2
1911—1913	1.543.447	213,9	1.235.829	304,3

Обладая огромными естественными богатствами, Россия занимала незначительное место в мировом товарообороте. На ее долю приходилось в 1901—1905 гг. 3,32% в мировом товарообороте, в 1906—1910 гг.—3,44%, в 1911—1913 гг.—3,64% и в 1913 г.—3,69%. Если брать Россию в границах СССР, то эта доля снизится до 3,4%.[1]

[1] И. Ламбров, „Международная торговля до войны и в послевоенные годы".

Главнейшее место во внешней торговле России занимали европейские страны; на их долю в русском вывозе в 1913 г. приходилось 84,2%, а по привозу — 85,7%. Германия занимала по вывозу 29,4%, по привозу — 47,5%. Второе место приходилось на Великобританию, которая по вывозу занимала 17,8% и по привозу — 19,6%; на восточные страны по вывозу приходилось 8,7%, а по привозу — 11,5%. Что касается Соед. Штатов, то в экспорте они почти никакой роли не играли, а в импорте занимали лишь 5,8%.

II

Развитие советской внешней торговли началось с 1923/24 г. Ее развертываие по годам истекшего пятилетия шло следующим образом:

Годы	Экспорт	Импорт
1923/1924	522.635	439.372
1924/1925	558.632	723.501
1925/1926	676.620	756.332
1926/1927	770.543	712.691
1927/1928	773.915	944.705

т.-е. за пять лет экспорт достиг 3,3 мрд. руб., а импорт 3,5 мрд. руб. Как видоизменяется характер экспорта за это пятилетие, можно видеть из таблицы на 81 стр. (в тыс. руб.).

В 1924/25 и 1927/28 гг. экспорт оставался стабильным. Недостаточное развитие экспорта за эти годы об'ясняется резким сокращением хлебного вывоза. Хлебный экспорт в 1923/24 г. составил 223,5 млн. руб., в следующем году он снизился до 103 млн. руб.; в 1925/26 г. он опять поднялся до 198,4 млн. руб., а в 1926/27 г. возрос до 224 млн. руб.; в 1927/28 г. вывоз хлебопродуктов составил лишь 56,5 млн. руб. Продукция зернового хозяйства отстает от других отраслей сельского хозяйства и в результате для экспорта не остается излишков. Так как советская экспортная политика в противоположность довоенному времени допускает вывоз лишь после удовлетворения внутренних потребностей, то недостаточность продукции зернового хозяйства сказывается раньше всего на экспорте. Население увеличилось по сравнению с довоенным временем на 8%, между тем валовая продукция зерновых культур остается ниже довоенной. Так как вывоз и других сел.-хоз. продуктов, таких, как масло, яйца, лен, отстает по сравнению с довоенным временем, то в результате мы имеем общую отсталость нашего сел.-хоз. вывоза (см. табл. на 82 стр.).

Наиболее отсталой является группа хлебопродуктов, затем лен, масло и яйца. На ряду с этим вывоз некоторых сел.-хоз. товаров превысил довоенный уровень; промышленный экспорт в целом перешагнул далеко за довоенную грань, однако, помимо нефтепродуктов и так называемой группы „прочие", вывоз остальных товаров отстает еще от довоенного времени. Успехи промышленного экспорта об'ясняются тем, что промышленность вообще идет впереди сельского хозяйства по темпу своего развития, и в этой области регулирующее воздействие государства сказывается во всей своей силе.

Статьи	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
А. Сел.-хоз. вывоз						
Хлебопродукты	654.422	223.532	102.941	198.143	233.719	56.596
В том числе:						
Хлеб	594.501	191.977	52.456	160.103	207.192	38.953
Жмыхи	38.687	20.821	26.450	24.047	22.695	16.918
Семена масл.	21.234	10.734	24.035	13.993	3.832	725
Масло	71.558	26.493	27.579	30.873	34.236	39.155
Яйца	90.646	13.403	25.657	23.649	28.954	40.462
Лен и кудель	94.189	23.282	52.447	45.434	20.080	21.275
Пенька и пакля	22.870	2.025	3.872	2.159	1.907	3.350
Щетина	8.088	3.857	15.277	10.279	6.711	6.587
Конволос	3.088	1.649	1.899	1.886	2.259	2.434
Пушнина	21.073	49.729	67.268	69.292	86.103	119.210
Прочие	155.957	20.387	46.674	49.971	57.812	93.247
Весь сел.-хоз. вывоз	1.121.891	364.357	343.614	431.686	471.481	382.316
% второст. с.-х. товаров ко всему с.-х. вывозу	13,9	5,6	13,6	11,6	12,3	24,4
Б. Промышл. экспорт						
Лесоматер.	164.930	70.436	72.792	58.245	79.777	92.663
Нефтепродук.	50.086	37.345	66.612	75.969	89.213	106.987
Марг. руда	14.575	14.366	17.891	21.285	24.090	13.752
Железн.	3.048	66	1.743	1.383	4.215	4.527
Сахар	27.559	6.560	13.964	18.962	31.195	34.269
Ткани хлопч.-бум.	43.895	918	5.214	14.725	20.919	49.376
Прочие	94.150	28.587	36.802	54.365	49.653	90.025
Весь промышл.экспорт.	398.243	158.278	215.018	244.934	229.062	391.599
% второст. экспорта ко всему пром. экспорту.	23,6	18,1	17,1	22,2	16,6	23,0
Весь экспорт	1.520.134	522.635	558.632	676.620	770.543	773.915

Итак, с 1923/24 г. по 1927/28 г. общий экспорт увеличился на 46,5%. Темп роста при все еще невосстановленном экспорте следует признать недостаточным. Экспорт хлебопродуктов, если брать 1923/24 — 1927/28 гг., резко сократился (23,6%). Экспорт масла в 1927/28 г. составил 148,7% по отношению к 1923/24 г. Экспорт яиц — 301,4%, экспорт льна составляет 91,3%. Целый ряд других сельскохозяйственных продуктов дает значительный рост. Так, например, в 1923/24 г. птицы битой вывозилось всего лишь на 557 тыс. руб., а в 1927/28 г. — на 10.569 тыс. руб. Мясопродукты в 1923/24 г. почти не вывозились, так как экспорт не был налажен, а в 1927/28 г. экспорт их составил 16.093 тыс. руб. Экспорт кишек и желудков в 1923/24 г. составил 1 млн. руб., а в 1927/28 г. уже 10.659 тыс. руб. Чрезвычайно благоприятно развивался экспорт пушнины: в 1923/24 г. было вывезено на 46.440 тыс. руб., в истекшем году вывоз достиг суммы в 119 млн. руб., за исключением одинна-

	1927/28 г. в тыс. руб. по довоен. ценам	1927/28 г. в % к 1913 г.
Сел.-хоз. экспорт		
Хлебопродукты	36,0	5,1
В том числе хлеб	25,3	3,9
Жмыхи	10,3	30,6
Семена	0,4	2,0
Масло	30,1	54,3
Яйца	36,9	53,7
Лен и кудель	8,0	12,8
Пушнина	38,6	164,3
Мясопродукт	14,9	163,7
Прочие	64,8	45,8
Весь сел.-хоз. экспорт	229,3	21,7
Промышл. экспорт		
Лесоматериал	72,1	85,2
Нефтепродукты	158,8	433,0
Марганцевая руда	6,2	63,9
Сахар	24,9	71,6
Ткани	30,8	95,1
Прочие	68,0	129,0
Весь промышл. экспорт	360,8	143,8
Весь экспорт	590,1	45,1

дцати товаров экспорт по прочим сельскохозяйственным товарам в первом из указанных лет составил всего 15.552 тыс. руб., а в 1927/28 г. уже 45.784 тыс. руб. Весь сел.-хоз. экспорт, если брать его вместе с хлебом, дает рост лишь на 5%. Однако, если исключить хлебопродукты, мы получим следующие цифры:

	1923/24 г.	1927/28 г.
Весь сел.-хоз. экспорт (в тыс. руб.)	364.357	382.316
Без хлеба	140.825	343.363

За исключением хлебопродуктов экспорт всех остальных сельскохозяйственных товаров увеличился на 143%. Промышленный экспорт дает несколько больший коэфициент роста. В 1923/24 г. весь промышленный экспорт составил 158.278 тыс. руб., а в 1927/28 г.— 391.599 тыс. руб., т.-е. он вырос на 147%. Доля промышленного экспорта поднялась до 50,6% вместо 30,3%, в 1923/24 г. и 27,4% в среднем за пятилетие 1909—1913 гг. За пять лет экспорт составил сумму 3.302.345 тыс. руб., при чем экспорт хлебопродуктов составил 814.931 тыс. руб., или 24,7%. Следующее за ним место приходится на пушнину, вывоз которой составил 391.602 тыс. руб., или 11,9%; масло 158. 336 тыс. руб., или 4,8%; яйца — 132.105 тыс. руб., или 4,4%. Группа второстепенных сельскохозяйственных товаров дала 140.822 тыс. руб., или 4,3%. Весь промышленный экспорт дал 1.308.891 тыс. руб., или

39,6%, при чем главное место заняли нефтепродукты, на долю которых приходится 376.126 тыс. руб., и лесоматериалы — 373.912 тыс. руб.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что экспорт развивается по иному чем в довоенное время пути. Сравнивать современный экспорт с довоенным не приходится, ибо произошли резкие сдвиги во всех отраслях народного хозяйства. Политика „не доедим, но вывезем" Октябрьской революцией была ликвидирована. Население сейчас лучше питается, чем в довоенное время, продукция же не возросла в такой степени, чтобы удовлетворять и внутренний повышенный спрос и потребности экспорта, в результате вывоз по сравнению с довоенным временем отстает. При общей отсталости экспорта вывоз целого ряда товаров превзошел довоенный уровень. В тех областях, где вложены достаточные средства и проделана работа в области реконструкции производства, имеются значительные достижения. Так, экспорт мясопродуктов в 1927/28 г. далеко перешагнул за довоенный уровень, что связано с постройкой бэконных фабрик и холодильных складов. То же относится и к рыбопродуктам, щетине, пушнине и некоторым второстепенным сел.-хоз. товарам, вывоз коих превзошел довоенный уровень. Мало того, целый ряд товаров, не вывозившихся ранее, теперь экспортируется.

В области промышленного экспорта особенно значительные успехи отмечаются в отношении нефтепродуктов, где вывоз уже в несколько раз выше довоенного. Что касается вывоза лесоматериалов, то он составляет 85,2% довоенного. Недостаточные размеры экспорта лесоматериалов об'ясняются тем, что эта отрасль нашего народного хозяйства была в загоне. Новые предприятия почти не строились; старое оборудование износилось. Капитальные затраты в нефтяной промышленности составили в 1925/26 г. 140,3 млн. руб., в 1926/27 г. — 170,8 млн. руб. и в 1927/28 г. почти такая же сумма. Капитальные вложения в лесную промышленность соответственно: 17,2 млн. руб., 25,5 млн. руб. и 19,17 млн. руб. Между тем, как было указано выше, валютный эффект от лесной промышленности оказался не ниже полученного от экспорта нефтепродуктов. При достаточных капиталовложениях экспорт лесопродуктов может достигнуть значительной цифры и быстро обгонит довоенные размеры.

В первые годы пятилетия намечены значительные суммы для лесоэкспортной промышленности, и результаты, при своевременном отпуске и использовании этих средств, скажутся в ближайшие же годы. Вообще наша промышленность обладает значительными экспортными возможностями, и при надлежащих капитальных вложениях экспорт может быстро возрасти. Намечается строительство специальных экспортных предприятий, разработка новых экспортных отраслей. Так как при этом промышленность имеет широкие возможности использовать все технические достижения, промэкспорт должен возрасти не только количественно, но и качественно.

В 1927/28 восстановленность экспорта, по отношению к вывозу 1913 г., составила 45,1%.[1] Восстановленность, как мы видим, низкая, но она обусловливается, главным образом, недостаточностью вывоза хлебопродуктов. Так, восстановленность экспорта масла составляет 54,3%, яиц—53,7%, льна и кудели—12,8%, птицы битой и дичи—175,5%, рыбопродуктов—153,8%, мясопродуктов—163,7%, щетины—115,1%, кишек и желудков—73%, пушнины—164,3%, лесоматериалов—85,2%. Экспорт нефтепродуктов составил 433% по отношению к довоенному времени. Рудная промышленность дает низкий процент восстановленности—57%, зато азбест дает 116,5%, ткани—почти 100%. Весь промышленный экспорт в целом уже перешагнул довоенный уровень, в то время как сельскохозяйственный экспорт все еще значительно отстает от довоенного времени. Распределяя весь экспорт по отдельным отраслям, мы получаем следующую картину: (в современных ценах):

	1923/24 г.		1924/25 г.		1925/26 г.		1926/27 г.	
	тыс. руб.	%%	тыс. руб.	%%	тыс. руб.	%%	тыс. руб.	%%
Хлебопродукты	223.532	42,8	102.941	18,4	198.143	29,3	233.719	30,3
Животноводство и птицеводство.	48.757	9,3	84.412	15,1	84.119	12,4	89.939	11,7
Техническ. культуры	25.307	4,8	53.056	9,5	46.324	6,8	20.476	2,6
Звероловство	49.729	9.5	67.268	12,0	69.390	10,2	86.103	11,2
Проч. нераспр. сел.-хоз.	17.032	3,3	34.749	6,2	31.123	4,6	41.467	5,4
Тяжелая индустрия	123.494	23,6	163.197	29,2	164.366	24,4	202.285	26,3
Легкая индустрия	8.478	1,4	19.178	3,5	33.688	5,0	52.114	6,8
Проч. нераспред. промтоваров	27.306	5,3	33.831	6,1	49.467	7,3	44.440	5,7
Весь экспорт	522.635	100	558.632	100	676.620	100	770.543	100

По сравнению с довоенным временем структура экспорта резко изменилась. Увеличилась роль продуктов звероловства и значение промышленных отраслей экспорта. Вместо довоенного экспорта тяжелой индустрии в 13,12%, современный занял 26,3%. Удельный вес легкой индустрии повысился меньше, но все же он больше, чем в довоенное время. Роль хлебопродуктов и продуктов животноводства сократилась. В 1927/28 г., по сравнению с 1926/27 г., удельный вес хлебопродуктов значительно меньше, и наоборот—роль экспорта продуктов животноводства и птицеводства значительно больше.

[1] Довоенный экспорт взят в границах быв. империи.

III

Ограниченные размеры экспорта ставили предел развитию импорта. Импорт в наших условиях, когда инвестиция иностранного капитала весьма незначительна, зависит полностью от экспорта. Импорт в отдельные годы превышает экспорт. Актив торгового баланса, которым отмечаются 1922/23, 1923/24 и 1926/27 годы, позволил в отдельные годы допускать превышение импорта над экспортом. Но если взять размер вывоза и ввоза за все 5 лет, то торговый баланс остается пассивным, увеличение внешне-торговых долгосрочных кредитов в 1926/27 г. сказалось на росте импорта в 1927/28 г. Всего за 5 лет импортировано товаров на сумму 3.571.393 тыс. руб., в том числе оборудования на 641.530 тыс. руб., по отношению ко всему импорту это составит 18,0%. Импорт сырья составляет 1.451.446 тыс. руб., или 40,6%, полуфабрикатов ввезено на 546.828 тыс. руб., или 15,3%. Для сельского хозяйства ввезено товаров на сумму 189.348 тыс. руб., или 5,3%. Весь производственный импорт за 5 лет составил 2.846.243 тыс. руб., или 79,7% по отношению ко всему ввозу. Потребительский импорт составил 685.101 тыс. руб. (19,2%).

Рассматривая движение импорта по отдельным годам, можно видеть из таблицы на 86 стр.

После завершения восстановительного периода начался усиленный ввоз заграничного оборудования как для переоборудования существующих предприятий, так и для новых. Развитие капитального строительства потребовало затраты значительных средств на ввоз иностранного оборудования. Значительный ввоз оборудования начал осуществляться с 1926/27 г. (152 млн. рублей). В 1927/28 г. импортное оборудование определяется в сумме 255 млн. руб. Доля оборудования в общем импорте 1926/27 г. составила 21,5%, а в следующем году—27%, в то время как в 1913 г. она составляла 12,5%. Ввоз сырья, как видно из приведенной таблицы, также увеличивался из года в год. По группе полуфабрикатов ввоз за два последних года сократился по сравнению с 1925/26 г., что об'ясняется удовлетворением потребностей за счет нашей собственной промышленности. Ввоз предметов потребления по сравнению с довоенным временем резко уменьшился. В значительной части это об'ясняется реконструкцией всего нашего импорта, недопущением к ввозу предметов роскоши и стремлением ввозить, главным образом, для производственных нужд. В отношении отдельных товаров, которые являются предметами потребления широких масс, ввоз является недостаточным и ограничивается только в силу недостаточности валютных ресурсов. Ввоз таких товаров, как чай, сильно отстает от довоенного времени и является явно недостаточным. То же относится к сельдям, хотя здесь недостаточность ввоза отчасти компенсируется увеличением внутренней продукции. Только в силу жесткого регулирования импорта и строгой экономии валютных средств удается удовлетворить,

Динамика ввоза СССР

Статьи	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
	В тыс. руб.					
А. Производ. ввоз						
Оборудование промыш. и транспорта	172.358	53.914	71.374	107.573	152.844	255.825
Сырье	343.111	221.236	244.501	273.975	328.116	383.618
В том числе:						
Хлопок	114.041	141.835	133.830	117.777	131.505	154.215
Шерсть	60.012	43.878	47.475	41.407	51.122	62.052
Металлы черные	56.378	913	3.785	10.361	11.275	16.759
„ цветные	—	14.431	18.767	20.662	45.444	57.703
Кожсырье	25.083	7.641	16.763	24.842	38.630	40.080
Прочие	87.597	12.538	23.881	49 927	50.140	52.809
Полуфабрикаты	212.405	69.905	112.114	145.826	101.854	117.099
В том числе:						
Кожа выделанная	21.240	7.782	17.257	21.846	7.517	7.274
Бумага и картон	29.534	9.376	21.982	29.258	18.440	14.590
Красители	14.970	3.452	19.365	16.947	11.089	11.740
Дубители	7.719	13.589	8.820	11.451	12.251	15.720
Прочие	138.942	35.706	45.720	66.324	52.557	67.775
Топливо	91.224	6.330	837	3.715	5.587	622
Сельское хозяйство	65 330	11.446	41.716	59.413	37.793	38.980
В том числе:						
Сел.-хоз. маш. и тракт.	49.036	6 214	32.242	48.154	23.812	21.765
Прочие	16.294	5.232	9.474	11.259	13.981	17.215
Весь производ. ввоз	884.428	362.831	470.572	590.503	626.194	796.144
Б. Ввоз предм. потребления						
Жизненые припасы	261.269	46.059	204.859	70.409	63.524	114.972
В том числе:						
Рис	13.083	7.027	18.293	9.999	10.888	15.494
Чай	62.169	10.549	17.297	26.072	27.943	36.788
Селедки	24 387	3.717	9.862	2.046	3.159	2.496
Апельсины и лимоны	11.093	322	2.087	2.930	1.680	3.486
Сахар	33	4.604	40.385	6.149	661	576
Прочие	150.504	19.840	106.200	23.213	19.193	46.994
Промышл. предм. широк. потребления	130.722	21.044	35.889	83.084	17.247	28.014
Весь ввоз предметов потребления	391.991	67.103	240.748	153.493	80.771	142.986
В. Все прочие товары	97.615	4.230	12.181	12.337	5.726	5.575
Весь ввоз	1.374.034	434.164	723.501	756.332	712.691	944.705

при относительно незначительных размерах экспорта, не только текущие потребности промышленности, но и осуществить широкую программу капитального строительства.

По отношению к довоенному времени импорт в 1927/28 г. составил почти 50%, т.-е. восстановленность импорта несколько выше восстановленности экспорта. Сокращение импорта и экспорта по сравнению с довоенным временем отразилось на удельном весе СССР в мировой торговле. В 1927 г. доля СССР в мировом товарообороте составляла 1,20% против 3,04% в 1913 г. В то время как международная торговля уже в 1925 г. превысила довоенный уровень, наша внешняя торговля в 1927 г. составляла лишь 46% по отношению к 1913 г. Эта разница в степени восстановленности мировой и нашей внешней торговли, естественно, усложняет задачу сбыта наших товаров на мировом рынке. Восстановление мировой торговли произошло за счет развития экспорта целого ряда стран и, в частности, таких стран, которые являются нашими конкурентами. Таким образом, довоенная доля СССР была замещена отчасти за счет усиления экспорта наших конкурентов. При проектировании пятилетнего плана развития внешней торговли этому моменту приходится уделять сугубое внимание.

IV

Монополия внешней торговли дает возможность гибкого маневрирования и увеличивает шансы советского экспорта в борьбе за сбыт наших товаров на мировых рынках, но все же значительный рост экспортных ресурсов, который намечается по пятилетнему плану, потребует особых усилий при реализации в силу ограниченной емкости рынков. Предстоит жестокая борьба за сбыт, и наши успехи будут зависеть, во-первых, от качества наших товаров и, во-вторых, от нашей конкурентоспособности в области цен. Но и качество экспортируемых товаров и понижение их себестоимости, в свою очередь, зависят от эффективности капитального строительства.

При проектировке строительства наших экспортных предприятий необходимо обратить внимание на то, чтобы они выдерживали конкуренцию с аналогичными предприятиями других экспортирующих стран. Оборудование этих предприятий по последнему слову техники, постановка производства на более высокой технической базе должны обеспечить высокое качество продукции.

Проблема капитальных вложений должна в перспективном плане занять преобладающее место; увеличение экспортных ресурсов будет находиться в прямой зависимости от размера капитальных вложений. Капитальное строительство должно явиться главнейшим рычагом не только количественного, но и качественного роста нашего экспорта. Надлежащие капитальные вложения в сельское хозяйство и промышленность обеспечат реконструкцию всего нашего экспорта. Одним из результатов этой реконструкции должно явиться снижение себестоимости экспортных товаров.

В области сельского хозяйства одной из важнейших задач является увеличение продукции зернового хозяйства до таких размеров, которые дали бы возможность полностью удовлетворить потребности внутреннего рынка, увеличить размеры видимых и невидимых запасов и в то же время довести экспорт зерновых продуктов до значительных размеров.

Если в довоенное время хлебопродукты занимали 50% в общем вывозе и давали около 700 млн. руб., то в 1932/33 г., по расчетам пятилетнего плана, экспорт хлебопродуктов займет 21,4%, т.-е. удельный вес их не будет выше по сравнению с предшествующим пятилетием. Об'ясняется это тем, что на ряду с восстановлением зернового экспорта увеличиваются экспортные ресурсы других отраслей сельского хозяйства и особенно значительно возрастет промэкспорт.

Несмотря на утрату преобладающего значения хлебопродуктов, необходимо приложить все усилия к тому, чтобы экспорт хлебопродуктов был налажен и достиг указанных размеров. Экспорт хлебопродуктов должен дать в 1932/33 г. сумму, которая, несомненно, отразится на положении торгового баланса и определит возможности расширения импорта, но хлебопродукты все же свою довоенную ведущую роль в нашем экспорте сдают. Так, за все пятилетие на долю хлебопродуктов приходится 11,6%, тогда как лесоматериалы и нефтепродукты займут 32,4% во всем экспорте. Выше мы уже указывали на то, что проектируемые цифры экспорта могут считаться обеспеченными только в том случае, если будут произведены надлежащие капиталовложения. Помимо зернового хозяйства требуются средства для маслоделия, птицеводного хозяйства и других отраслей. Количество маслозаводов должно резко возрасти; старые заводы должны быть отремонтированы. Яично-птичная отрасль также требует значительных затрат. Необходима постройка складов, оборудованных по последнему слову техники, постройка заводов для утилизации отходов. Общая сумма потребных капиталовложений по отраслям экспорта, подведомственным НКТоргу, составляет 1.055 млн. руб. (297,7 млн. руб. по чисто экспортным отраслям и 762,7 млн. руб. по смешанным). Крупные средства потребуются и для других отраслей. В лесную промышленность для обеспечения намеченной программы по лесоэкспорту должно быть вложено 914 млн. руб. (в неизменных ценах), по нефти 1.417 млн. руб. Значительность капиталовложений в сельское хозяйство, в частности в зерновое хозяйство, дает возможность рассчитывать на резкое усиление экспортной базы сельского хозяйства. Увеличение удельного веса обобществленного сектора в сельском хозяйстве и рост товарных фондов совхозов и колхозов имеют немаловажное значение для экспорта, ибо значительная часть зернового вывоза должна производиться за счет продукции обобществленного сектора.

Экспорт зерновых продуктов и масла (экспорт яиц превысит довоенный уровень) запроектирован в меньших размерах, по сравнению с последним довоенным пятилетием. Об'ясняется это тем, что несмотря на предположенные значительные размеры продукции будет продолжаться и рост их потребления. Таким образом, несмотря на всю важность форсирования экспорта, пятилетний план его не строится на началах ограничения потребления. Экспорт льна также не будет восстановлен, что об'ясняется увеличением потребления промышленности. Второстепенный сельскохозяйственный экспорт вырастет на 85% и составит к концу пятилетия сумму в 166,5 млн. руб. Экспорт пушнины, который за истекшие 5 лет уже далеко превысил довоенные размеры, сможет дать лишь незначительный рост. При этом имелось в виду, что необходимо поберечь наши пушные богатства.

Весь сел.-хоз. экспорт к концу пятилетия составит по отношению к 1927/28 г. 270% и достигнет 1.033 млн. руб., тем не менее, он будет ниже довоенного. Изменение структуры экспорта видно из следующей таблицы:

	1913 г.	1927/28 г.	1932/33 г.
Сел.-хоз. экспорт . .	80,8	49,4	50,5
Промышл. „	19,2	50,6	49,5
Весь экспорт .	100,0	100,0	100,0

Структура экспорта по сравнению с 1927/28 г. не меняется. Это об'ясняется увеличением вывоза хлебопродуктов. Если исключить хлебопродукты, рост удельного веса промышленных товаров становится вполне наглядным.

	Сел.-хоз. экспорт	Промышл. экспорт
1927/28 г. . . .	45,4	54,6
1932/33 г. . . .	36,9	63,1

Недостаточные на первый взгляд размеры сел.-хоз. экспорта являются результатом той социально-политической установки, какая дана во всей пятилетке. Общий рост благосостояния городского и сельского населения, повышение его культурного уровня неизбежно поведут к росту потребления продовольственных сельскохозяйственных товаров, огромный рост промышленной продукции увеличит спрос на сырье, в том числе и на экспортное. Вот почему, несмотря на значительный рост сел.-хоз. производства, вывоз отстает от довоенного времени. Довоенный экспорт не может явиться моделью для реконструкции экспорта.

Промышленный экспорт возрастет несколько меньшим темпом, но при этом надо иметь в виду, что в то время как сел.-хоз. экспорт в истекшем пятилетии отстал, промышленный уже превзошел довоенные размеры. Всего предположено вывезти промтоваров в 1932/33 г. на 1.014,5 млн. руб. против вывоза в 391,5 млн. руб. в 1927/28 г., рост по этой группе намечается почти на 159,1%. Значительно увеличивается экспорт нефтепродуктов, лесоматериалов, марганцевой руды, а второстепенный промышленный экспорт должен будет воз-

расти на 179%. К концу пятилетия весь экспорт должен достигнуть 2.047 млн. руб. По довоенным ценам экспорт выразится в сумме 1.600 млн. руб. против 1.307 млн. руб. за 1909—1913 гг. (в границах СССР), т.-е. в 1932/33 г. экспорт превысит довоенный уровень на 22,4%. Исходные и конечные годы пятилетия дают такие цифры (в млн. руб.):

Контрольные цифры перспективного пятилетнего плана экспорта [1]

	1927/28 г.	1932/33 г.	1932/33 г. в %% к 1927/28 г.
Весь сел.-хоз. экспорт . .	382,3	1.033,0	270,2
Весь промышл. „ . .	391,6	1.014,5	259,1
Весь экспорт	773,9	2.047,5 [2]	264,6

Общая сумма вывоза за пятилетие спроектирована в 6.971 млн. руб. Столь значительные размеры экспорта потребуют, разумеется, больших усилий при реализации на внешних рынках. Чтобы яснее представить себе значение запроектированных темпов экспорта, приведем несколько примеров роста удельного веса советских товаров в мировом товарообороте. По лесу удельный вес СССР на европейском рынке достигнет к концу пятилетия 36% вместо 16 довоенных и 11% в 1927/28 г., или, иначе говоря, значение СССР в европейской торговле увеличится больше чем в 3 раза по сравнению с исходным годом. Если даже учесть сокращение лесных массивов в некоторых экспортирующих странах, рост строительства, хорошее качество советского леса, т.-е. условия, которые облегчают конкуренцию на мировом рынке, то при всем этом предстоит преодолеть значительные препятствия для того, чтобы занять господствующее место на европейском лесном рынке. По нефтепродуктам при запроектированных размерах экспорта удельный вес наших нефтепродуктов должен будет повыситься с 11,2% до 21,2%. При оценке возможности сбыта нефтепродуктов надо учитывать новые источники добычи нефти и увеличение добычи на существующих участках (мосульская нефть, венецуэльская нефть, огромный рост добычи Северной Америки). Кроме того, нельзя упускать из виду успехов в области производства искусственных нефтепродуктов (синтетическая нефть). Надо также принять во внимание и организационные факторы нефтяной торговли, где роль монополистических организаций чрезвычайно велика. Все это, несомненно, усложнит задачи сбыта наших нефтепродуктов. С другой стороны, возрастет потребление нефтепродуктов в связи с огромным развитием автомобилизма, авиации и промышленного потребления, что дает

[1] Проектировка Торгплана НКТорга СССР.

[2] По проектировке Госплана намечены большие цифры для экспорта последних лет. Торгплан Наркомторга СССР исходил из того, что следует увеличить резерв экспортных товаров, который может быть использован в зависимости от конъюнктуры.

основание рассчитывать на осуществление намеченной экспортной программы. По марганцу доля СССР должна будет подняться с 20% в 1927/28 г. до 50% в 1932/33 г.

Приведем еще несколько примеров по сельскохозяйственным товарам. Размещение на внешних рынках предполагаемых к вывозу к концу пятилетия хлебопродуктов не встретит затруднения. Выгодность нашего географического положения, прекрасное качество советских хлебопродуктов,— все это гарантирует сбыт наших экспортных излишков. По яйцам намечается значительный прирост экспорта, в связи с чем удельный вес СССР в мировой торговле повысится с 15% до 30%. Размещение столь значительного количества яиц потребует особых организационных мероприятий и расширения сферы сбыта. Наконец, по льну наш удельный вес в мировой торговле должен будет к концу пятилетия достигнуть 40% против 14,6% в исходном году.

Значительные трудности встретятся при размещении второстепенных промышленных товаров, реализация которых будет сталкиваться с высокими протекционистскими тарифами почти во всех импортирующих странах. Изделия нашей легкой индустрии найдут сбыт на восточных рынках и, отчасти, в лимитрофных странах. В первое пятилетие трудно рассчитывать на то, чтобы нам удалось значительно усилить экспорт готовых фабрикатов в западно-европейские страны (за исключением отдельных групп товаров, в отношении которых наблюдается спрос на советские изделия).

Намечаемые по пятилетнему плану народного хозяйства огромные размеры капиталовложений в промышленность (16,4 мрд. руб.) и значительный рост продукции всей промышленности, которая к концу пятилетия превысит довоенные размеры промышленной продукции в три раза, потребуют значительного импорта. По проектировке ВСНХ к концу пятилетия потребуется ввоз сырья для удовлетворения потребностей промышленности в размере 577 млн. руб., по проектировке НКТорга предположен ввоз сырья к концу пятилетия в размере 523,3 млн. руб., за пятилетие по исчислениям НКТорга ввоз сырья должен будет достигнуть 2.046,4 млн. руб. Несмотря на увеличение ввоза сырья, зависимость нашей промышленности от экспорта сырья сократится, рост сырьевой базы внутри страны позволит удовлетворить потребности, главным образом, за счет внутренних ресурсов. При абсолютном росте сырья его относительная роль сократится. Так, например, импорт меди, составляющий в 1927/28 г. 49,9% в общем потреблении промышленности, сократится к концу пятилетия до 41%, импорт цинка соответственно с 90,2% до 20,5%, удельный вес импортного хлопка понизится с 42,5% в 1927/28 г. до 19,5% в 1932/33 г., по шерсти соответственно с 43,9% до 36,1%. Проблема сырья является чрезвычайно важной во всем пятилетнем плане внешней торговли. В истекшем пятилетии сырьевой баланс в области внешней торговли был чрезвычайно не-

благоприятен. Так, в 1927/28 г. импорт сырья превысил экспорт сырьевых товаров на 209 млн. руб. К концу пятилетия пассивность сырьевого баланса в абсолютных цифрах все еще останется весьма значительной, хотя соотношение экспорта и импорта становится более благоприятным для экспорта. Для торгового баланса и для сокращения нашей зависимости от ввоза иностранного сырья чрезвычайно важно усилить нашу сырьевую базу.

Ввоз оборудования в абсолютных цифрах значительно возрастет, но и здесь будет происходить процесс сокращения зависимости за счет роста нашего собственного машиностроения. Через 5 лет ряд новых предприятий начнет функционировать, что скажется на сокращении нашей зависимости от иностранного рынка. Удельный вес импортного оборудования в общем потреблении сократится по сравнению с 1927/28 г., и составит 21,8% против 27,2% в 1927/28 г. Особенно резко должен сократиться ввоз полуфабрикатов, где наиболее ярко скажется расширение нашей собственной продукции. Это единственная группа, где предположено сокращение не только относительное, но и абсолютное, и вместо 84,2 млн. руб. ввоза в 1927/28 г., в 1932/33 г. предположено ввезти на 60 млн. руб. Наоборот, удовлетворение потребности сельского хозяйства будет значительно полнее, чем это имело место в истекший период. Предполагается ввоз, главным образом, тракторов и удобрителей. Весь ввоз по группе сельского хозяйства должен будет возрасти в 1932/33 г. на 113,2% по сравнению с ввозом 1927/28 г. Значительный темп роста ввоза для сельского хозяйства об'ясняется проектируемым увеличением сел.-хоз. продукции. Возможность значительного расширения сел.-хоз. продукции зависит от степени химизации и механизации сельского хозяйства. Последние варианты пятилетнего плана по сельскому хозяйству, проектирующие рост урожайности на 35%, расширение посевной площади на 22%, потребуют более значительного ввоза тракторов и удобрителей, чем это предполагалось первоначально. Вся группа производственного импорта в 1932/33 г. составит 1.272 млн. руб. Потребительский импорт должен быть значительно увеличен, так как мы уже указали выше в истекшем пятилетии потребности страны в предметах первой необходимости были недостаточно удовлетворены.

Укажем на то, что предполагается значительный рост ввоза предметов культурной потребности населения. Необходимость экономии валюты заставляла не допускать ввоза для удовлетворения индивидуальных потребностей. Между тем, по мере роста благосостояния населения, необходимо будет допустить ввоз целого ряда товаров, являющихся предметами культурного обихода. Сюда включены не только потребности научных учреждений, но и потребности отдельных граждан. Возможность достаточно свободного получения из-за границы книг, технических приборов, словом, всего того, что необходимо для научно-исследовательских работ, имеет чрезвычайно

важное значение, особенно в период широкой индустриализации, когда научная инициатива и широкое распространение технических знаний являются одним из важнейших факторов промышленного развития страны. Ввоз предметов роскоши и предметов не первой необходимости попрежнему не будет допускаться.

В целом роль импорта, если брать его по отношению к продукции промышленности, сократится. В 1927/28 г. импорт для нужд промышленности составил 7% к стоимости продукции, в 1932/33 г. процент снизится до 3,9%. Реконструкция народного хозяйства на базе индустриализации должна будет, естественно, отразиться на характере внешней торговли; экспортные и импортные планы должны будут проспособляться к тем изменениям, которые связаны с процессом реконструкции. Ресурсы народного хозяйства вырастут и это позволит увеличить импорт. Актив торгового баланса должен начаться с первого же года пятилетия. В 1932/33 г. экспорт должен значительно превысить импорт. Динамика экспорта и импорта видна из следующих цифр (в %% к 1928/29 г., принятому за 100):

	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33
Экспорт. . . .	100,0	118,5	139,8	182,7	225,0
Импорт. . . .	100,0	125,9	161,7	205,4	225,9

За пятилетие импорт составит 6.179,8 млн. руб. при экспорте в 6.971,7 млн. руб. Общий оборот достигнет огромной цифры в 13.151,5 млн. руб. Актив торгового баланса за пятилетие должен будет составить 791,9 млн. руб.; увеличение внешнеторгового оборота на душу населения по экспорту достигнет 12 руб. 10 коп. в 1932/33 г. против 5 руб. 16 коп. в 1927/28 г., по импорту 10 руб. 7 коп. в 1932/33 г. против 6 руб. 30 коп. в 1927/28 г. Удельный вес СССР в мировой торговле увеличится за пятилетие в два раза.

Наркомторг при проектировке своего пятилетнего плана исходил из необходимости построения одного варианта, который соответствовал бы принятому Госпланом оптимальному плану. Экспорт исчислен, особенно за последние годы, с определенной страховкой за счет возможно более широкого спроса на внутреннем рынке. Таким образом, здесь взята более осторожная оценка экспортных излишков против тех, которые вырисовываются на основании сопоставления размеров продукции, товарности и потребностей внутреннего рынка.

В первые два года проектируемой пятилетки внешняя торговля явится наиболее узким местом и в известной мере определит лимиты для раззития промышленности и сельского хозяйства. Именно в эти два года потребуется особенно напряженная работа в области внешней торговли, для того чтобы обеспечить намечаемые темпы развития промышленности, а отчасти и сельского хозяйства. При правильном использовании всех материальных и валютных ресурсов страны и при надлежащем использовании кон'юнктуры внеш-

них рынков, при улучшении качества нашего экспорта и при рационализации импортных закупок запроектированные размеры внешнеторгового оборота должны оказаться в соответствии с возможностями и потребностями Союза. Третий год явится менее напряженным; в четвертый и пятый годы, когда экспортные ресурсы страны должны будут резко возрасти, импортные потребности могут быть удовлетворены полностью при значительной активности торгового баланса.

Трудности первых двух лет вытекают из того, что при проектировке пятилетки не принята во внимание возможность увеличения внешнеторговых долгосрочных кредитов; было бы неправильно включать в проектировку пятилетнего плана приращения внешнеторговых кредитов, ибо это означало бы зависимость осуществления намечаемых темпов развития народного хозяйства от иностранных кредитов, правильнее и вернее рассчитывать лишь на собственные ресурсы.

С. Зак

Торговая сеть СССР и ее рационализация [1]

I

Многое из того, чем характеризуется товарооборот СССР, об'ясняется недостаточной оценкой значения торговой сети в деле как заготовки, так и распределения товаров. Вообще мы слишком упрощаем роль торговли в товарно-денежном хозяйстве, в том числе и в условиях переходного времени. Торговля — это не только средство передачи товара от производителя к потребителю. Часто торговля сама „создает" товар. Она его не производит, но заставляет других его производить—в одних случах. В других случаях—и это значение торговли для СССР особенно важно: она товаризирует натуральное хозяйство. На этой роли торговли нет надобности долго останавливаться, так как она иллюстрируется всей многовековой историей торговли. Поскольку мы не можем строить социализма на базе 20—25-процентной товарности сельского хозяйства, постольку и у нас торговля не должна ограничиваться рамками пассивного посредничества в передаче потребителю того, что сельское хозяйство „привыкло" выбрасывать в товарооборот. Колхозное и совхозное строительство поднимает товарность сельского хозяйства. Но это в обстановке нашей деревни не должно быть единственным методом борьбы с „патриархальным" укладом крестьянского хозяйства. Дополнительных методов требует не только проблема правильного построения хлебных и сырьевых заготовок, но и все существо задачи, разрешаемой переходным временем. И прежде всего тут мы сталкиваемся с целесообразно построенной торговлей.

Не менее важна торговля, как фактор организации потребления. Характер потребления определяется, конечно, целым рядом условий, от торговли независящих,—условий географических, исторических, физиологических и т. д. Поскольку переходное время выдвигает проблему реконструкции и в области потребления, постольку речь идет о системе мероприятий социально-культурного свойства. Но и по отношению к ним организация товарооборота,—а в условиях нэпа, организация торговли,—должна выполнить определенную функцию. Капиталистическая торговля деформирует потребление в интересах капиталистической прибыли. Торговля переходного времени воздействует на потребление в интересах трудовых

[1] В порядке обсуждения. Ред.

масс и народного хозяйства. Укргосплан справедливо подчеркивает значение советской торговли в смысле руководства в выборе покупателем необходимых ему товаров.[1] К этому необходимо прибавить место, которое торговля может занять в борьбе с дефицитностью одних товаров путем повышения спроса на другие товары компенсационного характера.

Советская торговля должна быть приспособлена к задачам советской экономической политики. Она должна быть активным фактором как борьбы за социализм, так и борьбы против тех перебоев в балансе спроса и предложения, с которым и мы будем иметь дело на протяжении всего переходного времени. Это — задача целесообразно построенной торговой сети. Качественная сторона должна тут сыграть первую роль. Советский купец не только должен покупать и продавать. Он должен быть доверенным лицом производителя и потребителя. Чиновник, стоящий за прилавком, так же плох в советской торговле, как и в капиталистической. Разница тут лишь та, что знание, умение, инициатива капиталистического купца направляются против производителя и потребителя, в то время как в советской торговле роль купца, наоборот, сводится к охране интересов того и другого и к согласованию их с интересами народнохозяйственного целого. Однако, и количественная сторона в вопросе о торговой сети имеет большое значение. Более того, качественно торговая сеть не поднимется на надлежащую высоту, если она не будет иметь необходимого количественного фундамента.

Капиталистический мир выдвигает теперь проблему рационализации торговли. Стихийно он уже вырабатывает систему этой рационализации. И нужно признать, что путь, которым он идет к торговой рационализации, правилен. Однако, разрешить проблему в полной мере капитализм не в силах. Торговой рационализацией капитализм, облегчая свое положение в одних случаях, затрудняет его в других и именно тем, что еще более усложняет противоречия, составляющие органическое свойство капиталистического хозяйства. Капиталистические синдикаты — это органы борьбы с профессиональным торговцем. И в ответ на об'единения капиталистического производства в синдикаты об'единяются торговцы—профессионалы в торговые союзы. Рационализация капиталистической розницы при помощи системы многолавок поднимает против себя всю массу единоличной розничной торговли, об'единяющейся в свою очередь для защиты своих профессиональных „прав". Если домонополистический капитализм в сфере торговли был ареной партизанской борьбы между членами одного и того же класса в той же мере, как в сфере капиталистического производства, — мы говорим о конкуренции, — то монополистический капитализм становится ареной организованной братоубийственной борьбы внутри самого капиталистического

[1] „Пути народнохозяйственного развития УССР", Х., 1928 г., стр. 346 и след.

класса, и рационализированная торговля тут занимает место, аналогичное тому, которое занимает рационализированное капиталистическое производство. До логического конца может довести рационализацию торговли только переходное время в условиях диктатуры пролетариата, для которого торговля имеет значение не как средство выработки капиталистической прибыли, а как метод целесообразной увязки производства с потреблением.

II

Различные методы требуются для рационализации оптовой и розничной торговли. Розничная торговля по природе своей однозвенна. Она покупает товары для продажи их потребителю, от которого товар обратно на рынок уже больше не поступает. Наоборот, оптовая торговля только тем и занимается, что покупает товар, чтобы опять его выбрасывать на рынок. Отсюда получается ее многозвенность, против которой ведет борьбу торговая рационализация. Было бы чрезвычайно интересно сопоставить торговый оборот опта, складывающийся в процессе прохождения одного и того же товара через несколько звеньев, с торговым оборотом однозвенной розницы. Статистика для такого сопоставления дает мало материала, да и тот, который имеется, слабо характеризует взаимоотношения между оборотами опта и розницы. В торговой статистике Канады мы находим такие цифры оборота (млн. долл.):

Оптовая торговля	1.021,92
Оптово-розничная торговля	366,64
Розничная торговля	1.642,10

Эти цифры дают, как будто, странную торговую загадку. Однозвенная торговая розница, стоящая между оптом и потреблением, имеет больший торговый оборот, чем многозвенная оптовая торговля. Более логическую картину рисует торговая перепись Соед. Штатов. Для 8 городов получилось такое взаимоотношение между оборотами опта и розницы (в млн. долл.):

Города	Опт	Розница	На 100 долл. розницы приходится опта	Население (тыс. человек)
Канзас	1.061,6	300,3	353	367
Атланта	535,6	177,8	301	228
Данвер	323,6	151,9	213	285
Зитль	466,8	222,8	209	315
Фарго	37,7	19,7	192	22
Балтимора	502,5	369,0	136	808
Сиракузы	129,0	103,8	124	185
Спрингфильд	32,2	45,5	80	60
Всего	3.093,2	1.390,9	222	2.270

В этой таблице результаты многозвенности опта выступают с большой силой. Только в одном городе обороты опта ниже оборотов розницы; в остальных городах они выше. Впрочем, то обстоя-

тельство, что имеются только данные о нескольких городах, обесценивает приведенную таблицу с точки зрения соотношения опта с розницей, так как опт указанных городов может обслуживать не одну только свою розницу; вероятнее всего, что он обслуживает также розницу и других местностей Соед. Штатов, равно как их розница частью обслуживается оптом других городов. Таким образом, капиталистическая практика не дает материалов для суждения о роли опта, не только в динамическом разрезе, необходимом для определения путей рационализации опта, но и в статическом разрезе. Остается теоретический подход к вопросу.

Этот подход рисует положение так. В условиях товарно-денежных отношений ограниченное количество товаров поступает непосредственно от производителя в розничную торговлю. Это привоз деревни в город или непосредственные покупки розницы в деревне и та продукция мелкой городской промышленности, которая связана с розницей без посредства опта. Вся остальная товарная масса попадает в розницу через опт, который выполняет такие функции. Во-первых, потенциальный товар, производимый товарным производством, он превращает в реальный товар, выводя товар от производителя в рыночный оборот. В отношении продукции крупной промышленности эта функция опта менее сложна, чем в отношении мелкого производства. Опт имеет дело с крупными товарными партиями. Канадская статистика дает оборота на одно занятое в опте лицо 17,3 тыс. долл., а в рознице — 10,7 тыс. Еще более велика разница в Соед. Штатах, где в опте на одно занятое лицо приходится 35,7 тыс. долл. оборота, при 8,2 тыс. долл. в рознице. По продукции крупной промышленности опту, чтобы получить свою партию товара, достаточно связаться с ограниченным числом предприятий, т.-е. его заготовительная функция достаточно проста, чтобы обходиться без подготовительных операций. Того же нельзя сказать о роли опта по выведению в рыночный товарооборот потенциальной товарности мелкой промышленности, в частности распыленного сельского хозяйства. Тут на помощь опту приходит мелкий скупщик, прасол и т. п. посредники между оптом и мелким производителем. Любопытно, что в своем расчете стоимости торгового посредничества по кожевенно-обувной продукции германское министерство народного хозяйства для сырой кожи ставит между бойнями и торговцем сырой кожею сборщика, который снимает сырую кожу с боен и передает ее торговцу. Сосредоточив товар в своих руках, опт выполняет следующую функцию, разбивая крупные товарные партии на мелкие, соответственно требованиям розничной торговли.

Таков упрощенный путь прохождения товара в оптовой торговле. Капиталистическая практика усложняет этот путь. Охарактеризованные нами народнохозяйственные функции опта загромождаются чисто спекулятивными наслоениями, когда одна и та же партия товара переходит из рук одного оптовика в руки другого,

когда без необходимости об'единяются разные партии товара, когда партии товара раздробляются, чтобы потом снова об'единиться, и т. д. Тут оптовая торговля уже перестает быть функцией народного хозяйства и становится средством спекулятивного выколачивания торговой прибыли. Таким образом, когда капиталистический мир стал перед необходимостью рационализации оптовой торговли, он повел ее по двум путям. Первый путь — это упрощение народнохозяйственной функции оптовой торговли. Процессы заготовки от производителей и распределения товаров между розничниками сосредоточиваются в одном оптовом звене. Не редко и это звено отпадает, когда розничник непосредственно связывается с производителем. Второй путь — борьба со спекулятивным оптом, с бесцельным, с точки зрения интересов народного хозяйства, переходом товара (чаще всего только права на товар) из рук одного оптовика в руки другого. Борьба капиталистического производства с профессиональной торговлей, равно как борьба розничной торговли с оптовой, проходит по этим двум путям. Синдикат (картель) не только монополизирует рынок с целью установления желательных ему цен на товары, но и ведет борьбу против слишком выросшего участия оптовика в экспроприированной предпринимателем от рабочего прибавочной стоимости. Универсальный магазин, многолавка, союзы розничников ведут борьбу против распределения предоставляемой торговле доли прибавочной стоимости между оптом и розницей. Статистически результаты рационализации торговли должны выражаться в прогрессирующем количественном приближении оборотов опта к оборотам розницы.

Теми же путями, хотя и по другим мотивам и с более широкими возможностями, должна итти рационализация торговли в условиях советской экономики. На обобществление торговли нельзя смотреть, как на самоцель. Это не то, что обобществление производства. Всякий шаг по обобществлению производства справедливо рассматривается, как новый камень, заложенный в здание строящегося социализма. Торговля же не войдет в социализм ни в каком виде. Даже вполне обобществленная торговля дальше социалистических ворот не продвинется. Ее исторический этап — это период переходного времени, поскольку сохраняются товарно-денежные отношения. Не будучи для советской экономики самоцелью, обобществленная торговля (государственная наравне с кооперативной) может рассматриваться только с точки зрения рационализации товарообращения в стране на переходный отрезок времени. С точки зрения строения опта речь должна быть, прежде всего, о сокращении звенности, т.-е. о сближении оборотов опта с оборотами розницы. Как конкретно разрешается этот вопрос в СССР? В отличие от капиталистических стран, для СССР на этот вопрос можно дать статистический ответ. Не велика ценность нашей торговой статистики, питающейся материалами, собираемыми фиском. Она лишь весьма

приблизительно отображает действительность. Но пока нет ничего лучшего, приходится пользоваться тем, что имеется. Недавно вышедшая работа ЦСУ СССР по внутренней нашей торговле [1] дает такое состояние ее оборотов по налоговым данным (в млн. черв. руб.):

	Оптовая торговля	Оптово-розничная	Розничная
II полугодие 1924/25 г.	3.735,4	1.799,8	4.155,3
I „ 1925/26 г.	4.964,7	2.228,9	5.640,4

Рисуемое этими цифрами взаимоотношение между оптом и розницей напоминает собою то, что мы видели выше в отношении Канады: в СССР обороты опта стоят ниже оборотов розницы. Если отбросить оптово-розничную торговлю, малоинтересную для нас в данном случае, так как мы не можем из нее выделить оптовую торговлю особо, то оказывается, что на 100 руб. розницы у нас приходилось рублей опта: во второе полугодие 1924/25 г. 90 руб. и в первое полугодие 1925/26 г. 88 руб. Говорит ли это о высокой степени рационализации нашей оптовой торговли?

Исчисляя торговый оборот СССР в 1924/25 г., НКТорг СССР к оборотам торговых предприятий, во-первых, продажи трестов и промышленных предприятий и, во-вторых „оборот крестьянской торговли". [2] Обе эти статьи дают сумму в 10.472 млн. руб., составляющих 40% исчисленных НКТоргом для 1924/25 г. оборотов внутренней торговли СССР. Насколько верны цифры НКТорга, это другой вопрос. Для нас теперь важно другое. Из продаж трестов и промышленных предприятий некоторая сумма приходится на розницу, которая проходит через розничные магазины самих промышленных предприятий. Но главная масса продаж трестов и промышленных предприятий носит оптовый характер. Этого вида опта, не учитываемого налоговым нашим аппаратом, не учло также и ЦСУ в своем определении оборотов оптовой торговли. Равным образом фиск не затрагивает и тех торговых оборотов, которые у НКТорга фигурируют под видом „оборота крестьянской торговли". Этот оборот проходит по трем линиям. Часть его имеет то же значение, что продажи трестов и промышленных предприятий опту: заготовка сельскохозяйственных продуктов имеет две стороны — покупку со стороны заготовителей, учитываемую фиском, и продажу со стороны крестьян, стоящую вне внимания фиска, а следовательно, и того, что мы называем торговым оборотом. Остальная масса товарной продукции крестьян продается последними частью непосредственно потребителям и тогда она вовсе минует торговое посредничество, но главным образом, она попадает в розницу без посредства

[1] „Внутренняя торговля СССР за 1924/25—1925/26 гг. по налоговым данным" М. 1928.

[2] „Внутренняя торговля СССР и ее регулирование", М. 1925, стр. 39.

опта. У нас нет данных, чтобы определить размеры оборотов розницы, снабжаемых непосредственно производителем. Но зная, как слабо снабжает частную розницу наш обобществленный оптовый сектор, следует думать, что эти размеры далеко не малозначительны. И действительно, по данным ЦСУ в два полугодия, охваченные его исследованием, обороты частной торговли были таковы (млн. черв. руб.):

	Оптовая	Оптово-розничная	Розничная
II полугодие 1924/25 г.	204.8	246.6	1.636.0
I „ 1925/26 „	281,4	300,5	2.167,8

Если допустить, что в частном опте товар делает только один оборот — что, разумеется, совершенно неверно, — и что оборот оптово-розничной торговли распределяется равномерно между оптом и розницей, то окажется, что частный опт удовлетворил только 19% частной розницы во второе полугодие 1924/25 г. и 18,6% в первое полугодие 1925/26 г. Предположив, что в таком же проценте удовлетворяет розницу обобществленный опт, получается, что не менее 60% оборота частной розницы покрывается непосредственно крестьянином и кустарем-ремесленником. Это значит, что для сопоставления с выведенными ЦСУ оборотами оптовой торговли цифры розницы следует сократить на 1181,6 млн. руб. для второй половины 1924/25 г. и на 1300,7 млн. руб. для первой половины 1925/26 г. за счет свободной от связей с оптом частной розницы. Без посредства опта получает некоторое количество товаров и обобществленная розница. Но если даже игнорировать этот факт, то все-таки по линии связанной с оптом розницы на 100 руб. оборотов последней придется оборотов оптовой торговли 122 во второе полугодие 1924/25 г. и 115 в первое полугодие 1925/26 г.

Как эволюционировал наш опт в дальнейшем по данным ЦСУ проследить нельзя. Но если взять материалы ЭКУ НКТорга СССР, [1] построенные на основании тех же налоговых данных, то мы получим такое строение оборотов торгового посредничества (млн. черв. руб.).

	1926/27 г.	1927/28 г.
Опт	16.536	22.564
Розница	12.633	13.346
На 100 рублей розницы приходится рублей опта	130,9	169,0

Тут мы имеем определенно превышение опта над розницей, при чем соотношение между ними ухудшается из года в год. Это соотношение еще ухудшится, если исключить внеоптовое снабжение частной торговли, как мы это сделали для второй половины 1924/25 г. и для первой половины 1925/26 г. Тогда окажется, что на 100 руб. розницы было оборота опта в 1926/27 г. 178 и в 1927/28 г. 210. Дру-

[1] „Внутренний товарооборот в 1927/28 г." Ст. Вс. Лозинского в журнале „Сов. торговля". 1928, № 45 11.

гими словами, для всего СССР мы в 1927/28 г. получаем уже такое взаимоотношение между оптом и розницей, которое почти равняется взаимоотношению между ними в 8 городах Соед. Штатов, с той разницей, что часть опта американских городов обслуживает, конечно, розницу экономически тяготеющей к этим городам периферии в составе мелких городов и внегородских поселений. Ясно, что в СССР мы не только не имеем того, что в капиталистических странах называется рационализацией оптовой торговли (т.-е. сокращения роли опта в общеторговых оборотах из года в год), но в 1927/28 г. получается уже нечто, что можно назвать гипертрофией опта. Орган НКТорга подходит к вопросу иначе, но у него получается тот же результат. Сопоставив весь торгово-посреднический оборот СССР с обслуживаемой им товарной массой, он получает число звеньев, проходимых каждой единицей товара, равнявшихся: в 1925/26 г. 2,26, в 1926/27 г. 2,43 и в 1927/28 г. 2,61, т.-е. каждая товарная единица делала в 1927/28 г. 2,61 раза в одной лишь торговле, так что от производителя потребителя отделяли 3,61 звена.

Охарактеризованному процессу усложнения опта орган НКТорга дает такое об'яснение: „Одна из основных причин указанного явления,—говорит он,—заключается, конечно, в рыночном напряжении последних лет. Но кроме этой главной причины, не маловажное значение имеет и другая. В течение всего последнего периода в частности на протяжении 1927/28 г. общие условия товаропродвижения претерпевали значительные изменения. Усиление плановых начал в товарообороте, рост синдицирования государственной торговли и усиление кооперирования сбыта и снабжения,—обусловили увеличение расчетной звенности. Таким образом, товарная масса, проходя большое количество расчетных звеньев, получала в обороте некоторый добавочный прирост чисто счетного порядка". Ссылка на рыночное напряжение последних лет вызывает серьезное сомнение. Абсолютно, разумеется, оно имело место, но если, судя по данным самого НКТорга, товарная масса, поступавшая на рынок, в 1926/27 г. увеличилась сравнительно с предыдущим годом на 11,9% и в 1927/28 г. на 15,2%, то не увеличиваться должно было рыночное напряжение, а сокращаться. Очевидно, на рост оптовой звенности напряженность рынка не должна была бы влиять. Следовательно, все сводится к другому фактору—„значительным изменениям" общих условий товаропродвижения. Речь тут идет о вытеснении частника обобществленной торговлей. Этот процесс действительно далеко пошел в последние два года. Если уже в 1926/27 г. в оптовой торговле частник участвовал 3,4% всего оборота, то в 1927/28 г. его участие свелось уже к 1,4%. Существенно сократилось также участие частника в розничной торговле—с 35,3% оборота розницы до 24,1%.

Однако, каким образом увязывается успех обобществления торговли с усложнением опта? Результат, как будто, должен был бы получиться как-раз обратный. Обобществление торговли открывает

широкие возможности ее рационализации. Капиталистическая практика говорит об этом категорически. Но нигде в мире обобществление торговли не проходит в такой благоприятной организационной обстановке, как у нас. Разрозненные по отдельным отраслям капиталистические синдикаты в деле организации опта не могут сравниться с нашими синдикатами, являющимися по духу и смыслу своему не чем иным, как коммерческими органами единой государственной промышленности. Точно также наша кооперация вместе с государственной розницей представляет собою, в сущности, единую многолавку, организующую розничную торговлю. Оба этих условия создают прекрасную почву для планового строения продвижения товара от производителя к потребителю, конкретно — для упрощения оптовой торговли в смысле сокращения ее звенности. Правда, орган НКТорга особенное ударение делает на „чисто счетном" характере увеличивающейся у нас торговой звенности. Что он под этим разумеет, в статье не видно. Но если он хочет этим сказать, что увеличение звенности имеет только формальное значение, что реальных результатов в смысле удорожания товарооборота оно не дает, то это безусловно неверно. Ведь каждое торговое звено у нас находится на хозрасчете, другими словами, рассматривает себя, как самостоятельную коммерческую организацию, которая калькулирует стоимость своих услуг по всем правилам бухгалтерской отчетности.

Если бы все сводилось к „чисто счетным" манипуляциям, то в самом деле не о чем было бы говорить. Но тогда нельзя было бы также говорить и об увеличении звеньев оптовой торговли. Американская многолавка, покупающая товар непосредственно на фабрике, имеет в разных местах базисные склады, которые снабжают розничные магазины товарами. Образуют ли эти базисные склады особые торговые звенья? Конечно, нет. Другое дело у нас. Звенья нашего опта — это не базисные склады, строящиеся для удобства физического перемещения товаров, и не органы производства, с одной стороны, и потребления, с другой, для упрощения и облегчения их увязки между собою, а самостоятельные торговые организации, относящиеся друг к другу, как один контрагент к другому, строящие свои взаимоотношения на почве купли и продажи товаров. Наш опт многозвенен не только формально, но и по существу. И если звенность его не только не сокращается, но еще растет, то этот факт требует серьезнейшего к себе внимания. Особенно важно, что в перспективных предположениях тенденция к усложнению опта сохраняется, как видно из следующей таблицы, в которой посреднический опт принят в процентном отношении к посреднической рознице (см. табл. на след. стр.).

РСФСР в этой табличке выделяется особенной экспансией в развитии опта, но в общем тенденция, наблюдаемая в обоих периодах, т.-е. относительный рост оптовых оборотов уже выходит из области факта и вступает в сферу телеологии.

Годы	СССР[1]	РСФСР[2]	Годы	СССР	РСФСР
1924/25	98,7	111,8	1928/29	112,8	—
1925/26	104,5	120,3	1929/30	113,2	—
1926/27	111,4	138,6	1930/31	114,1	—
1927/28	112,3	144,5	1931/31	—	158,9

III

Если рационализацию опта капитализм связывает, главным образом, с сокращением звенности, то в отношении розницы он к той же цели идет по пути территориального сближения торговли с потребителем. В розничной торговле мы видим то же стремление капитала к концентрации, которое характеризует движение как капиталистического производства, так и оптовой торговли. Но в то время как в производстве и оптовой торговле концентрация выражается в росте предприятий, в сосредоточении в каждом предприятии больших количеств рабочих и больших масс капитала, в розничной торговле речь идет о сосредоточении в одних руках многих предприятий, часто даже при условии их измельчания. Так, например, вульвортовская система в Соед. Штатах, увеличив с 1920 по 1926 гг. число входящих в нее розничных лавок с 1.111 до 1.480, т.-е. почти в полтора раза, свела размеры среднего капитала, приходящегося на одну лавку, с 58.506 долл. до 43.919 долл. О том же говорит чрезвычайное распыление розничной торговли в Германии. По переписи 1925 года из всех отраслей германской промышленности самой распыленной является портняжная, в которой на одно предприятие приходится 2,4 занятых лица при среднем для всей промышленности числе занятых лиц в одном предприятии в 6,8 чел. В оптовой торговле Германии одно среднее предприятие имеет 4,8 занятых лица. Другую картину дает розничная торговля. Для всей Германии в среднем одна розничная лавка обслуживается 2,3 человека, при чем от этой средней цифры весьма слабо отклоняются средние для отдельных местностей Германии и, что в особенности заслуживает внимания, отклонения не связаны ни с плотностью населения отдельных местностей, ни с их торгово-промышленным характером. Восточная Пруссия имеет более крупные розничные магазины (2,9 чел. на каждый), чем Любек (2,8), за которым следует Бремен (2,7) и только после Бремена идет Берлин (2,5), мало отличаясь от Верхней Силезии (2,4) и Нижней Силезии с Познанью (2,3); наконец промышленная Саксония, в которой одна розничная лавка обслуживается в среднем 2,17 человека, не далеко оставляет за собою сельскохозяйственную Баварию, где на одну розничную лавку приходится 2 занятых лица.

[1] „Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.“

[2] „Перспективы развития народного хозяйства и культурного строительства РСФСР на 1927/28—1931/32 гг.“

Из этой тенденции розничной торговли строиться, согласно требованиям потребителей, заинтересованных в территориальной к ним близости розничной лавки, вытекает определенная география розничной сети. По количеству населения на одну лавку более населенные местности должны были бы стоять выше местностей с редким населением. Фактически этого нет. Берлин со своими $4^1/_2$ млн. населения имеет на одну розничную лавку 62,5 человека, Бремен с населением в $1^1/_3$ млн. — 65,6 чел., Липпе с 135-тысячным населением — 127 человек. Из отдельных частей Германии по плотности населения выше всех стоит Саксония с 333 чел. на кв. километр пространства и в ней на одну розничную лавку приходится 69 человек, меньше чем в остальных частях страны. Наоборот, в Верхней Силезии с плотностью населения, $2^1/_3$ раза более слабой, одна лавка обслуживает 154,3 чел. Самое большое число человек на одну розничную лавку (177,4) дает Восточная Пруссия с плотностью населения весьма низкой для Германии — 60,9 чел. на 1 кв. километр. В этом, неправильном с точки зрения интересов населения строении розничной сети отражается ряд условий, свойственных капитализму вообще. Отличающая капитализм анархия строительства играет тут, конечно, первую роль. Не менее важно то, что при капитализме распределительная функция торговли подчиняется чисто капиталистической функции торговли, как средства выработки капиталистической прибыли, точнее ее распределения между отдельными капиталистами. Многолавка вносит известные коррективы в географическое строение розницы. Но разрешить проблему в полной мере должно было бы плановое хозяйство в условиях советской экономики. Что же представляет собою розничная сеть в СССР?

Уже цитированная нами работа ЦСУ дает для второй половины 1925/26 г. такое районное строение нашей розницы:

Районы	Жителей на 1 *кв. км*	% городского населения	Лавок на 10 тыс. *кв. км*	Жителей на 1 лавку
Центрально-Черноземный	57,3	9,5	1.600	361
Рязанско-Тульский	54,7	10,5	1.372	400
Московско-Промышленный	43,9	29,5	1.935	227
Западный	43,6	11,9	1.163	375
Средне-Волжский	31,0	11,4	1.112	284
Северо-Кавказский	28,5	19,8	1.234	231
Крым	28,2	46,3	2.827	100
Вятский	21,8	6,8	562	387
Башкирия	17,2	8,7	476	361
Нижне-Волжский	17,1	17,7	558	305
Дагестан	14,5	10,8	551	264
Ленинград с Карелией	13,0	34,5	627	207
Киргизия	5,1	12,2	211	241
Уральский	3,9	20,7	136	285
Казакстан	2,2	8,3	48	456
Сибирь	9,1	13,0	47	459

Районы	Жителей на 1 *кв. км*	% городского населения	Лавок на 10 тыс. *кв. км*	Жителей на 1 лавку
Северо-Восточный	2,0	9,9	59	307
Бурято-Монгольский	1,3	9,3	35	364
Дальне-Восточный	0,7	25,2	33	207
Якутский	0,07	5,7	0,85	815
УССР	64,2	18,5	2.776	232
БССР	39,3	17,0	1.083	304
ЗСФСР	31,7	24,1	1.144	188
УзбССР	15,5	20,9	900	172
РСФСР	5,1	17,3	176	290
ТуркмССР	2,1	12,3	93	226
СССР	6,9	17,9	260	265

О чем говорят эти столбцы цифр? Ничего неожиданного нет в том, что густота розничной сети по числу лавок на 10.000 *кв. км* территории идет рука об руку с плотностью населения. Разные районы в смысле доступности для населения розничной лавки находятся в разных условиях, но это до известной степени имеет, как будто, свое оправдание, ибо не территорию обслуживает розница, а население. Но третий столбец уже ставит вопрос о степени обеспеченности розницей самого населения. Если средней обеспеченностью розницей населения принять число человек, приходящихся на одну лавку в среднем по СССР в целом, то третий столбец таблицы можно будет разделить на четыре группы: 1) районы с небольшим числом жителей на одну лавку, 2) районы со средним числом жителей, 3) районы с высоким и 4) районы с весьма высоким числом жителей на одну лавку. К последней группе придется отнести Якутскую область, в которой не только не имеется одной целой лавки на 10 тыс. *кв. км* территории, но и на одну лавку приходится в три раза больше жителей, чем в среднем для СССР. Около полутора раза больше жителей на одну лавку, чем в среднем для СССР, имеется в Сибири, Казакстане, Рязанско-Тульском районе, Вятском, Западном, Башкирском, Бурято-Монгольском и Центрально-Черноземном. Все эти районы имеют слабую розничную сеть, кроме трех — Центрально-Черноземного, Рязанско-Тульского и Западного; последние три района, при высокой плотности населения вообще, отличаются низким процентом городского населения. Минимальное число жителей на одну лавку приходится на 9 районов, из коих 5 имеют густую розничную сеть (Крым, Московско-Промышленный район, Северный Кавказ, ЗСФСР и УзбССР), а в двух — редкая розничная сеть совпадает с высоким процентом городского населения. Наконец, средняя группа районов составляется из одного района с весьма густой розничной сетью (УССР), двух районов с густой (Средне-Волжского и БССР) и трех районов с низкой розничной сетью (Нижне-Волжского, Уральского и Дагестанского), при чем из последних трех первый и третий районы имеют сравнительно высокий процент городского населения.

Обобщая сказанное, следует установить, что если у нас имеется прямая зависимость между плотностью населения и густотой (в отношении территории) розничной сети, то существует обратная зависимость между густотой розничной сети и числом жителей на одну лавку. Другими словами, редкость розничной сети в разных районах обусловливается у нас не только редкостью населения, но и тем, что чем слабее район обслуживается розничной торговлей, тем большей клиентуры требует каждая лавка. С точки зрения коммерческих интересов этот факт совершенно понятен. Покупательная сила населения в густонаселенных районах выше, чем в районах слабонаселенных. Отсюда вытекает высокая загрузка розничных лавок оборотом при сравнительно низкой их загрузке клиентурой. Если исходить из одной только розничной торговли (т.-е. не учитывая оптово-розничного торга, который нельзя расслоить на опт и розницу), то при среднем обороте на одного жителя в 38,4 руб. для СССР и 39,8 руб. для РСФСР, в Московско-Промышленном районе получится оборота 90,8 руб., в Крыму 80,9 руб., Ленинградском районе с Карелией 70,3 руб., Северо-Кавказском 48,0 руб. С другой стороны, ряд районов,— и к ним относятся, главным образом, районы с редкой розничной сетью и высокой клиентурой средней лавки,— дает розничного оборота около половины полученного нами для СССР и РСФСР. Так, в Киргизии на одного жителя розничного оборота приходится 14,1 руб., в Дагестане 14,4 руб., в Казакстане 15,1 руб., Башкирии 18,7 руб., Центрально-Земледельческом районе 19,6 руб.

Судя по тому обстоятельству, что в неперечисленных районах большого колебания по сумме оборотов на одного жителя не имеется, хотя они относятся к группам различной густоты розничной сети и различной загрузки клиентурой,— следует думать, что плотность розничной сети зависит не только от торгового спроса населения, но также и от стоимости розничного посредничества и разных других причин. Во всяком случае факт тот, что розничная сеть в СССР в своем географическом построении не связана с теми плановыми задачами, которые на нее возлагаются переходным временем. Каким фактором борьбы с натурально-патриархальным строем крестьянского хозяйства может служить лавка, обслуживающая территорию в сотни квадратных километров, при том расположенная в городских центрах? С другой стороны, в какой мере рационально сгущение районной сети там, где это выходит уже из рамок необходимого обслуживания населения? Характерно, что и нелавочная розничная торговля (разносно-киосочная) не заполняет у нас недостаточности рознично-лавочной сети, а еще усиливает во многих случаях сеть там, где и без того она достаточно сгущена. В Якутии таких торговых пунктов имеется 0,3 на 100 розничных лавок, в Бурято-Монгольском районе — 9,3, в Северо-Восточном районе — 9,8, между тем как на Северном Кавказе их имеется 33,6, Рязанско-Тульском 32,0, Средне-Волжском 28,0, Крымском 24,2 и т. д.

Отметим, наконец, отсутствие всякого намека на план в деле снабжения розницы в разных районах товарами со стороны увязанного с нею опта. На тысячу руб. розничного оборота приходилось рублей оборота частной оптовой торговли:

Московско-Пром. район. . .	1.365	Нижне-Волжский район . .	619
Дагестан	1.077	Сибирь	618
Туркменистан.	1.073	БССР	576
Ленингр. район с Карелией	923	Дальне-Восточный район .	518
Уральский район	923	Западный район	514
УССР	848	Башкирия	470
ЗСФСР	805	Центрально-Черноземный р.	427
УзбССР	768	Киргизия	369
Северо-Восточный район. .	722	Казакстан	253
Средне-Волжский „ . .	674	Рязанско-Тульский район .	228
Северный Кавказ	664	Бурято-Монгольский район.	38
Крым	659	РСФСР	905
Вятский район	647	СССР	880

Иллюстрируемая приведенным рядом цифр обеспеченность розницы местным оптом до такой степени не связана ни с розничной сетью, ни с торговым спросом населения, что говорить тут о каком-либо плановом строении снабжения розницы товарами нет, разумеется, никакой возможности. Не говоря об Якутии, которая местного опта вовсе не имеет, и Бурято-Монгольском районе с ничтожным местным оптом, ряд районов гораздо более связан с внерайонным оптом, чем с местным, между тем как другие районы страдают гипертрофией опта, связанного с внерайонной розницей.

Обращает на себя внимание прежде всего Московско-Промышленный район с чрезвычайно развитым оптом по сравнению с оборотами его розничной торговли. Очевидно, что опт этого района обслуживает не одну только свою розницу. Чем это вызывается? Конечно, не тем, что в этом районе сосредоточены главные массивы промышленного производства, ибо, когда мы говорим об оптовой торговле, мы имеем в виду оптово-посредническую торговлю, т.-е. не учитываем покупок первого оптовика у производителя. Эта последняя операция, конечно, связана с местом производства товара. Но все дальнейшие манипуляции с товаром, его торговое прохождение, в прямом смысле слова, имеет уже самостоятельный, независимый от места производства характер. Что же делает Московско-Промышленный район, так сказать, всероссийским оптовиком? Этот вопрос тем более важен, что речь у нас идет обо всем районе только потому, что ЦСУ опубликовало материалы о торговле в районных итогах; если бы оно дало более мелкие территориальные деления, пришлось бы говорить не только о Московской губернии даже, но о Москве, главным образом, так как всероссийским оптовиком служит, в сущности, именно Москва. На анализе снабжения розницы оптом в других районах мы останавливаться не будем. Для того чтобы осознать всю анархичность этого процесса в СССР, достаточно отметить ярко подчеркиваемый таблицей факт, что, не говоря о Московско-Промышленном районе с его гипертрофией опта, с одной стороны, а с другой — об Якутии, вовсе лишенной опта, равно как о Бурято-Монгольском районе с ничтожным местным оптом,— все остальные районы определенно делятся в свою очередь на две группы — на районы, в которых опт, несомненно, обслуживает внерайонную розницу, и на районы, которые, наоборот, требуют для своей розницы, главным образом, внерайонного оптового обслуживания. В капиталистических условиях, когда торговля является такой же функцией капитала, как и промышленность, такое территориальное строение опта в отношении розницы об'яснялось бы разными причинами, связанными с коммерческими удобствами и выгодами, часто идущими в разрез с рационализацией торговли с точки зрения народнохозяйственных интересов. Но советская экономика не может и не должна знать подобных коллизий.

IV

Когда мы говорили о нашей оптовой торговле, мы не выделили того вида опта, который в своем территориальном строении пред'являет требования, аналогичные тем, которые требует рациональное территориальное строение розницы. Если розница требует территориальной близости к распыленному потребителю, то заготовка продуктов мелкой промышленности, главным образом крестьянского хозяйства, может стать фактором не только реализации потенциальной товарности, но и роста последней, лишь при условии наибольшей ее территориальной близости к распыленному производителю. К сожалению, этой категории опта статистика ЦСУ не выделяет, хотя в наших условиях она представляет исключительный интерес. Но в какой мере и тут мы далеки от правильного планирования, показывает, например, территориальное распределение наших хлебозаготовительных пунктов. На 1 октября 1927 г. всего в СССР было 11.954 хлебозаготовительных пункта, число, несомненно, недостаточное, принимая во внимание слабое значение, которое у нас имеет раз'ездная агентура по заготовке хлеба. Но особенно обращает на себя внимание районное распределение заготовительных пунктов:[1]

	Всего пунктов	*Кв. км* на один пункт	Плотность населения
УССР	6.268	72	64,2
Центрально-Черноземн. . . .	1.026	184	57,3
Сев. Кавказ	1.128	260	28,5
Крым	70	361	28,2
Волжско-Камский	537	458	28,0
Поволжье	834	683	21,5
Урал	957	1.836	3,9
Казакстан	631	4.691	2,2
Сибирь	602	6.739	2,1

[1] „Ежегодник хлебной торговли", № 1, 1925/26—1926/27 гг.

Какие комментарии требуются для этой таблички? Почему на Украине радиус обслуживания заготовительной сети в $2^1/_2$ раза меньше, чем в Черноземном районе и в 4 раза слабее, чем на Сев. Кавказе? Почему Крым лучше обслуживается заготовительной сетью, чем Волжко-Камский район и Поволжье? И какое воздействие на товаризацию хлебной продукции может оказать заготовительная сеть на Урале, особенно в Казакстане и Сибири, где один заготовительный пункт приходится на тысячи *кв. км* территории? Зато с поразительной правильностью проходит тот же факт, который до известной степени связан и с розничной торговлей: плотность заготовительной сети связана с плотностью населения, т.-е. заготовительная сеть плотнее там, где это менее требуется интересами планового хозяйства. Далеко не бесполезно было бы поставить вопрос, в какой мере наши неудачи с заготовками зависят от стихийного строения нашей заготовительной сети — и не только в сфере хлебозаготовок?

V

Если в деле планирования оптовой торговли мы стоим только на пороге рационализации, при чем основные вопросы последней пока еще проходят мимо нашего внимания, то неудивительно, что розничная торговля просто копирует у нас беспланову́ю анархию капиталистических стран. Одно то, что во вторую половину 1925/26 года в руках частника сосредоточивались еще три четверти всех розничных лавок, не может не рассматриваться как условие, всего менее благоприятствующее планированию розничной торговли. Трудно, однако, сказать, что хотя бы остальной четвертью розничной сети — государственно-кооперативными лавками — мы пользуемся для исправления создаваемого распространением частной розницы положения. И в самом деле. Во вторую половину 1925/26 г. в СССР было 134.033 государственно-кооперативных розничных лавки, и из них 28.569 приходилось на УССР, 21.821 — на Московско-Промышленный район и 10.029 — на Ленинградский район с Карелией; другими словами, 45% всего обобществленного сектора розницы сосредоточено было всего лишь в трех районах, которые в достаточной мере насыщены частной розницей. Если к этой цифре прибавить государственно-кооперативные лавки трех других насыщенных розницей районов — Центрально-Черноземного с 7.577 обобществленными розничными лавками, Средне-Волжского с 7.560 и Северо-Кавказского с 7.265 обобществленными лавками, то на всю остальную громадную часть СССР, в которой вообще розница слабо развита, придется всего лишь несколько более одной трети (38%) всего обобществленного розничного сектора.

Изменилась ли эта картина в истекшие два года? Судя по отрывочным данным, частная розничная сеть значительно сократилась в последнее время, между тем как кооперативная сеть увеличилась

слабо. По приблизительным подсчетам кооперативной подсекции Госплана РСФСР, на 1 октября 1928 г. всех кооперативных лавок по РСФСР было более, чем на 1 октября 1926 г. всего лишь на 28,4%. Но что особенно характерно, это то, что удельный вес в кооперативной сети вышеперечисленных шести районов с насыщенной розницей даже несколько увеличился — с 65,0% до 66,1%. Это значит, что обслуживаемость кооперативной розницей районов со слабой розничной сетью ухудшилась.

Понятно само собою, что ведя борьбу с частником, кооперация обращает главное внимание на те районы, в которых частная розничная сеть особенно сильна. В этих районах, с другой стороны, сосредоточены основные массы рабочего населения, более подготовленного к поддержанию кооперативного движения. Но оба эти обстоятельства, благоприятные для кооперирования розницы, только об'ясняют явление, но не оправдывают его с точки зрения планового охвата розничной торговли, как могущественного фактора, как рационализации народного потребления, так и вовлечения его в орбиту строительства социализма. Нужно признать, что потребительская кооперация вообще недостаточно еще осознала возлагаемую на нее переходным временем задачу. Помимо того, что она ведет борьбу с частником в слабой степени на почве технической рационализации розницы, она и в благоприятных для ее развития районах плановой организацией народного потребления вовсе не занимается. Тем менее освоена кооперацией идея товаризации народного потребления там, где все еще окрашено в густой цвет натурального хозяйства. В последнем отношении капиталистическая многолавка в Соед. Штатах, постепенно забираясь в глухие углы страны, делает больше, чем наша кооперация, для которой советская экономика создает все условия, необходимые для превращения ее в единую многолавку в народнохозяйственном масштабе и с функциями, далеко выходящими за границы традиционного розничного торга.

Констатируя этот факт, мы его не ставим кооперации в вину. Нельзя пред'являть кооперации требований планового характера в народнохозяйственном смысле, когда народнохозяйственное планирование торговли в целом находится еще в младенческом состоянии. Гипертрофия опта, стихийность в строении розничной сети, перебои в заготовках, отсутствие плановой идеи во всей нашей торговле,— все это логический результат того, что мы до сих пор понимаем под планированием торговли. Сложную и трудную задачу мы упрощаем тем, что подменяем торговые планы перспективными балансами предложения и спроса, при чем если предложение мы еще учитываем более или менее удовлетворительно, то спрос, совершенно у нас не изученный, рассматривается как „дышло“, которое можно повора́чивать куда угодно. Сколько бы такие „планы“ ни украшались рассуждениями о целесообразных ценах и выгодных издержках товарообращения, они в торговые планы не превратятся.

Никто серьезного внимания не обратил бы на план промышленности, в котором проектировалась бы продукция без основных факторов, обусловливающих ее размеры. В отношении торговли мы только это и делаем. Мы забываем, что на рынок часто не идет даже тот товар, который предназначается для него, не говоря о той продукции, которую только правильно организованная торговля может превратить в товар. Что же удивительного в том, что спрос вырисовывается в наших торговых планах не как об'ект воздействия со стороны торговли, а как сила, регулирующая самую торговлю? До тех пор пока исходным моментом в торговом плане не станет торговый аппарат, в частности торговая сеть, мы в торговом планировании не выберемся из импрессионистского тумана, имеющего весьма мало общего с торговым планированием, как таковым.

Народнохозяйственный план можно назвать числовым выражением экономической политики, построенной с учетом экономических законов, способствующих выполнению заданий последней. Интересы народного хозяйства, диктуемые экономической политикой,— в СССР экономической политикой строящего социализм рабоче-крестьянского государства,— требует от торговли сжимания рыночного оборота в одних случаях и его расширения в других, определенного воздействия на потребление, известной трансформации связей между производством и потреблением и между отдельными отраслями первого. Все это в условиях товарно-денежного хозяйства требует специального экономического творчества, которое наполняет своим содержанием торговлю и именно оно, это специальное экономическое творчество, должно быть об'ектом торгового планирования. Другими словами, в центре торгового планирования, его базой и его орудием должен быть торговый аппарат, как сила строящая торговлю и, следовательно, как сила, разрешающая торговую проблему соответственно задачам, выполняемым в ту или другую историческую эпоху народным хозяйством в целом.

И только на почве такого планирования разрешается также проблема рационализации торговли, мы бы сказали — экономической рационализации торговли, в отличие от технической ее рационализации, рационализации отдельных торговых отправлений, неувязанных в единую систему народнохозяйственного строительства торговли.

М. Краев

К вопросу о значении контрактации в реконструкции крестьянского производства и товарооборота

Настоящая статья является попыткой, на основе учета данного уровня кооперирования товарооборота и опыта контрактации, сделать некоторые выводы о роли и значении последней в плане реконструкции крестьянского производства и товарооборота.

Размеры контрактации уже сейчас таковы, что настоятельно необходимо уделить специальное внимание анализу ее народнохозяйственного значения.

Удельный вес сел.-хоз. кооперации в плановых заготовках и удельный вес контрактации в них по СССР

(В %%)

Наименование продуктов	Удельный вес сел.-хоз. кооперации в плановых заготовках			Удельный вес контрактации в заготовках	
	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.[2]	1927/28 г.	1928/29 г.
Хлебопродукты	—	35,0[1]	38,0	13,0	25—30,0
Маслосемена	—	20,0	38,0	18,0	30,0
Лен—волокно	36,4	54,8	65,0	17,3	43,4
Пенька	34,1	56,3	60,0	—	—
Табак	70,3	77,9	100,0	60,9	80,0
Махорка	91,3	100,0	100,0	51,0	55,4
Хлопок	89,0	97,2	100,0	100,0	100,0
Сахарная свекла	85,0	96,0	100,0	63,4	78,7
Кенаф	—	—	86,5	88,1	84,6
Клещевина	83,3	88,8	100,0	100,0	100,0
Соя	—	100,0	100,0	100,0	100,0
Проч. спец. культуры	—	—	100,0	100,0	100,0
Шерсть	39,3	52,9	70,0	44,3	69,1
Каракуль[3]	—	—	—	88,3	80,2
Смушка[3]	—	—	—	71,1	78,0
Коконы	—	93,2	100,0	93,2	100,0

[1] Данные по РСФСР.
[2] Контрольные цифры на 1928/29 г. даны по РСФСР.
[3] Данных по Союзу за 1926/27, 1927/28, 1928/29 гг. нет.

Как видно из таблицы, важнейшие технические культуры контрактуются от 40 до 100% плановых заготовок.

В пятилетнем плане намечается почти по всем приведенным техническим культурам стопроцентный охват контрактацией товарной продукции. Несколько не достигнут этого уровня, вероятно, льносемя (намечается около 70%); лен—волокно (намечается около 85%) и пенька (около 60%).

Идет быстрый рост и контрактации зерновых. Ее удельный вес в заготовках 1927/28 г. был около 13%, на 1928/29 г. поднимается до 30%, а на 1933 г. проектируется до 70—80% от плановых заготовок.

Авансы по контрактации, составлявшие в 1927/28 г. сумму около 180 млн. руб., возрастают в 1928/29 г. до 300 млн. руб., а к 1933 г. проектируются около 1.000 млн. руб.

Приведенных данных достаточно, чтобы видеть в контрактации мероприятие большого масштаба.

Кроме того, уже выявилась определенная социальная эффективность контрактации. Хотя этот вопрос еще не получил статистического освещения и изучения, но сведения с мест единодушно констатируют, что натуральное и денежное авансирование, осуществляемое на основе диференцирования мощности крестьянских хозяйств, приводит к под'ему маломощных групп, к освоению ими земель, ранее сдававшихся в аренду, следовательно, приводит к под'ему их товарности и соответственно, к устранению элементов, питающих капиталистическую верхушку деревни.

К этому следует добавить, что контрактация, осуществляемая не с индивидуальными хозяйствами, а с целыми общественными организациями, во-первых, укрепляет существующие колхозы и содействует образованию новых и, во-вторых, является основой для возникновения простейших производственных кооперативных об'единений (посевные товарищества и т. д.) и ускоряет процес кооперирования населения.

Вопрос о социальной эффективности заслуживает того, чтобы быть освещенным специально. Здесь же мы затронули его вскользь.

При изучении контрактации уже нельзя ограничиваться рассмотрением ее, как метода обеспечения данной отрасли промышленности крестьянским сырьем. Контрактация прежде всего выступает, как проблема отношений двух секторов, социалистического и крестьянского, как весьма важное звено в комплексе реконструктивных экономических связей между ними.

Контрактация пред'являет сейчас большие требования не только к заготовительной работе, но и к сел.-хоз. кредиту, сел.-хоз. снабжению и т. д. Она требует коренной реконструкции всего обращения денег и товаров между этими секторами. Все это делает ее важнейшей проблемой перспективного плана сельского хозяйства и кооперирования.

В такой постановке мы и пытаемся здесь ее осветить.

Контрактация переживает период бурного развития. Она обогащается новыми моментами, как-то: систематические производственные совещания в деревне, агротехнические требования к производственному процессу, увязка с сел.-хоз. кредитованием и снабжением и т. д.

Уже выявились важнейшие элементы контрактации, но нет еще их прочного единства, как системы. Выявились также и дефекты. Из них важнейшие — это систематическое запаздывание планов в центре, чем сильно снижается производственное значение контрактации. Затем — недооценка ее значения на местах и их слабая подготовительная работа. Мы учитываем эти дефекты, но в нашей постановке мы берем контрактацию в ее развернутом виде и исследуем ее реконструктивное значение.

Очередные задачи кооперирования и планирования сельского хозяйства

Перед народным хозяйством СССР в настоящий момент уже определились основные задачи социалистического строительства на ближайший период. Это — индустриализация страны и социально-техническая реконструкция сельского хозяйства. Вместе с тем, и именно поэтому со всей остротой появилось противоречие между социалистической крупной промышленностью, ее потребностями, ее темпами и требованиями к сельскому хозяйству, и сельским хозяйством на данном уровне и в данных его формах.

Рынок являлся и пока что является основным методом и важнейшей формой связи между социалистическими секторами. Основная сила экономического воздействия социалистического сектора на простой товарный проходит через него и это порождает чрезвычайно сложный и противоречивый комплекс явлений. Сектор промышленности, по природе своей плановый и имеющий внутри себя планы с реальной силой, связан методами рынка с сельским хозяйством, по экономическому строю своему — стихийным.

Но сельское хозяйство является базой развития промышленности. Поэтому построение всего народного хозяйства методами плана существенно видоизменяется.

Задачи социалистического строительства столь грандиозны, а роль сельского хозяйства столь велика, что без подчинения последнего плану выполнение этих задач затруднено в максимальной степени.

Не говорим уже о том, что весь этот материальный процесс роста должен итти в форме развивающихся элементов обобществления.

Намеченный мощный под'ем урожайности зерновых и технических культур, изменение пропорции культур и введение новых, повышение качества всей сел.-хоз. продукции, специализация районов, рост товарности и, наконец, четкость и точность поступления сел.-хоз. продукции в распоряжение социалистического сектора,— все это строго определенные элементы народнохозяйственного плана.

Отсюда, актуальнейшей задачей социалистического строительства является определение методов охвата планом крестьянского

производства. Практическая деятельность ищет путей постепенной замены стихийных методов выполнения сельскохозяйственных планов методами непосредственного планирования и учета крестьянского производства, на основе заинтересованности мелкого товаропроизводителя. Путь к этому лежит через реконструкцию обращения между данными секторами, через реконструкцию форм экономических связей социалистического сектора с простым товарным.

Обращение само есть обусловленный момент производства. И поскольку ведущим является социалистическое промышленное производство, его закономерности должны овладеть обращением и соответственно его перестроить.

Многое уже сделано на этом пути. Частный капитал значительно сбит с основных позиций. Его заменили кооперация и госорганизации, т.-е. новая социальная сила.

Таким образом, дана новая общая социальная физиономия обращения, дана пролетарская линия в работе. Однако, все это является лишь предпосылкой предстоящей качественной реконструкции товарооборота.

В чем сущность этой новой задачи?

Сел.-хоз. кооперация, занимавшаяся до сих пор преимущественно товарооборотом, подошла в своем развитии к моменту непосредственного внедрения в крестьянское производство. Это внедрение идет в форме контрактации. Но начавшаяся производственная работа выявила со всей определенностью непригодность данного уровня организации товарооборота. Для действительной производственной работы сел.-хоз. кооперации нужен по-новому организованный товарооборот.

Плановая реконструкция крестьянского производства через товарооборот требует планового товарооборота. Его-то у нас, в сущности говоря, еще и нет.

Как раз там, где лежит стык социалистического сектора с крестьянским, т.-е. в первичном кооперативе, там и кончается план. У первичного кооператива или у группы кооперативов различных видов, работающих с распыленными массами крестьянских хозяйств, нет целевого производственного плана работы, в котором была бы выявлена их организаторская, реконструктивная инициатива.

Налицо, с одной стороны, обособленность отдельных видов кооперации: кредитная деятельность, например, идет независимо от снабжения средствами производства, а заготовительная — независимо от них обоих. Это вовсе не вызывается процессом специализации низового звена. Наоборот, именно специализация требует строгой увязки деятельности всех кооперативов района в один план.

На данной стадии развития кооперации, когда перед нею стоят задачи производственной реконструкции крестьянского хозяйства, проблема единого производственного плана района деятельности группы сел.-хоз. кооперативов становится очередной задачей. С другой стороны, каждый сел.-хоз. кооператив до сих пор почти целиком обусловлен стихией.

Например, кооператив, ведущий снабженческие операции с крестьянством, не знает заранее, кому, когда и сколько пойдет средств производства, лежащих у него на складе. Не знает также, какова будет эффективность этого снабжения. Тоже самое полностью относится к кредитованию крестьянских хозяйств.

Вполне естественно поэтому, что при таком состоянии снабжение и кредит не были до сих пор факторами, планирующими крестьянское производство, факторами, которые вызывали бы с неизбежностью экономического закона нужное социалистическому сектору ответное движение.

Еще хуже обстояло до сих пор дело с заготовительной работой. Если отвлечься от контрактации, которая как раз и вносит переворот во всю кооперативную работу, то кооператив не знает, кто, что, когда произвел и когда, кому, сколько и по какой цене продаст. Кооператив в своей работе в основном обусловлен стихией простых товаропроизводителей.

Вот почему, когда мы подошли к этапу производственной реконструкции, последняя настоятельно потребовала и реконструкции товарооборота, как своего важнейшего фактора. В этой связи приобретает свое значение следующая директива XV с'езда партии:

„Важнейшей задачей социалистического строительства в области организации обмена является преодоление анархии рынка и расточительности в расходовании материальных средств, свойственной капиталистическому способу распределения путем дальнейшего развития и рационализации обобществленного сектора товарооборота.

Обобществленный сектор обращения, расширяясь за счет вытеснения частного капитала, внося плановое начало с сферу товарооборота путем рационализации торговой сети, максимального сокращения непроизводительных затрат в сфере обмена, закрепит все громадные экономические преимущества нового социалистического строительства, преобразуется в аппарат социалистического распределения продуктов" (из резолюции XV с'езда ВКП (б) о пятилетнем плане народного хозяйства).

Планы народного хозяйства, являющиеся научно-обоснованными директивами, должны получить и в отношении сельского хозяйства методы выполнения, соответствующие природе этих директив. Характер и роль товарооборота должны подняться на новую ступень. Вот почему такое решающее значение приобретает контрактация сельскохозяйственной крестьянской и колхозной продукции.

Что такое контрактация в условиях СССР

Контрактация далеко не новое экономическое явление. Она свойственна и капитализму, как договор капиталиста с крестьянином на производство определенного количества товаров. Это — коммер-

ческая сделка, обусловленная сущностью капиталистического производства и содействующая его процессам. Мы не даем здесь анализа такой контрактации, являющейся специальной и высоко интересной темой.

Совершенно ясно, что контрактация в СССР принципиально иного характера. Этот характер обусловлен сущностью пролетарского государства и социалистического сектора хозяйства.

Как и всякое явление, наша контрактация имеет свою, хотя и очень краткую историю и в своем исходном состоянии совершенно не похожа на ту, в которую развертывается сейчас.

Контрактация возникла, как метод заготовок, наиболее обеспечивающий промышленность сырьем. Социалистический сектор давал как бы заказ или же покупал продукцию на корню, в связи с чем выдавал авансы, в форме денег и семян, в счет стоимости будущих сел.-хоз. товаров.

Но возникшие новые отношения не могли ограничиться этим. Социалистический сектор заинтересован в социальной и технической реконструкции крестьянского производства. Крестьянство же заинтересовано в помощи ведущего сектора. Поэтому, естественно, в дальнейшем в контрактацию внедряются социальные и производственные моменты. Авансируя деньгами, семенами, удобрениями и т. д., контрактатор требует продукцию определенного количества и качества, следовательно, пред'являет требования к уровню производственного процесса.

Но весь этот процесс может быть закономерным и нормальным в наших условиях лишь в меру обобществления простых товаропроизводителей. Контрактация неизбежно развивается, во-первых, на основе диференцированного отношения социалистического сектора к различным социально-экономическим группам, во-вторых, от индивидуальных форм к контрактации с целыми земельными обществами, к организации посевных товариществ и т. д.

Социально-техническая реконструкция сельского хозяйства, тесно связанная с необходимостью устойчивого перспективного плана развития сел.-хоз. культур, выдвинула на очередь вопрос о долгосрочной контрактации.

Только долгосрочная контрактация, овладев крестьянским производством, создает прочное основание для планирования и массовой реконструкции крестьянского хозяйства.

Следовательно, контрактация, как развернутое явление, в условиях СССР характерна следующими определениями. Это — экономическое отношение социалистического сектора с крестьянством через кооперацию, заключающееся: 1) в установлении плана производства данной товарной продукции в крестьянском производственном об'единении для социалистического сектора продукции определенного количества и качества с доставкой в установленный срок; 2) заключающееся в установлении плана кредитования и снабжения этих

об'единений средствами производства со стороны социалистического сектора; 3) в установлении плана агрикультурных и прочих производственных мероприятий в сельском хозяйстве; 4) в формах, обобществляющих крестьянское производство.

Контрактация в таком определении есть реконструктивный план крестьянского товарного производства и обмена с социалистическим сектором. Это не что иное, как производственный план района деятельности сел.-хоз. первичных кооперативов.

Создание такого уровня работы дело чрезвычайной сложности. Пред'являются большие качественные требования к кооператорам, требуется постепенная перестройка всей сбытовой, снабженческой, кредитной и агрикультурной работы в деревне.

Сейчас мы еще очень далеки от этого уровня кооперативной работы. В данный период сильны еще дефекты как суб'ективного, так и об'ективного порядка. К дефектам первого рода относятся: из года в год повторяющееся запаздывание составления планов контрактации в центре, чем буквально срывается всякая производственная подготовка на месте, затем, запаздывание авансирования, недостаточность семяноснабжения. Имеется недооценка значения контрактации кооперативными работниками во многих районах и т. д. К дефектам второго рода относятся распыленность и бесплановость всей кооперативной и государственной экономической деятельности в деревне.

Контрактация в существующем виде не является еще основанием для составления сел.-хоз. кооперацией совместно с населением плана экономической деятельности района. Внедрение же производственной контрактации внесет коренные изменения как в товарооборот, так и в крестьянское производство, быстро создавая предпосылки коллективизации и плана.

Контрактация и оборот крестьянских сел.-хоз. товаров

Рассмотрим значение контрактации в реконструкции товарооборота крестьянской продукции.

Что мы имеем в этой области без наличия контрактации?

Прежде всего — господство мелких товаропроизводителей на основе рынка.

Мы не знаем и не имеем (если отвлечься от контрактации) возможностей знать производственные планы отдельных крестьянских хозяйств. Мы можем лишь post factum констатировать, с известной степенью точности, кто, что, какого количества и качества произведет. Не знаем также, когда, кому и по какой цене эта продукция поступит.

Помимо обусловленности сезонными факторами, заготовки таким образом усложняются еще стихийностью поступлений продукции на рынок.

Для осуществления намеченных социалистическим сектором планов эти поступления по необходимости регулируются меропри-

тиями, соответствующими природе рынка. К периоду заготовок приурочиваются налоги и займы, мобилизуются для деревни запасы промышленных товаров и т. д.

Вся страна переживает посезонные колоссальные напряжения, растет эмиссия, обостряется товарный дефицит и т. д. И все же этим не создается твердый и определенный процесс поступления сел.-хоз. товаров в распоряжение социалистического сектора.

Достаточно сравнить наши заготовительные планы с их выполнением, чтобы убедиться в этом тотчас же.

Всякий знает, что наши заготовительные планы расходятся с их реализацией самым резким и неожиданным образом. Наиболее тяжелы и сложны хлебозаготовки, особенно во II и III кварталах, когда товарная продукция остается, главным образом, у высших групп деревни, в то же время роль налогов уже исчерпывается, а разница цен базарных и плановых обычно вырастает.

Таким образом, господство на рынке частных товаропроизводителей, необусловленность их экономических действий народнохозяйственным планом, на данной ступени хозяйственного строительства чрезвычайно затрудняет построение реальных планов.

Организация и внедрение планов производственной контрактации существенно изменяют и отменяют эти закономерности.

Что же дает правильно построенный и действительно реализованный план контрактации? Для иллюстрации приведем следующую таблицу (в %% к годовому итогу):

План поступления законтрактованного сырья по кварталам на 1928/29 г. (по плану НТК СССР)

Культуры	Кварталы				За год
	I	II	III	IV	
Хлопок	100,0	—	—	—	100,0
Свекла	100,0	—	—	—	100,0
Лен—волокно	70,0	30,0	—	—	100,0
Табак	10,0	40,0	50,0	—	100,0
Махорка	80,0	20,0	—	—	100,0
Сигарн. табаки	10,0	80,0	10,0	—	100,0
Кенаф	15,0	—	—	85,0	100,0
Пенька	20,0	30,0	50,0	—	100,0
Спецкультуры	100,0	—	—	—	100,0
Шерсть	—	—	60,0	40,0	100,0
Коконы	—	—	80,0	20,0	100,0
Каракуль	—	10,0	70,0	20,0	100,0
Смушка	—	10,0	70,0	20,0	100,0
Кролик	10,0	25,0	65,0	—	100,0

Если реализация сбыта по контрактационному плану станет экономической необходимостью сельскохозяйственного производства, то мы будем иметь в распоряжении социалистического сектора важнейшие элементы плана базы промышленности.

Есть ли основания рассчитывать на своевременное выполнение крестьянством договоров контрактации?

Опыт контрактации свеклы и хлопка, даже при нынешнем уровне производственной контрактации, позволяет дать положительный ответ. Гораздо сложнее дело с зерном, имеющим относительно широкий частный рынок сбыта при низкой товарности его. Здесь мы имеем следующую картину: на 21/I 1929 г., по данным Хлебоцентра, сдача законтрактованного хлеба выполнена колхозами на 77,4%, простейшими об'единениями — на 66,5%; все обязательства выполнены на 68,5%. При чем отдельные районы, напр., Сибирь, Урал и Башреспублика, выполнили 100% контракционных планов. Следовательно, у нас есть все основания утверждать, что при правильной организации дела реализация планов будет обеспечена.

Контрактация дает основание знать и устанавливать кто, что когда, какого качества продукцию произведет и сдаст социалистическому сектору, при чем это осуществляется в силу заинтересованности и выгоды контрактации для крестьянского хозяйства. Все это, при устранении частного заготовителя, означает ослабление существующих сейчас стихийных закономерностей в обороте крестьянских товаров и крупный шаг в сторону организованного производства и распределения. В значительной степени слезает фетишистическая мишура товарных отношений и выступает их содержание, как материальный процесс производства и распределения продукции отдельных частей народнохозяйственного целого, хотя на данной стадии этот процесс все еще будет происходить в денежной форме.

Тем самым дается новое определение формам и направлению движения всего крестьянского производства.

План принимает форму неизбежного момента воспроизводства в сельском хозяйстве.

Вот то крупнейшее новое качество, которое дает контрактация в области обращения крестьянских товаров при полном ее осуществлении.

Но только при полном ее осуществлении!

А это означает, что без увязки с другими элементами обращения, без внедрения их, как моментов плана контрактации, при изолированности заготовок, контрактация значительной экономической силы не получит и должной роли не сыграет. Такими неизбежными элементами являются прежде всего кредит, снабжение крестьянства средствами производства и агрикультурная работа сел.-хоз. кооперации и государства.

В настоящий период уровень заинтересованности крестьянства в этих моментах контрактации очень низок, потому что они осуществляются изолированно от плана контрактации.

Корни успеха контрактации заключаются все еще, главным образом, в потребности денежных и натуральных авансов. Это, конечно, очень важно, но сила контрактации вырастет неизмеримо через включение в нее кредитования, снабжения и т. д.

Действительную силу плана производство и движение товаров из деревни в город приобретут лишь тогда, когда с ними будет неразрывно связано движение денег и товаров из города в деревню.

Отсюда новая реконструктивная задача, поставленная производственной контрактацией перед сел.-хоз кредитом и сел.-хоз. снабжением.

Контрактация и сел.-хоз. кредитование

В настоящих условиях, когда налицо сезонность, помноженная на стихийность, все движение денег за сел.-хоз. товары в деревню обусловлено ими. Осеннее кредитование заготовок создает чрезвычайно сильное напряжение всей кредитной и финансовой системы. В условиях ведущей роли социалистического сектора это состояние не является неизбежным.

Противоречие, существующее между потребностями производственного процесса в сельском хозяйстве, и сезонностью денежных поступлений, разрешается не только кредитом в существующих ныне формах. В этом отношении играют важнейшую роль контрактационные авансы.

Выдаваемые по договору в счет стоимости, подлежащей в будущем сдаче товарной продукции и составляющие примерно 25% всей стоимости этой продукции, они могут существенно изменить положение. Обусловленные потребностями производства, авансы падают на иные кварталы по сравнению с заготовками. В то время, как основная заготовительная работа проходит во второй половине IV и в I квартале, авансы составляют в I квартале 15%, во втором — 19%, в третьем — 41,5% и в четвертом — 24,5% от суммы годового авансирования. При размерах авансов, проектируемых на 1928/29 г. до 300 млн. руб. и при проектируемом их росте, оздоравливающая роль такого поквартального перераспределения совершенно очевидна.

Сельскохозяйственный кредит является могущественным фактором социально-технической перестройки деревни. Мы сейчас вступаем в такую полосу строительства, когда эта роль должна быть выявлена и организована со всей определенностью.

В настоящем своем состоянии кредитование крестьянского производства от этого еще очень далеко.

Кредитный кооператив, даже правильно проводящий классовую политику, все же по методам своей деятельности недалеко ушел

от старой кооперации. Он еще отнюдь не является организатором и реконструктором своего района.

Кооператив идет, главным образом, по линии удовлетворения требований стихийного процесса простых товаропроизводителей.

Сила непосредственного воздействия на производство и обобществление крестьянства, сила внедрения элементов планирования еще достаточно слаба. Она, пока что, выражается лишь в установленных сверху преимуществах для колхозов.

Задачей предстоящего периода является решительное изменение данного состояния. Тем более, что найдена основа для этого изменения.

Можно считать, что производственная контрактация уже сейчас показала и доказала возможность нового построения сел.-хоз. кредитования.

Уже при первом взгляде ясно, как много общего между денежным и натуральным авансированием по плану производственной контрактации, с одной стороны, и работой кредитной кооперации — с другой.

При контрактации выдаются, во-первых, деньги на производственные нужды, во-вторых, семена, удобрения, машины и т. д. на основе определенного, связанного с народнохозяйственным целым производственного плана. По срокам это авансирование зависит от того, долгосрочная или краткосрочная контрактация осуществляется. Кредитная кооперация также дает крестьянину деньги на семена, удобрения, машины, скот и т. д. на различные сроки, но с тем важнейшим отличием, что не знает наперед, кто и для какой цели за ними придет, с тем отличием, что такой кредит оторван, изолирован от сознательно установленного производственнаго плана данного района.

Приводимая ниже таблица показывает, какую роль занимают в кредитной работе взятые нами три назначения, могущие быть полностью увязаны с производственной контрактацией.

Обслуженность заемщиков различными назначениями ссуд по СССР в % к итогу всех ссуд и сумм [1] за 1926 г.

Назначение ссуд	% числа ссуд	Сумма ссуд
Рабскот.	24,0	36,0
Сел.-хоз. машины (простые и сложные)	14,0	18,0
Семена	23,0	10,0
Итого по трем назначениям	61,0	64,0

Таким образом, в 1926 г. 61% числа ссуд и 64% суммы ссуд шли на удовлетворение тех же потребностей, удовлетворение коих входит элементом в план контрактации.

[1] Из материалов анкетного обследования кредитования крестьянских хозяйств первичной сетью системы сел.-хоз. кредита (изд. ЦСХБ 1927 г.).

Точно также и распределение ссуд по срокам может быть увязано как с краткосрочной, так и с долгосрочной контрактацией.

При краткосрочной контрактации срок колеблется около 6 месяцев, при долгосрочной — намечается до 7—8 лет.

Приводимая таблица показывает существующие сроки кредитования.

Распределение ссуд, выданных единоличным крестьянским хозяйствам по срокам в % (сводка по СССР за 1926 г.) по трем важнейшим статьям [1]

Назначение ссуд	До 3 мес.		От 3 до 6 месяцев		От 6 до 12 месяцев		Свыше 12 месяцев		Всего	
	Количеств. ссуд	Сумма	Количеств. ссуд	Сумма	Количеств. ссуд	Сумма	Количеств. ссуд	Сумма	Количеств. ссуд	Сумма
Рабскот.	9,0	9,0	26,0	24,0	60,0	60,0	5,0	7,0	100,0	100,0
Сел.-хоз. простые машины . . .	19,0	15,0	37,0	35,0	40,0	44,0	4,0	6,0	100,0	100,0
Сел.-хоз. сложн. машины . . .	20,0	17,0	29,0	21,0	33,0	33,0	18,0	29,0	100,0	100,0
Семена.	5,0	5,0	49,0	43,0	45,0	51,0	1,0	1,0	100,0	100,0

Чем значительней сроки, тем легче связать кредит с производственной контрактацией. Из приведенной таблицы мы видим, что свыше 50% суммы ссуд колеблются по срокам от 6 месяцев до 1 года. Сроки контрактационных авансов около 6 месяцев. Таким образом, и в сроках мы обнаруживаем ту производственную общность, которая диктует и авансам и другим формам сел.-хоз. кредита почти одинаковые сроки.

В отношении долгосрочного кредита, поскольку он связан обязательно со значительными реконструктивными требованиями к крестьянскому хозяйству, следует еще с большей определенностью подчеркнуть необходимость об'единения с планом долгосрочной контрактации. Необходимо в дальнейшем изжить изолированность кредита от контрактации и денежного авансирования и создать единый план финансирования сельского хозяйства. При этом одна часть этого плана выполняется в форме авансов, в счет стоимости подлежащей сдаче товарной продукции, погашение же другой части может быть связано с другими сроками, как это имеет место и сейчас.

Совершенно ясно, что это не означает уничтожения сел.-хоз. кредита и поглощения его контрактационным авансом. И тот и другой должны являться составными частями единого целого и соотношение этих частей устанавливается в практически целесообразных пропорциях.

[1] Из материалов анкетного обследования кредитования крестьянских хозяйств первичной сетью системы сел.-хоз. кредита. Изд. ЦСХБ, 1927 г.

Что достигается такой организацией кредита?

Прежде всего, построенный на производственной контрактации кредит придает ей громадную экономическую значимость в силу необходимости для крестьянского производства.

Самый процесс и степень реализации крестьянством контрактационных договоров, в силу важности кредита, поднимется на высшую ступень по сравнению с настоящим. Во-вторых, создается заключительное, низовое плановое звено в общей системе сельскохозяйственного кредитования. В-третьих, вырастает эффективность как контрактации, так и кредита в деле технической и социальной реконструкции, ибо дан единый план воздействия нескольких сил на крестьянское хозяйство.

Контрактация и организация снабжения крестьянства

В настоящий период развития контрактации снабжение крестьянства средствами производства еще не связано с нею, как обязательный момент.

Имеются лишь отдельные намеки на необходимость единства контрактации и кооперативного снабжения.

Между тем, в разрезе перспективного плана этот вопрос приобретает весьма важное значение.

Деятельность сел.-хоз. кооперации в области снабжения имеет сильную тенденцию в сторону специализации первичного звена. При данном низком уровне плановости работы первичной сети этот процесс будет процессом изоляции от остальных видов кооперации, будет процессом распыления реконструктивных сил сел.-хоз. кооперации.

Уже сейчас количественные успехи снабженческой кооперации велики. Она является решающей величиной на деревенском рынке. Увеличение ее роли до 100% само по себе ничего нового дать не может. На первое место выступает проблема качества работы. Методы и социально-технический эффект работы, которые отличали бы кооперацию от торговли, которые обнаруживали бы в кооперации активного реконструктора крестьянского производства, организатора, вносящего элементы обобществления и плана, — таких качеств у низовой кооперативной сети еще нет. Их лишь предстоит создать.

Для настоящего периода здесь существенны два обстоятельства:

1) Снабжение обусловливается стихийностью и сезонностью заготовок, являясь методом усиления заготовок, соответствующим рыночной природе отношений с мелким товаропроизводителем.

2) Кооператив не знает, кому, когда и какие средства производства он продает и с каким социально-экономическим эффектом. Его операции совершенно не связаны с другими кооперативными операциями.

Крестьянин приходит в кооператив и приобретает машину, но это еще вовсе не означает, что кооператив может приобрести у крестьянина его товарную продукцию. Снабжение не связано с планом производства и заготовки крестьянской продукции.

Совершенно очевидно, насколько ослабляется при таком положении позиция социалистического сектора в деревне и его реконструктивная роль. И мы должны со всей определенностью сказать, что эта стадия кооперативной работы должна быстро итти к концу.

Задача предстоящего периода заключается в том, чтобы снабженческий кооператив выступал перед крестьянством не в качестве торговца, а в качестве организатора и реконструктора.

Этот вывод весьма убедительно подтверждается практикой оперативной работы и мероприятиями оперативных организаций. В одном из директивных писем, посланных на места совместно НКЗ РСФСР, Союзом Союзов, Россельбанком, Сельскосоюзом и Хлебоцентром, мы читаем:

„Текущий период хлебозаготовительной кампании вызывает необходимость на ряду с усилением мероприятий чисто-организационного характера наиболее тщательного и полного использования экономических факторов для стимулирования выбрасывания крестьянством излишков хлеба. В числе таких факторов, которыми располагают системы сел.-хоз. кредита и сел.-хоз. кооперация, первостепенное место и значение занимает деятельность систем в области кредитования и производственного снабжения.

Эта деятельность систем всегда должна находиться в связи со сдачей населением своих товарных излишков государству; в момент же прямых напряжений на хлебозаготовительном рынке эта связь должна быть усилена до необходимых пределов, обеспечивающих нормальное выполнение хлебозаготовительных планов" (см. бюллетень Хлебоцентра № 4 от I/II 1929 г.). Здесь дается определенная директива связать товарные потоки из деревни в город и из города в деревню.

В том же письме в настоящий период констатируется „почти полное отсутствие оперативной увязки между специализированными звеньями периферии сел.-хоз. кооперации и местными органами сел.-хоз. кредита". Намечаемая увязка абсолютно необходима, но в силу того, что она строится не на основе производственной контрактации, она принимает не планово-производственный характер, а характер ударности, рыночной стихийности и заготовительной сезонности.

„При ходатайствах о выдаче кредитов на ту или иную цель, каждый раз необходимо учитывать, насколько исправно данное хозяйство выполнило свои обязательства в отношении государства по сдаче излишков хлеба; в противном случае, ходатайства эти не подлежат рассмотрению".

И дальше, в том же директивном письме еще определеннее подчеркивается, что злостно уклоняющимся от сдачи хлебных излишков государству или при реализации их частникам „должно быть решительно отказано как в товарах, так и в кредитах, направляемых через звенья сел.-хоз. кооперации и сел.-хоз. кредита в плановом порядке".

Приведенное письмо ярко иллюстрирует господство стихии в товарообороте низового звена до сих пор, изолированность отдельных экономических связей двух секторов и необходимость во что бы то ни стало изменить существующее положение. Конечно, при существующем состоянии производства и товарооборота в деревне мероприятия, изложенные в письме, целесообразны и необходимы, но ясно также, что здесь просто „клин клином вышибают".

Производится сезонное воздействие через рыночные рычаги для создания ответного рыночного движения. Но ведь по существу здесь ничего планового нет. И в истекшие годы производилось посезонное давление, напр., промтоварами, отчего весь товарооборот города с деревней принимал и принимает форму флюса.

Последнее может быть устранено путем постепенного, но решительного перевода снабжения на основы плана производственной контрактации.

Поворот работы в эту сторону даст возможность снабженческому кооперативу принять активное участие в производственных совещаниях деревни, где вырабатывается план контрактации, даст возможность связать свою работу с производственным заготовительным и кредитным планом данного района, и лишь на этой основе действительно знать — кому, что, когда дать и какова будет социальная и техническая эффективность. На этом же пути будут легче всего найдены и формы обобществленного, а не индивидуального снабжения.

Увязку кредитования и снабжения с контрактацией отнюдь не следует понимать упрощенно, как это делается иногда сейчас, когда ее сводят к тому, что при обращении крестьянина за кредитом и машинами справляются, является ли он участником контрактации и если да, то оказывают преимущества. Этим, конечно стимулируется переход к контрактации, но ничего планового в отношениях с контрактантом здесь все же нет.

Контрактация в нашей постановке обязывает при самой проработке контрактационных планов к участию в ней всей видов сел.-хоз. кооперации, и, таким образом, сознательное, целевое определение необходимых и возможных на этой основе мероприятий. Следовательно, наперед устанавливается, что в меру кредитов и средств производства данное село получит на основе договора такие-то машины, удобрения, кредиты и т. д. Такая-то часть их пойдет в обобществленной форме (особенно сложные орудия), такая-то — в индивидуальной. А это — далеко не то же, что мы имеем сейчас.

Народнохозяйственное значение такой организации кооперативной работы в деревне, когда сбыт, снабжение и кредит построены на плане контрактации, чрезвычайно велико.

В производственной контрактации, с соответственно организованным товарооборотом и кредитом, мы нашли ту форму, в которой стихийные закономерности сектора простого товарного хозяйства будут вытеснены закономерностями ведущего, социалистического сектора.

Стихийность заменяется в значительной степени плановым производством и распределением всей товарной продукции. Вместе с тем, изменяется снизу доверху характер товарооборота, так как создано низовое, заключительное плановое звено товарооборота. Устраняется сезонная напряженность в снабжении промтоварами деревни, а вместе с тем, изменяется структура товарных запасов, издержек обращения и т. д.

Лишь реконструированная таким образом система кооперативного товарооборота может стать мощным фактором социальной и технической реконструкции крестьянского хозяйства. Когда все кооперативы района, охватывающие отдельные экономические процессы, будут связаны единым планом с мелким товаропроизводителем, когда будут устранены параллелизм, изолированность и хаос обслуживания и воздействия на крестьянское хозяйство, когда мы имеем на основе производственного плана контрактации единую сел.-хоз. кооперативную организацию в районе, хотя и работающую на основе высоко развитого разделения труда,— лишь тогда влияние кооперации на социальную и техническую организацию сельского хозяйства будет определяющим и эффективность реконструктивных мероприятий поднимется высоко. Социалистический сектор проникает своими экономическими нитями в деревню и обусловливает ее движение в нужную сторону и в нужной форме. При чем этот процесс принципиально отличается от процесса внедрения капитализма в систему крестьянского производства, ибо он совершается на базе роста материального благополучия мелких производителей через уничтожение социальной диференциации их, путем постепенного внедрения элементов крупного обобществленного производства.

Такова, на наш взгляд, очередная задача в области организации кооперативной работы, которую мы должны поставить на разрешение в пятилетнем плане.

Конечно, за столь короткий срок мы этой задачи полностью не разрешим, но поставить ее и частично выполнить мы обязаны темпами реконструкции, намеченными в отношении сельского хозяйства в перспективном плане.

Вопросы контрактации освещены и в резолюции, принятой состоявшимся 26/II—4/III с. г. при Госплане СССР расширенным кооперативным совещанием всех систем.

В принятой совещанием резолюции мы читаем:

„Расширенное совещание кооперативных организаций при Госплане СССР, обсудив вопросы пятилетнего плана кооперации, постановляет:

§ 8. Задача производственного кооперирования теснейшим образом связана с программой производственной контрактации, и производственного кредитования, которые должны проводиться диференцированно в отношении отдельных социальных групп, разнообразных районов и культур. Контрактация является одной из основных задач сельскохозяйственной кооперации.

Контрактация должна проводиться таким образом, чтобы дело реконструкции сельскохозяйственного производства предоставить сельскохозяйственной кооперации.

На основе сельскохозяйственной контрактации и в меру ее развития экономическая деятельность всех видов сел.-хоз. кооперации должна быть организована, как плановый комплекс всех мероприятий, осуществляемых в сельском хозяйстве (агрономическое обслуживание, кредит, снабжение и т. д.), тем самым приближаясь к созданию единого производственного плана в районе деятельности низовых кооперативов".

Принятие такого, на наш взгляд, совершенно правильного решения обязывает к весьма значительным изменениям и в отношении организационного строительства низовых звеньев сел.-хоз. кооперации всех видов.

При существующей сейчас распыленности и изолированности друг от друга в работе отдельных специальных сел.-хоз. кооперативов в данном районе, осуществление изложенных выше реконструктивных моментов совершенно невозможно.

Необходимость производственного единства в работе всех видов первичных кооперативов, организация планового комплекса всех сел.-хоз. мероприятий и создание единого плана района требуют решительного перехода от существующего организационного состояния к такому сел.-хоз. кооперативному об'единению, которое включило бы в себя и высокий уровень специализации кооперирования отдельных моментов крестьянской экономики и их плановое единство.

Сейчас, когда намечается лишь направление основных изменений в организационном строительстве кооперации, было бы неправильным предвосхищать опыт, который еще должен быть проделан. Резолюция упоминавшегося совещания говорит следующее по этому вопросу:

„В связи с переходом к производственному кооперированию деревни и большими темпами обобществления особенно остро стоит задача оргстроительства низовки в сторону согласования и об'единения работы отдельных видов сел.-хоз. кооперации и упрощения взаимоотношений с населением, сохраняя, вместе с тем, и возмож-

ности для дальнейшей специализации сел.-хоз. кооперации по отдельным районым, культурам и видам деятельности кооперации".

Не предрешая темпов и конкретных путей организационных изменений, необходимо подчеркнуть, что эти изменения должны происходить в указанном направлении.

Сейчас больше, чем когда бы то ни было, вырастает реконструктивное значение первичного кооперативного звена. Производственная контрактация может быть поднята на высокий уровень только правильно организованной низовкой. Новое содержание, вносимое контрактацией во всю кооперативную работу, будучи развернуто в соответствующей организационной форме, даст социалистическому сектору метод массового воздействия на переустройство деревни, метод создания предпосылок для поголовной коллективизации маломощного и среднего крестьянства.

Необходимо подчеркнуть исключительное значение производственной контрактации, как для существующих, так и для вновь возникающих колхозов, ибо таким путем колхозы включаются непосредственно в общий план народного хозяйства и теснее связываются с ведущим сектором социалистической промышленности.

В отношении индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств производственная контрактация, улучшая их производительные силы, обобществляя отдельные производственные процессы, поднимая их товарность, создает прочную экономическую опору социалистическому сектору в деревне против кулацких хозяйств, ибо уже сейчас контрактационные договоры с крестьянством кооперация заключает не в индивидуальной форме, а целым земельным обществом или группой. На основе плана контрактации мы имеем за какие-нибудь полтора года в одной лишь зерновой отрасли сельского хозяйства возникновение свыше 10.000 совершенно неизвестных раньше кооперативному движению так называемых посевных зерновых товариществ, могущих стать при правильном руководстве зародышевой формой колхозов.

Вместе с тем, такой процесс реконструкции экономической связи социалистического сектора с крестьянским дает основание уверенности, что при осуществляющемся форсированном наступлении на капиталистические элементы деревни последние будут быстрее и легче вытеснены из сельскохозяйственной экономики.

Б. Раскин

Сущность и роль кредита в переходном хозяйстве

Основным принципом анализа категории кредита в советском хозяйстве должно быть разграничение в существующих в переходном хозяйстве кредитных отношениях капиталистических и социалистических элементов, затем установление характера их связи и перерастания одних (капиталистических) в другие (социалистические).

Прежде всего возникает вопрос: возможно ли вообще такое неестественное соединение, как элементы социализма и кредит? Ведь кредит есть отношение товарного, основанного на частной собственности хозяйства, и следовательно, он не совместим с хозяйством, эту частную собственность исключающим. Для тех, кто не мыслит себе хозяйства на иной основе кроме буржуазного хозяйства, и следовательно, для кого социалистическое хозяйство есть не более как разновидность такого буржуазного хозяйства, существование кредита и социалистического хозяйствования не исключено. В таком духе высказывался, напр., Железнов [1] и др. Но и у, более понимающих сущность отношений авторов можно найти такого рода заявления: „Мы отнюдь не видим в кредите нечто несовместимое с плановым началом". [2] Этот автор возражает против мнения, что „путь кредита должен постепенно переходить на-нет, по мере изживания стихийных элементов хозяйства". [3]

В действительности же, никаких кредитных отношений нельзя себе мыслить там, где полностью изжиты „стихийные элементы хозяйства", т.-е. там, где нет частной собственности.

В едином организованном хозяйстве нет кредита, самого себя кредитовать нельзя; это — азбука. В советском хозяйстве действительно сосуществуют кредит и плановые методы ведения хозяйства, но в корне неверно делать отсюда выводы, что полностью регулируемое и планируемое хозяйство совместимо с кредитом. Таким путем мы кредита переходного хозяйства не поймем и, в особенности, не выясним тенденций его развития. Особенности кредита в нашем хозяйстве могут быть выявлены только тогда, когда мы, зная действительную сущность кредита в капиталистическом хозяйстве, так же

[1] См. проф. Железнов, статья в сборнике „Денежное обращение и кредит", ч. 1.

[2] Кистенев, „Проблемы кредита в СССР", „Вестник Финансов", № 2 за 1928 г. стр. 25.

[3] Там же.

ясно представим себе и то, каким образом в организованном хозяйстве выполняются функции, в стихийном хозяйстве выполняемые кредитом.

Одной из очень важных функций, выполняемых в капиталистическом хозяйстве кредитом, является экономия наличных денег. Эту функцию кредит выполняет как путем замены наличных денег кредитными, так и организацией без наличных расчетов и, наконец, вследствие ускорения быстроты обращения денег. Так как товарное хозяйство знает движение товара только путем замены его деньгами (или другим товаром), то ясно, какое громадное значение для капиталистического хозяйства имеет эта функция кредита. Но столь же ясно, что в социалистическом хозяйстве, где нет ни товара, ни денег, не может быть и речи о подобной функции.

Другой, не менее важной, функцией кредита в капиталистическом хозяйстве является происходящая при его помощи централизация капиталов. Развивающееся капиталистическое производство требует все большей и большей концентрации капиталов и постоянно натыкается на границы, которые здесь кладут ему рамки частной собственности. Кредит прорывает эти границы, давая тем самым возможность колоссального расширения предприятий и производства. Кредит это делает путем таким, что „предоставляет отдельному капиталисту или тому, кто считается капиталистом, абсолютное, в пределах известных границ, распоряжение над чужим капиталом и чужой собственностью и вследствие этого над чужим трудом“. [1] Этим самым кредит усиливает до величайшей степени присущие капитализму противоречия. Но развитие капиталистических противоречий есть развитие самого капитализма. Без кредита капиталистическое хозяйство и его развитие немыслимы.

Но социалистическое хозяйство, в котором все средства производства принадлежат обществу и где, следовательно, имеется абсолютная их централизация, не оставляет места и чему-нибудь похожему на эту вторую функцию кредита.

Третья функция кредита в капиталистическом хозяйстве опирается на рассмотренные две и отчасти с ними совпадает; это — перераспределение капиталов между отдельными предприятиями и отраслями. Речь здесь идет о всякого рода временных, сезонных колебаниях в распределении ресурсов между различными предприятиями и отраслями, колебаниями, в капиталистическом хозяйстве совершающимися путем так называемого коммерческого кредита, поскольку его роль не ограничена — только экономией денег. Значение этой перераспределительной функции кредита, как средства для более эффективного применения наличного капитала, очень велико.

Социалистическое хозяйство не знает разделения частной собственности, но разделение на предприятия и производства, конечно,

[1] Маркс, „Капитал“, т. III, ч. 1, стр. 424—425, изд. 1922 г.

присущи и ему. Здесь не может быть речи о капитале, но распределение производственных ресурсов между отдельными предприятиями и отраслями и при социализме не может оставаться неизменным. Наоборот, процесс производства предполагает постоянное движение и перераспределение этих ресурсов. Но ни для какого кредита здесь опять-таки места нет, хотя функция, которую последний выполняет в капиталистическом хозяйстве, в этом случае сохраняется и при социализме.

Социалистическое хозяйство должно будет, конечно, вести точный учет и контроль всех имеющихся в его распоряжении ресурсов, их движения и перераспределения. Если предприятие *А* передает предприятию *Б* определенное количество своей продукции, это, конечно, будет тщательнейшим образом как-нибудь фиксироваться и учитываться.

Но меньше всего учет этот будет вестись в целях установления эквивалентности „обмена“ между предприятиями. Следя за тем, чтобы производство на каждом предприятии велось наиболее рациональным и экономным способом (что должно привести к выработке единицы учета, ничего, в свою очередь, не имеющей общего с деньгами) и планируя производство по отраслям и производствам так, как общество будет считать для себя необходимым, социалистическое хозяйство не будет совершенно знать ценностных, т.-е. частно собственнических отношений между отдельными предприятиями.

Социалистическое предприятие будет передавать другим предприятиям свою продукцию не взамен какого-нибудь эквивалента с их стороны, а в порядке исполнения единого хозяйственного плана; точно таким же образом оно будет снабжаться само. Отсюда — отсутствие необходимости в каком бы то ни было всеобщем эквиваленте, отсюда же и отсутствие необходимости замены его кредитом.

В капиталистическом хозяйстве всякое движение товара осуществляется при посредстве денег. Деньги — необходимое средство (и в то же время издержки) товарного обращения и производства. Передвижение денег отражает передвижение товаров и движение последних учитывается в движении первых. Кредит, как уже сказано, заменяет деньги в их материальном бытии, но организация кредита (банки) может выполнять эту свою функцию только таким путем, что та санкция движения товара, которая, без кредита, дается фактом движения наличных денег, при кредите заменяется фиксацией сделки в банковских книгах и документах. Этим самым кредит кладет начало организации общественного учета движения производства.

„Банковское дело несомненно создает форму общего счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе, но только форму“. [1]

[1] Маркс, „Капитал“, т. III, ч. 2, стр. 147, изд. второе.

Если два предприятия, состоя клиентами одного и того же банка или банковской системы, состоят в товарно-денежных отношениях между собой, то все их сделки фиксируются и учитываются в книгах этой банковской системы. Когда клиентами банковской системы становятся почти все капиталистически организованные предприятия, а часто и значительная доля потнебительских хозяйств,[1] то здесь уже можно говорить об организации учета в общественном масштабе, но только по форме, ибо в основе здесь все-таки остается частно-собственническое производство.

Банк ведет учет и контроль движению продуктов в капиталистическом хозяйстве, не потому, что банк как общественная организация интересуется ходом общественного производства. Дело в действительности происходит таким образом, что банк как частная организация входит в договор с другими частными предприятиями на предмет ведения их кассы и счетоводства. Личная, частная выгода есть тот стимул, который толкает к подобному образу действий, так как такое сосредоточение ведения дел в одном учреждении оказывается с индивидуальной, частной точки зрения отдельных капиталистов более выгодным. Банк учитывает движение общественного производства только таким образом, что он ведет учет сколько и кому должно денег то или иное предприятие и сколько и кто должен этим предприятиям и фиксирует движение этой задолженности.

Точно так же „банковское дело вырывает из рук частных капиталистов и ростовщиков распределение капитала как особое предприятие, как общественную функцию".[2] Но опять-таки чисто формально, ибо распоряжается собранным в банках капиталом не общество как таковое в интересах всего общества, а не большая кучка финансистов в своих собственных интересах.

Каждый отдельный владелец капитала или денег предоставляет их банку как свою собственность за вознаграждение—процент, а банк, т.-е. его руководители, „распределяют" этот капитал также на основе получения процента или учредительской прибыли. Именно эта сторона частно-собственнических отношений и характеризует и об'ясняет процент, как общественное отношение. Если же, в результате, получается общественная выгода, выгода для всего производства в целом, то это побочный продукт кредитных отношений, самими участниками кредита отнюдь не преследуемый. Но как-раз эта общественная выгода и результат кредита важны для социалистического хозяйствования.

Поэтому „форму общего счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе" социалистическое производство не только сохранит, но и должно будет довести до невиданных при капитализме размеров, но в этой форме ничего не останется от ее кредитной сущности.

[1] В развитых капиталистических странах нередко и мелкие служащие имеют свой текущий счет в банке.

[2] Маркс „Капитал", т. III, ч. 2, стр. 147.

Мы можем себе представить, что социалистическое хозяйство ведет учет своего производства в условно устанавливаемых трудовых единицах, далее, что существуют талоны, выраженные в этих трудовых еденицах, и организация которая „эмитирует" эти талоны и одновременно ведет учет и контроль движению производства на отдельных предприятиях. Назовем эту организацию „банком", отдельные предприятия, следовательно, имеют свои счета в этом „банке". При переходе продукции из одного предприятия в другое, этот переход фиксируется в „банке" переводом определенного количества „тредов" со счета одного в счет другого. Имея дело с мелким потребителем, предприятия рассчитываются с ним талонами, которые потом вносятся в „банк" и заносятся в счет внесшего их предприятия. Все производство, его направление и „расценки" регулируются. Здесь, как видим, форма учета и контроля сохранена подобной капиталистическому кредиту, но только форма, ибо ни денег, ни кредита здесь, по существу, нет. Формально банковская организация сохраняется, кредитная же — частно-собственническая ее основа из этой организации из'ята.

Переходный период представляет процесс перерождения хозяйства из капиталистического в социалистическое. В области кредита следовательно, в этот период должно произойти постепенное отмирание одних его функций совершенно и постепенная потеря другой его функцией (учет и счетоводство) ее кредитной сущности. Сущность кредита отмирает. Сохраняется и развивается только та сторона, которая для кредита была только необходимой формой на пути к достижению желанной цели — процента и прибыли. Только как такой трансформирующийся, сам себя отрицающий и может быть понят кредит советского хозяйства.

Кредит гораздо более конкретная и, следовательно, сложная категория, чем деньги. Отношения кредита уже включают в себя отношения денег. Но несмотря на это, понять двойственность природы кредита в переходном хозяйстве оказывается гораздо легче, чем понять природу „переходных" денег. Отношения между двумя госпредприятиями сами по себе являются таковыми, что не вызывают необходимости денег, здесь могли бы быть только „формальные" деньги. Но, так как те же самые деньги, которые только что обслужили отношения госпредприятий, обслуживают и отношения последних с частными предприятиями и частных между собой, то кажется, что именно последние связи определяют природу денег и в переходном хозяйстве. Думают, что раз на каком-нибудь участке деньги являются всеобщим эквивалентом, то они не могут не являться им и на других участках, и не замечают, что характер всеобщего эквивалента здесь уже в значительной мере об'ясняется

сознательными действиями хозяйствующего государства и только отчасти стихийными взаимоотношениями производящих товары частных хозяйств.

Кредит предполагает деньги, но природа денег в кредитных отношениях отступает на задний план; ведь качественно здесь на обоих полюсах участвуют одинаково деньги. Что непонятно в кредите, так это—прирост денег, процент. Но раз понята сущность процента как выражение отношений ссудного и функционирующего капиталиста, то уже не трудно понять, что по существу никаких кредитных отношений не может быть между двумя госорганами, хотя бы, в то же самое время, на других участках единого переходного хозяйства кредитные отношения сохранили почти всю свою сущность.

В кредитной системе СССР приходится различать троякого рода отношения: 1) кредитные связи государственных и кооперативных организаций между собой; 2) кредитные связи обобществленного с необобществленным сектором, главным образом, по линии сельскохозяйственного и государственного кредита, и 3) кредитные связи внутри частного сектора. Наибольшее распространение (если не по числу сделок, то по об'ему обращающихся средств) кредит получил в первом секторе, второго рода кредитные взаимоотношения имеют тенденцию все больше развиваться, а третьи, естественно, по мере изживания частного капитала и вовлечения крестьянского хозяйства под влияние обобществленного сектора, будут все больше терять свое значение, вплоть до полного уничтожения.

По форме своей кредит, обслуживающий обобществленный сектор, мало чем отличается от кредита капиталистического, особенно если ограничиться поверхностным рассмотрением банковских операций. Мы здесь встречаемся со всеми теми операциями и в том же их оформлении, какие мы имеем и во всяком капиталистическом банке, вплоть до категории процента и протеста векселей. Но вся эта пышная внешность вряд ли кого может обмануть за исключением разве... банковских юрисконсультов.

В кредитных сделках, где государственные и кооперативные организации вкладывают деньги и берут их взаймы в государственных же и кооперативных банках, ничего, кроме формы, общего с капиталистическим кредитом уже не осталось. Процент, уплачиваемый в данном случае, имеет какое угодно оправдание, только не то значение, которое он имеет при капитализме. Роли регулятора кредита он лишен совершенно. Непонимание характера нашей кредитной системы больше всего сказывается при характеристике роли планирования в ней. Так, ряд исследователей считает кредит и планирование вообще несовместимыми вещами; существует также мнение, что планирование необходимо до тех пор пока существует недостаток ссудных капиталов; с устранением же последнего -- распределение кредита могло бы совершаться через регулирование процента

и процентом. Нужно сказать, что и те и другие, в сущности, сводят наш кредит к кредиту капиталистическому, причем это сведение часто сопровождается непониманием сущности ссудного капитала вообще.

„Контролировать и регулировать доставку хлеба или вообще производство и распределение продуктов, не регулируя банковских операций, это—бессмыслица".[1] Эту бессмыслицу нам часто пытаются выдать за высшую премудрость экономической науки. Если мы тщательно учитываем производство и обращение товаров, то здесь уже даже не приходится и говорить о каком то особом планировании (или непланировании) кредита; последний не может не учитываться как один из моментов в регулировании производства и обращения товаров. Ведь это даже не две стороны одного и того же явления, это одно и то же явление.

Если мы говорим, что такое-то предприятие получит или купит сырье там-то, по цене такой-то, зарплату в определенных размерах будет выплачивать в такие-то сроки, капитальное строительство будет вести в таких-то размерах и сроках и сдавать свою продукцию в сроки и по ценам, также соответствующих плану, то думать, что в этих условиях кредит может быть предоставлен самому себе, это, повторяю, полное непонимание не только природы кредита в переходном хозяйстве, но и природы ссудного капитала вообще. Ведь если указанное регулирование распространяется на все предприятия, обслуживаемые кредитной системой, то в это регулирование кредитная система уже включена, ибо здесь уже предусмотрены как поступления, так и выдачи средств.

Правда, поскольку обобществленный сектор у нас не замкнут в себе, а составляет часть единого нашего народного хозяйства, другой частью которого является частный сектор, еще не поддающийся прямому регулированию с нашей стороны, постольку в наших планах элемент предвидения составляет пункт, который всегда грозит нам, в той или иной мере, срывом наших планов. С другой стороны, в области кредита и денежного обращения как в фокусе всей хозяйственной системы всякого рода неувязки и срывы нашего планирования сказываются сильнее и ярче всего. Поэтому планирование в этой области представляет свои особые трудности. Но все это отнюдь не говорит против планирования кредита, ибо без планирования кредита нет планирования переходного хозяйства, и наоборот, кредит переходного хозяйства, т.-е. кредит, трансформирующийся в сторону превращения в систему общественного счетоводства, учета и контроля, никаким иначе, как планируемым в общественном масштабе, не может быть.

Кредитные связи между обобществленным и необобществленным секторами существуют в самой различной форме. Кредитование частного капитала (товарное и денежное) практически у нас

[1] Ленин, том XIV, часть 2, стр. 182—183.

в СССР не имеет почти места. Зато громадное значение имеют кредитные связи с мелкобуржуазным, главным образом, крестьянским хозяйством. Эти связи могут итти как по линии кредитования товарами, так и денежного (сельскохозяйственного кредита, сберкасс, госзаймов). Сюда же должны быть отнесены всякого рода авансирования, отчасти контрактации и т. д.

Ясно, что этого рода кредитные отношения нельзя рассматривать, как отношения двух частных собственников. Если со стороны частных хозяйств, вступающих в кредитные связи с госорганизациями, в значительной мере решающим является стимул личной выгоды для собственного частного хозяйства,[1] то у другого контрагента этих сделок цели совсем иные.

Обобществленный сектор вступает в эти сделки не как частный собственник, а как представитель интересов всего народного хозяйства и притом хозяйства обобществляющегося.

Ясно, что регулирование и планирование этого рода кредитных связей еще гораздо труднее, чем кредита, обслуживающего обобществленный сектор, но не менее ясно, что и эти трудности должны быть преодолены.

Регулирующая роль процентирования здесь в значительной мере еще сохранена, особенно, если кредитором выступает частное хозяйство. Но процент, взимаемый госорганами, конечно, не стоит ни в какой зависимости с „рыночным" процентом, ничего общего с „ценой денег" здесь нет.[2] Но по мере роста ресурсов для кредитования необобществленного сектора (эти ресурсы, в основном, может дать сам же этот сектор, важна только концентрация их в распоряжении обобществленного сектора, его органов) плановое регулирование и здесь будет играть все большую роль. Одновременно с этим и кредитные взаимоотношения внутри частного сектора, даже в той мере, в какой они будут еще сохраняться, потеряют свою самостоятельность. Роль планирования и регулирования должна победить по всему фронту кредитных отношений в переходном хозяйстве. Но одновременно с этим все больше будет теряться их кредитная сущность, которая является не чем иным, как стихийной, буржуазной сущностью и как таковая, конечно, несовместима с плановым началом обобществляющегося хозяйства.

„Кредит—не бюджет",—любят повторять все те, кто в той или иной мере недооценивает особенности кредита в переходном хозяйстве. Это, вообще говоря, верно: кредитные отношения действительно принципиально отличны от налоговых и т. д. Но это верно только для капиталистического хозяйства. В переходном хозяйстве не только бюджет есть нечто совсем иное, чем бюджет капиталистического государства, но и кредит не есть капиталистический кредит. Противоположность кредита и бюджета здесь все больше и больше сходит на-нет. И как бы наши „кредитники" ни возмущались, этот процесс будет все увеличиваться, „бюджетные" методы будут захватывать наш кредит все больше и больше.

[1] При займах рабочих и служащих государству этот момент далеко не всегда на первом плане.

[2] К сожалению, пока что и воздействие с его стороны на „рыночный" процент минимально.

Конечно, до тех пор пока существует еще частное хозяйство, кредитные методы (добровольность, возмездность, приспособление к рыночной конъюнктуре и т. д.) будут еще сохранять свое значение. „Кредитные" методы играли и еще играют свою роль и во взаимоотношениях внутри обобществленного сектора, главным образом, как дисциплинирующий фактор (хозрасчет, срочность и т. д.).

Но отсюда не следует, что нам нужно эти методы фетишизировать и не видеть изменившихся и все более изменяющихся отношений, охватываемых нашим кредитом. Плохо будет, если мы недоучтем интересов частного хозяйства, требующего сохранения специфически кредитных элементов в нашем кредите, но не менее плохо, если мы значение этих элементов переоценим и будем отставать в превращении кредита в действительный механизм общественного учета и регулирования. При этом, естественно, кредит по отношению к остальным методам учета и регулирования, которыми обладает пролетарское государство в лице его органов (Госплан, ВСНХ, НКТорг и т. д.), будет играть все более подсобную роль.

Значение кредита в переходном хозяйстве огромно, но все-таки он не занимает в нем то место, которое ему отводили (на основании учета капиталистической практики) марксистские теоретики, писавшие о переходном хозяйстве до и в начале нашей революции.

О значении кредита для подготовки социалистического хозяйства Маркс достаточно определенно высказался только по отношению к капиталистическому кредиту. Здесь Маркс отмечает следующие моменты: 1) значение кредита для централизации капиталов и образования крупного производства — базиса социалистического хозяйствования; 2) превращение кредитом функционирующего капиталиста, с одной стороны, в рантье, а с другой стороны—в финансового спекулянта, — в сущности, излишних с точки зрения действительного производства; 3) замену функционирующего капиталиста, с одной стороны, наемным служащим, а с другой стороны—ассоциированным производителем (кооперативная фабрика); 4) создание формы счетоводства в общественном масштабе; 5) роль кредита в кризисах и ускорении „насильственных взрывов" противоречий капитализма.

Что касается роли кредита в переходный период, то по этому поводу у Маркса можно найти очень немного и в самой общей форме. Таково, например, следующее место в т. III „Капитала". „Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда,

однако, лишь как один из элементов в связи с другими органическими переворотами в самом способе производства". [1]

Гораздо решительнее высказывался Гильфердинг под влиянием той роли, которую кредит достиг в период финансового капитала: „Выполняя функцию обобществления производства, финансовый капитал до чрезвычайности облегчает преодоление капитализма. Раз финансовый капитал поставил под свой контроль важнейшие отрасли производства, будет достаточно, если общество через свой сознательный исполнительный орган, завоеванное пролетариатом государство, овладеет финансовым капиталом: это немедленно передает ему распоряжение важнейшими отраслями производства. От этих отраслей производства зависят все остальные, и потому господство над кредитной промышленностью уже само по себе равносильно наиболее действительному общественному контролю, который совершается и без всякого дальнейшего непосредственного обобществления. Общество, которое располагает горным делом, железной промышленностью, включительно до машиностроительной, электрической и химической промышленности, которое господствует над системой транспорта, — общество, подчиняя себе эти важнейшие отрасли производства, тем самым захватывает в свои руки, т.-е. тоже может подчинить себе, как распределение сырого материала между остальными отраслями, так и транспорт продуктов в последних. Овладение шестью крупными берлинскими банками уже в настоящее время было бы равносильно овладению важнейшими сферами крупной промышленности и до чрезвычайности облегчило бы первые шаги политики социализма в тот переходный период, когда капиталистический метод счетоводства представляется еще целесообразным. Экспроприацию незачем будет распространять на многочисленные крестьянские и промышленные мелкие производства, потому что вследствие захвата крупной промышленности, от которой они уже давным давно находятся в полной зависимости, они будут обобществлены при ее посредстве, как сама она будет обобществлена непосредственно. Следовательно, в тех случаях, когда процесс экспроприации оказался бы в силу децентрализации слишком затяжным и политически опасным, будет возможно медленным развитием подготовить этот процесс к зрелости, т.-е. однократный акт экспроприации государственной властью превратить в постепенное обобществление, ускоряемое теми экономическими выгодами, которые сознательно предоставляются обществом: ведь финансовый капитал уже позаботился об экспроприации, поскольку она необходима для социализма". [2]

[1] Маркс, „Капитал", том III, ч. 2, стр. 148.

[2] Гильфердинг, „Финансовый капитал", стр. 443, изд. 1922 г., курсив мой. Б. Р.

Итак, „завоеванное пролетариатом государство" овладевает „шестью берлинскими банками" и этим самым оно овладевает крупной промышленностью и аппаратом для социалистического преобразования мелкого хозяйства. Сейчас, когда теоретик „финансового капитала" оказался наиболее подходящим кандидатом для исполнения обязанностей министра финансов буржуазной республики, для всякого ясна тенденция, проникающая набросанную выше программу Ленин, как известно, представлял себе ход пролетарской революции иначе, но и он придавал громадное значение созданной финансовым капиталом банковской организации, возможности использования ее для управления социализирующимся хозяйством. Из многочисленных его положений по этому поводу приведем следующее:

„Крупные банки есть тот „государственный аппарат", который нам нужен для осуществления социализма и который мы берем готовым у капитализма, при чем нашей задачей является здесь лишь отсечь то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделать его еще крупнее, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственный банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике, — это уже девять десятых социалистического аппарата. Это — общегосударственное счетоводство, общегосударственный учет производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто в роде скелета социалистического общества.

Этот „государственный аппарат" (который является не вполне государственным при капитализме, но который будет вполне государственным у нас, при социализме) мы можем „взять" и „привести в движение" одним ударом, одним указом, ибо фактическую работу счетоводства, контроля, регистрации, учета и счета выполняют здесь служащие, большинство которых сами находятся в пролетарском или полупролетарском положении". [1]

Здесь интересны два момента: во-первых, значение которое придавал Ленин развитому банковскому аппарату в переходном периоде („девять десятых социалистического аппарата") и, во-вторых представление о возможности использования готового аппарата, созданного капитализмом. Больше всего интересен, конечно, первый момент.

Практически нам в СССР не удалось использовать именно тот аппарат, который был создан буржуазией. В период военного коммунизма банки, как известно, были совершенно уничтожены и существующий у нас сейчас банковский аппарат пришлось с введением нэпа создавать наново. Здесь не место вдаваться в исследование вопроса о том, являются ли методы военного коммунизма обязательными для всякой страны, совершающей пролетарскую револю-

[1] Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 231—232, курсив везде Ленина.

цию, или возможно будет обойтись где-нибудь без них, и в какой мере. Во всяком случае, ясно одно — аппарат банковский, построенный нами на выполнении „фактической работы счетоводства, контроля, регистрации", в точности следует приемам капиталистического банка. Для того чтобы „отсечь" от него то, что его „капиталистически уродовало", нам пришлось его раньше разрушить, но если другим странам (в которых и пролетариат и буржуазия будут иметь уже опыт революции в России) удастся избегнуть этого разрушения, то это будет, конечно, только плюсом для нее.[1] Сохраненный ли старый или воссозданный вновь, аппарат этот необходим для всякого переходного хозяйства.

Другое дело — вопрос о значении банковского аппарата: одиннадцатилетний опыт вряд ли позволяет нам остаться на той точке зрения, с которой мы приступали к социалистическому хозяйствованию, и я думаю, что опыт этот может быть распространен и на другие страны, на переходное хозяйство вообще: значение банковского аппарата и кредита в переходном хозяйстве неизмеримо ниже того значения, которое ему придавали „a priori", и, тем более, чем то значение, которое они имеют в эпоху финансового капитала.

„Овладение финансовым капиталом" по Гильфердингу, т.-е. овладение руководством хозяйственной жизнью страны путем национализации банков и сохранения методов руководства финансового капитала в переходный период, это — не более, как оппортунистическая утопия.

Во-первых, национализация банков не означает еще овладения финансовым капиталом. „Если национализацию банков так часто смешивают с конфискацией частных имуществ, то виновата в распространении этого смешения понятий буржуазная пресса, интересы которой состоят в обманывании публики.

Собственность на капиталы, которыми орудуют банки и которые сосредоточиваются в банках, удостоверяется печатными и письменными свидетельствами, которые называются акциями, облигациями, векселями, расписками и т. п. Ни единое из этих свидетельств не пропадает и не меняется при национализации банков, т.-е. при слиянии всех банков в один государственный банк. Кто владел 15 руб. по сберегательной книжке, тот остается владельцем 15 руб. и после национализации банков, а кто имел 15 миллионов, у того и после национализации банков остается 15 миллионов в виде акций, облигаций, векселей, товарных свидетельств и тому подобное".[2]

Абсурдно предполагать, что при национализации банков (даже если весь их людской аппарат, вплоть до высших служащих, останется на месте) между новыми банками или, вернее, банком и функционирующими предприятиями (промышленными, торговыми и т. д.)

[1] С точки зрения сохранения аппарата; плюсов и минусов военного коммунизма в целом я здесь не касаюсь.

[2] Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 183.

сохранятся прежние отношения и значение банков останется прежнее. Национализация банков без национализации промышленности, транспорта и т. д.—это значит не подвинуть организацию народного хозяйства на новую ступень, а наоборот, нарушение системы, созданной финансовым капиталом без замены ее другой, высшей. Банки в эпоху финансового капитала могут выполнять свою роль только потому, что и они и другие капиталистические предприятия об'единены неразрывно в руках немногих финансистов, но если фактически эти финансисты остаются неприкосновенными (акции, облигации и т. д. не национализируются), то представлять себе их действующими через национализированный пролетариатом банковский аппарат, по меньшей мере, наивно.

Национализация банков не есть „овладение финансовым капиталом". Чтобы действительно овладеть той властью, которой владел финансовый капитал, недостаточно не только одной национализации банков, но недостаточно и национализации даже той части акций, облигаций и т. д., которая принадлежит кучке финансовых магнатов (если вообще возможна такая частичная национализация фиктивных ценностей), ибо вряд ли руководители государственного банка смогут так использовать эти ценности, как их использовывал финансовый капитал.

Чтобы действительно распоряжаться крупной промышленностью, транспортом и т. д., пролетарскому государству нельзя ограничиться национализацией банков даже с прибавлением конфискации акций крупных акционеров, а потребуется непосредственная национализация крупных предприятий. Тогда и возможно сохранение за ними формы акционерных предприятий, что в некоторых случаях и найдет свое оправдание, но эти предприятия во всяком случае не будут иметь то значение, что при капитализме. Владельцем этих предприятий — в той или иной форме — должно остаться государство.[1]

Какие же отношения установятся между национализированными банками и национализированными предприятиями? Если искать для этих отношений аналогию в капиталистических условиях, то ясно, что они гораздо больше будут походить на кредитные отношения промышленного капитализма, чем финансового. Предприятия принадлежат государству (так же, как и банк), но поскольку еще сохранится надобность в товарной форме отношений, отдельные предприятия будут выступать по отношению к другим, как собственники, над которыми никто не сможет получить господство путем скупки их акций. Банк сможет участвовать во взаимоотношениях этих предприятий как посредник в кредите и только. Но, в действительности, активность банка в переходный период будет еще гораздо ниже, чем активность банков в эпоху промышленного капитализма. И это вполне понятно.

[1] На практике возникнет, конечно, вопрос об обеспечении интересов так наз. мелких держателей акций и облигаций акционерных предприятий. Вопрос этот в разных странах может быть, конечно, решен различно.

Эпоха промышленного капитализма есть период наибольшего развития конкуренции, рыночной анархии. Финансовый капитал в этой области вносит значительные ограничения. Пролетарская революция кладет конец отношениям финансового капитала, при чем, как видим, даже та организационная форма, которую создал финансовый капитал, в значительной мере, уничтожается.[1] Но пролетарское государство не для того разрушает формальные достижения финансового капитала, чтобы вернуться к изжитым формам промышленного. Отбрасывая частично формы координации хозяйственной жизни, применяемые финансовым капиталом, пролетариат заменяет их методами социалистическими. Вместо господства над хозяйством через господство над фиктивным капиталом пролетарское государство вводит приемы непосредственного планирования и регулирования хозяйственной жизни. Для успешного выполнения этой задачи приходится создавать новые органы, управления которых капитализм не знает.

Место этих новых органов не может занять банк. До тех пор пока будут происходить постепенная национализация и „усвоение" крупных капиталистических предприятий и пока будут создаваться новые хозяйственные органы планирования и регулирования хозяйственной жизни и накопляться опыт такого планирования и регулирования, на этот, так сказать, „переходный период в переходном периоде" банки еще сохранят свою самостоятельность и значительную долю своего прежнего значения. Но как только этот период закончится, наступит низведение положения банков до подсобной роли даже не посредника, более или менее самостоятельного, как при промышленном капитализме, а еще гораздо ниже. В банковской деятельности начнет брать верх элемент „счетоводства и учета", банкир заменяется бухгалтером. А распределение и движение банковских ресурсов все более подчиняются плану.

Такую же, в сущности, подсобную роль банк будет играть и во взаимоотношениях с частным сектором, только размер этой „подсобности", конечно, иной. Здесь товарные, а следовательно, и кредитные отношения сохраняются не только по форме. Но на ряду с кредитом у обобществленного сектора имеются и другие не менее сильные методы воздействия на необобществленный сектор (политика цен, кооперация, бюджет и т. д.) и все они, в том числе и кредит, подлежат опять-таки координированию и регулированию со стороны центральных хозяйственных органов. Чем более развиты товарность и „денежность" хозяйств в частном секторе, тем значительнее будет и роль кредита в нем и тем более действительным орудием последний будет в руках пролетариата на пути перерождения частного хозяйства в социалистическое и тем более специфически кредитных элементов сохранит кредитный механизм переходного хозяйства. Но и тем скорей совершится подчинение необобществленного сектора обобществленному, потеря самостоятельности частных хозяйств и, следовательно, превращение товарных отношений в формально товарные и кредитных—в бухгалтерские.

[1] По другой линии капиталистических об'единений—синдикаты, тресты и т. д.—эта форма полностью используется.

В программе ВКП(б), принятой в 1919 году (т.-е. в самый разгар эпохи военного коммунизма), о роли кредита и банков в переходный период сказано следующее:

„Избегнув ошибки Парижской коммуны, советская власть в России сразу захватила государственный банк, перешла затем к национализации частных коммерческих банков, приступила к об'единению национализированных банков, сберегательных касс и казначейств с Государственным банком, создавая, таким образом, остов единого народного банка Советской республики и превращая банк из центра экономического господства финансового капитала и орудия политического господства эксплоататоров в орудие рабочей власти и рычаг экономического переворота. Ставя своей целью дальнейшее последовательное доведение начатой советской властью работы до конца, РКП выдвигает на первый план следующие принципы:

1) монополизация всего банковского дела в руках советского государства;

2) радикальное изменение и упрощение банковских операций путем превращения банковского аппарата в аппарат единообразного учета и общего счетоводства Советской республики. По мере организации планомерного общественного хозяйства это приведет к уничтожению банка и превращению его в центральную бухгалтерию коммунистического общества".

Эти положения не требуют изменений не только в условиях нэпа в СССР, но они приемлемы для характеристики роли и значения кредита и политики пролетариата в этой области во всякой стране, совершающей свой переходный период.

На происходившем годом раньше VII с'езде партии Лениным был внесен проект программы,[1] на котором условия военного коммунизма сказались очень явственно. Там Ленин в области банков считал необходимым:

„Полное сосредоточение банковского дела в руках государства и всего денежно-торгового оборота в банках. Универсализация банковых текущих счетов: постепенный переход к обязательному ведению текущих счетов в банках; обязательное держание денег в банках и переводы денег только через банки".[2]

Элементы обязательности по отношению к частному хозяйству являются здесь, в значительной мере, отражением условий эпохи военного коммунизма. В действительности, пролетариату придется

[1] „Черновой набросок проекта программы", Собр. соч., т. XV, стр. 158.

[2] Там же, стр. 162.

здесь применять, главным образом, методы экономического воздействия, пользуясь личной заинтересованностью частного собственника и именно поэтому кредитный механизм в переходный период сохраняет еще долго свой специфически кредитный характер. „Полное" сосредоточение всего денежно-торгового оборота в банках приходится, конечно, понимать условно: изгнание наличного оборота полностью, вплоть до самых мелких сделок, ни при каких условиях не является экономически целесообразной мерой; необходимый здесь контроль за движением денег достигается, если каждый все свои свободные деньги будет держать в банке (сберкассе), с пользованием банковскими методами расчета там, где это экономически оправдывается. К этому и необходимо стремиться при организации кредита в переходный период.

Монополизация всего банковского дела в руках государства дает возможность распоряжаться всеми банковскими ресурсами в интересах социалистического строительства. Сосредоточение всех наличных средств в банках дает возможность использовать для этой цели все наличные ресурсы, не только уже имеющиеся в руках государства, но и в значительной мере „свободные" средства частного хозяйства. Это же дает возможность воздействия в желательном направлении на развитие самого частного сектора. Воздействие это, в качестве части в целой системе экономических и неэкономических мероприятий, приведет к „организации планомерного общественного хозяйства", для которого банковская система станет аппаратом „центральной бухгалтерии". Но тогда банк окончательно перестанет быть банком.

Банковская система является „центром экономического господства финансового капитала и орудием политического господства эксплоататоров". В руках пролетариата, строящего социализм, та же банковская система далека от того, чтобы быть „центром" экономического господства; слишком различны эти две экономические системы. Проникающие систему хозяйства переходного периода элементы социализма в значительной мере лишают банковскую систему и кредитные отношения фетишистических оболочек и подчиняют их сознательному регулированию и контролю высших хозяйственных органов. Но до тех пор пока существует у нас частное хозяйство и пока даже в области обобществленного сектора сохраняется необходимость частно-хозяйственных методов учета, до тех пор кредитная система останется достаточно действенным „орудием рабочей власти и рычагом экономического переворота". Никто не будет спорить против того, что у нас в СССР, несмотря на все достижения в этой области, все еще не использованы все возможности, которые может дать всемерное развитие кредитных отношений. Но понимание действительной сущности и значения кредита в переходном периоде такому использованию кредита может, конечно, только способствовать.

Н. Бару

Социальные сдвиги в английской кооперации

I

Изучение положения потребительской кооперации в Западной Европе дает богатый материал для оценки того революционизирующего влияния, которое оказывает современный монополистический капитал на самые консервативные и заброшенные углы хозяйственного механизма.

Особенно показательным примером является в этом отношении консервативная и, казалось бы, мало поддающаяся влиянию времени английская кооперация. Между тем, и она вынуждена шаг за шагом сдавать в архив, несмотря на сопротивление верхов, свои освященные долгими десятилетиями принципы и традиции — политический нейтрализм, политику повышенного накопления и высоких дивидендов, обособленное существование мелких самодовлеющих обществ,—и выбираться на широкую дорогу классовой организации, приспособляя всю свою деятельность к обслуживанию рабочих масс и защите их интересов.

Сравнение цифровых данных о числе членов профессиональных кооперативных организаций в Великобритании за последние годы показывает резкое расхождение—своего рода „ножницы"—между ростом обеих организаций. Так, было членов:

Годы	В профсоюзах		В кооперации		
	Число союзов	Число членов	Число обществ	Число членов	Среднее число членов на общество
1888[1]	—	—	1.204	867.223	720
1898	1.326	1.752.000	1.436	1.535.575	1.069
1908	1.268	2.485.000	1.418	2.414.454	1.696
1918	1.264	6.533.000	1.364	3.846.531	2.820
1919	1.360	7.926.000	1.357	4.131.477	3.045
1920	1.362	8.337.000	1.379	4.504.852	3.267
1921	1.250	6.622.000	1.352	4.548.557	3.364
1922	1.204	5.616.000	1.321	4.519.162	3.421
1923	1.163	5.413 000	1.314	4.569.256	3.477
1924	1.159	5.534.000	1.314	4.702.818	3.579
1925	1.144	5.497.000	1.289	4.910.983	3.810
1926	1.129	5.208.000	1.280	5.186.729	4.052
1927	1.127	4.908.000	1.267	5.579.038	4.403

[1] Нет сведений до 1892 г.

В 1927 г. число всех организованных в профсоюзы рабочих впервые, после 1916 г., упало ниже 5 миллионов и выразилось в 4.908.000 членов — 4.116.000 мужчин и 792.000 женщин. За последний год падение числа членов составляет 300.000, или 5,7%. По сравнению с 1920 г. — годом наивысшего развития профессионального движения в Великобритании — число членов профсоюзов понизилось на 41%. По сравнению с 1913 г. общее число членов профсоюзов выросло на три четверти миллиона. Только два союза имели в 1927 г. меньше членов, чем в 1913 г.: горнорабочие — на 240.000 и текстильщики — на 18.000. Крупнейшие союзы имели:

	На конец 1927 г.	После потери за год
Горнорабочие	678.000	107.000
Металлисты	620.000	38.000
Текстильщики	600.000	15.000
Железнодорожные рабочие	413.000	79.000
Транспорт (водный и др.)	464.000	20 000
Правительств. служащие	341.000	—
Учителя	205.000	—

Приведенные выше цифры показывают, что снижение числа членов профсоюзов в Великобритании идет за последние 8 лет быстрым темпом. Особенно сильно сказывается оно в депрессивных отраслях производства, в частности, в находящейся в катастрофическом положении горной промышленности. Члены союзов квалифицированных рабочих держатся крепче, чернорабочие и неквалифицированные рабочие — слабее.

В кооперации дело обстоит совсем иначе: число членов непрерывно растет, при чем темп роста постепенно ускоряется. Правда, рост этот шел все время медленнее, чем в профсоюзах, особенно в бурные годы 1918 — 1921. В то время как за три года число членов профсоюзов поднялось с 4.532.085 до 6.505.482, т.-е. на 43%, число членов кооперации поднялось с 3.846.531 до 4.504.852, т.-е. на 17%. Зато кооперация показала себя более устойчивой организацией, чем профсоюзы: она не только сохранила своих членов, но и непрерывно увеличивала число их. Так, было членов:

	1920 г.	1927 г.	Изменения Абс.	Изменения В %
В профсоюзах	8.337.000	4.908.000	— 3.429.000	— 41
В кооперации	4.504.852	5.579.038	+ 1.074.186	+ 24

Рабочие, брошенные общим под'емом масс в 1918 — 1920 гг. в профсоюзы, начали уходить из них по мере ухудшения общей кон'юнктуры и поражений союзов в стачечной борьбе. Рабочий-потребитель, все острее чувствуя ухудшение условий труда и понижение реальной заработной платы, шел в кооперацию, чтобы хотя бы частично компенсировать те потери, которые понесены были им вследствие поражения своего профсоюза. Активность масс на кооперативном фронте усиливалась одновременно с ростом пассивности на профессиональном.

Что же представляет собой потребительская кооперация в Великобритании и оправдывает ли она надежды, возлагаемые на нее рабочим кооператором?

II

Потребительская кооперация в Великобритании представляет собой массовую, в подавляющем своем большинстве, рабочую организацию, охватывавшую на начало 1928 г. 5.579.038 членов. За последний год

число членов ее увеличилось на 392.310 (7,56%), в то время как число членов профсоюзов упало на 300.000 (5,7%).

В течение последнего полустолетия рост кооперативного движения в Великобритании шел следующим образом:

Годы	Было потреб. обществ	Рост в %%	С числом членов	Рост в %%	Среднее число членов на общество	Рост в %%
1881	971	100	547.212	100	564	100
1891	1.307	135	1.044.675	191	799	142
1901	1.438	148	1.793.167	338	1.247	221
1910	1.403	144	2.640.429	483	1.882	334
1921	1.352	139	4.548.557	831	3.364	596
1927	1.267	130	5.579.038	1.020	4.403	780

Процент кооперированного населения быстро растет. Он составлял по данным трех последних цензов:

	1901	1911	1921
Англия	4,72	6,36	10,37
Уэльс	1,43	2,57	6,17
Шотландия	6,00	8,54	13,58
Ирландия	0,08	0,03	0,97
Великобритания в целом	4,30	5,83	9,52

т.-е. за 20 лет увеличился в $2^1/_4$ раза.

Для 1927 года можно дать следующие приближенные данные по всей Великобритании (включая Ирландию):

Годы	Число обществ	Число членов	Население	В %%
1911	1.406	2.040.444	45.273.611	5,83
1921	1.352	4.548.557	47.792.253	9,52
1927	1.267	5.579.038	48.500.000 [1]	11,50

В приведенной выше таблице ярко бросается в глаза усиленный рост кооперации в рабочих районах (особенно в Шотландии) по сравнению с сельскохозяйственными (Ирландией). И хотя „внеклассовые" руководители английской потребкооперации зорко смотрят за тем, чтобы не собирались и не публиковались сведения о социальном составе, приведенные выше цифры говорят о преобладающем рабочем составе ее.

За истекший период число обществ увеличилось очень незначительно (всего на $^1/_3$), среднее же количество членов, приходящихся на одно общество, выросло в восемь раз, а общее число членов больше чем в 10 раз.

К сожалению, и сейчас процесс укрупнения потребительских обществ развивается сравнительно медленно. Так, общества по числу членов в них распадаются на следующие группы:

[1] Примерно.

Количество членов	Число обществ 1914 г.	%	1926 г.	%	1927 г.	%
200.000	—	—	1	—	2	—
100.000	—	—	2	—	3	—
50.000	—	—	7	—	7	—
20.000	21	1,53	40	3,91	47	4,66
10.000	48	3,50	74	5,78	68	5,37
5.000	70	5,10	105	8,20	104	8,21
2.000	189	13,78	225	17,58	237	18,71
1.000	222	16,19	232	18,13	227	17,91
1.000	821	60,00	594	46,40	572	45,14
Всего . .	1.371 [1]	100	1280	100	1267	100

Приведенная таблица показывает, что, на ряду с исключительно быстрым ростом за последние 13 лет группы крупных обществ, на ряду с образованием двенадцати обществ с числом членов свыше 50.000 и понижением группы наиболее мелких обществ (с числом членов ниже 1.000) на $^1/_3$, процесс укрупнения остальных групп идет весьма медленно. Еще и сейчас в кооперации Великобритании около $^1/_2$ обществ насчитывает не свыше 1.000 членов, а $^2/_3$ не свыше 2.000 и только около $^1/_4$ всех обществ имеет свыше 3.000 членов.

Однако, число членов, организованных в крупных обществах, растет с исключительной быстротой, и удельный вес этих обществ непрерывно повышается. Так, на долю обществ с числом членов свыше 20.000 приходилось всех членов потребкооперации Великобритании (в %%):

1914 г.	20,54
1925 „	38,55
1926 „	41,09
1927 „	46,15

Эта дробность обществ исторически является весьма характерной для английского партикуляризма и индивидуализма. Рочдельские пионеры мечтали о создании „самодовлеющих колоний с едиными интересами". Эти утопические мелко-буржуазные мечтания сметаются железной метлой монополистического капитализма, который в порядке самообороны форсирует процесс концентрации и в кооперативной среде. В последние годы этот процесс начинает подгоняться наступлением на кооперацию трестированного частного капитала. Создан могучий, все усиливающийся трест торговых предприятий, торгующих предметами первой необходимости, который ставит себе задачу завоевания кооперированного потребителя. В разгаре борьбы трест грозит кооперации „войной" за снижение цен, специальными квази-кооперативными дивидендами, лишением кооперативных предприятий ряда ходких фирменных товаров, — предприятий, находящихся под влиянием треста, — особой широко поставленной рекламой, с использованием кино и радио, и другими мерами. Укрупнение обществ и рационализация их работы должны явиться основной оборонительной мерой кооперации против этого монополистического наступления.

На последних конгрессах кооперации Великобритании выявилось течение, которое начало искать разрешение вопроса в этом направлении. Оно устами председателя последнего с'езда кооперативного союза Вайтгеда настаивало на рационализации товаропроводящей сети, слиянии и укрупнении обществ, которые создавали бы мощные центральные организации с разветвленной сетью лавок, большим оборотом, незначительными накладными расходами и дешевыми ценами. Особенно

[1] О 14 обществах нет сведений.

ярко выразил эту мысль последний конгресс женских гильдий, подчеркнувший особую необходимость укрупнения обществ в условиях наступления капиталистических концернов на кооперацию. „Слияние воедино больших капиталистических концернов (торгующих предметами первой необходимости) выявляет развитие наступления капитала на кооперацию, которое может быть отбито только в том случае, если кооперация, в свою очередь, возьмется всерьез за слияние обществ в целях понижения расходов и удешевления, таким путем, продуктов первой необходимости", так гласит резолюция этого конгресса.

III

Торговые обороты потребкооперации Великобритании по своему темпу отстают от роста членов. Это явление вызывается, с одной стороны, понижением уровня благосостояния рабочих масс, а с другой — усиленной конкуренцией торгового капитала с кооперацией. Правда, министр труда в Палате общин в декабре 1928 г. утверждал, что покупательная сила фунта стерлингов на внутреннем рынке непрерывно растет, и дал следующий индекс (1914 = 100).

Годы	%	Годы	%
1924	57,08	1926	57,50
1925	56,66	1927	59,58
		1928	60,41

Однако, и эти казенные утверждения мало утешительны, тем более, что безработица стала постоянным гостем почти в каждой рабочей семье. Сведения о числе работающих и безработных рабочих на октябрь 1928 г. по последним данным, представленным министром труда Палате общин таковы:

	Октябрь 1924 г.	Октябрь 1928 г.
Всего застрахованных рабочих (в возрасте от 16 до 64 лет включ.)	11.146.000	11.658.000
Из них безработных	1.206.000	1.356.000
Больных и пр.	390.000	408.000
Бастующих	7.000	2.000
Всего работающих	9.550.000	9.894.000

В Рабочей партии имеются на лицо разногласия по поводу оценки положения Сноуденом, заявившим в декабре п. г. в Палате общин, что „заработная плата падает на 26.000.000 фунт. стерл. в год и с марта с. г. не только денежная заработная плата, но и реальная падает". Генеральный совет трэдюнионов поспешил выступить с раз'яснением, что реальная заработная плата в январе 1928 г. равнялась 100,5% конца 1920 г. но и эта казенная защита не рисует положения в очень розовом виде.

В действительности положение отчаянное: в течение 1921—1928 гг. падение недельной заработной платы выразилось в 10.570.450 фунт. стерл. За отдельные годы движение недельной заработной платы шло следующим образом:

Годы	Движение недельной зарплаты (фунт. стерл.)	
1921	уменьшение на	6.061.000
1922	„	4.210.050
1923	„	317.000
1924	увеличение на	553.000
1925	уменьшение на	78.000
1926	увеличение на	49.300
1927	уменьшение на	357.800
1928 (по октябрь)	„	148.800

В отдельных отраслях промышленности картина еще более мрачная. Так, даже по правительственным данным работало горнорабочих в 1924 г. 1.136.000 чел., получавших в неделю 3.050.000 фунт. стерл. в 1928 г. — 896.200 чел., получивших в неделю 1.880.000 фунт. стерл., т.-е. в 1928 г. работало около 900.000 горнорабочих, получавших в среднем в неделю 2 фунта 2 шилл. (около 20 рублей), в то время как в 1924 г. работало 1.136.000 человек, получавших в среднем в неделю 2 фунта 13 шилл. 6 пенсов (около 26 руб.). В действительности около 20% горнорабочих получают меньше указанного выше среднего минимума в 20 рублей в неделю.

На фоне этих данных развитие торговых оборотов за последние десятилетия представляется так:

Годы	Торговый оборот по номинальн. (ценности фунт. стерл.)	Примерные обороты по ценности (фунт. стерл. 1913 г.)	Оборот на члена	
			По номинальн. ценности (фунт. стерл.)	По ценности 1913 г. в %%
1913	83.615.175	83.615.175	29.05	29,1
1914	87.964.229	84.600.000	28.80	27,7
1915	102.557.779	80.750.000	31.41	24,7
1916	121.688.550	79.500.000	34.57	22,6
1917	142.003.612	75.900.000	37.48	20,8
1918	155.161.963	74.200.000	40.34	19,3
1919	198.930.437	91.700.000	48.15	22,2
1920	254.158.144	100.700.000	56.42	22,4
1921	218.780.384	96.000.000	48.10	21,1
1922	169.582.357	94.500.000	37.53	20,9
1923	165.490.038	96.500.000	36.22	21,1
1924	175.077.825	101.500.000	37.23	21,6
1925	183.584.049	105.800.000	37.38	21,5
1926	184.879.902	110.000.000	35.64	21,2
1927	199.924.938	—	35.84	—

Приведенные данные показывают, что в то время как число членов выросло с 1913 года на 94%, оборот по торговле поднялся всего на 32%. В результате средний забор на члена понизился на 27%.

Особенно сильно чувствуется в последние годы это понижение забора в коренных рабочих районах. Забор на одного члена равнялся (в фунт. стерл.):

Районы	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Северный	40;45	36,29	35,23
Шотландский	52,94	50,76	50,80
Западный	42,34	39,33	37,36

В этих районах падение закупок за два года достигает 13%. Все же несмотря на это падение рабочие районы остаются впереди других по размеру средних закупок на члена. На первом месте стоит, как всегда, Шотландия.

Быстрота товарного оборота за последние годы растет. Так, оборот равнялся:

Годы	
1924	9,26 раз
1925	9,70 „
1926	9,88 „
1927	10,59 „

По Шотландии она достигала даже 11,75 раз.

Торговые обороты обществ оптовых закупок (английского, шотландского и ирландского) составляли в 1913 г. 40.600.000 фунт. стерл., или 48,6% всей розничной торговли потребительских обществ. В 1926 г. их оборот поднялся до 56,7% торговли местных обществ. По ценам 1913 года равнялся 62.400.000 фунт. стерл., т.-е. реальный оборот обществ оптовых закупок вырос за эти годы на 55%.

В 1927 г. оборот обществ оптовых закупок выразился в 105.402.281 фунт. стерл., составляя 52,72% оборота местных обществ. Число членов обществ оптовых закупок равнялось 1.996.

Какой процент покупательной способности рабочего населения обслуживается кооперацией? По вычислениям Твига, кооперативное рабочее население могло истратить через кооперацию в 1926 г. по товарам, которым она торгует, 315 млн. фунт. стерл. (т.-е. 70% своего бюджета), а истратило только 183 млн. фунт. стерл. т.-е. 58% своих возможностей, или около 40% своего бюджета.

Однако, эта оценка страдает несомненным преувеличением. По расчетам члена парламента Александра, построенным на вычислении народного дохода Великобритании Боулей и Стэмпом, весь доход лиц наемного труда составлял около полутора мрд. фунт. стерл., из которых только около 200 млн., или 14%, было израсходовано через кооперацию.

Как распределяются закупки членов по видам товаров? На пищевые продукты приходится 63,0%; молоко—5,5%; мясо —11,2%; уголь—7,6%; одежду, обувь, мануфактуру и галантерейные товары — 11,5%; предметы домашнего обихода и посуду — 1,2%.

Слабый охват кооперацией рабочего бюджета вызвал в ряде рабочих центров, где рабочая партия получила большинство в муниципалитетах, стремление организовать муниципальную продажу молока, мяса, хлеба и угля. Этот „муниципализм“ вызывал в кооперативных кругах тревогу и вопрос подвергся специальному изучению. Было установлено, что кооперация распределяет всего 10% молока (400 обществ), 20% мяса (450 обществ), 25 — 40% (600 обществ) хлеба и около 8% угля. Последний кооперативный конгресс принял решение усилить работу кооперации по основным продуктам питания и тем самым устранить необходимость в параллельном развитии муниципальной торговли этими продуктами.

IV

Каковы результаты кооперативной работы и что дает она рабочему потребителю?

Чистая прибыль потребкооперации Великобритании выразилась за 1927 г. в 23.424.774 (в 1926 г.—20.927.387) фунт. стерл. Из этой суммы было выплачено в качестве процентов на паевой капитал 3.924.807 фунт. стерл., а остальные 19.499.967 фунт. стерл., за исключением отчислений на культурные цели, благотворительность и проч., были распределены в качестве дивидендов на забор. К паевому капиталу эти 19.499.967 фунт. стерл. представляли собой 21,13%, а к обороту 9,75%. На одного члена, таким образом, дивиденд составляет в среднем 3,5 фунт. стерл. (в 1926 г.— 3,4 фунт. стерл).

Интересно проследить движение чистой прибыли за последние годы

Годы	Чистая прибыль (после отчисления %%)	Оборот продажи	Процент к обороту по продажам	Процент на капитал
1913	11.360.959	83.615.175	13,6	25,1
1914	11.918.776	87.964.229	13,5	25,0
1915	13.260.965	102.557.779	12,9	25,5
1916	14.530.452	121.688.550	11,9	25,7
1917	13.897.846	142.003.612	9,7	23,7
1918	14.265.370	155.161.963	9,2	21,7
1919	17.708.518	198.930.437	8,9	22,3
1920	22.227.998	254.158.144	8,8	24,2
1921	14.253.671	218.780.384	6,5	15,7
1922	10.671.230	169.582.357	6,2	11,9
1923	12.628.213	165.490.038	7,7	13,6
1924	15.533.607	175.077.825	8,9	15,6
1925	16.861.894	183.584.049	9,2	15,8
1926	17.133.588	184.879.902	9,3	15,5
1927	19.499.967	199.924.938	9,75	21,13

Данные за 1927 г. показывают, что прибыль растет быстрее оборота. Так, оборот за 1927 г. вырос по сравнению с 1926 г. на 8,13%, а прибыль на 11,9%.

(199.924.938 — 184.879.902 = 15.045.036 = 8,13%)
(23.424.774 — 20.927.387 = 2.497.387 = 11,9%)

Рост прибыли, превышающий, рост оборота показывает, что общества проводят политику цен, противоречащую интересам рабочего потребителя, реальная заработная плата которого падает и который нуждается в первую очередь в удешевлении продукта. В этом отношении правильную установку дает резолюция последнего конгресса женских гильдий, гласящая: „Конгресс призывает все кооперативные общества ввести единообразные минимальные цены, сохраняя высокое качество товаров, и установить принцип низких цен и низких дивидендов.

Вопрос „низких цен и дивидендов" становится сейчас центральной проблемой, вокруг которой фиксируется борьба разных групп населения внутри самой кооперации. Даже оптимисты среди буржуазных экономистов Великобритании не идут дальше утверждения, что реальная заработная плата английского рабочего в послевоенный период не понизилась. В действительности для очень больших групп рабочего населения, особенно в депрессивных отраслях (уголь, текстиль, судостроение и т. п.) реальная заработная плата понизилась весьма существенно. Мы не говорим уже о миллионах безработных и рабочих, работающих неполную неделю и неполный рабочий день, положение этих групп катастрофично.

Процесс расслоения рабочего класса идет в Великобритании быстрыми шагами. Для его большинства условия существования за последние годы резко ухудшились. Основной задачей организаций, обслуживающих экономические интересы рабочих масс, является сохранение для него того минимума реальной заработной платы, который предохранил бы их от вырождения и деградации.

Кооперация должна внести свою долю путем политики максимально посильных ей по рыночным условиям низких цен.

В таком положении уже не до „кооперативного жиру": высокого капиталонакопления, дивидендов и т. п., а лишь бы быть живу, т.-е. сохранить потребителя, идя навстречу его реальным повседневным интересам. Голос обездоленной части рабочего класса в кооперации становится, как мы видели из резолюции последних кооперативных конгрессов Великобритании, все слышнее. Под влиянием обострившейся борьбы за существование, идейное руководство кооперации Великобритании начинает уходить из рук либеральной буржуазии и рабочей аристократии к рабочим низам, которые самой логикой своего повседневного существования, логикой обостряющейся классовой борьбы, толкаются на новые пути организации и самодеятельности в кооперации.

В отличие от профсоюзов, где „верхи" одержали в течение последнего года ряд пирровых побед,— подавляя и тормозя сопротивление рабочих масс наступлению капитала,— в кооперативном движении Англии пробивают себе дорогу новые революционные, по существу своему, тенденции настолько сильно, что верхам кооперации не осталось ничего другого, как попробовать присоединиться к этим лозунгам и сделать их общими лозунгами движения. Этим, однако, им не удается обезвредить их содержания.

V

Кооперация Великобритании издавна славилась темпом своего капиталонакопления. Много способствовала этому накоплению система высоких дивидендов, из которых около половины оставались обычно невостребованными и прибавлялись к паевому капиталу членов. Характерным является то обстоятельство, что капитал и продажи на каждого члена являются наиболее высокими у тех обществ, которые выплачивают высокие дивиденды. С другой стороны, за последние 15 лет число членов и торговые обороты наиболее быстро росли в тех районах, в которых выплачивались более низкие дивиденды и были более низкие цены.

Рост капиталов и резервов потребительских обществ Великобритании за годы со времени войны представляются в таблице на стр. 158 (в фунт. стерл.).

Анализируя рост паевого капитала обществ, мы видим, что за последние три года сумма паев, приходящихся на одного члена, быстро понижается, несмотря на абсолютный рост паевых капиталов обществ. Так, в 1925 г. приходилось в среднем на члена 17,42 фунт. стерл. паевого капитала, в 1926 г.— 16,95 фунт. стерл. (уменьшение на 2,7%), 1927 г.— 16,54 фунт. стерл. (уменьшение на 2,4%).

Присматриваясь к движению паевого капитала по отдельным районам страны, мы видим, что понижение его идет более быстрым темпом в рабочих районах, особенно страдающих от безработицы и ухудшения условий существования. В сельскохозяйственной Ирландии и юго-западном районе наблюдается даже рост паевого капитала, приходящегося на каждого отдельного члена.

К сожалению, в кооперации Великобритании нет постоянного учета распределения членов в обществах по размеру паевого капитала. Между тем, такие данные очень облегчили бы учет социального состава. Твиг

Годы	Капитал			Общая сумма капитала	Капитал на кажд. члена	Проц. отношение резервов к капиталу
	Акции	Займы	Резерв			
1913	37.276.348	5.328.349	2.662.418	45.267.115	15,73	5,87
1914	39.575.189	5.363.945	2.913.580	47.852.714	15,67	6,10
1915	43.141.970	5.706.626	3.155.051	52.003.647	15,96	6,06
1916	47.153.203	6.169.149	3.389.194	56.711.546	16,11	5,98
1917	48.574.049	6.362.444	3.594.977	58.531.470	15,45	6,13
1918	54.039.225	7.355.483	4.343.272	65.737.980	17,09	6,61
1919	65.644.968	8.766.338	4.897.259	79.308.565	19,20	6,18
1920	76.374.691	10.178.477	5.539.242	92.092.592	20,44	6,02
1921	74.818.802	10.828.646	5.204.274	90.871.722	19,98	5,73
1922	73.071.598	11.820.400	4.942.574	89.834.572	19,88	5,50
1923	75.361.543	12.561.554	5.047.736	92.970.833	20,35	5,43
1924	80.216.116	13.837.825	5.477.776	99.531.717	21,16	5,51
1925	85.564.198	15.119.617	6.027.578	106.711.393	21,73	5,66
1926	87.909.381	16.125.992	6.452.274	110.487.647	21,30	5,84
1927	92.281.003	17.492.832	7.203.007	116.976.841	20,96	6,56

приводит материалы по одному из крупных обществ, относящиеся к 1921 г. Они настолько красноречивы, что мы помещаем их полностью:

Размер пая (фунт. стерл.)	Число пайщиков, закупавших в течение квартала		Число пайщиков, не закупавших в течение квартала		Средний пай на одного члена
	Число	Сумма	Число	Сумма	Фунт. шилл. пенс.
	Фунт. стерл.				
Ниже 1	27.022	9.923	9.547	3.051	0. 7.1
От 1— 2	8.036	11.037	906	1.253	1. 7.6
„ 2— 3	2.582	5.406	238	572	2. 2.5
„ 3— 5	2.558	9.550	161	567	3.14.5
„ 10— 20	2.599	36.268	96	1.190	13.18.0
„ 20— 30	1.470	35.457	48	1.100	24. 1.7
„ 30— 40	912	31.196	49	1.666	34. 3.11
„ 40— 50	673	28.182	18	896	42. 1.7
„ 50—100	1.751	122.347	71	4.709	69.14.8
„ 100—150	837	100.132	27	3.268	119.13.6
„ 150—200	945	176.662	31	5.619	186.15.3
Всего . . .	52.250	586.076	11.319	24.733	9.15.4

Приведенные данные показывают, что около 82% членов покупают в своем обществе. Группы с более высоким паевым взносом показывают большую связанность с обществом. Около 58% всех членов имеют паев

меньше, чем по 1 фунт. стерл. и им принадлежит всего около 2% паевого капитала; основная масса паевых средств закупающих членов общества — 399.141 фунт. стерл. из 586.076 фунт. стерл., или 68% принадлежит 3.533 лицам, т.-е. 7% членов. Из этих цифр нельзя, конечно, делать общих выводов, но они вскрывают истинную природу распределения паевых средств в английской кооперации и показывают, какая нищета и нужда таятся за показным благополучием кооперативного быта в Великобритании.

Резервные капиталы растут из года в год и достигли в 1927 г. 7.203.006 фунт. стерл., составляя 6,56% паевого капитала. Еще быстрее растет так называемый заемный или вкладной капитал, состоящий из вкладов членов, из средств собираемых через отделы мелких сбережений при обществах и т. п. Эти средства достигли в 1927 г. суммы 17.492.832 фунт. стерл. и составляют в среднем 3,14 фунт. стерл. на каждого члена. По отдельным категориям они распределяются так:

Вклады и проценты по ним	10.702.763
Мелкие сбережения (через сберег. отделы 935 общ.)	4.440.767
Банковские овердрафты	1.076.222
Вклады клубов по совместным закупкам	452.902

Огромные средства потребительских обществ, достигшие в 1927 г. суммы 116.976.841 фунт. стерл., распределяются следующим образом между отдельными операциями обществ:

Годы	Заняты в собственных торговых операциях			Заняты в других операциях	
	Номинальная стоимость движимого и недвижимого имущества	Номинальная стоимость товарных запасов	Долги членов	Помещено в жилстроительство	Разные помещения средств, включая общ. опт. закупок
1913	14.052.115	9.088.827	1.236.664	8.899.917	17.613.497
1914	14.301.283	9.970.421	1.319.128	9.357.530	18.649.380
1915	15.729.258	12.212.240	1.279.937	8.501.418	21.312.727
1916	15.417.123	14.970.379	1.485.211	9.194.759	23.884.925
1917	15.321.215	17.031.192	1.507.813	8.504.993	23.841.587
1918	15.247.115	23.488.587	1.380.234	7.915.474	26.287.428
1919	16.933.995	30.955.504	1.745.213	8.027.853	32.604.325
1920	21.056.125	36.370.314	2.310.187	8.612.253	36.546.079
1921	24.184.390	25.407.754	3.439.983	8.667.156	38.452.421
1922	25.940.169	20.536.025	2.946.137	8.354.358	40.614.374
1923	26.540.859	18.763.229	2.828.034	8.331.589	45.696.388
1924	27.436.218	19.050.842	2.800.110	9.395.378	50.971.210
1925	29.305.213	18.784.998	3.159.388	3.341.349[1]	48.739.858[2]
1926	31.088.531	18.656.453	4.131.338	3.382.055	58.956.162
1927	34.141.558	19.099.818	4.533.052	3.374.956	62.680.453

[1] До 1924 г. включались ссуды под залог домов. В последующие годы они перенесены в следующую графу.

[2] За исключением банковских депозитов.

Сравнивая размещение средств в 1913 и 1927 гг., мы видим, что в процентном отношении они распределялись соответственно следующим образом:

	1913 г.		1927 г.	
	Фунт. стерл.	%	Фунт. стерл.	%
В движимом и недвижимом имущ. . .	14.052.115	27,61	34.141.558	27,57
В запасах товаров	9.088.827	17,86	19.099.818	15,42
Долги членов	1.236.664	2,43	4.533.052	3,66
В жилстроительство	8.899.917	17,49	3.374.956	2,73
Помещено другими способами (главным образом, через общ. опт. закупок)	17.613.497	34,61	62.680.453	50,62
Всего . . .	50.891.020	100	123.829.837	100

Приведенные цифры показывают, что удельный вес стоимости земельного участка, помещения и оборудования остался без изменения, а товаров на складе незначительно снизился. Зато задолженность членов увеличилась в полтора раза и размещение свободных средств, примерно, на столько же.

Следует заметить, что средства, помещенные в недвижимости, оборудование и т. п., в действительности представляют собой значительно большие ценности, чем те суммы, которыми они записаны в балансе обществ. Дело в том, что ежегодно списывается в среднем на погашение стоимости: земли около 1%, построек 2,5%, оборудования — 5%, машин от 7 до 20%. Таким образом, книжная стоимость имущества после многолетних списаний получается много ниже его реальной стоимости и образует своего рода скрытые резервы.

Другим весьма характерным моментом, служащим ярким показателем ухудшения экономического положения рабочих масс Великобритании, является на ряду с относительным понижением паевого капитала и размера закупок усиление задолженности членов обществам. Старая традиция торговли за наличные была сломана ростом экономических противоречий. Задолженность растет из года в год, создавая в перспективе угрозу финансовому равновесию общества. За последний год задолженность увеличилась на 401.714 фунт. стерл., а за 1926 — на 971.950 фунт. стерл. Есть попытки об'яснить увеличение задолженности развитием работы так называемых закупочных клубов, однако, действительная причина лежит в сокращении платежеспособности в результате безработицы и понижения заработной платы. Задолженность членов за последние годы росла следующим образом:

Годы	Приходилось долгу на одного члена (фунт. стерл.)	В % к остатку товаров на складе
1924	0,60	14,8
1925	0,64	16,7
1926	0,80	22,1
1927	0,81	24,0

Таким образом, мы видим, что за три года задолженность увеличилась на 61,7%, при чем в отношении товаров на складе она составляла к концу 1927 г. уже 24%.

VI

При грандиозном торговом обороте кооперация Великобритании стала одним из крупнейших товаропроизводителей и работодателей в стране. Когда рочдельские пионеры в 1844 г. писали в своем манифесте, что в задачи их обществ входит „производство предметов, какие общество найдет нужным производить", им и не снилось, что в 1926 г. производственная и обслуживающая деятельность местных потребительских кооперативных обществ выразится в 1925 г.—31.729.600 фунт. стерл., в 1926 г.—33.116.543 фунт. стерл., в 1927 г.—34.866.845 фунт. стерл.

Эта производственная и распределительная деятельность местных обществ проводится 162.919 рабочими и служащими.

В местных потребительских обществах было наемных работников:

	1922 г.		1926 г.		1927 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Всего	128.037	100,00	147.514	100,00	157.943	100,00
В производ.	30.627	23,94	45.966	31,16	48.016	30,40
В распредел. . . .	97.320	76,06	101.548	68,84	109.927	69,60

Средняя заработная плата работников в фунт. стерл.:

	1922 г.	1926 г.	1927 г.
В производстве	147½	135	140
В распределении	139	125	124½

Стоимость заработной платы на 1 фунт стерл. продажи в местном обществе составляла 19,14 (в 1922 г.), 16,49 (в 1926 г.) и 16,44 (в 1927 г.) пенса, т.-е. 8% и 6,8%.

Еще значительнее и концентрированнее производственная деятельность общества оптовых закупок.

Правда, в 1926 г. она осталась на уровне прошлого 1925 г.: по английскому, шотландскому и об'единенному обществам за 1926 г. было произведено продуктов на 35.464.120 фунт. стерл. Зато в 1927 г. она выросла до 38.875.661 фунт. стерл., или на 10 %. Это составляло ко всей оптовой продаже кооперации в 1926 г. 38,54%, а в 1927 г.—37,08%; а ко всей розничной в 1926 г.—19,18%, в 1927 г.—19,44%. В производстве занято капиталу 11.330.882 фунт. стерл.

За последние пять лет производственная работа общества оптовых закупок показывает непрерывный рост. Так, она составляла:

Годы	Оптовая продажа в %	Розничная продажа в %
1922	31,45	15,38
1923	31,12	15,70
1924	34,02	17,53
1925	37,71	19,37
1926	38,54	19,18
1927	37,08	19,44

Во всех четырех обществах оптовых закупок было занято в 1927 г. 48 842 рабочих и служащих, получивших 6.929.578 фунт. стерл. заработной платы. Из них было занято в производстве 41.167 (84%) с окладом 5.518.678 фунт. стерл. и распределении 7675 (16%) с окладом 1.410.900 фунт. стерл. Сравнительные данные по английскому и шотландскому обществам оптовых закупок дают следующие данные об удельном весе расходов по заработной плате в отношении производственной и распределительной работы общества оптовых закупок.

	1922 г.	1927 г.	%%
На одного рабочего приходилось произведенных товаров (в фунт стерл.) . . .	750	1.046	+39,4
Заработная плата на 1 фунт стер. произведенного товара обошлась (в пенсах) . .	41,74	28,78	—31
На одного служащего приходилось проданного товара (в фунт. стерл.)	14.305	15.859	+10,9
Заработная плата на 1 фунт стерл. проданного товара обошлась пенсов	3,57	2,87	—19

Приведенные цифры показывают, что себестоимость производства кооперации снизилась за пять лет в части заработной платы на 39,4%, а в части распределения — на 19%. Каждый рубль распределенных товаров стоит английскому кооперативному потребителю в части заработной платы персонала по обществу оптовых закупок 1,19 копейки, или $1^1/_4$%.

Заслуживает внимания распределение наемных работников кооперации по роду работы. Так:

	1926 г.		1922 г.	
	Абс.	%%	Абс.	%%
Было всего наемных работников	183.195	100	209.616	100
В производстве	75.567	41,25	95.911	45,76
В распределении	107,628	58,75	113.705	54,24

Мы видим, таким образом, что число лиц, занятых в кооперативной индустрии, повысилось за пять лет на 27%, а в распределении товаров только на 5%.

Производственная деятельность кооперации представляет в условиях ожесточенной борьбы с монополистическим капиталом одну из ее сильнейших позиций. Между отдельными видами товаров производственная деятельность распределялась следующим образом (в %%):

Годы	Пищевые и табак	Мыло	Одежда	Текстиль	Строительн. материалы	Бумага, канц. пр.	Металлич. изделия
1913	71,04	3,80	13,83	3,01	3,70	1,79	0,74
1925	72,56	3,38	10,27	2,89	4,98	2,01	1,47

Рост оборотов по продаже пред'явит в ближайшие годы большие требования кооперации Великобритании в отношении усиления ее производственной деятельности, а также рационализации последней. В этом отношении большую подмогу сможет оказать ей развитие междукооперативного оборота по внешней торговле, который начинает по почину советской кооперации принимать значительные размеры. Средств для развития производственной деятельности у кооперации Великобритании совершенно достаточно.

Особый интерес представляет вопрос о положении рабочих и служащих в кооперативных предприятиях. Как мы видели, рост кооперативной торговли и производства мобилизовал для обслуживания их двухсотысячную армию труда, достигшую почти 6% числа членов кооперации. Надо прямо сказать, что вопросу об обслуживании этого важнейшего участия кооперативного фронта уделяли до последнего времени сравнительно мало внимания. Несмотря на существование коллективных договоров за последний год имел место ряд конфликтов, из которых некоторые, правда, небольшого масштаба, кончились даже забастовками. В последнее время центральные кооперативные организации пытаются тушить нарастающую активность наемного труда в кооперации разного рода пенсионными и другими благами. Но при общем социальном разрезе современного кооперативного движения Великобритании эти паллиативы вряд ли окажут надлежащее действие. Рабочее движение Великобритании должно будет в ближайшие годы уделить серьезное внимание организации и

классовому перевоспитанию рабочих и служащих кооперации и превратить их в серьезную силу, способную подняться идейно и организационно на высоту поставленных перед движением задач.

VII

Кооперация Великобритании стоит на первом месте в международном кооперативном движении в отношении ее финансовых ресурсов и капиталонакопления.

В 1927 г. в кооперации Великобритании, кроме 1.267 потребительских обществ, имелись также 10 потребительских распределительных федераций 102 производительных и обслуживающих общества, 2 ассоциации снабжения, 14 специальных обществ, 2 общества оптовых закупок и 1 сельскохозяйственное общество оптовых закупок.

Во всех этих обществах насчитывалось 5.624.079 членов. Эти общества (включая все виды обществ) имеют основной капитал, выражающийся в сумме 104.887.474 фунт. стерл. с резервным фондом в 20.157.306 фунт. стерл; оборот их равняется 324.490.307 фунт. стерл., чистая прибыль выразилась в сумме 26.951.500 фунт. стерл. Работают в этих обществах 225.141 человек служащих и рабочих. Общая сумма выплачиваемого жалованья составляет 29.208.719 фунт. стерл. в год.

Сводный баланс кооперации Великобритании (включая Ирландию) выражается в нижеследующем (в фунт. стерл.):

Сводный баланс кооперативного движения Великобритании и Ирландии в 1926/27 г.

	1926 г. Абс.	1926 г. %%	1927 г. Абс.	1927 г. %%	Из них по местным потребительским обществам в 1927 г. Абс.	Из них по местным потребительским обществам в 1927 г. %%
Пассив						
Паевой капитал	100.046.945	49,9	104.887.474	48.94	92.281.003	70,72
Вклады, фонды, займы .	66.670.003	33,3	70.929.044	33,10	17.492.823	13,41
Резервы и страх. фонды	17.594.305	8,8	20.157.306	9,40	7.203.006	5,52
Разн. обязат. (включая средства паев.) тов-в. .	7.436.982	3,7	7.932.990	3,70	4.679.239	3,59
%% по паям и пр. . .	8.701.538	4,3	10.410.797	4,86	8.828.122	6,76
	200.479.773	100	214.317.380	100	130.484.202	100
Актив						
Товары, матер. расходы .	31.264.737	15,7	31.158.054	14,54	19.099.818	14,64
Недвиж. и движ. имущ. .	47.939.840	23,9	50.004.024	23,33	37.516.514	28,75
Помещено капитал. в паи и займы	61.228.941	30,5	64.776.761	30,22	48.797.876	37,40
Аванс и всякого рода помещ. капиталов . .	40.377.986	20,1	47.706.803	22,26	13.882.577	10,64
Задолжен. членов . . .	11.047.186	5,5	10.896.801	5,08	4.533.052	3,47
Наличность	6.661.392	3,3	7.160.001	3,34	5.207.542	3,99
Разные активы	1.555.178	0,8	2.217.293	1,04	1.125.996	0,86
Дефицит в общест., имеющих таковой	374.573	0,2	397.571	0,19	320.827	0,25
	220.449.773	100	214.317.308	100	130.484.202	100

Беглый просмотр приведенного выше баланса показывает необычайную финансовую мощь кооперации Великобритании. 71% паевого капитала в балансе сами по себе уже говорят о высокой финансовой независимости движения. Можно смело сказать, что те процессы реорганизации и улучшения предприятий, которые в последнее время стали на очереди, могут быть проведены ее собственными силами, и если они не проводятся в жизнь, то это об'ясняется только консерватизмом и неподвижностью руководящих органов, а отнюдь не финансовыми затруднениями. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что привлечение вкладов от пайщиков, несмотря на значительность привлеченных сумм, находится еще далеко не в развернутом виде и в случае действительной потребности в средствах может быть несравненно усилено.

Особого упоминания заслуживает работа банковского отдела английского общества оптовых закупок:

	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Оборот (фунт. стерл.)	552.837.668	558.713.273	632.113.946
Увеличение (в %%)	11,72	6,48	7,37
Число текущих счетов	18.732	20.134	21.621
„ срочных вкладов	24.833	26.249	26.976
Общее число счетов	43.565	46.433	48.597

Несмотря на значительные средства, мобилизованные банковским отделом (около 30 миллионов фунтов), приходится констатировать, что число счетов его вкладчиков едва равняется 1% всех членов кооперативных обществ, а сумма вкладов не превышает $1^1/_2$% всех вкладов в банках Великобритании. Кооперативная банковская работа в Великобритании находится, таким образом, еще в мало развернутом виде, и по мере роста подлинной потребности в средствах она сможет развернуться значительно шире.

VIII

Несмотря на то, что еще в программе рочдельских пионеров стоял пункт об отчислениях из прибылей на культурные цели, средства, уделяемые на образовательные и воспитательные цели, очень скромны в сравнении с грандиозными торговыми оборотами. Так, истрачено на образовательные и воспитательные цели:

	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Всего в фунт. стерл.	162.168	180.540	203.111
В %% к прибыли	0,79	0,86	0,87
В среднем на члена в пенсах	7,93	8,35	8,74

т.-е. в 1927 г. на одного члена было истрачено всего 34,08 коп. Надо прямо сказать, что эта сторона деятельности далеко отстает от торговой работы.

Кооперативно воспитательная работа находит свое подлинное широкое развитие только в тех обществах, которые находятся в руках сознательных классовых элементов, как, напр., лондонский „Арсенал“ и др.

Кооперативная пресса Великобритании, несмотря на свой почти столетний возраст, не имеет до сих пор ежедневной газеты. Еженедельные издания расходятся в количестве свыше 100.000 экз. („Кооператив Ньюс“ 85.000 и „Скоттиш Кооператор“ 23.000), т.-е. только около 2% членов покупают их. Лучше обстоит дело с ежемесячной прессой, выходящей на местах и распространяемой в количестве до миллиона экземпляров.

Ухудшение положения рабочего населения повлекло за собой усиление его социальной активности, стремления к самоорганизации и политическому действию. Вместе с ним уходит в прошлое пресловутая идея нейтральности и аполитичности кооперации, которую с таким рвением защищают на международных кооперативных конгрессах верхи английского кооперативного движения.

Традиция политического нейтрализма, ведущая свое происхождение от рочдельцев, изжита. В свое время она возникла, как результат недоразвившихся форм классовой борьбы, разочарования и поражения „чартизма“ и мелкобуржуазных иллюзий относительно всеспасительности кооперативных методов. Теперь, в обстановке исключительных классовых антагонизмов она является одной из форм буржуазной политики, призванной затушевать классовое самосознание рабочих масс и отвлечь их от повседневной борьбы за их интересы.

Обострение социальной борьбы усилило в кооперативных организациях интерес к политике и заставило „нейтральную кооперацию“ найти свое место по одну сторону классовой баррикады современности.

Не говоря уже о более радикальных женских гильдиях, которые ввели на своем конгрессе в устав пункт об обязательной поддержке кооперативной партии, даже конгресс кооперативного союза в Гартпуле большинством 2.465.000 голосов против 1.470.000 отклонил предложение аннулировать соглашение между кооперативной и рабочей партиями, тем самым подчеркнув, что кооперация начинает прочно связывать свою судьбу с судьбой рабочих организаций.

В. А. Кончер

Мировая проблема угля

После того как грандиозная стачка английских горняков в 1926 г. приковала внимание широчайших кругов к вопросам угольной промышленности для каждого стало ясно, что болезни мирового угольного производства, столь резко вскрывшиеся в Англии, имеют, повидимому, очень значительные и очень глубоко идущие корни, что угольная промышленность является едва ли не самым угрожающим и, во всяком случае, самым слабым местом мирового капиталистического производства.[1] Не слишком часты были в новейшей истории капитализма подобного рода случаи, когда кризис одной промышленной отрасли рождал социальные потрясения такой гигантской силы.

Неправильно было, конечно, великую стачку 1926 г., с неожиданной резкостью пробудившую лучшие традиции чартизма, целиком сводить, как это обычно делалось у нас, к затруднениям в мировой и британской углепромышленности: основные движущие силы, вызвавшие этот взрыв классовой борьбы, лежат глубже, в общих экономических и социальных противоречиях капитализма, в данном случае — обострившихся конкретно в угольную проблему. Но судить о важности и сложности этой проблемы по размерам катастрофы 1926 г. в Англии можно, конечно, с полной определенностью. Эта катастрофа и должна служить основной предпосылкой для такого суждения, в свою очередь, наталкивающего на целый ряд крупных факторов, сопряженных или совпадающих с мировой угольной проблемой.

„Кризис угольной промышленности принимает мировые размеры. Он представляет собою составную часть всеобщего мирового кризиса перепроизводства“,—говорит тов. П. Лапинский в своем превосходном исследовании о „Мировом кризисе угля“, написанном за год до английской стачки.[2] Здесь отмечена связь и соответствие угольного кризиса с общим то падающим, то поднимающимся кризисом мировой капиталистической экономики; в этом отношении проблема угля не вызывает никакого специального внимания. Но она носит помимо того также ряд сугубо специфических, ей одной свойственных черт, в основном отлично констатированных П. Лапинским. Эти специфические факторы — главная особенность угольной проблемы. Мало того, при ближайшем рассмотрении оказывается, что они знаменуют собой истоки и брожение в недрах капиталистического хозяйства совершенно новых технико-экономических процессов, принимающих подчас размах и характер подлинной промышленной революции. Оказывается, далее, что уголь

[1] Чтобы лишний раз отметить всеобщую и даже определяющую временами роль угольного кризиса, напомним, кстати, что „самая крепкая цепь не может быть крепче самого слабого своего звена“ (из ст. М. П. Павловича в „Новом Востоке“, № 3, 1923 г.). Угольная проблема в капиталистическом производстве представляется во многих отношениях соответствующей этому звену.

[2] П. Лапинский. „Мировой кризис угля“, М. Л. 1926 г. (Ранее эта работа появилась в „Международной Летописи“, № 8—9, 1925 г.).

в огромной степени несет на себе издержки этой технической революции. И в этом также важнейшая особенность угольной проблемы.

В том виде, в каком она представляется ныне, т. е. прежде всего в виде хронического кризиса сбыта угля, угольная проблема выступила фактически только в 1921 г. Поступательно расширяясь, кризис был на время ликвидирован Рурской оккупацией 1923 г., ею заключается первый этап на пути развития кризиса. После Рурской оккупации кризис угля возобновился на расширенной основе. Английская забастовка 1926 г. приносит новую передышку; в ней кризис находит конец второго этапа своего развития.

На другой день после английской забастовки он возобновился снова. Факты говорят, что он возобновился в еще более расширенном масштабе. Нынешнее положение — это расцвет угольного кризиса на его третьем этапе.

После великой стачки 1926 г.

Когда председатель Королевской угольной комиссии, сэр Герберт Самюэль, в своем выступлении 20 июня 1927 г. констатировал, что положение мирового угольного рынка и, в особенности, положение угольной промышленности Англии вновь возвращается к тому, которое было до стачки шахтеров, заявление его прошло незамеченным, не вызвав ни откликов, ни беспокойства. Беспокойство, впрочем, оказалось еще преждевременным. Слишком реально было еще ощущение факта снижения заработной платы и удлинения рабочего дня углекопа, что дало возможность английскому предпринимателю понизить себестоимость угля и, следовательно, усилить конкурентоспособность его на внешних рынках; достаточно отчетливо давали еще себя чувствовать благоприятные для стран-экспортеров условия угольного голода, порожденные прекращением британской добычи угля в течение 210 дней стачки.

Но прореха почти в 120 млн. тонн, образовавшаяся в мировой продукции угля за 1926 г., в результате забастовки английских горняков заполнялась очень быстро. За тот же 1926 г. основные страны-производительницы увеличили свою продукцию в общей сложности не менее, чем на 50 млн. тонн. Заметно выросла также за этот период молодая угольная промышленность колониальных и полуколониальных стран. За весь 1926 г. добыча угля в Азии достигла 75,7 млн. тонн (в 1925 г.— 71,7 млн.), в Австралии —21,0 млн. (18,7),[1] в Южной Африке —12,5 млн. (11,8).[2] Северная и Южная Америка увеличила добычу угля за 1926 г. на 73,3 млн. тонн (614,4 млн. против 541,1 млн. в 1925 г.).[1]

С возобновлением добычи в Англии, мировой угольный рынок вновь быстро пошел по направлению к своему старому кризису сбыта. Этому способствовало еще и то, что добыча в Англии возобновилась в размерах, превосходивших дозабастовочные. В первом полугодии 1927 г. добыча составила 130,2 млн. тонн против приблизительно 124 млн. тонн за соответствующее полугодие 1921 г.

В то же время добыча угля в остальных странах, получив поступательный толчок во время английской стачки, продолжала расти и после нее. Добыча в Германии достигла за 1927 г. 153 млн. тонн (против

[1] „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt“. Herausgegeben von der Dresdner Bank, Berlin, 1927, S. 43.

[2] „The Economist monthly supplement“, January, 1928, p. 5.

145 млн. в 1926 г.), в Бельгии—27 млн. (25 млн.) тонн, в Польше—38 млн. (36 млн.) тонн и т. д. Исключение составляют Соед. Штаты, в которых добыча угля сократилась за 1927 г. почти на 9%, что в значительной степени об'ясняется забастовками на угольных предприятиях.[1]

Экспорт достиг соответственных размеров. Вывоз каменного угля из Англии за первое полугодие 1927 г. составил 26,3 млн. тонн — на 7,4 млн. тонн больше, чем за то же полугодие предыдущего года, когда забастовка еще не отразилась на экспорте. Германия экспортировала в первом полугодии 1927 г. 14 млн. тонн — на 5 млн. больше, чем за тот же период 1926 г.

Но опустошенные на время рынки потребления угля быстрыми шагами приближались к насыщению. Все более сокращавшиеся возможности сбыта стали наносить вздувшемуся за первые послезабастовочные месяцы вывозу угля жестокие удары. Уже к концу второго квартала 1927 г. стали обнаруживаться тенденции к сокращению вывоза угля из главных стран. Принимавшиеся в виду осложнившейся кон'юнктуры правительствами некоторых стран мероприятия по ограждению собственной углепромышленности от иностранной конкуренции, в частности — изданный 8 мая французским правительством декрет об ограничении ввоза во Францию угля и кокса,— дали этим тенденциям лишний толчок.

В Англии за первую половину 1927 г. остаток угля на внутреннем рынке составил свыше 50 млн. тонн. За первые месяцы 1928 г. эта цифра выросла уже, по заявлению в Палате общин представителя министерства горной промышленности Кинга, до 80 с лишним миллионов тонн — рекордная цифра последних лет.

Начавшееся в связи с этим резкое сокращение добычи угля мало помогало положению. Возможности сбыта продолжали суживаться еще быстрее. Все более накоплявшиеся в угольных районах Европы штабели не находившего потребителей угля с возрастающей силой давили на рыночную кон'юнктуру. Началось неуклонное падение цен.

Наиболее резко падение цен сказалось, конечно, в Англии — этой классической стране угольного кризиса. В среднем, экспортная цена на английский уголь упала с 27 шиллингов в конце 1926 г.— первые послезабастовочные дни — до $18^1/_2$ шилл. в июне 1927 г. Средняя цена за тонну вывозного угля в январе 1928 г. упала до 15 шиллингов 7 пенсов, а в июне даже до $13^1/_2$ шиллингов — самая низкая цена со времени окончания войны. Ни Рур, ни прочие области — поставщики угля — не на много отставали от Англии. В условиях все более ожесточенной, в соответствии с сжимавшимся сбытом, конкуренцией цены на уголь не могли, конечно, обнаружить никаких тенденций к укреплению и, тем более, к росту.

В цифрах безработицы среди шахтеров, возобновившийся кризис угля находит еще более яркое выражение. В Нортумберланде, например, к концу 1928 г. не менее 35% всех горняков являлось безработными. В одном издании, выпущенном недавно совместно конгрессом трэд-юнионов, рабочей партией и федерацией углекопов, констатируется,— и это повторил упомянутый выше Кинг, — что „по общепринятому взгляду в угольной промышленности имеется в настоящее время излишек рабочей силы в 200—250 тыс. человек". Один из крупных углепромышленников Англии, Джон Гибсон, в своем выступлении на собрании Шотландской филии Национальной ассоциации шахтовладельцев в начале 1928 г. был еще более категоричен: по его заявлению, в английской угольной промышленности 150 тыс. безработных, 750 тыс. работающих нерегулярно и

[1] „The Statist — half-yearly Banking and Commercial Review", 1928, p. 22.

250 тыс. рабочих, нагрузка которых также не вполне достаточна.[1] Другими словами, он признавал в той или иной степени задетыми безработицей всех углекопов Англии.

Возвращение мирового угольного кризиса, после недолгого отсутствия, в лоно капиталистического хозяйства предстало с неоспоримой очевидностью.[2] Потрясение, произведенное 7-месячной стачкой, не принесло, в конце концов, благоприятных результатов. Ликвидация мелких шахт, концентрация угольной промышленности, реконструкция устарелого оборудования в ней,— а именно на такие последствия стачки возлагались в Англии не малые надежды — не оказались в состоянии ни предупредить, ни заметно смягчить рецидива. Банкротство таких надежд было, впрочем, заранее предопределено. Ведь угольный кризис — кризис не только английского масштаба, и тяжесть его испытывала и испытывает с большей или меньшей силой любая экспортирующая страна, вне сколько-нибудь значительной зависимости (понятно, последнюю нелепо совершенно исключать) от организации самой добычи угля. Более того, существо угольного кризиса исключает, повидимому, возможность существования мощной и высокоразвитой угольной промышленности и угольного капитала; рахитичность последнего резко выпячивается во всей „системе" капитализма.

А в английском парламенте, между тем, вновь раздаются успокаивающие заверения правительства о сокращении местных налогов по отношению к углепромышленникам и о снижении железнодорожных тарифов на перевозку угля (правда, о субсидиях уже, или еще, не говорят). Старый, но знаменательный и давно уже продемонстрировавший свои „целебные" свойства рецепт!

Как развивался кризис

Дни рурской оккупации 1923 г. были золотыми днями для мировой (за вычетом Германии, конечно) угольной промышленности. Уход с международного рынка огромного германского экспорта угля, германской конкуренции, более того — появление в лице Германии нового, колоссальной емкости рынка для сбыта угля,— явились могучим стимулом к под'ему мировой угольной промышленности. За 1923 г. добыча угля в Англии достигла предвоенного уровня, а экспорт превысил размеры 1913 г. ни более ни менее, как на 40%. Одна Германия поглотила около 20% британского угольного вывоза. Не столь ярко эта полоса высокой кон'юнктуры пронеслась над углепромышленностью всех руководящих стран.

Прекращение рурской оккупации, возобновление добычи угля в Германии, выход германского угля на внешний рынок — изменили положение. Конец рурской оккупации был началом угольного кризиса. Собственно, первые признаки кризиса имели место гораздо раньше. Уже 1921 г. был последним годом, в особенности для Англии, процветания угольной промышленности, как, впрочем, и всей тяжелой индустрии

[1] „The Iron & Coal Trades Review", February 17, 1928, p. 224. Цифра безработных шахтеров в 150 тыс. чел., несомненно, преуменьшена. Немецкий „Kohle und Erz" (№ 5, 1928) определяет число безработных углекопов в Англии в 230 тыс. чел.; он указывает далее, что во всей угольной промышленности Англии занято 980 тыс. раб. против 1.120 тыс. накануне забастовки 1926 г. К концу 1928 года в английской углепромышленности насчитывалось не менее четверти миллиона безработных.

[2] Превозглашенная в подобной же обстановке год тому назад Франком Ходжсон „Era of prosperity from coal" („Manchester Guardian", 5 декабря 1927 года), она производит впечатление шутки, которая должна звучать довольно зло для британских шахтовладельцев.

в капиталистическом хозяйстве. В дальнейшем угольный кризис развивался параллельно с общим мировым кризисом перепроизводства, наиболее катастрофическим участком которого он являлся.

Цифры угольного экспорта и развития цен на уголь служат превосходной иллюстрацией кризиса. В 1925 году экспорт угля из Англии сократился по сравнению с предвоенным периодом на 23 млн. тонн, из Германии — на 12,1 млн. тонн, из Соед. Штатов — на 2,3 млн. тонн, из Бельгии — на 2,5 млн. тонн, из Голландии — на 3,3 млн. тонн. В общем, экспорт угля из 6 руководящих стран (перечисленные плюс Франция) уменьшился с 141,6 млн. тонн в 1913 г. до 101,5 млн. тонн в 1925 г. [1] Весь мировой вывоз каменного угля уменьшился за этот отрезок времени с 163 млн. тонн до 136 млн. тонн; общемировой угольный экспорт составил, таким образом, в 1925 г. лишь 83% его в 1913 г. [2]

Развитие цен на уголь после рурской оккупации как в зеркале отражает нарастание кризиса, разрешившегося взрывом 1926 г. в Англии (в марках): [3]

Годы	Англия (вывозн. уголь)	Германия	Франция	Бельгия	С. Штаты
1913	13,20	12,34	16,61	14,99	5,69
1924	21,90	18,18	18,51	20,43	9,69
1925	19,20	14,98	16,88	21,75	9,54
1926	18,80	14,88	14,89	18,50	10,16

Изменение индекса цен на уголь представляется за этот период в следующем виде (1913 г. = 100); [4]

	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Германия	192	192	124
Франция	115	115	80
Бельгия	144	145	133
Англия	180	137	123
С. Штаты	—	130	191
Польша	132	147	76
Чехо-Словакия	196	179	175

За исключением С. Штатов падение, как видим, неуклонное.

Высокая конъюнктура периода рурской оккупации в первые же дни после ее прекращения рассеялась как дым. Затруднения сбыта извне, организационная и техническая отсталость изнутри [5] продолжали подтачивать угольную промышленность. Рурская оккупация внесла в развитие кризиса лишь передышку, столько же кратковременную, как и благоприятную. Положение повторилось в дни английской стачки. В обоих гигантских эпизодах на пути развертывания мирового угольного кризиса сыграл роль по существу один и тот же (с точки зрения влияния этих „эпизодов“ на углепромышленность) фактор, принявший в первом случае форму паралича рурской угледобычи, во втором — форму паралича угледобычи английской. Обе волны подъема мировой угольной конъюнктуры — в 1923 г. и 1926 гг. — обязаны своим появлением искусственному резкому сжатию поступления угля на рынки благодаря приостановке деятельности главнейших поставщиков его; Германия дает четверть мирового экспорта угля, Англия почти половину.

Это лишний раз подчеркивает характер угольного кризиса, как кризиса жесточайшего и хронического перепроизводства.

[1] „The Economist“, 25 февраля 1928 г., стр. 372.
[2] „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt“, стр. 41.
[3] M. Heinz, „Wie haben sich die Kohlenpreise entwickelt?“ („Kohle und Erz“, № 7, 1928).
[4] „Memorandum sur l'industrie du charbon“ („Conférence Economique Internationale“), Vol. I, Genève, 1927, p. 16.
[5] По сравнению с 1913 г. издержки производства в английской угольной промышленности возросли к 1925 г. на 90,5%.

Закат угля

Д-р Любке в своей яркой, но опровергнутой последующей действительностью работе „об умирающем угле“, [1] основываясь на факторах бешеного роста потребления угля за довоенные и военные годы и на уменьшающихся запасах его, констатировал угрозу истощения угольных ресурсов и наступления угольного голода. [2] Но процессы послевоенные носили совершенно противоположный характер. Они принесли замедление и падение потребления угля при продолжающемся росте общемировой продукции, катастрофическое перепроизводство его. Вопрос об умирающем угле снова предстал во весь свой рост, но уже в совершенно ином виде. Вместо угрозы угольного голода обнаружился факт падающей потребности в угле.

Две силы — увеличение мировой угледобычи и быстрое, не только относительное, сокращение потребления угля — вот непосредственные источники угольного кризиса, угольной проблемы. Рост продукции угля очевиден. В 1927 г. она составила 1.924,4 млн. тонн по сравнению с 1241,7 млн. тонн в 1913 г. [3] и 1122,8 млн. тонн в среднем ежегодно за 1909 — 13 гг. [4] Продукция 1927 г. является рекордной в истории мировой углепромышленности.

Этого отнюдь нельзя сказать о потреблении. Развитие последнего обнаруживает совершенно обратные тенденции. Несмотря на могучие процессы индустриализации внеевропейских стран, несмотря на рост населения общемировое потребление угля продолжает сползать вниз, в лучшем случае, едва удерживаясь на уровне, бывшем 15 лет тому назад. Собственно, уже в 1913 г. над мировой углепромышленностью пронесся первый тревожный сигнал, поданный Европой, но оставшийся, впрочем, совершенно назамеченным: в этом году европейская продукция угля составила 691 млн. тонн, потребление — 621 млн. тонн, на 70 млн. тонн меньше! Эта угрожающая трещина между добычей и потреблением угля в истекшем году резко расширилась. За 1927 г. добыча угля в Европе составила 733 млн. тонн — на 7% выше предвоенного уровня, а потребление угля — 652½ млн. тонн, лишь на 0,7% выше уровня 1913 г. Разница между производством и потреблением возросла с 70 млн. до 107½ млн. тонн. [5]

Мировое потребление бурого и каменного угля (бурый уголь перечислен здесь в каменный) составило в 1926 г. 1231,6 млн. тонн против 1254,6 млн. тонн в 1913 г., т.-е. упало приблизительно на 3—4%. [6]

При рассмотрении потребления угля на душу населения процесс снижения предстает особенно выпукло. В С. Штатах потребление угля

[1] Anton Lübke, „Die sterbende Kohle“ (Das kulturelle und wirtschaftliche Schiksal Europas)“, Regensburg, 1925 (4525).
[2] Этот взгляд был, собственно, общепринятым в первый послевоенный период; именно это обстоятельство продиктовало союзникам возложение на Германию обязательств по репарационным поставкам угля. Несомненной представляется также роль этого стимула в рурской оккупации.
[3] „The Economist“, 25 февраля 1928 г., стр. 371.
[4] „Memorandum sur l'industrie du charbon“, Vol. I, p. 16.
[5] Bennhold, „Bericht über die Lage der Kohlenwirtschaft“ („Kohle und Erz“, № 10, 1928, стр. 361).
[6] „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt“, стр. 95.

на 1 жителя упало с 5,9 тонн в 1913 г. до 4,4 тонны в 1925 г., в Канаде оно сократилось за этот промежуток времени с 4,0 до 2,6 тонн, в Англии — с 4,2 до 3,9 тонн, в Германии — с 2,6 до 2,2 тонн.[1]

В то же время общемировое производство энергии, как увидим ниже, резко возросло по сравнению с довоенным уровнем. Единственный вывод напрашивается сам собой: доля угля в выработке единицы энергии круто упала вниз.

Все эти данные говорят об одном из крупнейших противоречий послевоенной капиталистической экономики: падение мирового потребления угля сопровождается ростом его производства. Все более расширяющийся разрыв между продукцией и потреблением угля обнажает существо мировой угольной проблемы. Она обусловливается целым рядом могущественных факторов.

Корни проблемы

В силу того характера продукта углепромышленности, который делает потребление этого продукта повсеместным и бесконечно многообразным, угольная промышленность оказывается тесно связанной едва ли не в большей степени, чем любое иное производство, буквально со всеми областями и отраслями мирового хозяйства. И великая трагедия угля находит свое выражение в том, что он вынужден неизбежно и, повидимому, безвозвратно оставлять свои позиции одну за другой под натиском новых условий и новых более могущественных врагов.

Как на одну из основных причин угольного кризиса часто и подробно указывалось на недогрузку мировой металлургической промышленности. Несомненно, что суживание производства железа и стали — этого крупнейшего потребителя угля — оказывает очевидное отрицательное влияние на углепромышленность. Но фактически угольный кризис нимало не ослабевает в период под'ема маталлургического производства, и колебания последнего перестают, таким образом, исчерпывающе об'яснять что-либо в характере угольного кризиса.

Ведь несмотря на то, что мировая выплавка железа и стали (по данным („Iron and Coal Trades Review"), составившая в 1927 г., соответственно, 85,0 и 99,1 млн. тонн, возросла для стали на 8,2% против 1926 г. и на 32,7% против 1913 г., для железа — приблизительно на 9,8% по сравнению с 1926 и 1913 гг., несмотря на это, угольный кризис был в 1926 г. неизмеримо велик по сравнению с положением 1913 г., а в 1927 г. гораздо сильнее, чем в 1926 г. Между тем, добыча угля возросла по отношению к предвоенному периоду относительно не больше чем выплавка железа и стали.

Действительно характернейшее значение имеет все более широко практикующиеся в металлургии рационализация и усовершенствование доменных процессов, сводящиеся к более экономному сжиганию угля, к утилизации газов, получающихся в результате этих процессов; последнее, в свою очередь, ведет к дальнейшей экономии в потреблении угля. Усовершенствования механических топок — лишняя гиря на этой чашке весов. Использование во все более широком масштабе низкосортных, в частности бурых углей увеличивает общую массу напирающего на рынок угля;[2] конкуренцией между бурым и каменным углем усугубляется его общее положение. Яркий факт в этой области — начатое в штате Огио американской компанией „National Tube Corporation" производство

[1] „Memorandum sur l'industrie du charbon", vol. I, p. 10.

[2] Мировая добыча бурого угля в 1926 г. превысила на 27% уровень 1913 г.

высокосортного чугуна при помощи распыленного бурого угля непосредственно из руды с низким, менее чем 40%, содержанием железа; себестоимость получаемой из этого чугуна стали оказывается на 1/3 ниже обычного.

Все это вырастает, впрочем, далеко за пределы металлургического производства. Здесь вообще выступает на сцену фактор крупнейшего, отнюдь, не только технического, масштаба: улучшение методов сжигания угля, благодаря чему для получения данного количества энергии в настоящее время затрачивается значительно меньше угля, чем накануне войны и даже несколько лет тому назад.

В первую очередь сюда относится сжигание угля в виде пыли. Огромные преимущества обеспечивают этому методу широкое внедрение в промышленную практику. Совершенно исключительное значение имеет, судя по появляющимся время от времени в европейской печати сообщениям, использование угольной пыли для питания моторов внутреннего сгорания. Топки для пылевидного топлива уже вплотную подошли по своему коэфициенту полезного действия даже к такому топливу, как мазут.

Такие и еще дальше идущие перспективы становятся вполне реальными, если учесть, что поверхность соприкосновения с воздухом для угольной пыли в 1500 раз больше, чем для твердого угля. Практическое применение методов сжигания пылевидного топлива достаточно хорошо иллюстрируется тем фактом, что почти все новые электростанции Франции, а в меньшей степени и Германии, снабжены углепылевыми топками; как правило, ни одна из старых станций, перешедшая к сжиганию пылевидного угля, не возвращается к прежним приемам. Не трудно судить об усиливающемся влиянии и этого фактора на хотя бы и относительное уменьшение общего потребления угля.

Потребление пылевидного угля, конечно, возрастает. В Германии оно увеличилось за 1926 г. с 2 1/2 до 4 млн. тонн. Но это только указывает на то, что уголь может вернуть свое значение, лишь сбросив свою нынешнюю оболочку. Это не делает еще разрешимой проблему угля, как твердого топлива.

Значительная роль в процессе обострения этой проблемы принадлежит развитию газоснабжения. Еще более возрастает она с практикой передачи газа на большие расстояния. Влияние расширяющейся выработки его на увеличение потребления угля для этой цели отступает на задний план перед конкурирующей с углем силой, которую несет с собой этот газ. Уголь встречает врага в своем собственном детище.

* * *

Гораздо более резкое, симптоматичное значение заключается в процессе вытеснения угля иными источниками и видами энергии. Особенно резко бросается в глаза, сравнительно с давних уже пор, успешный поход нефти на старые и, казалось, когда-то неот'емлемые вотчины угля.

Хорошо известен факт постепенного замещения угольного топлива нефтяным на морских судах. За военным флотом, целиком перешедшим на нефтяную топку, следует торговое и пассажирское судостроение. Первый и робкий намек предвоенных лет — 0,6% общемирового тоннажа, приходившегося в 1913 г. на моторные суда — вырос уже в большое мирохозяйственное явление, служащее одним из немаловажных пунктов обвинительного приговора углю. К 1928 г. водоизмещение моторных

судов выразилось в 4.271 млн. тонн, составив 6,5% тоннажа мирового торгового флота; по сравнению с 1914 г. общемировое водоизмещение моторных торговых судов возросло на 1725,2%! Помимо того, все более растет число паровых судов, работающих на нефти вместо угля. Тоннаж их достиг к 1928 г. 18.482 млн. тонн — 28,3% мирового водоизмещения торговых судов; по отношению к 1914 г. увеличение на 1310,8%! В то же время тоннаж работающих на угольной топке судов сократился на 7,6%. К 1928 г. водоизмещение строящихся на верфях мира моторных и прочих судов было почти одинаково. [1] Трудно представить себе более красноречивые цифры.

Мировая продукция нефти составила в 1927 г. 1.252.145 баррелей, [2] превысив на 14% уровень предыдущего года и на 219% продукцию 1919 г., — темп, оставляющий далеко позади развитие добычи угля. Тем не менее, широчайшие перспективы потребления нефти не могут, конечно, сравниваться с перспективами потребления угля, задыхающегося в об'ятиях перепроизводства. [3]

Другим могущественным врагом угля выступает электрическая энергия.

На развитие электрификации непосредственно и достаточно отчетливо указывает рост мировой электротехнической промышленности. Стоимость ее продукции составила в 1925 г. 12.307 млн. марок против 4.137 млн. в 1913 г.; если учесть изменение цен по сравнению с предвоенным периодом, то окажется, что стоимость продукции мировой электротехнической промышленности к настоящему времени удвоилась. [4] Вывоз электротехнических машин и аппаратов из 5 главных стран (Англии, Германии, Соед. Штатов, Франции и Швейцарии) выразился за 1927 г. в сумме 60,4 млн. фунт. стерл. против 32,8 млн. фунт. в 1913 г. [5]

Цифры самой выработки электроэнергии не менее выразительны. В Соед. Штатах, например, выработка электроэнергии достигла в 1927 г. 75,1 мрд. квтч. против 54,4 мрд. в 1924 г. и 14,1 мрд. в 1913 г. [6] По данным, относящимся еще к 1925 г., в Англии электрифицировано 48% всей промышленности, в Германии — 66%, в Соед. Штатах — 73%. [7] Количество электромоторной силы, действующей в германской промышленности, увеличилось за период 1913—26 гг. в 8 раз — с 1,5 до 12 млн. лош. сил. Ежегодная мировая выработка электроэнергии приближается уже к гигантской цифре в 200 мрд. квтч.

Интересна тенденция электрификации ж. д. К концу 1926 г. в Германии было электрифицировано 1,7% всей ж.-д. сети, в Швейцарии — 15,6%, в Италии — 4,8%, в Швеции — 5,9%, в Австрии — 5,2%, в Норвегии — 5,9%, в Голландии — 3,3%, во Франции — 2% и т. д. [8] В связи с этим любопытно отметить наблюдающееся в Соед. Штатах падение потребления угля на ж. д. на каждую 1.000 тонно-миль, оно составило

[1] „Glückauf", 5 мая 1928 г., стр. 571.
[2] „The Mining Journal", 3 марта 1928 г., стр. 176.
[3] Свою фразу „Капля бензина так же дорога, как капля крови" (из телеграммы к Вильсону от 17/XII 1917 г.) Клемансо мог бы еще с большим основанием повторить и теперь.
[4] M. C. Lammer, „Monograph of the Electrical industry" (эта монография входит в материалы подготовительной комиссии Международной экономической конференции в Женеве).
[5] „The Economist", 11/II 1928, p. 267.
[6] Dr. G. Dehne, „Die Elektrizitätswirtschaft der Ver. St. von Amerika in Jahre 1927" („Elektrotechnisches Zeitschrift", 17 Mai 1928, S. 756).
[7] „The Economist", 29/X 1927.
[8] M. C. Lammer, „Monograph of the Electrical industry".

(в тыс. английских фунтов) в 1920 г.—197, в 1922 г.—186, в 1924 г.—170, в 1925 г.—159 и в 1926 г.—155. [1]

Водная сила, колоссально расширяющееся использование ее для производства электроэнергии — еще одна сила, разбивающая благополучие угля. Быстрое развитие мировой гидроэлектрической промышленности — общеизвестно. В Италии, например, мощность гидроэлектрических станций достигла в 1926 г. 4 млн. квт. с возможным годовым производством энергии до 25 мрд. квтч. Водяная энергия, используемая в Соед. Штатах на 1/I 1928 г., составила 12,3 млн. лош. сил, показав увеличение за 1927 г. на 575 тыс. лош. сил. В Канаде используемая водяная энергия достигла к началу 1928 г. 4,8 млн. лош. сил — прирост за год на 221 тыс. лош. сил. [2] То обстоятельство, что внушительная цифра в 30,2 млн. лош. сил. используемой теперь во всех странах водяной энергии составляет лишь 6% общемировых ресурсов белого угля (497,9 млн. лош. сил) [3] говорит о широте лежащих впереди перспектив. А тот фактор, что каждая лош. сила водяной энергии дает возможность „сберегать" 6 тонн угля ежегодно [4] говорит о новых тяжелых ударах, которыми грозят они углю.

Не приходится, конечно, говорить, что значение угля, как источника энергии, продолжает оставаться колоссальным, что доля его во всей массе используемых в наши дни мировых энергетических ресурсов продолжает сохранять свои гигантские подавляющие размеры. В переводе на каменный уголь, мировая продукция каменного и бурого угля составила в 1925 г. 1.235,0 млн. тонн, нефти — 233,7 млн. тонн, использованная водяная сила — 120,7 млн. тонн. [5] Но не менее очевидным представляется и процесс относительного уменьшения доли угля в мировой выработке энергии. В Соед. Штатах, например, распределение произведенной энергии, по источникам ее, разбивалось следующим образом (в %%): [6]

Годы	Уголь	Нефть	Газ	Вод. сила
1911—1915	83	9	4	4
1921—1925	70	19	5,5	5,5
1926	67	21	6	6

В то время как потребление угля в Соед. Штатах к 1926 г. почти сохранило уровень в 1913 г., потребление нефти возросло на 126%, газа — на 62,5%. [7]

Тенденция развития угля — это в основном пока тенденция упадка, и перед этой тенденцией, с полным правом могущей быть замененной более смелым термином — перед этим процессом бледнеют и стираются солидные абсолютные оценки сегодняшнего дня. [8]

[1] „Memorandum sur l'industrie du charbon", Vol. I, p. 11.
[2] „Journal of Commerce", 7/I 1928.
[3] „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt", стр. 51.
[4] „Iron and Coal Trades Review", 16/III 1928, стр. 385.
[5] „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt", стр. 52. При перечислении водяной энергии в каменный уголь составители цифр исходили из той предпосылки, что время использования водяной силы составляет 6.000 часов в год и что один квтч. гидроэлектрической энергии соответствует 1 *кг* каменного угля.
[6] „Memorandum sur l'industrie du charbon", Vol. I., p. 8.
[7] Ibidem, стр. 11.
[8] „Важно не то место, которое мы занимаем, а то направление, в котором мы движемся", — сказал как-то Гоголь. Увы, по отношению к углю эти слова должны звучать довольно таки печально.

Революция угля. Заключительные замечания

Коренной переворот в технике использования угля, несомненно, принес бы разрешение мирового угольного вопроса. Контуры этого грядущего переворота в использовании угля смутно вырисовываются на фоне упорно ведущихся, особенно в Германии, работ по ожижению угля. Начатые в большинстве своем еще до войны лабораторные исследования в этой области Бергиуса, Фишера, Фишера-Тропша — в Германии, Мак Ивена — в Англии, П. К. Кристи — в Америке и т. д. являются уже, повидимому, пройденной стадией этого процесса. Выработка жидкого топлива из угля начинает постепенно выходить на широкую дорогу массового производства.[1]

Сооружение концерном „Interessen-Gemeinschaft Farben-Industrie“ на заводах Лейна, осенью 1926 г., крупной установки по ожижению угля было сигналом, возвестившим этот переход от опытов к их практическому применению. Знаменательно в этом отношении выступление руководителя „I.-G.“, Боша, 24 мая 1928 г. на собрании акционеров концерна. Он заявил, что выпуск синтетического бензина достигнет к концу 1928 г. 100 тыс. тонн, а в 1929 г. составит уже 200 тыс. тонн.

Но здесь снова выступают на сцену могущественные соперники угля. Крупнейшие капиталистические группировки, заинтересованные в процветании нефтяной и электрической отрасли промышленности, еще в большей степени заинтересованы в том, чтобы конкурентоспособность угля, как источника энергии, была максимально парализована. Эти группировки ведут глухую ожесточенную борьбу за господство над работами по ожижению угля. Угольный капитал относительно слаб, плохо организован, и факты говоряг об успешности этой борьбы.

Достаточно констатировать, что дело ожижения угля протекает вне всякого контроля со стороны угольного капитала: в Германии оно сконцентрировано в руках упомянутого концерна „I.-G.“, который все в большей степени вынужден мириться с „сотрудничеством“ американского „Standart Oil“(!), а также в руках „Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft“.

* * *

Как бы то ни было, все более широкое использование недавнего сравнительно происхождения видов энергии, новые методы этого использования, вовлечение в орбиту промышленного производства новых энергетических ресурсов, — все эти процессы, влекущие за собой под час коренную реконструкцию ряда промышленных отраслей (на способах передвижения это проявляется особенно выпукло) или намечающие такую реконструкцию,— служат мощным побудителем к переходу и самого угля на новые пути обслуживания промышленности.[2] Здесь, прежде всего, речь идет о тенденциях превращения угля в жидкое топливо и—уже меньшего принципиального значения — о тенденциях сжигания его в виде пыли В этом переходе — ликвидация вопроса об „умирающем угле“. Закат угля представляется уже только закатом угля, как твердого топлива.

Эти первые предпосылки революции угля и победоносное шествие новых энергетических факторов выступают как отдельные, сталкивающиеся между собой стороны какого-то, в то же время, единого процесса. Здесь намечается гигантского, еще смутно пока уясняемого значения тенденция к переходу мировой промышленности на новую, более совершенную энергетическую базу. Ближе — пока лишь на новые формы использования своей энергетической базы. Этот призрак качественного изменения мировой экономики — призрак промышленной революции.[1] Но зарожденная в условиях конечного этапа капитализма последняя не находит уже достаточной базы для своего воплощения. И на этот раз она найдет его, совпав фактически с мировой социальной революцией.

Проблема угля, окутывающаяся клубком крупнейших внутрикапиталистических противоречий, является лишь составной, хотя едва ли не важнейшей частью мировой энергетической проблемы. Вместе с последней ее разрешение лежит впереди, по ту сторону граней капиталистического хозяйства.

[1] В свете этого фактора приобретают новый смысл и новый интерес слова В. Ратенау: „Уголь это не топливо, уголь — это сырье“.

[2] „Переворот в способе производства, совершившийся в одной сфере промышленности, обусловливает такой же переворот в других сферах“. К. Маркс, „Капитал“, т. I, гл. 13, стр. 290 (русск. изд. 1928 г.).

[1] „Сейчас мы находимся на первом этапе новой промышленной революции,— заключает в своем отчете Угольная комиссия Ллойд-Джорджа в 1925 г.,— которая. как и ее предшественница, также происходит в силу применения нового вида энергии — электричества — и новых, более совершенных способов передвижения. Эта вторая промышленная революция неминуемо принесет с собой чистую цивилизацию вместо прежней, запачканной копотью и сажей“. Ллойд-Джордж был бы, конечно, очень разочарован, если бы ему довелось когда-нибудь узнать, что эта новая „цивилизация“ предстанет очищенной не только от копоти и сажи, но также и от всей грязи капиталистических производственных отношений.

П. Цейдлер

Проблема водоснабжения Донбасса

I

До настоящего времени заведомо дефицитными[1] по воде районами в СССР являлись Средняя Азия и Закавказье.

Водообеспечение этих районов, источников сырья — хлопка — для союзной текстильной промышленности, является одной из главнейших забот союзного правительства. Помимо Средней Азии и Закавказья, частично учитывалось наличие дефицитности воды на некоторых участках Крыма. И этими тремя районами ограничивались до настоящего времени все плановые перспективы водообеспечения в массовом масштабе различных районов СССР, дефицитных по воде.[2]

В перспективах широкого развертывания реконструкции сельского хозяйства, с применением при этом методов массовой ирригации, и широкого развития промышленности в Союзе ССР появляются признаки неблагополучного по водоснабжению положения в районах, значительных по площади и огромнейшей важности по значению, занимаемому ими среди других районов Союза ССР.

Этими районами являются: Поволжье, верховья Дона и, наконец, Донбасс, с сопряженными с ним в промышленном отношении Криворожьем и Керчью.

Если взглянуть на карту Европейской части СССР, то сразу бросается в глаза наличие на севере густой сети поверхностных водотоков и скоплений воды: крупных, малых рек, каналов, достаточно многоводных в течение круглого года, и больших и малых озер. К середине карты сеть эта постепенно редеет и, наконец, в южной части, там где расположены упомянутые выше районы, выделяются лишь крупные реки — Днепр, Сев. Донец, Дон, Волга. А между этими крупными водными артериями, редкими тонкими линиями показаны речки местного стока, имеющие в большинстве случаев характер степных рек, т.-е многоводных весной и в периоды ливней, а в межень — совершенно или почти пересыхающих.

Вот это на-глаз заметное скромное водообеспечение поверхностными водами этих районов заставляет задуматься над вопросом: насколько допустимо, с точки зрения водообеспеченности районов, развертывать в них те или иные программы по различным отраслям народного хозяйства, требующим для их обслуживания более или менее значительного количества воды.

Из указанных районов — вопрос о Заволжьи на пути к разрешению, при помощи ирригационных методов устранения засушливости района, с использованием при этом, помимо вод местного стока, волжской воды. Район Верхнего Дона еще не ощущает особо резко водной дефицитности и, наконец, Донбасс уже становится неблагополучным по воде

[1] В отношении существующего размера удовлетворения потребностей в воде.
[2] Если не считать района лесостепи и отдельных районов Сев. Кавказа.

Правда, Донбасс по краям еще имеет мощные водные артерии: Днепр, Сев. Донец и Дон с запасами воды, но будет время, когда и этих запасов может недоставать. Возьмем хотя бы самую мощную из этих рек — Днепр — используемый в ближайшее время для электрификации. Электростанция на Днепре еще не построена, а потребности в электро-

энергии, в перспективах развертывания промышленности по пятилетнему плану все растут и в дальнейшем могут быть случаи засушливых лет, когда в Днепре будет нехватать воды даже для удовлетворения первоочередных потребителей энергии. При этом положении трудно будет говорить о возможности из'ятия воды из Днепра для других народнохозяйственных надобностей. Но подобные перспективы можно будет отнести к отдаленному будущему.

Перейдем к выявлению симптомов дефицитности воды в Донбассе Если произвести грубые прикидки баланса поверхностных вод Донбасса. то получаются следующие интересные данные.

Общая площадь по 11 районам Донбасса (Славянский, Лисичанский, Константиновский, Артемовский, Алмазо-Марьевский, Луганский, Гришинский, Центральный, Криндачевский, Должанский, Сталино-Макеевский), по которым, по поручению Госплана СССР, были произведены Госпланом и Водным комитетом УССР подсчеты примерной потребности в воде, в перспективе ближайшего десятилетия, определяется по 15-километровой карте (издания Госплана СССР) примерно в 35.000 кв. километров.

По материалам Бюро водных исследований ВСНХ УССР, коэфициент стока одной из рек Донбасса — Кальмиуса—определяется для средне-засушливого и самого засушливого года соответственно в 0,07 и 0,04.

Из рассмотрения имеющихся материалов по этому вопросу для всего Донбасса по площади вышеуказанных 11 районов его, коэфициент стока можно принять в 0,08 для средне-засушливого и 0,05 для самого засушливого года. При годовой величине осадков за средний и самый засушливый год в 384 *мм.* (Бюро водных исследованнй ВСНХ УССР) и 250 *мм.* (Энергострой), общий размер секундного стока поверхностных вод всего Донбасса, без учета расхода воды р. С. Донца, определится соответственно 36 *куб. м* и 14 *куб. м.*

Между тем, по грубым наметкам перспектив потребления воды в 1933 г. и к 1938 г. в Донбассе, по данным УССР, с некоторыми поправками на новые мероприятия по химпромышленности и по электрификации, определяются к 1933 г. в 1.280.000 *куб. м* в сутки и к 1938 г. в 1.943.000 *куб. м* в сутки, что соответствует средне-секундным токам воды, соответственно, в 14,8 *куб. м* и 22,5 *куб. м.*

Таким образом, размер стока поверхностных вод, за вычетом просачивающейся в почву и испаряющейся воды, в самые засушливые годы количественно равен примерной потребности в воде Донбасса к концу пятилетия, т.-е. к 1933 г., а к 1938 г. — меньше ожидаемого размера потребности Донбасса в 1,6 раза. В средне же засушливые годы годовой сток превосходит ожидаемое водопотребление — к 1933 г. в 2,4 раза и к 1938 г. в 1,6 раза.

Если же учесть, что использование всего стока, в полном его размере, может быть технически неосуществимо, то, даже при зарегулировании стока всех речек и при устройстве запруд на всех балках, общий размер всех этих водовместилищ, может быть, будет недостаточен для аккумуляции этого стока, поскольку последний слагается не из равномерного секундного тока воды, с равномерным его использованием, а путем кратковременных и очень обильных паводковых и ливневых вод, требующих для собирания стока водовместилищ весьма большой емкости, каковых в действительности может и не найтись в том или ином районе Донбасса.

Помимо сего, аккумуляция стока в значительных масштабах, в иных случаях, возможна лишь в местах, удаленных от предприятий, нуждающихся в больших количествах воды, и поэтому вопрос о перераспределении аккумулированной поверхностной воды как между районами, так и в самих районах, не всегда легко разрешим.

Не надо также забывать, что некоторые предприятия выпускают свои сточные воды в существующие водотоки, загрязняя воду последних до пределов, исключающих возможность использования ее для каких-либо целей. Поэтому, по техническим и экономическим соображениям, придется отказаться от аккумулирования некоторой части стока поверхностных вод.

Следовательно, в приведенный выше примерный баланс воды необходимо ввести поправку в виде уменьшения размеров возможного использования исчисленных выше поверхностных вод, и этот благоприятный для средне-засушливых лет баланс воды вероятно явится дефицитным для некоторых районов Донбасса уже в ближайшее время, даже и в средне-засушливые годы.

Этот вывод становится еще более доказательным, если провести грубое сопоставление возможных размеров зарегулированного стока имеющихся речек и потребностей в воде по наиболее нуждающимся в воде районам Донбасса. Результаты этого сопоставления изложены в ниже помещаемой таблице.

Наименование районов	Возможные размеры аккумулированного крупными водохранилищами стока, по данным Бюро водн. исслед. ВСНХ УССР			Потребный размер безвозвратно-расходуемой воды в куб. метрах			
				К 1933 г.		К 1938 г.	
	В млн. *куб. м.* в год	В *куб. м.* в сутки	В *куб. м.* в секунду	В сутки	В секунду	В сутки	В секунду
Алмазо-Марьевский. . . .	24	65.753	0,76	246.000	2,84	372.000	4,30
Енакиевский.	7	19.120	0,22	167.000 [1]	1,93	208.000 [1]	2,40
Сталино-Макеевский	35	95.890	1,10	407.000	4,71	515.000	5,96

В этой таблице недоучтены запасы поверхностных вод, могущих быть собранными при помощи запруд на балках. Но все-таки разница между размерами потребностей в воде и возможностями водообеспечения из водохранилищ дает слишком большой дефицит, покрыть который запасами воды по балкам, конечно, не удастся, и необходимо будет обратиться к отысканию новых источников для водоснабжения. Таковыми источниками, помимо поверхностных вод в смежных районах, в настоящее время уже являются, во многих районах Донбасса, подземные воды. Однако, в некоторых районах добавляемой подземной воды также нехватает для удовлетворения потребителей.

Предположим, все-таки, что в количественном отношении удалось бы сбалансировать без дефицита водные ресурсы Донбасса и потребности его в воде в перспективе ближайших 10 лет. Можно ли считать при этом вопрос о водообеспечении его разрешенным? Придется ответить отрицательно. Для получения баланса необходимо, чтобы, из общего количества собранной воды, можно было бы получить воду надлежащего качества: для питья, питания котлов, изготовления фабрикатов и т. д., т.-е. воду в качественном отношении разных категорий. Между тем, в Донбассе некоторые водотоки загрязнены из-за неурегулированности отвода сточных вод. Подземные воды, получаемые в некоторых случаях из неглубоких колодцев, бывают сильно минерализированы, а иногда бактериологически неблагонадежны; задача же водообеспечения районов, дефицитных по воде, должна заключаться не только в получении недостающего количества воды в районе, но в то же время воды надлежащего качества.

[1] Цифры потребности всего центрального района.

Подобное задание является совершенно новым в плановой работе СССР.

За границей подобные затруднения уже имели место. Стоит лишь вспомнить вопрос о водоснабжении Рурского района, разрешенный строгим разделением целей использования 4 притоков Рейна, протекающих в Рурском районе: Рур, Эмшер, Липпе, Вуппер, из которых первый используется для питьевых надобностей, а три остальные обращены в отводы сточных вод.

Но проблема водоснабжения Рурского района разрешена уже давно. Проблема же водоснабжения Донбасса, в котором переплетаются интересы самых разнообразных водопотребителей: каменноугольной (топливной) промышленности, электроэнергетики, транспорта, химической промышленности, металлопромышленности и проч., при замедлении в ее разрешении, может стать „узким" местом в развитии бассейна.

В связи с разработкой перспектив развития промышленности Донбасса по пятилетнему плану, автором настоящей статьи была сделана попытка осветить, под указанными углами зрения, то положение в отношении водоснабжения, в котором будет находиться промышленный центр СССР — Донбасс, в перспективах его развития по пятилетнему плану и в дальнейших перспективах, и наметить пути ликвидации дефицитности воды или внесения некоторых коррективов, на основе водохозяйственной базы, в проблему развертывания Донбасса, как промышленного комбината в целом.

II

Для разрешения поставленной задачи, прежде всего, следует установить территорию, в пределах которой необходимо обеспечить водой всех потребителей последней, с учетом при этом перспектив развертывания отдельных отраслей народного хозяйства на этой территории по пятилетнему плану. Границы промышленного Донбасса наиболее точно можно было бы определить указанием станций железнодорожных линий, пересекающих Донбасс в разных направлениях.

В соответствии с этим, северной точкой Донбасса нужно считать станцию Рубежную, северо-западной точкой — ст. Яма и ст. Славянск, западной — ст. Межевая, восточной — ст. Грачи и южной — ст. Шахты, Таганрог и Мариуполь.

В отношении большинства отраслей промышленности Донбасса (каменноугольной, химической, силикатной, соляной и проч.) такая предпосылка правильна. Но одна из крупнейших отраслей промышленности — металлургическая, тесно связанная в одной из своих частей с перспективами развертывания каменноугольной промышленности Донбасса, по пятилетнему плану распространяется за пределы намеченных выше границ Донбасса. Поэтому в части вопроса о водообеспечении металлургической промышленности, опирающейся на каменный уголь Донбасса, придется коснуться районов развития металлургии, выходящих за пределы собственно Донбасса, а именно районов Криворожья и Керчи.

В настоящей же статье приведены соображения по перспективам водообеспечения самого крупного из этих трех районов — Донбасса.

Основная характеристика потребляемой воды. Потребности в воде со стороны разных отраслей промышленности, намечаемых к развертыванию в рассматриваемых районах, достаточно разнообразны и их можно разбить на несколько категорий сообразно характеру водопотребления, его цели и способу удовлетворения указанной потребности.

К первой категории нужно отнести питьевую воду.

Ко второй категории можно отнести воду, расходуемую на питание котлов, отапливаемых углем, дающих пар для водоотлива, рудоподъема и электростанций. К этой категории нужно отнести и воду, служащую для конденсации этого пара.

К третьей категории относится вода, предназначенная для питания паровых котлов, вырабатывающих пар непосредственно для производства и отапливаемых при этом газом, а не углем, а также вода для паровозов.

Все эти три категории „чистой" воды в дальнейшем изложении распределены на две группы. К первой группе отнесена вода первой категории, под наименованием „питьевая вода", и ко второй группе — вода второй и третьей категории, под наименованием „техническая очищенная вода".

Помимо этой чистой воды, для надобностей некоторых отраслей рассматриваемых районов требуется неочищенная вода также различных категорий.

Помимо разделения воды на категории и группы по их целевому назначению, необходимо различать по каждой отрасли народного хозяйства и по каждому предприятию:

1) Безвозвратный расход воды, являющийся действительным мерилом потребления ее соответствующей отраслью народного хозяйства.

2) Оборотную воду на каждом предприятии соответствующей отрасли народного хозяйства. От размера этой воды, во многих случаях, зависит установление размеров технических прудов на предприятиях.

III

Потребители воды и размеры их потребностей в воде. В перспективах развертывания в ближайшее пятилетие промышленности СССР на базе реконструкции народного хозяйства в целом, промышленный комбинат Донбасса является основным стержнем реконструирования. Поэтому весьма важно выяснить степень водообеспеченности развертывания промышленности Донбасса и потребности в воде других отраслей народного хозяйства, в пределах рассматриваемого района. Для разрешения указанной задачи необходимо: знать точное местонахождение проектируемых новых промышленных предприятий, проектируемый размер продукции последних, масштабы намечаемой реконструкции существующих промышленных единиц; учесть перспективы энергоснабжения такого развертывания промышленности, выяснить перспективы развертывания других отраслей народного хозяйства в районе. В соответствии с этими перспективами необходимо выяснить ожидаемый рост населения в районе и учесть распределение этого роста по отдельным частям района. По выявлении указанных данных, необходимо установить нормы потребления питьевой, очищенной и неочищенной технической воды и воды для надобностей сельского хозяйства (орошения садов и огородов), определить потребности в воде по каждой категории ее в различных местах района, выявить имеющиеся в различных местах района ресурсы воды и, сопоставив полученные результаты, определить степень водообеспеченности отдельных предприятий по различным отраслям народного хозяйства и последних по району в целом. Имеющиеся в настоящее время в Госплане СССР материалы не дают возможности достаточно обоснованно проделать эту работу указанным порядком, поскольку и перспективы развертывания отдельных отраслей народного хозяйства являются ориентировочными и учет водных ресурсов, как вод поверхностного стока, так и подземных, еще не закончен.

Следует при этом отметить, что в виду острого положения с водой в районе Донбасса необходимо принять меры к срочному проведению

исследований для выявления всех имеющихся в нем водных ресурсов как наземных, так и подземных.

Материалом для освещения вопроса о потребности в воде в районе Донбасса послужили данные,[1] полученные Госпланом УССР о потребностях в воде от трестов и ведомств, без всякого изменения норм потребления и ожидаемого трестом роста данной отрасли народного хозяйства; являясь предварительными, они требуют, разумеется, дальнейшей проверки, уточнения и мотивировки.

В отношении питьевой воды исчисление потребностей сделано УССР по чрезвычайно разнообразным нормам, в соответствии с заявками ряда учреждений и предприятий, а именно:

Наименование потребителей	Расход воды на 1 человека в сутки в литрах (ведрах)		
	1928 г.	1933 г.	1938 г.
Металлопромышл.	40 (3,2) — 100 (8,1)	40 (3,2) — 100 (8,1)	100 (8,1)
Химпромышл.	16 (1,3) — 50 (4,0)	85 (7,0)	85 (7,0)
Каменноуг. пром.	50 (4,0)	50 (4,0)	85 (7,0)
Силикатная пром.	40 (3,2) — 60 (4,9)	40 (3,2) — 60 (4,9)	40 (3,2) — 60 (4,9)
Соляная промышл.	25 (2,0)	30 (2,5)	30 (2,5)
Сел. хозяйство	—	—	40 (3,2)
Комм. хозяйство	1 (0,08) — 44 (3,5)	30 (2,5) — 50 (4,0)	40 (3,2) — 70 (5,7)
Курорты	50 (4,0)	100 (8,1)	120 (9,7)

Потребности в технической очищенной воде в заявках трестов и учреждений были весьма неопределенны, разнообразны для одних и тех же назначений. Поэтому все цифровые данные по технической очищенной воде, учтенные в настоящей статье, являются весьма приблизительными и подлежащими корректировке, по установлении определенных норм потребления воды, а также качества последней, которое, в большинстве случаев, тресты в своих заявках не указывали.

Особый интерес представляют собой нормы расходования технической неочищенной воды.

В существующей литературе таких норм почти не имеется, поэтому, считаем необходимым привести их по отдельным отраслям. Указанные нормы имеют следующие величины:

1. По металлопромышленности

Югосталь приводит следующие нормы:

Доменный цех чугун передельный	(стар. печи)	33,56 *куб. м*	на 1	тонну	продукции
„ „ „ „	(нов. печи)	17,00 „	„ „ 1	„	„
„ „ „ литейный		35,08 „	„ „ 1	„	„
„ „ „ ферро-марганц.	„ „	53,10 „	„ „ 1	„	„
„ „ „ зеркальный	„ „	28,56 „	„ „ 1	„	„
Мартеновский цех: старые печи		4,39 „	„ „ 1	„	„
„ „ новые „	„	6,00 „	„ „ 1	„	„
Прокатные цеха: листовое железо		3,36 „	„ „ 1	„	„
Стан 330 *мм*		16,11 „	„ „ 1	„	„
Стан 280 *мм*		16,74 „	„ „ 1	„	„
Стан 850 *мм*		24,76 „	„ „ 1	„	„

Краматорский завод дает следующие нормы:

Газовоздуходувка — 50 литр. на 1 HP в час.
Газоочистка — 6 „ „ 1 *куб. м* газа
Коксовый цех — 0,5 *куб. м* воды на 1 тонну угля
Мартеновский цех — 6,7 *куб. м* на 1 тонну готов. изделий
Прокатный цех — 11,7 *куб. м* „ 1 „ „ „

2. По химпромышленности

Коксобензол приводит фактический расход воды по разным заводам в 1928 г., колеблющийся от 0,16 до 0,36 *куб. м* воды на 1 тонну скоксованного угля.

[1] Сводка всех этих данных проделана по поручению Госплана СССР (по Секции водного хозяйства), Комитетом по водному хозяйству УССР, сотрудником последнего инж. В. П. Тихомировым.

3. По силикатной промышленности

Силикаттрест дает следующие нормы: керамические заводы — от 0,20 до 0,50 *куб. м* на 1 тонну продукции, азбоширферные заводы — 18 *куб. м* воды на 1 тонну продукции. Заводы шамотные — кислотоупорных изделий, а также канализационных труб — по 0,50 *куб. м* на 1 тонну продукции.

Стеклотрест приводит такие нормы:

стекольный завод — 20 *куб. м* воды на 1 тонну сырья
зеркальный завод — 80 *куб. м* „ „ 1 „ „
бутылочн. завод — 5 *куб. м* „ „ 1 „ „

4. По соляной промышленности

Сольтрест дает расход воды на 1 тонну продукции:

в 1928 г. от 0,12 *куб. м* до 0,45 *куб. м*
в 1933 г. от 0,063 *куб. м* „ 0,093 *куб. м*
в 1938 г. от 0,067 *куб. м* „ 0,114 *куб. м*

5. По местной промышленности

Сталинский окрплан дает нижеследующие цифры для местной промышленности

на 1 литр пива — 1,25 литр. воды, в том числе 80% чистой
на 100 шт. кирпича — 300 литр. воды
на 1 тонну мыла — 400 литр. воды.

6. По электроэнергии

ВСНХ УССР исчисляет количество безвозвратной потери воды на электростанциях по формуле:

$$0{,}10.\ W.\ K + W\ Kn\ 70 = Q\ м^3$$

где W — годовая выработка энергии в квтч.
K — расход *кг* пара на квтч.
0,10 — коэфициент потери пара в трубопроводах.
n — безвозвратная потеря воды: при градирнях = 5% или при прудах = 3%.
70 — семидесятикратное количество воды, потребное для охлаждения конденсаторов.

IV

Источники водоснабжения в Донбассе. Источниками водоснабжения Донбасса являются: А) проточные воды крупных рек (Сев. Донца и Дона); Б) поверхностные воды местного стока малых бассейнов; В) подземные воды.

А. Проточные воды крупных рек. Вопросу изыскания источников водоснабжения Донбасса уделялось мало внимания. Недостаточная изученность масштаба, а в иных случаях и качества разнообразных поверхностных вод местного стока (малых бассейнов), неоднократно приводила к мысли об использовании для водоснабжении Донбасса вод крупных рек ближайших к Донбассу бассейнов.

В этом отношении представляет интерес помещенная ниже сводная таблица, составленная на основании материалов, имеющихся в УССР, инж. Э. Р. Яницким, характеризующая, в общем качество вод крупных рек, ближайших к Донбассу.

Наименование характеристик	Вода из Сев. Донца	Вода из Дона	Вода из Днепра
Запах	затхлый	слабо затхлый	без запаха
Цвет	желтоватый	слабо желтоватый	бесцветный
Прозрачность	15	18	26
Реакция	щелочная	слабо щелочная	нейтральная
Жесткость (в нем гр.)	19	11	7
Годность для питания котлов	не вполне годна	годна	вполне годна
Годность для питья	не годна	не вполне годна	вполне годна
Жесткость среднемеженных вод	20	12	7

При наличии усовершенствованных способов очистки воды, воды р. Сев. Донца уже в настоящее время намечены к использованию для питьевых и технических надобностей Алмазо-Марьевского района Донбасса, куда прокладывается в настоящее время водопровод из Сев. Донца, берущий воду у хут. Светличного.

Претендентами по использованию воды р. Сев. Донца, помимо забора воды для строящегося водопровода, являются несколько организаций:

1. Водный транспорт НКПС—для надобностей шлюзования р. Сев. Донца, как под'ездного пути к Волго-Донской магистрали, в количестве 3 куб. метров в секунду.

2. Химзаводы Донсода и Красное Знамя — в перспективах своего развертывания, намечающие поглощать 0,14 куб. метров в секунду и сверх сего загрязнять ядовитыми веществами воду в количестве 0,28 куб. метров в секунду.

3. Главэлектро — для районной тепловой станции на р. Сев. Донце. Потребный безвозвратный расход воды для этой станции определяется в 0,4 куб. метров в сек.

4. НКЗ Украины, не установивший еще размера своих потребностей.

5. Водопровод из Донца, строящийся в данное время на расход воды в 0,46 куб. метров в секунду.

В сумме эти потребности равны $3{,}00 + 0{,}14 + 0{,}28 + 0{,}40 + 0{,}46 = 4{,}28$ куб. метров в секунду.

Между тем, по имеющимся в Госплане СССР материалам, расходы воды в Сев. Донце падают временами до весьма незначительных пределов. О значении последних можно судить по нижеследующим материалам.

Площадь бассейна р. Сев. Донца до водомерного поста у хут. Светличного, по данным гидрометрической службы НКЗема УССР, определяется в 52.120 *кв. км*. Энергострой ВСНХ СССР принимает ее равной 51.500 *кв. км*, т.-е. равной площади бассейна до Лисичанска, по данным инж. Спроге.

Если признать правильным более точные исчисления УССР бассейна р. Сев. Донца выше хут. Светличного и ввести поправки на прирост площади стока от Лисичанска до хут. Светличного, находящихся почти в равных климатических условиях, то минимальный расход р. Сев. Донца, бывший 16/VII 1905 г., определяется у хут. Светличного в 3,97 куб. метров в секунду, т.-е. величиной, меньшей выше перечисленных надобностей потребителей воды, даже без учета потребностей НКЗ УССР в воде р. Сев. Донца для орошения.

По теоретическим исчислениям инж. Агальцева, средний минимальный расход воды в р. Сев. Донца у хут. Светличного, определенный им по кривой расхода, равен 5,93 куб. метров в секунду; Энергострой ВСНХ СССР дает наименьший расчетный расход в 4,8 куб. метров в секунду и, наконец, Цуводпуть НКПС высказывается за 4,0 куб. метров в секунду.

Не останавливаясь окончательно на разрешении этого вопроса в настоящей статье, следует признать допустимым за расчетный минимальный меженный расход воды принять 4,8 – 5,0 куб. метров в секунду, при условии частичного регулирования стока р. Сев. Донца, в результате устройства плотин.[1] Правда, зимние расходы воды будут значительно ниже. Коэфициент уменьшения для перехода от летних к зимним расходам нужно

[1] При учете имеющихся в Госплане СССР материалов. Возможно, что эти цифры будут поколеблены последними исследованиями Ленинградского бюро Энергостроя, производящего анализ гидрометрических материалов р. Сев. Донца по первоисточникам.

считать порядка 0,75. При этих условиях минимальный зимний расход определится в $0{,}75 \times (4{,}80 - 5{,}00) = 3{,}60 - 3{,}75$ куб. метров в секунду.

В соответствии с изложенным, для надобностей водоснабжения из р. Сев. Донца можно забрать секундный расход воды в размере 0,98—1,18 *куб. м*, в предположении, что в дни понижения меженных расходов р. Сев. Донца до размеров, соответствующих минимальному расходу при катастрофически засушливом годе, недостаток тока воды в Донце для удовлетворения всех потребителей (без учета потребностей сельского хозяйства) может покрываться пусками воды из бьефа самого верхнего сооружения (около Лисичанска).

Приведенные соображения указывают на необходимость весьма осторожного подхода к разрешению вопроса о согласовании использования вод р. Сев. Донца для различных народнохозяйственных потребностей при составлении проекта водоснабжения всего Донбасса в целом.

В процессе работ по составлению этого проекта необходимо отметить два весьма важных обстоятельства.

1. Необходимость увязки условий забора воды для строящегося уже водопровода из р. Сев. Донец в Алмазо-Марьевский район Донбасса и для термоэлектростанции на р. Сев. Донце, нуждающейся для водооборота в средне-меженном расходе воды в Сев. Донце и имеющей повышать температуру воды в Сев. Донце, выпуском в него отработанной воды в количестве около 15 куб. метров в секунду, с температурой на 9—10° выше температуры воды в Сев. Донце.

2. Необходимость изолирования вод р. Сев. Донца от загрязнения отработанными водами заводов и предприятий, расположенных по р. Сев. Донцу выше места забора воды Алмазо-Марьевского водопровода. Воды другого крупного источника — р. Дона—уже используются в настоящее время для водопровода в Шахтинский округ Донбасса. Поскольку р. Дон более мощна нежели р. Сев. Донец и в качественном отношении превосходит последний, представляется необходимым проработка вопроса о дальнейшем использовании Дона, что должно входить в программу работ ВСНХ СССР при составлении последним проекта водоснабжения Донбасса в целом.

Б. Поверхностные воды местного стока малых бассейнов. В Донбассе имеется значительное количество проточных вод. Но воды эти не сконцентрированы, а разбросаны по большому числу мелких речек. Расходы этих речек имеют большую амплитуду колебаний и в межень в некоторых из них (р. Крынка) расход падает до 0, а в половодье расход воды на некоторых реках доходит до сотен куб. метровв секунду.

Вода этих рек, за редким ислючением (к числу последних относится р. Крынка), имеет повышенную минерализацию углекислыми и серно-кислыми солями. В межень минерализация проточных вод (не загрязненных сточными водами отдельных предприятий) достигает для большинства речек 1200—1500 *мг* плотного остатка на литр воды, при жесткости до 30°—35°.[1]

Для питьевого водоснабжения вода этих малых рек, в их естественном состоянии, в настоящее время, за редким исключением, не используется. Причинами этого являются: 1) повышенная минерализация воды в реках, в особенности в меженнее время и 2) загрязнение во многих случаях рек спуском в них сточных вод. К тому же следует отметить, что расходы рек в межень падают до очень низких пределов и в большинстве случаев возможность их использования связывается с необходимостью регулирования их стока.

[1] По данным гидрогеологических исследований Геолкома в Донецком бассейне.

Для технического водоснабжения воды малых речек используются, но в очень малом масштабе.

Одной из наиболее значительных по величине из числа рек малых бассейнов, удовлетворительной по качеству воды и, наконец, удобной по своему месторасположению (вблизи наиболее дефицитных по воде районов) является р. Крынка, на характеристике последней следует несколько остановиться.

Р. Крынка является правобережным притоком р. Миус, впадающей в Азовское море, принадлежа, таким образом, к бассейну последнего. Свое начало р. Крынка берет в Артемовском округе, недалеко от ст. Дебальцево, Донецкой жел. дор., и до слияния с р. Садки, носит название р. Булавины. Площадь бассейна р. Крынки до с. Зуевки (т.-е., примерно, в 80 *км* от истока), по картографическим измерениям инж. Чеботарева, равна 1.157 *кв. км.*

Из наибольших левобережных ее притоков необходимо отметить р. Ольховую, длиной около 30 *км* и с площадью бассейна около 460 *кв. км.* Наибольшими правобережными притоками являются рр. Корсунь и Садки. Средний продольный уклон бассейна 0,00561 (по данным Энергостроя) при очень узкой и глубокой пойме (не шире 1 километра). По данным двухлетних гидрометрических работ, Энергострой устанавливает следующую характеристику расходов воды р. Крынки, ниже с. Зуевки: наинизший из наблюденных 0,11 *куб. м*, но вероятно доходит до 0; средне-месячный минимальный — 0,175 *куб. м* в сек.; максимальный — 750 *куб. м* в сек.

Суммарные величины стока р. Крынки у Зуевки, за отдельные периоды, в миллионах куб. метров для среднего года 117,37; для минимального—74,53, а для максимального—177,53. Соответственно этим стокам средние секундные расходы в куб. метрах: 3,72; 2,36 и 5,63.

Следует при этом отметить, что полный годовой расход для надобностей электростанции у Зуевки, мощностью в 200 тыс. квт., исчислен Энергостроем в 8,5 млн. куб. метров в год;[1] в настоящее же время, по данным Энергостроя, часть вод Крынки уже расходуется на орошение до 1,5 млн. куб. метров в год и для водоснабжения жел. дор. 1,14 млн. куб. метров

Помимо р. Крынки особо важное значение может иметь р. Лугань с притоками, из которых можно отметить Санжаровку.

По материалам Бюро водных исследований ВСНХ УССР, в районе этой реки у села Калиновского можно устроить водохранилище, характеризуемое следующими данными: площадь водосбора — 770 кв. километров; об'ем водохранилища — 2.900.000 куб. метров; площадь зеркальной поверхности 1.700.000 кв. метров; средняя глубина водохранилища 1,7 метра; отдача водохранилища 1.150.000 куб. метров. Помимо этого, водохранилища можно устроить в верховьях Лугани и на Санжаровке. Возможная емкость их 13.000.000 куб. метров и 2.600.000 куб. метров при глубине первого—3 метра и общем размере отдачи 17.500.000 куб. метров.

Следует отметить, что район Лугани около села Калиновского удобен для устройства водохранилищ не только с точки зрения орографии и гидрологии, но также и геологии, — в нем нет угольных разработок и последние не ожидаются, так как здесь сильно развиты верхние пласты карбона и пермокарбона ($C^{в}_{3}$ и PC_1), в виде плотных песчаников и песчанистых сланцев.

[1] По записке инж. Б. Н. Алексеева „Расчеты пруда для водоснабжения Зуевской электростанции“ — безвозвратный, средний секундный расход воды для станции — 0,45 куб. метр. По другим материалам проекта электростанции, годовой расход воды собственно для станции исчислен в 6,95 млн. куб. метров, т. е. в среднем 0,22 куб. метров в секунду.

Эти обстоятельства приводят к заключению, что район села Калиновского благоприятен в водохозяйственном и геологическом отношении для устройства мощной тепловой электростанции, с использованием углей Голубовского рудоуправления и Лисичанского района.

Из числа других малых рек следует отметить р. Волчью (бассейн р. Самары) с сильно минерализованной водой (свыше 23 нем. градусов), но с большим годовым стоком (по данным Бюро исследования ВСНХ УССР около 63 млн. *куб. м*), могущую быть использованной для Сталинского района.

Магазинированные воды. Промышленные и прочие предприятия Донбасса (Югосталь, Донуголь, жел. дор. и сельское население) в широкой мере используют, в качестве технической воды, воды поверхностного стока, собираемые ими в небольших водохранилищах (ставках) на балках и на притоках речек Донбасса.

Общий размер суточного использования маганизированной воды в районах Алмазо-Марьевском, Центральном и Сталинском равен 65.653 *куб. м*, что соответствует секундному току воды в количестве 0,704 *куб. м*.

Фактически эти цифры преуменьшены, если учесть ставки (пруды) железных дорог и сельского населения.

Исчерпывающих данных о количестве собираемых в настоящее время поверхностной воды для всего Донбасса не имеется. Примерные исчисления Бюро исследований ВСНХ УССР о количестве воды, могущей быть собранной крупными водохранилищами на реках малых бассейнов Донбасса, проделанные с учетом всех материалов, имеющихся в распоряжении Бюро, приводят к следующим результатам (см. табл. на стр. 193).

Следует отметить, что качество магазинированных вод обычно выше вод проточных (малых рек). Но с течением времени качество вод в ставках обычно ухудшается из-за концентрации в них минеральных примесей, увеличивающихся при испарении воды.

В. Подземные воды. Подземные воды используются для питьевого и технического водоснабжения.

Получаются эти воды различными способами: при помощи артезианских скважин, при изливании воды через криницы и помощью открытых колодцев.

В бактериологическом отношении первые две категории подземных вод вполне надежны. Вода, получаемая через колодцы, бывает иногда загрязнена. С химической стороны положение с подземными водами первых двух категорий обычно вполне благоприятно: жесткость их не выше 20—22°; положение с колодезными водами во многих случаях не вполне удовлетворительно. Жесткость их доходит до 45° при 1.200—1.500 *мг* плотного остатка на литр воды.

Обследование подземных вод в Донбассе еще не закончено, и даже произведенные до настоящего времени с'емки и разведки на воду по разным районам Донбасса еще не все обработаны. Поэтому не представляется возможным подвести итог всем подземным водам Донбасса. В распоряжении Госплана имеются лишь неполные данные о подземных водах районов, ближайших к трассе водовода, проектировавшегося Донуглем.

Эти неполные данные характеризуются нижеследующей таблицей (в куб. метрах в сутки, см. табл. на 194 стр.)

Районы и реки / Технические элементы	Енакиевский		Макеевский р. Крынка			Сталинский р. Волчья		Алмазо-Марьевский				
											Верховья	
	р. Булавин у Енакиево	Балка Должик	У Зуевки	I вариант	II вариант	У села Кураховки	Выше	р. Луганка у с. Калиновского	Верховье-Луганки	Санжаровка	Лозовой	Белой
Площадь водосбора в кв. км.	309	—	1.157 — 309 = 848	400 + 448 = 848	848	741	—	770	550	110	150	300
Об'ем водохранилища в млн. куб. метр.	2,4	5,0	21,0	8,5 5,3	5,0 5,0	5,6	12,0	2,9	13,0	2,6	3,6	7,2
Площадь водохранилища в млн. кв. метр.	—	—	4,82	2,25 1,78	1,65 1,25	2,65	—	1,7	—	—	—	—
Средняя глубина водохранилища в метрах.	2,5	5,0	5,0	3,8 3,0	3,0 4,0	2,15	—	1,7	3,0		3,0	3,0
Отдача водоема в млн. куб. метр.	1,5	3,0	20,0	5,2 6,0	5,6 6,0	2,8	13,4	1,15	17,5		2,8	5,6
Отдача для сел.-хоз. потребн. в млн. куб. метр.	—	0,5	1,5	2,0		1,5	—	2,0			0,3	0,6
Полная отдача для техн. надобн. в млн. куб. метр.	7,0[1]	—	18,5	20,8		—	14,7	16,65			2,5	5,0
В тыс. куб. метр. в сутки	19,2	—	50,7	57,0		—	40,3	45,6			6,8	13,7
Средн. секунд. ток воды в куб. метр.	0,22	—	0,59	0,66		—	0,46	0,52			0,08	0,15
Стоимость устройства водохранилища в млн. руб.	1,9	—	4,6	7,0		—	4,6	6,2			3,15	—

[1] По материалам Бюро водных исследований ВСНХ УССР. Из других материалов следует, что размер отдачи воды из водохранилищ на р. Булавине определяется 8,89 млн. куб. метр. в год.

Районы	Используемые воды		Неиспользуем. воды			Имеется всего воды		
	Питьев.	Технич.	Удовл. для питья	Неудовлетворит. Бактер.	Неудовлетворит. Бактер. и химическ.	Питьевой	Техническ. Чист.	Техническ. Неочищ.
Алмазо-Марьевский								
а) Марьевский . .	480	550	1.008	1.272	4.200	1.488	3.208	2.814
б) Алмазный . . .	3.638	5.680	960	—	15.912	4.598	10.931	10.661
в) Селезневский .	960	1.992	1.896	—	2.400	2.856	2.784	1.608
Итого. . .	5.078	8.222	3.864	1.272	22.512	8.942	16.923	15.083
Центральный								
а) Горлово-Щербиновский. . .	2.700	8.918	7.022	—	11.208	9.722	12.617	7.509
б) Енакиевский. .	2.194	1.793	6.132	—	4.135	8.326	3.158	2.770
Итого. . .	4.894	10.711	13.154	—	15.343	18.048	15.775	10.279
Сталинский								
а) Петровский . .	1.488	3.000	—	—	2.160	1.488	3.713	1.447
б) Рутченковский.	1.080	6.984	240	—	2.880	1.320	7.934	1.930
в) Сталинский . .	600	9.264	—	—	7.800	600	11.838	5.226
г) Мушкетовский.	2.448	2.880	312	—	5.760	2.760	4.780	3.860
Итого. . .	5.616	22.128	552	—	18.600	6.168	28.265	12.463
Всего . . .	15.588	41.061	17.570	1.272	56.455	33.158	60.963	37.825

В этой таблице, в графах „используемые воды“ учтены и мягкие и жесткие воды. При этом жесткость последних в некоторых случаях доходит до 45 немецких градусов и общее количество таких жестких вод доходит до 25% от общего количества используемых вод. Большая же часть питьевой воды обладает жесткостью 18—25 градусов.

В графе „неиспользуемые удовлетворительные для питья воды“ показаны воды с жесткостью не свыше 23 градусов. В графе неиспользованных вод, неудовлетворительных химически и бактериологически, показаны воды, получаемые, главным образом, из горных выработок и из аллювиальных отложений. По приблизительным подсчетам, около 33% из этих вод могут быть отнесены к категории технической чистой воды, а остальные — к категории технической неочищенной воды.

Изложенные соображения приводят к следующим заключениям Если по важнейшим районам Донбасса сопоставить между собою цифры потребностей районов в воде с размерами учтенных водных ресурсов этих районов, которые, конечно, являются несколько преуменьшенными, то на 1933 г. получатся следующие результаты (в куб. метрах в среднем в сутки):

Характеристика водности по районам	Питьевая	Техническая Чистая	Техническая Неочищенная	Для орошения садов и огородов
I. Алмазо-Марьевский				
а) Потребно	25.115	19.118	187.821	14.000
б) Имеется:				
поверхностной.	2.400	66.100	28.693	—
подземной	8.942	16.923	15.083	—
Всего по п. „б“ . . .	11.342	83.023	43.776	—
в) Дефицит	13.773	—	144.045	14.000
г) Излишек	—	63.905	—	—
II. Центральный				
а) Потребно	14 318	22.469	122.528	8.000
б) Имеется:				
поверхностной.	—	19.200	28.200	—
подземной	18.048	15.775	10.279	—
Всего по п. „б“ . . .	18.048	34.975	38.479	—
в) Дефицит	—	—	84.049	8.000
г) Излишек	3.730	12.506	—	—
III. Сталино-Макеевский				
а) Потребно	34.843	31.853	226.531	114.000
б) Имеется:				
поверхностной	—	97.300	6.360	—
подземной	6.168	28.265	12.463	—
Всего по п. „б“ . . .	6.168	125.565	18.823	—
в) Дефицит	28.675	—	207.708	114.000
г) Излишек	—	93.712	—	—

Следовательно, дефициты по районам I, II, III определятся соответственно в $(13.773 + 144.045 + 14.000) - 63.905 = 107.913$ куб. метров; $(84.049 + 8.000) - (3.730 + 12.506) = 75.813$ куб. метров $(28.675 + 207.708 + 114.000) - 93.712 = 256.671$ куб. метр. в сутки, а суммарно, без потребностей на орошение, каковое вероятно может быть покрыто за счет недоучтенных ставков местного населения, в 304.397 куб. метров в сутки, что соответствует секундному току в 3,53 куб. метра.

Конечно эти сравнения сугубо ориентировочны. Во первых, потому, что потребности в воде возможно несколько преувеличены и требуют серьезного пересмотра, во-вторых, и наличные водные ресурсы из-за недостаточности материалов учтены неполно, почему и получился такой

значительный дефицит воды. Но нужно все-таки не забывать, что развертывание промышленности и энергоснабжения в Донбассе по пятилетнему плану намечено в весьма значительных масштабах по сравнению с настоящим временем, когда недостача ощущается не только в питьевой воде, но в иных случаях и в технической. Поэтому полученный результат показывает наличие весьма напряженного состояния в части водообеспечения различных отраслей промышленности в Донбассе и выдвигает необходимость серьезного и срочного пересмотра потребностей в воде по разным отраслям народного хозяйства в Донбассе и установления реальных перспектив их водообеспечения.

V

Приведенные в предшествующих главах материалы по водообеспечению Донбасса приводят к заключению, что мероприятия по ликвидации дефицитности воды в Донбассе должны сводиться к следующему:

1) к рациональному использованию всех местных источников;

2) к изолированию местных источников от загрязнения сточными водами;

3) к подаче воды из крупных водных артерий.

Для иллюстрации важности планового подхода к рациональному использованию местных источников остановимся несколько на вопросе использования вод бассейна р. Крынки, приобревшей в последнее время известность, как источник водоснабжения проектируемой для Донбасса Зуевской электроцентрали на угле. Возможность использования воды бассейна р. Крынки при зарегулировании ее стока на участке от истоков до хут. Дубового (на 3 *км* ниже Зуевки) характеризуется, по материалам Бюро исследований ВСНХ УССР и Института водного хозяйства УССР, данными, приведенными в таблице (в млн. куб. метров):

Месторасположение водохранилища	I вариант		II вариант		III вариант	
	Водохранилища					
	Емкость	Отдача	Емкость	Отдача	Емкость	Отдача
Три пруда на р. Булавине (приток р. Крынки)	2,40	8,89	2,40	8,89	2,40	8,89
На балке Должик в верховьях р. Булавина .	5,40	3 00	5,40	3,00	5,40	3,00
На р. Булавине.	2,40	1,50	2,40	1,50	2,40	1,50
На р. Крынке выше Зуевки	5,00	5,80	5,00	5,80	5,00	5,80
На р. Ольховой	5,00	5,80	5,00	5,80	5,00	5,80
На р. Крынке у Зуевки.	5,30	6,00	—	—	5,30	6,00
На р. Крынке у хут. Дубового	8,50	5,20	24,41	21,00	10,90	23,10
Итого . . .	—	36,19	—	45,99	—	54,09

Следует отметить, что методы исчисления отдачи воды водохранилищами неизвестны. Возможно, что они были различны, и при устройстве в бассейне р. Крынки 9 водохранилищ нельзя будет достигнуть приведенных в таблице размеров отдачи воды в год. Вопрос требует проработки. Между тем, общий размер годового стока бассейна р. Крынки у хут. Дубового в самый засушливый год, по данным Энергостроя, равен 74,53 млн. куб. метров; по данным Инст. водн. хоз. УССР — сток с I/X 1927 г. по I/X 1928 г. был равен 74,44 млн. куб. метров.

Претендентами на воду р. Крынки являются различные организации и предприятия (см. таблицу).

Потребители	1927/28 г.		1932/33 г.		В 1937/38 г.	
	В год в тыс. $м^3$	В сек. в $м^3$	В год в тыс. $м^3$	В сек. в $м^3$	В год в тыс. $м^3$	В сек. в $м^3$
Енакиевский комбинат .	6.290	0,20	15.500	0,49	15.500	0,49
Зуевская электростанция	—	—	3.460	0,11	6.950	0,22
Макеевский комбинат. .	—	—	13.263	0,42	20.000	0,64
Питьевая вода для Сталино и Дмитриевска.	—	—	2.950	0,09	6.600	0,21
Горловский хим. завод	—	—	2.250	0,07	4.500	0,14
Прочие потребители (орошение и сельское водоснабжение, водоснабжение железнодорожное и рабочих поселков)	1.561	0,05	2.521	0,08	2.521	0,08
Итого . . .	7.851	0,25	39.944	1,26	55.071	1,78

Приведенные в таблице потребности в воде частично прокорректированы и значительно снижены.[1] Но при этом снижении сопоставление данных о потребностях воды, с возможностями использования вод бассейна р. Крынки, указывает на необходимость установления приоритета использования воды этого бассейна, особенно если учесть, что перспективы возможности использования воды, приведенные в предшествующей таблице, при уточнении работы водохранилищ, придется значительно снизить.[2]

Но параллельно с этим надлежит учесть дебет подземных вод, которые будет целесообразно использовать. Указанная задача относится к работе по проектированию водоснабжения Донбасса и должна быть проделана, повидимому, по всем его источникам — поверхностным и подземным.

[1] Потребность в воде для Макеевского комбината исчисляется по пятилетнему плану Югостали в 30.690 тыс. $м^3$, в год для продукции 500 тыс. тонн; по исчислениям Инст. водн. хоз. УССР — 26.424 тыс. $м^3$; по подсчетам инж. В. П. Тихомирова для продукции в 1.050 тыс. тонн.— 20.312 тыс. $м^3$. В таблице принято 20.000 тыс. $м^3$.

[2] При общих подсчетах, размер возможной отдачи воды на участке Крынки от Верховья до Зуевки принимался автором соответствующим среднему секундному току воды в 0,88 куб. метров.

Положим, что в результате этой работы выявится все-таки недостача в воде для различных потребностей. Тогда естественно встанет вопрос о подводе воды из крупных водных артерий: с Донца, Дона и Днепра.

Вопрос о Сев. Донце уже частично освещен был выше. Перспективы его возможного использования определяются, примерно, в масштабе около 1 куб. метра в секунду.

Вода р. Дона частично уже используется для водоснабжения Донбасса в районе г. Шахты.

Минимальный расход воды р. Дона у Калача, по данным проф. Пузыревского, равен 86,9 куб. метров в сек.

Общий размер расхода воды для обслуживания Волго-Донской магистрали определяется 16,9 (питание водораздельного бьефа Волго-Донского канала и первоочередных мелиораций)+3,2 (расходы на шлюзование по р. Дону)+16,5 (потери воды через разборчатые части плотин); всего 36,6 куб. метров в сек. Следовательно, остаток воды в Дону равен 86,9 минус 36,6, кругло 50 куб. метров в сек.

Если учесть перспективы более широкой мелиорации и использование воды для электроэнергии, то масштаб возможного из'ятия воды из р. Дона для надобностей водоснабжения определится величиной порядка 10—15 куб. метров в сек.

Варианты переброски воды из р. Дона могут быть весьма разнообразны. На проработку их должна обратить внимание организация, проектирующая водоснабжение Донбасса.

Небезынтересными представляются и перспективы использования вод р. Днепра для водоснабжения Донбасса, поскольку воды последнего отличаются весьма хорошим качеством. Если производить подачу воды из Днепра, то наиболее целесообразно направлять водовод к Сталинскому району. Днепр находится от этого района (Рутченково) на расстоянии около 225 *км*. Приблизительная разница высот над уровнем моря — Днепра у села Ивковки и ст. Рутченково, Сталинского округа, составит, после сооружения Днепровской магистрали, около 200 метров.

Вопросами подачи воды из р. Днепра в район Донбасса занимался в УССР инж. Э. Р. Яницкий. По его подсчетам, устройство передачи воды из Днепра в такой район, в количестве 2,25 *куб. м* в сек., обусловливается нижеследующими соображениями.

Ориентировочно потребуется сооружение 5 передаточных станций, точное количество которых будет определено при детальном обследовании вопроса и составлении проекта.

Первая станция должна обслуживаться током Днепровской станции, последняя — током Рутченковской электростанции, 3 средние будут получать ток из ближайших источников энергии, в крайнем случае будут установлены собственные дизеля.

Для снабжения всего района потребуется ряд подстанций, из которых две должны быть сооружены по счету стоимости местных водопроводов, Горловско-Дебальцевского и Харцызско-Макеевского.

Главный аквадук должен состоять из деревянных труб, исключительного диаметр в 1,5 метра. Размеры дубовых клепок 150 *мм* × 75 *мм* × 3.000 *мм*. Количество клепок по окружности составляет 32 шт., или на 1 пог. метр — 16 шт.; обручей потребуется 4 шт. на 1 пог. метр, весом около 60 *кг*; блаку (каменноугольной смолы) потребуется на 1 пог. метр — 3 кило.

Стоимость 1 пог. метра трубы, включая стоимость прорытия канавы, сборки, блакировки, засыпки и проч., при условии прорытия канав, развозки клепок, обручей, болтов и проч. материалов, а также засыпки

канав тракторами составит по предположениям инж. Яницкого, ориентировочно 80 руб., или стоимость 1 километра — 80.000 руб., а всего трубопровода составит 18 млн. рублей.

Стоимость Днепровской насосной станции, с оборудованием — электрической подстанции, насосами, зданием, конторой, мастерскими, жилыми домами и проч., — составит 3 млн. руб., 5 передаточных станций по 1,2 млн. — всего 6 млн. руб., 2 донецкие подстанции по 750 тыс. руб.— всего 1,5 млн. руб.

Непредвиденные расходы, которые часто достигают исключительных цифр—10,5 млн. руб.

Таким образом стоимость всего Днепровского водопровода составит ориентировочную величину около 40 млн. руб.

Размер годовой подачи воды в район — 70.336.000 *куб. м*.

Если считать эти исчисления инж. Яницкого преуменьшенными и повысить их на 25%, т.-е. исчислить стоимость устройства в 50 млн. руб. и размер погашений строительного капитала, эксплоатационные расходы и амортизацию определить в 10% от первоначальных затрат, то ориентировочная стоимость 1 *куб. м* воды составит около 7,1 коп.

Допуская на непредвиденные расходы и просчеты 10%, будем иметь стоимость 1 *куб. м* кругло 8,0 коп. или 10 коп. за 100 ведер.

Если устройство подобного рода аквадука окажется невозможным, и придется остановиться на прокладке водопровода, состоящего из стальных труб, диаметром 1.000 *мм*, то стоимость водопровода увеличится.

Ориентировочная стоимость водопровода — 70.000.000 руб.

Стоимость 1 *куб. м* 10 коп. плюс 10% непредвиденных равна 11 коп., или за 100 ведер 14 коп.

Если днепровскую воду подать непосредственно на Дебальцевскую возвышенность и там устроить центральный бассейн, из которого по трубам или, в крайнем случае, цементированным каналом вода поступала бы на заводы, то вопрос снабжения Донбасса мягкой питьевой и технической чистой водой был бы решен наиболее радикальным образом.

Длина главной Днепро-Донецкой водяной магистрали составила бы 260 километров.

Инж. Яницкий ограничивает пункты водоснабжения — на западе Рутченковскими копями и Константиновским заводом, на севере станциями Донецкой ж. д. Сентяновкой и Славяносербской, на востоке ст. ст. Щетово и Гесчинской и на юге ст. ст. Иловайской и Караванной, т.-е. захватывает районы наиболее нуждающиеся в мягкой и питьевой воде.

Если общее количество потребной добавочной воды принять равным 4 *куб. м* в секунду, стоимость главного водопровода составит, по ориентировочным подсчетам инж. Яницкого, около 90.000.000 руб.

В эту стоимость включены все сооружения, начиная от Днепра и кончая центральным бассейном на Дебальцевской возвышенности.

Ориентировочная стоимость ответвлений:

	Общ. длина (*км*)	Стоимость (млн. руб.)
Шепилово-Славяносербское	84	5
Криндачевско-Чистяковское	72	3
Константиновское	48	3
Сталино-Макеевское	60	5
Итого	—	16

Стоимость отдельных мелких водопроводов и ответвлений по предприятиям составит еще около 14 млн. руб.

Таким образом, сооружение центрального водоснабжения предприятий Донецкого бассейна водою Днепра, в количестве 4 *куб. м* в сек., ориентировочно, стоило бы 120 млн. руб. Принимая проценты на капитал, амортизацию и эксплоатацию в размере 10% от строительной суммы, имеем ежегодные расходы в 12 млн. руб. + 10% непредвиденных = 13,2 млн. руб.

Общий размер годовой подачи воды в отмеченные районы составит 126.000.000 *куб. м* воды. Таким образом, себестоимость 1 куб. метра составит 10,5 коп., или 13,1 к. за 100 ведер.

Наконец, помимо разрешения вопроса с водоснабжением, необходимо упорядочить отвод сточных вод в Донбассе, в особенности имея в виду увеличение по перспективному плану расхода потребления воды, а следовательно, и повышения количества сточных вод. Необходимо прекратить массовое загрязнение поверхностных вод. Как на пример, можно указать, что даже в настоящее время спуск коксобензолом сточных вод в речки: восточную Камышеваху и Лозовую ставит в тяжелое положение водоснабжение сельского населения Лозово-Павловского и части Славяносербского района Луганского округа (для населения общим числом 15—18 тыс. человек). Упорядочение вопроса о сточных водах возможно путем составления схемы устройства канализации в Донбассе.

Все приведенные соображения имеют целью подвести в грубых штрихах некоторые итоги известным Госплану СССР материалам по вопросу о водоснабжении Донбасса, в перспективах развертывания в нем промышленности по пятилетнему плану.

С. Н. Новацци

Дефекты организации водного хозяйства [1]

Резко выдвинувшаяся за последние годы сырьевая проблема, особенно болезненная в части текстильного сырья (главным образом, пока хлопка) и хлебного зерна, ставит перед водным хозяйством Союза на ближайшее пятилетие поистине грандиозные задания, особенно по линии орошения в хлопковых районах, поскольку за этот срок сбор советского хлопкового волокна должен удвоиться против сбора 1927/28 г.

Для общей характеристики задач, стоящих перед водным хозяйством в перспективе пятилетия с 1928/29 по 1932/33 гг., достаточно будет привести следующие, правда, пока еще официально не закрепленные предположения.

Прирост ирригационно подготовленных площадей в Средней Азии и в ЗСФСР представляется в следующем виде (в тыс. *га*):

	В 1927/28 г.		В 1928/29 г.		В 1932/33 г.		Прирост за пятилетие	
	Площадь ирригац. подготовл. земель	В том числе хлопковых посевов	Площадь ирригац. подготовл. земель.	В том числе хлопковых посевов	Площадь ирригац. подготовл. земель	В том числе хлопковых посевов	Ирригац. подготовл. земель	В том числе хлопковых посевов
Ср. Азия с Каз. АССР	3.383	783	3.552	881	4.431	1.322	1.049	538
ЗСФСР . . .	783	140	842	157	1.173	247	390	107
Итого. . .	4.166	923	4.394	1.038	5.604	1.569	1.439	645

К этому приросту площадей надо прибавить еще некоторый прирост от орошения в Заволжьи (порядка 20—30 тыс. *га*).

Для выполнения указанной технически и организационно крайне сложной задачи по той же предварительной пятилетней наметке (основной вариант) потребуются следующие средства на капитальные и некапитальные затраты (в млн. руб. см. табл. на след. странице).

Таковы предстоящие за пятилетие затраты по водному хозяйству, только по линии ирригации, без учета расходов на осушение, обводнение и др. группы водохозяйственных работ в пределах Союза, на которые в общем потребуется, по нашему мнению, примерно еще около 1,3—1,5 мрд. руб.

[1] В порядке обсуждения. Ред.

	По единому госбюджету	Водного сбора на расходы эксплоатации	Средств населения	Всего
Ср. Азия с Каз. АССР. . .	278	68	30	376
ЗСФСР	107	18	6	131
Орошения Заволжья	18	—	—	18
Изыскания для орошения Нижн. Днепра.	6	—	—	6
Итого . . .	409	86	36	531

Уже по одному размеру приведенных цифр можно представить себе всю серьезность задач водного хозяйства в ближайшее время и необходимость подойти к их разрешению во всеоружии организационной подготовленности.

Между тем, надо признаться, что едва ли какая-либо другая отрасль народного хозяйства Союза организована менее удачно, чем водное хозяйство. И хотя причины этого неустройства достаточно ясны, тем не менее они и до сих пор остаются неустраненными, несмотря на то, что задачи, поставленные перед водным хозяйством на ближайшее пятилетие, чрезвычайно велики и ответственны, особенно в наших хлопководческих районах.

Схема местных органов водного хозяйства Средней Азии и ЗСФСР и схема их подчинения высшим республиканским и союзным учреждениям, начиная с момента их возникновения и до последнего времени, претерпевает непрерывные изменения, что достаточно убедительно свидетельствует о несовершенстве изменяемых и о жизненной необходимости искания новых форм организации руководящего и производственного аппаратов.

В порядке исторического наслоения всех этих организационных трансформаций, к начальному периоду относится „пленение“ органов водного хозяйства наркомземами. Эта, правда, кратковременная и печальная эпоха явилась результатом необдуманного копирования „старинки“ дореволюционного периода, когда вопреки здравому смыслу водное хозяйство было расчленено между всеми ведомствами и львиная доля его находилась под однобоким регулированием ведомства земледелия. Однако, уже в 1924 г. сначала в Средней Азии, а затем в Закавказьи органы водного хозяйства убедились в том, что, находясь в забвении у НКЗемов, они не смогут получить той организации, которая отвечала бы предстоящей им громадной работе, по масштабу и стоимости едва ли не превосходившей бюджеты самих наркомземов.

И вот с 1924 г. началась новая эпоха, эпоха независимости органов водного хозяйства в каждой республике, переход на, якобы, наркоматское положение. Но так как главный упор был сделан именно на „независимость“ вообще от всех и вся, то при этом все важнейшие организационные моменты были упущены из виду и было допущено много больших промахов, которые породили чрезвычайную сложность, множественность и дороговизну аппарата при

отсутствии ведомственного центра в Москве и приспособление водохозяйственных границ к обычным административным границам, в то время как единственно технически рациональным и экономически целесообразным для водохозяйственных территорий является деление их по границам бассейнов и оросительных систем, по водоразделам. При допущении таких коренных промахов вполне понятна как пестрота организационных форм водхозов внутри отдельных республик, так и упорная борьба республиканских водховов с Средазводхозом и Закводхозом, учрежденными Союзом для большей организованности и планомерности работ водного хозяйства.

Эта борьба продолжается и до настоящего времени как в Средней Азии, так и Закавказьи, несмотря на то, что Закводхоз не является органом правительства Союза и подчинен непосредственно СНК ЗСФСР. Самая возможность такой борьбы между главводхозами и водхозами республик вполне понятна, поскольку основные дефекты организации водного хозяйства остаются неустраненными.

На этих дефектах и на мерах, необходимых для их устранения, предстоящему с'езду работников водного хозяйства, организуемому Госпланом СССР, и предстоит сосредоточить свое внимание, как на важнейшем и притом наиболее больном вопросе этой отрасли народного хозяйства.

Все происходившие за четыре последних года изменения в структуре и правах органов водного хозяйства обсуждались с нашим участием как на местах во время ревизионных поездок, так и в центральных учреждениях. Это дало нам возможность установить определенную точку зрения на дефекты организации водного хозяйства и наметить те формы, при применении которых последнее должно дать наибольший производственный и финансовый эффект.

Остановимся на отдельных дефектах и на установлении тех организационных форм, которые одни только в состоянии дать радикальное разрешение данного вопроса.

Еще в 1925 году в журнале „Плановое Хозяйство“ мы подчеркивали в своей статье, что местные органы водного хозяйства неизбежно должны быть построены на основе деления территории по границам бассейнов, а внутри последних по водоразделам между отдельными оросительными системами, и что нынешнее деление территории по административным границам является неправильным, осложняет управление и значительно его удорожает. Это главнейший, основной дефект, ибо все остальные являются логическим его следствием и развитием в различных организационных плоскостях. Надо понять, что всякая попытка построить организацию водного хозяйства не на этом принципе— Сизифов труд. Опыт применения водного сбора в орошаемых районах в течение 1927/28 г. уже привел республики к убеждению, что организация эксплоатации должна быть построена по побассейному или более узко — по посистемному принципу.[1] При таком принципе неизбежно должна усилиться роль самодеятельности об'единений водопользователей, а в связи с этим внимание водных округов может быть перенесено на регулирование мелкого строительства, ограничиваясь по линии эксплоатации исключительно надзором и общим руководством.

---

[1] К необходимости придерживаться этого принципа приходит и НК РКИ СССР в результате последних обследований за 1928/29 г.

Мы склонны думать, что при районировании водохозяйственных территорий по побассейному или по посистемному принципу производственная роль об'единений водопользователей будет распространяться не только на эксплоатацию, но не в меньшей степени и на мелкое и даже среднее строительство.

Следующим основным дефектом, в организации водного хозяйства, логически вытекающем из первого, является множественность самостоятельных, друг с другом несвязанных управлений водного хозяйства. На территории Средней Азии таких управлений пять и кроме них еще имеется Управление водным хозяйством Казакской АССР; на территории ЗСФСР таких управлений четыре. Итого в одних только хлопковых районах имеется 10 управлений, содержание которых обходится более 3 млн. руб. в год.

С точки зрения экономии государственных средств, концентрации и более планомерного финансирования, более облегченного и упрощенного планирования водного хозяйства, единообразия методики научных исследований, более правильного и дешевого распределения водных ресурсов и упрощенного разрешения водных споров, более планомерного использования всякого инвентаря и особенно механического оборудования, наконец, с точки зрения более удобного маневрирования остро недостаточным квалифицированным техническиим персоналом,—со всех этих точек зрения, несомненно, единственно целесообразным является оставление одного управления на всю Среднюю Азию, одного в КАССР и одного на все Закавказье. Это, конечно, значительно больше соответствовало бы отмеченному выше побассейному принципу районирования водного хозяйства, чем одновременное существование 10 самостоятельных управлений.

Такая структура местных органов по существу являлась бы структурой об'единенного наркомата, опыт которого (НКПС) отнюдь не показал, что при таком построении интересы республик недоучитываются и, наоборот, ясно доказывает более дешевое содержание аппарата, облегченное управление и планирование.

Наша конституция не ставит никаких ограничений в отношении возможности учреждения новых наркоматов в случаях выяснения в них реальной необходимости. Равным образом нет никаких конституционных препятствий к учреждению для водного хозяйства именно наркомата типа НКПС по соглашению с союзными республиками. Что касается последних, то им скорее всего следовало бы принять именно такой тип наркоматской структуры для водного хозяйства, так как никто иной, как правительства союзных республик испытывают всю тяжесть, сложность и неустойчивость водного хозяйства при его нынешней дефективной организации.

Но, быть может, при предлагаемой нами схеме построения органов водного хозяйства бюджеты республик что-либо проиграют, если при этом из них выпадут кредиты на водное хозяйство? Оказывается, однако, что при нынешнем законе о его финансировании кредиты для последнего в бюджетах 1928/29 г. имеют более чем скромный удельный вес (см. табл. на след. стр.).

Цифры говорят, что потеря не велика, особенно, если принять во внимание избавление от бесконечной цепи неприятностей, обеспеченность согласования с плановыми органами республик планов водного хозяйства и переход республик в положение заказчика из положения исполнителя заказов.

Какие же еще соображения могут заставлять республики воздерживаться от поддержки предлагаемой нами схемы? Вопросы самолюбия

Республики	Бюджет республик млн. руб.	В том числе кред. на водн. хоз.	
		абсолютная сумма в тыс. руб.	в %% от бюджета
ЗСФСР	137,5	1.765	1,3
УзбССР	80,1	745	0,9
ТаджАССР.	14,6	1.693	11,6
ТуркССР.	28,3	477	1,7
КазакАССР	64,9 [1]	353	0,5
КиргизАССР. . . .	14,9 [1]	584	3,9

или производственного соревнования? Не думаем, чтобы это было так. Скорее мы склонны, к сожалению, допустить более реальную, но глубоко скрытую причину—сопротивление такому предложению самих аппаратов водного хозяйства; им, конечно, было бы нелегко перейти со своей теперешней независимой работы на стандартную, строго регламентированную и нормированную работу об'единенного наркомата.

Перейдем к рассмотрению других дефектов водного хозяйства. Третьим основным дефектом последнего является отсутствие в нем ведомственного руководства, отсутствие в Москве ведомственного центра, в то время как во всех союзных республиках уже возникли в той или иной форме ведомственные центры (управления водного хозяйства республик). Возникновение этих органов явочным порядком яснее всего показывает, что наркоматская форма является требованием жизни, что необходимо его принять и придать ему организационно рациональные формы, но принять эту форму не в республиканском масштабе, а во всесоюзном, т.-е. учредить всесоюзный орган в Москве с упразднением водхозов в восьми республиках.

Медленное развитие водохозяйственного строительства, отсутствие твердой политики в водном хозяйстве, до смешного усложненное и длительное прохождение операционных и перспективных планов, отсутствие налаженности в подготовке кадров специалистов, чрезмерно замедленное развитие научно-исследовательского дела, деморализующая и разрушающая опека водного хозяйства со стороны целого ряда ведомств и даже отдельных учреждений, постоянная перемена организационных форм и функций органов водного хозяйства, полная оторванность центра от мест, неизбежно влекущая за собой ныне существующую систему управления водным хозяйством,—вот прямые результаты отсутствия в центре всесоюзного органа водного хозяйства. Ни в одной отрасли народного хозяйства нет того хаоса, какой прочно установился в водном хозяйстве. Это все видят и все больно чувствуют необходимость немедленного изжития этого основного организационного дефекта. Что касается формы центрального органа, то и здесь мы являемся сторониками радикального решения вопроса. Учрежде-

[1] По контрольным цифрам НКФ РСФСР.

ние „Центрального управления водного хозяйства Союза ССР“ не даст ему необходимой авторитетности, организационной и финансовой устойчивости. Надо безбоязненно итти на формирование об'единенного наркомата, ибо только при этой форме возможно установить на местах побассейную систему районирования и управления водным хозяйством, оставив на местах только краевые управления, так как необходимость управлений в отдельных республиках отпадает. Всякое другое лечение водного хозяйства будет лечением „деревенской бабки“.

К числу основных дефектов водного хозяйства следует отнести и организацию его строительства и изысканий. На изыскания затрачены громадные средства. Сделано, правда, довольно много, но далеко не все еще приведено в порядок. К тому же несомненно, что вследствие отсутствия централизованного учета произведенных изысканий и вследствие отсутствия твердого плана — часть полученных данных утеряна, часть недостаточно полна для проектирования, часть еще необработана; вероятно, были случаи и перекрытия ранее произведенных изысканий более поздними, что при наличии многих независимых друг от друга управлений и частой смене руководящего персонала вполне возможно. Особенно неблагополучно с проектировкой, производство которой до последнего времени остается на местах частью в изыскательских, частью в строительных организациях, и не имеет высоко авторитетного руководства и надлежащего контроля. Оторванное от технических и научных центров проектирование (главным образом, крупное) затягивается на слишком длительные периоды времени, не имеет возможности использовать новейшие данные техники и потому страдает качественными недостатками и тормозит строительство.

Что касается строительства, то основными дефектами его являются: отсутствие твердых календарных планов строительства, неустойчивость стоимости проектов, отсутствие планов финансирования, дороговизна, чрезмерные накладные расходы и отсутствие в его осуществлении принципов хозяйственного расчета.

Для крупных изысканий и крупного проектирования, повидимому, наиболее правильный выход надо искать в централизации всех крупных изысканий в виде отдельных изыскательских организаций, формируемых ведомственным центром и направляемых для работы на места; что касается крупного проектирования, то наилучшие результаты можно получить при передаче его всесоюзному научно-исследовательскому учреждению, которое необходимо создать теперь же. Такое соединение крупного проектирования с научными исследованиями сообщит последним преимущественно практический уклон, так как самые задания для исследований будут возникать по мере того, как проектирование будет наталкиваться на задачи, еще не разрешенные опытом и практикой, при чем поставивший данный вопрос проектировщик сможет его разрешить, произведя соответствующие научные исследования.

В отношении строительства наилучших результатов можно достичь путем учреждения для каждого края специального акционерного общества, которое одновременно, с одной стороны, имело бы право свободного выбора строительных об'ектов с последующей эксплоатацией построенных им сооружений при взимании нормированной платы, а с другой—вело бы строительство по заданиям органов водного хозяйства и об'единений

водопользователей на правах правительственного подрядчика на средства заказчика.

Такой порядок повлек бы за собой более тщательный отбор строительных об'ектов, установление хозрасчетного строительства, увеличение количества рентабельных об'ектов, более экономное строительство, установил бы большую гибкость строительного аппарата и значительно упростил бы систему финансирования водохозяйственного строительства.

Мелкое же строительство в значительной своей части могло бы выполняться крупными и мелкими об'единениями водопользователей, к которым должна перейти эксплоатация водохозяйственных устройств с оставлением за водными округами функций планирования, общего регулирования и надзора.

Отмечая дефекты организации водного хозяйства, нельзя не отметить исключительно плохой организации мелиоративных товариществ. Последние, унаследовавшие от водного хозяйства все отрицательные черты организации, присоединили к ним хроническую ссудобоязнь, вероятно переданную им от „добровольной“ кооперации. Водхозы республик с особой энергией, достойной лучшего применения, покровительствуют осуществлению мелкого строительства за счет безвозвратных бюджетных средств, вопреки закону, устанавливающему обязательство производить мелкое строительство за счет ссуд, выдаваемых мелиоративным товариществам. Предлоги для уклонений от ссуд крайне ограничены и трафаретны.

Надо отделить водную кооперацию от водхозов. Надо общее руководство водной кооперацией передать Союзу Союзов и создать более крупные об'единения водопользователей, по отдельным системам, которые имели бы частью общественный, частью принудительный характер по удачному образцу американских организаций. Правильная постановка водораспределения и хозяйственной жизни оросительной системы может быть достигнута только в том случае, если каждый водопользователь автоматически подчиняется всем решениям выборных органов, водопользователей всей данной системы, а не тем только, которые его почему-либо устраивают, как это имеет место в водной кооперации.[1]

Еще в июне 1926 г., в своем докладе в ОСВОК (при Главхлопкоме) мы отмечали ненадежность и несоответствие принципа „добровольности“ в кооперативной форме организации водопользователей практическим интересам рационального водного хозяйства и указывали на необходимость перейти к принудительным формам их об'единения. К сожалению, на местах этой необходимости еще не осознали. Тем хуже, ибо она неизбежна при всех обстоятельствах.

Наконец, одним из крупнейших организационных дефектов водного хозяйства является недопустимый порядок прохождения оперативных годовых планов, выродившийся в какую-то организованную волокиту, утратившую последние следы не только планового действия, но хотя бы только простого здравого смысла. По исчислениям и графическому изображению Главсредазводхоза в настоящем году план работ по водному хозяйству Средней Азии прошел только в Москве 67 инстанций и пунктов согласования, прежде чем был утвержден Советом Труда и Обороны, а составление и рассмотрение его длилось 6 месяцев (из них три—в центре).

[1] Вопросу организации водопользователей мы посвящаем специальную статью.

Характерно то, что такой порядок, как зеркало, отражает в себе все дефекты организации водного хозяйства, начиная от множественности инстанций на местах, проходя через несогласованность требований республик в краевых об'единениях и, кончая, благодаря этому, рассмотрением в центре всех мельчайших претензий, чуть ли не на сотни рублей, чего, конечно, не могло бы быть при существовании наркоматской организации.

Уже много раз нами указывалось на необходимость коренного изменения порядка составления и рассмотрения операционных планов водного хозяйства как на местах, так и в центре. Работа в этой области в течение трех последних лет только укрепляет нас в правильности этой точки зрения.

Если бы водхозы республик были упразднены, то общий план по всему краю составлялся бы одним лишь краевым управлением водного хозяйства (в Средней Азии Главсредводхозом, в ЗСФСР — Главзаквод-хозом), с участием представителей госпланов республик, наркомземов и хлопковых организаций. Это на 40% сократило бы количество инстанций прохождения согласования планов.

Другим облегчающим и упрощающим моментом должно явиться установление такого порядка рассмотрения планов водного хозяйства, при котором в центре (в ведомственном центре, в Госплане СССР и СТО) производилось бы рассмотрение не всего плана во всех его деталях, а лишь суждение по его основным моментам: о его экономическом обосновании и эффективности, темпе развития изысканий и строительства и об общих организационных мероприятиях.

Для того чтобы упрощение рассмотрения планов водного хозяйства имело характер дальнейшего общего упорядочения плановой работы и финансирования и соответствовало бы реальным потребностям быстрейшего развертывания ирригационного строительства, прежде всего необходимо установить дефекты, которыми страдает нынешний порядок рассмотрения операционных планов с их громоздкими материалами и те последствия, которые неизбежно возникают при таком порядке рассмотрения планов и их материалов. Основными дефектами прохождения операционных планов водного хозяйства Средней Азии и ЗСФСР являются следующие:

1. Чрезмерная длительность периода рассмотрения планов в московских учреждениях, т. е., главным образом, в Госплане СССР.

В 1925/26 и 1926/27 гг., когда планы эти рассматривались с меньшею детальностью, так как обосновывающие их материалы не обладали еще тою степенью уточнения, которая постепенно усиливалась по настоянию органов центра в последующие годы,— в эти годы рассмотрение планов в Госплане СССР занимало около $1^1/_2$ мес. В 1927/28 и 1928/29 гг. рассмотрение планов занимало каждый год свыше 3 месяцев.

Резкие бросающиеся в глаза ненормальности такого порядка рассмотрения операционных планов водного хозяйства являются прямым следствием неправильной организации самого рассмотрения планов в Москве и излишней громоздкости плановых материалов, которая, в свою очередь, вытекает из необходимости документального подтверждения обоснований для включения в план отдельных расходов и обоснования разногласий главводхозов с водхозами республик и определяется необходимостью давать в Москве бесконечные справочные данные по техническим и экономическим вопросам отдельных схем и проектов.

Однако, следует отметить, что, несмотря на указанную громоздкость этих материалов, сплошь и рядом встречается необходимость запрашивать с мест дополнительные данные или раз'яснения и ожидать ответы с неизбежными отсрочками, что задерживало рассмотрение планов, а в некоторых случаях ответы и раз'яснения с мест совсем не были даны и приходилось принимать недостаточно обоснованные решения.

Равным образом, чрезмерно затягивает план установившаяся практика дополнительных заявок, принимавшихся в этом году с октября месяца непрерывно до окончания работ в высших органах Союза, т.-е. до 20 декабря, при чем некоторые заявки и разногласия определялись суммами в несколько тысяч рублей.

Все это с полной ясностью показывает, что необходимо отказаться от подробного рассмотрения планов в Москве, сохранив за последней рассмотрение лишь основных черт, характеризующих план со стороны его состава по основным группам работ и расходов, со стороны размеров испрашиваемых по этим группам кредитов и эффекта производимых затрат и, наконец, рассмотрение и окончательное разрешение разногласий с республиками правительством СССР.

2. Следующим чрезвычайно крупным дефектом нынешнего порядка рассмотрения операционных планов является ежегодно неизбежно происходящий отрыв от работы на местах главнейших работников водного хозяйства на весь первый квартал (а часть их — на более длительный срок), в то время как именно первый квартал является лучшим сезоном для всех ирригационных работ, особенно тех, которые связаны с подачей воды к началу полной кампании в конце второго квартала. Не требуется большого напряжения мысли, чтобы догадаться, насколько при таком порядке дезорганизуется на местах не только работа первого квартала, но и годового плана.

Такая дезорганизация работы на местах заставляет опять-таки отказаться от существующего порядка подробного потитульного рассмотрения операционных планов водного хозяйства и свести таковое в Москве к суждениям лишь по основным моментам планов, предоставив специальным комиссиям из центра утверждение потитульных планов производить на местах на основании действующих законов и директивных указаний центральных органов правительства Союза ССР.

3. Следствием длительного рассмотрения операционных планов в Москве является также совершенно неизбежная ломка рационального построения годовых операционных планов.

Так как планы утверждаются в конце первого или в начале второго квартала (а иногда и значительно позже), то обычно на местах нет возможности в первом квартале с надлежащей уверенностью приступить к работам, так как совершенно неизвестно, войдет ли данная работа вокончательный план, и если войдет, то в каком об'еме и с каким именно производственным и календарным планом. Практика последних лет показала, что выделение специального плана работ для первого квартала отнюдь не гарантирует нас и места от целого ряда промахов, вероятность чего, между прочим, учитывается органами центра, так как выделение перечня работ на первый квартал всегда сопровождается оговоркой, что этот перечень отнюдь не предрешает состава и размеров ассигнований полного окончательного годового операционного плана. Одна эта оговорка уже показывает на возможность всяких ошибок, а опыт подтвердил, что план первого квартала всегда отличается от окончательного плана, утверждаемого высшими органами Союза; бывает, что расходы, производившиеся в первом квартале, дальнейшего развития в окончательном плане совсем не получают и наоборот (что бывает чаще) — целый ряд расходов, не предусмотренных планом первого квартала, вводится в полный окончательный годо-

вой план. А так как вследствие позднего утверждения плана времени для выполнения последних работ до поливного периода остается мало, то сплошь и рядом получается недовыполнение годового плана по таким работам или, наоборот, производство в первом квартале таких работ (или их частей), которые полным годовым планом не предусмотрены, и их приходится приостанавливать или ликвидировать.

Таковы основные дефекты практиковавшегося до настоящего времени порядка рассмотрения операционных планов водного хозяйства, не говоря о ряде других менее крупных, но также дезорганизующих на местах осуществление ирригационных работ в размере и темпе, соответствующем потребностям Союза ССР.

Все эти дефекты настолько остры и настолько болезненно отзываются на планомерном и хозяйственно рациональном развитии ирригационных работ в Средней Азии и ЗСФСР и на связанной с ними затрате государственных средств, что мы считаем своим долгом обратить особое внимание на необходимость полного изменения порядка рассмотрения и утверждения в Москве операционных планов водного хозяйства с тем, чтобы плановая кампания 1929/30 г. (включая и период контрольных цифр) уже проходила по новому порядку.

НКФин СССР и Госплан СССР неоднократно указывали высшим органам Союза на крайне вредные последствия позднего утверждения операционных планов водного хозяйства. Однако, очевидно, устранение этого важнейшего дефекта возможно опять-таки лишь в том случае, если детальное рассмотрение и утверждение планов будет поставлено на местах, а в Москве будут рассматриваться и утверждаться только основные моменты, отмеченные выше.

Для того чтобы достичь упрощения работы в центре, необходимо установить ежегодный выезд в краевые центры (Ташкент, Тифлис и т. д.) полномочных постоянного состава комиссий из Москвы, утверждаемых СТО, с тем, чтобы эти комиссии, предварительно ознакомившись на местах с ходом работ, принимали бы ближайшее участие в проработке операционных планов на местах и по окончании их составления утверждали бы весь план в целом на месте в пленарном заседании, при участии всех заинтересованных республик и ведомств. Таким образом, план своевременно (до начала нового операционного года) утверждался бы на месте, а основные черты его подлежали бы рассмотрению в ведомственном центре, в Госплане СССР и в Совете Труда и Обороны. При таком способе комиссии, рассматривающие планы по поручению центральных учреждений, имели бы возможность рассматривать их по данным первоисточников, проверять все сомнительные данные, осматривать строительства, т.-е. действовать вполне сознательно. Вследствие этого процесс прохождения планов в Москве значительно упростился бы, а ответственность мест значительно усилилась бы. Далее, такой порядок повлек бы за собой известную экономию средств, расходование которых сопряжено с рассмотрением планов. Наконец, что чрезвычайно важно, была бы устранена необходимость отрывать от работы на местах на 3 месяца всех основных работников водного хозяйства,— необходимость, обычно сопряженная с потерей лучшего строительного сезона,— первого квартала.

Злободневный вопрос плановой организации несколько отвлек нас от основной темы — общей организации водного хозяйства. Возвратимся к ней.

В соответствии с указанными в настоящей статье мерами для устранения сновных организационных дефектов водного хозяйства Средней Азии и ЗСФСР — мыслим себе следующую общую схему.

Учреждение в Москве об'единенного наркомата водного хозяйства. Нужен именно наркомат (типа НКПС,) потому что при всякой другой форме ведомственного центра невозможно будет учредить на местах такую систему органов, которая при установлении своих административных границ и при построении своих планов и производственной работы не была бы стеснена республиканскими и внутриреспубликанскими общеадминистративными границами, а устанавливала бы их по побассейному или посистемному принципу.

Местными органами наркомата должны быть управления водного хозяйства: одно в Средней Азии, одно — в Казакской АССР и одно — в ЗСФСР. Подчиненная каждому из этих управлений территория делится по побассейному принципу на водные округа, а последние на побассейные или посистемные принудительно-кооперативные об'единения всех без исключения каждой системы водопользователей.

При наркомате организуется Всесоюзный научно-исследовательский и проектировочный (с проектированием по крупному строительству) институт с филиалами в местных центрах, работающими в тесном контакте с управлениями водного хозяйства. Крупные изыскания и исследования в виде отдельных временных изыскательских организаций учреждаются при Проектировочном институте и посылаются на места. Изыскания и исследования для среднего и мелкого строительства ведутся водными округами. Кроме того, при наркомате учреждается Совет экспертов, а при управлениях водного хозяйства — технические советы.

Строительство ведется либо советскими ирригационными акционерными обществами (крупное и среднее строительство), либо посредством иностранных акционерных кампаний (крупное строительство) на правах строительного подряда. Мелкое строительство ведется об'единениями водопользователей с выполнением его теми же акц. обществами под надзором и руководством водных округов.

Советские акционерные общества либо добровольно выбирают строительные об'екты и тогда обязуются организовать после постройки хозяйство и эксплоатацию построенной системы (совхозы, семхозы, колхозы) на основе взимания с водопользователей нормированной платы, либо выполняют (без права отказа) в плановом порядке крупное и среднее строительство в качестве правительственного подрядчика за средства заказчиков (наркомата, управлений водного хозяйства, об'единений водопользователей и т. п.) без участия в эксплоатации.

На местные органы водного хозяйства (главные краевые управления водного хозяйства и водные округа) при такой схеме организации должны быть возложены в общих чертах следующие функции.

1. На главные (краевые) управления народного хозяйства:

а) составление перспективных и годовых планов водного хозяйства на подведомственных им территориях и согласование этих планов с заинтересованными республиками и высшими правительственными органами Средней Азии и ЗСФСР по принадлежности, а также учет выполнения планов, кем бы таковое не производилось;

б) непосредственное руководство, надзор и контроль над работой водных округов;

в) составление сводной отчетности по работе водных округов, строительных акционерных обществ и наркоматских изыскательских организаций и самих управлений водного хозяйства с состоящими при них учреждениями;

г) общее руководство (через водные округа), надзор и контроль над эксплоатацией, находящейся в непосредственном ведении округов

и директивное руководство (через те же водные округа), надзор и контроль над эксплоатацией, находящейся в ведении акционерных обществ или об'единений водопользователей;

д) утверждение программ изысканий, технических схем, проектов и смет в пределах сумм, установленных законом;

е) участие в администрировании научно-исследовательских учреждений и местных учебных заведений по подготовке специалистов по водному хозяйству;

ж) выполнение специальных заданий по поручениям наркомата и высших органов Союза.

2. На водные округа:

а) подготовка по данным округов и по заявкам республик и об'единений водопользователей материалов для составления перспективных и годовых планов водного хозяйства в отношении производства изысканий и исследований для среднего и мелкого строительства, планов самого мелкого строительства и эксплоатации, независимо от того, в чьем ведении последняя находится;

б) производство мелкого строительства там, где оно не входит в проекты, выполняемые советскими или иностранными акционерными обществами или об'единениями водопользователей;

в) стационарная статистико-экономическая работа по округу;

г) заведывание эксплоатацией там, где она не находится в ведении государственных хозяйственных организаций или об'единений водопользователей;

д) технический надзор и контроль над выполнением мелкого строительства и над эксплоатацией, находящейся в ведении государственных хозяйственных организаций или об'единений водопользователей;

е) утверждение программ изысканий и исследований, технических схем, проектов и смет в пределах сумм, установленных законом;

ж) составление отчетности округа по его работе и по эксплоатации на всей его территории;

з) выполнение специальных заданий управления водного хозяйства.

Н. Г. Лаленков

К вопросу о плане электроснабжения Донбасса[1][2]

Мои две статьи по вопросу о Лисичанской районной электростанции и электростроительстве в Донбассе вообще[3] вызвали ответ С. А. Кукель-Краевского обширный по об'ему, но весьма завуалированный в части точных цифр и расчетов, не говоря уже о том, что мне сделаны упреки в пользовании старым материалом и т. д. Все это, вместе взятое, заставляет меня для раз'яснения всех „тонких" мест электростроительства Донбасса вновь осветить ряд фактов и положений, кои могут стать полезными широкому кругу читателей.

Первый упрек С. А. Кукель-Краевского по моему адресу — это неуказание мною точного места постройки будущей Лисичанской электроцентрали. Да простит мне С. А. Кукель-Краевский, что я не принадлежу к тем „талантливым экспертам", которые с плеча создали районную электростанцию на задворках завода Донсода, начав вбивать сваи для фундамента столь глубоко, что можно опасаться проникновения их в Американский материк.

Заострив в своих статьях вопрос об обследовании места постройки будущей Лисичанской станции, я, правда, ограничился лишь указаниями, что „от деревни Серебрянка до села Боровского места одинаково удобны для электростанции". Однако, если С. А. Кукель-Краевскому хочется знать мое предварительное мнение по этому вопросу, я могу указать и место, где по всем об'ективным признакам наиболее выгодно и удобно строить Лисичанскую электроцентраль: это излучина реки Сев. Донца возле деревни Серебрянка на 15 километров выше Лисичанска вверх по течению реки, при чем об'ективными признаками в данном случае является: близость мощных пластов хорошего угля к р. Сев. Донцу, нагорное расположение и легкое развитие шахт (удобная подача топлива) и сравнительно дешевая плотина для создания мощного водохранилища на 150—200 тыс. квт. Напрасно С. А. Кукель Каревский говорит о необходимости постройки шлюза — в верхнем плесе Сев. Донец не судоходен и никогда таковым не был, а для экскурсионных и рыбачьих лодок шлюза не потребуется и говорить об удорожании строительства вследствие этого не приходится. Таким образом, постройка плотины для Лисичанской станции будет стоить дешевле тех искусственных водохранилищ с целой серией плотин, для собирания, главным образом, талой и дождевой воды, которые придется создавать, если будет решено строить Зуевскую станцию.

Теперь перейдем к работам по водным изысканиям в Зуевском районе. С последним я достаточно знаком, но мною не упущено, как это сделано С. Кукель-Краевским, очень крупное обстоятельство (хочется

---

[1] В порядке обсуждения. Ред.

[2] По поводу статьи С. А. Кукель-Краевского „План электроснабжения Донбасса и роль Лисичанской станции" в журнале „План. Хоз.", № 10 за 1928 г.

[3] См. „План. Хоз." за 1928 г., №№ 5 и 8.

напомнить аналогичное упущение по Славянскому заводу на Кривом Торце) это — потребность в воде Макеевского и Сталинского комбинатов Югостали, и есть опасение, что и без того скудный дебет реки Крынки целиком уйдет для нужд этих комбинатов, а для Зуевской электростанции останется лишь талая и дождевая вода, так как в данном случае интересами южной металлургии нельзя будет никоим образом пожертвовать в пользу Зуевской районной станции. В этом отношении интересны материалы научно-исследовательского Института водного хозяйства Украины [1] по вопросу о снабжении водой Макеевского комбината Югостали из той же реки Крынки, коей предполагают вручить судьбу Зуевской станции. Материалы эти говорят далеко не в пользу постройки Зуевской станции. „Меженный дебет реки Крынки, — читаем мы,—0,5 куб. метров в секунду, в „засушливый“ 1927 г.“,[2] т.-е. 1.800 куб. метров в час, а Макеевскому заводу потребуется воды на первое пятилетие 1.800 куб. метров в час, а на второе — 3.500 куб. метр. час или, таким образом, если в первое пятилетие завод еще сведет по воде концы с концами, используя весь дебет р. Крынки, то на второе пятилетие потребуется создание плотины у с. Зуевка [3] с трехмесячным запасом воды для завода, что подчеркивается и Институтом водного хозяйства, на авторитет коего ссылается С. А. Кукель-Краевский. Это слишком узкое место электростроительства, и завод, более чем кто-либо, может оказаться зажатым водяным кризисом, так что высказанные мною соображения о необеспеченности будущей Зуевской электростанции водой остаются непоколебленными. Цифра дебета р. Крынки в 0,5 куб. метр. в секунду подтверждает лишь название ее — „creeck'ом“, а плотины и искусственные сооружения в результате могут создать зеркало воды, испаряемость которой будет в несколько раз превышать дебет р. Крынки, и базой водоснабжения будущей Зуевской станции будет талая и дождевая вода искусственных водохранилищ, т.-е. факторы весьма ненадежные, особенно в степной полосе Украины.

В трактовке вопроса о затратах на электростроительство станций я в корне не согласен с С. А. Кукель-Краевским [4]: районную станцию нужно строить не только там, где ceteris paribus затрат меньше, а где имеется наибольшая обеспеченность по воде, ибо как в Штеровке, так и в будущей Зуевке мы в засушливые годы можем очутиться в положении крестьянина, с тоской глядящего на небо и ожидающего дождя, а электрический голод в Донбассе—явление не менее страшное, чем обычный и с этим надо считаться — на Сев. Донце этого положения быть не может. Я оставляю в стороне вопрос о качестве воды: вода Сев. Донца по своей мягкости достаточно известна; какова будет жесткость воды в Зуевских водохранилищах — неизвестно, но можно заранее сказать, базируясь на жесткости воды р. Крынки в 20° немецких, что она будет выше донецкой и не ниже 20° немецких. Этот фактор, жесткость воды, обычно мало учитывается, а Донбасс страдает не только от недостатка воды, но и от ее качества, и С. А. Кукель-Краевскому вероятно не приходилось слышать о жесткости воды в 100° немецких и выше, а с такой водой временами имеет дело, например, Рутченковское рудоуправление, при чем пользование такой водой сокращает службы котлов, ремонты которых тяжелым бременем лежат на эксплоатации, повышая стоимость киловатт-часа и требуя больших резервов поверхности нагрева

[1] Доклад, представленный Институтом водного хозяйства Украины в Югосталь.
[2] По имеющимся сведениям, в 1920 и 1921 гг. р. Крынка совершенно пересыхала.
[3] Но не для Зуевской станции, а исключительно для Макеевского завода.
[4] См „План. Хоз.“, № 10, стр. 208.

котлов, мы уже не говорим о катастрофическом состоянии целых котельных электростанций, как результата пользования жесткой водой (Константиновка, Кадиевка).

Упрек в неустойчивости моих положений [1] в отношении Штеровской станции как-то странен; я ведь очень определенно говорил в своих статьях об имевших место неудачах на Штеровке и подчеркивал лишь необходимость учета этих неудач и ошибок, [2] а в чем не повезло Штеровке, это вероятно известно и С. А. Кукель-Краевскому. Фильтрация воды сквозь плотину, трещины в фундаментах турбин, неумение работать вначале на штыбе и на 2 года запоздалый пуск в эксплоатацию, создавший кризис электроэнергии в Донбассе, — таковы те неудачи и ошибки, которые я имею в виду.

С. А. Кукель-Краевский не нашел в моих статьях определенного отношения к отбросному топливу и внутренним энергетическим ресурсам. [3] Это не совсем так: в обеих моих статьях красной нитью проходит идея использования внутренних энергетических ресурсов предприятий, но не больше — с установкой на подачу всей прочей энергии, сверх возможного получения ее от этих ресурсов, от районных станций. Оспариваю же я лишь место постройки новой районной электростанции.

Сдачу Главэлектро позиций надо усматривать в отклонении от намеченного плана ГОЭЛРО, допущенном им, и постройке целого ряда нерентабельных электростанций (даже без всяких внутренних энергетических ресурсов, как например, Дизельной в Соляном районе, Дружковской — на Торецком заводе и др.) с тем, чтобы через пять лет начать строить Лисичанскую станцию [4], и в расширении существующих электростанций до мощности, далеко превосходящей внутренние энергетические ресурсы. Впрочем обратимся к фактам: 1) Завод Донсода имеет расхотехнологического пара лишь 80 тонн в час, и получение дешевой электроэнергии „с верхних калорий“ выгодно в количестве $70 \times 80 = 5.600$ квт.[5], а станцию Донсода Главэлектро предполагает развить до 60.000 квт. При чем же здесь внутренние ресурсы, участие коих выражается ничтожной цифрой в 9% общей мощности станции? План Главэлектро [6] эту потребность в паре на заводе Донсода определяет в 90 тонн в час и даже это дает всего лишь $70 \times 90 = 6.300$ квт., т.-е. 10,5 всей мощности станции. 2) Краматоровская станция располагает теперь и в ближайшие годы теми ресурсами, кои указаны в моей статье, если этим ресурсам суждено к 1931/32 г. повернуться на 180° против моих данных в части сжигания привозного топлива, то это все же не оправдывает постройки в настоящее время станции мощностью в 25.000 квт. при наличии отбросов (доменного газа) на 5.000 квт.: водный вопрос Краматорской станции очень и очень „узок“, о чем С. А. Кукель-Краевский умалчивает. 3) В отношении Славянской и Константиновской электростанций С. А. Кукель-Краевский говорит кратко и неясно, [7] не вводя даже мощности этих станций в общую сводку мощности станций Донбасса. Следует отметить, что последнее сделано очень правильно, так как эти станции, вероятно вообще не смогут существовать в виде крупных централей, а порядка 3 — 5 тыс. квт. и то при условии, что все три электростанции—Константиновская, Краматорская и Славянская—располагаются на расстоянии

[1] См. „План. Хоз.“, № 10, стр. 210.
[2] См. там же, № 5, стр. 276.
[3] См. там же, № 10, стр. 209.
[4] См. там же, № 10, стр. 212,
[5] См. там же, № 5, стр. 274.
[6] См. план электрификации Донбасса. Изд. Главэлектро, стр. 12, 1928 г.
[7] См. „План. Хоз.“, № 10, стр. 219, 1928 г.

15 — 8 километров друг от друга по течению р. Кривой Торец, считая вниз по течению, и меженный дебет Кривого Торца обеспечивает водой лишь установку в 20 — 25 тыс. квт. (в засушливые годы эта мощность еще более снижается, если не прибегать к искусственным водохранилищам). Таким образом, разрешением Краматорской станции на 25.000 квт. (на Всеукр. энерг. с'езде докладчик ГЭТа выступал с разработанным проектом Краматорской станции на 50.000 квт., так, что это не „слухи", тов. Кукель-Краевский) создалась прямая угроза существующей Константиновской группе электростанций и Славянской, да не только электростанциям, но и заводам — металлургическому Югостали и двум химическим Южхимтреста (Константиновскому и Славянскому).

На заседании представителей трестов в июле сего года в Харькове с участием проф. Деттмара, Южхимтрест прямо заявил о возможности остановки Славянских химических заводов в результате „безводия", так как Константиновская и Краматорская электростанции, лежащие выше Славянска по течению Крив. Торца, испарят всю воду без остатка. И здесь кроется большая опасность, а не „нелепые", с моей стороны, возражения: большей нелепости, чем подавать воду из Сев. Донца для Славянской и Краматорской станций не придумаешь, а ведь эти проекты фигурировали.

Оптимизм С. А. Кукель-Краевского и разрозненное рассмотрение этих станций позволяют ему, мягко выражаясь, за деревьями не видеть леса; рассмотрение же всех трех станций в разрезе дебета Крив. Торца и нужд заводов и местного населения, которые не позволят все же высушить р. Крив. Торец (он же и Сухой Торец — парадоксальное название для реки) заставляют прямо поставить вопрос об исключительном внимании к нуждам этого района.

Суммарно подводя итоги по четырем электростанциям: Донсоде, Краматорской (строящиеся), Константиновской и Славянской (проектируемые),— следует констатировать, что общая мощность их должна достигнуть 115.000 квт., при чем, по данным Главэлектро и пятилеткам трестов, внутренние энергетические ресурсы этих станций к 1931/32 г. составят (в квт.):

Донсода—технологический пар на мощность . . .	6.300
Славянская „ „ „ . . .	6.300
Краматорская (доменный газ) . . .	10.000
Константиновская (доменный газ) . . .	10.000
Итого	32.600

В настоящее время эта мощность значительно ниже и, следовательно, даже к 1931/32 г. лишь 28% общей мощности станций будет базироваться на внутренних энергетических ресурсах, а 72% — на твердом топливе. А так как высоковольтную сеть в сев.-зап. части Донбасса Главэлектро все же наметило строить по схеме, совпадающей с моей, базируясь на Лисичанск (Донсода), — не являлось ли наиболее целесообразным эти 72% мощности, т.-е. 85.000 квт., не имеющих внутренних энергетических ресурсов, работающих на твердом топливе, установить сразу, как Лисичанскую станцию, на местном угле и воде Сев. Донца, тем более, что необходимость ее постройки в будущем признается и С. А. Кукель-Краевским.

В вопросе о Лисичанской станции С. А. Кукель-Краевский, об'ясняя отказ от ее перестройки в 1925 г., совершенно неправильно освещает фактическую сторону, говоря, что решение строить ЭСХАР „лишило Лисичанскую станцию ее главного потребителя — Харькова". — С. А. Кукель-Краевский не может считать главным потребителем Харьков с потребной мощностью 15—20 тыс. квт. в то время когда на-лицо уже в 1925 г. от Лисичанской станции была потребность в энергии (в квт.):

1. Завод Донсода	5.000	7. Краматорская.	10.000
2. „ Пролетарий	2.000	8. Часово-Ярский	1.000
3. „ Красное Знамя . .	2.000	9. Артемовский	2.000
4. Соляной район	2.000	10. Алчевский	5.000
5. Дружковский район . . .	2.000	11. Кадиевский	5.000
6. Костантиновск. „ . . .	10.000	12. Прочие	5.000
		Итого . . .	51.000 [1]

В указанных по позициям 1, 3, 4, 5, 6, 7, 9 и 11 пунктах за период 1925—1929 гг. построены новые и расширены старые электростанции, между тем, если б своевременно построили Лисичанскую станцию, можно было бы избежать затрат по этим небольшим, далеко нерентабельным станциям, и как будто Главэлектро, а не кто другой, ответствен за это искажение строительства. И разве не сдачей позиций и в плановом разрезе и в смысле использования внутренних энергетических ресурсов является строительство станций: Артемовской городской, Бахсольтреста, Дружковской, Константиновской (Химугля) и даже Донсоды (в 80% ее мощности), и по вопросу об этих станциях С. А. Кукель-Краевский на мои замечания не возражает. [2]

По электростанции завода Донсода, которая, по словам С. А. Кукель-Краевского, „должна выполнять задачи Лисичанской станции по плану ГОЭЛРО" [3] и в то же время будет стоить дешевле предполагавшейся Лисичанской районной, позволительно будет добавить к сказанному выше, что она явилась неудачной пародией на районную станцию. Эта станция создалась путем расширения существовавшей электростанции, зажата во дворе завода, вырабатывающего едкие вещества, оборудована музейно, т.-е. случайными машинами, и ограничена в будущем развитием своей мощности, а построена она только благодаря несчастной идее сэкономить крохи и найти оправдание в технологическом паре, который участвует в производстве энергии в размере 9—10% общей ее будущей выработки.

Реабилитация Главэлектро по Штеровской станции носит характер диалектический, а фактически первоначальная мощность этой станции была срезана Главэлектро с 30.000 на 20.000 квт., и уже тогда, когда выявилось крушение всех упований на кустование станций (в районах Алмазно-Марьевском, Юзовском и Центральном) начались водные и топливные изыскания и работы по расширению Штеровки, т.-е. строго продуманного и выдержанного выполнения первоначального плана в этом строительстве совершенно не было. Эта бесплановость сказалась даже в том, что, например, Главэлектро, так рьяно говорящее об использовании вутренних энергетических ресурсов предприятий, в течение трех лет (с 1924 по 1927) тормозило постройку Кадиевской новой электростанции на отбросном топливе (коксовом газе). Но, и разрешив эту постройку, оно все же не увязало ее с пятилеткой Кадиевского металлургического завода, где может быть создана электростанция суммарной мощностью до 60.000 установленных киловатт на чисто отбросном топливе (коксовый и доменный газы).

[1] В настоящее время эти цифры выше.
[2] См. „План. Хоз.", № 5, стр. 271—274, 1928 г.
[3] См. „План. Хоз", № 10, 1928 г. стр. 250.

В вопросе о Сталино-Макеевской станции возражения С. А. Кукель-Краевского [1] основываются отчасти на незнакомстве с энергетическими ресурсами двух комбинатов Сталинского и Макеевского, а отчасти на любви к использованию штыба даже там, где он не требуется. Оба эти комбината совершенно не заинтересованы в энергии Зуевской электростанции и, нормально развиваясь по пятилетней выплавке чугуна и переделу (пятилетка) до 1932 года, кроме покрытия всей своей потребности, еще могут отдавать на сторону некоторое количество энергии. Для иллюстрации сказанного приводятся цифры для двух комбинатов (суммарно):

Показатели	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1930/32 г.	Примечан.
Количество квтч., кое может быть выработано на отбросах топлива .	164.500.000	292.700.000	279.400.000	205.500 000	В расчет принят расход доменного газа в 3,3 м³ на 1 квтч (по данным Journal of Iron and Steel Institute. vol. XVI, 192.
Собствен. потребление комбинат. квтч.	116.500.000	130.000.000	159.000.000	177.000.000	
Остаток энергии в квтч. для отдачи на сторону . . .	48.000.000	162.700.000	120.400.000	28.000.000	

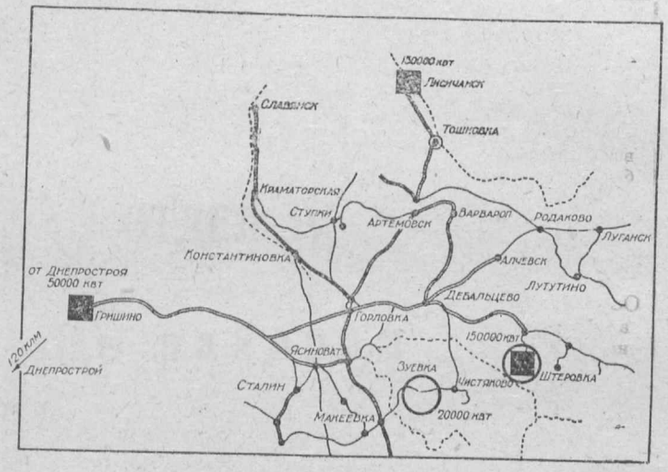
Ресурсы этих двух комбинатов столь значительны и расстояние между ними столь мало (10—12 километров), что разработка вопроса об электростанции не так уже бесцельна, как думает и пишет С. А. Кукель-Краевский; водный же вопрос здесь сталкивается, как уже указывалось выше, с предвосхищенными для Зуевской станции водами р. Крынки.

Упрек С. А. Кукель-Краевского в том, что я пользовался „устарелыми“ данными о нагрузке Зуевской станции [2] целиком направлен не по адресу: я пользовался данными Главэлектро, помещенными в „Плане электрификации Донбасса“ проработки 1928 г., и если эти данные о нагрузках устарели, напрасно Главэлектро рассылает их хозорганам, вводя последних в заблуждение.

Нельзя совершенно согласиться с толкованием С. А. Кукель-Краевского вопроса о „тяготении“ нагрузок Донбасса к Штеровке, следовательно, к будущей Зуевской станции (рассматривая последнюю, как Штеровскую 4 очереди). [3] Возражений на распределение нагрузок в моем разрезе [4] С. А. Кукель-Краевский не приводит, он лишь неправильно передает мое предложение: я предлагаю вместо Зуевской станции построить Лисичанскую районную станцию, при чем привел распределение нагрузок, не оставляющее никаких сомнений в целесообразности и обеспеченности Донбасса при решении вопроса в пользу этой станции. И не прав С. А. Кукель-Краевский, когда он Зуевскую электростанцию рассматривает как вторую районную электростанцию Донбасса, если ее придется строить, и вдобавок на долгие годы отказаться от связи с Днепростроем—

[1] См. „План. Хоз.“ № 10 за 1928 г.
[2] См. „План. Хоз.“, № 10, 1928 г. стр. 214,
[3] См. там же, стр. 213.
[4] См. „План. Хоз. № 8, стр. 297, 1928 г.

электроэнергия для всего Донбасса, вернее ее районной станции, будет сосредоточена в одной точке (расстояние в 25—30 *км* между Зуевской и Штеровской станциями позволяют, как это признает и Кукель-Краевский, считать Зуевку придатком Штеровки), да еще с довольно сомнительным водным хозяйством в виде талых вод и осадков. Перенесение же новой крупной районной станции на север Донбасса, а также связь ее с Днепром даст тот треугольник баз питания Донбасса электроэнергией (см. схему), в надежности коего сомнений быть не может. На схеме двумя большими кружками отмечены электростанции по проекту Главэлектро, а черными квадратами—предлагаемые мной.



В заключение считаю необходимым отметить:

1) Все вышеизложенное по Зуевской станции говорит о необходимости сугубого внимания к водному вопросу этой станции, так как нужды Макеевского металлургического завода, как гиганта южной металлургии, должны быть удовлетворены в первую очередь. Достаточно ли будет остатков воды для Зуевской станции и надежны ли эти остатки (талая и дождевая вода), покажут авторитетные научные обследования.

2) Лисичанская станция не заменена Донсодой и Краматорской станциями, и постройку ее вместо Зуевской станции следует рассматривать, как более обеспечивающую снабжение электроэнергией Северного и части среднего Донбасса, а расширенной до 152 тыс. киловатт мощности Штеровской станции будет достаточно для покрытия нужд южного и части среднего Донбасса. Необходимость постройки Лисичанской станции в будущем, признаваемая и С. А. Кукель-Краевским, [1] не дает права оправдывать современное строительство станций Донсода, Краматорской, Константиновской и Славянской в размерах, превышающих внутренние ресурсы этих заводов, с расходованием крупных средств на это строительство, носящих характер палиативных мер.

3) Необходимо признать, что расположением двух крупных районных электростанций—Штеровской и Зуевской—на расстоянии 25—30 *км* друг от друга, создается фактически одна электростанция с малонадежными источниками водоснабжения, при постройке же Лисичанской электростанции на Сев. Донце и расширении Штеровки создаются две независимых крупных базы энергоснабжения Донбасса с большой обеспеченностью бесперебойной работы.

[1] См. „План. Хоз.“, № 10 за 1928 г., стр. 220.

А. Б. Маймин

Местные финансы и пятилетний план

В разработанном Госпланом пятилетнем плане народнохозяйственного строительства на этот раз проблемы районов получили весьма широкое и достаточно обстоятельное освещение. Тем самым оказался восполненным один из существеннейших пробелов прошлых вариантов пятилетки, на который было указано на XV с'езде партии. Именно это обстоятельство в значительной мере облегчает трактовку в плане проблем местного хозяйства, развитие которого связано с непосредственной хозяйственной и культурной деятельностью местных советов.

В своих предшествующих работах Госплан исходил из той общей предпосылки, что комплексные проблемы местного хозяйства в пределе перекрываются последовательным развертыванием и завершением процесса районирования страны. Следовательно, то, что можно было бы отнести к сфере местного хозяйства, как сумму частных проблем, легко укладывается в проектировку конкретных хозяйственных и культурных заданий, вытекающих из общего плана развития народного хозяйства в целом и каждого данного района в отдельности. Стержневым построением перспектив развития местного хозяйства в грядущем пятилетии продолжают оставаться местные бюджеты, поскольку в них в наиболее отчетливой и обобщающей форме могут быть отражены основные линии хозяйственного и культурного строительства местных советов. Это обязывает составителей плана к всестороннему и тщательному взвешиванию позиции местного хозяйства и местных финансов в общехозяйственном плане.

К сожалению, в практике нашего планирования при оценке об'ема местного строительства приходится сталкиваться, до самого последнего времени, с так называемым «методом балансирования». Некоторые товарищи склонны об'яснить это явление теми далеко нематериального свойства причинами, что в сознании руководящих плановых и регулирующих органов фигурируют обычно «две души»: одна центральная, а другая — местная. Во всяком случае, нам кажется, что попытки отыскания народнохозяйственного баланса путем грубого балансирования за счет ресурсов местного хозяйства заранее обречены на неудачу и на практике могут привести к тому опасному «раздвоению единства плановой воли», о котором настойчиво предупреждал нас тов. Ленин.

В самом деле, только при рассмотрении элементов местного хозяйства, как противоборствующих общехозяйственному целому, можно становиться на такой путь. Но это—не наш путь. Местные бюджеты призваны обслужить определенные участки общего плана и тем самым должны быть целиком подчинены целевым заданиям всей проектировки. Это тем более необходимо, что в действительности мы наблюдаем вполне отчетливо выраженную тенденцию на максимальное укрепление элементов централизованного планирования и регулирования местных бюджетов при одно-

временном расширении децентрализации исполнения. В этих условиях, чем дальше, тем больше местные финансы превращаются в дополнительный рычаг, аккумулирующий инициативу и творчество миллионных масс рабочих и крестьян, концентрирующих их волевые устремления на практическом претворении в жизнь гигантских строительных задач всего народнохозяйственного плана. Как известно, из общего об'ема местных ресурсов — нетто за предстоящее пятилетие по оптимальному варианту в размере 15 мрд. руб., примерно 8 мрд. составляются из отчислений и пособий государственного бюджета; отсюда можно понять всю глубину намечающихся структурных сдвигов во взаимоотношениях централизованного и децентрализованного сектора государственного хозяйства.

Таким образом, судьбы развития местных бюджетов органически увязываются с общими перспективами развития всей бюджетной системы государства. В этом сильная и слабая сторона перспективного плана местных бюджетов. Сильная сторона состоит в том, что план дает возможность продумано взвесить и определить, исходя из общей конструкции пятилетки, линии развития местных финансов, строжайшим образом увязав их с общехозяйственным планом в целом и отдельными его важнейшими отраслями; слабая сторона плана заключается в том, что в предстоящем пятилетии развитие местных бюджетов в основном обусловливается общебюджетным балансом, большое место в котором занимает промысловый налог, построенный с учетом разрыва цены и себестоимости промышленной продукции.

Было бы ошибочно думать, что местные финансы могут быть всецело ограждены от влияния текущей хозяйственной кон'юнктуры. Опыт последних лет показывает, что общие задачи индустриализации и социалистического строительства требуют посильного использования ресурсов всех звеньев финансовой системы, в том числе и местных бюджетов. Однако, при построении длительного перспективного плана, рассчитанного на ряд лет вперед, позиции местного хозяйства должны целиком определяться заданиями и целевыми ставками всей строительной программы плана. В отправном варианте пятилетки этот решающий принцип не был в должной мере соблюден, что неминуемо привело к видимому «разрыву» в темпах развертывания важнейших показателей местного хозяйства и всего нар.-хоз. плана.

В связи с этим недавно состоявшееся второе всесоюзное совещание плановых органов, посвященное обсуждению пятилетнего плана развития местных бюджетов, вынуждено было констатировать, что «темп роста местных бюджетов, запроектированный в отправном варианте пятилетки Госплана (+ 78%), заметно отстает от намеченного роста возрастания важнейших отраслей народного хозяйства и не обеспечивает возможность более или менее удовлетворительного разрешения задач, стоящих в области хозяйственного и культурного строительства местных советов (всеобщее обучение, дорожное строительство, коммунальное благоустройство, подтягивание зарплаты низового советского аппарата и т. д.)».

В печатаемых ниже статьях читатель найдет более или менее подробное изложение как самой методологии, так и основных линий развития местных бюджетов, запроектированных в пятилетнем плане по отправному варианту и получивших в общем и целом полное одобрение всесоюзного совещания по местному хозяйству. Но одновременно, как мы уже отметили, совещание решительным образом указало на явный разрыв в проектировках темпов развития местного хозяйства и всего пятилетнего плана. В абсолютном выражении этот разрыв определяется примерно суммой порядка 1 мрд. руб.

Состоявшийся в марте месяце V всесоюзный с'езд плановых органов, на котором были обсуждены основные проблемы пятилетнего плана, целиком учел это обстоятельство и дал соответствующие указания Госплану Союза. В результате в последующих проработках пятилетнего плана перспективная ориентировка местных бюджетов была выправлена в сторону значительного повышения: для отправного варианта примерно на 550 млн. руб. и оптимального — на 1,5 мрд. руб. за пятилетие, что было достигнуто, главным образом, за счет дальнейшего усиления размера отчислений и пособий местам, а также некоторого дополнительного расширения собственных доходных источников местного значения (по линии местных облигационных займов, усиления доходов от кино и т. д.).

Для того, чтобы определить возможный размах хозяйственного и культурного строительства местных советов и намечаемые качественные сдвиги в структуре местных бюджетов, следует сопоставить расходные ряды (нетто) двух смежных пятилетий:

	Первое пятилетие		Второе пятилетие (1928/29—1932/33)			
	1923/24—1927/28	В %% к итогу	Отправ. вариант	В %% к итогу	Оптим. вариант	В %% к итогу
	(В млн. руб.)					
Управление	1.492	25,0	1.980	15,0	2.070	14,0
Соц.-культурн.	2.487	41,0	6.403	46,0	6.941	46,0
Хоз. производств.	1.194	20.0	4.091	31,0	4.994	33,0
Прочие	917	14,0	1.118	8,0	1.065	7,0
Всего	6.090	100,0	13.592	100,0	15.070	100,0

Если же учесть еще те ресурсы, которые будут использованы на местное строительство по линии коммунального хозяйства в целом, включая сюда и хозрасчетные предприятия общественного пользования, то общий размер местных средств за пятилетие составит от 17 до 18,5 мрд. руб., или, примерно около одной пятой части всех финансовых ресурсов, которыми будет располагать в пятилетии все нар одное хозяйство. По этим вариантам местные бюджеты возрастают за пятилетие по отправному на 93% и оптимальному — на 132%, что в общем приближается к темпам роста важнейших народнохозяйственных показателей. Общий баланс местных средств более, чем удваивается, причем ежегодный темп роста местных бюджетов будет находиться на уровне 17—24%.

Но как в отправном, так и в оптимальном вариантах пятилетки местных бюджетов руководящая роль остается за государственным бюджетом, поскольку размер отчислений и пособий местам достигает от 7 до 8 мрд. рублей. Прямая зависимость местных бюджетов в предстоящем пятилетии от общебюджетного баланса выдвигает на очередь вопрос о бронированном минимуме отчислений и госпособий местам, который должен быть твердо установлен пятилеткой в целях создания более устойчивой материальной базы для планирования местного хозяйства. В тесной связи с этим встает и задача пересмотра положения о местных финансах. Совершенно невозможно проектировать развитие местных бюджетов в условиях «подвижного равновесия» положения о местных финансах. Не говоря уже о том, что с момента издания нового положения самой жизнью внесен целый ряд существенных поправок в законодательство о местных бюджетах, пятилетняя проектировка Госплана исходит фактически из двух вариантов размеров отчислений местам от промналога: 56,5% для отправного и 61% для оптимального.

Последующее обсуждение пятилетки покажет, в какой мере удастся удержаться на указанных позициях. Но уже сейчас совершенно очевидно, что пересмотр положения о местных финансах должен быть теснейшим образом увязан с пересмотром закона о бюджетных правах Союза и союзных республик и целиком определяться теми позициями, которые будут отведены местному хозяйству в пятилетнем плане развития всего народного хозяйства. Всякий иной метод пересмотра закона о местных финансах невольно находился бы в отрыве от тех хозяйственных и культурных задач, которые выдвигаются перед местными советами на ближайшие годы. По этому вопросу всесоюзное совещание по местному хозяйству также заняло вполне ясную позицию: «отправной вариант пятилетки местных бюджетов,— говорится в резолюции совещания,— целиком подтверждает необходимость более широкой разработки основ системы местных финансов в соответствии с новыми задачами, выдвинутыми реконструктивным периодом в области хозяйственного и культурного строительства местных советов и установления твердой финансовой базы для планирования местного хозяйства. В целях создания внутреннего единства во всей бюджетной системе Союза и его отдельных частей (союзный, республиканский и местные бюджеты), пересмотр положения о местных финансах должен быть самым тесным образом увязан с пересмотром закона о бюджетных правах Союза и союзных республик...».

Отсюда ясно, что ближайшим и, пожалуй, решающим этапом в реализации пятилетнего плана развития местных бюджетов должен явиться тщательный и под определенным плановым углом зрения произведенный пересмотр положения о местных финансах, обеспечивающий местам твердую базу для развертывания хоз. и культурного строительства.

Намечаемые масштабы и темпы строительной программы в оптимальном варианте пятилетки настойчиво требуют коренного пересмотра позиции местного хозяйства на важнейших участках общехозяйственного плана. Без решительного подтягивания явно отставшего фронта местного хозяйства, задуманный план развития народного хозяйства в целом рискует сделаться однобоким и не отвечающим идее пропорционального сочетания отдельных его элементов. Возвращаясь к оценке отправного и оптимального варианта пятилетки в выправленном виде, можно констатировать, что намечаемое возрастание об'ема местных ресурсов в два с лишним раза по сравнению с истекшим пятилетием, при столь заметном увеличении доли хозяйственно-производственных и культурных расходов и одновременно снижении доли управленческих и прочих затрат, несомненно, открывает перед местными советами широкий путь подлинного социалистического строительства.

Более, чем удвоенный рост социально-культурных затрат обеспечивает почти полное осуществление в предстоящем пятилетии плана всеобщего начального обучения, на который падает из местного бюджета по всей социально-культурной группе 2,3—2,5 мрд. руб. Значительно будет повышен материальный уровень народного учителя школ начального обучения, ставка зарплаты которого поднимается с 47 до 80—85 руб. к концу пятилетия. Заметный рост намечается также и по линии народного здравоохранения, которое является по общему признанию, пожалуй, наиболее отсталым участком местного хозяйства. Затраты на дело народного здравоохранения примерно удваиваются, причем общий размер средств на эту цель достигает за пятилетие 1,7 — 9 мрд. рублей.

В отправном варианте остается нерешенной, на наш взгляд, проблема подтягивания зарплаты работников низового советского аппарата. По отправному варианту намечается увеличение средней ставки председателя и секретаря низового совета к концу пятилетия до 32 руб., вместо 26 руб. в 1927/28 г. Такой рост зарплаты крайне недостаточен и заметно отстает от нарастания зарплаты по другим однородным категориям работников государственного аппарата. Правда, в оптимальном варианте ставка поднимается до 38 руб. или увеличивается за пятилетие на 50%, однако, совершенно необходимо в дальнейшем выправить этот отсталый участок также и в отправном варианте пятилетки.

Большие и ответственные задачи поставлены перед местным хозяйством в области коммунального, промышленного и дорожного строительства, а также по линии развития сельско-хозяйственных мероприятий.

Расчетные отношения между местным бюджетом и коммунальным хозяйством построены по принципу нейтрального сальдо. Это дает возможность увеличить валовую продукцию коммунальных предприятий, включая сюда и хозрасчетные, примерно в два раза, что в общем находится в соответствии с ростом городского населения и запроектированными темпами в области развертывания промышленности. Общий размер расходов по коммунальному хозяйству, включая сюда жильстроительство, благоустройство и предприятия общественного пользования, достигает за пятилетие 5,9 мрд. руб. Сверх этого в оптимальном варианте учтены 400 млн. руб. иностранных концессий. Тем не менее, несмотря на столь значительные затраты, общее состояние коммунального хозяйства, в особенности в крупных промышленных центрах (Донбасс и др.), продолжает оставаться на всем протяжении пятилетия весьма напряженным.

Другая крупная задача, которая поставлена в пятилетнем плане местного хозяйства, это — максимальное форсирование производства строительных материалов. С этой задачей в истекшем году места не справились, несмотря на твердую директиву, данную правительством. Ближайшие два года являются решающими в деле преодоления дефицита стройматериалов, чтобы более или менее безболезненно обеспечить всю строительную программу пятилетия. Кое-кто пытается использовать наши трудности на этом участке для того, чтобы обосновать невозможность быстрого темпа социалистической индустриализации. Местные советы должны мобилизовать все средства и усилия, чтобы сломать эту преграду. В связи с этим вложения в местную промышленность намечаются за пятилетие в пределах от 900 млн. руб. до 1.000 млн. руб., из которых значительная доля приходится на развитие производства строительных материалов, что продиктовано общим планом развертывания промышленности и намеченными темпами индустриализации страны.

На одну линию с народным учителем должна быть выдвинута на местах задача под'ема материального уровня советского агронома и воспитания пятимиллионного кадра деревенского агрономического актива из крестьян. Задача под'ема урожайности за пятилетие на 30—35% может быть успешно решена в том случае, если в плане будет коренным образом пересмотрено наше отношение к агрономическому персоналу. Решение последней сессии

ЦИК Союза о под'еме урожайности прямо указывает на то, что до сих пор в ряде районов агрономы не имеют даже возможности выезда на места и вынуждены проводить свою работу в канцеляриях, вместо того, чтобы в буквальном смысле слова дневать и начевать на крестьянских полях. Мы имеем в настоящее время в общей сложности армию в 10—12 тыс. агрономов, из которых более половины содержится на местном бюджете. Пятилетний план намечает примерно удвоение агрономических кадров страны. Местные советы должны показать в пятилетнем плане подлинную борьбу за советского агронома, за создание необходимых условий для работы и без того ограниченных кадров творцов социалистического земледелия. Поскольку задача под'ема урожайности непосредственно упирается в необходимость максимального расширения и качественного улучшения агрономической сети и всех мероприятий местного значения, связанных с проблемой реконструкции сельского хозяйства, из местных средств намечается затратить за пятилетие по линии сельскохозяйственных мероприятий от 800 до 1.000 млн. руб.

Не менее важной задачей в плане развития местных бюджетов остается дорожная проблема. Запроектированные в общем плане затраты дорожному строительству превышают 1 млрд. руб., из которых 650—850 млн. руб. падает на местный бюджет. Задача борьбы с бездорожьем может быть успешно решена лишь при условии максимального привлечения к этому делу, наряду с затратами государства, также и средств самого населения. В решении XV с'езда партии прямо указывается, что «особое внимание должно быть уделено развитию местного транспорта как по линии расширения дорожного строительства, так и механизации средств передвижения, в первую очередь в районах развитого товарного хозяйства. Специальное внимание местных органов советской власти должно быть привлечено к разрешению этой проблемы путем привлечения сил и средств, как местного насеелния, так и местных советов, так как недостаточное развитие местного транспорта служит одной из важнейших причин технической и культурной отсталости деревни». Сюда должны быть устремлены все усилия местных бюджетов, на которые возложена одна из крупнейших задач в деле преодоления нашего бездорожья.

В результате общий размер капитальных вложений местного бюджета за предстоящее пятилетие по отдельным отраслям местного хозяйства представляется в следующем виде (в млн. руб.):

	Отпр.	Оптим.
Коммунальное имущество	1.161	1.422
В том числе:		
а) жилфонд	823	891
б) гор. благоустройство . .	338	531
Местная промышленность	900	1.000
Сельское хозяйство	250	300
Дорожное строительство	540	640
Народное образование	700	800
Народное здравоохранение . .	250	300
Кино и радиостроительство . . .	100	150
Проч. строительство	200	250
Всего капитальных вложений . .	4.101	4.862

Таким образом из общей массы местных средств по обоим вариатам около 1/3 намечается затратить на расширение основных капиталов местного их хозяйства.

В оптимальном варианте оказалось возможным запроектировать также образование в местных бюджетах неприкосновенных резервных фондов на случай стихийных бедствий и т. д. в размере 200 млн. руб. за пятилетие, вместо 100 млн. руб. в отправном варианте. Незначительный размер резервов характеризует, несомнено, заметную напряженность перспективного плана местных бюджетов и недостаточную их маневренность.

Таковы в самых общих чертах пути развития местных бюджетов в предстоящем пятилетии и связанные с ними общие и частные проблемы местного строительства. Нет сомнения, что мы находимся в области развития местного хозяйства перед лицом крупнейших сдвигов, которых не знала Россия прошлого с ее «земским» хозяйством. Однако, оглядываясь назад и обозревая действительность сегодняшнего дня, нетрудно заметить, что в области уровня развития местного хозяйства мы далеко еще уступаем передовым капиталистическим странам.

Если в нескольких столичных городах мы имеем еще терпимое положение в области, скажем, коммунального хозяйства, то в десятках городов мелкого и среднего значения местное хозяйство продолжает оставаться на крайне низком уровне. Достаточно привести чрезвычайно любопытную справку о душевом расходе по благоустройству и предприятиям общественного пользования с выделением только двух крупнейших городов нашей страны — Москвы и Ленинграда (в рублях на душу):

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
1. Коммунальное благоустройство			
а) По Москве и Ленинграду	7,80	6,05	6,80
б) По всем проч. городам СССР . .	0,52	1,32	1,46
2. Предприятия общественного пользования			
а) По Москве и Ленинграду . . .	31,00	32,90	38,40
б) По всем проч. городам СССР . .	10,00	10,70	13,60

Если задаться весьма скромной целью (не по нашим масштабам, конечно) довести уровень душевого расхода по коммунальному благоустройству и предприятиям общественного пользования к концу пятилетия в среднем по всем городам СССР до среднего уровня Москвы и Ленинграда, то потребуется сверх запроектированных вложений в коммунальное хозяйство добавочно за пятилетие свыше одного миллиарда рублей новых затрат.

Другой пример — наша проблема бездорожья. По самым скромным подсчетам только для целей правильной амортизации существующей сети безрельсовых дорог, превышающей по протяженности 1 миллион километров, требуется за пятилетие затратить не менее 1 миллиарда рублей. Между тем примерно такую сумму мы в состоянии по нашим ресурсам выделить в пятилетнем плане на все нужды, связанные с преодолением проблемы бездорожья.

Подобных примеров можно было бы привести еще не мало. Оценивая под этим углом зрения перспективы развития местного хозяйства и местных финансов, с точки зрения гигантских и все растущих потребностей страны, невольно приходишь к мысли о крайне относительном благополучии на этом важнейшем участке пятилетки. Но это тем более обязывает нас, засучив рукава со всем революционным упорством стремиться претворить в жизнь намеченные в пятилетнем плане темпы развития местного хозяйства, которые в оптимальном варианте более или менее идут в ногу с общими показателями грандиозного плана социалистической реконструкции народного хозяйства.

А. А. Абуляк

Перспективы развития местных финансов СССР в пятилетие 1928/29—1932/33 гг.[1]

I

Истекшее пятилетие в развитии местных бюджетов СССР характеризуется высокими темпами нарастания об'ема местных доходов и расходов.

Общая масса средств, перераспределенных через местный бюджет за пятилетие 1923/24—1927/28 гг. превысила 6 млрд. руб. (без оборотных сумм по коммунальным предприятиям).

Большую часть своих доходов, свыше 50%, местный бюджет получил в истекшем пятилетии через систему прямого обложения; имущественные и хозяйственные доходы советов не достигли за этот период даже 25% всех поступлений, а коммунальные фонды, в частности, доставили всего 15—16% всей массы местных доходов. Очень незначительно было участие прибылей местной промышленности и торговли в питании местного бюджета — всего 300 млн. руб. или 5% общей суммы доходов, и совершенно ничтожны доходы от всех сельскохозяйственных фондов и предприятий — 150 млн. руб. или 2,5%, наконец, прочие источники дали местному бюджету за пять лет свыше 1.000 млн. руб., в том числе 200 млн. руб. прямых пособий из госбюджета и почти столько же через кредитную систему, преимущественно по линии Цекомбанка.

Таким образом, фактическое строение доходного бюджета местных советов за все прошлые годы свидетельствует о недостаточной хозяйственно материальной базе, которая могла бы без крупных налоговых средств широко финансировать одновременно и текущие общественные нужды и необходимое капитальное строительство. Между тем, сами по себе имущественные фонды и хозяйственные возможности на местах весьма значительны, если судить по размеру национализированных и муниципализированных имуществ, находящихся в распоряжении советов. Видимое несоответствие между размерами основных фондов и их рентабельностью можно об'яснить, отчасти тем, что в условиях восстановительного периода крупные имущественные фонды гораздо больше требовали от местных советов финансовых затрат, чем приносили им доходов. К тому

[1] В разработке статистических материалов настоящей статьи принимали участие научные сотрудники бюджетно-финансовой секции Госплана СССР тт. Е. Л. Цейтлина и В. В. Дынин.

же характер и природа этих фондов — жилищный, земельно-трудовой, школьный, лечебный, благоустройство и т. п.,— весьма ограничивает финансовую их эффективность.

Данные об использовании всей суммы местных средств за истекшее пятилетие показывают, что около 1.500 млн. руб., или почти 25% общей суммы доходов израсходовано на управление, в том числе на содержание судебно-охранительных институтов—427 млн. руб. Столь крупные расходы по управлению сами по себе не свидетельствуют о какой-либо расточительности или высокой обеспеченности местного административного аппарата, так как еще в настоящее время после значительных финансовых усилий и повышения ставок из года в год, массовые низовые работники, как, например, председьсовета, получают в среднем по Союзу 24—25 руб. в месяц, милиционеры — 36—37 руб. и т. д. Но приходится все же констатировать, что об'ем административных функций, местных советов поглощал в прошлом значительные средства и вызывал в известной мере напряженность местного бюджета.

Крупное место в расходном бюджете советов за прошлые годы принадлежит социально-культурному сектору — почти 2.500 млн. руб., или больше 40% итога за 5 лет. В круглых цифрах на народное образование затрачено 1.600 млн. руб., здравоохранение—750 млн. руб. и меры социального обеспечения — 114 млн. руб. Эти средства дали возможность значительно развернуть в последние годы, главным образом, сеть начального обучения—примерно на 31—32% по числу школ и на 41% по количеству учащихся. Однако, достижения здесь очень скромны, особенно с качественной стороны, если принять во внимание сравнительно низкие ставки зарплаты народного учителя — в среднем сейчас около 50 руб. в месяц, а также заметный недостаток школьных зданий. Несколько хуже обстоит с делом народного здравоохранения, которое в прошлые годы относительно слабо финансировалось местным бюджетом; при несомненном улучшении медицинской помощи населению в целом, необходимо констатировать весьма замедленный рост новых лечебных заведений, отстающий даже от роста населения. В самые последние годы наблюдается в отдельных случаях, в частности по РСФСР, даже некоторое ухудшение в сельских местностях показателей обеспеченности населения медицинской помощью — среднее количество населения на один врачебный участок и на одну больницу несколько повысилось, ставки медицинскому персоналу относительно весьма низки и т. д.

Таким образом, можно констатировать, что социально-культурные расходы в истекшем пятилетии оказались явно недостаточными по сравнению с теми задачами, которые стояли перед местным бюджетом.

Хозяйственно-производственные нужды—поглотили около 1.420 млн. руб., или почти 20% всех местных расходов. На коммунальное хозяйство было израсходовано 832 млн. руб. против общей суммы коммунальных доходов за то же время в 1.127 млн. руб., что дает сальдо в пользу бюджета 295 млн. руб. Но внутри коммунальных об'ектов доходными оказались почти исключительно торгово-промышленные помещения, а муниципализированный жилищный фонд, вследствие большой его разрушенности и низких ставок квартирной платы, далеко не покрывал за прошлые годы собственными доходами крупные затраты по восстановлению, ремонту и новому строительству. Таким образом, не меньше 20% доходов от коммунальных имуществ использовано на общебюджетные нужды.

Если учесть еще сальдо в пользу бюджета от коммунальных предприятий и внутренние расчеты коммунального хозяйства, то всего за 5 лет местный бюджет получил чистого дохода от коммунального хозяйства и сметных предприятий не менее 300 млн. руб., что, несомненно, задерживало развитие городского благоустройства. В результате вложенных в коммунальное хозяйство средств хотя имеются значительные достижения, однако далеко недостаточные даже в смысле завершения восстановительного процесса: не достигнута полная амортизация жилищного фонда и капитала благоустройства, часть коммунальных предприятий бездействует до сих пор, санитарно-технические предприятия чрезвычайно неудовлетворительны даже в крупнейших наших центрах, как Москва, Ленинград, Харьков, Ростов, не говоря уже о массе других средних городов. Таким образом, финансирование коммунального хозяйства в истекшем пятилетии необходимо признать весьма недостаточным.

На сельскохозяйственные мероприятия местный бюджет израсходовал в истекшем пятилетии свыше 200 млн. руб. при доходах от с.-х. фондов и предприятий в 150 млн. руб. В этой области сделано сравнительно очень мало, так как состояние агрономической и ветеринарной сети еще и поныне оставляет желать многого.

Еще меньше средств, всего около 160 млн. руб., было выделено местным бюджетом в прошлые годы на финансирование промышленности, причем подавляющая часть этой суммы приходится на последние два года отчетного пятилетия в связи с известной директивой СНК и СТО об увеличении ассигнований на местную промышленность. Если учесть, что доходов от местной промышленности поступило в местный бюджет за те же годы кругло 300 млн. руб., то можно определить сальдо в пользу местного бюджета в размере 140 млн. руб. за все 5 лет.

Таким образом, в период восстановления и расширения своих основных капиталов местная промышленность не только не получала нужных подкреплений из местного бюджета, но еще уступала часть своего накопления на общебюджетные нужды: в этом сказывается не столько фискальное отношение местных советов в прошлом к промышленности, сколько высокое напряжение местного бюджета. Заметный перелом в отношениях между местным бюджетом и промышленностью произошел в 1926 г.; еще более благоприятно для местной промышленности эти отношения намечаются в предстоящем пятилетии. На дороги местного значения — самую отсталую отрасль нашего народного хозяйства — местный бюджет израсходовал за 5 лет всего 160 млн. руб. При огромной протяженности безрельсовых дорог эта сумма, естественно, явно оказалась недостаточной тем более, что местный бюджет является почти единственным значительным источником финансирования безрельсовых дорог.

Подводя итоги основным линиям пятилетнего развития местных финансов, можно констатировать, что несмотря на абсолютную недостаточность и высокую напряженность местных ресурсов, значительные средства в размере 6.000 млн. руб., перераспределенные через систему местных бюджетов между важнейшими отраслями местного хозяйства, во многом содействовали поднятию материального и культурного уровня благосостояния широких трудящихся масс и создали необходимые предпосылки для планового развертывания в следующем пятилетии важнейших отраслей местного хозяйства в соответствии с общими задачами реконструкции народного хозяйства.

II

Во второе пятилетие своего существования местный бюджет вступает при несомненном солидном активе, но также и со значительным пассивом. Отсюда вытекает необходимость в ближайшие годы держать темпы роста местного бюджета на довольно высоком уровне, чтобы содействовать скорейшей ликвидации как тяжелого наследия дореволюционного, так и тех диспропорций и трудностей, которые имели место в недавнем прошлом и не изжиты еще теперь.

Строение доходного и расходного плана местных бюджетов по основным линиям показано в следующей таблице (табл. 1, стр. 234). Темп роста местных бюджетов за пятилетие составляет по округлении 78%, достигая максимального уровня в 1929/30 г. после двух относительно неблагоприятных для местных финансов лет всвязи с большой нагрузкой местных бюджетов новыми расходами и некоторой задержкой отчислений и пособий из госбюджета, а затем устойчиво держится на протяжении трех лет в пределах не ниже 10%. При этом можно заметить, что если на структуре доходов, при некоторых частных различиях, отражается в общем продолжение прежних тенденций (соотношение налоговых и неналоговых доходов), которые могли бы радикально измениться только в связи с полной реконструкцией всей советской финансовой системы, то расходный план уже намечает существенное перераспределение средств между главными группами финансируемых отраслей, применительно к основным социально-экономическим установкам: удельный вес культурных и хозяйственных затрат из года в год возрастает за счет сокращения административных и внеплановых расходов, а по темпу роста хозяйственно-производственные расходы, впротивовес прошлому занимают первое место, показывая за проектируемое пятилетие прирост в 128% при общем росте бюджета в 78%; причем наибольший прирост средств получают сельскохозяйственные мероприятия (191,7%), затем дорожное строительство (173,4%) и местная промышленность (171,8%).

Финансирование социально-культурного сектора возрастает на 98,5% в том числе по народному образованию на 105,8%, т.-е. несколько больше, чем в два раза. Удельный вес социально-культурных расходов в местном бюджете повышается от 44,3% в 1927/28 г. до 47,9% к концу пятилетия, а хозяйственно-производственных расходов с 25,1% до 31,4%.

Небезынтересно теперь сопоставить ряды двух смежных пятилетий.

Таблица 2

Финансирование местного хозяйства

(В млн. руб.)

	1923/24—1927/28 гг.	1928/29—1932/33 гг.	% роста
Социально-культурный сектор . .	2.460	6.153	150,1
Коммунальное хозяйство.	832	1.710	110,0
Местная промышленность	154	911	491,6
Сельское хозяйство	205	800	290,2
Дорожное строительство.	155	670	332,3
Все капитальные вложения . . .	1.050	3.851	266,8

По всем элементам финансирования местного хозяйства в предстоящем пятилетии намечается значительное увеличение ассигнований. Иную тенденцию показывают расходы на управление за два пятилетия — 1.518 млн. руб. и 1.930 млн. руб., что дает минимальный рост в общем плане финансирования. Не менее 25% составляли административные

Контрольные цифры пятилетнего плана по местным бюджетам СССР на 1928/29—1932/33 гг. (Отправной вариант в млн. руб.)

Таблица 1

Приходы

Наименование доходов	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	За 5 лет
А) Налоговые							
1. Местные налоги и сборы	155,0	211	230	250	273	296	1.260
В том числе: сбор с грузов	53,8	82	90	98	108	122	500
2. Надбавки к подоходному налогу и пошлинам	84	100	123	134	143	180	680
Итого (1 + 2)	239	311	353	384	416	476	1.940
3. Отчисления от госналогов	742	816	965	1.086	1.214	1.357	5.438
В том числе:							
а) от промналога	518	568	730	822	910	1 000	4.030
б) от сельхозналога	224	248	235	264	304	357	1.406
Итого (1 + 2 + 3)	981	1.127	1.318	1.470	1.630	1.833	7.378
Б) Неналоговые							
1. Коммунальное хозяйство [1]	256,5	270	290	338	367	390	1.650
2. Промышл. и торговля	108	119	219	239	267	289	1.138
3. Сельск. хозяйство	28	28	29	31	33	36	157
Итого (1 + 2 + 3)	392,5	417	538	603	667	715	2.940
4. Отчисления от госдоходов	112	136	155	167	185	203	846
В том числе лесной доход	98	109	125	135	150	167	686
Итого (1 + 2 + 3 + 4)	504,5	553	693	770	852	918	3.786
В) Прочие							
1. Отчисления от госзаймов	15	48	60	65	70	77	320
2. Госпособия	54,8	51	59	75	95	120	400
3. Местн. займы и долгосрочн. ссуды [2]	25	35	40	45	55	75	250
4. Разные	199	195	190	180	175	160	900
Итого (1 + 2 + 3 + 4)	293,8	329	349	365	395	432	1.870
Всего местн. доходов (А + Б + В)	1.779,3	2.009	2.360	2.605	2.877	3.183	13.034

[1] В доходах от коммунального хозяйства доходы коммунальных предприятий пока
[2] Без займов на коммунальное хозяйство.

Расходы

Наименование расходов	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	За 5 лет
А) Управление							
1. Исполкомы и советы	235	225	230	235	240	250	1.180
2. Суд и охрана общ. пор.	125	130	140	150	160	170	750
Итого (1 + 2)	360	355	370	385	400	420	1.930
Б) Хоз. производств.							
1. Коммун. хозяйство	227,9	267	304	347	384	408	1.710
2. Промышленность	85	89	181	195	215	231	911
3. Сельское хозяйство	72	100	130	165	195	210	800
4. Пути сообщения	64	90	115	135	155	175	670
Итого (1 + 2 + 3 + 4)	448,9	546	730	842	949	1.024	4.091
В) Социально-культурные							
1. Народное образование	520	600	720	860	950	1.070	4.200
2. Здравоохранение	275	248	278	316	353	405	1.600
3. Соц. обеспечение	47	52	58	68	78	97	353
Итого (1 + 2 + 3)	792	900	1.056	1.244	1.381	1.572	6.153
Г) Прочие	178,4	208	204	134	147	167	860
Всего местн. расходов (А + Б + В + Г)	1.779,3	2.009	2.360	2.605	2.877	3.183	13.034

заны только отчислениями от их прибылей.

расходы в местном бюджете прошлого пятилетия и только 14,8% запроектировано на эти же нужды в предстоящем пятилетии.

В таких жестких лимитах возможно только незначительное подтягивание чрезвычайно низких ставок зарплаты низовых советских работников, что можно иллюстрировать следующим примерным расчетом: председатель сельсовета вместо 24 руб. в среднем по Союзу месячной зарплаты в 1927/28 г. будет получать в конце пятилетия — 30 руб., милиционер соответственно 36 и 45 руб.

Таблица 3

План всеобщего начального обучения на пятилетие 1928/29—1932/33 гг. по источникам финансирования

(В млн. руб.)

	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	За 5 лет
Местный бюджет	320	370	475	535	630	2.330
Госбюджет	13	14	16	18	20	81
Цутранпрос	16	18	19	21	23	97
Самообложение	49	46	52	60	70	277
Спец. средства ведомств	4	4	5	5	6	24
Всего по всем источникам	402	452	567	639	749	2.809
Исчислено необходимых средств для развертыв. плана	459	494	639	641	680	2.913

Крупнейшие об'екты финансирования располагаются в следующем порядке: на проведение плана всеобщего обучения обеспечивается из местного бюджета на пятилетие 2.330 млн. руб. против общей потребности по всем источникам в размере около 3.000 млн. руб. или 80% всех потребных средств (табл. 3). Таким путем по произведенным расчетам удастся в течение пятилетия открыть около 100.000 новых комплектов начальной школы с охватом детей школьного возраста до 93—94% и повышением ставок зарплаты учителя на 75—80%.

Этот план финансирования дает возможность в течение пятилетия обеспечить новыми зданиями контингенты вновь вовлекаемых детей школьного возраста, при значительно расширенной норме кубатуры, в 15,8 $м^3$ на одного учащегося. Стоимость 1 $м^3$ в среднем за пять лет определяется в 10 руб. с учетом снижения строительного индекса на 24% (по каменным зданиям 38%, по деревянным — 20%). Общее изменение структуры народного образования и здравоохранения по местным средствам характеризуется табл. 4 (стр. 237).

В коммунальном хозяйстве не только должна быть достигнута полная амортизация муниципализированных фондов, но заметно улучшится также общее благосостояние городов, причем в жилищное строительство местными советами будет вложено свыше 800 млн. руб., что должно увеличить муниципальный жилфонд, из расчета 100 руб. метр, на 8.000 тыс. $м^2$. Финансирование местной промышленности полностью отвечает даже оптимальному варианту ВСНХ, включая электростроительство местного значения и является резким контрастом практики прошлых лет.

Таблица 4

	1927/28 г.		1932/33 г.	
	Абсол. (в млн. руб.)	В %% к итогу	Абсол. (в млн. руб.)	В %% к итогу
Структура бюджета народного образования на 1928/29—1932/33 гг.				
Зарплата	416	80,0	750	70,0
Инвентарь и оборудование	21	4,0	60	6,0
Капит. ремонт и новое строительство	47	9,0	200	18,0
Остальные расходы (опер.-хоз. и др.)	36	7,0	60	6,0
Итого	520	100,0	1.070	100,0
Структура бюджета народного здравоохранения				
Зарплата	117	52,0	205	50,0
Инвентарь и оборудование	9	4,0	30	8,0
Капит. ремонт и новое строительство	22	10,0	60	15,0
Остальные расходы (опер.-хоз. и др.)	77	34,0	110	27,0
Итого	225	100,0	405	100,0

Принимая размеры капитала планируемой промышленности по балансу на 1/X 1928 г. в 1.462.380 тыс. руб. (по данным НКФ) следует признать вложения из местных средств в 900 млн. очень крупными, хотя эффективность этих вложений в плане отразить невозможно.

Финансирование с.-х. мероприятий в размере 800 млн. руб. рассчитано таким образом, чтобы увеличить количество агрономов, содержимых на местном бюджете, на 3.000 при двух агроучастках на один район, и количество ветврачей на 2.000 человек также при двух ветпунктах на район с повышением ставок тем и другим на 50—60%. Всего агрономическая и ветеринарная помощь населению обойдется за пятилетие местному бюджету в 450 млн. руб., капитальные вложения составят 250 млн. руб. и 100 млн. руб. пойдет в основной капитал системы с.-х. кредита. Надо признать, что намеченное финансирование является минимумом, без которого едва ли осуществима директива о повышении урожайности на 30—35%.

Финансирование шоссейных и грунтовых дорог местного значения в размере 670 млн. руб., в том числе 500 млн. за счет целевого потонного сбора, рассчитано на капитальные вложения в 540 млн., из коих на капитальный ремонт намечено 240 млн. и на новое строительство 300 млн. руб. Остальные 130 млн. руб. пойдут на текущий ремонт и содержание дорог. Общий бюджет дорог местного значения исчислен в 1.095 млн. руб. на пятилетие:

Таблица 5

Финансирование дорожного строительства
(В млн. руб.)

	1928/29 г.	1932/33 г.	За 5 лет
Местный бюджет	90,0	200	670
Трудовое участие населения	23,5	120	370
Промышленность	3,0	5	20
Самообложение	3,0	5	19
Местный отпуск строит. материалов	2,5	4	16
Итого	122,0	334	1.095

Реальность последней цифры вызывает некоторые сомнения, но по недавно изданному закону возможности привлечения труда населения на дорожное строительство действительно огромны. Капитальные вложения в местном бюджете распределяются между следующими об'ектами:

Таблица 6

Капитальные вложения местных бюджетов СССР по контрольным цифрам пятилетнего перспективного плана на 1928/29—1932/33 гг.

(Без коммунальных предприятий)

Отрасли местного хозяйства	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	За 5 лет
Коммунальн. имущества							
а) Жилфонд	96	131	145	161	187	199	823
б) Городск. благоустр.	32,0	42	54	70	83	89	338
Итого	128	173	199	231	270	288	1.161
Местная промышл.	82	90	174	191	214	231	900
Народное образование	45	50	80	120	150	200	600
Дорожное строительство	52	84	95	106	120	135	540
Сельское хозяйство	23	30	40	50	60	70	250
Здравоохранение	20	25	30	38	47	60	200
Прочие	32	30	35	40	45	50	200
Всего	382,5	482	653	776	906	1034	3.851

Слабыми участками плана являются здравоохранение и социальное обеспечение. Едва можно будет увеличить за все пятилетие количество больничных коек всех видов на 50.000, или на 25%, против фактического количества, а число врачей на 8.000 с повышением ставок зарплаты на 50—50% при намеченных в плане затратах в 1.600 млн. руб. Тут можно было бы рассчитывать на бюджет соцстраха в деле качественного повышения медицинской помощи но, как известно, в последнее время практикуются заметные из'ятия из лечебного фонда. Неблагоприятны перспективы развертывания мероприятий социального характера — охват инвалидов в домах призрения может увеличиться лишь на 5—6 тысяч человек к концу пятилетия, а военный пенсионер будет получать в год всего 156 руб., или на 10% больше, чем в 1927/28 г. Не приходится говорить о крайней недостаточности средств на активную борьбу местных советов со многими неизбежными еще в ближайшие годы социальными явлениями, как безработица, беспризорность и т. п.

Неудовлетворительно также выглядит материальная обеспеченность массового советского аппарата, особенно сельского, в ближайшем пятилетии по плану местных бюджетов. Едва ли жизненно повышение фонда зарплаты массовых работников местного управления всего на 25—30% за пятилетие, особенно при тех требованиях, которые будут пред'явлены к местному советскому аппарату выполнением высоконапряженного хозяйственного плана; но только при таком условии, исходя из прироста всех расходов на управление всего на 16,7%, оказались возможными сравнительно высокие темпы финансирования хозяйственных и культурных нужд.

Таким образом, в решающих отраслях местного хозяйства количественные масштабы и качественные отношения меняются выгодно в предстоящем пятилетии против истекшего, но вместе с тем ряд существенных нужд не получает достаточного удовлетворения в рамках бюджетного баланса, который намечен планом. Последний составлен также без всяких резервов, что вряд ли допустимо в большом хозяйстве местных советов. Возникает явная необходимость в изыскании дополнительных средств для ослабления напряженности плана и сохранения бюджетного равновесия. По приблизительным расчетам сумма в пределах 800—1.000 млн. руб. могла бы заметно улучшить финансирование местного хозяйства в ближайшие годы, в том числе 200 млн. руб. требуется дополнительно на здравоохранение, 200 млн. руб. на с.-х. мероприятия, 100 млн. руб. на социальное обеспечение, 100 млн. руб. на низовой советский аппарат и 200 млн. руб. на народное образование всех видов.

Анализ доходной части плана приводит к заключению, что главной причиной высокой напряженности местного бюджета является недостаточная устойчивость его финансовых источников, в частности новелл последних двух лет и предположенное распространение их влияния на дальнейший период; состояние местного бюджета и возможность его планового развития требует в первую очередь фиксации на длительный период твердых взаимоотношений с государственным бюджетом. Во всяком случае, следовало бы сохранить в отправном варианте установленный законом процент отчислений в местный бюджет от промналога, что в значительной мере облегчило бы положение, увеличив сумму местных средств против настоящего проекта на 600—700 млн. руб. Можно также, несмотря на значительное повышение в текущем году ставок главнейших местных налогов (потонный сбор, налог со строений), наметить некоторые жизненные формы местного целевого обложения и преимущественно сельского населения, в распоряжении которого по финансовым результатам нар.-хоз. плана могут остаться значительные денежные сбережения,

в частности следует обсудить вопрос о введении порайонного денежного дорожного сбора, который мог бы оказаться значительно реальнее и эффективнее трудовой повинности. Не исключена возможность и других видов целевого обложения на культурное строительство. Инициатива в этом направлении принадлежит республикам и районам.

Но центр тяжести в усилении местных средств надо все же искать в области неналоговых источников. Однако, старые методы здесь многого дать не могут, хотя нельзя отрицать возможности в порядке рационализации добиться большей доходности земельного, жилищного и других крупных фондов местного хозяйства. Но главное внимание следует заострить на новых формах привлечения средств населения путем платного обслуживания его культурных запросов. Здесь может сыграть не малую роль широкое внедрение местными советами в самые глубинные населенные пункты таких высокорентабельных предприятий, как кино, радио и т.п. Некоторые средства для развития этого дела следовало бы отпустить в порядке субвенции из госбюджета или через кредитную систему, что даст возможность включить с течением времени в бюджетную систему весьма полезный, доходный и созвучный современной действительности финансовый источник.

Вместе с тем, вполне назрело разрешение в ближайшие годы проблемы местных облигационных займов. Опыт Моссовета в текущем году по выпуску займа в 20 млн. руб. на нужды культурного строительства и благоустройства должен получить широкое распространение. Причем здесь могут быть использованы местными советами те сбережения населения, которые мало доступны централизованному государственному кредиту в зависимости от общих и кон'юнктурных особенностей отдельных районов. Для реализации местных займов имеются благоприятные симптомы в запроектированных темпах роста благосостояния городского, особенно сельского населения. Нельзя считать нормальным то положение, что довольно крупные денежные сбережения сельского населения до настоящего времени в самой ничтожной мере питают систему кредита.

Таким образом предварительная наметка плана развития местных бюджетов в целом по Союзу, требуя в дальнейшем тщательной и детальной конкретизации по республикам, районам, отраслям и главнейшим элементам, позволяет, однако, уже на данной стадии сделать следующие основные выводы: а) полное развернутое планирование местных финансов возможно лишь на базе синтезированных хозяйственных и культурных планов мест; б) отправной вариант местных бюджетов далеко не в полной мере отвечает необходимым темпам развития важнейших отраслей хозяйства; в) сильное напряжение системы местных финансов в настоящем и ближайшем будущем, а также недостаточное финансирование по отправному варианту некоторых насущных потребностей на местах диктует необходимость изыскания дополнительных средств как по линии пересмотра закона о местных финансах и целевых сборах, так, главным образом, путем использования сбережений населения местными займами и предоставления широким массам платных культурных услуг; г) необходимо обеспечить для местного бюджета на пятилетие полную устойчивость его доходных источников и обязательных расходов.

Финансовая программа пятилетия к настоящему моменту уже получила свое выражение в оптимальном варианте. Между тем, как раз в отправном варианте всего народнохозяйственного плана среди многочисленных ответственных участков наиболее урезанным, сжатым и напряженным оказывается, как выше было изложено, местный бюджет. Такое положение создалось, главным образом, потому, что для финансирования грандиозных строительных задач пятилетия государственный

бюджет вынужден был искать баланса отчасти за счет местного бюджета, который по отправному варианту недополучает всех причитающихся ему по закону отчислений от запроектированного промналога. В результате доходы местного бюджета получают прирост только на 78% за пятилетие, в то время когда все финансовые ресурсы по единому финансовому плану возрастают на 105%, а госбюджет на 98,5%.

В таком виде местный бюджет уже в отправном варианте может служить источником некоторых диспропорций между развитием основных элементов местного хозяйства и теми требованиями, которые вытекают из всего народнохозяйственного плана. Поэтому в дальнейшей обработке отправного варианта необходимо тщательно взвесить и определить минимум недостающих местному бюджету средств. Но более или менее радикально выправить все будущее развитие системы местных финансов можно будет, очевидно только на основе оптимальной финансовой программы, которая будет иметь достаточный простор для установления более гармоничного развития государственного и местного бюджета.

В. С. Новиков

Финансы коммунального хозяйства местных советов на 1928/29—1932/33 гг.

I

Впервые коммунальные финансы представлены в пятилетней перспективе в полном об'еме, охватывая все доходные источники и все расходы коммунального хозяйства. Естественно такое построение плана значительно выигрывает сравнительно с предыдущими проектировками, оперирующими только бюджетной частью коммунальных доходов и расходов. Получение полного баланса коммунальных ресурсов зависит от присоединения к бюджетным данным средств долгосрочных коммунальных займов и бюджета коммунальных предприятий, независимо от того, состоят ли последние на бюджете или на хозрасчете. Именно отсутствие данных по двум последним источникам не позволяло до сих пор получить полной картины коммунальных финансов. Однако, путем приближенных исчислений, основанных, с одной стороны, на соответствующей отчетности, а с другой — на анкетно-статистическом материале, в конце-концов оказалось возможным составить баланс коммунальных финансов, как в динамике за прошлые года, так и на будущее пятилетие.

При существующей несогласованной системе отчетности коммунальных банков и местного бюджета и при отсутствии регламентированной сводной отчетности для хозрасчетных коммунальных предприятий, такой путь приближенных исчислений пока остается единственным для ориентировки в финансовых вопросах коммунального хозяйства.

Приближенность исчислений не может, однако, заметно отклонять их результаты от действительности, так как в процессе расчета, его отдельные элементы всесторонне увязывались с бесспорными отчетными данными.

В основание проектировки, кроме того, был положен ряд принципиальных установок экономического и хозяйственно-оперативного порядка, подвергшихся согласованию с соответствующими заинтересованными учреждениями и организациями.

Главнейшие из них для коммунальных предприятий заключаются в необходимости по крайней мере удвоения к концу пятилетия валовой продукции, снижения себестоимости против 1927/28 г. по меньшей мере на 25% при сохранении неизменного соотношения между валовой выручкой и об'емом валовой продукции, что обозначает неизменный средний уровень цен на коммунальные услуги, при урегулировании отдельных ненормальностей в области тарифов на них и усиление долгосрочного кредитования на строительство.

По домовому хозяйству его реконструирующим элементом является прекращение непосредственной эксплоатации жилищ отделами местного

хозяйства путем передачи соответствующих домов на хозрасчет или в кооперацию.

По внешнему благоустройству основная линия проектировки должна быть направлена в сторону усиления процентного отношения сумм, затрачиваемых на благоустройство к суммам, расходуемым на жилстроительство.

В области взаимоотношений между местным бюджетом и коммунальным хозяйством на протяжении пятилетия предусматривается нейтральное (нолевое) сальдо по расчетному балансу между ними.

Эти предпосылки мыслились при сохранении в общих чертах существующего «Положения о местных финансах» и прочего законодательства в области коммунального хозяйства.

Кроме того, проектировка естественно должна была согласовываться с перспективными предположениями системы коммунального кредита, жилищно-строительной кооперации, госбюджета и т. д.

Исчисленный таким образом общий баланс приводит к некоторому дефициту, покрываемому за счет местного бюджета в суммах, равных поступлению от дополнительной земельной ренты и целевого квартирного налога, двух видов доходов формально не принадлежащих коммунальному хозяйству, но по существу получаемых за счет его использования.

II

В целом доходная сторона баланса, очищенная от оборотных сумм по долгосрочным кредитам для коммунальных предприятий сконструировалась на пятилетие в следующих суммах.

	Млн. руб.	%
Собственных средств	4.213	82,0
Заемных средств	726	14,4
Дефицит, покрываемый бюджетом	190	3,6
Итого	5.129	100

К заемным средствам присчитано 38 млн. руб. из республиканских бюджетов, являющихся в действительности безвозвратными субсидиями.

За истекшие четыре года, начиная с 1924/25 г. эти же соотношения были таковы (здесь и ниже 1927/28 г. подсчитан по назначению):

	Млн. руб.	%
Собственных средств	2.085	84,3
Заемных средств	310	12,4
Дефицит, покрываемый бюджетом	84	3,3
Итого	2.480	100

Недостаточность заемных средств, остающихся на грядущее пятилетие, в процентном отношении почти на уровне прошлых лет является основным недостатком всей проектировки, влекущей за собой усиление финансового напряжения внутри коммунального хозяйства.

В общих итогах все доходы растут ежегодно на 14—15%, против 10% в 1926/27 и 1927/28 гг. и против 8% в 1928/29 г. Усиление темпов роста происходит, главным образом, за счет доходов коммунальных предприятий, развивающихся несколько сильнее, чем другие отрасли коммунального хозяйства.

В расходной стороне пятилетние итоги сводятся к таким суммам:

	Млн. руб.	%
Расходы по домовому хозяйству	1.292	25,1
„ на благоустройство и земельн. хоз.	774	15,2
„ по коммунальным предприятиям	2.935	57,3
„ „ содерж. отделов местного хоз	128	2,4
Итого	5.129	100

Те же данные за 1924/25—1927/28 гг. дают следующие результаты:

	Млн. руб.	%
Расходы по домовому хозяйству	565,4	25,1
„ на благоустройство и земельн. хоз. .	296 0	13,0
„ „ предприятия	1.301,3	58,0
„ по содержанию отделов	104,3	4,9
Итого . . .	1.267	100

Разница между доходами и расходами в 213 млн. руб. представляет собой сумму, изъятую из коммунального хозяйства на усиление доходов местного бюджета.

В общем проектировка несколько улучшает положение благоустройства, подымая удельный вес его ассигнований на 17%, но все же в данном случае нет таких сдвигов, которые позволили бы говорить о реконструкции коммунального бюджета. Недостаточное повышение расходов на благоустройство несомненно является дефектом перспективного плана.

Необходимо остановиться на том, каким образом удалось достичь равновесия внутри коммунального бюджета. Для ясности можно провести параллельные сопоставления по отдельным хозяйственным отраслям, как они отражены в плане и каково было их соотношение за прошлые годы.

Домовое хозяйство

	1924/25—1927/28 гг.	1928/29—1932/33 гг.
Доходы	830,2	1.434,0
Расходы	565,4	1.292,0
Остаток	264,8	142,0

Коммунальные предприятия

Доходы	1.395,7	3.185,0
Расходы	1.301,3	2.935,0
Остаток	94,4	250,0

Прочие доходы[1] и расходы

Доходы	254,1	510,0
Расходы	399,3	902,0
Дефицит	145,2	392,0

Следовательно, в прежние годы из суммы положительных остатков в 359 млн. руб. по домовому хозяйству и коммунальным предприятиям обращалось на благоустройство и содержание отделов местного хозяйства около 146 млн. руб., а остальные 213 млн. руб. вовсе изымались из коммунального хозяйства.

На предстоящее пятилетие недостающие суммы по этим же статьям покрываются в 250 млн. руб. прибылями коммунальных предприятий и в 142 млн. руб. прибылями домового хозяйства, перераспределяемыми через бюджет между остальными отраслями коммунального хозяйства. Тяжесть финансирования таким образом перелагается в пятилетие с домового хозяйства на коммунальные предприятия. Такое положение оказывается возможным, вследствие снижения себестоимости на коммунальные услуги и сохранения тарифов в уровне 1927/28 г. Но и в дальнейшем домовое хозяйство и коммунальные предприятия будут питать внешнее городское благоустройство.

Любопытно сопоставить общий об'ем расходов по коммунальному хозяйству с городским населением. Оказывается на душу городского населения приходится: в 1924/25 г.— 20,9 руб., в 1927/28 г.— 29,0 руб. и в 1932/33 г. — 46,0 руб. Этот, разумеется, совершенно условный показатель, если признать его действительно характеризующим обслуживаемость населения коммунальными услугами, показывает рост за пятилетие на 58,6%. Сумма всех доходов вырастает за то же время на 78%, а расходов на 81%.

[1] Включая дополнительную ренту и целевой квартирный налог.

Таковы в общих чертах важнейшие элементы проектировки коммунальных финансов.

III

В общем балансе коммунальных финансов доходы домового хозяйства исполкомов сводятся за пятилетие к следующему виду:

	Млн. руб.	%
Доходов от эксплоатации муниципализированного фонда . .	1.080	75,0
Заемных средств и республиканских фондов	354	25,0
Итого . . .	1.434	100
Кроме того, целевой квартирный налог	22	
Всего . .	1.456	

За предыдущие четыре года те же доходы представляются таким образом:

	Млн. руб.	%
Доходы от эксплоатации муниципализированного фонда . .	635	76,5
Заемные средства и республиканские фонды	195	23,5
Итого . . .	830,0	100
Сверх того целевой квартирный налог	21,1	
Всего . . .	851,1	

Некоторое усиление долгосрочных заемных средств в бюджете домового хозяйства недостаточно для того, чтобы изменить общую структуру его доходов. И, кроме того, рост доходов, увеличивающихся к концу пятилетия всего на 36,5% происходит несомненно замедленным темпом.

На грани двух последних лет доходы от эксплоатации мунифонда почти приостановились в росте и общий об'ем доходов в 1928/29 г. по сравнению с предыдущим годом остался почти неизменным. В данном случае, основными факторами, замедлившими увеличение доходности явилось, во-первых, сокращение аренды торгово-промышленных помещений, вызвавших в некоторых местах снижение доходов даже в абсолютных цифрах и, во-вторых, постепенное выпадение из бюджета валовых доходов по домовому хозяйству, связанное с уменьшением количества домов, непосредственно эксплоатируемых отделами местного хозяйства. Последний фактор продолжает действовать и на протяжении следующих лет вплоть до 1931/32 г., когда непосредственная эксплоатация совершенно ликвидируется. Развертывание в будущем торговый сети, имея в виду льготы кооперации по аренде помещений, может дать лишь незначительный прирост доходов.

Проектировка, учитывая эти обстоятельства, в то же время предусматривает рост квартирной платы, примерно в размере 35 — 40% и увеличение отсюда арендной платы, которая должна возрасти также и от рационализации хозяйства. В результате, подсчеты привели к 237 млн. р. доходов только от эксплоатации мунифонда в 1932/33 г., т.-е. к росту против 1927/28 г. на 38%.

Размеры долгосрочных займов на жилищное строительство определились проектировкой по системе коммунального кредита, зависящей от ассигнований по государственному бюджету и специальных капиталов на жилищное строительство, определяемых в свою очередь законодательством.

Расходы по домовому хозяйству запроектированы следующим образом:

	1924/25—1927/28 гг.		1928/29—1932/33 гг.	
	Абс.	в %%	Абс.	в %%
Эксплоатация и ремонт	173,3	30,6	115	8,8
Образование фондов	197,5	34,9	823	63,7
Долгосрочные займы по жилстр. и республиканск. фонды (без кредитов за счет фондов рабжилстроительства)	194,6	34,5	354	27,5
Итого	565,4	100,0	1.292	100,0

Все расходы, в сущности, определяются ассигнованиями на образование специальных капиталов жилстроительства, которые, особенно в связи с сокращением чисто эксплоатационных расходов, будут представлять основной вид расходов в этой хозяйственной отрасли. При таком росте этих ассигнований естественно долгосрочное кредитование будет в удельном весе постепенно уменьшаться.

Между местными советами и банками коммунального кредита установилась крайне сложная система взаимоотношений: с одной стороны, местный бюджет передает в банки капиталы для кредитования других застройщиков, с другой стороны—исполкомы сами получают кредиты и частично за счет тех же передаваемых средств. Раньше это положение относилось только в фондам на рабжилстроительство. За последние годы такое же положение начинает устанавливаться и в отношении специальных капиталов жилфонда.

Таким образом, расходы местного бюджета на жилсторительство не означают суммы, непосредственно затрачиваемой исполкомами на сооружение зданий. Кроме того, из уже выстроенных исполкомами домов, часть их передается кооперации с переводом на нее же банковского долга. Схематично расчет за пятилетие между местными советами и банками можно представить в таком виде:

Передается банкам местными советами

	Млн. руб.
По фонду рабжилстроительства (с отнесением сюда же ассигнований Моссовета на рабжилстроительство)	350
По специальным капиталам жилфонда	214
Итого	564

Будет выдано местным советам долгосрочных займов

С учетом кредитования за счет рабжилстроительства)	433
Сальдо в пользу банков	131

Все непосредственные затраты исполкомов на сооружение зданий и источники финансирования на пятилетие таковы:

	Млн. руб.
Заемные ресурсы	433
Собственные средства (капиталы жилфонда)	259
Республиканские бюджетные средства	38
Итого	730

Если сопоставить общую сумму средств, затрачиваемых местными советами на жилищное строительство и сумму образуемых местным бюджетом фондов, то последние окажутся всего примерно на 100 млн. руб. больше первых. Между тем из фондированных средств исполкомы непосредственно затрачивают лишь 214 млн. руб., остальные же возвращаются им

через кредитные операции. Следовательно, очерченная выше сложная схема взаимоотношений и перерасчетов служит главным образом для перераспределения ресурсов между отдельными местными советами, но не увеличивает тех средств, которые по законодательству местный бюджет обращает на жилищное строительство. Иначе говоря, средства, выделяемые бюджетом в специальные капиталы жилфонда могут покрыть всю программу исполкомовского строительства и сверх того уделить до 100 млн. руб. на кредитование других застройщиков, преимущественно кооперации. Такое соотношение получается, однако, лишь при том выдержанном в плане условии, что за счет исполкомов значительно усиливается строительство кооперации, которая за пятилетие получит 45% специальных капиталов жилищного фонда. Указанная установка рассчитана на усиление процессов кооперирования в жилищном строительстве, на мобилизацию для последнего средств населения и, наконец, на планомерное погашение, а следовательно, накопление средств местного бюджета, выделяемых в специальные капиталы жилищного фонда.

Как уже указывалось, основной предпосылкой расчетов по коммунальным предприятиям являлась установка на удвоение к концу пятилетия валовой продукции. Необходимое для этой цели наращение основного капитала в условиях всей пятилетки и напряженного состояния финансов может быть покрыто, преимущественно за счет внутренних накоплений коммунальных предприятий. Расчеты показали, что возможность соответствующих накоплений обусловливается, главным образом, двумя факторами: с одной стороны, повышением производственной эффективности основных капиталов, которая теперь необычайно низка и которая необходимо должна быть повышена путем «уплотнения» основного капитала и, с другой стороны — сохранением существующей тарификации на коммунальные услуги при одновременном снижении себестоимости минимум на 25%.

Вопрос о возможности дальнейшего увеличения производственной эффективности коммунальных предприятий не должен вызывать сомнений. По имеющимся данным на протяжении 1924/25 — 1926/27 гг. эффективность возросла на 8%. Но указанные годы были временем экстенсивно идущего процесса восстановления и работы предприятий на основном капитале, изношенность которого в иных случаях была более 50%. Учитывая повышающиеся затраты на капитальный ремонт и переоборудование старых предприятий, в пятилетии предусматривается повышение эффективности на 16%.

Снижение себестоимости при неизменном уровне цен увеличивает прибыли на 315 млн. руб. за пятилетие, что составляет 27% от суммы всех капитальных вложений. Сохранение существующего уровня цен, стоящее в противоречии с их снижением на промышленные товары, необходимо, однако, в целях сохранения минимальных темпов развертывания коммунальных предприятий. Само собой понятно, что строительство этих весьма капиталоемких сооружений за счет, главным образом, текущих доходов, а не долгосрочных кредитов, не может не вызвать известной дороговизны коммунальных услуг. Но, с другой стороны, снижение цен означало бы сужение материальной базы для строительства и тем самым ограничение городского населения в потребление электроэнергии, воды и т. д.

Общий расчет по финансированию коммунальной промышленности, бюджетной и хозрасчетной, произведен на основании условных и ориентировочных данных об основных капиталах, валовых доходов и расходов и еще некоторых элементов, исчисленных Управлением местных финансов НКФ СССР.

На вышеизложенных основаниях для каждого года исчислялись возможные затраты на новое строительство при учете располагаемых заемных

Финансы коммунального хозяйства местных советов на 1928/29—1932/33 гг.

Отправной вариант (в млн. черв. руб).

Доходы	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	За 5 лет
А. Коммунальные имущества						
Муниципализ. жилищный фонд	45	48	52	56	59	260
Торгово-промышл. помещения	153	156	162	171	178	820
Места под торговлю	34	36	37	40	41	188
Прочие коммунальные имущества	7	10	12	14	17	60
Городское земельное хозяйство	10	11	14	17	20	72
Итого	249	261	277	298	315	1.400
Долгосрочный кредит исполкомам на жилстроительство (без рабжил. фонда)	31	47	61	81	96	316
Ассигнования по республ. фонду	2	5	9	10	12	38
Всего по коммунальн. имуществам	282	313	347	389	423	1.754
Б. Коммунальные предприятия						
Валовые доходы	417	464	543	631	733	2.788
Арендные „	5	5	5	5	5	25
Долгосрочные займы на строительство (без коммун. фондов)	64	88	108	122	160	542
Всего по коммунальн. предпр.	486	557	656	758	898	3.355
Всего доходов по коммун. хозяйству	768	870	1.003	1.147	1.321	5.109
Дефицит покрывается местным бюджетом	23	40	40	42	45	190
Баланс	791	910	1.043	1.189	1.366	5.299
Рост в %	4,5	14,8	14,6	14,2	14,5	—

Расходы	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	За 5 лет
А. Содержание отделов местн. хозяйства	25	25	26	26	26	128
Коммунальное имущество						
I. Домовое хозяйство						
Эксплоатац. расходы и ремонт:						
а) По жил. фонду	30	28	17	—	—	75
б) По торг.-пром. помещениям		7	8	9	10	40
Итого эксплоатац. расход	36	35	25	9	10	115
Расходы по образов. фондов:						
а) Специальн. капитала жил. фонда	67	78	93	115	120	473
б) Спец. капитала рабжил. стр.	64	67	68	72	79	350
В том числе собств. строительство исполкомов за счет фондов	69	74	79	81	73	376
в) Кредит на новое строительство (без рабжилфондов)	31	47	61	81	96	316
г) Строительство за счет республиканских фондов	2	5	9	10	12	36
Итого расходов по домов. хозяйству	200	232	256	287	317	1.292
II. Городское благоустройство						
Собственно благоустройство	63	83	113	134	140	533
Пожарная охрана	33	87	42	46	50	208
Городск. земельн. хозяйство	4	5	6	8	10	33
Итого	100	125	161	138	200	774
Всего расход. по коммунальн. имуществам	325	382	443	501	543	2.194
Б. Коммунальные предприятия						
Эксплоатационн. расходы	268	282	311	341	371	1.573
Расходы по оплате долгов	23	27	31	36	53	170
Подоходный налог	6	8	10	13	17	64
Итого	297	317	352	390	441	1.797
Капитальные затраты						
а) За счет амортизации	50	54	61	69	80	314
б) За счет проч. собственн. средств	69	84	94	122	169	538
в) За счет кредитных ресурсов (включая коммун. фонды)	50	73	93	107	133	456
Итого капит. затрат	169	211	248	298	382	1.308
Итого расход. по коммун. предприят.	466	528	600	688	823	3.105
Итого расх. по коммунальн. хозяйству	791	910	1.043	1.169	1.366	5.299

средств и необходимых из'ятий на нужды благоустройства. Новое строительство условно принято вступающим в производство в 50% на следующий год и в 50% через два года после начала работ. Подсчеты различных вариантов показали, что в цифровом выражении общие очертания результатов сравнительно мало зависят от мыслимых изменений эффективности, сроков пуска в ход новых сооружений и т. д. В пятилетнем плане принят наиболее устойчивый вариант. Он показывает увеличение к пятому году валовой продукции на 117%. Сумму капитальных затрат (включая погашение амортизации капитальным ремонтом) в 1.308 млн. руб., сумму только нового строительства в 994 млн. руб., рост основного капитала на 70% и эксплоатационных расходов на 48%.

В балансе расчеты коммунальных предприятий по займам показаны с оборотными суммами. После соответствующей очистки, кредитные средства без коммунальных фондов составят 372 млн. руб. Таким образом, капитальное строительство покрывается за счет: амортизационных отчислений в 22,8%, прибылей (включая отчисления в коммунальный фонд) в 51%, кредитных средств в 27%. За истекшие четыре года в затратах на капитальное строительство кредитные ресурсы составляли 23,9%, прибыли — 45,3% и амортизационные отчисления — 30,8%. Таким образом, в новом пятилетии структура финансирования капитального строительства улучшается: растут кредитные ресурсы и затраты за счет внутренних накоплений.

Качественное повышение расходной стороны бюджета коммунальных предприятий сказывается также в уменьшении удельного веса эксплоатационных расходов (без амортизации), составлявших в 1927/28 г. в общей сумме расходов 62%, а в 1932/33 г., составляющих всего 50%. По отношению к 1927/28 г. все указанные расходы растут вдвое. Сопоставление с городским населением показывает, что в 1927/28 г. на одного городского жителя приходилось 14,2 руб. валовой продукции, а в 1932/33 г. будет приходиться 21,8 руб., иными словами, степень обслуживания коммунальными услугами повысится за пятилетие на 53,5%.

Главный недостаток проектирования лежит в его чрезмерной обобщенности. Разумеется для конкретизации расчетов было бы необходимо произвести их, по крайней мере, отдельно для крупных городов и наиболее значительных промышленных районов с быстро-растущими городами. Необходимо было бы также дать проектировку по отдельным видам предприятий, и особенно по тем из них, которые, очевидно, будут строиться наиболее интенсивно. Сюда относятся, например, водопроводы, канализация, автобусное сообщение и т. д. Однако, состояние материалов не отвечает этим требованиям. И все же большой сдвиг в этом пятилетнем плане, несомнено, заключается уже в том, что хотя бы приближенно и суммарно, но все же оказалось возможным выявить финансовую сторону коммунальной промышленности в целом.

Расходы на благоустройство в значительной степени предопределились устанавливаемой законодательством суммой отчислений в фонды жилстроительства и, с другой стороны, принятыми установками по коммунальной промышленности, а также необходимостью по общебюджетной ситуации уложиться в определенную сумму доходов самого же коммунального хозяйства.

В этих же границах оказалось возможным уделить за пятилетие собственно благоустройству 533 млн. руб. и пожарной охране 208 млн. руб. против 188 млн. руб. на благоустройство и 99 млн. руб. на пожарную охрану за предыдущее четырехлетие. Прирост в 1932/33 г. составляет против 1927/28 г. 122% по благоустройству и 59% по пожарной охране.

Расходы на благоустройство должны составлять в общем некоторую определенную часть затрат на жилстроительство. Если отнести расходы исполкомов на благоустройство ко всей сумме их затрат на жилстроительство, то соотношение окажется для 1924/25 г.—51,3%, 1927/28 г.—31,8% и 1932/33 г. — 44,5 и, следовательно, в плане все же удалось достигнуть некоторого повышения доли ассигнования на благоустройство. Эти же расходы на одного городского жителя составляют 2,39 руб. в 1927/28 г. и 4,13 руб. в 1932/33 г.; иными словами, обслуживание населения благоустройством возрастает на 72%. Нужно при этом учесть, что планомерные расходы по благоустройству, в сущности, несет только местное хозяйство; жилстроительство же проводится многими застройщиками или совсем не участвующими в расходах по благоустройству, или же причастными к ним совсем в незначительной степени. В самом деле, прирост средств, направляемых на финансирование жилстроительства по всему Союзу по сравнению с 1928/29 г. составляет 68%, а по благоустройству—122%. Итак, на протяжении пятилетия положение благоустройства должно заметно улучшиться.

Но все же именно в недостаточности этих ассигнований заключается слабая сторона плана. Отсутствие благоустройства в подавляющем большинстве городов Союза требует сравнительно крупных средств на мощение улиц, устройство тротуаров, насаждение зеленых площадей и т. д. Между тем, даже к концу пятилетия расходы на эту цель достигают только 140 млн. руб. Общая же за пятилетие сумма ассигнований в 533 млн. руб. не в состоянии создать перелом в смысле действительно широкого и реконструктивного строительства во внешнем городском благоустройстве. Поэтому-то пятилетние проектировки Союзных республик показывают тут наибольший разрыв с рассматриваемым планом. Но в действительности в пределах средств коммунальных финансов затраты, проектируемые союзными республиками, не могут быть покрыты. Нужно отметить, что, по имеющимся данным, напряженность коммунальных финансов в текущем году больше всего ударила именно по благоустройству, на которое ассигнования в бюджете 1928/29 г. остались в тех же размерах, что и в 1927/28 г.

Предполагаемая общая сумма капитальных затрат по всему благоустройству составит за пятилетие 338 млн. руб. из общей суммы ассигнований в 774 млн. руб., против израсходованных на эти же цели в предыдущем четырехлетии 108 млн. рублей.

IV

Основным недостатком всего финансового плана коммунального хозяйства местных советов бесспорно является его напряженность, вытекающая из форсированного капитального строительства, покрываемого преимущественно за счет внутренних накоплений коммунального хозяйства. Трудности осуществления этого плана очевидны. Однако, при более благоприятном росте доходов от муниципализированного фонда зданий, городских земель и другого коммунального имущества в плане все же могут оказаться резервы. Ясно также, что более решительное стремление выравнять развитие коммунального хозяйства соответственно требованиям жизни возможно лишь при более широком использовании долгосрочного кредитования. Тут может сыграть положительную роль также и концессионный капитал, особенно в строительстве крупных предприятий общественного пользования. Во всяком случае, капитальное строительство должно в гораздо большей степени, чем запроектировано, финансироваться за счет кредитного капитала.

Пятилетний план не дает решительных сдвигов в области реконструкции хозяйственной системы и в результате приводит почти к тем же фи-

нансовым соотношениям между отраслями коммунального хозяйства, какие существуют сейчас в начале пятилетия. Последнее обстоятельство об'ясняется все той же стесненностью в средствах, препятствующей финансовому маневрированию.

Однако, при всех указанных недочетах об'ем ресурсов коммунального хозяйства сбалансирован таким образом, что в большей или меньшей степени достигается равновесие между отдельными его отраслями и, в меру возможного, выравнивается положение отстающего до сих пор благоустройства. С другой стороны, хотя бы и ценой большего напряжения, все же показана возможность значительного развертывания коммунальной промышленности. Если при незначительных затратах предшествующих лет предприятия общественного пользования успели значительно укрепиться и улучшить свое положение, то при крупном строительстве, предполагаемом в будущем пятилетии, следует ожидать большого эффекта в развитии коммунальной промышленности. Это особенно относится к окраинным городам, где уже наметилось интенсивное строительство предприятий общественного пользования, финансируемых даже за счет общебюджетных ресурсов.

Основные показатели по коммунальным предприятиям

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	За 5 лет
	Отправной вариант						
Основные капиталы	941	1.001	1.076	1.214	1.387	1.595	—
Валовые доходы	373	417	464	543	631	733	2.788
Эффективн. основн. капиталы	37,9	41,6	43,1	44,7	45,5	46,0	—
Эксплоат. расходы в уровне 1927/28 г.	—	282	313	366	426	495	1.882
Снижение эксплоат. расходов в %	—	5	10	15	20	25	—
Эксплоатац. расходы с учетом снижен.	251,0	268	282	311	341	371	1.567
Амортизация	47	50	54	61	69	80	314
Прибыли	75	99	128	171	221	282	901
Подоходный налог	4,6	6	8	10	13	17	54
Отчисление в коммунальн. фонд	2,1	9	12	16	21	26	84
„ в местный бюджет	—	15	25	50	65	70	225
Расходы на новое строительство из собств. средств	—	69	84	94	122	169	538
Кредит	—	50	73	93	107	133	456
Всего расходов на новое строительство	84,0	119	157	187	229	302	994
Норма прибыли на основн. капитал	8	9,9	11,8	13,7	14,1	18,2	—
Капит. затрат, включая амортизацию	131	169	211	248	298	382	1.308
Из них за счет м/бюджета и собственных средств	—	128	150	171	212	275	936

Приведенный в основных чертах план составлен суммарно и в общих итогах по Союзу, конечно, нуждается в территориальной конкретизации, доведенной до планов по отдельным крупным городам и районам, особенно промышленного значения и, во всяком случае, требует дифференциации по отдельным крупным об'ектам строительства. Такую работу успешно могут выполнить только Госпланы республик и областей, ставшие уже на этот путь.

На эти учреждения должна быть возложена также задача рационального оформления того статистического и экономического материала, на основании которого единственно только и возможно конкретизировать плановые расчеты в соответствии с выдвигаемыми здесь требованиями. Только пользуясь таким материалом, возможно установить в меру экономической целесообразности те темпы коммунального строительства, которые необходимы для отдельных городов и районов.

Н. Н. Колосовский

Перспективы использования энергии р. Ангары в связи с хозяйством Сибири

I

Генеральный план народного хозяйства СССР, разрабатываемый ныне, предполагает весьма значительное развитие хозяйственного строительства в районах Сибири, с широким использованием громадных резервов минерального и органического сырья, продовольствия и энергии, сосредоточенных в этих районах. Предшествовавшей историей наиболее жизнеспособная часть территории всей Сибири вдоль Великого Сибирского пути уже подготовлена для приступа к широкому ее использованию. Уже имеется достаточное количество населения в западных частях и опорные достаточно населенные оазисы на востоке. Железнодорожная магистраль пересекает весь этот громадный континент с запада на восток, а в западных частях в дополнение к ней создан ряд ветвей на юг в наиболее важные сельскохозяйственные и горнопромышленные районы. Дальнейшее развитие богатств этой подготовленной полосы предрешено ростом хозяйственной жизни Союза, для которого будут требоваться все возрастающие количества железа, цветных металлов, каменного угля, кокса, хлеба, скотоводческого сырья, электричества, леса и новые территории для приложения неиспользованного деревенского труда перенаселенных районов Центрально-Черноземной области, Украины, Белоруссии. Одно из первых мест среди природных ресурсов районов Сибири, могущих претендовать на первоочередность вложения средств, занимают энергетические центры. Сосредоточение в этих районах более 83% всех запасов энергии в Союзе в высококачественных и дешевых формах, при бедности энергией старых европейских районов и при необходимости во многих случаях пользоваться минеральным и органическим сырьем из азиатских районов, вызывает, естественно, идеи о постепенном переносе в азиатские районы в первую очередь совокупности энергоемких производств, не требующих большого количества высококвалифицированных рабочих. Производство цветных и белых металлов, железа и ферросплавов, производство удобрений, синтетической нефти, изготовление целлюлозы и древесной массы,— таковы промышленные производства, могущие с особым успехом развиться в азиатских районах.

Среди районов Сибири первые места по запасам энергии занимают два: Кузнецко-Алтайский и Ленско-Байкальский. В первом доминируют громадные запасы каменного угля исключительно высоких и разнообразных качеств; второй замечателен дешевизной и изобилием водной энергии, каменных углей и наличием специальных так называемых „богхедовых“ углей.

По вопросу об использовании Кузнецкого энергетического центра к настоящему времени имеется обширная литература. На базе кузнецкого топлива производится реконструкция уральского металлургического хозяйства, подготовляется создание сибирской металлургии, обсуждается постройка центральных заводов по переработке алтайских руд цветных

металлов и создание основной химической промышленности. В ином положении находится вопрос о Ленско-Байкальском энергетическом центре. Настоящая стадия изучения Ленско-Байкальского района может быть характеризована как момент формирования руководящих идей о путях использования разнообразных богатств района. Приступ к строительству здесь еще преждевременен, но развертывание широких полевых и лабораторных исследований и приступ к составлению экономических и технических проектов могут быть с достаточной долей уверенности и осмотрительности поставлены в очередь завтрашнего дня.

Изложение общих идей хозяйственного строительства района в части, связанной с использованием энергии реки Ангары, составляет содержание настоящей статьи.

II

По географическому положению Ленско-Байкальский район охватывает южную половину Восточной Сибири и занимает, таким образом, центральное положение среди других районов Азии, граница на западе с Кузнецко-Алтайским и Енисейским районами, на севере с Якутским районом, на юге с Монголией, на востоке с Северной Маньчжурией и Дальне-Восточным районом. Район занимает первое место в Союзе по изобилию дешевых видов энергии.

Общие запасы энергии в переводе на условное топливо оцениваются следующими цифрами: ископаемый уголь — 49,3 мрд. тонн условного топлива, водная энергия — 16,0 мрд. и дровяное топливо — 2,5 мрд., т.-е. всего 67,8 мрд. тонн условного топлива.

При этом следует иметь в виду, что уголь, вероятно, недоучтен и последующие разведки должны увеличить его запасы; точно так же не учтена за отсутствием достоверных данных энергия рек систем Амура и Лены.

Угольные месторождения распределяются следующим образом:

Бассейн или район	Месторождения	Род углей	Спекаемость	Геологические запасы в млн. тонн		Калорийность в кал./кг	Эквивалент
				натур. вес	усл. топл.		
Ангарский (Черемховский) бассейн	Шебартинское и Велестовское (Зап. часть)	Бурые	Нет	6.000	4.680	7.600	0,78
	Средняя часть бассейна (Черемхово)	Сухие, газов. богхеды	Частью	42.800	36.400	7.600	0,85
	Хахарейский и Приангарский	Богхеды	Нет	3.200	2.270	7.600	0,71
Забайкальский район	Черновское Халяртинское Арбагарское и др.	Бурые	Нет	133	85	6.150	0,64
Тунгусский бассейн (Южная часть) [1]	Ангарское и др.	Бурые и каменн.	?	6.000	5.880	8.000	0,98
Итого . . .	—	—	—	58.133	49.315	—	0,85

[1] Данные предварительные.

Промышленные качества углей Ангарского бассейна, их запасы, физические и химические свойства, коксуемость еще не закончены изучением. Качество углей меняется как по вертикали, от пласта к пласту, так и в одном и том же пласте. Значительный процент углей бассейна относится к так называемым богхедам и частью к сапропелям. Особенно развиты богхеды в Метаганском районе, Николаевском месторождении у ст. Тыреть и в Хахарейском районе. Они представляют большой практический интерес в связи с особыми удобствами ожижения их в нефть, например, по способу Бергиуса или Фишера.

Забайкальские угленосные отложения встречаются во многих местах в виде длинных полос, тянущихся вдоль речных долин. Все угли этих месторождений невысоких качеств и имеют местное значение. Юго-восточная часть грандиозного Тунгусского бассейна, входящая в Ленско-Байкальский район, занимает громадную площадь в 230.000 *кв. км.* Бассейн почти не изучен. Известные выхода угля имеют характер каменных, частью бурых. Промышленное значение может получить крайняя южная оконечность, подходящая к Ангаре, с развитием электростроительства на порогах Ангары, железной металлургии и водного транспорта. Наибольшие запасы водной энергии заключаются в реках Ангарского бассейна, стекающих с Восточных Саян, по реке Витиму (приток р. Лены) и по ряду рек Забайкалья, относящихся к бассейну р. Амура. Предварительные подсчеты инж. В. М. Малышева по рекам Ангарского бассейна и по р. Витиму дают следующие величины запасов.

Районы сосредоточения водной энергии	Теоретическая мощность потока в лош. сил. (13,3 QH)	Возможная для использован. мощн. лош. сил. (12 QH)
Прибайкальский район . .	3.537	581
Район Ангарских порогов .	23.500	5.050
Район р. Витима	5.000	300
Всего . . .	32.037	5.931

Порядок себестоимостей энергии по тем же подсчетам: Прибайкальский район от 0,50 до 3,00 коп. за квтч.; район Ангарских порогов от 0,15 до 0,35 коп. за квтч.; район р. Витима от 1,0 до 1,2 коп. за квтч.

На р. Ангаре могут быть намечаемы, по данным В. М. Малышева, три установки. В первую очередь сооружается установка на притоках р. Ангары, примерно, в 12—18 *км* от истока оз. Байкал. Плотина этой установки дается такой высоты, чтобы поднятый горизонт давал общий уровень с оз. Байкалом. Это дает возможность при громадной площади озера в самых широких пределах пользоваться регулированием стока при работе Байкальской станции, а в дальнейшем для регулирования будущих грандиозных установок на порогах р. Ангары. В первый период „источная" установка должна работать как самостоятельная установка.

Утилизация энергии р. Ангары на протяжении между верхней установкой и порогами вряд ли может иметь место в будущем. Но пороги могут представлять практический интерес. Главные пороги сосредоточены между 660 и 950 *км* от истока. По предварительным соображениям Малышева можно будет запроектировать две сверхмощных установки на порогах. Первую в нижнем конце Долгого порога, вторую — в нижнем конце Шамановского. [1]

[1] Позднейшие соображения инж. Григорьева предполагают три установки на порогах.

По Малышеву основные характеристики установки на Ангаре таковы:

Показатели		Байкальская	Долго-порожская	Шаманская
Мощность на валу турбин	лош. сил	170.000	2.000.000	1.270.000
	квт	126.000	1.470.000	935.000
Напор (метров)		8—12	52,5	34
Возможная стоимость (млн. руб.)		50	200	130
Возможная годовая отдача тока при специальном потребителе млн. квтч.		880	10.000	6.250
Возможная себестоимость коп./квтч.		0,50	0,20	0,25

Если дальнейшие исследования подтвердят эти предположения, значение ангарских гидроустановок для союзного хозяйства будет громадно. Совершенно ясно, что себестоимости в 0,2 коп. за квтч. при указанной мощности должны создать новую эру в союзной промышленности, вызвав к жизни многие новые производства, видоизменив другие и удешевив третьи.

Третий вид энергии в районе — лесные фонды. Следующая таблица дает представление о запасах древесного топлива:

Территории	% лесистости	Площадь лесов (тыс. га)	Удобная площадь (тыс. га)	Возможн. годовой отпуск древесины	В том числе: строевого	В том числе: дровян.
				тыс. куб. метр.		
Быв. Иркутская губ.	93	76.600	52.600	93.500	23.400	70.100
„ Забайкальская губ.	48	19.600	11.600	20.600	5.150	15.450
Бурято-Монгольск. АССР	75	29.400	18.000	32.000	8.000	24.000
Итого	85	125.600	82.200	146.100	36.550	109.550

Леса района по площади близки к сумме всех лесных площадей европейских районов Союза и составляют 58% от лесов Канады и 16% от всех лесов Союза.

Энергетические центры Ленско-Байкальского района окаймлены сгущением разнообразных полезных ископаемых, распределяющихся по территории б. Иркутской губернии, Бурято-Монголии и Забайкалья. В настоящей статье дается краткая характеристика тех видов ископаемого сырья, которые могут иметь то или иное отношение к использованию в связи с гидроэнергией Ангары. Особо могут быть интересны полиметаллические руды, редкие металлы и источники получения алюминия.

Забайкалье представляет интересный пример группировки в обширный рудоносный район месторождений золота, серебра, свинца, цинка, мышьяка, меди, олова, вольфрама, молибдена, висмута. Руды этих металлов встречаются здесь часто в тесной связи одна с другой. Тем не

менее, можно выделить в Восточном Забайкалье два района: Нерчинско-Заводский район серебро-свинцовых руд и Онон-Борзинский район оловянных, вольфрамовых и висмутовых руд.

В Нерчинском районе установлено до 500 отдельных месторождений серебро-свинцово-цинковых руд, из которых 90 подвергались промышленной эксплоатации и имеют практический интерес.

Подсчеты инж. И. Т. Гуштюка в 1927 г. дают следующие цифры возможных запасов руд (в тыс. тонн):

Наименование групп месторождений	Добыча руды в прошл.	Действит. и разведыв. запас	Общий запас вместе с вероятн. и возможн.
Приаргунская группа	692	450	2.820
Акатуевская „	65	—	262
Алгачинско-Кличкинск.	152	—	610
Газимурская	30	—	118
Культуминская	41	—	164
Шилкинская	202	—	806
Прочие	295	—	1.180
Всего	1.477	450	5.960

Эти исчисления только ориентировочные. Запас металлов условно можно принять во всех группах: цинка—960 тыс. тонн; свинца—420 тыс. тонн, серебра—1,2 тыс. тонн. При двадцатилетнем периоде выработки можно было бы давать в год: цинка до 33,5 тыс. тонн, свинца до 15,5 тыс. тонн, серебра до 30 тонн. Перспективы эксплоатации ближайших лет определяются запасами Кадаинского рудника и запасами металлов в старых отвалах. Для ближайших лет можно принять программу: цинка — 10 тыс. тонн и свинца — 4,5 до 5 тыс. тонн. Концентраты из Нерчинских руд могут быть по работам Механобра приняты следующие.

Цинковый: цинка — 50%, свинца — 5—6%, серебра — 0,032%. Свинцовый: цинка — 5—8%, свинца — 60%, серебра — 0,096%. Водной энергией, угольной и древесным топливом район обеспечен слабо. Это не имеет значения, так как при указанной степени концентрации на месте нет нужды ставить металлургию, а возможно концентраты вначале отправлять на Кузбасские центральные заводы, а в дальнейшем перерабатывать на энергии Ангары. По данным Геолкома запасы оловянных руд определяются в размерах: подготовленные запасы руды 5.606 тыс. тонн с содержанием олова 0,63%; разведанные и вероятные — 8,265 тыс. тонн с содержанием 0,98%, возможные запасы—216 тыс. тонн с содержанием 0,72%. Общий извлекаемый запас олова 1.432 тонны. Оловянную руду в виде концентратов пока предполагается перевозить в европейские центры Союза.

Вольфрамовые месторождения встречаются в следующих трех разновидностях: коренные месторождения вольфрамита — Белуха, Букука, Большой и Малый Соктуй, Алданда, Харанор, Шерлова гора, Дульдурга, Ушумун; рассыпные вольфрамитовые по р. Б. Соктуй, по Антонову лугу; россыпные шеелитовые — в Шахтоме, на Казаковских золотых приисках — совершенно неразведанных. До августа 1926 г. промышленные перспек-

тивы связывались, главным образом, с коренными месторождениями. В настоящее время открыты весьма значительные россыпные месторождения, в связи с чем промышленные запасы во много раз увеличились, а стоимость добычи удешевилась. Ныне все потребности страны могут быть удовлетворены.

Молибденовый блеск наблюдается во всей полосе Онон-Борзинских месторождений вольфрамита. Наибольший практический интерес представляет Гутайское месторождение близ р. Гутая. Заслуживает внимания Ольхонское неразведанное еще месторождение на Байкале. Наиболее интересное месторождение марганца имеется в районе Ольхона. Общие запасы месторождений на Байкале, по данным геолога Артемьева, оцениваются пока в 400 — 500 тыс. тонн руды с содержанием до 30% марганца. Хромистый железняк и никелевые руды найдены в нескольких местах. В будущем не исключается возможность открытий промышленного характера, но пока нет оснований строить на них практические расчеты.

Высококачественный белый кварцевый песок с содержанием кремнезема 98,5—99,2%, пригодный для ферро-силицилового производства, находится на берегу Байкала, примерно, в 100 *км* от станции Байкал, в 7—9 *км* от берега.

Итоги рассмотрения рудоносности района по полиметаллам и редким металлам позволяют сделать следующие заключения. Цветная металлургия требует большого количества энергии. При плавке одной тонны цинка требуется от 4 до 5 тонн каменного угля; свинца—до 2,5 тонн. В то же время современная техника позволяет сырую руду обогащать, доводя содержание металла до 40—50% и более. Это делает рудные „концентраты" высокотранспортабельными. При этих условиях выплавку металла выгодно сосредоточивать на крупных заводах у наиболее дешевых центров энергии, благодаря чему центральные заводы становятся зависимыми не столько от благонадежности отдельных мероприятий, сколько от благонадежности целой рудной провинции.

Нерчинский район мало разведан, характерен изобилием месторождений при малой их величине и характерен небогатыми энергетическими ресурсами. На основании опыта расчетов по Алтайским полиметаллам можно утверждать, что при ангарской энергии в 0,5 коп. безусловно выгодна организация металлургии цинка на Ангаре, а не на месте. Свинцовый завод также будет выгодно поставить по совокупности соображений на Ангаре. В дальнейшем не исключена возможность дополнительного питания Ангарского свинцового завода якутскими свинцовыми рудами из Алданского района. По производству ферро-сплавов ресурсы позволяют проектировать производства ферро-вольфрама, ферро-силиция, ферро-марганца, отчасти ферро-молибдена. Для производства хромовых и никелевых сплавов нет данных, хотя внимательные поиски этих руд в промышленных количествах и представляют интерес.

В последнее время акад. А. Ферсманом высказано предположение об определенной закономерности распространения рудных богатств цветных и редких металлов на территории Ленско-Байкальского района. Он считает возможным говорить о так называемом „Монголо-Охотском металлургическом поясе", тянущемся из Северной Монголии через Забайкалье и северо-восточный угол Монголии к верховьям Селемджи и Охотскому морю. Забайкальские месторождении поли-и редких металлов по этому истолкованию есть только часть этого „пояса", тянущегося примерно на 2.000 *км*. По представлению геолога А. Чуракова этот пояс по Сев. Монголии возвращается снова в пределы Союза, поворачивая через Вост. Саяны к устью р. Ангары и Подкаменной Тунгузки. Таким образом, оз. Байкал оказывается как бы в фокусе громадной параболы этого

пояса. Если эта научная теория подтвердится (в настоящее время высказывается ряд сомнений) и если в связи с этим будут сделаны новые открытия месторождений металлов, имеющих практический интерес, перспективы полиметаллической промышленности и промышленности редких металлов сильно вырастут. Наличие в районе дешевой энергии и потребность страны в получении алюминия, неудовлетворяемая масштабом проектировки этого производства на Днепре, естественно, побуждают рассмотреть возможности организации производства алюминия на Ангаре.

Источником получения алюминия могут быть каолины, алониты, маньчжурские диаспориты, глинистые сланцы. Промышленные способы получения окиски алюминия из каолинов и алонитов находятся ныне в стадии изучения. Получение окиси алюминия из каолинов требует наличия месторождений таковых и месторождений пиритов. Надежные залежи каолинов прекрасного качества имеются в бассейне р. Белой, притоке Ангары, в обжитом районе. Месторождения пиритов имеются по бассейну р. Ангары (см. „Естеств. произв. силы России, т. IV, 19, Серный колчедан). Алониты известны в двух месторождениях. Первое в районе р. Оки, притоке Ангары, второе в районе оз. Гусиного в долине р. Селенги. О залежах диаспорита в С. Маньчжурии данные сообщаются инженером К. Г. Молчанским (бассейн р. Лялинхе в Нингутском районе). Имеющиеся сведения говорят о значительной мощности запасов при содержании до 73% окиси алюминия при небольшом содержании кремнезема (не более 1%) и о простоте механического обогащения руды. Достоверность этих данных не проверена. Большое расстояние от руды до Ангары (около 2.850 *км*) не являлось бы препятствием для их использования, так как перепробег против перевозки тихвинских бокситов к Днепр будет около 800 *км*, что может перекрыться качеством руды. Глинистые сланцы, как источник окиси аммония, не могут быть из'яты из поля внимания, так как они часто имеют содержание до 25% глинозема при незначительной примеси железа. При дешевизне энергии в районе это производство может оказаться выгодным, особенно при комбинированном использовании сланцевого материала и для других целей. При большом разнообразии и обилии сланцев в Ленско-Байкальском районе вероятно нахождение подходящего материала. Заслуживает внимания также вопрос, не могут ли служить указанием на нахождение в районе Ангары бокситов наличие здесь толщ красноцветных земель, связанных с усольскими соленосными пластами.[1]

Подсобными материалами для получения алюминия служат: плавиковый шпат (фтористые соли), графит или пёк (электроды). Месторождения плавикового шпата известны во многих местах Забайкалья и частично разрабатываются. По обеспеченности плавиковым шпатом Ангара занимает исключительно благоприятное положение. Графит имеется в известном Альберовском месторождении и по р. Енисею. Пек может быть получен из Кузбасса, в будущем, несомненно, будет иметься на месте как побочный продукт от химического использования некоторых сортов черемховских углей.

Итак, повидимому, идея алюминиевого производства на Ангаре заслуживает внимания в качестве руководящей гипотезы для поисков надлежащего сырья и постановки лабораторных исследований.

В отношении железорудных месторождений территория Ленско-Байкальского района может быть характеризована применительно к трем железорудным провинциям.

[1] По имеющимся сведениям Геолком 1928 г. производил поверку этой идеи на местах.

1) Ангарские месторождения, расположенные в порожистой части р. Ангары, затем в районе Братского острога и, наконец, в районе р. Илима. Все руды являются типичными магнитными железняками. Общий запас руд определяется до 4.070 тыс. тонн. Весьма возможно, что рудоносность распространяется к северу, северо-западу и к югу дальше ныне известных ее границ.

2) Байкальские месторождения. Здесь различаются группы: Онотская (по реке Оноту, приток р. Белой), Ольхонская (на западном берегу Байкала и на острове Ольхоне), Мысовская (на юго-восточном берегу Байкала), Петрозаводская (в Забайкалье), Курбинско-Удинская (к северу от г. Верхнеудинска), Чикойская (р. Чикой, правый приток реки Селенги). Наибольший практический интерес имеют Мысовская и Курбинская группы месторождений. Онотская группа, открытая лишь в 1925 г., оценивается крупными запасами железа, но руды низкопроцентные (40—35%). Не исключена возможность открытия обогащенных зон в этом районе. Петровско-заводская группа обслуживает завод того же имени, имеет ограниченные запасы руды.

3) Нерчинские месторождения. В районе Нерчинского завода расположены месторождения Железного кряжа. Вторая группа расположена в бассейне р. Витима, в 110 *км* от г. Читы. Третья группа расположена в бассейне р. Амазар в 15 *км* от Забайкальской железной дороги. Месторождения мало разведаны.

Общие запасы железных руд Ленско-Байкальского района определяются так (в тыс. тонн):[1]

Ангарские	от	3.340	до	4.070
Байкальские	„	9.314	„	29.314
Нерчинские	„	90	„	90
Итого . . .	от	12.744	до	33.474

Эти запасы обеспечивают при известных условиях производство металла в размерах до 120 тыс. тонн. Таким образом, район занимает второстепенное место. Однако, к этой характеристике необходимо дать некоторые пояснения. Изученность ленско-байкальских железорудных провинций слишком невелика. Немногочисленные работы в прошлом носили характер обще-научных геологических исследований по линии так называемой региональной геологии, оставляя задачи прикладного промышленного характера на втором плане. По Ангарскому железорудному району с 1844 по 1917 гг. было всего 4 геологических маршрута, охвативших лишь узкие полосы этой громадной территории при самом беглом их освещении. Онотский, Мысовский и Курбинский районы освещены также слабо. Таким образом, если сейчас при почти полном отсутствии специально поставленных разведок имеются значительные установленные запасы, то можно надеяться, что правильные разведки дадут базу для более крупных заводов.

Кроме освещенных вопросов, связанных с использованием энергии р. Ангары, следовало бы остановиться на вопросах о лесных ресурсах в связи с древесно-массной и целлюлозной промышленностью и резервах по деловой древесине в связи с перспективами сплава по Ангаре; на вопросах минерального сырья для химической промышленности, на на ресурсах органического промышленного сырья — полеводстве и животноводстве. Электроустановки на Ангаре, в особенности установки на порогах, несомненно, повлияют на возникновение интереса и к этим темам, но это не умещается в рамки одной статьи.

[1] Данные Иркутского губплана.

Данная уже выше краткая характеристика энергетической и металлургической базы Ленско-Байкальского района достаточна, чтобы определить этот район, как сочетание крупнейших запасов дешевой энергии, многообещающих металлорудных провинций и обильных лесных ресурсов. Что касается сельскохозяйственных фондов, то они мало еще использованы и могут вместить еще значительное количество переселенцев. Почвенно-климатические условия в этом районе хуже западно-сибирских и не позволяют в широких размерах развить экспортное зерновое хозяйство. Скотоводство количественно большое, но качественно низкое, имеет много шансов на развитие. Рост промышленности районов в связи с использованием р. Ангары, несомненно, пробудит косвенно и сельское хозяйство, создав внутренний рынок — базу для будущей колонизации.

III

Современная экономика района в значительной мере определяется географическим расстоянием до возможных рынков сбыта ее товаров. Расстояние от Иркутска до Ленинграда составляет свыше 6.000 *км*; до Владивостока по кратчайшему направлению через Китайско-Восточную железную дорогу — свыше 3.000 *км*. Это расстояние лишает возможности основывать хозяйство района на эксплоатации сырьевых ресурсов с вывозом сырья в необработанном виде, за исключением высокоценных сырьевых продуктов — золото, пушнина, авиалес, ценные скотоводческие продукты и т. д. Таким образом, широкое развитие района возможно при условии промышленной переработки разнообразного сырья с получением транспортабельной продукции. Эта же направление подсказывается и изобилием, и дешевизной энергии, и центральным географическим положением среди других районов Сибири и на путях на Восток.

В отношении соседних западных районов следует отметить, что генеральный план развития хозяйства намечает крупное увеличение их хозяйственного веса. Основной предпосылкой этих изменений является сверхмагистрализация Сибирской железной дороги, начинаемая в первое пятилетие. Появление дешевых сверхмагистральных тарифов для массовых сырьевых грузов будет означать органическое включение западных районов Сибири по бассейну р. Енисея включительно в одно экономическое целое с основными европейскими районами Союза. Кроме того, западные районы через Семиреченскую дорогу будут уже в первое пятилетие связаны в одно целое с Средней Азией. Таким образом, основная европейская производственная база Союза, относительно бедная природными ресурсами, будет решительным образом расширена за счет охвата западных частей Сибири. Можно с достаточной долей уверенности в настоящее время говорить о примерных масштабах и характере хозяйства западных районов в ближайшее пятилетие.

Обский и Кузнецко-Алтайский районы предположено специализировать на товарно-зерновом хозяйстве, в частности, на пшенице с масштабом производства на вывоз к 1932/33 г. от 3,5 до 4,2 млн. тонн. В Кузнецко-Алтайском районе будут развиты основные виды промышленности— уголь с годовой добычей от 5,5 до 6 млн. тонн, кокс — 1,1 млн. тонн, электричество — до 100 тыс. установленных киловатт, чугун — до 400 тыс. тонн, цинк — до 50 тыс. тонн, свинец — до 15 тыс. тонн, серная кислота — до 50 тыс. тонн.

Кроме того, в этом районе будет развит ряд обрабатывающих отраслей. По означенным масштабам роль Кузнецко-Алтайского промышленного комплекса будет очень крупная. Районы, граничащие с Ленско-Байкальским районом с востока, также претерпят существен-

ные изменения. Сельскохозяйственная и промышленная колонизация Дальнего Востока предрешена всем ходом хозяйственной его жизни, стимулируемой развитием экономики Японии и Китая. Перенаселенная Япония нуждается для жизни и использования труда своего населения в дополнительном ввозе извне средств питания (рис, хлеб, рыба), средств строительных (лес), средств для развития промышленности (нефть, уголь, железо, лес, ферро-сплавы), средств удобрения для земледелия и притом во все растущих количествах. В связи с этим соответствующие ресурсы нашего Дальнего Востока получают экономические основания для разработки.

Сев. Маньчжурия уже сейчас является мощной сельскохозяйственной страной. Китай с его 300—400-миллионным населением идет к хозяйственному развитию на каких-то новых основаниях. Итак, внешняя обстановка, в которой сейчас находится Ленско-Байкальский район, окруженный странами, находившимися долгое время на низкой ступени хозяйственного развития, по всей совокупности наших представлений о ближайшем будущем, — будет очень сильно и сравнительно скоро изменена. При этих условиях промышленные начинания в Ленско-Байкальском районе могут обрести дальнейшие стимулы для их развития. Если на первых порах есть возможность обосновать лишь те промышленные начинания, которые связаны с общесоюзными заданиями по производству цветных и белых металлов, ферро-сплавов и т. д. с вывозом продукции в европейские районы, то с течением времени в дополнение к ним появится ряд заданий по обслуживанию потребностей соседних сибирских и дальне-восточных рынков и работы с зарубежными странами, Монголией, Сев. Маньчжурией, Японией, Китаем. Развитие энергетических центров Ленско-Байкальского района первоначально для специальных целей, не связанных органически с экономикой самой территории, в свою очередь явится организующим фактором для роста и местной и общесибирской экономики. Как сверхмагистраль Москва — Новосибирск при помощи удешевления тарифов создает предпосылки для широкой эксплоатации сырьевых ресурсов Западной Сибири, точно так же электрификация Ленско-Байкальского района, повышая рентабельность разработки его сырьевой базы, создает предпосылки для его промышленного развития.

IV

С общесоюзной точки зрения Ленско-Байкальский район должен стать поставщиком цветных и белых металлов (цинк, свинец, серебро, олово, алюминий, золото) дать редкие металлы (вольфрам, молибден, сурьма, висмут) и ферро-сплавы с некоторыми из них, по которым Ленско-Байкальский район имеет монопольное положение в Союзе. Далее, необходимо: изыскать наилучшие способы использования богхедов (особый вид углей с содержанием для черемховских богхедов до 85% летучих) для приготовления нефтеподобных производных и прямого ожижения в нефть; развить добычу азбеста, графита, слюды, цветных камней и т. д.; обеспечить снабжение соответствующей части сибирских дорог черемховским топливом. Наконец, Ленско-Байкальский район должен развить товарную продукцию своих скотоводческих территорий (шерсть, кожа, мясо, масло), создать экстрактовую промышленность на бадане и ряд заводов по переработке собственного и монгольского скотоводческого сырья, создать железоделательную промышленность, способную стать в будущем металлургическим центром для Восточной Сибири и развить химическую промышленность, в частности, производство удобрений для сибирских нужд и для экспорта в земледельческие страны Востока.

Общеплановые и общеполитические соображения побуждают поставить ряд дополнительных экономических требований, а именно: весь комплекс предприятий по возможности должен размещаться компактно в виде одного, двух, много трех оазисов, так как распыление заводской промышленности в новом, пионерном районе может понизить общий тонус техники и увеличить затраты.

Проектировка отдельных частей и всего комплекса в целом должна отвечать требованиям энергетического и производственного комбинирования для получения: минимума энергетических потерь в электроэнергии и тепловой энергии для всего комплекса, минимума материальных потерь в виде неиспользованных побочных продуктов и отбросов производства, минимума транспортных потерь в виде повторных и встречных перевозок сырья и полуфабрикатов, минимума расходов на новое жилищное строительство и строительство новых путей сообщения.

Вся остальная территория района должна рассматриваться, как сырьевой базис для работы основных центров. Не исключается возможность использования сырьевых ресурсов соседних районов: Якутии, Дальнего Востока, Сев. Маньчжурии, Монголии. Вообще составные части всего комплекса должны быть выбраны таким образом, чтобы способствовать установлению правильных хозяйственных связей между сибирскими районами и тем самым преодолеть хозяйственное обособление Дальнего Востока. При выборе производств также необходимо вспомнить, что Япония и Китай не являются странами, экономически уравновешенными для замкнутого развития на основах современной техники. Япония имеет растущие избытки населения. Ее сельское хозяйство, равно как и китайское, если оно будет модернизироваться, будет нуждаться в минеральных удобрениях. На путях промышленного развития Японии стоит ряд препятствий в виде дефицита по энергетике, лесу, железу, некоторым другим металлам. Следовательно, надо учитывать возможность ввоза как соответствующего сырья, так и готовых или полуготовых энергоемких товаров. Перспективы Китая для его огромного населения в этих отношениях также наводят на подобные соображения. Это должно быть учтено. Общее планово-экономическое задание побуждает проектировать три основных комплекса промышленных начинаний:

1) группа промышленных производств, связанных с использованием энергии р. Ангары;

2) группа производств, связанных с использованием энергии Черемховских углей и, в частности, богхедовых углей;

3) группа производств, связанных с использованием скотоводческих ресурсов.

Тема настоящей статьи ограничена первой группой, но ею не ограничиваются возможности Ленско-Байкальского района.

Использование р. Ангары естественно распадается на два этапа: использование быстрин участка между оз. Байкалом и г. Иркутском и использование порогов.

Первый этап включает в себя экономически законченный комплекс, который может быть начат осуществлением после сравнительно небольших исследований.

Стоимость капитальных вложений по этому комплексу ориентировочно определяется в 110—200 млн. руб., считая энергетическую часть, заводское и рудничное строительство и вложения в транспорт. Вторая часть захватывает гораздо более обширный комплекс предприятий. Этот этап требует предварительной постановки обширных исследований, полевых и научно-лабораторных.

В состав первого малого проекта входят: [1]

1) Электроустановка на истоках р. Ангары (12—18 *км* от истока) с установленной мощностью в 125—120 тыс. квт. с напором в 8—12 метров, с годовой отдачей тока в 880—1320 млн. квтч. и себестоимостью тока в 0,5 коп. за квтч. Установка должна проектироваться так, чтобы она могла служить в будущем (при постройке больших установок на порогах Ангары) для целей регулирования расхода воды на этих установках. При ней должны быть устроены шлюзы для судоходства.

2) Четыре завода вблизи установки по производству алюминия, завод фтористых солей, электродный, металлургический.

3) Сырьевая база для алюминиевого производства (в зависимости от результатов исследований и принятых методов производства алюминия).

4) Три завода вблизи установки: электролитного цинка, свинцовый и сернокислотный с годовыми масштабами производства, примерно, 10 тыс. тонн цинка, 5 тыс. тонн свинца, 15 тыс. тонн серной кислоты, с возможным увеличением до 30 тыс. тонн цинка и 15 тыс. тонн свинца.

5) Заводы ферро-сплавов — с годовой производительностью до 17 тыс. тонн ферро-вольфрама, ферро-молибдена, ферро-силиция, ферро-марганца.

6) Сырьевая база для цинкового и свинцового производства и производства ферро-сплавов в виде Нерчинского района полиметаллических руд и редких металлов.

7) Железная дорога облегченного, под'ездного типа в Нерчинском районе — Борзя-Нерчинский завод.

Факультативно в состав малого проекта могут быть включены железоделательный завод на рудах Прибайкальского района (Мысовское, Ольхонское, Курбинское месторождение с сырьевой и топливной базой) и электропередача по линии Ангарская станция — Иркутск — Усолье — Хайта — Черемхово, длиной 190 *км*.

Капитальные затраты ориентировочно распределяются так (в млн. руб.).

Гидроустановка	68
Алюминиевые заводы	50
Цинковый и свинцовый заводы	8
Электросплавы	1
Горное дело, разведки, транспорт	33
Итого	160

Если принять цены на продукцию по Нью-Йорку (октябрь 1927 г.) с пересчетом по паритету, за исключением цинка и свинца, цены на которые следует взять по Москве, в виду того, что эти металлы в полном об'еме будут поступать на внутренний рынок, то эффективность затрат будет такова (в млн. руб.):

Годовая себестоимость продукции без амортизации и % на капитал	21,0
Себестоимость транспорта до рынков сбыта	1,7
Итого	22,7
Возможная продажная цена продукции	41,4
% на капитал электростанции	3,0
Итого	44,4
Ежегодный остаток на оплату %, амортизацию и промышленная прибыль	21,7

[1] Выше уже было пояснено значение этих подсчетов: они играют роль обоснований для постановки исследовательских работ и только.

Это составляет до 14% на строительный капитал, если дополнительные исследования вопроса не внесут решительных исправлений в общие расчеты.

Большой проект включает следующее.

1) Две гидроустановки на порогах р. Ангары (ниже 660 *км* от истока): Долгопорожскую — мощностью в 1.500.000 квт. и Шаманскую — мощностью в 950.000 квт., а всего 2.450.000 квт. Возможная годовая отдача тока первой — 10.000 млн. квтч., второй — 6.500 млн. квтч., а всего 16.500 млн. квтч. Себестоимость тока первой до 0,2 коп. за квтч; второй — до 0,25 коп. квтч.

2) Железная дорога магистрального типа от ст. Тулун до пристани Усть-Кут на р. Лене с ветвью вдоль порогов до устья р. Илима. Длина дороги Тулун — Усть-Кут — 653 *км*; ветви — около 300 *км*. Дорога колонизационная и транзитная в Якутский район и Бодайбинский и Алданский золотопромышленные районы. Ветвь обслужит пороги, строительство, будущие заводы, лесные разработки низовьев Ангары и колонизацию, даст связь с Тунгузским каменноугольным бассейном и выход на Елисейскую ветвь северо-морского пути. Без дороги ни постройки, ни эксплоатация больших гидроустановок на Ангаре невозможны.

3) Заводы по электроплавке чугуна и электролизу железа плюс расширенные заводы по ферро-сплавам, сооружаемые вместо установок на истоках Ангары, имеющих по идее пробный характер.

4) Сырьевая база черной металлургии — Николаевский железорудный район; районы древесноугольного и каменноугольного топлива на Ангаре; месторождения подсобных материалов.

5) Заводы по производству алюминия в расширенном масштабе для Союза и экспорта на Восток.

6) Заводы по производству азотистых удобрений для сибирских, маньчжурских, японских, китайских рынков.

7) Ряд других заводов синтетической химии.

8) Заводы по переработке древесины бассейнов рек Ангары, Верхней Лены, Илима, Оки.

Порядок затрат на комплекс ангарских предприятий на порогах ориентировочно такой (в млн. руб.):

Две гидроустановки на порогах	400
Потребитель, горное и лесное дело, разведки	1.000
Жел. дор. Тулун—Усть-Кут с ветвью	100
Итого	1.500

Постройка может быть произведена в две очереди с затратами на первую до 1.000 млн. руб. и на вторую до 500 млн. руб.

Выше уже неоднократно подчеркивалось, что все изложенное представляет собой лишь некоторую общую идею исследований, дающую единство логики и целеустремленность для всей нашей исследовательской работы в Ленско-Байкальском районе. Исследовательскую работу в районе мы все равно ведем, даже сейчас. Нет сомнений, что мы затратим на исследования, в конце концов, весьма крупные суммы. Эти суммы будут заведомо меньше при принятии целостной программы, а сами исследования будут заведомо более продуктивны.

Малый проект требует на исследования относительно небольших сумм. Рудную базу мы уже сейчас исследуем, остается добавить сравнительно небольшие суммы на исследования гидроэлектрической части в дополнение к тем суммам, которые Главэлектро уже начало отпускать для этого дела. Необходимо лишь более солидно организовать работу, придав единство организации исследовательского и проектного дела, по

природе носящего комплексный характер, в связи с необходимостью одновременного изучения и энергетики и потребителя.

Исследования и проект первой части должны быть закончены в 4—5 лет.

Исследования второй части несравненно более сложны. Исключительная по дешевизне и количеству энергия порогов требует специальных научных исследований о потребителе, так как мировая практика не знает примеров подобных условий. Если себестоимость тока в 0,5 коп. за киловатт-час создает цветную металлургию, то каковы производственные возможности энергии в 0,2 коп. за киловатт-час?

В заключение приведем некоторые подсчеты о рентабельности использования энергии Ангары для нужд союзного рынка. Не помешает ли удаленность Ангары от европейских центров Союза использованию ее продукции для нужд европейских районов?

Проверим выгодность производства алюминия.

Наибольшая доля расходов при получении алюминия падает на получение окиси алюминия (до 36—37%). На втором месте стоят электроды (до 18—21%), на третьем месте стоит энергия (до 13—15%). Четвертое место занимает фтористые соли (8—11%). В стоимостях окиси алюминия, электродов, фтористых солей большую долю составляет транспорт разнообразного сырья, необходимого для этих производств, и транспорт окиси алюминия, электродов, фтористых солей к месту расположения алюминиевого завода. В занимающей наше внимание проблеме алюминиевого производства на Ангаре необходимо, прежде всего, подойти к сравнению транспортно-материальных показателей ангарского алюминиевого производства с существующими другими проектировками (например, Днепрострой). Это сравнение будет иметь решающее значение, так как фактор энергии может быть исключен: энергия и на Днепре и на первой Ангарской установке предполагается в одной цене.

Транспортно-материальные показатели различных вариантов алюминиевого производства на 1 тонну алюминия

Варианты производств	Сырье	Способ производства	Транспорт.-мат. показ. (тонно-км)
Днепрострой, I вар. все заводы на Днепре	Тихв. бокс.	Кузнецова-Жуковского	13.030
Днепрострой, II вар. окись алюм. на бокситах, металлич. завод на Днепре	„	„	18.430
Днепрострой, II вариант	„	Пенякова	15.690
Ангара, I вариант. все заводы на Ангаре	Маньчжуриты	Байер	14.783
Ангара III вар., часть заводов в Забайкалье, часть на Ангаре	„	„	12.003
Ангара, II вар., работа на каолинах, все заводы на Ангаре	Каолины	Пиритн. способ	5.585

Для полной сравнимости следует учесть перевозки готового металла. Днепровский металл весь будет потреблен в европейских районах. Принимая для ангарского металла потребление в размере $^2/_3$ в европейских районах, остальное оставляем на Азию. Тогда при работах Ангары на маньчжуритах будем иметь (в тоннах):

	Днепр	Ангара
	15.700	12.000
	+ 1.000	+ 4.600
Итого . . .	16.700	16.600

Условия, как видим, ценные.

Для случая работы на каолинах решительное преимущество оказывается за Ангарой, но следует иметь в виду, что сведения о маньчжуритах еще не проверены и что пиритный способ обработки каолинов еще не изучен, а если он окажется практичным, то и Днепр может перейти на каолин.

По работам Комиссии генерального плана Госплана СССР для периода 1925/26—1940/41 гг.—намечается хронический недостаток меди. В промышленном потреблении для электрификации есть надежда с появлением алюминиевых сплавов повышенной электропроводности и прочности заменить часть меди алюминием. Это повышает интерес к возможности организовать алюминиевое производство именно на Ангаре. Элементарные расчеты показывают, что ни одна установка в СССР с ценой энергии в 0,75 коп. за киловатт-час не может конкурировать с Ангарой, если надежды на местное алюминиевое сырье оправдаются и если на „источной“ установке будет дана энергия по 0,50 коп. за киловатт-час. Если же оправдаются предположения о цене энергии на Ангарских порогах в 0,25 коп., то никакая другая установка в СССР не может конкурировать с производством алюминия на Ангаре, а сырье для алюминия может быть пониженного качества, например, сланцы. Таким образом, опасения что удаленность Ангары от европейских центров помешает использовать ангарскую продукцию для общесоюзных целей могут не иметь места.

Что касается металлургии полиметаллов Нерчинского района, то конкурентными вариантами мест расположения заводов могут быть: Предбайкальский район и Кузбасс. Вариант расположения заводов на месте, в самом Нерчинском районе отпадает по следующим соображениям.

Район не имеет достаточного количества энергетических ресурсов. Обеспеченность лесами слабая, водной энергии не имеется в достаточном количестве и по достаточно низким ценам. Угольные ресурсы ненадежны. Организовать металлургию на Черновских копях при дистилляции невыгодно, так как в этом случае выгоднее возить рудные концентраты в Кузбасс, где нужно будет только расширять завод, а не строить заново. При всех суждениях о районировании заводов по металлургии полиметаллов следует иметь в виду, что громадные достижения заграничной, в особенности американской техники в деле обогащения сырых руд (в частности, методами селективной флотации), совершенно видоизменяют экономику цветной металлургии. Усовершенствование флотационных приемов обогащения позволяет самые сложные по составу полиметаллические руды обогащать в отношении содержания металла в руде, одновременно отделяя в рудоносной породе руды разных металлов, одну от другой. Для СССР это имеет особое значение, так как у нас нет ни одного полиметаллического района, где бы имелись отдель-

ные месторождения, обеспечивающие работу завода современного масштаба. Ни на Алтае, ни на Кавказе, ни в Нерчинском районе таких месторождений нет. В этих рудоносных провинциях мы имеем, как правило, лишь мелкие и недолговечные по времени возможной разработки месторождения, из которых каждое в отдельности может обеспечить работу лишь мелких заводов в течение 10—15 лет. Но одновременно с этим в каждой рудной провинции имеется достаточно большое общее число месторождений. Так как современные методы обогащения позволяют изготовлять транспортабельные рудные „концентраты" с высоким содержанием металла, то становится возможным централизовать металлургию цветных металлов на небольшом числе крупных заводов, подвозя к ним концентраты непосредственно из рудных провинций. На самих же рудниках, при этих условиях должны быть поставлены лишь добыча сырой руды и ее обогащение.

Подсчеты, сделанные автором совместное с инж. Гуштюком, для перевозок полиметаллических концентратов показывают, что экономически целесообразны весьма большие расстояния перевозки концентратов по железным дорогам, если можно выиграть на стоимости энергии.

На пути следования нерчинских концентратов на запад расположены ангарская гидроэнергия, Черембасс и Кузбасс. Черембасс сразу исключаем по тем же мотивам, по которым ранее были исключены Черновские копи. Расчетное число тонно-километров перевозок рудного сырья для Кузбасса будет: $2{,}41 \times 3700 = 8925$ тонно-километров, для Ангары — $2{,}41 \times 1600 + 1740 = 5700$, т.-е. разница в пользу Ангары будет — 3225 тонно-километров, что в ценностном выражении дает экономию в 17 р. 25 к. на тонну цинка; учитывая же большую дешевизну энергии на Ангаре, будем иметь экономию для Ангары до 53 рублей на тонну цинка для случая электролиза. Так как в Кузбассе предположен большой завод для переработки алтайских руд, который нужно лишь расширять для переработки Нерчинских руд, то мы будем иметь экономию в пользу Кузбасса до 600 руб. на тонну цинка за счет уменьшения процентов на основной капитал и амортизацию. Таким образом, все же в пользу Ангары мы будем иметь значительную экономию. Все расчеты сделаны в предположении лишь малого масштаба работы Нерчинских рудников — до 10.000 тонн, считая на цинк. При росте масштаба до 30—35 тыс. тонн преимущества Ангары будут большими. Повидимому, наиболее рациональное решение нерчинской проблемы будет заключаться в том, что в первые годы, когда Кузбасский завод будет недогружен, он будет перерабатывать также нерчинские концентраты. В дальнейшем же, когда выяснится алюминиевая проблема и будет сооружена ангарская установка, цинковый завод следует создать на Ангаре. Пробный расчет калькуляции цинка на Ангаре дает цифру себестоимости в 386 р. 50 коп. за тонну, что обеспечивает при цене цинка в Москве в 510 руб. провоз и получение прибыли.

Свинцовый завод по переработке Нерчинских руд, повидимому, в целях единства хозяйства будет целесообразно поставить в одном месте с цинковым заводом. Себестоимость ангарского свинца будет около 443 р. 60 к. за тонну, что при цене на свинец в 466 рублей будет рентабельным, считаясь с тем, что сбыт свинца в большей части будет в Азии. Что касается рынков сбыта для нерчинских полиметаллов, то работы по генплану показали совершенную обязательность разработки этих месторождений. Что касается ферро-спланов, то произведенные мною подсчеты указывают на экономическую целесообразность их выработки на Ангаре для нужд Сибири, Союза и экспорта на Восток.

Я. Балабан. Хлеб в мировом хозяйстве. Изд. „Московский Рабочий" 1928, стр. 172, цена 1 р. 50 к.

Интерес к изучению вопросов, связанных с мировым хлебным производством и распределением, растет среди широких слоев работников советского хозяйственного и партийного аппарата, особенно в настоящий момент, когда вопросы зерновой проблемы СССР встают перед нами во весь рост. Между тем, мы не богаты литературой на данную тему.

Рецензируемая нами брошюра, являющаяся одной из серии „Мировое Хозяйство", выходящей под редакцией Ш. Дволайцкого и Н. Петрова, ставит перед собой задачу популярно изложить основные моменты, характеризующие мировое хлебное хозяйство и положение в нем Советского Союза. Брошюра разделяется на четыре основных главы: 1) хлеб в мировом производстве, 2) хлеб в мировом товарообороте, 3) цены на хлеб, 4) хлеб в СССР.

Известно, что мировая империалистическая война внесла большие коррективы в хлебное производство и распределение. Заокеанские страны за годы войны развивали свое хлебное производство за счет упадка его в Европе. Результатом этого явления мы имеем громадный рост удельного веса заокеанских стран в мировом экспорте. Если до войны одна только Россия занимала в экспорте пшеницы около 25%, а вся Европа 40%, то за годы 1920—1927 заокеанские страны занимают удельный вес в этой области свыше 90%. Роль всей Европы свелась к нескольким процентам. Значительное падение удельного веса Европы в мировом послевоенном экспорте сказывается и по всем другим хлебным культурам (по овсу с 50% до 17%, по ячменю с 85% до 35% и т. п.).

Зависимость Европы (без СССР) от заокеанских стран в этом отношении налицо. Выйти из данного положения и обойтись без заокеанского хлеба Европа не может в силу многих причин, заключающихся как в самом хозяйственном и географическом положении ее, так и в том, в частности, что европейские капиталисты находят более выгодное применение своего капитала в других отраслях производства (индустрии), а без вложения капитала в зерновое хозяйство Европы его не только нельзя расширить, но и нельзя восстановить до прежних размеров.

Но и в самих заокеанских странах за последнее десятилетие произошли значительные изменения в соотношении производства и экспорта хлеба. Первенствующая роль Соединенных Штатов отходит Аргентине, Канаде, Австралии.

В брошюре уделено достаточно внимания затронутым нами вопросам за исключением вопроса о СССР. Между прочим, в конце книги автор, говоря о возможной будущей войне между Америкой и европейскими странами, считает, что данная война явится одной из причин усиления СССР в хлебном экспорте.

Но в брошюре много фактического материала (цифр, диаграмм), характеризующего как производство хлебных продуктов по культурам и странам, так и хлебный товарооборот, цены и т. п. Автор довольно подробно описывает роль различных хозяйственных организаций в хлебном производстве и экспорте, роль хлебных бирж, пулов, банков и т. д. Особенное внимание автор уделяет развитию хлебного хозяйства заокеанских стран, приводит много цифрового материала по вопросам производства хлеба, динамики развития зернового хозяйства и проч. Все это делает книжку полезной.

В заключение необходимо остановиться на двух недоразумениях. В одном месте автор, говоря о посевных площадях Германии, приводит данные такого порядка: в 1878 году в Германии на одного жителя приходился 31 гектар площади под хлебом, а в 1909 году — 22 гектара (стр. 29). Это — в десятки раз преувеличенные данные. Сам же автор несколькими страницами позднее приводит диаграмму, говорящую нам о том, что в Германии хозяйств с посевом до 2 гектаров 58,5%, до 10 гектаров — 30,5% и свыше 10 — 11%. Непонятно, чем об'ясняются такие искажения.

Однако, брошюру можно рекомендовать широкому активу хлебных и других работников как материал для изучения вопроса, докладов и т. п.

В. Носов

Е. О. Кабо. Очерки рабочего быта — Опыт монографического исследования. Изд. ВЦСПС. Москва, 1928 г., стр. 290, цена 4 руб.

В статистико-экономических исследованиях последнего десятилетия вопросы труда и рабочего быта играют далеко немаловажную роль. Наоборот, ни в одной из западно-европейских стран не уделяется столько сил и средств исследованиям рабочего быта и уровня жизни рабочих, как в СССР. Но нужно признаться, что большую часть этих исследований постигла незавидная судьба: они сделаны как бы по одному и тому же трафарету изучения динамики такого-то количества общепризнаных показателей рабочего быта. Исследования эти свелись, таким образом, к наблюдению своего рода бюджетной кон'юнктуры. Встречая ту или иную книжку по рабочим бюджетам, вы наперед можете знать, о каких вопросах будет там говориться, как будут трактоваться отдельные проблемы. В результате, несмотря на колоссальный материал, которым располагает советская статистика в вопросах рабочего бюджета, статистические и табличные трафареты выхолащивают из него его сущность, скользят зачастую по поверхности изучаемых явлений, ибо не пытаются даже проникнуть в толщу рабочего быта и осветить все его многообразие и все его противоречивые тенденции.

Новые задачи планового порядка (использование бюджетных исследований для исчисления емкости рынка, потребности наблюдения кон'юнктуры и пр.) требуют и иного подхода к статистике труда.

Автору рецензируемого монографического описания удалось не только преодолеть образовавшуюся уже в этой области инерцию и рутину, но и дать совершенно новый в СССР тип исследования, удачно сочетающий статистическую сводку материалов рабочих бюджетов, анкет, освещающих быт рабочих семей, и отдельные монографии индивидуальных рабочих хозяйств.

В основу всего исследования положены текущие (годовые) бюджетные записи нескольких десятков московских рабочих хозяйств в 1924 году.

Исследования, произведенные автором в качестве первого опыта в 1924 г., продолжались в расширенном об'еме и в следующие годы. Автор, в частности, подробно использовывает данные 1925 г. и приводит в приложении материалы 1926 и 1927 гг. Но центр тяжести всей книги переносится на первый год исследования, охватывающий минимальное количество рабочих семей, ибо для этого года произведены подробные монографические описания отдельных хозяйств и дано наибольшее количество бытовых анкет. Тон всей книги делают именно эти монографические исследования. Составленные просто, без всякого нагромождения цифрового материала, они ярко описывают жизнь и быт отдельных рабочих семей. Местами эти жизнеописания принимают прямо-таки художественную форму и все, как один (всего их 14), читаются с неослабеваемым интересом.

Все приведенные монографии автор разбил на три группы: целина, первые борозды, новь. В основу этой группировки положен формальный признак — наличие или отсутствие в описываемых семействах новых элементов быта, внесенных туда революцией. Но какую бы группу из этих описаний мы не взяли, всюду давит скудость быта, его неустроенность, безрадостность тяжкой борьбы за существование. Через каждую монографию красной нитью проходит, какое колоссальное значение имеют в рабочем быту жилищные условия и каким буквально бедствием являются недостаток жилищной площади и скученность жилья. Почти в каждой монографии по-своему ставится так называемый женский вопрос; ярко освещается тяжелый неблагодарный труд работницы, делящей свое время между фабрикой и домашним трудом, и домашней хозяйки, всей без остатка, с'еденной мелкой повседневностью, маленькими семейными заботами и тяжелой и длительной, с утра до ночи, домашней работой. В отдельных монографиях ярко иллюстрируются те коллизии, которые порождаются в рабочей семье благодаря неразрешимости в наших условиях проблемы домашнего труда. Самые противоречивые тенденции живут в быту современного рабочего. Мы встречаем здесь подчас исключительное культурное отношение к детям — систему воспитания без окриков, без побоев, а подчас совершенно обратное. Мы встречаем здесь почти абсолютную трезвенность, а рядом — регулярную пьянку. Рядом уживаются самые различные формы брака и семейной организации: строго налаженная семья, „освещенная, церковным браком, и семья, где брак никем не зарегистрирован; семья, живущая душа в душу, и семья, где муж является почти-что гостем дома и где то, что он вносит домой, не окупает даже расходов на его пропитание. Икона и портрет Ленина, евангелие и учебник политграмоты — все это часто живет не только под одной крышей, но даже в одной и той же комнате.

Особенно ярко подчеркивают монографии бескультурье рабочего быта.

Главной артерией, по которой современная культура проникает туда, — это газета и общественно-политическая деятельность.

Прикосновение рабочего к общественно-политической деятельности в большинстве случаев находит немедленный

отклик в повышении уровня культуры всего домашнего быта рабочей семьи. Это сказывается и в происходящей при этом модификации внутреннего вида жилища, в появлении нового круга потребностей и т. д.

Книга, театр, кино играют в рабочем быту пока еще ничтожную роль, и хоть современный столичный рабочий уже знает „трахт“ ко всем этим благам культуры, но они еще не вошли в его быт, не сделались его обязательной принадлежностью.

Интересны отдельные черты, фиксируемые автором. Анализируя питание рабочих, автору удается наглядно вскрыть, почему так крепка система домашнего питания и так мало адептов в рабочем быту находит питание в общественных столовых; он наглядно показывает, что последнее еще слишком дорого, что если даже оценить по рыночной стоимости труд домохозяйки, то и тогда домашнее питание окажется значительно рентабельнее, чем общественное.

Рассматривая жилищные условия рабочих, автору удается проиллюстрировать те безусловные достижения столичного пролетариата, которые являются результатом революции, но вместе с этим и показать, к чему ведет скученность жилья, скудость домашней обстановки, отметить взаимозависимость жилищной, если можно так выразиться, культуры от уровня благосостояния рабочих, степени их политической активности и т. д.

Та безрадостная картина, которую рисуют монографии, в громадной степени бледнеет в статистической обработке материалов исследования, данных автором в третьей части книги. Автор ревностно ищет все то новое, что внесли в рабочий быт последние революционные годы. В этих поисках одновременно и сильное и слабое место этой части книги. Сильное—потому, что они придают всей работе динамичность и общественную целеустремленность. Слабое же — оттого, что они подчас затмевают факты и выводы, которые напрашиваются из статистического материала, данного самим же автором, или, наоборот, подсказывают ему заключения, неоправданные этим материалом. Так, например, обстоит дело с доказательством типичности обследованных рабочих семей. Для автора ясно, что в 1924 г. обследованы семьи наиболее квалифицированных рабочих, но, исходя из соотношения заработной платы и числа едоков, автор делает вывод о том, что уровень жизни представленных в обследовании семей, если не ниже, то во всяком случае и не выше среднего для Москвы. Автор не замечает, в каком кричащем и неразрешенном противоречии находится это утверждение с его же прекрасно-задуманными исчислениями вероятной ошибки отдельных показателей строения бюджета, уровня жизни и т. д.

Далее, автор сам отмечает отбор для обследования рабочих хозяйств повышенного культурного уровня, он пытается даже путем деления на партийных и беспартийных элиминировать этот факт, но этим и ограничивает свои оговорки. Наконец, автор большое внимание уделяет сравнениям с довоенными данными, оперируя для этого переработкой бюджетов питерских текстильщиков Давидовича. Условная ценность этих сравнений ясна самому автору, но он не делает из этого необходимых выводов, оперируя этим материалом так, как будто никакой проблемы тут нет. Наоборот, он обрывает в самом начале богатый возможностями анализ изменения состава современного пролетариата, который мог бы многое рассказать о том, почему высокий в сравнении с довоенным уровень заработной платы не дает того эффекта в повышении уровня жизни рабочих, на который можно было бы рассчитывать.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что эта неизбежная авторская тенденциозность, хотя и делает некоторое противоречие в выводах отдельных частей его книги, однако, нисколько не умаляет большой ценности и второй ее части, посвященной статистико-экономическому анализу материалов обследования.

В. Львов

На аграрном фронте. Орган Аграрного института Коммунистической Академии. Ежемесячный журнал, №№ 6—12. 1928 г. Изд. Комм. Академии. Цена номера 1 р. 50 коп.

Рецензируемые номера журнала, как и предыдущие, дают обширный материал, освещающий современную аграрную действительность, дающий теоретические разработки аграрных проблем.

По удельному весу в рецензируемых номерах первое место занимают статьи на теоретические темы. Остановим внимание читателя на ряде статей.

Очень обстоятельны две статьи тов. Кубанина, характеризующие социально-экономическую сущность проблемы дробления крестьянских хозяйств (№№ 8 и 10).

Ранее, в № 1 журнала, тов. Кубанин в первой статье, посвященной той же проблеме, установил основную причину распада крестьянской семьи — отчуждение части труда на сторону, превращение части труда семьи крестьянского хозяйства в товар. В двух указанных статьях автор устанавливает, что, помимо этой причины, фактором разложения

является новое обстоятельство, присущее советской системе, это — коренное изменение экономического лица крестьянского двора — равенство членов двора и охрана законом слабых членов двора. Этим об'ясняется большое увеличение дробимости крестьянских хозяйств. К этому фактору присоединяется и третий — сельхозналог.

Выяснив причины дробимости крестьянских хозяйств, автор переходит к проблеме борьбы с нею. Анализу мероприятий, необходимых в наших условиях, автор предпосылает разбор мер, которые применяются в Западной Европе и применялись капиталистической России.

Характеризуя те предложения, которые по данному вопросу высказывались, тов. Кубанин пишет: „Проекты по ограничению дробления, высказывавшиеся как в печати, так и в отдельных выступлениях, обычно не ставят вопроса об исследовании причин дробления, а ставят лишь вопрос об ограничении дробления путем запрета". Такая постановка вопроса мало содержательна, тов. Кубанин прав, когда ставит вопрос так: **борьба с дробимостью возможна лишь путем коренного изменения социальной природы хозяйства**: „либо капиталистическим путем и уничтожением крестьянского хозяйства, как мелкобуржуазного и превращением его в капиталистическое сельскохозяйственное предприятие, либо же социалистическим путем — включением в коллектив. Среднего нет и быть не может". Конечно, это не исключает принятия мер по борьбе с дробимостью индивидуальных крестьянских хозяйств, которые если и не дадут уничтожения дробимости хозяйств, тем не менее ее ослабят.

С интересом читается и другая статья того же автора „Против буржуазных извращений в вопросах советского землеустройства" (№ 6—7).

Тов. Кубанин разбирает. Две **единственные появившиеся за год** статьи по вопросу о социальной роли, землеустройства: проф. Хауке — „Понятие землеустройства" и Красавина — „Социально-экономические задачи землеустройства и подход к их разрешению".

Рассматривая взгляды авторов критикуемых статей, тов. Кубанин отмечает буржуазную ограниченность и неграмотность их понимания сущности аграрного строя и его эволюции из двух систем хозяйств — индивидуалистической и „планомерной", вследствие чего получаются политически вредные выводы затушевывающие существо нашей аграрной революции и идею социалистической плановости хозяйства, смазывается подлинный характер советского землеустройства, его классовая природа. Дело не ограничивается, однако, смазыванием. Опираясь на теоретические рассуждения проф. Хауке, его ученик Красавин, дав вслед за своим учителем буржуазное понятие землеустройства, логически пришел к следующему выводу: „Принимая в соображение, что массовой Производственной базой, усиливающей продукцию сельского хозяйства, является масса индивидуальных мелких крестьянских хозяйств, главным образом, середняцкого и зажиточного типа, землеустройство должно, таким образом, приспособлять территорию именно к этому хозяйству, т.-е. заниматься устройством таких форм земельной площади, которые удовлетворили бы индивидуального товаропроизводителя — это будут, главным образом, формы единоличные: хутора, отруба или формы хозяйства индивидуального, например, широкие полосы в общине или поселки".

Это чисто кондратьевские выводы — правильно характеризует тов. Кубанин тезис Красавина и подвергает его основательной критике.

Заслуживает внимания также другая статья, посвященная идеологически враждебным вылазкам в области сел.-хоз. экономии. Мы говорим о статье тов. Верменичева — „Об одной вылазке новонародника" (№ 10). Проф. Чаянов поместил в одном из французских журналов статью, характеризующую развитие сел.-хоз. экономики и статистики в СССР. В качестве основного достижения сел.-хоз. экономики проф. Чаянов выставляет свою достаточно разбитую критически семейно-трудовую теорию хозяйства, констатируя вопреки действительному положению вещей, „твердость" и „прочную" установленность этой теории. Чаянов не обошел молчанием и некоторые марксистские работы, но это, так сказать, приличия ради и для показа, что марксистские работы являлись вспомогательными для обоснования его теории. Критикуя чаяновскую статью, тов. Верменичев доказывает „беспочвенность новонародника, лишь повторяющего старые народнические „истины" о некапиталистическом характере капиталистических отношений, проникающих в сельское хозяйство".

В № 6—7 мы имеем статью тов. Я. Никулихина „О проблеме индустриализации сельского хозяйства", в которой автор ставит вопрос о понятии индустриализации сельского хозяйства.

Для правильного решения вопроса необходимо, прежде всего, установить основные экономические отличия промышленности и земледелия, ибо индустриализация сельского хозяйства есть, в конечном счете, процесс изживания этих отличий, „процесс придания сел.-хоз. производству характера, свойственного индустриальному производству".

Прослеживая эти отличия, автор сводит их в основном к различию в техническом строении производства, к различию органического строения капитала и дает такое определение понятия об индустриализации сельского хозяйства: это „процесс

повышения в нем технического строения производства, процесс подведения под земледелие материально-технического уровня, присущего индустриальному производству (система машин), придания сел.-хоз. производству характера промышленного производства (специализация, массовое производство однородных продуктов). Это достигается через широкое развитие промышленной переработки сел.-хоз. продуктов (сел.-хоз. индустрия), через технический переворот в самой сфере производства технического сырья, зерновых и животноводческих продуктов, на основе механизации (включая и машинизацию), электрифицирования всех видов сельскохозяйственного производства и широкого применения научных методов".

Помещая эту содержательную статью, редакция журнала призвала читателей высказаться по затронутому вопросу. К сожалению, ни в одном из последующих номеров мы откликов не находим. Остается пожелать, чтобы в дальнейшем это было осуществлено.

Большое количество статей в журнале посвящено проблеме ренты. Тов. Воропаев в статье „Ревизионизм К. Каутского в теории земельной ренты" (№ 8) вскрывает ошибки К. Каутского в трактовке теории абсолютной ренты Маркса. В № 10 помещена интересная статья С. Солнцева, в которой делается попытка разрешения вопроса об источнике диференциальной ренты. С. Солнцев разбирает возможные решения вопроса об источнике диференциальной ренты: или прибавочная стоимость, созданная в земледелии, или прибавочная стоимость созданная всем обществом в целом, таким образом — и в индустрии, откуда она через посредство аппарата цен попадает в земледелие, а в конце концов перехватывается землевладельцем.

Полемизируя с представителем первого взгляда, проф. Любимовым, С. Солнцев высказывается за второе решение вопроса, находя, что „всякие другие источники диференциальной ренты стоят в резком противоречии с трудовой теорией ценности Маркса".

Против путаницы проф. Любимова в вопросах теории ренты, в частности в теории абсолютной ренты выступает тов. Л. Вольфсон статьей в № 9 „Против путаницы в теории ренты".

Интересны две статьи П. Першина „Рентабельность землеустройства и мелиорации". П. Першин отмечает, что в общежитии и в литературе часто употребляются термины „рентабельность землеустройства" и „рентабельность мелиорации", без достаточно ясного представления об их содержании. Исходя из социально-экономического понимания землеустройства и мелиорации, П. Першин правильно ставит вопрос так: „О рентабельности землеустройства или мелиорации можно говорить только при наличии двух условий: во-первых, когда будет доказано, что каждое из них влияет на высоту земельной ренты, увеличивая ее массу при данной земельной площади и, во-вторых, когда будет теоретически показано, к какой категории рентных явлений относится это мыслимое приращение ренты вследствие землеустройства или мелиорации".

Переходя к существу вопроса, автор в первой статье полемизирует с проф. Н. С. Фроловым, который в противовес марксовой теории ренты выдвинул свою теорию „мелиоративной ренты". Отводя как явно неверную эту новую теорию, П. Першин, основываясь на марксовой постановке проблемы ренты, доказывает, что „добавочный доход с мелиорированного участка по существу представляет диференциальную ренту, которая должна быть отнесена за счет приложения труда к более плодородной земле, обладающей большими производительными свойствами, которые ранее, до мелиорации, не использовались надлежащим образом.

В №№ 6—7 и 8 заканчивается дискуссия по вопросу о классовых группировках крестьянских хозяйств, состоявшаяся в Аграрном институте Коммунистической Академии по докладу тов. Крицмана. Одним из центральных вопросов, на котором были заострены прения, явился анализ отношений найма и инвентаря в крестьянском хозяйстве.

Большая часть речей, помещенных в указанных №№, касается именно этого вопроса. Ряд ораторов резко критиковал тов. Крицмана за явное неверное выпячивание этого явления как одного из важнейших, характерных для нашей деревни элементов расслоения. Прекрасным ответом на замечания ораторов является речь тов. Гайстера (№ 8), где дано подтверждение аргументации этого вопроса тов. Крицманом, подкрепленное фактическим материалом. Интересны также речи т.т. Наумова, Немчинова и др. Довольно содержательные материалы по вопросу о расслоении деревни дают ряд обзоров по отдельным районам страны. Обращаем внимание на обзоры: Ив. Воронова „Средства производства и производственные отношения в Воронежской деревне", (№ 8) и Дроздова: „Динамика группового состава Черниговской деревни", представляющие собой обработку материалов динамического обследования ЦСУ, произведенного в 1927 г. по новой впервые примененной классификации по группам средств производства, т.-е. по наиболее совершенному из всех существующих методов.

Заслуживают также внимания содержательные обзоры: М. Урьева и Месяцевой — „Характеристика социальных отношений крестьянских хозяйств в молочном районе" (№ 11), В. Цикото „Наем рабочих в крестьянских хозяйствах"

(№ 11) и В. Маджагаладзе „Об арендных отношениях в Грузии“ (№ 10).

Из проблем социалистического переустройства сельского хозяйства в журнале хорошо представлены вопросы колхозного движения.

№ 9 журнала открывается посвященной очередным задачам в области колхозного строительства статьей тов. Цылько. Анализируя вначале причины, обусловившие бурный под'ем колхозного движения последнего времени, тов. Цылько находит их в высоком уровне общей кооперированности крестьянского хозяйства по разным ответвлениям сельскохозяйственной кооперации и в высоком уровне развития социалистической промышленности, укреплении финансовой мощи государства, что является прочной производственной и общественной базой колхозного движения. Большим стимулирующим фактором явились также мероприятия, проведенные партией и государством после XV с'езда по под'ему сельского хозяйства и его реконструкции на социалистических началах и та социально-политическая обстановка, которая сложилась в 1928 году. Кулацкое наступление на мероприятия советской власти поставили бедноту и маломощное середняцкое крестьянское хозяйство перед фактом необходимости ведения своего хозяйства, и наилучшим выходом из положения была организация и коллективы.

Тов. Цылько формулирует как первую и важнейшую задачу — удержание нынешнего темпа колхозного строительства, организационно-хозяйственное закрепление всех организованных об'единений и реорганизация их в крупные обобществленные сельскохозяйственные предприятия.

Интересна статья тов. Гайстера, „Достижения и трудности колхозного строительства“ (№ 10 и 12). Автор дает цельную качественную характеристику колхозов в смысле их материально-технического уровня и социального облика.

Интересная в общем статья тов. Куликова „Контрольные цифры по колхозам на 1928/29 г.“. (№ 12) существенно дополняет картину, данную предыдущими статьями. „Обосновывая темпы колхозного строительства на текущий хозяйственный год, он пишет, что в связи с затруднениями в разрешении зерновой проблемы, важен вопрос о пропорциях капиталовложений в различных секторах сельского хозяйства и этот момент отчасти и заставляет нас отказаться в контрольных цифрах от тех высоких темпов, которые запроектированы по колхозам на пятилетие, иначе может получиться некоторый прорыв в части финансирования мероприятий по индивидуальному сектору“. Вряд ли можно принять такую аргументацию.

Очень интересно и верно соображение тов. Куликова об охвате колхозов контрактацией. Он пишет: „На ряду с усилением вовлечения колхозов в контрактацию необходимо основное внимание направить по расширению практики долгосрочной контрактации с тем, чтобы контрактационный договор превратить в план-договор по реорганизации (на основе специализации и улучшения техники земледелия) хозяйств колхозов“.

Гораздо меньше внимания в журнале уделено другим вопросам социалистического переустройства сельского хозяйства. Работа сельскохозяйственной кооперации почти совершенно не освещается, за исключением нескольких содержательных обзоров по вопросу об эффективности и социальном направлении сельскохозяйственного кредита (№№ 6, 7, 9, 11). Между тем, вопрос о направлении работ сельскохозяйственной кооперации сбыто-снабженческой, производственно-сбытовой и др. нуждается в серьезной проработке в связи с проблемой коллективизации.

Совершенно слабо освещаются и вопросы совхозного строительства. Мы имеем только два обзора: М. Сафьянова „Новые совхозы и колхозы в районах переселения“ (№ 8) и А. Метелева — „О новых зерновых совхозах“ (№ 9). Обзоры эти сами по себе интересны, но они, давая практический материал, не ставят проблему так широко, как этого она требует и как она должна быть подана, по нашему мнению, таким серьезным органом, как журнал „На аграрном фронте“.

Слабо представлены в журнале и вопросы контрактации. Мы находим всего лишь две статьи: Зелькиной „Вопросы контрактации хлопка“ (№ 6—7) и С. Епихина „Итоги контрактации технических культур в РСФСР“ (№ 8), освещающих отдельные частные вопросы контрактации. Проблема в журнале должна найти более видное место. Потребность в этом прекрасно аргументировал лишь один из указанных выше авторов тов. Епихин, говоря: „Контрактация, как система мероприятий, долженствующих перестроить крестьянское хозяйство, не получила должного признания. Даже наоборот, все время со стороны свеклосахарной кооперации (и не только ее одной, в качестве примера можно привести еще одну систему, проводящую работу по контрактации технической культуры — хлопковую кооперацию) и ее работников контрактация противопоставлялась обычному кооперативному пути развития крестьянского хозяйства. Как на местах, так и в кооперативных центрах сидят еще работники, которые считают контрактацию временным и переходящим явлением, своеобразным „увлечением“. А кое-где даже процветают теории о том, что контрактация для крестьянского хозяйства по своему существу является такой же „кабалой“, какой она была в дореволюционное время, и противопоставляют ее кооперативному пути развития крестьянского хозяйства.

Более или менее удовлетворительно реагирует журнал на ряд злободневных вопросов текущего момента. Им посвящены заслуживающие внимания статьи тов. В. П. Милютина — „Итоги пленума ЦК ВКП“ (№ 6—7) и „О правом уклоне“ (№ 12). Статья Ф. Цылько „За удвоение урожайности“ излагает мероприятия, намеченные НК РКИ, которые отражены в недавно принятом постановлении Сессии ЦИК СССР. Представляет интерес также статья (№ 6—7) тов. Львова „Итоги хлебозаготовительной кампании 1927/28 г.“. Очень обстоятельная статья, однако, имеет один весьма серьезный пробел. Автор кропотливо и убедительно доказывает причины затруднений с хлебозаготовками истекшего года, но почему-то игнорирует моменты классовой борьбы, ярко выявившиеся в процессе хлебозаготовительной кампании и в общем балансе факторов затруднений занимающие видное место. Это очень существенная ошибка автора.

Все сказанное убеждает лишний раз в громадной роли журнала „На аграрном фронте“ в разработке теоретических и практических вопросов сельскохозяйственной экономии и аграрной политики в борьбе за марксистско-ленинскую идеологию в аграрном вопросе. Журнал безусловно стоит на одном из первых мест в нашей экономической литературе, в смысле правильной линии, глубины содержания.

А. Попов

Известия Техплотехнического института имени профессоров В. И. Гриневецкого и К. В. Кирша, №№ 7, 8 и 9 за 1928 г. (160, 132 и 147 стр.) тир. 1.500, цена номера — 4 руб.

Самая возможность выпускать почти ежемесячно полновесный № „Известий“ свидетельствует о содержательной жизни и полезной деятельности одного из старейших советских научно-исследовательских институтов — теплотехнического. „Известия“ отражают характер и результаты как лабораторно-исследовательской деятельности института, так и его практического участия в деле индустриализации страны — в порядке ли монтажа новых силовых установок собственными силами института, или, что существеннее, испытания новых мощных установок, исследования существующих силовых и тепловых установок с целью рационализации энергохозяйства и топливоиспользования, путем ли проведения различных экспертиз, разработки технических проектов, связанных с теплосиловым хозяйством, и т. п. Так, в числе крупных работ такого рода мы находим в рецензируемых №№ подробное описание приемочных испытаний нескольких мощных заграничных турбоагрегатов (по 16.000 и по 17.500 квт.), установленных на станциях МОГЭС'а. В „Известиях“ же концетрируется опубликование трудов IV Всесоюзного Теплотехнического с'езда.

Особо надо отметить две интересные статьи проф. Л. К. Рамзина, представляющие собою доклады II Мировой энергетической конференции в Лондоне, в 1928 г., именно: 1) о сжигании антрацитовых штыбов и бурых углей в пылевидном состоянии и 2) о сжигании низкосортного топлива в СССР. Эти статьи, подводя итоги большой и плодотворной теплотехнической исследовательской работы, проведенной в СССР (не только в самом институте) за последние годы, дают и советскому читателю много ценного материала.

Журнал отражает новые идеи в теплотехнике и энергохозяйстве вообще и дает читателю большой материал по методологии исследования и рационализации теплосилового хозяйства. Следует поэтому пожелать широкого распространения „Известий Теплотехнического института“ не только в научных кругах, но и в массах практических работников наших трестов и предприятий, имеющих отношение к промышленному потреблению топлива или производству энергии.

А. С.

Сельскохозяйственные районы Уральской области. Изд. Уралплана под редакцией И. Е. Ишмаева, Л. В. Затейщикова и Б. В. Дидковского. Свердловск, 1928 г., 193 стр. in folio + приложение: 1) Список современных административных районов и бывших волостей с разбивкой по с.-х. районам Уралобласти и 2) Цифровая характеристика с.-х. районов Уралобласти. 71 стр., ц. 6 руб.

Довольно богатая литература по сельскохозяйственному районированию пополнилась новым изданием: Уралплан выпустил большую работу о сельскохозяйственных районах Урала. Эта работа — результат двухлетних трудов целого коллектива специалистов сельского хозяйства. Районы, представленные в ней,

только „первая наметка основных типов сельскохозяйственного производства на территории Урала".

При большем об'еме произведенной специалистами по сельскому хозяйству работы, при достаточно углубленном подходе авторов к отдельным ее темам, некоторые, отнюдь не маловажные проблемы все-таки оказались обойденными. Так, не все элементы экономики и техники с.-х. производства рассматривались в социально-экономическом разрезе, не проявлено должного внимания к вопросу о размещении типов сельского хозяйства. Последнее сделано довольно обще.

В вводной (I) главе выясняются задачи и самая методика их районирования: в постановке большинства вопросов видны практические, поставленные уральцами цели — авторы хотят итти навстречу потребности в знании размещения в пространстве сложившихся на территории Урала систем сельского хозяйства, в понимании природных и экономических явлений Уралобласти.

Глава II, посвященная естественно-историческим условиям Урала, развертывает перед читателем климатические районы, показывает нам уральские почвы и флору путем описания почвенных и ботанических районов.

О характеристике экономических условий, в которых развивается сельское хозяйство Урала, трактует III глава. В ней мы находим обычные данные о населении, его роде, плотности, национальном составе и т. п. сведения демографического порядка, о путях сообщения, промышленности, рынке, его центрах и т. п. Тут же сведения о товарности, размерах внутреннего рынка, грузообороте и в результате дана довольно отчетливая картина районов сбыта с.-х. продукции Урала с их центрами (таких районов зарисовано 17).

Следующая, самая большая (в общей части) глава (IV) содержит в себе характеристику сельского хозяйства Уралобласти (35 стр.). Тут мы находим одну из самых интересных частей книги. Начало этой обширной главы отдано экономике с. х. — с рядом таблиц, определяющих значение с. х. производства для различных округов области, его удельный вес, темп развития. В этом же разделе приведены цены и данные по обеспеченности с.-х. средствами производства, дан отраслевый разрез и т. п. Есть особая часть, посвященная с.-х. угодьям, отдельно взяты темы полеводства и животноводства.

Последняя (V) глава содержит в себе описание всех 17 районов. Массу статистического материала дает приложение, при чем относительные величины, характеризирующие производство, приводятся отдельно и для крупных и для дробных с.-х. районов, а абсолютные величины даны в границах бывш. волостей. В тексте книги масса таблиц, картограмм. Отдельные карты даны для почвенных районов, для с.-х. районов Уралобласти в границах современных административных районов (в виде схематической карты). Такая же схематическая карта с.-х. районов дана в границах бывш. уездов и волостей (75 в. в дм.).

Работа в целом получилась большая и ценная. Прежде всего отметим особенность книги о с.-х. районах Урала. Она сильно агрономизирована. То участие агрономов во всей проделанной Уралпланом работе, которое выразилось и в 180 собранных от них анкетах — по организации и технике сельского хозяйства, и в привлечении ряда специалистов с.-х. опытников и т. п. к обсуждению ряда вопросов в усиленной консультации окружных и районных агрономов,— все это послужило хорошим подкреплением к довольно богатому, в части дефективному статистическому материалу. Агрономический подход заметно отразился на трактовке тем. Первая наметка с.-х. районов также проводилась через совещания специалистов сельскохозяйственников.

Вторая особенность книги заключается в том, что книга Уралплана ведет всем своим содержанием к строго определенным практическим целям — отсюда и родилось желание возможно полнее осветить вопросы техники земледельческого промысла Урала, дать агротехнический анализ с.-х. производства области. Данная этой работой производственная характеристика является самой богатой и хорошо продуманной.

Остановимся несколько на методологической стороне. После ряда общих замечаний на стр. 2, гл. I, мы находим определение с.-х. района. Неясность самого понятия „система сельского хозяйства", существующая и до сих пор неопределенность терминологии заставляет искать более обобщенную формулу, чем та, которую дали авторы труда на стр. 2. Здесь лучше бы сказать о размещенных на территории различных типах организации сельского хозяйства, о пространственном размещении господствующих типов с. х., а не об экономическом развитии местности с ее биологическими особенностями. Определение, приведенное на стр. 2, вообще несколько тяжеловато.

Авторами было выбрано довольно много первичных признаков — для лучшего выявления всей пестроты хозяйства и природы Урала. Очень целесообразно взяты признаки, которыми характеризуется способ восстановления плодородия, учтены показатели обеспеченности хозяйства навозом. Хорошо и то, что по отдельным, имеющим крупное организационное значение культурам, хотя бы с небольшим, отведенным им процентом в общей площади, взяты абсолютные величины. Нет статистических извращений в выборе показателей по животноводству (комбинации соотношений различных категорий скота и возрастных группировок). Выделено птицеводство, а с.-х. инвентарь взят в соотношениях ценностных к 100 га пашни. Таким образом, при всем разнообразии и пестроте хозяйственных условий Урала при установлении перечня показателей выбрано самое нужное. Несомненно, что основные показатели, по которым выделялись районы — система земледелия, направление животноводства, товарность сельского хозяйства и промысловость крестьянского хозяйства намечены для уральской обстановки правильно, и авторы строго придерживались избранного методологического пути, что следует подчеркнуть. Суб'ективизма в работе Уралплана мало.

Глава II, посвященная естественно-историческим условиям сельского хозяйства (климат, почвы, растительные формации) разработана подробно—тема взята углубленно: климатическому районированию естественно отдано больше места (значение климата, как фактора, велико). Этот раздел кстати богато иллюстрирован. Следующую (III) главу правильнее назвать характеристикой района по отраслям народного хозяйства. Несколько излишними кажутся общие рассуждения на тему о рынке и его значении (41 стр. книги).

На стр. 51 сделано исчисление уровня и интенсивности по валовому и очищенному доходу. Отсюда — применение валористического метода. Коми-Пермяцкий район с его пестропопольем и низкой земледельческой техникой выделился по уровню и интенсивности. Не следовало ли применить здесь и натуралистический метод?

В разделе о социально-экономических процессах в сельском хозяйстве Урала (стр. 54 и далее) мало данных о колхозах: нет совсем данных о посевных площадях, их росте и т. д. Обобществленному сектору вообще не уделено в книге достаточно внимания. Тема эта в социально-экономической диференциации „подана" с статистической изысканностью, несколько вредящей четкой постановке вопроса: масса показателей и отсутствие достаточно ясной картины.

Интересная схема социально-экономической группировки крестьянских хозяйств (ср. стр. 61 и 62) требует, конечно, комментирования; в приведенной форме она мало послужит практическим целям. Ничем, напр., не мотивируется этот лимит в 75 дней в году, срок, исходя из которого хозяйство относится к группе эксплоататорской. На стр. 62 мы находим таблицу распределения классовых групп по посеву и лошадности — в ней смешаны различные классовые слои, о чем пишут и сами авторы.

Про главу III (стр. 69 — 82) в целом следует сказать, что вопросы техники сельского хозяйства получили в ней довольно хорошее освещение, что в капитальном издании по с.-х. районированию вполне уместно. Этот ряд беглых оценок, не вскрывающий полностью всего достоинства работы Уралплана, уже обнаруживает значительную ценность подобных изданий. Книга о с.-х. районах Урала есть по существу хорошо написанная энциклопедия сельского хозяйства Урала, связанная с хозяйственным оформлением этой области — ее районированием. В ней дан свод материалов о сельском хозяйстве, вскрыты эволюционные процессы, протекающие в существующей экономической обстановке. Она хорошо освещает и природные условия и экономику области. И тот, кому придется знакомиться с с,-х. районами Урала, его с.-х. производством по этой книге, должен поблагодарить авторов за исчерпывающую полноту, углубленный экономический подход и хорошую проработку всей темы.

М. Лучебуль

Хозяйство Урала, ежемесячный полититико-экономический журнал уральского областного исполкома советов, 1928 г., №№ 8—12.

Три момента определяют в настоящее время характер дальнейшего развития народного хозяйства Урала, а вместе с тем, и содержание и направление его плановой работы. Первый момент — это представление об Урале не как о горнозаводском районе, а как о сложном хозяйственном комбинате. Второй — это влияние на Урал нового транспортного строительства, намеченного в пятилетке. Третий — это передвижение промышленных центров на восток. Все эти положения вполне усвоены местной экономической мыслью и нашли соответствующее отражение в „Хозяйстве Урала". В свете этих положений рассматриваются и очередные проблемы пятилетнего плана народного хозяйства Урала. Вдумчивое и серьезное отношение к этим проблемам заставляет Н. Березова в статье „Очередные вопросы пятилетнего плана хозяйства Урала" в № 10 „Х. У." признать, что в связи с курсом индустриализации страны, в центре внимания местных плановых органов в работе над пятилеткой должна стоять прежде всего энергетическая проблема. Кстати, и план электрификации, на ряду с вопросом минерализации топливного хозяйства, является наиболее разработанным.

Этой разработанностью не может похвалиться транспортная проблема Урала. Так, необходимо учесть географическое размещение новых химических заводов, углубить и уточнить вопрос о реконструк-

ции существующих уральских железных дорог, приступить, наконец, к разработке вопросов совершенно заброшенной области водного и безрельсового транспорта.

В области промышленного плана, на ряду с вполне удовлетворительным состоянием разработки планов древесноугольной и минеральной металлургии, требуют дальнейшей доработки планы сельскохозяйственного машиностроения и медной промышленности, а особенной конкретизации и уточнения — план химической промышленности, имеющей на Урале блестящее будущее.

Далеко не последнее место должны занимать в пятилетнем плане и научно-исследовательские работы, поскольку производительные силы Урала далеко еще не изучены и поскольку изучение их может крупнейшим образом отразиться на всем развитии народного хозяйства Урала.

Развитие планового начала в нашем народном хозяйстве сказывается не только на расширении количества об'ектов планирования, но и на углублении самой методологии планирования. Недостаточно уже на нынешней ступени развития нашей плановой работы говорить и осуществлять в о о б щ е реконструкцию той или иной отрасли народного хозяйства. Необходимо заострить внимание на к а ч е с т в е реконструктивных мероприятий, выбрав из них лишь те, которые обеспечивают наибольшую эффективность.

Инж. Корнилов в № 8—9 журнала в статье „О методологии промышленного планирования" полагает, что в разрешении этой проблемы следует итти по пути ускоренной подготовки узких специалистов отдельных отраслей техники. Однако, если ограничение программы ВТУЗа и возможно и полезно, то нельзя признать правильным взгляд автора на необходимость выбросить из программы средней школы все, кроме математики, физики и химии. Всякий техник должен быть прежде всего культурен, а в условиях социального строя СССР и э к о н о м и ч е с к и грамотен. Иначе наша реконструкция будет т е х н и ч е с к и высокой, но с о ц и а л ь н о для нас неприемлемой.

Нынешнее состояние народного хозяйства Урала характеризуется, на ряду со значительными достижениями, еще весьма крупными недостатками.

Контрольные цифры на 1928/29 г., краткому и самому общему анализу которых посвящена статья К. Клименко в № 11 журнала („Основные моменты контрольных цифр Урала на 1928/29 г."), свидетельствуют о продолжающемся росте всего сельскохозяйственного и промышленного производства.

Однако, при несомненно положительном характере роста хозяйства Урала, взятого в целом, в нем имеется целый ряд весьма узких и слабых мест.

Контрольные цифры на 1928/29 г. намечают ряд мер по расширению посевной площади зерновых культур, которая должна вырасти на 8% при 7% по Союзу. Меры эти заключаются в максимальном расширении контрактации посевов, расширении посевной площади колхозов, усилении планового снабжения, особенно, недостаточных крестьянских групп посевным материалом, орудиями и т. д. В частности, в деле развития обобществленного сектора сельского хозяйства намечена в 1928/29 г. организация двух новых крупных зерновых совхозов на площади 70 — 75 тысяч гектаров. Посевная площадь колхозов, возросшая в 1927/28 г. до 74 тыс. гектаров, достигнет в 1928/29 г. 182 тыс. гектаров.

В области торговли контрольные цифры на 1928/29 г. намечают ряд мероприятий по организации продовольственного сельскохозяйственного рынка, по политике повышения хлебных цен, повышения снабжения Урала промтоварами, расширения сети мелкой торговли, улучшения обслуживания потребителей и всемерного снижения издержек обращения.

Капитальные вложения Урала намечены на 1928/29 г. в размере 304,4 млн. руб. против 176 млн. руб. в 1927/28 г. и 126 млн. руб. в 1926/27 г., при чем на промышленность падает 139 млн. руб.

Что касается остальных отраслей народного хозяйства области, то контрольные цифры отмечают слабое состояние рационализации лесного хозяйства, в особенности его механизации, на которую в 1928/29 г. будет израсходовано не более 2 млн. руб., чрезвычайное перенапряжение железнодорожного транспорта, на новые линии коего отпускается в 1928/29 г. 21 млн. руб., и весьма слабое состояние коммунального хозяйства области, капитальные вложения в которое пришлось даже сократить до 17,8 млн. руб. против ранее намеченных 22,8 млн. руб.

Особого внимания заслуживают статьи, посвященные вопросам кооперирования крестьянского хозяйства.

Статья Ф. Казанского „Колхозное строительство на Урале" в № 10 журнала, знакомит нас с результатами сплошного обследования колхозов Уралстатуправлением на 1 мая 1928 г. Всего на Урале сейчас насчитывается 1.634 колхоза, из коих седьмая часть приходится на коммуны. Пока колхозами охвачено всего лишь 1,5% крестьянских хозяйств. В среднем на каждый колхоз выпадает по 11,1 семей и 45 *га* обобществленного посева. В коммунах осуществлено полное обобществление всех средств производства и коллективное ведение всего хозяйства; в артелях — неполное обобществление посева и еще меньшее обобществление скота; в товариществах посев обобществлен еще меньше, а скот почти весь находится в индивидуальном пользовании.

Ближайшими задачами колхозного движения являются меры по укрупнению колхозов, по развитию более сложных форм колхозов и усилению элементов обобществления, в частности, и особенно, в отношении скота.

Следующая статья В. Парышева (№ 12) „Социальное направление сельскохозяйственного кредита в уральской деревне" рисует довольно неприглядную картину искажения классовой линии в практике сельскохозяйственного кредита на Урале. Оказывается, что капиталистическая часть крестьянства охвачена кредитной кооперацией в большей мере, чем бедняцкая часть, что эта верхушка крестьянства кредитуется, главным образом, наиболее эффективными средствами производства, как машинными, что кредит является по преимуществу краткосрочным, а потому малодоступным для маломощных слоев деревни. Устанавливается, далее, что заемщики, пользуясь недостаточным контролем над расходованием ссуд, употребляют их часто не на производственные, а на потребительские цели, вопреки основной задаче сел.-хоз. кредита, как кредита производственного. Отсутствует правильная классовая линия в борьбе с задолженностью заемщиков, вследствие чего просроченные и отсроченные ссуды опять-таки выпадают в большинстве случаев на зажиточных крестьян. Наконец, самый размер среднего кредитования столь незначителен, что нельзя и ждать от кредита желательного производственного эффекта.

Наконец, статья Н. Ишмаева „Основные рычаги реконструкции сельского хозяйства на Урале" в № 12 журнала совершенно правильно рассматривает проблему реконструкции сельского хозяйства Урала, исходя, с одной стороны, из специфических особенностей сельского хозяйства области, а с другой, — из к о м п л е к с н о г о воздействия на сельское хозяйство всех методов его реконструкции, взятых в их совместном и одновременном проявлении.

Индустриализация сельского хозяйства Урала будет итти по пути развития в нем, главным образом, маслодельной промышленности, бэконного производства, промышленного птицеводства и льноводства, сумма вложений в которые достигает 28,8 млн. руб. Контрактация охватит не только посевы технических культур, но и яровые и озимые посевы, а также отрасли животноводства и огородничества.

Площадь посева под многолетними и однолетними травами намечена в 1932 г. в 536 тыс. *га* против 104,4 тыс. в 1928 г. Многопольные севообороты займут 3,2 млн. *га* пашни против 667 тыс. *га* в 1928 г.

Химизация сельского хозяйства Урала имеет особенно благоприятные перспективы в виду природных богатств области, позволяющих поставить в ней производство калийных солей, фосфоритов, суперфосфатов, извести, азотистых туков, мергеля и торфа, продукция которых не только обеспечит внутренние потребности области, но и станет предметом вывоза в другие районы СССР. В оборот минерально удобряемой пашни намечено включить 400 тыс. *га*, что повысит урожайность по разным системам земледелия от 15 до 50%. В течение 7—8 лет возможна полная замена простых крестьянских семян сортовыми, что повысит урожайность на 20—25%.

Проведение всех указаных мер обеспечит повышение товарной продукции на 1 душу населения на 35,2%, валовой продукции на 1 *га* пашни и сенокос на 20%, при общем под'еме урожайности зерновых культур на 28,1%. Удельный вес частного сектора в сельском хозяйстве упадет по всей валовой продукции с 99,5% до 82%, по всей товарной продукции с 98,5% до 69%, по всей зерновой продукции до 77,1% и по всей животноводческой до 86,8% — за счет соответствующего роста секторов государственного и кооперативного.

Местная экономическая мысль, отраженная в „Хозяйстве Урала", правильно нащупывает пульс главнейших экономических проблем текущего времени. Вопросы планирования народного хозяйства привлекают к постоянному вниманию журнала, хотя разработка о т д е л ь н ы х плановых проблем находится еще в недостаточно развитом состоянии. Хорошее впечатление производит правильное представление о специфических особенностях Урала, как экономического района, и о роли его в союзной экономике. Заслуживает внимания прекрасно поставленный отдел „На местах", наполненный, в противоположность другим районным журналам, не хроникой, а серьезным изучением изменений в местной экономике, вызываемых нашей политикой реконструкции и индустриализации.

Следовало бы, однако, уделить большее внимание промышленности за счет сельского хозяйства. Преобладающее количество статей, посвященных сельскому хозяйству, знаменует, пожалуй, излишнюю реакцию на совершенно ошибочный взгляд на Урал, как исключительно промышленный район, взгляд, не учитывающий, что народное хозяйство Союза располагает Уралом, как одним из мощных сельскохозяйственных районов. Недостаточное отражение в журнале находят и с о ц и а л ь н ы е процессы нынешней экономики, как, например, роль частного капитала в торговле, а особенно в хлебозаготовительной кампании, на мясном, молочном рынке и т. д.

Все эти отдельные замечания не мешают, однако, „Хозяйству Урала" быть не только хорошим областным органом, но и служить примером для многих наших местных экономических журналов.

И. Лерман

Народное хозяйство Казакстана. Политико-экономический орган Госплан КССР. №№ 1—12. 1928 г. Кзыл-Орда.

Планирование народного хозяйства требует коллективной работы по „осознанию“ процессов, происходящих в хозяйстве каждого из экономических районов, и широкого обсуждения советской общественностью перспектив экономического развития. Необходимым условием этого являются местные экономические журналы. Задачи организации коллективной работы, несмотря на трудные условия, успешно выполняются „Народным хозяйством Казакстана“.

Из сложных проблем экономики Казакстана следует прежде всего назвать вопрос о направлении сельскохозяйственного развития Северного Казакстана. Имеющиеся по этому вопросу различные точки зрения — сторонников скотоводческого и земледельческого направления — нашли свое обоснование в статьях А. Потоцкого, А. Челинцева (стенограмма доклада в Земплане РСФСР), М. Сириуса и И. Ларина. „Скотоводческая“ точка зрения М. Сириуса опровергается И. Лариным, исчислившим на основе обширного материала минимальный земледельческий фонд Северного Казакстана в 22,8 млн. *га*, т.-е. в 3 раза более исчислений М. Сириуса. Этим подтверждается правильность высказанных редакцией—в связи с статьей М. Сириуса — соображений о том, что реконструкция сельского хозяйства Казакстана включает, как один из существеннейших элементов, мощное развитие зернового хозяйства.

Развитие технических культур—хлопка, кендыря, кенафа — рассматривается в статьях А. Фрея (№ 1), Л. Кенарского (№ 2—3), А. Краснощекова и Н. Кузнецова (№ 9—10). От той общей постановки вопроса, которая дана в этих статьях, необходимо в следующих номерах журнала перейти к порайонному сравнению конкурентоспособности этих культур и анализу оптимального географического размещения их посевов.

Следует высказать также пожелание, чтобы в 1929 г. в отделе „Экономика районов“ помещалось больше статей о сельском хозяйстве отдельных районов. Для Казакстана вопрос этот имеет тем большее значение вследствие неравномерности восстановительного процесса в сельском хозяйстве КССР,— если по одним губерниям посевные площади и количество скота в 1927 г. значительно превышали размеры 1917 г., по другим наблюдалась значительная недовосстановленность (посевные площади бывш. Уральской губ.— 40% от размеров 1917 г., бывш. Джетысуйской — 61%).

Интересна — и отнюдь не только для изучающих хозяйство Казакстана—статья Г. Стрельникова „Тракторное хозяйство Казакстана“ (в № 11—12).

Много внимания уделяется журналом перспективам развития промышленности. В рецензируемых номерах помещен ряд статей, рассматривающих перспективы угледобычи, металлургии, химической промышленности,[1] а также электрификации Казакстана. В нескольких статьях под различными углами зрения рассматриваются возможности организации добычи угля в Караганде (месторождение в 185 *км* на юго-восток от г. Акмолинска). Карагандские запасы углей — коксующихся — весьма велики. Угледобыча намечается в комбинировании с районной тепловой электростанцией и организацией металлургического производства в районе — сначала добычи меди и других цветных металлов, а затем и черной металлургии. Как возможный потребитель угля указывается также Магнитогорский завод (при соединении Карагандинского района с железнодорожной сетью через станцию Щучье[2] перевозить уголь до Магнитной придется на расстояние примерно в 2 раза меньше, чем из Кузнецкого бассейна). Значение для развития народного хозяйства Казакстана Карагандинского района нашло свое отображение в постановлении СНК РСФСР по докладу о деятельности правительства КССР, опубликованном в № 8 журнала. Хотя проблема Караганды является проблемой генерального плана, но уже в ближайшие годы необходимы детальные промышленные разведки и, по возможности, подготовительные работы по развитию цветной металлургии.

Состояние и перспективы Карсак-Пайского горно-металлического (медного) комбината описываются в статье инж. Сатпаева в № 9—10 журнала. В № 1 этот же автор в статье „Карсак-Пайский район и его перспективы“ ставит вопрос о видоизменении сельскохозяйственной экономики района в связи с организацией Карсак-Пайского комбината. Поскольку минеральные богатства имеются в различных районах Казакстана, этот вопрос имеет значение не только для одного Карсак-Пайского района. Было бы весьма желательно освещение его по материалам районов, где промышленные предприятия существуют сколько-либо длительный период (нефтедобыча в Урало-Эмбинском районе, рыбные промыслы на Аральском море и др.).

Существенным недостатком журнала является то, что анализ перспектив промышленного развития не увязывается с анализом работы уже существующих предприятий. В рецензируемых номерах журнала имеются лишь некоторые сводные данные о работе промышленности — в обзорах народного хозяйства КССР (И. Маслова и К. Онищенко) и — в отношении местной промышленности, планируемой Каз. ЦСНХ — в статье Ф. Корнюшина в № 9—10. Анализу результатов работы промышленности, находящейся на территории Казакстана, в том числе и подчиненной республиканским и союзным органам, должно быть предоставлено больше места на страницах журнала. Большее внимание надлежит отдавать и таким проблемам, как динамика себестоимости (в №№ 1—12 журнала ни одной статьи или обзора о положении с себестоимостью нет), лишь мимоходом вопрос этот в отношении местной промышленности затрагивается в указанной выше статье Ф. Корнюшина, но и там сообщаемые данные не подвергаются сколько либо подробному анализу).

Вопросы мелкой промышленности КССР рассматриваются в интересной статье Н. Мухина. Мелкая промышленность дает 10%, а с включением рыболовства и охоты — 12% валовой продукции Казакстана, тогда как цензовая промышленность всего 7%. Отношение кустарно-ремесленного населения Казакстана ко всему населению весьма близко к подобному отношению в земледельческих районах СССР. Продукция мелкой промышленности идет полностью на местный рынок. Большая часть производителей является ремесленниками, работающими по заказу потребителя. Кстати статья Н. Мухина озаглавлена „Рабочая сила мелкой и кустарно - ремесленной промышленности“. Это не совсем правильная терминология, так как кустарно-ремесленная промышленность уже есть — мелкая.

Некоторую неравномерность различного рода материалов следует отметить и в отношении транспорта. Редакция откликнулась на работы по изысканию железнодорожных линий в КССР тремя статьями, рассматривающими 1) продолжение линии Троицк — Орск на юг — до соединения с Ташкентской жел. дорогой (два варианта — на Актюбинск и на ст. Эмба), 2) соединение ст. Кулунда (юго-восточный выступ линии Татарская — Павлодар) с Алтайской жел. дорогой (Семипалатинском или Рубцовым), 3) постройку дороги Уральск — Оренбург (последняя статья помещена в порядке дискуссии, редакция оговаривается, что ею поддерживается направление Уральск—Илецк). Зато по вопросам, связанным с постройкой Туркестано-Сибирской магистрали и реконструкцией народного хозяйства в районе дороги, в №№ 1—10 нет ни одной статьи, кроме небольшого обзора месторождений полезных ископаемых в северном районе магистрали, в № 11—12 помещены еще одно описание месторождений (двух угольных и одного медного) и статья А. Потоцкого „Сельское хозяйство в районе Турксиба“. В последней статье, несмотря на ее чрезмерную краткость и схематичность, мы встречаем ряд интересных соображений, в том числе по землеустройству (автор считает, что „в результате целого ряда принципиальных политических и технических ошибок, площадь района, несмотря на производство землеустроительных работ в течение уже шести лет, является еще совершенно не землеустроенной и в подавляющей части требующей полной переделки даже произведенных работ“) и по перспективам развития. Однако, признавая, что его наметка „построена на слишком схематичных данных о природных ресурсах, на недостаточном об'еме данных об организации хозяйства и валовой продукции района“, автор отмечает, что „задачей последующей работы является уточнение плана на основе данных из работ последнего времени по изучению природы и хозяйства края и — добавим мы — на основе учета особенностей каждого из дробных районов, пересекаемых и обслуживаемых дорогой. Эта работа по уточнению плана должна найти свое отображение на страницах журнала.

Указанные выше отдельные недочеты в значительной степени об'ясняются теми условиями, в которых журнал издается, и в первую очередь неизбежной ограниченностью круга участников журнала. В вводной статье в № 1 редакция указывает что „связь с местами“ может быть осуществлена „главным образом, участием самих мест в журнале“. На 1929 г. следует поставить задачу большего общения с читательской массой и большего привлечения к сотрудничеству местных работников. Мы полагаем, что одним из способов этого общения могла бы быть публикация в журнале „писем в редакцию“, в которых местные работники ставили бы на обсуждение различные хозяйственные проблемы и высказывали бы свои соображения.

Ал. Брауде

[1] Предложения по химической промышленности в части лесохимии (статья инж. Юнганса в № 9—10) представляются нам весьма спорными.

[2] Часть этой линии — от станции Щучье до Акмолинска—будет закончена, повидимому, к концу 1929 г.; остальная часть намечается к постройке в течение пятилетия.

Нижнее Поволжье — Ежемесячный журнал Нижне-Волжской краевой плановой комиссии. №№1—12 за 1928 г., год издания V.

1928 год является годом организации Нижне-Волжского края. Журнал „Нижнее Поволжье“ выходил в течение четырех лет до районирования. Первые пять номеров журнала за истекший год вышли еще в издании Саратовской Губернской Плановой Комиссии и на них еще лежит отпечаток губернского масштаба. Однако,

проблемы Нижнего Поволжья в целом не были чужды журналу уже и в то время.

Огромный край, с территорией, доходящей до 325 тыс. кв. км, с населением в 5.500 тыс., с богатыми перспективами как в области сельского хозяйства, так и в области развития промышленности, со строительством грандиозных сооружений, имеющих общесоюзное значение (Волго-Дон, Волго-Каспийский канал и пр.) является богатой питательной базой для журнала.

Посмотрим, как справляется со своей большой задачей „Нижнее Поволжье".

Вопросы районирования и создания Нижне-Волжского края, естественно, должны были интересовать журнал в первую очередь. Этой проблеме посвящен ряд статей. Две из них (ст. ст. Гаврилова и Моисеева) представляют теперь только исторический интерес. В них авторы пытаются доказать целесообразность организации большой области, в составе теперешних Средне-Волжской области и Нижне-Волжского края. Как известно, Госплан отверг этот проект, а ВЦИК утвердил организацию края в настоящем его составе (б. Саратовская, Сталинградская, Астраханская губерния, Республика Немцев Поволжья и Калмобласть).

Последующие статьи в №№ 3, 4 и 5 описывают районирование края, рассматривание значения городов и, в частности, центрального города — Саратова и дают всестороннюю экономическую характеристику новой административно-хозяйственной единицы.

Наиболее полно эта характеристика дана в статье — Л. Гаврилова „НВО и ее удельный вес в РСФСР" (№ 4). Сельское хозяйство занимает основное место в экономике края. 86% всего населения живет в сельских местностях. В общей валовой продукции промышленности и сельского хозяйства — последнее занимает около 60%. По сельскому хозяйству удельный вес края в РСФСР довольно значителен (свыше 7% по посевным площадям). Между тем, именно в области сельского хозяйства, особенно в зерновой его части, край далеко отстал от РСФСР и Союза. В 1928 г. посевные площади в крае составляли всего 74% довоенных.

Журнал имеет следующие отделы: 1) обще-экономический, 2) промышленность, 3) сельское хозяйство, 4) транспорт, 5) кооперация, 6) торговля и др.

Основные решения партии по вопросам хозяйственной политики не проходили мимо „Нижнего Поволжья". Передовые 7, 8, 9, 10, 11, 12 номеров последовательно отражают основные моменты партийных директив в области экономической политики. В духе основных решений партии выдержана также и статья в № 11, посвященная перспективам хозяйственного строительства на 1928/29 г.

Зерновая проблема, являющаяся одной из основных народнохозяйственных проблем Союза имеет для Нижнего Поволжья исключительное значение, как для одного из ударных районов в этой области. С задачей освещения вопросов, связанных с зерновой проблемой, журнал справляется хорошо. Отдел „Сельское Хозяйство" — самый полнокровный в ряду других отделов. Здесь необходимо прежде всего отметить интересную дискуссию о поднятии урожайности, имевшую место на страницах журнала. Открытая статьей Д. С. Кузнецова „Урожайность яровой пшеницы и озимой ржи в Нижнем Поволжьи" (№ 6), основанной на данных метеорологического бюро и представляющей чисто-научный интерес, дискуссия привлекла внимание ряда специалистов, выступивших в последующих номерах со своими статьями.

Из этих статей выделяется своим пессимизмом в отношении возможности разрешения проблемы урожайности статья — С. Делиникайтиса „Перспективы урожайности в Нижне-Волжском крае, (№ 8).

Отрицая возможность намеченного перспективный планом окончания землеустройства в течение 5 лет, автор пишет: „... было бы не плохо, если бы оно (землеустройство) было закончено по всему краю в течение 15 лет... Надо полагать, что к концу 15-летнего периода крестьянское хозяйство по форме землепользования (оптимальный размер территории), по состоянию инвентаря будет приближаться к типу крупных частно-владельческих хозяйств. Поэтому и урожайность должна приблизиться к довоенной урожайности на б. владельческих землях, а по пшенице возможно даже превышение"...

Помимо общей пессимистической оценки перспектив урожайности статья вообще страдает однобокостью постановки вопроса, делая упор только на индивидуальные хозяйства и не соответствует линии партии в вопросе о развитии сельского хозяйства. Статья отражает явно буржуазную точку зрения.

Другая статья Н. Лукова — „К под'ему урожайности" (№ 9) представляет лучшую из всех статей по этому вопросу. Автор останавливается на причинах неурожайности и дает правильную постановку проблемы повышения урожайности путем комплексного воздействия социально-экономических и агротехнических мероприятий. В конечном итоге полное разрешение вопроса автор видит „в массовом производственном кооперировании крестьянства, в создании мощных хозяйств оптимального размера". Останавливаясь на значении совхозов и колхозов, автор вместе с тем не упускает из виду и индивидуальных хозяйств, являющихся в настоящее время основными производителями сельскохозяйственной продукции.

Автор связывает мероприятия государства с мероприятиями отдельных крестьян и видит наибольшую эффективность в их контакте.

В серии статей об урожайности надо указать еще на интересную статью проф. Н. Тулайкова — „Под'ем урожайности и опытные учреждения", характеризующую большую роль последних в разрешении зерновой проблемы и сосредоточенную по преимуществу на агротехнических мероприятиях.

Ряд статей посвящен вопросам строительства новых зерновых совхозов в крае, ирригации, севооборотов и т. д. Достаточно полно освещались также задачи весенней и осенней посевной кампании.

Вопросы пятилетнего плана не получили достаточного освещения и проработки на страницах журнала. Пятилетию посвящены только две статьи — В. Я. Бедринцева „Перспективы строительства текстильной промышленности (№ 10) и К. Максакова „К перспективам транспортного строительства в НВК в 1928/29—1932/33 гг." (№ 12).

Надо упомянуть, что пятилетка Саратовской губернии получила должное отражение в первых номерах журнала, но эти работы утратили в данный момент интерес.

Тов. Бедринцев в своей статье приводит интересные данные о перспективах развития текстильной промышленности. В настоящее время текстильная промышленность занимает незначительный удельный вес во всей промышленности края (5,7%) и представляется одной бумаго-прядильной фабрикой и несколькими ткацкими и трикотажными фабриками. Пятилетка намечает постройку текстильного комбината в Саратове, двух ткацких фабрик, красильной, бумагопрядильной и чулочно-трикотажной фабрик. Общая стоимость сооружений — 30 миллионов рублей.

В статье К. Максакова изложены основные моменты развития транспортного строительства на пятилетие. Затраты на это строительство предполагаются в размере свыше 300 млн. рублей. Намечаются к постройке две ветки — Саратов—Миллерово и Безенчук — Пугачов. Обе эти ветки будут иметь колоссальное значение в развитии сельского хозяйства края, связав край с южными портами. Около 120 млн. руб. будет затрачено на Волго-Дон и Волго-Каспийский канал. Кроме того, намечены работы по углублению русла Волги, вложения в существующую ж.-д. сеть и постройка ж.-д. моста через Волгу у Саратова.

Две статьи посвящены специально вопросам Волго-Дона. Первая инж. Суходского — „Современное положение вопроса о Волго-Донском сооружении", излагает фактическое состояние дел с изысканиями и т. д., вторая — Т. Токарского — „Волго-Дон" в системе хозяйства Н.-В. края". К сожалению, последняя статья не дает читателю полной картины влияния Волго-Дона на хозяйство края и только поверхностно затрогивает моменты влияния канала на промышленность края.

Во всяком случае „Нижнему Поволжью" необходимо продолжать углубленную проработку вопросов строительства Волго-Дона.

Вопросы промышленности освещаются в достаточной степени.

Этот отдел журнала является так же, как и отдел „сельское хозяйство", наиболее интересным. М. Киреев в статье „Фабрично-заводская промышленность Нижне-Волжского края" (№ 6) дает сводную характеристику состояния промышленности. Если по валовой продукции цензовая промышленность края составляла в 1926/27 г. 276,9 млн. руб., т.-е. 2,4% по отношению ко всей промышленности СССР, а по количеству рабочих он снижается еще ниже, доходя до 1,9%, то отдельные отрасли промышленности занимают довольно значительный удельный вес в соответствующих отраслях по СССР. Так, соляная промышленность — 16,5%, цементная — 14,9%, лесопильная — 14,8% и т. д. Необобществленный сектор в цензовой промышленности края занимает всего 0,6%.

Из других статей отдела следует отметить статью Чернобаева „Местная промышленность НВО" (№№ 4 и 5), дающую подробную характеристику всей местной промышленности, и статьи проф. Вл. Челинцева „Химизация промышленности Н.-В. края" и „Наука и техническая реконструкция в разрезе и применительно к Н.-В. краю" (№№ 7 и 10). В первой статье автор говорит о широких возможностях химизации края, имеющего достаточные ресурсы (соль, фосфориты, нефть, древесина, дубильные вещества, жиры, краски).

Отметим лишь, что в отделе „Кооперация" ряд статей обсуждает одну и ту же тему — организационное строительство кооперации — и совершенно не касается хозяйственной деятельности кооперации.

В заключение необходимо указать на следующие недостатки журнала: 1) отсутствие материала, характеризующего классовое лицо деревни (диференциация крестьянства, состояние обобществленного сектора и т. п.); 2) недостаточное внимание к вопросам пятилетнего плана хозяйственного строительства края, а также вопросам строительства Волго-Дона; 3) отсутствие статей (если не считать одной передовой) по вопросам хлебозаготовок; 4) почти полное отсутствие отдела „Критика и библиография". В 12 номерах журнала помещено всего 6—7 рецензий, между тем, как литературы о Нижне-Волжском крае за 1928 г. вышло не мало, и, наконец, 5) печатание статей по советско-административным вопросам (№№ 2, 8, 11) и по вопросам юстиции (№ 12). Эти статьи с успехом можно бы-

ло бы поместить в другом общественно-политическом журнале, выходящем в крае.

Однако, мы должны отметить, что журнал „Нижнее Поволжье“ является достаточно солидным провинциальным органом. Исправление недостатков и большее внимание ко всем насущным проблемам хозяйственного строительства края в дальнейшем поставят журнал на еще большую высоту.

В. Н.

The Quarterly Journal of Economics. Vol XLII, 1927/28, № 1—4. Published by Harvard University. Издатели: Taussig, Bullock Pay, Ripley, Carver, Persons, Burbank and J. Black. Журнал экономики, выходящий 4 раза в год, цена 5 долл. в год.

Названный журнал занимет одно из первых мест в экономической периодике Соединенных Штатов. Как правило, в С. Ш. существуют экономические ассоциации, издающие журналы; их примеру следуют наиболее солидные университеты. Гарвардский университет считается одним из выдающихся как по материальной обставленности, так и по составу профессуры. Принимая во внимание теснейшую связь университета и профессоров с крупным капиталом, связь, щедро оплачиваемую последним,—можно заранее безошибочно полагать, что журнал является пионером в усовершенствовании теоретической системы буржуазной экономики. Он же является злейшим врагом социализма, хотя бы социализм и пропагандировался в самых микроскопических дозах.

Журнал, как и производство Соед. Штатов, стандартизирован. Обычно он содержит 6 статей и библиографию. Как правило он имеет в среднем 170—180 страниц.

Начнем с 4 номера. Первой статьей в нем идет доклад Касселя „Процент, банковский процент и стабилизация цен“. Тема эта, как известно, является одной из модных. Кассель начинает с того, что отрицает необходимость понятия ценности. По Касселю ценность создает только затруднения для студентов, охлаждает их пыл при проникновении в экономическую теорию (512). Поэтому экономическая теория есть теория цены (511). И, стремясь облегчить студентам задачу изучения экономической теории, Кассель ограничивается теорией цен.

Для буржуазных экономистов теория ценности, в особенности теория Риккардо и Маркса, давно уже служила мишенью для нападок. Разумеется, факт ее отрицания об'ясняется нетрудностью охватить теорию ценностей и не о бедных студентах заботится Кассель. Он пытается хитроумными построениями ликвидировать самый опасный участок противобуржуазного фронта. Ведь с теорией ценности связана теория прибавочной ценности, прибыли и процента, т.-е. выяснение эксплоататорского характера капиталистического строя.

Прокламируя новую теорию цены, Кассель увязывает с ней теорию процента. „Теория процента есть лишь часть общей теории цен“,— пишет он (513). Она упирается в закон спроса и предложения и в известную редкость.

Кассель даже и не ставил вопроса, а чем же определяется спрос и предложение и даже редкость? Ему кажется, что спрос на капитал всегда велик и абсолютно невозможно его удовлетворить. Кассель забыл, что в циклических переходах в хозяйстве встречаются такие периоды, когда банки переполнены капиталом и не могут его пустить в производство и торговлю.

Еще примитивнее об'яснение высоты процента предложением. Кассель ложно полагает, что вклады в банки получаются за счет экономии отдельных лиц. Если у лица имеется 100.000 долларов и он получал бы лишь 1%, то это лицо призадумалось бы, стоит ли делать вклад ради процентов. Поскольку остающийся отрезок жизни в среднем измеряется 25—33 годами, то лицу окажется выгоднее израсходовать капитал на прожитие, чем держать его вкладом в банке. Но если бы наблюдалось такое положение, т.-е. низкий процент, то вклады были бы разобраны. В силу такой закономерности, Кассель устанавливает 4—3% как необходимые для задержки вкладов в банке.

Но после подобного об'яснения возникает естественный вопрос, почему взята цифра 100.000, а не какая-нибудь другая? Если бы взята была иная, то, повидимому, Кассель не свел бы концов теории. Остается также непонятным и противоречащим теории Касселя факт падения процента и роста вложений в банки.

Но самое важное — впереди. Касселю кажется, что „стабильность цен возможна лишь тогда, когда банковский процент устанавливается равным колебаниям в величине процента“ (517) Касселя не беспокоит, что его утверждение никак не увязано с действительным ходом хозяйственного развития. Ему такое утверждение нужно было для того, чтобы удовлетворить спрос янки. Спрос этот выражается в стремлении найти размер хозяйства, который бы позволил устранить кризисы в капиталистическом хозяйстве. Эту утопию Кассель стремится сделать реальностью. „В обеих фазах циклического движения, — говорит он,— процент действует как регулятор, стремящийся сдерживать движение внутри узкого лимита.

Это очевидно, очень важная функция процента“ (527). Еще бы не важная, если бы она соответствовала действительности! Сами американцы, куда менее наивны, чем Кассель.

Куда же, по Касселю, устремляется буржуазная экономическая теория? Она стремится: 1) устранить теорию ценности; 2) движение цен свести к колебанию спроса и предложения и 3) найти регулятор для установления хозяйства бескризисного и даже без резкого циклического развития.

Как обычно при критике об'ективных экономических теорий Маркса, Риккардо, система противников оказывается шитой белыми нитками.

Открываем другой номер журнал—№ 2 и наталкиваемся на первую статью: „Кривое предложение и максимум удовлетворения“ Р. С. Мериама. Статья является образчиком блуждания между трех сосен. Кривая предложения Марксом была постулирована следующим образом: стоимость товара определяется затратой рабочего времени; чем больше затрачивается рабочего времени, тем выше стоимость данного продукта. Развитие экономического общества происходит таким образом, что доля рабочего времени понижается, а доля постоянного капитала повышается. С повышением последней вырастает производительность труда. В единицу времени выбрасывается все возрастающее количество товара. Отсюда, естественно, происходит падение цен на товары, факт, против которого не могут спорить даже буржуазные экономисты.

Признание изложенного влечет, однако, за собой признание трудовой теории стоимости. Но Мериам предпочитает блуждать между психологизмом и маргинализмом.

В основу своей статьи он берет четыре положения:

1) конструкцию и об'яснение предложения товаров, производимых при условии падающих издержек;

2) то же при условии однообразного повышения издержек;

3) возможность повышения издержек и природа излишка потребителей;

4) последняя проблема — влияние интервенции налогов на потребительский излишек.

Мериам, конечно, отрицает первую точку зрения „так как она не увязывается с фактом ренты“ (170). Издержки могли бы понижаться, если бы не рента. Рента же входит в цену каждого товара. „Цена, получаемая за всю нормальную продукцию, оказывается большей, чем общая сумма их издержек производства... Этот излишек и образует экономическую ренту“ (172).

Издержки и рента упираются в маргинальные издержки, благодаря чему всякое сверх „нормального спроса“ увеличение продукции повлечет за собой рост издержек производства. Если устранить маргинальный принцип, то схема Мериама повиснет в воздухе. Известно же, что маргинальный принцип является наиболее уязвимым пунктом в экономической системе американцев.

На ряду с теоретическими статьями, журнал помещает статьи конкретного характера (например, статья Литощенко „Национальный доход современного союза“, „Рост английского судоходства с 1572 по 1922 гг.“, Умера „Немецкий закон о страховании безработных“ и т. д. В общем все статьи распадаются на две группы: 1) статьи, которые дают полезные сведения и обогащают опыт новыми фактами, и 2) статьи обзорного характера, критический разбор различных систем.

В некоторых из них дается восхваление таких буржуазных экономистов, как Кларка, в статье: „Ранняя и позднейшая фаза его работ“ (№ 1). В других, как, например, в статье „Анархизм и Фурье“ (№ 2), в которой Фурье без всяких обиняков об'является анархистом, восхваление сменяется руганью.

Библиография журнала чрезвычайно незначительна. Обычно приводится 3—4 рецензии на наиболее выдающиеся книги и затем дается простой список книг, поступивших в редакцию.

Резюмируем свои замечания:

1) Журнал представляет собой одно из лучших буржуазных периодических изданий С. Ш.

2) В отношении теории журнал дает примеры современных бесплодных блужданий среди противоречий буржуазной экономики. В нем можно найти все отклики на вновь выдвинутые предложения, схемы и т. д. С этой точки зрения он несомненно полезен.

3) В журнале иногда можно найти интересные статьи на конкретные темы.

4) Но поскольку это бывает не часто, то журнал может найти очень ограниченное распространение. Названный журнал в отношении распространения уступает другим более полезным своей конкретной частью.

Г. Гордеев

НОВЫЕ КНИГИ

Е. Л. Грановский. Монополистический капитализм в России. Изд. „Прибой“, 1929, стр. 167, цена 1 р. 60 к.

Настоящая работа представляет попытку дать общую концепцию русского империализма на основе анализа этапов исторического развития финансового капитала в России. Одновременно т. Грановский критикует взгляды других авторов (тт. Покровского, Ванага, Крицмана и др.).

В. Зомбарт. Современный капитализм (Der moderne Kapitalismus) т. III. Хозяйственная жизнь в эпоху развития капитализма. Первый полутом. Перев. с немецкого С. Вольского и Б. Я. Жуховецкого. ГИЗ, 1929, стр. XXVIII плюс 604, цена 6 руб.

Первый полутом работы Зомбарта охватывает период истории развития капитализма с конца XVIII века до мировой войны. На ряду с характеристикой движущих сил развития капитализма, роли государства, техники, рабочей силы, сбыта и т. д., автор приводит обширный цифровой материал, а также обзоры источников и литературы.

Книга снабжена послесловием И. Альтера „Эволюция Зомбарта".

М. Кубанин. Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств. Изд. Комм. Академии. М. 1929, стр. 190, цена 1 р. 50 к.

Работа тов. Кубанина является попыткой на основе применения ленинско-марксистского метода исследовать причины, вызывающие распад крестьянского двора, пути этого процесса и те новые отношения, которые создаются в результате этого распада. Книга снабжена обширной вступительной статьей тов. Крицмана на тему „О внутренних противоречиях крестьянского двора.

Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Том I. Изд. „План. Хоз,". М. 1929, стр. 163, цена 1 р. 50 коп.

Настоящая книга является первым томом подготовляемого Госпланом СССР к печати пятилетнего народнохозяйственного плана СССР на период 1928/29—1932/33 гг. В этом томе на ряду с общей оценкой народнохозяйственного уровня СССР освещается строительная программа пятилетки, проблема квалифицированных кадров, проблема роста материального производства и производительности труда, экономические связи с мировым хозяйством, проблемы потребления, рыночного равновесия и политики цен и, наконец, финансовая и социальная программа пятилетия.

Проблемы реконструкции народного хозяйства СССР на пятилетие. Пятилетний перспективный план на V с'езде госпланов Изд. „План. Хоз." М. 1929, стр. 651, цена 6 р.

Приведенное издание представляет собой литературно обработанный стенографический отчет V с'езда госпланов, состоявшегося в марте 1929 г. и посвященного целиком обсуждению пятилетнего плана народного хозяйства на 1928/29—1932/33 гг.

М. М. Вольф. Пути реконструкции сельского хозяйства в пятилетие. Изд. „План. Хоз." М. 1929, цена 55 коп.

С. Г. Струмилин. Социальные проблемы пятилетки. Предисловие Г. М. Кржижановского, Изд. „План. Хоз.". М. 1929 г., стр. 83, цена 50 к.

Брошюры тт. Вольфа и Струмилина представляют собой переработанные доклады авторов на V с'езде госпланов по вопросам, аналогичным названиям книг.

М. И. Боголепов. Финансовый план пятилетия (1928/29—1932/33). Изд. „План. Хоз." М. 1929, стр. 157, ц. 75 коп.

Работа М. И. Боголепова посвящена характеристике и анализу основных моментов, определяющих содержание финансового плана пятилетия. Она состоит из 4 глав: 1. Финансовый план и его задачи. 2. Материальное содержание плана. 3. Оперативные планы. 4. Заключение.

Перспективы развития местных финансов СССР в пятилетнем плане. Изд. „План. Хоз." М. 1929, стр. 63, цена 1 р.

Настоящее издание является сборником статей, освещающих проблемы местных финансов в пятилетие в различных разрезах. Сборник включает 6 статей, из которых три дают характеристику путей развития местных финансов по всему Союзу и отдельно по РСФСР, а остальные посвящены местному кредиту, финансам советов и проблеме коммунальных концессий.

Резервы в народном хозяйстве. Сборник статей под редакцией А. З. Гольцмана. ГИЗ, 1929, стр. 189, цена 1 р. 60 к.

Настоящий сборник статей, написанных по материалам НК РКИ Союза, включает 11 статей, освещающих основные народнохозяйственные проблемы (металл, электрификация и энергетика, лесная промышленность, льняная, грубосуконная, транспорт и т. д.) с точки зрения выявления возможностей мобилизации резервов.

Силовой аппарат, энергетический и топливный баланс фабрично-заводской промышленности СССР. Изд. ЦСУ СССР, М. 1929, стр. 110 + 462 стр. таблиц, цена 6 р. 50 к.

Настоящая работа посвящена изучению структуры энергетического аппарата СССР и ее энергетическо-топливного баланса. По своей идее эта работа должна способствовать реформированию промышленной статистики на основе полного сближения статистики с техникой, т.-е. количественного учета с качественным.

Е. Кабо

К вопросу об изучении рабочего потребления

Одной из основных служебных функций бюджетного исследования в СССР является обслуживание плановых органов при построении балансов производства и потребления по отдельным отраслям народного хозяйства. К этому в основном приспособлена как программа разработки всех данных потребления, так и методы их группировки. В то время как в отношении программы разработки потребительского бюджета почти с самого начала достигнута та степень детализации, которая вполне удовлетворяет нуждам самых взыскательных потребителей статистических данных, методы исследования диференциации потребления и их анализа представляют собой предмет статистических опытов, подлежащих обсуждению и проверке.

Одним из таких частичных опытов является предлагаемая в приведенных таблицах группировка, сделанная по данным годового рабочего бюджета по заданию Госплана СССР. Прежде чем приступить к описанию технических приемов построения прилагаемых таблиц, следует вкратце остановиться на том, какие конкретные задачи ставятся перед исследователем рабочего бюджета проблемой построения перспективных планов народного хозяйства страны, так как в свете этих задач становятся яснее и методы их разрешения.

Задачи Госплана в отношении рабочих бюджетов распадаются на две группы: 1) рабочий бюджет должен дать материал для составления балансов народного хозяйства за некоторый истекший период времени, служащий базой для построения перспективных планов; 2) аналогичный же материал для составления самих перспективных планов в области потребления на основе имеющихся данных о дальнейшем развитии народного хозяйства.

Первая задача легко разрешается средними, не диференцированными показателями рабочего потребления при условии, что отбор об'ектов обследования и их сводка произведены с известными гарантиями репрезентативности всего материала. Для разрешения же второй части проблемы обычно прибегают к диференцированному изучению потребления для того, чтобы по этим данным определить потребление в последующий, неисследованный период.

Метод исследования диференциации потребления при этом отнюдь не безразличен. Он должен выявить в каждом отдельном случае изменение потребления в зависимости от изменений тех его факторов, развитие которых заранее предполагается известным. Построению перспектив в области потребления, таким образом, должно предшествовать определение и изучение факторов массового потребления.

Основными факторами рабочего потребления являются: 1) реальный размер заработной платы, 2) размер семьи, точнее, семейная нагрузка одного работника и 3) относительный уровень цен. [1]

[1] Четвертым и немаловажным фактором строения рабочего потребления является культурный уровень рабочего класса и его отдельных групп. Потребление в зависимости от этого фактора до настоящего времени не исследовалось.

Зависимость потребления от уровня заработной платы определяется группировкой семейных бюджетов по величине зарплаты его главы, при чем изолированное действие этого фактора от изменения в ценах обеспечивается тем, что группируются бюджеты одной и той же совокупности рабочих в один и тот же промежуток времени. Чтобы изолироваться при этом также и от различного состава семьи, отдельно устанавливается зависимость потребления от семейной нагруженности одного зарабатывающего, для чего подвергаются дополнительной комбинационной группировке по числу едоков в семье все бюджеты, относящиеся к одной и той же экономической группе.

Изучение зависимости рабочего потребления от экономического благосостояния семьи, независимо от состава этой семьи, достигается также группировкой всех семейных бюджетов по уровню расходного бюджета на одного едока. Эта группировка, как показала практика, дает наиболее резкую картину зависимости относительных размеров потребления от уровня жизни, но для работ, связанных с распространением выборочных данных бюджетного исследования на всю сферу народного хозяйства, эта группировка наименее удобна, так как распределение рабочего класса в стране по признаку размеров расхода на одного едока по массовым статистическим данным неизвестно и не подлежит плановому регулированию. Но будучи наименее удобной с практической точки зрения, эта группировка наиболее целесообразна при исследовании отвлеченных законов потребления от различных других факторов, как, напр., от относительного уровня цен, от культурного уровня и культурных потребностей семьи и т. д.

Зависимость потребления от относительного уровня цен изучается путем параллельного наблюдения динамики потребления и динамики цен в различных районах и на протяжении ряда лет. Изолированное действие этого фактора от обоих предшествующих (зарплаты и размеров семьи) как нельзя лучше достигается здесь путем отбора рабочих групп с неизменным уровнем жизни, определяемым количеством товарных рублей, расходуемых на одного едока.

Собираемые за последние годы бюджеты систематически подвергаются группировке по всем перечисленным выше признакам.[1]

Особенно актуальной при построении перспективных планов является группировка рабочих бюджетов по величине заработной платы, так как заработная плата рабочего в промышленности и на транспорте определяется на несколько лет вперед перспективами развития промышленности, твердо регулируется государством и союзами и, следовательно, является наиболее верной предпосылкой для определения перспектив и в области потребления. С этой точки зрения группировка по размерам зарплаты представляется наиболее целесообразной, но в то же время с методологической точки зрения и наиболее сомнительной.

В самом деле, что такое хозяйство рабочей семьи? Какую роль играет в нем заработок рабочего и как увязывается в реальной жизни уровень семейного потребления с уровнем заработной платы отдельных членов семьи. Вне всякого сомнения, что там, где в семье имеется только один работник, потребление всей семьи определяется по преимуществу зарплатой последнего.

Иное дело семьи, в которых имеется 2 или 3 работника. В этом случае рабочее потребительское хозяйство представляется сложным хозяйством, баланс которого образуется следующим образом. Отдельные

[1] См. публикацию их в сборн. „Бюджеты рабочих и служащих", под редакцией Г. С. Полляка. Изд. ЦСУ. (Печатается.)

трудоспособные члены рабочей семьи вносят в общее хозяйство свой заработок независимо от его размеров (фонд зарплаты семьи). Этот заработок обменивается на предметы потребления, услуги и различные блага, необходимые для потребления всей рабочей семьи в целом (фонд потребления). Если доходы выше потребления, то остается остаток (сбережения). Если, напротив, доходы ниже потребления, то дефицит покрывается сбережениями предыдущих периодов или временными займами. В годовом цикле рабочего хозяйства сбережения одних месяцев обычно покрывают дефицит прошлых месяцев, и заработная плата вместе с другими трудовыми доходами семьи составляет до 95% нормального рабочего бюджета.

Таким образом, фонд заработной платы определяет фонд рабочего потребления, Но распределение всех благ между отдельными членами хозяйства производится не по размеру дохода ее отдельных членов, а по принципу уравнительного распределения, так как каждому уделяется та часть общего бюджета, которая соответствует его потребностям.

В то время как весь фонд заработной платы в стране распределяется между отдельными группами рабочих неравномерно, в зависимости от их квалификации и производительности их труда, фонд потребления внутри рабочего хозяйства перераспределяется по потребностям отдельных членов семьи.

Таким образом, благодаря семейному строению рабочего быта на заработную плату одного рабочего содержатся и квалифицируются другие, вследствие чего достигается то обстоятельство, что потребление страны значительно менее диференцировано, нежели заработная плата.

Представим себе хозяйство, состоящее из 4 душ с 2 зарабатывающими членами семьи, из которых один зарабатывает 100 р. в месяц, а другой — 20 р., при чем в течение года баланс дохода и потребления составляется без остатков и сбережений. Тогда годовой фонд потребления этой семьи выразится в сумме 1440 руб. Душевое потребление каждого члена семьи в среднем составит 360 руб. Душевое потребление старшего работника с заработком 1200 руб. в год, благодаря перераспределению потребительского фонда внутри семьи, будет равно душевому потреблению второго работника, несмотря на то, что зарплата последнего в пять раз ниже, чем первого, и в 1,5 раза ниже, чем исчисленное на него душевое потребление.

Если представить себе другую семью, также состоящую из 4 душ и 2 зарабатывающих, зарплата которых составляет по 600 руб. в год, то уровень годового душевого потребления здесь выразится в сумме 300 р. на человека и, следовательно, уровень жизни рабочего, имеющего зарплату в 600 р., во второй семье окажется ниже уровня жизни рабочего, зарабатывающего 240 р., в первой семье. Таким образом, в сложной семье заработок каждого отдельного члена семьи не определяет среднего душевого потребления в хозяйстве. Последнее при этом условии полностью определяется заработком всех зарабатывающих, деленным на количество едоков в семье.

Таково влияние семейного рабочего бюджета, отражающееся не только на характере диференциации рабочего потребления, но и на всех сторонах рабочего быта.

Какие выводы из этого следует сделать? Прежде всего, тот, что группировка рабочих семей, имеющих 2 или более зарабатывающих, по величине зарплаты главы семьи, нецелесообразна, так как не она определяет нормы душевого потребления, в то время как группировка рабочих семей по сумме заработной платы совершенно не желательна, так как не достигает цели.

Для того чтобы ответить на вопрос о том, какой же уровень потребления соответствует той или иной зарплате, нужно распределить весь фонд рабочего потребления в полном соответствии с тем, как распределен фонд зарплаты между отдельными группами рабочих, независимо от того, какое семейное положение они занимают, другими словами, надо сделать предметом исследования и группировки не потребление рабочих семей с одним или несколькими зарабатывающими, а потребление каждого отдельного рабочего с одним или несколькими иждивенцами.

Для того чтобы отнести каждого рабочего в ту группу, которой он соответствует по размеру своей зарплаты, и в то же время определить уровень душевого потребления в этой группе, следует при разработке обследованных хозяйств найти тот фонд потребления и то количество потребителей, которое соответствует каждому заработку отдельно, после этого отнести каждого рабочего вместе с его иждивенцами, а также вместе с приходящейся на него частью потребительских фондов в соответствующую группу по заранее составленной скале заработных плат.

В приведенном выше примере рабочий с годовым заработком в 240 руб. по размеру своей зарплаты относится к одной из самых низких групп. Для того чтобы получить в этой группе баланс между зарплатой и фондом потребления, последний должен составлять также 240 руб. Однако, число потребителей, которое соответствует его заработку, не достигает и единицы, а именно равно $\frac{4 \cdot 240}{1440} = {}^2/_3$ душ. Уровень его потребления, таким образом, определится величиной $240 : {}^2/_3 = 360$ руб.

Если мы таким же образом поступим со всеми обследованными хозяйствами и если обследованные нами хозяйства достаточно показательны как в отношении среднего уровня зарплаты своих членов, так и в отношении распределения ее между отдельными группами рабочих, то мы сможем предполагать, что кривая распределения всех фондов потребления, с одной стороны, и всего потребляющего населения—с другой, будет находиться в полном соответствии с кривой распределения фондов заработной платы страны.

Этот метод открывает нам возможность связать массовые данные о зарплате и распределении населения с выборочными данными о размерах душевого потребления в каждой группе рабочих в самых разнообразных направлениях, разумеется, при одном необходимом условии, что качество и количество статистического материала, бывшего в группировке, позволяет считать его достаточно надежным.

В частности, приведенный выше материал, охватывающий всего 377 рабочих хозяйств и 452 рабочих, не может претендовать на очень высокую репрезентативность даже при формальном совпадении отдельных показателей таковой по выборочным и массовым данным. [1]

Но не следует забывать, что нами был произведен только первый методологический опыт. Производство статистических опытов с бюджетными данными на более массовом материале невозможно, вследствие сравнительной дороговизны обработки бюджетных данных.

Покончив с задачами произведенной работы и с теми ожиданиями, которые мы на нее возлагали, мы приступим к краткому описанию техники составления таблиц и некоторых полученных при их помощи результатов.

[1] О совпадении этих показателей см. „Статистику труда“, №№ 8 и 11—12 за 1927 г.

Все обследованные семьи разбиты на две основных группы: первая—с одним зарабатывающим и вторая — с двумя зарабатывающими. Все хозяйства, опирающиеся на заработок одного рабочего, распределены на группы по размерам заработка.

Несколько сложнее обстоит дело во второй группе, где хозяйство опирается на двух зарабатывающих.

Хозяйства этой группы составляют 20% всего числа вошедших в разработку хозяйств, но среди лиц с зарплатой до 50 руб. в месяц главы семьи составляют только 54%. Почти половина всех рабочих, зарабатывающих менее 600 руб. в год, прикреплена к семье других рабочих и зависит от них в организации своего потребления.

Разбив доход каждой сложной семьи с двумя работниками на части, пропорциональные доходу каждого ее члена отдельно, мы составляем внутри хозяйства не один баланс, как обычно, а два отдельных баланса, разбив, таким образом, не только фонд зарплаты, но и фонд потребления и число потребителей пропорционально доходу каждого отдельного работника. Каждый работник, таким образом, со всей приходящейся на него долей общественных благ отнесен в ту группу, которой соответствует его заработок.

На основании таких группировок составлены по каждой форме бюджетного обследования 1926 г. три таблицы: *A*, в которой все обследованные рабочие, независимо от принадлежности своей к „главам“ или „второстепенным работникам“ семьи, группируются по величине своей зарплаты, *B*, в которой группировка произведена по зарплате „главы семьи“, и, наконец, *C*, в которой группировке подвергались только рабочие, являющиеся „второстепенными работникам“ и семьи.

С точки зрения выявления норм душевого потребления, таблица *B* ничем не отличается от обычных группировок всех бюджетов по величине зарплаты „главы семьи“. Сопоставляя же таблицы *B* и *C* между собой, мы имеем возможность судить о том, как отличается материальное положение рабочих „глав семьи“ с низкой зарплатой от положения рабочих с такой же зарплатой, но живущих в одной семье с более квалифицированными рабочими, и о том, как много вносит квалифицированный рабочий на содержание менее квалифицированных рабочих и работниц и на поддержание их уровня жизни на некоторой средней величине.

Все данные по каждой отдельной группе городов при составлении сводки в среднем по СССР были взвешены в соответствии с данными о диференциальной зарплате в марте 1926 г. следующим образом:

Таблица 1

Веса для получения сред.-взвешенных данных по СССР на 1 рабочего

Группы городов	Группы по величине зарплаты					
	I	II	III	IV	V	VI
Столицы	3,0	8,0	20,0	31,0	37,0	49,0
РСФСР (без столиц) . .	86,0	81,0	63,0	47,0	40,0	28,0
УССР	11,0	11,0	17,0	22,0	23,0	23,0
Всего . . .	100	100	100	100	100	100

Для взвешивания средних душевых норм по данным обследования нескольких тысяч рабочих в ноябре 1926 г. о семейном составе в каждой группе внесены в систему весов следующие поправки.

Таблица 2

Веса для получения сред.-взвешенных данных исчисл. в среднем на 1 душу

Районы обследования	Группы по величине зарплаты					
	I	II	III	IV	V	VI
Столицы	2,0	6,0	16,0	25,0	35,0	46,0
РСФСР	92,0	86,0	67,0	55,0	43,0	31,0
УССР	6,0	8,0	17,0	20,0	22,0	23,0
Всего . . .	100	100	100	100	100	100

Репрезентативность и целесообразность как приведенной группировки, так и принятой системы взвешивания подтверждается следующим сопоставлением.

Таблица 3

Расходный бюджет 1 рабочего в 1926 г., исчисленный в среднем на 1 едока

Статьи расхода	Для всех бюджетов (не взвешенные)	Взвешенные по данным диференц. зарплаты	
		При груп. по зараб. всех работн. (табл. А)	При груп. по зараб. глав семьи (табл. В)
Общий расходный бюджет . . .	376,39	370.20	348,97
В том числе:			
Расход на жилище.	44,40	42,72	40,63
„ „ питание	174,44	173,87	165,90
„ „ спиртные напитки .	10,79	9,21	8,21
„ „ предмет курения . .	4,15	3,94	3,56
„ „ одежду.	83,38	82,59	79,04
„ „ хозяйств. вещи . . .	15,52	14,36	12,56
Культпросв. расходы	7,38	6,86	6,10
Обществ. полит.	9,60	9,51	8,64

Вовлечение в группировку всех рабочих, в том числе и второстепенных работников семьи, снижает диференциацию потребления, как это видно из всех приведенных в приложении таблиц, повышает норму потребления рабочих с более низкой зарплатой и тем самым повышает размеры средне-взвешенного уровня потребления при включении их в баланс народного хозяйства.

Для того чтобы осветить конкретно вопрос о том, как влияет на смягчение диференциации рабочего потребления семейный характер рабочего быта, приводим для сопоставления выдержки основных бюджетных показателей для всех групп.

Таблица 4

Изменения уровня жизни (расходный бюджет) рабочего СССР в зависимости от различной заработной платы и семейной нагрузки

Основные показатели / Группы рабочих по величине месячного заработка		I группа (до 30 р.)	II группа (от 30 до 50 руб.)	III группа (от 50 до 70 руб.)	IV группа (от 70 до 90 руб.)	V группа (от 90 до 110 руб.)	VI группа (св. 110 руб.)
Заработная плата 1 рабоч. в руб. за год	A	284,95	455,69	659,71	925,13	1.184,65	1.557,63
	B	300,80	461,11	659,94	925,21	1.184,65	1.557,63
	C	272,88	441,10	658,05	922,97	—	—
Расходный бюджет 1 рабочего в руб. за год . . .	A	371,90	586.62	789,75	1.065,63	1.291,59	1.688,77
	B	438,84	618,73	802,16	1.069,39	1.291,59	1.688,77
	C	325,43	503,23	720,97	969,91	—	—
Заработная плата и социал. страх. в % % ко всему бюджету	A	88,0	89,3	90,4	91,1	95,1	96,2
	B	83,8	88,2	89,4	90,8	95,1	96,2
	C	91,5	92,5	96,4	96,1	—	—
Число иждивенцев в среднем на 1 рабочего . . .	A	1,96	3,09	3,43	4,16	4,00	4,38
	B	2,89	3,44	3,66	4,22	4,00	4,38
	C	1,28	2,17	2,01	2,37	—	—
То же в переводе на взрослого едока	A	1,31	2,04	2,18	2,64	2,59	2,86
	B	1,90	2,24	2,33	2,68	2,59	2,86
	C	0,87	1,51	1,29	1,61	—	—
Расходный бюджет в среднем на 1 едока	A	283,89	287,56	362,26	403,65	498,69	590,48
	B	231,45	276,22	344,28	400,52	498,69	590,48
	C	373,95	333,27	558,89	602,43	—	—

Сравнивая в группах *B* и *C* уровень зарплаты и уровень жизни, т.-е. расход на одного едока, мы видим, что при условии одинаковой зарплаты (строка 1), но при более низкой семейной нагрузке падающей на 1 рабочего (строки 4 и 5), уровень жизни на одного человека (строка 6) в группе *B* всегда ниже, чем в группе *C*, вследствие чего средние размеры потребления для всех зарабатывающих в группе *A* значительно выше, чем в группе *B*, что станет особенно очевидным, если принять за 100 средний уровень потребления во всех группах и для всех рабочих.

Таблица 5

Группы рабочих по величине их заработка	Группы рабочих по семейному положению		
	A	B	C
I	100	82	132
II	100	96	116
III	100	95	154
IV	100	99	149

Если принять за 100 заработную плату и уровень жизни рабочих I группы (с заработком до 30 руб. в месяц), то колебания заработной платы будут значительно выше, чем колебания потребления.

Таблица 6

Группы рабочих по величине их заработка	Заработная плата			Расходный бюджет на 1 едока		
	A	B	C	A	B	C
I	100	100	100	100	100	100
II	160	153	162	101	119	89
III	232	219	241	128	149	150
IV	325	308	338	142	173	161
V	416	394	—	176	216	—
VI	547	518	—	208	255	—

В то время как зарплата сгруппирована по нашей скале с диапазоном от 1 до 5,5, уровень жизни на одного человека колеблется в крайних группах от 1 до 2. То напряжение, с которым входят в борьбу за свою часть общественного дохода рабочие, обреченные при низком уровне заработка нести на себе обязанности главы семьи, отражается в строке 3 табл. 4.

В полном соответствии с характером изменений в уровне жизни в различных группах меняются в тех же группах в зависимости от зарплаты и нормы потребления, выраженные в натуральных единицах. При этом оказывается, что одни группы товаров более чутки к изменению благосостояния семьи, другие — меньше. Сводка всех данных о потреблении дана в табл. 7, где весь фонд рабочего потребления, вполне соответствующий покупательному фонду рабочих каждой группы, распределяется по основным отраслям народного хозяйства (см. табл. 7).

По мере увеличения зарплаты относительно падает товарная часть рабочего бюджета и растет последняя группа расходов, не являющихся затратами на продукцию сельского хозяйства или промышленности. Доля расходов на продукцию промышленности и сельского хозяйства упала с 85% в первой группе, до 72% всего бюджета в последней группе. Распределение этой доли между основными отраслями народного хозяйства — промышленностью и сельским хозяйством — меняется следующим образом:

Таблица 8

Распределение рабочих покупок между основными отраслями народного хозяйства

Группы раб. по размерам зарплаты / Отрасли нар. хозяйства	I	II	III	IV	V	VI
Сельское хозяйство	48,3	53,4	53,1	54,7	55,2	49,6
Промышл.	51,7	46,6	46,9	45,3	44,8	50,4

Таблица 71

Характер спроса рабочей семьи по отдельным отраслям народного хозяйства в среднем на 1 душу в 1926 г. в рублях и %% к итогу

Отрасли народного хозяйства и группы товаров	I группа	II группа	III группа	IV группа	V группа	VI группа	I груп.	II груп.	III груп.	IV груп.	V груп.	VI груп.
	В червонных рублях						В %%% к итогу					
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Продукты сельского хозяйства												
1. Хлеб, мука, крупа	32,07	34,83	32,65	34,99	42 54	38,77	16,9	18,3	14,2	13,7	13,2	10,1
2. Овощи, фрукты и ягоды	10,75	11,40	12,53	14,94	17,31	22,46	5,6	6,0	5,4	5,8	5,4	5,8
3. Продукты, мясного и молочного хозяйства	25,02	26,74	42,83	48,96	58,51	63,87	13,2	14,1	18,6	19,1	18.1	16,6
4. Рыба	0,68	0,64	1,36	1,50	1,91	2,48	0,4	0,3	0,6	0,6	0,6	0.6
5. Итого прод. земл. и животн.	68,52	73,61	89,37	100,39	120,27	127,58	36,1	38,7	38.8	39,2	37,3	33.1
6. Дрова	9,51	9,40	10,17	11,64	12,66	10,10	5,0	5,0	4,4	4,5	3,9	2,6
7. Итого по всем отраслям сельского хозяйства	78,03	83,01	99,54	112,03	132,93	137,68	41,1	43,7	43,2	43,7	41,2	35,7
II. Продукты промышленности												
1. Предметы питания пром. пр.	16,61	18,85	19,73	22,04	27.65	34,68	8,8	9,9	8,6	8,6	8.6	9,0
2. Напитки	2,40	2,30	6,64	7,58	8,96	14,26	1,3	1,2	2,9	3,0	2,8	3,7
3. Табачные изделия и спички	1,57	1,01	3,08	3,39	3,80	4,56	0,8	0,5	1,3	1,3	1,2	1,2
4. Продукты текст. и швейн. промышленности	33,06	23,89	27,52	31,73	30,67	41,77	17,4	12,7	11,9	12,3	9,5	10,8
5. Обувь кож., галоши, валенки и механич. изделия	19,92	16,36	17,42	16,09	18,26	22,79	10,5	8,6	7,6	6,3	5,6	5,9
6. Мыло	1,28	1,35	1,34	1,30	1,43	1,60	0,7	0,7	0,6	0,5	0,4	0,4
7. Мебель, посуда, хоз. инв. и проч. хоз. вещи	6,35	6,05	9,73	7,57	13,87	17,28	3,3	3.2	4,2	3,0	4,3	4,5
8. Керосин, бензин, газолин	0,40	0,59	0.45	0,69	1,22	1,14	0,2	0,3	0,2	0,3	0,4	0,3
9. Уголь камен., дерев. и торф	1,91	1,88	2,04	2,33	2,54	2,02	1,0	1.0	0,9	0,9	0 8	0,5
10. Итого по всем отрасл. промышл.	83,50	72,28	87,95	92,72	108,40	140,10	44,0	38,1	38,2	36,2	33,6	36,3
11. Прочие расходы	28,21	34,55	42,76	51,41	81,57	107,79	14,9	18,2	18,6	20,1	25,2	28,0
Всего	189,74	189,84	230,25	256,16	322,90	385,57	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

[1] Относится ко всем рабочим и составлена по таблице „А".

Приложение I

А. Годовой приходо-расходный бюджет рабочих с различной заработной платой в среднем по СССР за 1926 г.

Группы рабочих по величине зараб.	I группа (до 30 р. в м.)		II группа (от 30 до 50 р.)		III группа (от 50 до 70 р.)	
Число обсл. рабочих $\frac{\text{глав семьи}}{\text{членов семьи}}$	5/21		48/27		82/23	
Число лиц, жив. на 1 заработок (включая рабоч.)	1,96		3,09		3,43	
То же в переводе на взрослого едока	1,31		2,04		2,18	
	В среднем					
Статьи бюджета	На 1 рабочего	На 1 едока	На 1 рабочего	На 1 едока	На 1 рабочего	На 1 едока
	1	2	3	4	5	6
А. Приход	В чер					
1. Заработная плата	284,95	—	455,69	—	659,71	—
2. Пособия по врем. утр. труд.	2,15	—	29,77	—	31,46	—
3. Прочие пособ. по соц. страх.	41,06	—	48,43	—	29,11	—
4. Итого зарплата и соц. страх.	328,16	—	533,89	—	720,28	—
5. Прочие доходы и поступления	38,04	—	62,39	—	76,74	—
6. Всего приход	366,20	—	596,28	—	797,02	—
7. Взято из сбереж. ден. и натур.	6,80	—	1,93	—	—	—
Баланс	373,00	—	598,21	—	797,02	—
Б. Расход						
1. Расход на жилище	34,82	26,58	79,95	39,20	86,01	39,45
В том числе:						
а) Уплачено за площадь	2,03	1,55	22,23	10,90	15,71	7,21
б) Нераспред. расход	1,55	1,18	9,40	4,61	5,03	2,31
в) Расход на строит. и ремонт	5,59	4 27	6,21	3,05	14,80	6,79
г) „ „ топливо	22,39	17,09	34,86	17,09	41,87	19,21
д) „ „ осв. мат.	0,79	0,60	1,82	0,89	1,54	0,71
2. Питание	168,44	128,57	285,08	139,74	381,36	174,93
3. Спиртные напитки	4,78	3,65	7,16	3,51	22,73	10,43
4. Табак, папиросы, спички	3,13	2,38	3,14	1,54	10,55	4,84
5. Одежда	118,50	90,46	141,62	69,42	172,98	79,35
6. Стирка и мыло	2,83	2,16	4,98	2,44	5,71	2,61
7. Гигиена	1,40	1,07	2,52	1,24	3,45	1,58
8. Лечение	0,34	0,26	1,31	0,64	3,33	1,53
9. Хоз. вещи и украшение жилища	12,82	9,79	19,53	9,58	34,75	15,94
10. Культурно-просвет. расходы	4,32	3,30	6,40	3,14	14,10	6,47
В том числе:						
а) Книги, журн. лекции	2,22	1,69	2,71	1,33	6,47	2,97
б) Театры и развлечения	1,37	1,05	1,89	0,93	5,68	2,61
11. Общественно-политич. расходы	7,43	5,67	11,73	5,75	18,00	8,26
12. Уплачено долгу	2,17	1,66	0,82	0,40	—	—
13. Прочие расходы	10,39	7,94	21,68	10,62	35,77	16,41
В том числе:						
а) Религия	0,42	0,32	0,59	0,29	0,95	0,44
б) Налоги	0,15	0,11	0,31	0,15	0,33	0,15
14. Невыясненный расход	0,53	0,40	0,70	0,34	1,01	0,46
15. Всего расход	371,90	283,89	586,62	287,56	789,75	362.26
16. Остаток деньгами и натурой	1,10	0,84	11,59	5,68	7,27	3,34
Баланс	373,00	284,73	598,21	293,24	797,02	365,60

IV группа (от 70 до 90 р.)		V группа (от 90 до 110 р.)		VI группа (свыше 110 р.)							
84/4		60/—		98/—							
4,16		4,00		4,38							
2,64		2,59		2,86							
В среднем											
На 1 рабочего	На 1 едока	На 1 рабочего	На 1 едока	На 1 рабочего	На 1 едока	I группа	II группа	III группа	IV группа	V группа	VI группа
7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
ы х		р у б л я х				В % % к и т о г у					
925,13	—	1184,65	—	1557,63	—	76,4	76,2	82,8	85,8	91,5	91,2
29,21	—	19,69	—	68,86	—	0,6	5,0	4,0	2,7	1,5	4,0
28,52	—	27,48	—	16,92	—	11,0	8,1	3,6	2,6	2,1	1,0
982,86	—	1231,82	—	1643,41	—	88,0	89,3	90,4	91,1	95,1	96,2
89,63	—	54,53	—	58,79	—	10,2	10,4	9,6	8,4	4,3	3,5
1072,49	—	1286,35	—	1702,20	—	98,2	99,7	100,0	99,5	99,4	99,7
5,88	—	8,38	—	5,26	—	1,8	0,3	—	0,5	0,6	0,3
1078,37	—	1294,73	—	1707,46	—	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
120,52	45,65	155,05	59,87	171,41	59,93	9,3	13,7	10,9	11,3	11,9	10,1
21,59	8.18	27,07	10,45	49,71	17,38	0,5	3,8	2,0	2,0	2,1	2,9
60,67	22,98	3,93	1,52	1,42	0,50	0,4	1,6	0,6	5,7	0,3	0,1
17,01	6,44	11.60	4,48	27,67	9,67	1,5	1,1	1,9	1,6	0,9	1,6
58,13	22,02	60,81	23,48	53,08	18,56	6,0	5,9	5,3	5,5	4,7	3,1
2,88	1,09	4,86	1,88	5,01	1,75	0,2	0,3	0,2	0,3	0,4	0,3
506,34	191,79	601,74	232,34	714,09	249,68	45,3	48,6	48,4	47,5	46,6	42,
32,19	12,19	35,83	13,83	62,39	21,82	1,3	1,2	2,9	3,0	2,8	3,
14,27	5,41	15,16	5,85	19,93	6,97	0,8	0,5	1,3	1,4	1,2	1,2
228,41	86,52	224,65	86,75	336,61	117,70	31,8	24,1	21,9	21,5	17,4	20,0
7,31	2,77	8,52	3,29	13,33	4,66	0,8	0,8	0,7	0,6	0.7	0,8
5,49	2.08	8,62	3.33	12,64	4,42	0,3	0,4	0,4	0,5	0,7	0,7
7,85	2,97	13,23	5,11	11,51	4,02	0,1	0,2	0,4	0,7	1,0	0,7
33,76	12,79	57,51	22 20	77,77	27,19	3,5	3,4	4,4	3,2	4,5	4.6
22,18	8,40	29,46	11,37	50,82	17,77	1,2	1,1	1,8	2,1	2,2	3,0
10,31	3.91	13,54	5,23	18,14	6,34	0,6	0,5	0,8	1,0	1,0	1,1
7,78	2,95	9,15	3,53	21,16	7,40	0,4	0,3	0,7	0,7	0,7	1,3
27,05	10,25	43,75	16,89	63,33	22,14	2,0	2,0	2,3	2,5	3,4	3,8
3,11	1,18	7,09	2,73	34,15	11,94	0,6	0,2	—	0,3	0,6	2,0
55,88	21,17	88,55	34,19	116,70	40,81	2,9	3,7	4,5	5,3	6,8	6,9
0,28	0,11	0,13	0,05	0,53	0,19	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0
2,03	0,77	7,81	3,02	13,93	4,87	0,0	0,1	0,0	0,2	0,6	0,8
1,27	0,48	2,43	0,94	4,09	1,43	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2
1065,63	403,65	1291,59	498,69	1688,77	590,48	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
12,74	4,82	3,14	1,21	18.69	6,53	—	—	—	—	—	—
1078,37	408,47	1294,73	499,90	1707,46	597,01	—	—	—	—	—	—

Приложение II

В. Годовой приходо-расходный бюджет рабочих с различ

ной заработной платой в среднем по СССР за 1926 г.

Группы рабочих по величине зараб.	I группа (до 30 р. в м.)		II группа (от 30 до 50 р.)		III группа (от 50 до 70 р.)		IV группа (от 70 до 90 р.)		V группа (от 90 до 110 р.)		VI группа (свыше 110 р.)		I группа	II группа	III группа	IV группа	V группа	VI группа
Число обслед. раб.	5		48		82		84		60		98							
Число иждивенцев в средн. на 1 раб., включ. зарплату	2,89		3,44		3,66		4,22		4,00		4,38							
То же в переводе на взросл. едока	1,90		2,24		2,33		2,68		2,59		2,86							
	В		с		р		е		д		н		е		м			
Статьи бюджета	На 1 рабоч.	На 1 едока	На 1 рабоч.	На 1 едока	На 1 рабоч.	На 1 едока	На 1 рабоч.	На 1 едока	На 1 рабоч.	На 1 едока	На 1 рабоч.	На 1 едока						
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12						
	В червонных						рублях						В %%% к итогу					
А. Приход																		
1. Заработная плата главы	300,80	—	461,11	—	659,94	—	925,21	—	1.184,65	—	1.557,63	—	68,2	73,1	81,6	85,4	91,5	91,2
2. Пособ. гл. по врем. утрате труд.	3,96	—	33,92	—	31,47	—	29,78	—	19,69	—	68,86	—	0,9	5,4	3,9	2,7	1,5	4,0
3. Проч. пособ. гл. по соцстр.	7,20	—	6,57	—	13,80	—	15,14	—	24,48	—	11,62	—	1,6	1,0	1,7	1,4	1,9	0,7
4. Итого зараб. пл. и соц. страх.	311,96	—	501,60	—	705,21	—	970,13	—	1.228,82	—	1.638,11	—	70,7	79,5	87,2	89,5	94,9	95,9
5. Проч. доходы и поступления	115,58	—	126,29	—	104,23	—	106,53	—	57,53	—	64,09	—	26,1	20,1	12,8	9,9	4,5	3,8
6. Всего приход	427,54	—	627,89	—	809,44	—	1.076,66	—	1.286,35	—	1.702,20	—	96,8	99,6	100,0	99,4	99,4	99,7
7. Взято из сбер. ден. и нат.	14,25	—	2,76	—	—	—	6,16	—	8,38	—	5,26	—	3,2	0,4	—	0,6	0,6	0,3
Баланс	441,79	—	630,65	—	809,44	—	1.082,82	—	1.294,73	—	1.707,46	—	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Б. Расход																		
1. Расход на жилище	36,76	19,39	88,53	39,54	90,19	38,71	120,44	45,11	155,05	59,87	171,41	59,93	8,4	14,4	11,3	11,4	11,9	10,1
В том числе:																		
а) Уплачено за площадь	1,38	0,73	24,83	11,08	16,57	7,12	20,50	7,68	27,07	10,45	49,71	17,38	0,3	4,0	2,0	1,9	2,1	2,9
б) Нераспред. расход	3,16	1,67	10,35	4,62	3,15	1,35	6,26	2,34	3,93	1.52	1,42	0,50	0,7	1,7	0,4	0,6	0,3	0,1
в) Расход на строит. и рем.	1,64	0,87	6,45	2,88	15,48	6,65	17,63	6,60	11,60	4,48	27,67	9,67	0,4	1 0	2,0	1,6	0,9	1,6
г) „ „ топливо	28,81	15,20	39,15	17,48	45,93	19,71	59,18	22,16	60,81	23,48	53,08	18,56	6,6	6,3	5,7	5,5	4,7	3,1
д) „ „ осв. мат.	1,04	0,55	1,95	0,87	1,53	0,66	2,80	1,05	4,86	1,88	5,01	1,75	0,2	0,3	0,2	0,3	0,4	0,3
2. Питание	209,27	110,37	306,47	136,82	391,12	167,86	509,10	190,67	601,74	233,34	714,09	249,68	47,7	49,5	48,8	47,6	46,6	42,3
3. Спиртные напитки	5,80	3,06	5,70	2,54	22,12	9,49	32,21	12,06	35,83	13,83	62,39	21.82	1,3	0,9	2,8	3,0	2.8	3,7
4. Табак, папиросы и спички	2,79	1,47	2,72	1,21	10.83	4,65	14,31	5,36	15,16	5,85	19.93	6,97	0,6	0,4	1,4	1,3	1,2	1,2
5. Одежда	148,13	78,13	149,88	66.91	175.16	75,18	230,92	86,48	224,65	86,75	336,61	117,70	33,8	24,2	21,8	21,6	17,4	20,0
6. Стирка и мыло	4,20	2,21	5,39	2,40	5,90	2,53	7,27	2,73	8,52	3,29	13,33	4,66	1,0	0,8	0,7	0,6	0,7	0.8
7. Гигиена	1,08	0,57	2,48	1,11	3,42	1,47	5,39	2.02	8,62	3.33	12,64	4,42	0,2	0,4	0,4	0,5	0,7	0,7
8. Лечение	0,21	0,11	1,49	0,67	3,31	1,42	7,28	2,73	13,23	5,11	11,51	4,02	—	0,2	0,4	0,7	1,0	0,7
9. Хоз. вещи и украш. жилища	10,29	5,43	16,42	7,33	34,66	14,88	34,47	12,91	57,51	22,20	77,77	27,19	2.3	2,7	4.3	3,2	4.5	4,6
10. Культ.-просвет. расходы	2,84	1,50	6,29	2,81	13,69	5,88	21,99	8,23	29,46	11,37	50,82	17,77	0,6	1,0	1,7	2,1	2,2	3,0
В том числе:																		
а) Книги, журн., лекц.	2,14	1,13	2,85	1,27	6,81	2,92	10,30	3,86	13,54	5,23	18,14	6,34	0,5	0,5	0,8	1,0	1,0	1,1
б) Театры и развл.	0,42	0,22	1,69	0,75	4,96	2,13	7,63	2,86	9,15	3,53	21,16	7,40	0,1	0,3	0,6	0,7	0,7	1,3
11. Обществ.-политич. расх.	5,58	2,94	11,95	5,33	18,19	7,81	27,25	10,21	43,75	16,89	63.33	22,14	1,3	1,9	2,3	2,5	3,4	3,8
12. Уплачено долгу	2,43	1,28	0,52	0.23	—	—	3 15	1,18	7,09	2,73	34,15	11,94	0,6	0,1	—	0.3	0,6	2,0
13. Прочие расходы	8,91	4,70	20,28	9,05	32,74	14,04	54,42	20,38	88,55	34,19	116,70	40,81	2,1	3,4	4,0	5,1	6,8	6,9
В том числе:																		
а) Религия	0,92	0,49	0,64	0,29	0,45	0,19	0,28	0,10	0,13	0,05	0,53	0,19	0,2	0,1	0,1	—	0,0	0.0
б) Налоги	—	—	0,34	0,15	0,14	0,06	2,01	0,75	7,81	3,02	13,93	4,87	—	0,1	—	0,2	0,6	0,8
14. Невыясн. расход	0,55	0,29	0,61	0,27	0,83	0,36	1,19	0,45	2,43	0,94	4,09	1,43	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2
15. Всего расход	438,84	231,45	618,73	276,22	802,16	344,28	1.069,39	400,52	1.291,59	498,69	1.688,77	590,48	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
16. Остаток ден. и натурой	2,95	1,56	11,92	5,32	7,28	3,12	13,43	5,03	3,14	1,21	18,69	6,53	—	—	—	—	—	—
Баланс	441,79	233,01	630,65	281,54	809,44	347,40	1.082,82	405,55	1.294,73	499,90	1.707,46	597,01	—	—	—	—	—	—

Приложение III

С. Годовой приходо-расходный бюджет рабочих с различной заработной платой в среднем по СССР за 1926 г.

Группы рабочих по величине зараб.	I группа (до 30 руб. в мес.)		II группа (от 30 до 50 р.)		III группа (от 50 до 70 р.)		IV группа (от 70 до 90 р.)		I группа	II группа	III группа	IV группа
Число обследов. рабочих	21		27		23		4					
Число обсл. иждив. в средн. на 1 раб. (включая заработок)	1,28		2,17		2,01		2,37					
То же в переводе на взрослого едока	0,87		1,51		1,29		1,61					
	В		с р е д		н е м							
Статьи бюджета	На 1 рабоч.	На 1 едока	На 1 рабоч.	На 1 едока	На 1 раб.	На 1 едока	На 1 раб.	На 1 едока				
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	В ч е р в о н н ы х				р у б л я х				В %%% к итогу			
А. Приход												
1. Заработная плата членов семьи	272,88	—	441,10	—	658,05	—	922,97	—	83,7	85,7	90,4	94,9
2. Пособия чл. семьи по врем. утр. трудоспособ.	0,78	—	18,76	—	31,46	—	12,07	—	0,2	3,6	4,3	1,2
3. Прочие пособия чл. семьи по соц. страхованию	22,70	—	12,94	—	9,23	—	—	—	7,0	2,6	1,3	—
4. Итого зараб. плата и соц. страх.	296,36	—	472,80	—	698,74	—	935,04	—	90,9	91,9	96,0	96,1
5. Прочие доходы и поступления	27,46	—	41,40	—	29,46	—	31,37	—	8,4	8,1	4,0	3,3
6. Всего приход	323,82	—	514,20	—	728,20	—	966,41	—	99,3	100,0	100,0	99,4
7. Взято из сбереж. ден. и натурой	2,28	—	0,12	—	—	—	5,53	—	0,7	—	—	0,6
Баланс	326,10	—	514,32	—	728,20	—	971,94	—	100,0	100,0	100,0	100,0
Б. Расход												
1. Расход на жилище	33,39	38,38	57,17	37,86	60,45	46,86	123,94	76,98	10,2	11,5	8,4	12,8
В том числе:												
а) Уплачено за площадь	2,49	2,86	15,26	10,11	10,33	8,01	50,06	31,09	0,8	3,0	1,4	5,2
б) Нераспред. расход	0,31	0,36	7,03	4,66	16,72	12,96	—	—	0,1	1,4	2,3	—
в) Расход на строит. и ремонт	8,61	9,90	5,54	3,67	10,88	8,43	2,04	1,27	2,0	1,1	1,5	0,2
г) „ „ топливо	17,58	20,21	23,33	15,45	16,90	13,10	30,79	19,12	5,4	4,6	2,3	3,2
д) „ „ осв. материалы	0,60	0,69	1,48	0,98	1,59	1,23	5,09	3,16	0,2	0,3	0,2	0,5
2. Питание	137,53	158,08	228,14	151,09	321,90	249,53	426,17	264,70	42,2	45,3	44,6	43,9
3. Спиртные напитки	4,01	4,61	11,02	7,30	26,69	20,69	32,36	20,10	1,2	2,2	3,7	3,3
4. Табак, папиросы, спички	3,40	3,91	4,27	2,83	8,89	6,89	13,53	8,40	1,0	0,8	1,2	1,4
5. Одежда	96,20	110,57	119,53	79,16	159,44	123,60	158,69	98,57	29,9	23,8	22,1	16,3
6. Стирка и мыло	1,80	2,07	3,88	2,57	4,61	3,57	8,30	5,16	0,5	0,7	0,7	0,9
7. Гигиена	1,64	1,89	2,63	1,74	3,67	2,84	8,01	4,98	0,5	0,5	0,5	0,8
8. Лечение	0,41	0,47	0,78	0,52	3,60	2,79	23,66	14,70	0,1	0,2	0,5	2,4
9. Хоз. вещи и украш. жилища	14,77	16,98	27,80	18,41	35,50	27,52	13,17	8,18	4,5	5,5	4,9	1,4
10. Культ.-просвет. расходы	5,41	6,22	6,70	4,43	16,76	12,99	26,44	16,42	1,6	1,3	2,3	2,7
В том числе:												
а) книги, журналы, лекции	2,27	2,61	2,34	1,55	4,52	3,50	10,45	6,49	0,7	0,5	0,6	1,1
б) театры и развлечения	2,07	2,38	2,40	1,59	10,22	7,92	11,62	7,22	0,6	0,5	1,4	1,2
11. Обществ.-политич. расходы	8,83	10,15	11,13	7,37	16,91	13,11	21,73	13,50	2,7	2,2	2,3	2,2
12. Уплачено долгу	5,45	6,27	2,85	1,89	4,36	3,38	12,93	8,03	1,7	0,6	0,6	1,4
13. Прочие расходы	11,98	13,76	26,38	17,47	56,14	43,53	97,45	60,52	3,7	5,2	7,9	10,1
В том числе:												
а) Религия	0,03	0 03	0,45	0,30	0,34	0,26	0,29	0,18	—	0,1	—	0,0
б) Налоги	0,25	0,29	0,23	0,15	1,44	1,12	2,50	1,55	0,1	—	0,2	0,3
14. Невыясненный расход	0,51	0,59	0,95	0,63	2,05	1,59	3,53	2,19	0,2	0,2	0,3	0,4
15. Всего расход	325,33	373,95	503,23	333,27	720,97	558,89	969,91	602,43	100,0	100,0	100,0	100,0
16. Остаток деньгами и натурой	0,77	0,88	11,09	7,34	7,23	5,61	2,03	1,26	—	—	—	—
Баланс	326,10	374,83	514,32	340,61	728,20	564,50	971,94	603,69	—	—	—	—

Годовые нормы потребления продуктов питания в среднем на 1 взрослого рабочего (В фунтах

Группы рабочих по величине[1] заработка	I	II	III	IV	V
Число обслед. рабочих	26	75	105	88	60
„ „ душ	39	211	331	337	230
То же в перев. на взр. едока	26,16	139,60	209,99	220,94	152,78
Коэфиц. пер. ед. в душ.	1,50	1,51	1,57	1,58	1,54
	1	2	3	4	5
Название продуктов	Количество				
1. Мука ржаная	168,94	205,00	144,92	82,66	24,98
2. Хлеб ржаной	53,36	71,46	73,75	124,72	247,62
Итого 1—2	222,30	276,46	218,67	207,38	272,60
3. Мука пшеничная и прочая	406,51	302,47	350,98	310,00	140,85
4. Хлеб пшеничный и смешанный	86,41	105,63	133,72	205,34	348,03
Итого 3—4	492,92	408,10	484,70	515,34	488,88
5. Макароны и вермишель	2,26	2,13	3,56	5,28	8,37
6. Крупа	23,37	58,96	36,65	33,65	45,51
Всего хлебных продуктов	740,98	745,99	743,91	762,80	815,88
7. Картофель	319,87	349,68	296,04	332,87	369,12
8. Прочие овощи	72,64	86,35	99,08	118,29	146,56
Итого 7—8	392,51	436,03	395,12	451,16	515,68
9. Грибы, ягоды	5,54	4,09	5,80	6,32	6,86
10. Фрукты	46,71	73,72	53,86	79,54	125,37
Итого 9—10	52,25	77,81	59,66	85,86	132,23
11. Масло постное	11,72	19,72	11,87	11,37	13,67
12. Сахар	38,71	41,94	40,60	41,40	48,07
13. Прочие сладости	3,20	3,14	4,72	7,01	6,79
Итого 12 - 13	41,91	45,08	45,32	48,41	54,86
14. Чай и кофе	0,67	0,68	0,86	0,82	0,98
Всего прод. раст. происх.	1.240,04	1.325,31	1.256,74	1.360,42	1.533,30
15. Мясо всякое и сало	92,04	85,40	122,30	162,56	194,73
16. Рыба свежая	6,03	5,20	11,50	13,69	15,61
17. „ прочая	9,83	13,54	12,62	17,21	20,87
Итого 16—17	15,86	18,74	24,12	30,90	36,48
18. Молоко	106,05	144,28	334,52	286,64	287,91
19. Масло сливочное	1,55	2,66	5,01	7,12	8,77
20. „ топленое	4,45	2,92	4,07	3,90	2,62
21. Прочие молочные продукты	7,15	6,31	12,81	10,95	9,63
Итого 18—21	119,20	156,17	356,41	308,61	308,93
22. Яйца	7,88	8,76	11,95	12,96	15,78
Всего прод. жив. происх.	234,98	269,07	514,78	515,03	555,92
23. Соль	24,08	21,45	23,76	24,06	17,88
24. Прочие прод. питания	13,93	11,24	10,43	11,25	8,83
Всего продуктов питания	1.513,03	1.627,07	1.805,71	1.910,76	2.115,93

[1] Наименование групп см. в приложении I.

Приложение IV

(едока) в группах с различной заработной платой[1] (в среднем по СССР за 1926 г.) и черв. руб.)[2]

VI	I	II	III	IV	V	VI
98 417 277,26 1,53						
6	7	8	9	10	11	12
	Стоимость					
38,51	6,63	8,49	5,54	3,09	1,24	1,64
173,57	2,13	2,85	3,14	5,19	9,98	7,99
212,08	8,76	11,34	8,68	8,28	11,22	9,63
104,68	28,52	25,89	25,49	23,35	14,04	12,34
309,64	8,46	10,21	13,51	20,09	15,56	32,82
414,32	36,98	36,10	39,00	43,44	49,60	45,16
8,13	0,52	0,46	0,78	1,11	1,82	1,74
40,36	2,36	5,16	3,58	3,56	4,69	4,53
676,05	48,65	53,14	52,14	56,66	67,41	61,37
350,94	5,52	5,92	5,83	7,07	7,16	7,55
173,26	4,12	4,86	6,12	8,02	10,04	12,01
524,20	9,64	10,78	11,95	15,09	17,20	19,56
9,26	1,17	0,99	1,28	1,27	1,37	2,02
150,66	3,99	4,56	5,49	6,27	7,30	11,73
159,92	5,16	5,55	6,77	7,54	8,67	13,75
13,60	2,68	4,35	2,71	2,62	2,92	3,02
51,83	11,14	12,14	11,67	12,08	12,91	14,25
12,43	1,83	1,90	2,88	3,73	4,37	7,27
64,26	12,97	14,04	14,55	15,81	17,28	21,52
1,32	1,89	2,05	2,57	2,53	3,07	4,17
1.439,35	80,99	89,91	90,69	100,25	116,55	123,39
196 01	23,45	23,72	34,56	44,90	60,18	65,89
21,71	1,02	0,98	2,13	2,36	2,94	3,81
21,71	2,15	2,93	3,21	3,99	5,29	6,36
43,42	3,17	3,91	5,34	6,35	8,23	10,17
255,34	7,35	10,37	23,77	22,94	22,29	20,44
11,55	1,14	1,94	3,68	5,02	6,71	8,77
2,97	3,34	2,35	3,11	2,93	2,20	2,45
18,00	1,62	1,28	2,25	2,59	2,34	4,29
287,86	13,45	15,94	32,81	33,48	33,54	35,95
22,69	3,07	3,26	4,43	4,75	6,23	9,01
549,98	43,14	46,83	77,14	89,48	108,18	121,02
17,91	0 53	0,49	0,56	0,56	0,43	0,47
11,76	3,02	2,41	2,90	3,14	2,63	3,40
2.019,00	127,68	139,64	171,29	193,43	227,79	248,28

[2] В 1926 г. запись рабочими проводилась в фунтах, вследствие чего разработка данных питания также произведена в фунтах.

Приложение V

Годовой расход на предметы одежды, обуви и на мыло в среднем на 1 душу рабочей семьи в группах с различной заработной платой[1] в среднем по СССР за 1926 г.
(В рублях и натуральных единицах)

Группы раб. по велич. заработка	I группа		II группа		III группа		IV группа		V группа		VI группа	
Число обслед. раб. гл. чл.	5/21		48/27		82/23		84/4		60		98	
„ „ душ	39		211		331		337		230		417	
	Колич.	Стоим.	Колич.	Стоим.	Колич.	Стоим.	Колич.	Стоим.	Колич.	Стоим.	Колич.	Стоим.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Название товаров												
Ткани (в метрах)												
Бумажные	14,10	10,53	14,64	9,25	15,55	9,74	14,26	9,14	11,48	9,31	14,97	11,58
Шерстяные	0,59	2,96	0,59	2,76	0,66	2,79	0 81	4,45	0,81	6,45	1,15	6,59
Прочие	0,41	0,42	0,59	0,84	0,54	0,53	0,84	0,89	0,58	0,67	1,01	1,49
Всего	15.10	13,91	15,82	12,85	16,75	13,06	15,91	14,48	12,87	16,43	17,13	19,66
Готовые вещи (в метрах)												
Бумажные	4,62	2,91	1,71	2,38	1,99	2,54	2,26	3,13	1,84	2,44	2,51	3,67
Шерстяные	1,48	11,85	0,54	5,02	0,80	8,47	0,94	9,49	0,59	6,88	0,82	11,37
Прочие	0,23	0,58	0,21	0,77	0,17	0,44	0,22	0,67	0,46	0,91	0,16	0,94
Всего	6,33	15,34	2,46	8,17	2,96	11,45	3,42	13,29	2,89	10,23	3,49	15,98
Ткани и готовые вещи (в метрах)												
Бумажные	18,72	13,44	16,35	11,63	17,54	12 28	16,52	12,27	13,32	11,75	17,48	15.25
Шерстяные	2,07	14,81	1,13	7,78	1,46	11,26	1,75	13,94	1,40	13,33	1,97	17,96
Прочие	0,64	1,00	0,80	1,61	0,71	0,97	1,06	1,56	1,04	1,58	1,17	2,43
Всего ткани и гот. вещей	21,43	29,25	18,28	21,02	19,71	24,51	19,33	27,77	15,76	26,66	20,62	35,64
Вата, трикотаж	—	3,81	—	2,87	—	3,01	—	3,96	—	4,01	—	6,13
Всего текстильн. товаров	—	33,06	—	23,89	—	27,52	—	31,73	—	30,67	—	41,77
Обувь (в парах)	1,49	12,64	1,15	10,32	1,17	11,46	1,21	10,52	1,18	11,81	1,40	14,70
Галоши „	0,65	2,18	0,45	1,66	0,37	1,17	0,37	1,28	0,54	2,70	0,56	2,04
Валенки „	0,31	2,85	0,40	3,60	0,37	3,11	0,29	2,13	0,18	2,47	0,20	1,95
Прочая обувь	—	1,22	—	0,26	—	0,50	—	0,64	—	0,52	—	1,08
Прочие кож. и мех. изд.	—	1,03	—	0,52	—	1,18	—	1,52	—	0,76	—	3,02
Всего одежды и обуви	—	52,98	—	40,25	—	44,94	—	47,82	—	48,93	—	64,56
Расход на шитье	—	2,61	—	2,10	—	1,69	—	2,82	—	2,60	—	5,04
„ „ починку	—	2,30	—	1,95	—	1,98	—	1,89	—	2,36	—	3,30
Мелкие матер. для шитья и поч.	—	1,11	—	1,00	—	1,05	—	1,62	—	1,37	—	2,16
Предметы туалета	—	1,09	—	0,51	—	0,81	—	0,85	—	0,99	—	1,48
Мыло	—	1,28	—	1,35	—	1,34	—	1,30	—	1,43	—	1,60

[1] Название групп см. в приложении I.

Годовое потребление алкогольных напитков и предметов курения в среднем на 1 душу рабочей семьи в группах с различной заработной платой[1] в среднем по СССР за 1926 г. (в натур. един. и рублях)

Группы рабочих по велич. заработка	I гр.	II гр.	III гр.	IV гр.	V гр.	VI гр.	I группа	II группа	III группа	IV группа	V группа	VI группа
Число обслед. раб.	5/21	48/27	82/23	84/4	60	98						
„ „ душ	39	211	331	337	230	417						
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Название товаров	Количество						Стоимость					
А. Всего алког. напитков	3,58	2,70	10,48	9,83	11,48	19,23	2,40	2,30	6,64	7,58	8,96	14,26
В том числе:												
водка (в бут.)	1,22	0,82	2,46	3.34	4,08	6,03	1,68	1,17	3,44	4,53	5,79	8,23
вино „	0,05	0,26	0,61	0,73	0,53	1,00	0,09	0,48	1,06	1,18	0,97	1,81
пиво „	2,29	1,61	7,38	5,26	6,81	12,04	0,59	0,50	2,00	1,49	1,92	3,56
Б. Предметы курения	—	—	—	—	—	—	1,57	1,01	3,08	3,39	3,80	4,56
Табак (в граммах)	4	4	8	8	8	12	4	4	8	8	12	20
Махорка „	1,31	0,60	1,46	1,84	2,16	0,84	0,70	0,32	0,76	0,93	1,17	0,43
Папиросы (в сотнях)	0,70	0,58	2,70	2,85	2,67	5,08	0,47	0,39	1,82	1,92	1,96	3,60
Спички (в коробках)	20,00	15,00	23,00	24,00	32,00	22,00	0,31	0,27	0,34	0,37	0,49	0,35

[1] Название групп см. в приложении 1.

Приложение VII

Годовой расход на хозяйственные вещи в среднем на 1 душу рабочей семьи с различной заработной платой[1] в среднем по СССР за 1926 г. (в рублях)

Группы рабочих по величине заработка	Группы					
	I	II	III	IV	V	VI
Число обследуемых рабочих	5/21	48/27	82/23	84/4	60	98
„ „ душ	39	211	331	337	230	417
	1	2	3	4	5	6
Название товаров						
1. Мебель и обстановка	1,04	1,69	2,85	2,42	4,88	5,95
2. Спальные принадлежности	1,36	0,15	0,57	0,52	0,17	1,07
3. Посуда и кухон. принадл.	1,64	1,31	2,07	1,86	2,65	3,67
4. Проч. инвент. и хоз. мел.	2,00	2,41	3,55	2,43	5,73	5,12
5. Украшение жилища	0,31	0,49	0,69	0,34	0,44	1,47
Всего . . .	6,35	6,05	9,73	7,57	13,87	17,28
Ремонт хоз. вещей	0,16	0,25	0,45	0,54	0,44	0,83

Из предметов сельскохозяйственной продукции резко падает относительный расход на продукты зернового хозяйства и растут расходы на продукты мясного и молочного хозяйства. В промышленной группе бросается в глаза относительное снижение доли расходов на одежду и обувь и относительный рост расходов на спиртные напитки (особенно интенсивно), табачные изделия и предметы обстановки и хозяйственную утварь.

Из приведенных таблиц очевидно, таким образом, что с ростом зарплаты характер рабочего спроса совершенно перестраивается. Однако, на вопрос о том, под влиянием каких факторов в каждой отдельной группе он формируется так, а не иначе, приведенные группировки не могут дать полного ответа. Для этого следует подвергнуть, разумеется, на значительно более глубоком материале, изучение рабочего потребления дальнейшему углублению и прежде всего найти зависимость потребления от культурного уровня рабочей семьи и от относительного уровня цен. С этой точки зрения мы находимся пока еще в самом начале работ по исследованию факторов рабочего потребления.

[1] Название групп см. в приложении I.